Генерал Г.И. Квинитадзе ВОСПОМИНАНИЯ

YMCA-PRESS

Генерал Г. И. Квинитадзе

ВОСПОМИНАНИЯ

1917 - 1921

Генерал Г. И. Квинитадзе

Мои воспоминания
в годы независимости Грузии
1917 - 1921

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
75005 Paris
1985

ISBN 2-85065-070-6

ОБ АВТОРЕ

Я познакомился с генералом Квинитадзе и с его милой семьей в 1946г., часто бывал в их доме в Шату, под Парижем, до моего отъезда в Соединенные Штаты в 1949г. Это были уютные обеды с зажженными на столе свечами; после обеда Георгий Иванович рассказывал эпизоды из своего прошлого.

Так, например, 16 февраля 1916г., когда пал Эрзерум, генерал Юденич обратился к стоящему рядом с ним ген. Квинитадзе со словами: "Георгий Иванович, поручаю вам, как грузину, первым войти в Эрзерум".

Георгий Квинитадзе происходил из грузинского рода Чиковани. Когда в 1830г. русские войска вошли в Имеретию, дед Георгия Ивановича, Симон Чиковани, ушел в Турцию в свите имеретинского царя Симеона. Его сын Иван, отец Георгия Ивановича, был оставлен в Грузии, в семье князей Цицишвили. Со времени присоединения Грузии к России, грузины охотно поступали в русские военные школы и в ряды русской императорской армии. Это давало им возможность участвовать в военных действиях против турок и персов, вековых врагов Грузии. Русская армия пополнялась грузинами, несмотря на нанесенное их национальному чувству оскорбление, после того, как договор 1783г. между императрицей Екатериной II и царем Ираклием был заменен в 1801г. простым присоединением к России, превращением грузинского царства в русские губернии. В возрасте 13-ти лет, переменив свою фимилию на Квинитадзе, Иван поступил в русскую армию и сделал блестящую карьеру. Он владел многими языками и ему давали особые поручения. Так, он был назначен сопровождать Александра Дюма во время его путешествия по Кавказу.

Георгий Квинитадзе родился в 1874г. в Дагестане. В десятилетнем возрасте он поступил в Тифлисский Кадетский Корпус, потом окончил Константиновское Пехотное Училище в Петербурге, после производства в 1894г. в офицеры служил в 153-м Владикавказском полку, а затем в Царстве Польском. В 1904г., во время японской войны, Г.И. Квинитадзе, по его желанию, был командирован на Дальний Восток, где получил боевое крещение и военные отличия. В 1910г., уже капитаном, Георгий Иванович окончил Академию Генерального Штаба и был причислен к Штабу Кавказского Военного Округа. Во время Первой мировой войны полковник Квинитадзе был начальником штаба новосформированной 4-ой Кавказской Стрелковой Дивизии, в рядах которой участвовал в осаде и штурме крепости Эрзерум, за что получил орден Св. Георгия 4-ой степени, а затем Георгиевское оружие.

В 1917г. революция и развал императорской армии застали Г.И. Квинитадзе в чине генерал-майора генерального штаба, георгиевским кавалером и опытным военачальником, пользующимся всеобщим доверием и уважением.

С образованием грузинского государства в 1918г., Георгий Иванович, как грузинский патриот, посвятил все свои силы и знания созданию грузинского Военного Училища. Грузинское правительство неоднократно назначало генерала Квинитадзе на должность командующего грузинскими военными силами, а затем увольняло его. У правительства и у главнокомандующего были совершенно разные взгляды на меры, которые следовало принимать при затруднениях. Генерал Квинитадзе стоял за проявление инициативы, власти, за наступление, имевшее своею целью победу, тогда как правительство шло на соглашения, компромиссы и уступки армянам, туркам и Советам.

Несомненно, имя генерала Квинитадзе войдет в историю русской императорской армии как пример доблестного военачальника, а в историю Грузии – как истинного патриота, сохранившего дух и исторические традиции многострадальной Грузии.

Генерал Квинитадзе скончался в Шату 7-го августа 1970г. в возрасте 96 лет.

Кн. Теймураз Багратион-Мухранский
Нью-Йорк, 5-го января 1985г.

Мои воспоминания посвящаю
моей незабвенной супруге
МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЕ,
истой грузинке и матери семьи.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои воспоминания касаются событий, происшедших в Грузии со дня революции 1917 года по день подписания мира правительством Н. Жордания с завоевателем, в Самтреди 16-го марта 1921 года.

За это время я неоднократно был поставлен во главе грузинских войск.

Ввиду того, что события эти были описаны как в иностранной прессе, так и в грузинской тенденциозно и неверно, я счел себя обязанным написать мои воспоминания в 1922 году по приезде в Париж.

Читая мои воспоминания внимательно, читатель увидит деятельность наших правителей, может быть, и обуреваемых благими намерениями, но лишь мечтателей своих юношеских увлечений и копировавших великую Французскую революцию 1789 года, и то лишь по внешности.

Грузинские социал-демократы состояли членами русской социал-демократической партии, вследствие чего во время революции легко захватили действительную власть в Совете рабочих и солдатских депутатов, сначала в Закавказье, а затем в Закавказской республике и, наконец, в Грузии.

Весной 1918 года наши правители, несмотря на приглашение, отказались поехать в Брест-Литовск при заключении Брест-Литовского договора, навязанного немцами русским большевикам, под тем предлогом, что Закавказье составляет неотъемлемую часть России. Казалось бы, именно под этим предлогом они должны были принять приглашение, если хотели говорить об интересах Грузии.

Предлог был неверен, ибо Украина и Польша уже отделились от России, где уже разыгрывалась гражданская война, закончившаяся лишь в 1920 году победой большевиков.

По Брест-Литовскому договору Закавказье потеряло Карс, Ардаган и Батуми, переданные Турции.

Закавказская республика вступила в переговоры с турками в Трапезунде, а затем в Батуми, желая сохранить эти области.

24-го мая 1918 г. турки предъявили нашим правителям ультиматум признать условия Брест-Литовского договора, угрожая начать военные действия.

Вследствие этого ультиматума нашим правителям пришлось, для создания нового фактора для продолжения переговоров, объявить 26 мая независимую республику Грузию (см. Авалишвили[1] „Независимость Грузии", стр. 59).

В дальнейших переговорах с турками нашим правителям пришлось заключить с турками договор, по которому мы уступаем туркам еще Ахалцихе и Ахалкалаки. 4-го июня 1918 года договор подписан первым председателем Грузинского Правительства Н. Рамишвили, Г. Гвазава, Г. Рцхиладзе, ген. И. Одишелидзе (Договор дружбы и мира с Турцией).

С 1917 года, со дня революции, наши правители обещали армянским представителям передать им области, где большинство населения было армянское, т. е. Борчало и Ахалкалаки.

Отказавшись от исполнения этих обещаний, нашим правителям пришлось вести войну с атаковавшей нас Арменией. Нам удалось отразить нападение и даже начать преследование армянских войск, когда вмешались иностранцы (два капитана) и потребовали прекратить военные действия.

Армяне атаковали нас 8 декабря 1918 года. Эти иностранцы не вмешались и не остановили напавших на нас армян, но в конце этого месяца, когда мы не только отразили армян, но и начали их преследовать, они вмешались и остановили военные действия. Конечно, нужно было продолжать военные действия.

Интересен результат этой войны. Наши правители, несмотря на наш успех, согласились признать нашу область Борчало спорной полосой.

Эта область исстари всегда принадлежала Грузии; земли этой области принадлежат грузинским помещикам Орбелиани, Бараташвили, Меликишвили, Сагинашвили, Магалашвили и др.

Армяне в этой области составляли большинство, ибо это были беженцы из Турции. После каждой войны России с Турцией турецкие армяне-беженцы вселялись русскими властями не только в эту область, но и в Карталинию и Кахетию. После Крымской войны 1853-55 годов их вселили 90.000.

Казалось бы, можно было предложить армянам, ибо образовалась Армения, переселить армян из этой области в Армению, но землю, принадлежавшую грузинам, не отдавать и не делать спорной.

---

[1] Многие грузинские имена , оканчивающиеся на „швили", часто писались до революции с окончанием „св" или „ов".

Вообще наши правители очень легко относились к искони грузинским землям. Так Закатали они передали Азербайджану; Ардаган, старая грузинская земля, которую в 1919 году, после восстания Ахалцихе и Ахалкалаки, мы вернули в орбиту Грузии, они передали армянам. Область, населенную грузинами-мусульманами и русскими поселениями, они передали армянам, никакого права не имевшим на эту область и имевшим в Ардагане лишь несколько армянских лавок.

Читателю не трудно увидеть, что наши правители не руководствовались государственными интересами и раздавали наши области, как раздает человек, неожиданно получивший громадное наследство и раздающий свое состояние всем, кто умело испрашивал у него подарки.

В 1920 году нам удалось отразить первое нападение большевиков; мы начали преследование и были уже под Акстафой, когда Председатель Правительства Н. Жордания остановил войну и вступил в переговоры с большевиками.

Это был единственный, исключительно благоприятный случай освобождения Азербайджана и Армении от завоевавших их большевиков, и мы могли очистить от них все Закавказье, а может быть и Дагестан; это был 1920 год, когда Польша вела войну с Россией и генерал Врангель вышел из Крыма.

Поразительно и непонятно поведение наших правителей. Как можно быть во главе управления государством и допускать такие ошибки? Ошибки ли?

Во внутренней политике главная забота правящих была: насаждение в народе социализма, меры против несуществующей контрреволюции и защита так называемых завоеваний революции.

Читатель и здесь увидит смешные мероприятия, как например, „дворец рабочих" на главной улице Тбилиси, куда никто из рабочих не пришел, или цена хлеба для рабочих 5 руб. за фунт, когда обыватель платил 150 рублей.

Конечно, нельзя быть против некоторых положений социализма, как например, улучшение быта рабочих и крестьян. но эти мероприятия скорее здравого смысла, чем специально социалистического характера. Нельзя обвинить Генриха IV в социализме, как всякого помещика, заботящегося об улучшении быта своих крестьян.

Меры против несуществующей контрреволюции и для защиты завоеваний революции привели к созданию правящими Гвардии, сначала красной, потом народной, этой аномалии вооруженной организации.

В Грузии никто не думал быть против революции и ее завоеваний, ибо создание национальной грузинской единицы было исполнением тайных вожделений всякого грузина. Таких чувств, как передача дворянством (банком) своего имущества Национальному Собранию, правящие не поняли, ибо они были слишком проникнуты учениями материализма. Да и Н. Жордания в своих воспоминаниях

„Мое прошлое" говорит, что в их среде национальный вопрос никогда не стоял.

Боязнь контрреволюции и потери завоеваний революции привели к тому, что количество Гвардии, вопреки изданному закону, они довели до 24 батальонов, что было в ущерб армейской организации.

Здесь я должен еще добавить о подражании некоторым республиканским обычаям. В то время когда в соседних Закавказских государствах во главе военной организации мы видели в Азербайджане генералов Мехмандарова и Шихлинского, а в Армении ген. Назарбегова, наши правящие ставили военным министром то народного учителя, то адвоката, то земского деятеля, то врача, лишь бы во главе стоял социал-демократ. И вот один из них, при ком я был помощником и в присутствии кого, отправляя один батальон, я сказал командиру батальона, чтобы он взял с собой два орудия, спросил меня: „Георгий Иванович, два орудия это сколько пушек?" – И вот, „строитель" и „управляющий" войсками.

Создание Гвардии, как военной организации, было одной из главных, если не самой главной, причин нашей катастрофы. Гвардия на полях сражений или отказывалась воевать, или оставляла поле сражения, даже выигранного. Так было и в Армяно-Грузинскую войну 1918 года, и в Ахалцихском походе 1919 года, и в первой войне против большевиков в 1920 году в Хашурском бою, когда, несмотря на наше успешное наступление, Гвардия самовольно снялась с поля сражения и ушла в Ципу, по другую сторону Сурамского хребта.

Гвардия, как привилегированная организация, быстро превратилась в преторьянцев, от чего страдала страна. Вот до чего доводит слепое исполнение своих увлечений.

Даже теперь, в 1961 году, после 40-летнего пребывания за границей, социал-демократическая партия продолжает хвастать тем, что в Учредительном Собрании их было 90% и что весь народ шел за ними, так ли это?

В 1914 году Русское Правительство мобилизовало 155.000 грузин. Где были эти 155.000 во время нашей войны против русских в 1921 году?

Несмотря на 90% социалистов в Учредительном Собрании, народ уже не шел за нашими правителями, ибо понял их интернациональный характер управления.

Были повсеместно выступления против правительства. Таковы в Мингрелии, в Душете, в Осетии, в Хеви, в Ахалцихе и Аджарии. Эти выступления усмирялись военной силой, и правительство объясняло их большевистскими выступлениями. Вряд ли население понимало, что такое большевизм и меньшевизм, и разницу между ними.

Народ понял наших правителей и отошел от них, ибо заключение договора 7 мая 1920 года о дружественных взаимоотношениях с нашим прошлым и будущим завоевателем и насадителем русификации в Грузии не могло не открыть глаз населению.

Земельная реформа не удовлетворила крестьян, а в экономическом и финансовом отношениях мы шли к краху.

Правительство среди всех слоев перестало пользоваться авторитетом и, конечно, популярностью. Наши правители не желали создать армию, что было весьма легко исполнить благодаря блестящему и многочисленному офицерству и населению, прошедшему военную службу в русской армии. Наши правители – „адепты мира" – в продолжение 3-х лет вели войны и внутри, и вне. Мы воевали с осетинами, с ахалцихским населением, с аджарцами, а также с Арменией, деникинцами, турками и два раза с русскими. Каждый раз нас застигали врасплох, и мы спасались благодаря блестящему, бескорыстно служившему родине офицерству и патриотизму населения. Читатель увидит, как отблагодарили правящие наше офицерство. Что касается населения, то своим договором мира с большевиками 16 марта 1921 года Н. Жордания предал это население большевикам и всем ужасам большевистской операции. Такова мрачная страница управления Грузией меньшевиками.

Отсутствие литературных средств не дало мне возможности издать мои воспоминания своевременно. Троцкий в своих воспоминаниях откровенно говорит, что, чтобы делать революцию, надо врать. Описывая события в Грузии, я в своих воспоминаниях излагаю их правдиво и это есть моя последняя служба моему народу, испытавшему на себе вранье меньшевистских революционеров.

Chatou, 1961

ВСТУПЛЕНИЕ[1]

Грузия, с 1801 года, составляла часть государства Российского. Она была присоединена к России вопреки международным взаимоотношениям. Александр I, применявший в отношении Польши либеральную политику, нарушил договор с Грузией 1783 года, присоединил ее к России и стал действовать в ней как в завоеванной стране. Отдаваясь под покровительство России грузинский народ рассчитывал вздохнуть от бесконечных войн с мусульманским миром, и надеялся, что с помощью единоверной России он спасет свою веру, свой язык и свою народность. Ожидания его не оправдались. Чем больше страна находилась в руках России, тем сильнее чувствовался завоеватель. Автокефалия Грузинской церкви, вопреки церковным законам, была уничтожена в 1811 году. Грузинская самостоятельная церковь была превращена в одно из епископств Русской церкви и во главе ее, конечно и обязательно, ставился русский с определенной политикой русификации. Русификация Грузии проводилась во всех отраслях жизни народа: суд, администрация, учебные заведения, все, все русифицировалось. Дошли даже до того, что детей нельзя было крестить именами, любимыми и обожаемыми народом, как например, Вахтанг, Тамара, Русудана, Ираклий и т. д. Приходилось крестить именами Ольги, Александра и пр., и я знаю многих, окрещенных этими последними именами, но носивших в общежитии старые грузинские имена. Я не буду распространяться о всех мероприятиях, направленных к постепенному уничтожению всего, что носило печать грузинского. В общем этими мероприятиями до-

[1] Эти записки были написаны в 1922 г., но дополнены автором и позже, на основании новых документов.

стигли того, что культура, образование, искусства, промышленность и пр. были в руках русских и народ грузинский стал отставать в своем развитии. Естественно, такое отношение к грузинскому народу вызвало с его стороны противодействие. Во многих местах Карталинии и Кахетии неоднократно поднималось знамя восстания, а Имеретия, не признавшая манифеста 1801 года, была покорена и царь Соломон кончил свою жизнь изгнанником в Турции; так же кончил свою жизнь царевич Александр, не признавший власти России и находившийся в вечной войне с русскими властями. Мечта о политической независимости Грузии никогда не умирала в народе.

Во второй половине 19-го века среди него появились поэты, беллетристы, писатели, художники, проникнутые любовью к родине, и в грузинском обществе постепенно, сильнее и сильнее утверждалось патриотическое течение. Это направление прежде всего проявилось среди грузинского дворянства, всегда отличавшегося особенной любовью к своей родине, исстари стоящего на страже сохранения веры, языка и государственности, и бессчетно пролившего свою кровь для спасения родины от бесчисленных врагов азиатского мира. Тысячелетиями захлебываясь в этих войнах, Грузия прочно сохранила свою народность и донесла ее до 19-го века, когда на нее нагрянула новая опасность – русификация. Казалось, не было спасения. Но любовь к родине, к своей народности спасли ее от окончательной гибели. Александр Чавчавадзе, Григорий Орбелиани, Акакий Церетели, Рафаил Эристави, Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела и целая плеяда наших поэтов, писателей, артистов, а также художников всегда будут светочами, освещающими наше национальное пробуждение. Имена же наших военных героев, Чавчавадзе, Чолокашвили, Амираджиби, Амилахвари, Андроникашвили, Орбелиани и др. всегда будут ярким доказательством военной доблести и внутренней мощи грузинского народа. Народ пробуждался, несмотря на все мероприятия Русского Правительства.

Однако, наряду с этим направлением, появилось движение, которое нельзя не отметить, как чрезвычайно пагубное для Грузинской государственности. Народилась новая интеллигенция. Это была наша молодежь, получившая образование главным образом в русских школах и университетах. Частью, довольно значительной, она находилась под влиянием русской школы, и воспитываясь и обучаясь с русской молодежью, она естественно восприняла от нее те мысли и учения, которыми была пропитана русская интеллигенция середины и второй половины 19-го века. Среди этой молодежи значительная часть заразилась столь привлекательным и заманчивым учением социализма, но русского, с большой дозой интернационализма и нигилизма. Другая ее часть находилась под влиянием наших патриотов писателей, и мысли о пробуждении народа, мысли независимости засели прочно в их умах. В простом народе историческое прошлое не прошло даром и в нем бродили мысли об освобождении и независи-

мости. Несмотря на более чем 100-летнее господство русских властей, ни в обществе, ни в народе не чувствовалась склонность к русской культуре, наоборот, чувствовалась все большая и большая отчужденность от нее, и естественно от ее носителя, от русского народа. Причину надо искать в неправильной политике русского правительства и внутренней силе грузинского народа, веками привыкшего сопротивляться всему чужеземному.

Социалистическая часть интеллигенции, как вышедшая большею частью из рядов простого народа и руководившаяся идеями марксизма, идеями классовой борьбы, была, к сожалению, лучше организована, как находившаяся в рядах российских оппозиционных кругов. Они принимали участие в революционной борьбе и выступали активными деятелями 1905-го года; десятки и сотни их поплатились ссылкой в Сибирь. Не трудно понять, что благодаря их организованности и заманчивым идеям социализма, они пользовались в народе весьма большой популярностью, особенно в Западной Грузии. Когда в Грузии по телеграфу получили известие о революции, власть в Грузии легко перешла в их руки, главные же лидеры их продолжали оставаться в Петрограде и руководили революцией. Принцип единого всероссийского фронта не сходил с их уст, и они продолжали свое дело классовой, и только классовой, борьбы. Надо все же отметить: несмотря на интернациональность их учения и руководивший ими принцип классовой борьбы, в большей части этой группы, в их сердцах далеко не замолк веками вкоренившийся в грузинском народе патриотизм, идея национальной борьбы. Эта идея глухо теплилась в них. Несмотря на это, когда единый, всероссийский социалистический фронт распался под ударами большевиков, они взялись за дело насаждения социализма в своей стране. Как фанатики, их руководители (лидеры) не смогли отрешиться от своих принципов, и они взялись за единение Закавказского государства. Но силой обстоятельств они и здесь потерпели неудачу, после которой обратились к организации Грузинского государства, опять для насаждения социализма.

Что же они встретили в своем народе? Народ между тем постепенно возрождался и давно ждал момента выступить открыто за свое угнетенное право. И час настал. Несмотря на жертвы, которые должны были принести привилегированные классы, несмотря на все стеснения, гонения и даже убийства, которые являлись естественным следствием революции и новых влияний, дворянство, служащие, среди которых главная масса были военные, купечество, промышленники, рабочие, народ, все, все сгруппировались около своих новых вождей. Рабочие шли за своими социалистическими вождями; крестьянство, в котором не заглох патриотизм и в котором бродили идеи независимости, горячо откликнулись на их призыв и, конечно, дворянство, верное своим старым традициям служения народу, а также промышленники и торговый класс, и вся интеллигенция

примкнули к ним. Бескорыстность дворянства, исстари известная любовь к родине должна быть уподоблена классическим примерам древней Греции и Рима. Все горели патриотизмом, желанием принести себя в жертву Родине, и все стремились облегчить работу наших новых вождей. В грузинском народе, в общей массе, не имела места классовая вражда. Всех объединяла любовь к Родине. Это была общая идея всего народа, и, несмотря на интернациональность новых веяний, она была могучим двигателем, охватившим все слои, и сделала то, что Грузия представляла маленький островок некоторого правопорядка и спокойствия среди кровавых бушующих волн беспредельного российского моря. Национальная идея охватывала и наших вождей, представителей социализма, но это пришло не сразу и с большой дозой социалистического направления и только для социалистической Грузии. А работа по организации правопорядка при содействии всех, надо сказать, не была сверхчеловеческая. Эти люди из революционного хаоса, когда „бескровная" революция 1917-го года превратилась в море крови и огня, все же создали подобие государства, в котором как будто были ответственное Правительство и Учредительное Собрание, избранное на новых, всеобщих, равных и тайных началах. Равно насаждены были: суд, администрация, самоуправление на демократических же началах. Правительство стало пользоваться как будто всеобщим уважением, и в стране постепенно наступил некоторый правопорядок, но это надо отнести скорее к свойствам народа, исстари расположенного к сохранению правопорядка и государственности. Народ, повторяю, вначале горячо шел за ними. Наши вожди были представители социалистических партий, социал-демократы (меньшевики) и социал-федералисты; социал-революционеры не имели почвы в народе. Наряду с этими социалистическими партиями существовала партия национал-демократов. Это основные партии нашего народа. Об ответвлении этих партий или, вернее, об их группах я не буду говорить. Во всем, что касалось защиты родины, национальности, правопорядка, эти партии не раз объединялись и их согласованные действия неоднократно спасали нашу страну от анархии. После столетнего владычества России народ остался верен своим старым вкоренившимся в его кровь заветам и вновь пробудившаяся в нем любовь к Родине и самостоятельности не будет сломлена большевизмом, как не сломили наших праотцев ни Шах-Абазы, ни Ага-Магомет ханы. Грузия, как единица национальная, будет существовать и будет развивать свои богатые природные силы вполне самостоятельно, в своем собственном народном духе. Грузия возродилась, она стала на новую стезю своей жизни, ничто уже не остановит ее естественного развития.

*
* *

Относительно вышеназванных партий я должен отметить одно. Партия меньшевиков была преобладающей, они добились того, что 90% состава нашего Учредительного Собрания были меньшевики. Эта доминирующая партия, выросшая и воспитавшаяся на интернациональных идеях, постепенно как бы захватывалась идеями национализма, заражаясь от окружающего ее народа. Войны с окружающими нас народностями лишь способствовали укреплению патриотизма в народе. Характерен один симптоматичный указатель, который я не могу обойти молчанием. В начале революции над бывшим дворцом высшего представителя русской власти на Кавказе, превращенном в дом Учредительного Собрания, развевался красный флаг, этот знак революции и интернационализма. Затем этот флаг был дополнен двумя маленькими национальными флагами, над которыми реял большой красный флаг, и, наконец, эти флаги были заменены одним большим национальным. Эта постепенная смена флагов являлась как бы симптоматичным показателем проникновения наших правящих кругов идеями национализма. Но я не хочу сказать, что правящие круги переродились, далеко нет. Я хочу только отметить, что силою обстоятельств сама жизнь их наводила на правильный путь. Однако они остались с теми же интернациональными идеями и с горечью делали уступки, которых не могли не сделать. Мы увидим их настоящее лицо в их деятельности.

Я должен указать еще на один элемент. Это элемент военный. В жизни каждого государства вооруженные силы имеют громадное значение, а в критические моменты, когда решается его судьба, это значение является преобладающим и армия является вершителем ее судьбы. Так было до сих пор и, я думаю, так будет всегда. Вооруженные силы, армия, есть зеркало души народа, народ в своей вооруженной силе отражает все свои достоинства, все свои недостатки, всю свою культуру, все свое развитие. Это настолько непреложный закон, что по армии, как по термометру, можно всегда сделать верные заключения о степени культурности народа, его мощи и его развитии во всех отраслях жизни. История Греции, Рима и всех новейших государств, так же как и история нашей родины, это ясно и неоспоримо доказывают. Всегда сильная, могущественная армия соответствовала высокому развитию народа, и упадок армии соответственно был показателем и предсказателем грядущего падения государства.

Каков же был материал в Грузии для создания вооруженной силы. Грузия в этом отношении была в чрезвычайно благоприятных условиях; она обладала большим резервом офицеров и солдат, про-

шедших школу и мирного, и военного времени в рядах Русской Армии. Грузинское офицерство в этих рядах всегда занимало выдающееся положение, и ни одна нация, входящая в состав Русского государства, не дала такого относительно большого процента офицеров, как грузинская. Грузины – народ неизбежно воинственный (вечная война с мусульманами), но с одной особенностью: в нем нет агрессивно-завоевательной жилки, которая обыкновенно сопутствует агрессивным народам; грузины воевали всегда не для завоевания и не для войны, а лишь для защиты своей родины, своей национальности и веры; они никогда не начинали войны с завоевательной целью и овладевали той или другой областью с целью лишь обеспечения своих насущных границ и отличались терпимостью к побежденным. В рядах Русской Армии во время войн грузины офицеры сильно выдвигались, и история войн Кавказских, собственно говоря, есть история сынов Грузии. Кажется, нет ни одной грузинской дворянской фамилии, представители которой не были бы на полях сражений. Наряду с плеядой старых громких фамилий были и со скромными фамилиями. Одно примечательно, грузины офицеры выдвигались на высшие должности лишь во время войны. В мирное же время они обыкновенно кончали свою службу на штаб- и обер-офицерских должностях. Это был, конечно, результат соответствующих мероприятий Русского Правительства. Только война могла заставить нас отличать и нас выдвигать.

В отношении генералов я приведу маленькую статистику, составленную мной в 1919 году. Оказалось, что из числа 25 генералов 23 генерала были награждены Георгиевскими крестами на службе в рядах Русской Армии. Факт примечательный. Вряд ли на каждые 25 русских генералов приходится 23 георгиевских кавалера. О штаб- и обер-офицерах я не говорю. В отношении подготовки по специальностям я должен сказать, что среди офицеров было много генерального штаба, академиков, окончивших артиллерийскую, военно-юридическую и военно-инженерную Академию; были окончившие интендантскую Академию, а также школы воздухоплавательную и военно-технические, как-то: радио, автомобильные, броневые и пр. Часто строевые офицеры также были сильно отличены, как „строевики", как инструктора; некоторые приобрели даже всероссийскую известность как в чисто строевом, так и в отношении стрелковом. Были офицеры кавалеристы, бравшие призы даже за границей, как например, Эристави, Чавчавадзе; неоднократно наши грузины брали призы в фехтовальных залах; по гимнастике мы знаем Берелашвили, взявшего приз в Праге, а один грузин, Ратиани, и сейчас находится в Константинополе руководителем или даже директором американского спортивного общества. Грузинские фамилии пестрели во всех стрелковых и спортивных обществах и на ипподромах; фамилии

Чавчавадзе, Андроникашвили, Авалишвили, Нацвалишвили, Чхеидзе, Эристави всегда бросались в глаза при чтении отчетов. И это давала нация, составлявшая едва 2% всего населения Русского государства. Правильная и точная статистика дала бы более поразительные результаты. Что касается солдат, то благодаря воинской повинности мы обладали достаточным запасом обученных. Во время Великой Европейской войны грузин было призвано до 155.000 человек. Надо думать, что 2/3 вернулись умудренные опытом последней войны. Итак, грузинские офицеры и солдаты представляли прекрасный кадр и материал для создания самостоятельной грузинской армии.

При организации нашей армии пришлось тысячи офицеров уволить со службы за неимением штатных мест в нашем маленьком войске и, конечно, можно было отцедить все лучшее, что помогло бы иметь армию наилучшего качества. Остальные образовали бы запас, вполне достаточный при развертывании армии для войны. Итак, наши новые вожди, в критический момент создания государства и вооруженной силы, этой охранительницы и этого стража мирного преуспевания государства, имели более чем нужно.

Грузинский народ весь объединился около них. Любовь к родине, самоотверженье, прекрасный боевой кадр и материал – все было к их услугам. Является вопрос, почему же мы не удержались против большевистской волны, когда другие маленькие государственные образования продолжали существовать. Я не говорю о Польше, хотя на нее навалилась чуть ли не вся Россия; но существует Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, наконец, даже Армения не вся завоевана и флаг ее еще держится в Зангезуре. Это относится к 1922 году, когда писались настоящие воспоминания. Все эти образования ни в коем случае не обладали теми благоприятными данными, какими обладали мы. Кроме того, нас отделял от России Кавказский хребет и такого помощника не было ни у Польши, ни у Латвии и Финляндии. В чем же дело?

Одной из самых главных причин, а может быть, и самой главной, нашего поражения большевиками считаю неустройство или, вернее, неправильное устройство вооруженной силы. Организацию вооруженных сил брали на себя наши вожди и не предоставили специалистам. Большевики, как мы знаем, решили этот вопрос иначе; они привлекли к организации войск военных и лишь установили над ними политический надзор. У нас же искали новых путей, новых основ для устройства войск и создали гвардейскую организацию, эту аномалию войска, совершенно не способную вести войну. Забыли, нет не забыли, а не хотели видеть, что добровольно, без дисциплины, этой силы понудительности, редко кто положит свою жизнь даже для блага родины, такова жизнь как жизнь. Большевики поняли это и стали для укрепления дисциплины (силы понудительности) приме-

нять такие суровые наказания, которые своей жестокостью превосходили все, что применялось в цивилизованных армиях последних времен и напоминают времена Валленштейна, стереотипной фразой которого при обходе лагеря было: „повесить бестию".

Для того, чтобы читателю было ясно все, я изложу все события, свидетелем которых я был со дня Петроградской революции. Я постараюсь быть объективным, и если будут звучать иногда горькие ноты и даже, быть может, пристрастные суждения, пусть читатель не подумает, что пишу для осуждения. Нет, горечь может и должна проскальзывать, ибо ничего не может быть мучительнее, как уметь сделать, но когда не дают возможности сделать. Нельзя хладнокровно наблюдать за страданием родины, когда глубоко уверен, что этого могло и не быть; трудно воздержаться, чтобы не бросить упрека неумению или нежеланию, когда можно было избавить народ от того ужаса, который он сейчас переживает. Да простит меня читатель, и пусть всегда имеет в виду, что мной руководит лишь любовь к родине и естественная горечь разбитых надежд каждого грузина.

ГЛАВА I

Революция. – Обыск. – Батуми

РЕВОЛЮЦИЯ

Революция меня застала в Тбилиси. Я только что приехал в отпуск с фронта, кажется, 23 или 24 февраля 1917 года. В Тбилиси я не был с декабря 1915 года. Я был в должности начальника штаба 4-ой Кавказской стрелковой дивизии и был в 6-недельном отпуску. Революцию в Тбилиси мы собственно получили по телеграфу, и первые дни ознаменовались лишь общей радостью. В Тбилиси сейчас же образовался, по примеру Петрограда, Совет рабочих и солдатских депутатов. Наряду организовывались союзы и советы: польский, украинский, армянский, грузинский. Социал-демократическая партия сразу захватила фактическую власть. По примеру других образовался союз грузин воинов. Первое собрание его, учредительное, произошло в доме Грузинского Дворянства по инициативе К. Какабадзе и Платона Лежава. Председательствовал Мачабели Естате (военный юрист). Были и офицеры и солдаты. На этом заседании хотели выступить два социал-демократа и, конечно, в солдатской форме, со своей программой, но им не дали говорить и они принуждены были оставить зал. Говорили по-грузински. Я не знал своего родного языка и едва улавливал общий смысл речей. Затем приступили к выборам в комитет. Туда выбрали 15 офицеров и столько же солдат. Хотя я не говорил по-грузински и едва понимал, и должен был скоро уехать на фронт, я все же попал в этот комитет, несмотря на свой протест: не зная языка, я не мог быть активным работником. Начались ежедневные заседания, составлялась программа, намечались пути и пр. Председателем нашего комитета был избран ген. Чивадзе, военный юрист. Мы собрались в здании Грузинского клуба. По прошествии некоторого времени нам, комитету, объявили, что с нами хотят говорить представители социал-демократической партии. Тогда эта партия еще

не имела той силы и авторитета, которыми она пользовалась впоследствии. Почему-то общая встреча произошла в здании, кажется, Закавказского банка, в районе Лорис-Меликова улицы. С нашей стороны были ген. Чивадзе, Сосо Гедеванишвили и я. Мы собрались в назначенный час. Затем пришли А. И. Чхенкели, Н. В. Рамишвили и Гордезиани; последнего я потом больше никогда не встречал в числе деятелей. Здесь я впервые с ними встретился. Они, по всей вероятности, меня не заметили. Чхенкели со своей обычной мягкостью убеждал нас прекратить нашу деятельность. О доводах я говорить не буду. Наш союз грузин воинов начал приобретать известность, популярность и симпатии. Рамишвили выразился коротко и ясно. Нас просто „распускали", как мешающих делу революции. Чивадзе резонно ответил, что мы, грузины воины, родились из революции так же, как и они, и если они нас распускают, то и мы в свою очередь распускаем их. После этого разговор принял другой характер; правда, ни к какому положительному заключению не пришли, но они просили нас активно не выступать, дабы не повредить общему делу Революции. На этом и разошлись.

Этот комитет и этот союз грузин воинов существовал недолго и постепенно умер. Его председатель ген. Чивадзе оказался вдруг переведенным в Киев. Приказ прибыл из Петрограда. Остальные члены комитета постепенно ушли из комитета, кто на фронт, кто на должности в другие города. Не трудно догадаться, кто был инициатором перевода ген. Чивадзе в Киев. Вскоре после этого я уехал на фронт и в Эрзеруме был опять в местном комитете грузин воинов.

Будучи еще в Тбилиси, я получил от солдат штаба теплую, приветственную телеграмму. По дороге на фронт я заехал в Александрополь в наш запасный полк. Здесь впервые я встретился с полковым комитетом; несколько окунулся в эту жизнь и через несколько дней отправился в штаб дивизии, расположенный в Эрзеруме. Здесь состав штаба и конвой встретили меня с такой теплотой, какой я не ожидал. На другой день я познакомился с дивизионным комитетом и началась моя жизнь с комитетом. Я весь окунулся в среду комитетов и солдат, и все усилия направлял к сохранению порядка и боеспособности. Иногда приходилось проводить среди них целые ночи напролет. Моя работа облегчалась тем, что в этой дивизии я был начальником штаба в течение всей войны, действовали мы всегда счастливо и удачно, и главное, каждый солдат нашей дивизии знал меня лично в лицо. В дивизионном комитете я „заслужил" название „наш полковник" и сидел на их заседаниях, ни одного не пропуская.

Так пробыл я до августа, когда мне предложили 15-й Кавказский Стрелковый полк нашей дивизии. Я мог бы отказаться, тем более что полк был без командира в течение 4-5 месяцев, у них все ослабло и даже армейский комитет называл его большевистским. Я принял

предложение и поехал, откровенно говоря, неуверенный, что на другой же день меня не выставят или не арестуют. Все обошлось благополучно. „Корниловщина" прошла у нас без всяких инцидентов.

Между тем в Тбилиси приступили к формированию Грузинского корпуса. Одновременно формировали Армянский и Русский корпуса, Греческую дивизию и Мусульманский корпус. В Грузинском корпусе мне предложили должность командира бригады в 3-й дивизии. Я, конечно, согласился и ответил, что в грузинском войске готов командовать даже батальоном.

Здесь не могу не отметить следующего факта. Грузины-офицеры моего полка, возвращавшиеся из Тбилиси, мне говорили, что меня вызывают на формирование Грузинского корпуса. Время проходило, а меня не вызывали. Спросил по аппарату Шатилова, бывшего в штабе Кавказского фронта. Он сказал, что скажет начальнику штаба Грузинского корпуса капитану Иосифу Гедеванишвили. Время проходило, а меня не вызывали. После нескольких моих разговоров с Шатиловым последний, видя, что что-то происходит неладное, прислал телеграмму от Главнокомандующего о моем вызове на формирование Грузинского корпуса, и 7-го декабря 1917-го года я прибыл в Тбилиси. Командиром корпуса был назначен полковник Ахметели, а к нему начальником штаба капитан Иосиф Гедеванишвили. В корпусе было 3 дивизии: одной командовал ген. Артмеладзе, другой подполк. Каргаретели и третьей ген. Арджеванидзе. Назначение подп. Каргаретели начальником дивизии было первой ошибкой, допущенной теми, от которых зависели эти назначения. И главная ошибка была в том, что они вмешивались непосредственно в военные назначения. Конечно, не понимая сути военного дела, нетрудно в нем ошибиться: и вот на высокие должности были назначены люди, не готовые к исполнению своих обязанностей. Не буду указывать лиц, суть не в лицах, а в причинах, повлекших такие несообразности. Здесь я впервые встретился с этим явлением. Власть имущие назначали на должности людей, которым верили не в смысле их годности и соответствия должности, а в смысле их вероятного сочувствия революции. Назначение полк. Ахметели, у которого брат был одним из главных лидеров социал-демократической партии, и его начальником штаба кап. Гедеванишвили, социал-федералиста, собственно было разделение военной власти между социал-демократической и социал-федералистической партиями. Иначе говоря, не польза дела важна, а что-то другое, а это другое было обеспечение утверждения социализма. Плоды такого отношения быстро сказались. Из нашего формирования ничего не вышло – корпус не сформировался. Могут сказать, что тогда такое время было, что нельзя было ничего сформировать, возможно да, возможно нет – это вопрос во всяком случае спорный, ибо Армянский корпус все же как-никак сформировался. Все же

этим мотивом нельзя оправдать основной ошибки, а именно вмешательство наших вождей не в свою компетенцию.

В январе месяце генерал Пржевальский ушел с должности Главнокомандующего Кавказским фронтом и на его место автоматически вступил начальник его штаба ген. Лебединский, место которого, также автоматически, занял ген. Левандовский. Должность Левандовского, именно Генерал-Квартирмейстера, занял полковник Шатилов, а должность последнего, а именно помощника Генерал-Квартирмейстера, стала свободной. Из всех офицеров Генерального штаба я был, кажется, единственным кандидатом на эту должность. Надо иметь в виду, что связь с Россией была уже порвана. Из наличного же числа офицеров Генерального штаба, которые уже командовали полками, не было никого старше меня. Были некоторые, но они были старше и Левандовского и, главное, Шатилова. Мне предложили это место. Я спросил свое начальство, оно нашло, что по мнению Нац. Груз. Совета необходимо иметь в штабе грузина, и я принял эту должность. Это было 11 января 1918 года. Это был период, когда возбуждалась масса вопросов. И вот заседания следовали за заседаниями.

Однажды я был вызван на заседание (на Фрейлинскую улицу) под председательством Председателя военной секции Национального Собрания Н. В. Рамишвили. Дебатировался вопрос: „Быть или не быть в грузинских войсках комитетам, учрежденным Временным Правительством в Русских войсках". Из не военных были только сам Рамишвили и военный чиновник, некто Пагава, кажется, даже он был членом военной секции. Военных было человек 8-10. Мне пришлось сказать длинную речь против этих комитетов. Высказывались вообще мало. Председатель Н. Рамишвили склонялся к установлению комитетов. Перешли к голосованию. „Кто против комитетов", – спросил хитро Рамишвили. Моя рука взвилась вверх. „Вы один?" – с иронией спросил Рамишвили. „Да один, и не беспокоюсь", – возразил я. Несмотря на это постановление, сама жизнь продиктовала, и в грузинских войсках комитеты не были введены. Они появились было в одном или в двух полках и после 1-го марта 1918 года были уничтожены.

Между тем в январе хлынула волна отходящих с фронта русских войск. Разыгрались Шамхорские события. Местные татары атаковали эшелоны уходящих войск, разгромили их в Шамхорах. Говорили, что татарами руководил князь Ленка Магалашвили. После этого войска стали уходить с фронта организованно, дабы не испытать участи разгромленных эшелонов. Одновременно повисла угроза над Тбилиси. Эшелоны, боясь идти через Елисаветполь, требовали пропуска

через Тбилиси на Батуми и угрожали силой. Надо было уговорить эти дикие толпы идти через Елисаветполь и обеспечить им свободный проезд. Эта работа выпала на долю наших вождей, и они ее исполнили весьма успешно. Был разобран путь от Соганлуга на Тбилиси, были выдвинуты для обороны Тбилиси вооруженные силы, которые тогда представляли лишь слезы, выдвинули и артиллерию. Говорят, Рамишвили пришлось ехать на паровозе в голове эшелонов; эти толпы не хотели иначе ехать, боясь нападения татар.

*
* *

Между тем, в декабре 1917-го года случилось одно событие. В Тбилиси из рабочих организовалась Красная Гвардия для борьбы с контрреволюционными силами и для сохранения правопорядка в городе. Тбилиси в это время представлял очаг самых разнообразных течений, разнородность населения, отсутствие твердой власти; всеобщая разруха и угроза отходящей с фронта армии особенно обостряли положение. 12-го декабря Тбилисский арсенал был взят Красной Гвардией и армейскими частями; но последнего обстоятельства, участия армейской части, в широкой публике не знали. Во всяком случае говорили и восхваляли лишь Гвардию. Надо отметить, что арсенал никем не защищался, его взяли без выстрела. С этого дня Красная Гвардия стала утверждаться и день 12-го декабря стал днем праздника Гвардии, всегда празднуемого с особым торжеством, по подобию взятия Бастилии. Этот день так всегда подчеркивался, что в 1918-м году, когда начались боевые действия с армянами, Гвардия выступила на поле брани лишь после празднования своего праздника, несмотря на то, что действия начались 7-го или 8-го декабря, не помню точно. Под выстрелы в Санаинском ущельи над Тбилиси развевались праздничные флаги и реяли аэропланы, и, конечно, души погибших в Санаити бойцов с удивлением глядели на парадирование по Головинскому проспекту гвардейских частей.

Как я выше указал, Грузинский корпус не устраивался. В полках вспыхивали беспорядки, власть не признавалась. В полку, расположенном в Тбилиси, в саперных казармах, на митинге (уговаривали сдать винтовки перед уходом в запас) чуть не произвели насилия над выступавшим там А. И. Чхенкели. Исполнительный комитет Грузинского Национального Совета решил устроить собрание офицеров с целью осветить организационный вопрос и выработать организацию войск. Это было приятным удивлением для офицеров. Я не сочувствовал такому способу разрешения вопроса, но широкие и длинные обсуждения тогда были особенно в моде. Это признавалось необходимым, как неоспоримый закон. Собрались в доме дворянства на Фрейлинской улице. Заседание открыл вступительной речью

А. И. Чхенкели. После прений решено было избрать для разрешения этого вопроса комиссию под председательством ген. В. Д. Габашвили. В комиссию избрали между другими подполковника Каргаретели, Котэ Абхази, ген. Гедеванишвили, ген. Бенаеви, полковника Г. Кавтарадзе, были и другие, сейчас не вспомню. Попал туда и я. Начались ежедневные заседания. Заседания посещались довольно исправно. Затем одному из членов, полк. Кавтарадзе, было поручено составить доклад. Доклад не удовлетворил комиссию. Поручили составить доклад мне. По одобрении комиссией этот доклад был внесен на утверждение общего собрания офицеров, а затем должен был быть доложен исполнительному комитету Национального Совета. Представителями для доклада были избраны ген. Габашвили и я. На общем собрании доклад был одобрен при шумных овациях, а затем в тот же вечер я доложил его исполнительному комитету. На этом докладе несколько остановлюсь.

Председательствовал А. И. Чхенкели. Присутствовали: И. В. Рамишвили, Гр. Вешапели, Ник. Карцивадзе, К. Гварджеладзе, Ев. Гегечкори, кап. Иосиф Гедеванишвили и многие другие представители правящей партии. Я доложил. Начались возражения. Все они сводились к тому, что в армии должны быть комитеты и что там должна быть разрешена партийная пропаганда. Между другими горячо стоял за это капитан Иосиф Гедеванишвили. После всех возражений мне пришлось говорить. Сейчас всего не помню, что пришлось говорить в защиту наших положений. Помню возражение или, вернее, форму возражения И. В. Рамишвили. Взяв в руки письменный доклад и перелистывая его, он сказал: „Здесь все больше старое и очень мало нового". Спрашивается, знал ли он старое. Отвечая на все возражения по порядку, на это пришлось ответить: „Затрудняюсь что-либо ответить, так как оно для меня очень удивительно, скажу только, что, если топоры раньше делали из железа, это не значит, что по-новому теперь надо делать их из папье-маше". Этот доклад заканчивался моим вопросом, действительно ли есть желание создать армию; если есть, то войско создастся, если же нет, то нечего и огород городить. Заканчивая свои возражения, я еще раз повторил эту мысль в следующих выражениях: „Если вы, работая из подполья, сумели разрушить Российскую империю, теперь вам никто не помешает, становитесь на столы и агитируйте за армию и армия будет. В противном случае нечего тратить время на составление проектов". Думаю, что я еще тогда угадал, что они не были сторонниками армии, как вооруженной силы, тем более что и сейчас некоторые из них не стесняются открыто заявлять, что армию и вообще милитаризм надо в корне уничтожить. В конце концов решено было еще собраться и доклад вновь обсудить в этом же комитете, но в присутствии Ноя Жордания. Разошлись. Не помню хорошо, чуть ли не на следующий день, во всяком случае до вторичного доклада, нас, несколько человек, в числе которых были, как помню, ген. Цулукидзе и ген. Маз-

ниашвили и др. Пользуясь случайной встречей, неожиданно нас собрал Дата Вачнадзе, член Национального Совета. Он объявил нам, что исполнительный комитет решил сменить командира корпуса и его начальника штаба, и что нам надлежит сейчас же представить список кандидатов. Было указано, чтобы в список было внесено 10 кандидатов и чтобы там поместить указанных лиц по номерам, по их соответствию. На этом маленьком заседании я заявил и меня поддержали остальные, что будет представлен лишь один кандидат на командира корпуса, который и изберет себе начальника штаба, что таковым является лишь ген. В. Д. Габашвили и что никаких других фамилий не будет дано. Что если ген. Габашвили не будет назначен, то пусть назначат кого угодно, хоть с улицы. Так и сделали.

На вторичном докладе нашего проекта реорганизации грузинских войск председательствовал Н. Н. Жордания. Присутствовали те же. В общем собрание было более многолюдным. Присутствовал и Карло Чхеидзе. Тут же выяснилось, что после доклада приступят к выбору командира корпуса. На этом заседании я впервые встретился с Н. Н. Жордания. Для характеристики Н. Жордания и вообще насколько серьезно относились лидеры, наши вожди, к делу организации армии, приведу следующее. Н. Жордания, пока я начал доклад, сказал мне: „Докладывайте покороче и поскорее". Произошло мое первое ему, может быть, резкое возражение. „Я буду докладывать", — отвечал я, — „или все, или ничего". Мне казалось, что глава главенствующей партии, председатель Грузинского Национального Совета, должен был бы отнестись к вопросу более внимательно, тем более что на первом докладе было решено его повторить для Н. Жордания. Он произвел на меня в общем благоприятное впечатление. При его содействии доклад был быстро утвержден. Но он был утвержден условно. „Действуйте по этому докладу, но мы, может быть, впоследствии найдем что-либо изменить". С этой манерой решать подчас весьма важные вопросы мне потом пришлось встречаться неоднократно или, вернее, почти всегда. Н. Жордания стоял на нашей офицерской точке зрения в отношении комитетов и партийности в армии, и даже дословно выразился, „какие теперь могут быть комитеты, когда враг у нас уже на границе". (В это время турки начали свое наступление и угрожали уже нашим границам.) По-видимому, этот его взгляд был настолько несоответствующим их исповеданию веры, что Н. В. Рамишвили, очень разгоряченный, вскочив, сказал ему: „Ной, я не узнаю тебя сегодня". Должен отметить, что условно утвержденный доклад остался гласом вопиющего, и он не только не был проведен в жизнь, но в тот же вечер был нарушен один из его основных принципов.

После этого приступили к обсуждению вопроса о командире корпуса. На обсуждение пригласили нас, тех, которые участвовали на за-

седании с Дата Вачнадзе, когда нам было предложено представить список кандидатов. Наши вожди не соглашались на кандидатуру Габашвили и просили другого; мы настаивали и категорически отказались назвать следующего кандидата. На этом заседании мне пришлось еще раз возразить Н. Рамишвили в его же тоне и духе. „Известно ли вам, что ген. Габашвили по постановлению демократических организаций был отставлен от должности коменданта Тбилиси как не соответствующий", – сказал он. Ген. Габашвили был комендантом города Тбилиси, революция застала его на этом посту. Он был удален с него по желанию тбилисского исполнительного комитета с-р и с-д. Я ответил: „А известно ли вам, что демократические силы в лице караульного батальона при прощании с ген. Габашвили качали его и с криками и овациями на руках посадили его в автомобиль".

Это был факт, которого я был случайным свидетелем. Не могу не отметить следующего. А. И. Чхенкели, по-видимому, поддерживая кандидатуру Габашвили, выразился, что он еще не помнит, чтобы хоть один выбор, сделанный демократическими организациями, был удачен. После дебатов исполнительный комитет удалился для избрания. Избран был ген. Габашвили, который перед тем, после доклада нашего проекта организации войск, уехал домой. Отправились за ген. Габашвили, чтобы пригласить его в исполнительный комитет Национального Совета. В числе других был Дата Вачнадзе и я. Здесь, у него на квартире, ему объявили просьбу пожаловать на заседание. Он меня тут же предупредил, что он меня наметил в начальники штаба. Я очень просил его этого ни в коем случае не делать и эту просьбу несколько раз повторил по дороге и в здании Национального Собрания. Я очень боялся, чтобы мое горячее участие в деле составления проекта организации войск и назначения ген. Габашвили не было бы истолковано моим желанием сесть на место начальника штаба грузинских войск. Ген. Габашвили даже выражался, что без этого условия не примет этой должности. Я всячески его разубеждал. Я держался того взгляда, что в это полное разрухи время, когда так сказать у всех разыгрались аппетиты на высшие, чем им по существу полагается, должности; когда чуть не каждый, видя подполковника Каргаретели начальником дивизии, кап. Гедеванишвили, уже 12-15 лет удаленного по суду со службы, начальником штаба корпуса, мечтал также получить должность не по заслугам, а в силу революционных выдвижений. Только назначение самого старшего генерала, боевого, с громадным служебным и жизненным опытом авторитетно заставит заглушить инстинкты авантюристов революции. Веря в его твердость, я полагал, что ген. Габашвили сумеет поставить на свое место офицерство, уже начавшее разбалтываться.

Как потом выяснилось, он все же предложил меня в начальники штаба, но моя кандидатура была категорически отклонена. Я был очень рад. Утверждаю, что, если бы мне предложили тогда эту должность, я бы решительно отверг ее, как отвергал и в следующие разы

неприемлемые для меня должности. Еще в январе того же 1918 года мой большой друг и приятель /из/ генерального штаба Драценко был назначен командиром Русского корпуса и очень настойчиво просил меня принять в Русском корпусе дивизию. Я не согласился. Карьера никогда меня не увлекала, и я поехал в Академию, в эту фабрику карьер, лишь на 14-ом году офицерской службы, испытав уже Русско-Японскую войну, и притом совершенно случайно.

Так или иначе командиром корпуса был назначен ген. Габашвили, а начальником штаба подп. Закариадзе, который в это время состоял секретарем военной секции Национального Совета. На его месте я бы отклонил это предложение. Слишком много знания, опыта, самостоятельности необходимы были для занятия такой ответственной должности, да еще в такое время. Гораздо целесообразнее тогда было бы назначение на эту должность ген. А. Гедеванишвили, хотя офицера и не генерального штаба, но прошедшего Академию и обладавшего большим служебным и боевым опытом.

ОБЫСК

Отмечу теперь очень характерный случай, происшедший со мной, как иллюстрацию тогдашних обычаев. 25-го января вечером я с женой был у своего приятеля, офицера генерального штаба полковника Якубовского. Вдруг хозяин отзывает меня в сторону и объявляет, что у меня – передали по телефону – на квартире производится обыск. Я сейчас же поехал домой. Путь был долгий, надо было ехать с Черкезовской на Саперную улицу. Когда я приехал, то производивших обыск уже не оказалось. Обыск был произведен по приказанию Совета солдатских и рабочих депутатов, председателем которого был Н. Н. Жордания. Производил некто Нижерадзе, так до сих пор я с ним и не познакомился. У меня взяли коллекцию ружей; некоторые были мною взяты на полях сражений в Японскую и последнюю войны. Был один карабин – боевой подарок. Очень тщательно искали патроны. Их, конечно, у меня не было. Ружья лежали сложенные в открытом ящике в гостиной, под роялем, и на вопрос, обращенный к одной из моих сестер, где квартира полк. Квинитадзе и есть ли оружие, она прямо привела и показала. Она просила подождать до моего приезда. Конечно, было отказано. Вообще же, обыскивающий, главный, считал, по-видимому, необходимым быть возможно грубее. Сестра говорила, что трудно было с ним разговаривать. Тщательность же обыска доходила до того, что они искали патроны в детской среди игрушек и в урыльниках. На эту грубость я ответил подачей в отставку. Я считал недопустимым обыск у офицера, занимающего пост помощника Генерал-Квартирмейстера штаба фронта. Особенно обидно было, что обыск произвели у меня, грузина-офицера, грузины же. Рапорт был отправлен по команде, кажется,

Е. П. Гегечкори. Ответа, несмотря на повторения, нельзя было добиться. Должен отметить, что из всего состава штаба Главнокомандующего обыск был произведен только у меня.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВОЙНЫ С ТУРЦИЕЙ

В это время власть на Кавказе принадлежала Закавказскому комиссариату, а во главе Кавказского фронта стоял ген. Лебединский, в штабе которого я продолжал служить. Турки шли церемониальным маршем, не встречая сопротивления, через Эрзинджан и Эрзерум, и вдоль Черноморского побережья. Генерал Лебединский отправился на фронт в Карс, куда турки уже подошли. Он выехал дальше и у Ново-Селима присутствовал на поле сражения. Его сопровождали генерал Корганов и я. Возвращаясь назад, я сказал Лебединскому, что армянские войска не только не выиграют Ново-Селимского боя, но отдадут и Карс. Перед этим ген. Лебединский дважды ездил в Батуми, где комендантом был ген. Кутателадзе. После первого приезда по докладу ген. Лебединского в Батуми был командирован комендантом крепости ген. А. Гедеванишвили. Я поддерживал эту кандидатуру. Потом решили послать туда еще ген. Мдивани. Я очень протестовал перед ген. Лебединским о таком, каком-то странном создании двоевластия, но назначение состоялось. В Батуми по приказанию ген. Лебединского стали лихорадочно готовиться к осаде и сумели приготовить к действию до 70-ти крепостных орудий. Во второй раз ген. Лебединский поехал туда совместно с Е. П. Гегечкори, тогдашним военным комиссаром. Мы объезжали форты. Гора Эрдэ была уже в руках турок. Ее отдал без боя, кажется, 4-й полк. Были на форте Анарии. Комендант этого форта, штабс-капитан Шавгулидзе, украшенный георгиевским крестом, указывал на отсутствие дисциплины, вследствие чего он не рассчитывал на удержание этого укрепления. Укрепления же были очень хорошие, каждый стрелок был со всех сторон прикрыт бетоном и стрелял через бойницу; были также искусственные препятствия, ходы сообщения, пулеметные бетонированные гнезда.

Е. П. Гегечкори, уходя с форта, сказал этому бравому георгиевскому кавалеру: „Этот форт вы можете отдать лишь с вашей смертью". „Слушаюсь", – скромно ответил этот герой. И он это исполнил. Он сумел во время боя удержать человек около 50-ти около себя и вместе с ними погиб. Мне до боли жаль этого офицера, так бесцельно погибшего. Он был добросовестен и предан родине и долгу, и пал смертью героя.

Отъезжая с форта, Е. П. Гегечкори спросил меня, неужели такие укрепления отдадут. „Дисциплины нет, отдадут", – уверенно ответил я. На всех фортах жаловались на отсутствие дисциплины, на дезертирство, на невозможность держать солдат в повиновении. Я не вдаюсь в причины, повлекшие это явление. Причины были те же, которые развалили сначала русскую армию, а затем армии тех стран,

где произошла революция. Исследование этих причин не имеет отношения к тому, что я описываю.

Затем приехали к тому полку, который бросил гору Эрде. Здесь Е. П. Гегечкори обратился к ним со смелыми упреками и укорял в неверности своему долгу, своему отечеству. Я даже беспокоился за возможность какого-либо дикого инцидента. Выступил один из толпы и сказал в длинной речи, что у них на Эрде не было патронов, телефонов, пулеметов, даже офицеров, и, фарисейски ударяя рукой в грудь, закончил, что они принуждены были отдать врагу „стену Батуми". Ясно, что солдат, простой рядовой, сознавал важность значения отданной без боя позиции.

БАТУМИ

Батуми в 1918 году пал, если не ошибаюсь, 1-го апреля. Он был сначала окружен с юга и с востока. С севера и частью с северо-востока сообщение с крепостью было свободно, а также и морем. Местное начальство настаивало на увеличении гарнизона, число которого уже достигло 12.000 штыков. Согласно положению о крепости, это количество было чрезмерно для этой крепости. Встал вопрос о выручке кр. Батуми. Местное начальство продолжало настойчиво просить увеличения гарнизона. Главнокомандующий ген. Лебединский и военный комиссар Е. П. Гегечкори в это время находились в Самтреди. Я протестовал перед ген. Лебединским о дальнейшем увеличении гарнизона и предложил Главнокомандующему, что крепость надо спасать не изнутри, увеличением и без того громадного гарнизона, а снаружи путем сосредоточения резерва в районе Чаквы и оттуда атакой во фланг туркам с севера. Ген. Лебединский согласился со мной, доложил Е. П. Гегечкори и тот с ним согласился. Решили из подходивших подкреплений (это все были добровольческие отряды) образовать группу, высадить ее у Чаквы и оттуда ударить во фланг туркам; всего рассчитывали набрать до 3000 человек. С тем и приступили к деятельнейшему действию. Вдруг узнают, что около 600 человек добровольцев, старых солдат, собравшихся в Самтреди и которые по моим расчетам должны были образовать ядро нашего будущего Чаквинского отряда, двинуты в Батуми по требованию крепостного начальства. Я бросился к Лебединскому, он сказал, что это сделано по приказанию Е. П. Гегечкори и по настойчивому требованию Батумского начальства. Эшелон уже ушел, и мой голос оказался гласом вопиющего в пустыне. Через некоторое время, проходя по платформе, увидел, как один эшелон с горной батареей готовился к отправлению в Батуми. Я опять бросился к Лебединскому, он мой товарищ по кадетскому корпусу, который вновь сослался на Гегечкори, бывшего тут же в вагоне. Я стал горячо протестовать, указывая, что в крепости совершенно не нужна эта артил-

лерия, так как она есть принадлежность армии для полевых действий, а не для действий в крепости, что гарнизон должен обслуживаться крепостной артиллерией, что, кроме того, в крепости уже есть одна горная батарея капитана Цагурия, и что наша Чаквинская группа, решающая дело обороны крепости, останется как раз без горной батареи, столь необходимой в этой местности; что он, ген. Лебединский, есть Главнокомандующий и ответствен за общее руководство, и должен взять на себя ответственность исправлять ошибки подчиненных и, как результат всего, не давать горной батареи в Батуми. Гегечкори присутствовал при этом моем докладе. Результат моего горячего доклада оказался благоприятным, и батарея осталась в Самтреди, благодаря чему мы спасли личный ее состав от плена и пушки не попали в руки противника.

Я все время указывал, что крепость должна быть спасена действиями снаружи, что нельзя позволить туркам окружить Батуми полностью, и что в последнем случае, ввиду отсутствия в войсках дисциплины, а следовательно и боеспособности, гарнизон обречен на сдачу, ибо не окажет сопротивления. Пользуясь этим случаем, я сказал Е. П. Гегечкори, что он Военный Министр и должен блюсти прежде всего интересы общего характера и не поддаваться требованиям того или другого частного начальника, и что он в данном случае из Военного Министра превратился в батумского коменданта.

Чаквинскую группу не удалось собрать. Обещанные люди из Чиатури, Тквибули так и не пришли или же пришли в незначительном количестве; наши вожди все время обещали, что вот-вот сегодня или завтра подойдут сотни и тысячи.

В Батуми тотчас же передали, что здесь в Самтреди, в штабе, выработали план выручки Батуми. Оттуда ответили, что у них также выработали план выручки и что просят съехаться в Натанеби для общего обсуждения. Съехались. Из Батуми приехали ген. Мдивани и Рамишвили. Они представили план, сущность которого сводилась к образованию группы войск и сосредоточению ее у Борцхана, откуда эта группа должна была атаковать турок. Атака выходила фронтальная. Я доложил план штаба Главнокомандующего, утвержденный последним. Батумцы быстро согласились на этот план и решили приступить к его исполнению. Исполнить не удалось, ибо не удалось к сроку собрать войска (добровольцев), и Батуми пал при первой же атаке турок. У турок действовало 6 горных пушек против наших 70 крепостных, а количество войск их было значительно меньше нашего гарнизона, всего около 3000 штыков.

Вспоминается один инцидент из Батумской эпопеи, характерный по своим чертам. Еще до подхода турок, при объезде фортов, мы проехали на юг от Чороха по дороге на Трапезунд. Здесь, за линией фортов, на одной из возвышенностей левого берега Чороха остановились для осмотра местности. Рамишвили высказал Лебединскому (без меня) взгляд о необходимости поставить здесь артиллерию для

обстрела небольшой береговой площади в расстоянии 1-2 верст от возвышенности, на которой мы стояли. Лебединский вполне резонно ему ответил, что это дело того местного начальника, который будет здесь распоряжаться. По-видимому, не доверяя ему, Рамишвили обратился через некоторое время с тем же ко мне. Я ответил, что специально для обстрела этой площадки не стоит ставить артиллерию, что у артиллерии этого участка, вероятно, будут более важные задачи, что наконец это дело того начальника, который будет здесь распоряжаться, и что, во всяком случае, ставить именно здесь пушки невыгодно, так как с соседней возвышенности, шагах в 500-600, прислуга этих орудий может быть легко перебита ружейным огнем. Он возразил, что надо эту гору укрепить. Я ему возразил, что если мы взберемся на ту гору, которую он предлагает укрепить, то увидим, что над ней будет командовать следующая, и что так будет до самого Трапезунда. Итак, наши вожди вмешивались в военное дело уже на поле сражения, включительно до выбора места для орудий, что по нашим порядкам составляет компетенцию командира батареи.

*
* *

Одновременно с описываемыми событиями шли переговоры делегаций Закавказского Комиссариата с Турцией в Трапезунде. Турки требовали исполнения Брест-Литовского договора, подписанного представителями большевистской власти России. Во время этих переговоров турки продолжали военные действия. В этой делегации принимал участие в качестве представителя от штаба Главнокомандующего начальник штаба ген. Левандовский. Переговоры ни к чему не привели. Делегация вернулась.

Затем, если память мне не изменяет, 10-го или 11-го апреля была объявлена Закавказская республика, и эта республика оказалась фактически в состоянии войны с Турцией, которая продолжала продвижение своих войск. Образован был Сейм, в состав которого вошли представители будущих Грузии, Армении и Азербайджана. Велись переговоры и с Германией, у которой искали защиты от агрессивных стремлений Турции. Между тем крепость Карс пришлось очистить и в этом армянские представители в Правительстве обвинили ген. Одишелидзе, тогдашнего помощника военного комиссара Гегечкори. Несомненно, Карс пал бы так же, как и Батуми, потому что там сложилась обстановка, подобная батумской.

Затем в конце апреля был образован кабинет под председательством А. И. Чхенкели. Портфель Военного Министра был вручен Г. Т. Георгадзе, который пригласил меня на пост помощника Военного Министра.

Теперь подведу некоторые итоги. Я раньше указал в общих чертах на ту работу, которая выпала на долю вождей нашего народа; указал, чего они достигли, но не останавливался подробно на их деятельности в отрасли внешнеполитической, военной, финансовой, экономической, внутренней и пр. История отметит и укажет, чего они могли достичь и чего достигли, какие сделали ошибки и каковы их заслуги во всех отраслях государственной жизни вообще и в каждой в отдельности. Я отмечу их деятельность как в устройстве вооружённых сил, так и вообще в военном отношении. В этом отношении выяснились следующие особенности. Отношение к корпусу офицеров: офицерам совершенно не доверяли. Почему? Это доказывается требованием роспуска союза грузин-воинов. Несмотря на то, что он был внепартийным, между тем как союзы рабочих, профессиональные, кооперативы и пр., поощрялись. Офицер сразу потерял в их глазах присущее ему значение; он оказался совершенно бесправным и, несмотря на его высокое призвание положить жизнь за родину, он не ставился на одном уровне даже с обыкновенным рабочим. Его авторитет в глазах солдат нескончаемо подрывался. Приходилось наблюдать грубо производимые обыски и аресты. Недоверие вообще к офицерскому составу вызвало доверие лишь именно к тем, кто состоял в партии или за которых та или другая социалистическая партия или организация ручалась. При этом совершенно не считались с качествами назначаемого, его опытом и знаниями: назначения полк. Ахметели, подп. Каргаретели, кап. Гедеванишвили, подп. Закариадзе и др. Недоверие к офицерам вызвало принятие тех мер, которые соответствовали духу социалистической программы. Затем, с одной стороны, по-видимому, сознавалось, что войско должны устраивать военные (собрание офицеров, комиссия по организации войска, назначение нового командира корпуса ген. Габашвили), а с другой стороны, военным не представлялось проявить деятельность. Назначив ген. Габашвили командиром корпуса по настоянию офицеров и утвердив проект организации вооруженных сил, они в то же время назначили подп. Закариадзе к нему начальником штаба, чем нарушили только что утвержденный проект, по которому подобное назначение не могло быть допущено.

Итак офицерству, главным образом высшему командному составу, продолжали не доверять даже после утверждения проекта реорганизации войск. Так, хотели ввести в войска комитеты и допустить в армии политическую агитацию, что, конечно, было вопреки здравому смыслу и делалось, очевидно, под влиянием их узкого доктринерства. Пользуясь властью, они уничтожили единство доктрины, чувства товарищества и солидарности среди офицеров. И этим возбудили среди них личные интересы; от этого расшатывался дух корпуса офицеров, дисциплина падала, нарождались интриги, доносы. Напротив, следовало офицеров организовать путем привития высшему офицерскому составу единства доктрины и поднятия их автори-

тетности. Единства доктрины можно было достичь предоставлением старшему офицерству функций по решению вопросов устройства вооруженных сил, их воспитания, обучения и пр. Во главе же всего военного дела поставить военного, ответственного за военное дело. Несомненно, правящим надо было отказаться от протекционизма, от назначения на должности „своих людей", от вмешательства в назначения командного состава и пр.

Должен отметить отсутствие у вождей желания создать армию. В одно и то же время формировались армянские и наши части, а также и Русский корпус. Грузинский и Русский корпуса, в устройстве которых довлеющее положение занимали социалисты, не сформировались, а Армянский корпус, где этого явления не было, сформировался. Вожди боялись организовать силу, которая могла бы не подчиниться их социалистическим стремлениям; они желали распоряжаться ею как личной политической силой. Доказательством этому служит их желание допустить партийность в войсках. Когда жизненно это не прошло, обратились к другому способу и создали свою личную силу, Гвардию, детище социал-демократической партии. Невежественный взгляд революционных вождей, что вооруженную силу можно создать путем сбора солдат и офицеров, вследствие чего во время войны формировалась масса отдельных волонтерских отрядов. Пример: в гарнизон Батуми входила масса отрядов, организованных именно по этому способу. Так же в Армяно-Грузинскую войну и в Ахалцихских событиях.

Теперь отмечу случай, характеризующий солидарность старших офицеров штаба Главнокомандующего и личность Главнокомандующего, ген. Лебединского. У Лебединского часто бывали неприятные разговоры с В. Комиссаром Гегечкори по поводу текущих дел. Бывали трения с Советом рабочих и солдатских депутатов и с другими революционными учреждениями. За всем приходилось обращаться к Гегечкори, как к Комиссару по военным делам. Говорят, во время одного из таких разговоров ген. Лебединскому сделалось дурно и Е. П. Гегечкори отливал его водой. Штаб поддерживал ген. Лебединского, как Главнокомандующего, хотя мы все, т. е. полк. Левандовский, полк. Корганов, полк. Шатилов и я, относились к его личности не всегда благоприятно, во многом мы его осуждали.

Однажды он вернулся от Гегечкори и объявил нам, что он подает в отставку. Мы все поддержали его и все подали в отставку: ген. Лебединский в своем рапорте просил заместить себя и назначил 3-дневный срок, как ультиматум. Конечно, мы не получили никакого ответа. Истекли три дня. Мы все вместе просили ген. Лебединского добиться ответа в тот же день – это был третий день. „Итак", – добавил я со смехом, – „завтра 4-й день, и мы уже не приходим на службу". „Нет", – ответил Лебединский, – „мы не можем бросить

посты, мы должны остаться, пока нас не сменят". „Так зачем же было ставить ультимативный срок", – заметил я. Разговор продолжался в том же приподнято-шутливом тоне. Лебединский и я – товарищи по кадетскому корпусу. Я ушел затем по своему делу, а спустя некоторое время Лебединский, когда мне по делу пришлось войти в его кабинет, сказал мне, что он говорил по телефону с Гегечкори, который настаивал на временном оставлении нас всех на должностях и выражал удивление, что как мы, дисциплинированные люди, можем бросить должности, не подождав заместителей. „Я ему ответил", – сказал Лебединский, – „что, напротив, мы не покинем своих должностей до смены и что один из офицеров штаба даже настаивал на том, чтобы с завтрашнего дня не приходить на службу, но что я это воспретил". „Кто этот недисциплинированный офицер?" – спросил Гегечкори. „Это полковник Квинитадзе, ответил я", – сказал Лебединский. Я посмотрел на него и молча вышел из кабинета...

ГЛАВА II

ЗАКАВКАЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Когда образовалась Закавказская республика, новый Военный Министр Г. Т. Георгадзе просил меня быть его помощником вместо ген. Одишелидзе, ухода которого из кабинета потребовали армяне, входившие в состав Правительства. На это предложение я ответил отказом и указал, что я не считаю себя достаточно в силах справиться с этой должностью и что, наверное, есть личности, более меня знающие и более меня авторитетные. Георгадзе сказал, что он перебрал всех и что выбор его остановился на мне, и что для Родины я должен сделать все, что могу, и т. д. Тут же он сказал, что мне будет предоставлена полная власть сделать в Военном Ведомстве все, как нахожу лучшим, что самостоятельно могу организовать армию, что я могу делать какие угодно назначения и т. д.

Я стоял на своем отказе. После долгих и настойчивых просьб я, чтобы закончить разговор, обратился к нему с просьбой перебрать еще раз всех наших начальников внимательно, посоветоваться с кем-нибудь, и что вообще назначение меня, сравнительно с другими молодого, на самый высокий военный пост должно быть взвешено как следует, дабы не повредить делу. На этом расстались.

Через несколько дней меня вновь вызвали к нему, и он повторил свое приглашение, говоря, что после советов со многими он окончательно остановился на мне и просит не отказываться, тем более что на пост помощника В. Министра Закавказской республики могут быть выдвинуты другими национальностями кандидаты, нежелательные для нас, грузин. Скрепя сердце я согласился. Началась моя работа.

Таким образом я занял пост помощника Военного Министра Закавказской республики. Главнокомандующим Кавказским фронтом продолжал оставаться ген. Лебединский. Обыкновенно между

8-ю и 9-ю часами утра я уже находился в своем кабинете и выходил из него часто лишь около 7-8-ми часов вечера. Наскоро поев, я отправлялся на заседания Правительства, которые происходили во дворце и начинались в 8 час. вечера. Эти заседания оканчивались обыкновенно в 12-1 час ночи. Помню, как во время этих заседаний неоднократно ставились пулеметы на окнах с целью обеспечения от неожиданного нападения. Ежедневно ожидали выступления большевиков. Я вступил в свою должность около 1-го мая, а 4-го или 5-го мая председатель Правительства А. И. Чхенкели уехал как председатель делегации Закавказского Правительства для переговоров с турками в Батуми. Председателем Правительства остался Н. В. Рамишвили.

На одном из заседаний вдруг встал следующий вопрос, не помню кем возбужденный. К этому времени Кавказская Армия русского состава уже вся прошла на Северный Кавказ. Закавказская армия формировалась в составе корпусов Грузинского, Русского, Армянского, Мусульманского, дивизии Греческой и полка немецкого. В то же время была объявлена самостоятельная Закавказская Республика.

Армия, та, которая была на Кавказском фронте, уже не существовала и были лишь формируемые национальные части, выше перечисленные. Получалось следующее: были войска, формируемые самостоятельной Закавказской Республикой, и был Главнокомандующий бывшей Кавказской армией со штабом, причем последние держали себя как носители власти Великой Русской державы. Из этого положения надо было выйти так или иначе. И вот некоторые члены Правительства и именно представители Азербайджана потребовали немедленной смены Главнокомандующего. На заседании решено было сменить его, а также сменить высший состав штаба. С этого заседания меня попросили удалиться, а затем через несколько минут вновь пригласили. Мне объявили, что Правительство назначает меня Главнокомандующим Закавказской армией с оставлением в должности помощника Военного Министра, что таковое избрание последовало единогласно. Я ничего не мог ответить и не знал, благодарить надо за это или отказаться.

Между тем в штабе Главнокомандующего шли совещания старших начальников, имевшие целью выяснить, как выйти из создавшегося положения. С одной стороны, Россия раскалывалась на составные части (даже Украина отделилась); оставшаяся Россия превратилась в большевистскую; с другой стороны, Корнилов и Алексеев собрали добровольческую армию, но с последней не было никакой связи. Результатом этих совещаний было то, что решено было ликвидироваться и Главнокомандующий должен был издать соответствующий приказ; но было оговорено, что этот приказ прежде издания должен быть одобрен Закавказским Правительством. Это последнее обстоятельство я узнал лишь впоследствии. На этих совещаниях, ка-

залось, я должен был быть приглашаем, как помощник В. Министра Правительства Закавказской Республики; чем руководствовался Главнокомандующий, не делая этого, не знаю. Вообще же я поддерживал связь со Штабом, во-первых, как с высшим управлением войск, а во-вторых, в силу того, что высшие чины штаба были мои однокашники и товарищи по службе. На другой день после своего назначения я зашел в штаб, дабы переговорить, как произвести всю передачу, вызываемую моим назначением. Там я встретил только полк. Шатилова, был уже 4-й час дня и все со службы разошлись. Он мне сказал, что Главнокомандующий издает приказ о ликвидации Кавказского фронта; я спросил его дать прочитать. Едва пробежав, я усмотрел много пунктов, которые по моему мнению могли быть изданы лишь по одобрении Правительства. Я сказал Шатилову об этом и просил его не торопиться с изданием этого приказа. На другой день этот приказ появился в газетах, а вечером на заседании Правительства некоторыми членами Правительства были сделаны запросы; известно ли было В. Министру об издании такого приказа и если было известно, какие меры были приняты для его приостановки. В. Министр должен был сказать, что ему ничего не было известно. Тут же на заседании Правительства несколькими членами было предложено немедленно отменить этот приказ, а Главнокомандующего и его начальника штаба немедленно арестовать. Я предложил не прибегать к такой мере, а сначала переговорить с Главнокомандующим. Военный Министр Гр. Георгадзе написал по этому поводу письмо ген. Лебединскому, прося его приехать на заседание Правительства. На заседание прибыл полк. Шатилов по полномочию Главнокомандующего, сказавшегося больным. Сказавшегося, ибо на другой день я его видел вполне здоровым. Полковник Шатилов на заданный вопрос ответил, что Главнокомандующий должен был отдать такой приказ, что это было его право и что отменить или изменить этот приказ не считается им возможным. Это еще более подлило масла в огонь, и после ухода Шатилова было предложено всех их немедленно арестовать, как не признающих власти Закавказского Правительства. Я едва уговорил поручить все это дело В. Министру. На другой день В. Министр целый день пытался войти в связь с ген. Лебединским для личных переговоров, но его оказывалось дома. Послано было ему письмо В. Министром, в котором он приглашался для личных переговоров. Вместо этого прибыло от него письменное объяснение, почти дословное, сказанное накануне полк. Шатиловым на заседании Правительства. Ввиду такого положения, занятого Главнокомандующим, Правительство приказало аннулировать приказ ген. Лебединского. Его не арестовали опять по моему настоянию. Я вступил в командование войсками.

*
* *

Общая обстановка была такова: армянские войска, отступая, занимали Александрополь, против них стояли турецкие войска. Стороны были в состоянии перемирия благодаря мирным переговорам делегатов Закавказского Правительства с турками. Грузинские войска занимали на Батумском направлении Натанеби, против них были турки и здесь также были взаимно вывешены белые флаги. В Боржоми был также фронт. В Ахалцихском районе турки сформировали дивизию из местных мусульман и в состав ее вошли части, формируемые азербайджанцами для Мусульманского корпуса. Эти части окружили Ахалцихе, где был грузинский гарнизон под начальством ген. Макашвили; из Боржоми наши части не могли прийти на помощь, так как организовавшиеся местные мусульмане заняли позиции к северу от Ацкури и наши войска, за недостаточностью, не в силах были сломить их сопротивление, здесь командовал ген. Арджеванидзе. Одновременно шли переговоры с турками, и эти переговоры, когда мы собрались с силами, не позволили развязать руки военному командованию для атаки мусульман на Ахалцихском фронте. Мы были в перемирии с турками, но не знали, воюем мы с Ахалцихскими мусульманами, как с частью Турции, или же они самостоятельная единица.

Турки вдруг нарушили перемирие и атаковали Александрополь. Меня местный начальник вызвал к прямому проводу и спросил принимать бой или отходить без боя, ввиду того, что перемирие нарушено без предупреждения. Я приказал принять бой. Результат был неблагоприятный для армянских войск, они были принуждены отступить сначала на Чарджуйские высоты, а затем и далее на север. Отступление совершенно расстроило армянские войска. Командир Армянского корпуса ген. Назарбегов телеграфировал и просил немедленно заключить мир. Рисуя обстановку, он указал, что войск уже нет, что между штабом корпуса и турками находится только штаб дивизии.

Вскоре после этих событий, а именно через несколько дней Закавказская Республика распалась на три самостоятельные республики: Грузия, Армения и Азербайджан. Между тем в Правительстве решено было атаковать на Ахалцихском фронте; мне развязали руки. Я выехал в Боржоми. Пробыл я там всего сутки, осмотрел часть позиций, но ночью получил телеграмму из Тбилиси, приглашающую немедленно вернуться. Я вернулся. Оказалось, что атаку отменили.

ГЛАВА III

ГРУЗИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

26-го мая 1918 года была объявлена самостоятельная Грузинская республика, Армения и Азербайджан последовали этому примеру. Произошло это вследствие настойчивого требования Вехиб-паши; был передан нашей делегации его ультиматум председателю Закавказской делегации А. И. Чхенкели с требованием признания Брест-Литовского договора. Последний прислал на мое имя телеграмму для передачи Правительству и о необходимости завтра же объявить независимость Грузии, для которой Брест-Литовский договор уже не был бы обязателен. Объявили. При обсуждении этого вопроса в своей фракции Жордания и Церетели голосовали против. Переговоры с турками продолжались; Грузии пришлось согласиться на Брест-Литовский договор. Наши вожди одновременно вели переговоры с германцами, так как турки продолжали держаться агрессивно в отношении Закавказья.

Не могу не отметить одного характерного факта. Еще во время существования Закавказской Республики Баку попало в руки местных большевиков, причем известно было, что главным ядром большевистской вооруженной силы был армянский полк. В Баку и в других районах произошла резня татар с армянами. Между тем Мусульманский корпус не был сформирован; грузинские войска были едва в зачаточном состоянии.

Это было весной 1918-го года. Грузины не в силах были двинуться на Баку для освобождения территории Закавказского Правительства от большевиков, тем более что надлежало быть на стороже против турок и вести боевые действия на Ахалцихском фронте и на Гагринском направлении против Добровольческой армии. Армяне также не давали войска ввиду военных действий с турками. Такова была обстановка. Азербайджанские представители в Правительстве настоятельно требовали посылки войск на Баку для освобождения

последнего из рук большевиков. И вот на одном из заседаний, как хорошо помню, Усубеков, один из представителей Азербайджанского народа в Закавказском Правительстве, заявил, что если Закавказское Правительство не пошлет войск против Баку, то они, азербайджанцы, найдут „другие силы", которые вырвут Баку из рук большевиков. Намек на турецкие части был достаточно ясен, и я отлично помню тягостное впечатление, которое произвело это заявление на представителей остальных национальностей Закавказской Республики. Несмотря на это, помощь в Баку все же не могла быть послана. Большевики же продолжали продвигаться к Тбилиси и против них по железной дороге на Баку удалось выдвинуть лишь всего 200-300 человек. Как я выше указал, наши вожди вели переговоры с германцами с целью избавить Грузию от турецкого нашествия. Турки между тем продолжали продвигаться.

Отряд ген. Макашвили, окруженный в Ахалцихе, был пропущен с оружием в руках, и мы уступили Ахалцихе туркам. Наши вожди подписали передачу Ахалцихе туркам. Среди подписавшихся были: Рамишвили, Гвазава, Рухиладзе и ген. Одишелидзе. Турки после признания грузинами Брест-Литовского договора, по которому они получили Карс, Ардаган и Батуми, теперь предъявили самостоятельной Грузии уступить им Ахалцихе и Ахалкалаки. Вот почему они требовали объявления независимости Грузии. Они заняли Ахалцихский уезд, а после взятия Александрополя продолжали продвигаться на север и были уже на Храме. При этом они в переговорах ссылались на то, что это продвигаются не их войска, а местные жители татары.

Представитель немцев граф Шуленбург сочувственно относился к нашим желаниям и, узнав от меня, что Вехиб-паша телеграммой категорически указывает, что продвигающиеся войска не суть турецкие войска, а местные жители, согласился оказать нам поддержку своими войсками для усмирения „населения". Я лично показал графу Шуленбургу телеграмму Вехиб-паши на имя нашего Правительства, где указывалось, что севернее такой-то параллели нет турецких войск.

И вот я образовал отряд в составе одного армейского батальона, одного гвардейского с батареей Махарадзе и гвардейского конного дивизиона; в состав этого отряда вошли также один немецкий баварский егерский батальон и броневые поезда Гогуадзе. Общим начальником был полковник Степан Чхеидзе. Наступление увенчалось успехом; турецкие части были отогнаны за Санаин, захвачен был даже их обоз, направлявшийся в сторону Казаха. Во время этого боя Храмский мост был взят и через него перебежали первыми наши молодые армейского батальона. Перед боем я сказал своим грузинам, что мы должны отличиться перед немцами и что Храмский мост они должны взять раньше германцев. Вот грузины бросились толпой через мост, защищаемый противником. Потом начальники немцев

говорили, что грузины храбрый народ, но не умеют воевать. Естественно, грузинские батальоны были составлены из молодых добровольцев, едва выучившихся владеть оружием. Затем при преследовании Гогуадзе влетел на станцию Санаин и заставил целые сотни турок побросать оружие. Пленного турецкого офицера в военной форме доставили ко мне в вагон, и я его привез в Тбилиси, как вещественное доказательство присутствия на поле сражения частей турецких войск. Должен отметить, что во время этого боя у немцев было убито 7 человек, торжественно затем похороненных в Тбилиси.

Не могу не отметить одного обстоятельства. Во время боевых действий случились трения между командованием отряда и начальством гвардейского батальона и это в то время, когда между тем же командованием и немцами никакого недоразумения не происходило. Мне лично пришлось приехать, дабы уладить эти трения, ибо Гвардия, как и всегда впоследствии, подчинялась военному командованию постольку поскольку. Вместе с этим мной тогда же было указано начальнику отряда действовать самым решительным образом в отношении местного населения и отобрать у него оружие. Я требовал, в случае отказа выдать оружие, употребить артиллерийский огонь и заставить силой исполнить наше требование. Бывший там Валико Джугели воспротивился такому образу действий. Впоследствии в своем „Тяжелом кресте" он, описывая эти события и говоря про меня, употребил следующее выражение: „Ген. Квинитадзе требовал применения к местным жителям самых суровых мер, но мы умерили его 'пыл' ". Никакого пыла не было; в своем воображении и, вероятно, для красного словца наш горе-писатель назвал „пылом" то, что каждый начальник должен был сделать в отношении выступившего с оружием населения. Впоследствии его „Тяжелый крест" был красочно осмеян в местной прессе. Вал. Джугели был карикатурно изображен с огромным крестом на спине и внизу надпись: „Куда несешь?" и ответ – „В редакцию 'Борьбы' ". „Борьба" – социал-демократическая газета.

Местные помещики Садахлинского района жаловались мне на грабежи, производимые гвардейским батальоном. Отмечаю: первое же выступление гвардейской организации совместно с армейскими частями вызвало трения между обеими этими организациями, совершенно различными по своему духу и по условиям своей жизни. Грабеж же есть естественное следствие отсутствия дисциплины. Этот факт мной, конечно, был освещен в Правительстве, но он прошел бесследно и не произвел никакого воздействия при решении вопроса какую организацию вооруженных сил принять, гвардейскую или армейскую.

Итак немцы помогли нам. Хочу указать еще один факт их сочувственного к нам отношения. Как известно, наши вожди вели перего-

воры с немцами, заключили с ними договор и одновременно должны были в переговорах с турками согласиться на Брест-Литовский договор. По одному из пунктов договора с турками мы должны были пропускать их эшелоны по железной дороге по нашей территории. И вот сейчас же турки потребовали пропуска своих эшелонов на Баку. Совершенно не отвечало видам Правительства пропускать турецкие эшелоны по нашей территории; оно искало средства избегнуть этого. Между тем согласно переговорам с немцами было решено везде по железной дороге на конечных станциях, а также и в некоторых центральных местах поставить небольшие немецкие караулы из немецких военнопленных. Это было еще до прихода к нам баварской бригады. Когда турецкий эшелон подошел к Натанеби и потребовал пропуска, то перед нами встал вопрос, как быть. Я подал мысль попросить немцев помочь нам; затем обратился к их представителю, графу Шуленбургу, и предложил ему такой способ действий. В Натанеби грузинский местный военный начальник объявит начальнику турецкого эшелона, что со стороны грузинского Правительства к пропуску эшелона препятствий нет; после того к тому же начальнику подойдет начальник немецкого караула и объявит о невозможности эшелону двигаться дальше по мотивам, какие найдет лучшими само немецкое командование. Так и сделали, и турецкий эшелон принужден был вернуться в Батуми. Кажется, немцы объявили, что путь неисправен; не ручаюсь за достоверность. Это было тогда для меня не интересно, важно было, что турок не пропустили.

*
* *

Помощником Военного Министра я был в течение мая и июня 1918 года. За это время наряду с вопросами по внешней обороне страны приходилось заниматься делами по организации войск, по ликвидации Кавказского фронта и сохранению военного имущества, а также текущими вопросами. Текущие вопросы занимали почти все время. Для иллюстрации укажу следующее. Когда я вступил в свою должность, то в наследие получил три кипы неисполненных бумаг, каждая толщиной не менее четверти аршина. Все это ждало резолюций; одновременно набиралась ежедневная текущая переписка. Наряду с этим в приемной ожидали приема от 60 до 100 просителей со всякими просьбами и проектами. Тут были и просьбы о пособии, и квартирные вопросы, и ликвидирующиеся, и изобретатели, и самые разнообразные: и жалобы, и доносы, и просьбы о выдаче денег, и оружия, и снаряжения, и одежды для формирующихся частей, и т. д., и т. д. Приходили и военные, и штатские всех ведомств и всех национальностей, и мужчины, и дамы. Надо было экстренно решать вопросы. Тут по радио, там по авио, по военному суду, также по всем от-

делам Главного начальника Снабжений, и по кадетскому корпусу, и по фельдшерской школе, и по распределению летних помещений в Коджорах, и т. д. Сейчас всего и не упомню.

После 26-го мая управление Грузинским корпусом было упразднено, и я приступил к формированию штаба. Таким образом, едва сформировав штаб войск Закавказской Республики, пришлось, после объявления независимости Грузии, формировать грузинский штаб. Одним словом, я едва успевал с делами, совершенно не хватало времени и мне приходилось есть один раз в день часов в 7-8 вечера и то, почти стоя, второпях. Брал с собой на службу карманные завтраки; это не помогло и всегда приносил их домой нераскрытыми. Наряду с этим водоворотом просьб, разговоров, споров, совещаний создавались неоднократно пререкания с лицами революционного и не революционного порядка. Иллюстрирую некоторые картины.

Около середины мая, как я уже раньше говорил, было решено ликвидировать Кавказский фронт. Я уже упомянул о трениях с Главнокомандующим и его штабом.

Когда получился конфликт по поводу приказа ген. Лебединского о ликвидации фронта, то я получил приглашение от бывшего Главнокомандующего ген. Пржевальского пожаловать для присутствия на общем заседании со старшими начальниками Кавказского фронта, которое должно было произойти у него на квартире на Барятинской улице. Я пришел. Трудно сейчас вспомнить все подробности этого заседания. Предметом заседания было, как поступить ввиду отмены Закавказским Правительством приказа ген. Лебединского о ликвидации Кавказского фронта. Здесь выяснилось, что ген. Лебединский до издания своего приказа должен был отдать этот приказ с согласия Закавказского Правительства. На этом заседании, в момент отсутствия ген. Пржевальского, произошло столкновение между ген. Лебединским и мной. Ген. Лебединский вообще оправдывал свое поведение и не совсем верно передавал то, что происходило. Я, конечно, взял слово и стал восстанавливать истину. Произошли пререкания с Лебединским, которому мне, не помню, на какую фразу, пришлось ответить: „Да ну, будешь теперь так говорить". Он ответил: „За это 'ну' я у тебя требую (или, не помню, „потребую") удовлетворения". Я сейчас же возразил, что такими словами нельзя так легко играть и что я принимаю его вызов, и готов дать ему удовлетворение сейчас же, сию же минуту, в этой же комнате, при всех свидетелях. Оказалось тотчас же, что он был далек от этого. Ген. Пржевальский, вошедший в это время, вмешался и предложил комиссию под своим председательством с целью выяснить, был ли сделан мне вызов или нет. Ген. Лебединский утверждал, что он такового не делал. В комиссию вошли, кроме ген. Пржевальского, полк. Шатилов и я просил ввести туда ген. Ляхова, бывшего также свидетелем.

На этом же заседании было решено издать дополнительный приказ ген. Лебединского с поправками по указанию Правительства. Выше-

указанная комиссия нашла, что ген. Лебединский не сделал вызова и что во всяком случае он, если я понял его слова как вызов, берет их назад. Я должен добавить, что в этой комиссии ген. Ляхов не принимал участия, как мне сказал ген. Пржевальский, потому что его не могли найти; вместо него в комиссию, по приглашению ген. Пржевальского, вошел ген. Томилов. Я остаюсь при своем мнении, что вызов был сделан, и думаю, что комиссия прежде всего руководствовалась тем, чтобы ликвидировать инцидент и не допустить дуэли между такими лицами, как Главнокомандующий Кавказским фронтом и помощник В. Министра Закавказской Республики. Вот одна картина. Нарисую еще одну.

Надо сказать, что приказ ген. Лебединского, изданный вполне самостоятельно, без санкции Правительства, которому он до сего времени беспрекословно подчинялся, оказал нежелательные последствия на среду офицеров. До сих пор весь фронт через ген. Лебединского подчинялся Закавказской власти; сначала комиссариату, потом Правительству Закавказской Республики. Этот же приказ вдруг давал другой тон взаимоотношениям между местной властью и военными Кавказской Армии, и среди офицеров произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Офицерство стало себя считать не только не обязанным подчиняться Закавказской власти, но и не вправе подчиняться. Правда, не все так думали.

Общий тон приказа был таков, что Кавказский фронт ликвидируется вполне самостоятельно самим Главнокомандующим вне местной власти, той самой власти, которой фронт до сего времени подчинялся. Это утверждаю. Приказ подписан 13 или 14-го мая 1918-го года, а самостоятельная Закавказская Республика объявлена была еще в апреле, кажется, 10 или 11-го. Это обстоятельство впоследствии породило большие трения между отраслями Военного Ведомства и высшей военной властью; о них я скажу позже.

Мне доложили, что офицеры штаба Главнокомандующего не хотят больше служить. Я счел нужным собрать их и сказать им несколько слов. Сказал им следующее. Я им нарисовал тяжелую обстановку, создавшуюся в Закавказье для народов, населяющих последнее: турки давят с юга; большевики в Баку; внутри волнения большевистского характера. При таких тяжелых обстоятельствах и узнаются друзья. Если русские – друзья закавказских народов, они должны в эту тяжелую минуту протянуть нам руку, помочь нам, и мы не только уверимся в их дружбе, но естественно, как следствие такого их поведения, явится то, что нам придется взять на себя по отношению к ним взаимные обязательства. Затем, даже с точки зрения политической, такое поведение русского элемента в Закавказье упрочит взаимоотношения будущей России и Закавказья, и, Бог знает, не придется ли им перед будущей Россией отвечать за то, что они предоставили Закавказье своим собственным силам и не приняли активного участия и тем не положили начала будущих взаимоотношений

между будущей Россией и народностями Кавказа. Что же касается вопроса, не явятся ли они нарушившими свою присягу, служа Закавказской власти, то на этом вопросе теперь останавливаться не следует, потому что, изменив своей присяге царю с начала революции, мы все являемся, строго говоря, изменниками царю; но это была историческая неизбежность. При этом надо иметь в виду, что наша присяга необходима была царю не в те дни, когда все было благополучно, а именно была дана на тот случай, когда ему что-либо угрожало; и вот в этот момент мы нарушили нашу присягу. Нельзя оправдываться тем, что он нас освободил от присяги; это только закрывать глаза на то, что отрекся он от престола не по собственному желанию, а по принуждению. Кроме того, сейчас вся Россия распалась на части и каждая часть может упрекать другую и называть своего противника изменником; но это, конечно, будет неверно. В моих словах я обращался к их сердцу и к их политической прозорливости. Многие потом мне говорили, что они совершенно были со мной согласны; однако после моего ухода было устроено собрание офицеров, и, как мне потом передавали некоторые участники этого собрания, мои бывшие сослуживцы, старшие начальники, напротив, подогрели их в обратном направлении, т. е. не служить.

Приказ ген. Лебединского породил еще следующие явления. Нам нужно было организоваться против большевиков, наступавших со стороны Баку. Сил не было, как я уже говорил об этом; и вот в этот момент русские не находили возможным выступить и действовать против большевиков; правда, не все, но подавляющее большинство. Странно было то, что выступать против большевиков в рядах Алексеева они шли с охотой, а в отрядах Закавказских войск против бакинских большевиков считали для себя неприемлемым. Начальник авиации полк. Коновалов явился ко мне и заявил, что он мне, как своему старому знакомому, как Георгию Ивановичу, которого он знает, будет подчиняться, но что это он совершенно не обязан делать. Мне пришлось ему ответить, что таких подчиненных нам не надо, и так как я уже имел сведения, что на аэродроме и в их парке начался дележ имущества, то сейчас же распорядился поставить там караулы при имуществе, поставил во главе авиации другое лицо и предложил остаться на службе тем, кто желает. Тут должен отметить, что оставшийся добровольно на нашей службе летчик Русанов впоследствии взлетел с аэродрома для учебного полета и на лучшем аппарате улетел на Северный Кавказ. Отдал приказ о неблаговидности поступка этого господина, не соответствующего достоинству русского офицера. Подобные условные подчинения повторились и в радиотелеграфе, и в других отделах. Надо было всюду сменять командование и организовывать новые управления. Вот в каких условиях приходилось работать. Одновременно надо было организовывать свои войска и этим приходилось ведать мне непосредственно, так как должность командира Гру-

зинского корпуса после объявления независимости Грузии была упразднена.

*
* *

Весной 1918-го года большевизм сильно отразился и на формирующихся грузинских частях. Их формировали из грузин, солдат, уходящей со всех фронтов Русской армии Западного фронта, иначе и формировать нельзя было. Большевизм в Кавказских войсках пошел по той же дороге, как и в российских войсках, но без тех ужасов, убийств и измывательств над офицерами, которые происходили в рядах обезумевшей русской армии Западного фронта. Я не буду описывать картин непослушания и даже бунтов в некоторых грузинских частях, но отмечу следующее.

В феврале эти выступления солдат приняли форму сдирания погон с офицеров; в Тбилиси это в один день приняло такую форму, что ген. Лебединский отдал приказ о снятии погон впредь до установления новой формы. Как я слышал, правящие круги, т. е. имевшие в то время в руках фикцию власти, остались весьма недовольны; они говорили, что они сумели бы защитить офицера от грубых посягательств. Думаю, что повсеместно это не удалось бы; даже в Тбилиси. Уже на Барятинской улице толпа солдат стояла и отбирала погоны, причем очевидцы передавали, что видели целые кипы отобранных погон. С этого времени офицерам пришлось погон не носить. Настроение солдат и общая обстановка была такова, что в апреле один из ответственных политических деятелей Павле Сакварелидзе был совершенно разочарован и со мной в разговоре выразил свое убеждение, что нам никогда не удастся создать армию. Между тем я уже видел проблески отрезвления и возразил ему, что он не прав и что не следует терять надежды. Вступив в должность помощника В. Министра, я сделал шаг и отдал приказ надеть погоны. Надели, обошлось без инцидентов. Спустя некоторое время отдал приказ о взаимном приветствии военнослужащих, причем приветствие должен был начинать младший. Тоже прошло. Таким образом революционное опьянение проходило, время работало на нас и можно было надеяться мало-помалу организовать войско.

Указывая на то, как вследствие приказа ген. Лебединского усложнилось, так сказать, дело перехода к новой военной власти, я хочу изложить еще один факт, касающийся непосредственно штаба Кавказского фронта. Это касается запаса орденов и медалей, хранившихся в штабе. Я сидел в Министерстве в своем кабинете, когда мне доложили, что один господин желает меня видеть по неотложному военному делу. Я сейчас же его принял. Он доложил мне, что в штабе собираются завтра с утра сдать в один из банков все ордена и меда-

ли, находящиеся в штабе фронта. Между тем штаб уже принимался новым начальником. Я сейчас же отправил туда комиссию под председательством ген. Ахметели с приказанием немедленно перевезти ордена и медали в Министерство и произвести подробную опись. Так и сделали, а затем все это сдали нашему Правительству. Этот факт достаточно ярок, чтобы показать, как относились учреждения Кавказского фронта к новой власти. Я не буду останавливаться на том, что было сделано мной в области собственно военной.

Указав сложную обстановку, в которой приходилось работать, я подчеркну трудности еще следующим обстоятельством. Когда я вступал в свою должность, мне было сказано, что я буду вполне самостоятелен в военных делах. Я уже указал, как я был занят также оперативными делами. Я поехал на Ахалцихский фронт лично руководить наступлением, которого добивался с большим трудом и которое в день моего приезда в Боржоми отменили. Теперь укажу, что эта моя самостоятельность была лишь пустым звуком. Военный Министр неоднократно отдавал приказы помимо меня о формировании каких-то частей, производил в чины тех или других лиц, давал награды, даже георгиевские кресты, и т. п. И все это делалось, несмотря на мои неоднократно повторные требования не делать этого. Был даже однажды случай производства в следующий, довольно высокий, чин полковника, одного офицера штаба, не только не осведомляя меня или начальника штаба, но быть может, даже помимо последнего. На мой протест В. Министр довольно характерно ответил: „Что ж, может быть, начальник штаба находит это ненужным, а я нахожу это лишь справедливым и это мое право". Я, вероятно, не сумел объяснить ему весь вред такого образа действий, по существу очень мало отличающегося от произвола персидского сатрапа и подрывающего авторитет начальников.

Конечно, мое различие во взглядах и ежедневные столкновения с правящими должны были так или иначе разрешиться. Так оно и случилось. Однажды я был приглашен на заседание, где должно было разбираться положение об организации Гвардии. О предмете заседания я узнал в последний момент. В это время немцы были в Тбилиси и с ними приходилось считаться. Они косились на Красную Гвардию и на красный флаг над дворцом. И решено было эту родившуюся из революции организацию превратить в государственное учреждение. Это было около 20-го июня. Гвардия тогда подчинялась Совету рабочих и солдатских депутатов. Этот Совет, председателем которого был Н. Н. Жордания, продолжал существовать, хотя армия, представители которой заседали в Совете, давно уже ушла в Россию. Собственно фактическая власть в стране принадлежала этому Совету и лишь благодаря тому, что одни и те же лица были и в этом Совете и в Правительстве, острого конфликта не происходило. Надо отдать справедливость: Гвардия за это время во внутренней жизни государства сыграла довольно значительную роль. Помимо своей задачи сто-

ять на страже революционных завоеваний, она неоднократно поддерживала в стране правопорядок и душила в самом зародыше всякие выступления против порядка как среди населения, так и в некоторых частях формирующихся войск, где состав солдат, прибывших из частей русской армии, был отравлен большевизмом. Насколько я помню, она усмирила большевистские выступления среди полков в Гори и в Телаве; если не ошибаюсь, это было весной 1918-го года. Своими действиями она, конечно, укрепляла центральную власть, что нельзя не отнести к ее заслугам. Желание ли ввести ее в нормальные условия государственной жизни или же давление немцев, или, может быть, какая-либо другая причина, не буду утверждать – факт тот, что было решено создать положение о „Народной" Гвардии.

ГЛАВА IV

ПРОЕКТ ЗАКОНА О НАРОДНОЙ ГВАРДИИ ГРУЗИНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В дни революции, особенно в последний период, неисчислимые опасности и бедствия грозили еще неоформившемуся и неокрепшему государству, Красная Гвардия оказала неоценимые услуги делу свободы и гражданского порядка в стране. Красная Гвардия, сформировавшаяся из наиболее передовых рабочих и крестьян, с геройским мужеством защищала свободу и революцию от внешних и внутренних врагов; на своих плечах она вынесла всю тяжесть борьбы с анархией, мутные волны которой грозили Грузинской Республике гибелью. В признание этих высоких заслуг Красной Гвардии Правительство сим объявляет существующую Красную Гвардию – Народной Гвардией Грузинской демократической Республики. В состав Народной Гвардии входят все части Красной Гвардии со всеми их штабами, при сохранении полностью их личного состава. Положение Народной Гвардии в общей системе вооруженных сил республики и основы существования и деятельности Народной Гвардии определяются следующими нормами:

Ст. 1

Задача Народной Гвардии – защита республики, ее независимости и свободы. (Посл. Поправки) Задача Народной Гвардии, как и всех вооруженных сил, защита правопорядка, основ устройства демократической республики, а также и территории государства.

Ст. 2

В Народную Гвардию принимаются желающие из числа граждан, не подлежащих воинскому призыву, ничем не опороченных и верных демократической республике. (Посл. поправки) В Народную Гвардию принимаются желающие из числа граждан, не состоящих на действительной службе, ничем не опороченных и верных демократической республике. От службы в вооруженных силах никто не освобождается.

Ст. 3

Прием в Народную Гвардию возлагается на ее районный штаб по инструкции, вырабатываемой главным штабом. (После поправки дополнено) ... Народной Гвардии и утверждаемой Правительством.

Ст. 4

Народно-Гвардеец обязан по призыву соответствующего штаба немедленно прервать обычный свой труд и явиться на указанный пункт со всем оружем и снаряжением, выданным ему на руки.

Ст. 5

Народно-Гвардейцы обязаны хранить в порядке выданное им оружие и снаряжение, и вне службы не имеют права ни появляться в публичных местах с оружием, ни пользоваться предметами выданного им снаряжения и обмундирования.

Ст. 6

На службе (во время учебных сборов, в нарядах, караулах и походах) Народно-Гвардейцы подчиняются всем требованиям военной дисциплины и всем законам, действующим в армии Грузинской Республики. За нарушение ст.ст. 4 и 5 Народно-Гвардейцы отвечают так же, как и солдаты за аналогичные поступки.

Ст. 7

Служба в Народной Гвардии бесплатная. Но Народно-Гвардейцам, утрачивающим свой заработок на службе Народной Гвардии, выдается определенное вознаграждение за потерянные рабочие дни. Инструктора и офицеры Народной Гвардии получают вознаграждение, величина которого определяется Главным штабом Народной Гвардии, применительно к окладам, существующим в армии Грузинской Республики. (После поправки) ... Но семействам Народно-Гвардей-

цев во время исполнения своих обязанностей выдается определенное Правительством вознаграждение; место, где бы они ни служили, остается за ними, но содержание за время исполнения своих обязанностей не получают.

Ст. 8

Члены Главного штаба Народной Гвардии назначаются Председателем Правительства из числа кандидатов, представляемых Главным штабом. Командиры отдельных частей Народной Гвардии назначаются Главным штабом и утверждаются в том же порядке, как командиры соответствующих частей армии Грузинской Республики.

Ст. 9

В распоряжение Главного штаба Народной Гвардии Правительство отпускает необходимые средства, проходящие в государственной смете по ведомству Военного Министерства.

Ст. 10

Главный штаб Народной Гвардии по соглашению с Военным Министерством может формировать из состава Народной Гвардии части всех родов войск, принимая на себя заботы об обучении и снабжении этих частей. (Здесь мной был поставлен вопрос о количестве и составе, но этот вопрос не разрешили.) Все средства снабжения для Народной Гвардии по требованиям Главного штаба отпускаются Военным Ведомством.

Ст. 11

Ни одна часть Народной Гвардии не может быть вызвана иначе, как через Главный штаб. Право вызова Народной Гвардии принадлежит Председателю Правительства. При невозможности для Председателя Правительства воспользоваться этим правом Народная Гвардия может быть вызвана Председателем Национального Собрания. В случае исключительной важности право вызова Народной Гвардии переходит к главному штабу Гвардии непосредственно.

Дальше предполагали по моему предложению внести приказ о ее подчинении после вызова, но заседание прервалось.

На заседании были: Военный Министр, члены штаба Красной Гвардии, полк. Закариадзе, я, кажется, Мазниашвили и кто-то еще из военных; присутствовал также и Председатель Совета солдатских и рабочих депутатов Н. Н. Жордания.

Я был, вообще, против подобной организации, как вооруженной силы; так и высказался. Однако признавая ее необходимой до сфор-

мирования армии, я скрепя сердце принял участие в обсуждении. С некоторым трудом удалось провести один пункт, что гвардейцы не освобождаются от службы в вооруженных силах государства, т. е. они должны были в случае мобилизации разойтись по войскам. Фактически они этого пункта впоследствии никогда не исполняли. Приходилось по каждому пункту спорить, и мне пришлось отстаивать мой взгляд, что Гвардия, как вооруженная сила, совершенно не пригодна на поле сражения. Я выражался определенно и ясно, и приводил примеры из ее действий в этом отношении. Конечно, в моих словах неоднократно слышалось осуждение этой системы. Вдруг Н. Н. Жордания встал и весьма взволнованный, покрасневший сказал: „Я как Председатель Совета солдатских и рабочих депутатов заявляю, что во главе Военного Министерства не может стоять лицо, так враждебно настроенное по отношению к Гвардии". Я крайне удивился непривычной для Ноя Николаевича горячности. Я возразил, что меня удивляет горячность Ноя Николаевича, совершенно не соответствующая ни его сединам, ни его годам; что я никогда не напрашивался на должность помощника Военного Министра и что пойду к себе на Саперную улицу и буду там на балконе так же спокойно курить папиросы, как я их курил до назначения на должность. В это время выходивший перед тем Военный Министр вернулся и объявил, что Правительство в своем заседании одобрило положение о Гвардии и приняло его. Вопрос был кончен, споры прекратились. Не понимаю, к чему было ломать комедию и устраивать какие-то заседания. Где тут была зарыта собака, трудно определить, как и во многих других случаях, если не принять в соображение одной из основных данных, которыми руководились наши новые вожди. Но об этом после.

ГЛАВА V

МОЯ ОТСТАВКА

На этом заседании решилась моя первая отставка. Через неделю новый Председатель Правительства Н. Н. Жордания составил новый кабинет. Кабинет остался тот же, за исключением помощника Военного Министра, т. е. меня. Еще до составления нового кабинета ко мне позвонил по телефону Н. В. Рамишвили, который заменял в Правительстве отсутствовавшего за границей председателя Правительства А. И. Чхенкели. Он просил меня немедленно вызвать в Тбилиси ген. Артмеладзе и экстренно. Я его спросил о причине вызова. Он мне ответил: „Он мне нужен". Это было после того заседания, на котором Н. Н. Жордания заявил, что я не могу быть во главе Военного Министерства. Ясно было, что намечался новый помощник Военного Министра.

Как я потом узнал, ген. Артмеладзе отказался категорически. Когда был составлен новый кабинет, то мне объявили, что в новый кабинет помощником Военного Министра приглашен ген. Одишелидзе, но что ввиду его пребывания за границей я должен продолжать исполнять эту должность. Опять комедия. Я подал в отставку совершенно от военной службы. Военный Министр сказал мне, что этот вопрос будет разбираться в заседании Правительства. Я был на этом заседании. Председательствовал Н. Н. Жордания. Когда дело дошло до моего рапорта об отставке, Н. Н. встал и сказал, что он торопится на заседание Совета солдатских и рабочих депутатов, и передал председательствование Н. В. Рамишвили. Началась канитель; уговаривали остаться на должности сначала до приезда ген. Одишелидзе, потом в качестве члена Военного Совета, которого, кстати сказать, не существовало. Я никак не мог убедить их, что с должности Главнокомандующего можно уйти только в отставку, и категорически настаивал на увольнении меня в отставку. Тогда Н. В. Рамишвили позволил себе сказать: „Генерал, мы на днях введем трудо-

вую повинность и по этой повинности заставим Вас служить". Как вам нравится такая постановка вопроса? Даже большевики не додумались до этого. Высших военных они приглашали и обставляли их жизнь по обычаям старого режима, они переманивали их к себе и никогда не применяли в отношении их трудовой повинности, понимая отлично, что на этих должностях можно работать лишь от сердца, а не по принуждению. По способу же Н. В. Рамишвили не трудно было дойти до превращения лиц, занимающих такие должности, как Главнокомандующий и помощник Военного Министра, просто в проституток. „Вот это обстоятельство и побуждает меня уйти в отставку непременно, ибо при таких порядках уже совершенно нельзя служить", – ответил я и ушел с заседания. Но у Н. В. Рамишвили свой кругозор, он по-своему решает все вопросы; но конечно, только не те, которые касаются их партии и партийных отношений; его способ – это устрашение, а арест есть всегдашний его способ разрешения всяких трудных вопросов. Совсем щедринский губернатор. Несмотря на категоричность моего желания уйти в отставку, Правительство под председательством Н. В. Рамишвили постановило назначить меня членом несуществующего Военного Совета. На другой день я заявил Военному Министру, что если с должности Главнокомандующего он не считал себя вправе уволить меня в отставку, то с должности члена Военного Совета, тем более не существующего, он может меня уволить в отставку. Он обещал отдать приказ и через несколько дней, не заботясь более об этой формальности, я уехал в деревню в Кахетию к своему шурину, у которого прожил до первых чисел октября. Таким образом состоялась моя первая отставка.

За это время я забыл упомянуть об одном обстоятельстве. Как я уже неоднократно упоминал, войск грузинских не было, они еще представляли кое-какую силу на фронтах, но на мирных стоянках это была толпа и при том недисциплинированная. Ввиду этого все имущество, оставляемое и бросаемое Кавказским фронтом, приходилось отдавать на хранение Гвардии, которая, как я уже говорил, стояла на страже правопорядка в стране. Но это хранение Гвардия понимала довольно своеобразно. Все, что туда попадало, рассматривалось как свое и впоследствии уже никакими силами нельзя было оттуда выцарапать. Вот пример наиболее яркий. Спустя два года после, когда я был начальником Военной Школы, я, будучи в одной комиссии, увидел у гвардейцев в складе пулеметы образца Кольта и артиллерийские зрительные трубы. Я просил бывшего тут же В. Джугели дать по одному экземпляру в Школу для обучения юнкеров и солдат, так как таковых образцов в Школе не было. Мне было отказано. Так смотрели гвардейцы на это имущество. Им передавалось для хранения с тем, чтобы потом использовать для общего дела,

но они это получаемое имущество рассматривали как свое собственное и считали себя наследниками всего остающегося имущества.

В течение моего пребывания на посту помощника Военного Министра Правительством был образован Комитет снабжения и сей последний вбирал в себя что можно было. Но этот последний комитет, как учреждение государственное, был все же закономернее и из него, хотя и с большим трудом, все же кое-что впоследствии можно было получить, хотя и за деньги.

Итак я в отставке, в деревне, где я пробыл три месяца и где научился читать и писать по-грузински, но языком, конечно, еще не овладел. В октябре я прибыл в Тбилиси и продолжал свои занятия грузинским языком. Тогда же по просьбе редактора грузинской военной газеты я написал несколько статей, прокорректированных и исправленных Тедо Сахокия, моим учителем грузинского языка. Затем по инициативе деятелей той же газеты было устроено маленькое грузинское военное общество ревнителей военных знаний. У них в редакции собрались военные, обсудили этот вопрос; затем составили устав этого общества, меня избрали председателем и хотели было перейти к деятельности, как грянула армяно-грузинская война.

За мое время грузинские войска организовывались в пехотные дивизии, четырехполкового состава каждая; с соответствующей артиллерией; конницу составляли два конных полка с конной батареей; наряду с этим организовывались саперы, авио, радио и прочие технические части. После моего ухода войска продолжали формироваться по этой же схеме. При мне на должность начальника штаба я пригласил ген. Андроникашвили. После моего ухода мою должность временно занял ген. Андроникашвили, а затем в деревне я узнал, что помощником В. Министра назначен не ген. Одишелидзе, как говорили мне, а ген. Александр Гедеванишвили. Я очень был рад, зная его, как одного из лучших строевых начальников, к тому же, хотя и не генерального штаба, но окончившего по 2-му разряду. Я никогда не служил с ним вместе раньше, но отзывы о нем были самые лучшие. Я не буду разбирать его и его деятельность, но скажу, что во многом мне впоследствии пришлось разочароваться. Как я упомянул раньше в моих записках, он был назначен комендантом Батумской крепости. Туда же был назначен и ген. Мдивани. Во время падения Батуми ген. А. Гедеванишвили попал в плен к туркам, как и ген. Артмеладзе со своим начальником штаба полк. Н. Гедеванишвили и многими другими. Ген. Мдивани вместе с И. В. Рамишвили удалось ускользнуть на истребителе. Передавали, что отъехав от пристани, И. В. Рамишвили сказал: „Ловко выскочили". Характерная фраза. Вернувшись в Тбилиси, ген. Гедеванишвили явился в Военное Министерство и пока я был при Министерстве. В это время

Военный Министр сказал мне, что следует назначить расследование о сдаче крепости Батуми. Я заметил, что практически вряд ли это будет иметь какой-либо реальный результат, но не настаивал не делать этого, тем более что переговорил об этом с ген. Гедеванишвили, который мне сказал, что он очень будет этому рад. Я уже составил проект приказа о следствии, когда был удален со своей должности. Почему после моего ухода не было назначено следствие, не знаю, и это особенно удивительно, так как Военный Министр, когда я был его помощником, очень настаивал и все время торопил меня составлением приказа. Итак, вместо того, чтобы попасть на скамью подсудимых, ген. Гедеванишвили попал на кресло помощника Военного Министра, а спустя месяца два на такое же кресло другого помощника Военного Министра попал ген. Мдивани. Таким образом Правительство быстро изменило свой взгляд. Сначала оно собиралось, собственно говоря, их судить, а затем решило посадить их на самые ответственные места военной иерархии. И это было сделано, не выяснив их правоты по суду, даже не произведя следствия, чтобы хоть по последнему составить себе то или другое мнение. Такая перемена взгляда – это тоже их тайна. Так или иначе, перед войной с армянами во главе Военного Ведомства стояли: ген. А. Гедеванишвили по строевой части, а ген. Мдивани по хозяйственной.

*
* *

Когда я вернулся из деревни, то явился ген. Гедеванишвили. В приказе по Военному Ведомству я был уволен в отставку с мундиром и пенсией, и просил оформить это и указать, как, когда и какую сумму буду получать. Я обратился к нему, а не прямо к Военному Министру по привычке нашей военной субординации и думал с его стороны встретить содействие. Каково оказалось его содействие, сейчас опишу.

Сначала он сказал, что доложит Военному Министру и ускорит это дело. Потом через некоторое время он сказал, что ввиду отсутствия пенсионного устава этот вопрос надо будет доложить в Правительстве. Потом еще через некоторое время он сказал, что нужно выяснить, по какой должности мне рассчитать пенсию, при этом он добавил, что по законам российским я должен был быть два года на должности, чтобы получать пенсию по этой должности. Я ему возразил, что российские законы нельзя применять к нам, так как они совершенно не предусматривали Главнокомандующего войсками и помощника Военного Министра республики Грузии; что, наконец, если их применять, то я должен получить пенсию по предыдущей должности и поэтому, если моя последняя должность члена Военного Совета, то я должен получать по должности Главнокомандующего, как

по предыдущей; если же моей последней должностью будет рассматриваться должность Главнокомандующего Грузинскими войсками то в этом последнем случае, следуя тому же закону, пенсию мне должны определить по предыдущей должности, т. е. по должности Главнокомандующего войсками Закавказской Республики. Во всяком случае, так или иначе, а вопрос надо решить скорее, так как с июля месяца (а это был уже ноябрь) я никакого содержания не получал. Он опять обещал все ускорить. Я опять ждал, ждал и все получал ответы, что нужно то одно, то другое составить и т. п. Тогда я пошел к Военному Министру, и вдруг он мне сказал, что все это он сам устроит, что он отдаст приказ без Правительства. Я зашел к Гедеванишвили и сказал ему об этом. Во время моего нахождения у него, зашел Военный Министр и возбудился разговор по моему вопросу. К моему удивлению, ген. Гедеванишвили категорически настаивал, что этого сделать нельзя без Правительственного постановления; Военный Министр категорически сказал, что он отдаст приказ. Оставалось только дать на подпись проект приказа, что могло занять времени не более 5 минут. Ген. Гедеванишвили обещал все сделать и прислал мне копию приказа. Я ушел от него уверенный, что через 2-3 дня все будет устроено. Не тут-то было; прошло две недели, и я не получил ни ответа, ни привета. Через две недели я позвонил по телефону Гедеванишвили и спросил его, отдан ли таковой приказ и почему он мне ничего не сообщает. Он мне ответил, что теперь помощником Военного Министра по хозяйственной части назначен ген. Мдивани и он все дело передал ему, и просил меня обращаться с этим вопросом уже к ген. Мдивани. Итак я получил полное его содействие. Я позвонил к ген. Мдивани. Началась опять старая история с должностями, с докладами, со справками и прочее: заканчивалось стереотипной фразой все скоро устроить. Между тем события не ждали и надвинулась грузино-армянская война. Я не буду вдаваться в ее причины и поводы; не буду вдаваться в подготовку к ней, как внешне-политическую, так и в военном отношении.

ГЛАВА VI

Армяно-Грузинская война. – Главное командование. – Шулаверские события. – Конец войны с Арменией

АРМЯНО-ГРУЗИНСКАЯ ВОЙНА

Военные представители Антанты, конечно, как и немцы, косились на развевающийся над Учредительным Собранием красный флаг и также на марксистское Правительство Грузии. Симпатии их были на стороне армян. Кроме того, в армянских войсках было много офицеров – русских. Наше офицерство называло армянские войска „7-й Деникинский корпус". Конечно, у армян были другие более глубокие причины атаковать Грузию, тем более, что между Правительством Армении и Грузии шли переговоры. Находясь в отставке, я не был в курсе этих переговоров.

Армяне, атакуя Грузию, не могли рассчитывать овладеть Грузией; несомненно, они это знали и вряд ли даже под подстрекательством Деникина и, возможно, представителей Антанты (всего двух капитанов, одного англичанина и одного француза) рискнули бы воевать с Грузией.

В 1919-м году Грузинское Правительство издало книгу „Из истории Грузино-Армянских отношений" на русском языке. Эта книга попала мне в руки уже в эмиграции, и, приготовляя свои воспоминания к изданию, в 1955-м году я счел необходимым добавить несколько слов на основании этой книги. Переговоры с армянами вел Сосико Мдивани, неудачный дипломат в Армении в 1918-м и затем в Турции в 1921-м году, передавший Батуми туркам. Из написанного в этой книге выясняется, что наши лидеры с 1917-го года обещали армянам те грузинские области, где большинство было армян, и это, вероятно, вследствие плохо понятого и неправильно примененного принципа самоопределения народов. Дело в том, что испокон веков

Грузия давала приют бегущим из Турции армянам, как сейчас все страны дают приют убегающим из России. Конечно, мы могли бы согласиться на исход из Грузии армян к себе в новообразовавшуюся родину, но вовсе не передавать территорию, которая всегда составляла часть Грузинского государства.

Что касается подготовки к войне со стороны Грузии, то таковой совершенно не было, ни внешнеполитической, ни военной. Армяне это знали и, будучи уже готовы к войне, они рассчитывали сразу захватить претендуемые ими области и верно полагая, что представители Антанты остановят войну, а может быть, даже имели их согласие на это.

Кровь грузин лилась с 8-го декабря, а мобилизация была объявлена лишь 18-го декабря, и это тогда, когда бои шли в 60-80 верстах от столицы. Скажу больше, 12-го декабря с особым торжеством праздновали день взятия арсенала Народной Гвардией, для большего торжества которого, как я узнал позже, из Екатериненфельда, театра военных действий, была вызвана в Тбилиси конница Гвардии.

18-го декабря, в день объявления мобилизации, я пошел к начальнику генерального штаба ген. Андроникашвили и заявил ему, как старшему начальнику офицеров генерального штаба, что я себя предоставляю в полное его распоряжение и он может меня использовать на любой должности генерального штаба или другой, включительно до начальника разведческого эскадрона. Тут же я его спросил про обстановку; он сказал, что мобилизация объявлена, что через несколько дней будут войска, которые и пошлются на фронт, а что эти части, которые имеются под рукой, посылаются на помощь к ген. Георгию Цулукидзе. „Куда же", – спросил я. „В Санаин", – ответил он, – „туда сегодня уже пошел эшелон полк. Вачнадзе". „В Санаин, – сказал я, – ни одного человека нельзя посылать туда, напротив, все надо скорей вытаскивать назад, в Садахло; если можно, остановите скорей эшелон Вачнадзе". Он мне ответил, что он лично ничего не может сделать, так как Главнокомандующим назначен ген. Гедеванишвили, а к нему начальником полевого штаба ген. Имнадзе, но что он скажет им об этом моем мнении. Я ушел от него, подтвердив, что буду ждать его назначения.

На другой день я узнал, что формируется офицерский полк. Эшелон Вачнадзе не был остановлен и у Айрума, потеряв треть состава, расстреляв все патроны и окруженный со всех сторон в ущелье-щели, попал с остатками в плен. Мало того, оказывается в эту Санаинскую щель были посланы броневые поезда и гаубичная батарея, которые в этой местности, конечно, не были пригодны. Все это меня до крайности угнетало и удивляло, как удивляло составление какого-то нового полевого штаба, который, конечно, при наличии генерального штаба и незначительности нашей территории являлся совер-

шенно лишним учреждением. Ужасно было состояние моей души; я прямо не находил себе места. Мне было обидно за родину, так глупо попавшую впросак, мне было обидно за армию, несущую в течение уже 10 дней одни неудачи, мне было обидно за умиравших бойцов, поставленных в невозможные условия борьбы, и это под звуки тбилисских торжеств 12-го декабря гвардейского праздника, годовщины взятия арсенала; мне было больно за своих боевых товарищей, героев последней войны, и здесь обреченных на позор, ибо, зслуживши высшие боевые награды за бои с серьезными противниками, здесь они были поражены несомненно слабейшим врагом; мне было обидно за все, что делалось, и в то же время я сознавал, что совершенно не в силах чем-либо помочь, я был обречен на бездействие и должен был ждать. На третий день я решил пойти и записаться в офицерский полк рядовым бойцом. Бездействие и молчаливое созерцание всего происходящего было нестерпимо. Как раз, когда я надевал пальто, чтобы идти записываться в офицерский полк, приехал офицер из штаба с запиской от ген. Андроникашвили, предлагающего мне на выбор две должности: начальника штаба к ген. Магалашвили, формирующему Добровольческий корпус, или начальника штаба дивизии к ген. Мазниашвили. Я пошел в штаб. Там в кабинете ген. Андроникашвили я встретил ген. Гедеванишвили, который стал мне советовать принять должность начальника Добровольческого корпуса, который, по его словам, самое большее, через две недели будет сформирован. Мне было грустно, но я не мог не улыбнуться. Теперь для всякого ясно, что он не мог сформироваться так быстро и что, во всяком случае, до его сформирования война, если бы не была закончена, то во всяком случае решительные бои разыгрались бы без участия этого корпуса. Я ответил сдержанно, что я приму тот штаб, который будет действовать на поле сражения завтра же, и что мне все равно быть начальником штаба корпуса или дивизии; поэтому, если ген. Мазниашвили ничего не имеет против, то я пойду начальником штаба к нему. Мазниашвили был тут же и выразил свое согласие. Мне в первую минуту показалось, что он как будто не особенно доволен этим; возможно, что это было не так и мне это подсказала моя, быть может, в этом случае чрезмерная подозрительность. В следующую минуту я это объяснил его конфузливостью получить к себе в начальники штаба своего бывшего начальника. Сам Мазниашвили лучше это знает; во всяком случае мы начали наше общее дело в добром согласии и так же его закончили. В это время в кабинет вошел Военный Министр и, узнав, что я иду начальником штаба к ген. Мазниашвили, выразил мне свое удовольствие. Тут же возбудился вопрос об офицерском полку; кажется, я послужил причиной; я признался, что сегодня уже шел записываться в этот полк. Выяснилось, что командиром этого полка назначается полк. Нарекеладзе, который уже начал формирование. Я не мог не вмешаться и выразился, что во главе такой части, как офицерский

полк, должно быть назначено лицо с авторитетным и почетным именем и что таковым является наиболее подходящим полк. Бакрадзе, отличный строевой офицер и с 2-мя офицерскими Георгиевскими крестами. Ген. Гедеванишвили стал отстаивать кандидатуру полк. Нарекеладзе. Военный Министр приказал сейчас же назначить полк. Бакрадзе. Я ушел из штаба и в тот же день вступил в свою должность.

Мазниашвили в своем кабинете встал со своего кресла, посадил меня туда и сказал: „Вот тебе карта, бумага, чернила, карандаши, перья. Орудуй". Я начал свою работу. Между тем дела шли неважно. Ген. Георгий Цулукидзе отошел к Садахло. Я каждый день утром и вечером был в штабе и узнавал о положении наших войск. Ген. Имнадзе, начальник полевого штаба, рисуя обстановку и указывая по карте расположение войск ген. Цулукидзе, сказал, что, вероятно, телеграмма перепутана, ибо не может быть такого расположения наших войск. Действительно, наши войска стояли вокруг Садахло на предгорьях и были, собственно говоря, окружены противником; все высшие точки окружающих гор были в руках противника. К сожалению, это оказалось правдой, и на следующий день ген. Цулукидзе после боя едва-едва отошел в направлении на Ашаги-Сераль. Насколько труден был отход, может свидетельствовать тот факт, что части принуждены были отходить по правому берегу р. Дебеда-чай, а не по левому ее берегу, где проходила дорога на Ашаги-Сераль. Батарее Цагурия, проходившей по этой дороге, пришлось шашками проложить себе дорогу. Полк. Цулукидзе был отозван и вместо него был послан ген. Сумбаташвили с подкреплением в несколько сот человек. 23-го декабря ген. Мазниашвили и я выехали на ст. Ашаги-Сераль. В это время мобилизация еще не была закончена. Мобилизация была объявлена 18-го декабря только 4-х возрастов, но сверх того была масса добровольцев.

Надо сказать, что во время Батумской эпопеи на оборону Батуми откликнулась главным образом западная Грузия; на войну с армянами откликнулась уже вся Грузия; война оказалась весьма популярной, а близость врага к Тбилиси и наши неудачи лишь возбуждали и воодушевляли народные массы. Враг был всего в 2-3-х верстах от Тбилиси и прежде всего надо было выиграть время.

Ген. Мазниашвили и я подъехали к станции Ашаги-Сераль; нас встретил ген. Сумбаташвили. Увидев меня, он сказал мне: „И вы тоже приехали сюда замарать свое имя". „Оно так замарано", – отвечал я, – „что бояться больше его замарать не стоит".

Обстановка была следующая. Остатки войск полк. Цулукидзе, всего менее 200 человек, отошли по правому берегу Дебеда-чай или иначе Бомбак; ген. Сумбаташвили отряд, т. е. те несколько сот человек, которые он привел в подкрепление полк. Цулукидзе, оттеснив передовые части противника, были всего в 2-3-х верстах к югу от

Ашаги-Сераля по направлению на Шулаверы. Как докладывал ген. Сумбаташвили, он прибыл тогда, когда полк. Цулукидзе уже начал отступать. Часть своих сил он выслал вдоль железной дороги с целью принять на себя отходившие части полк. Цулукидзе, а с остальными повел наступление вдоль шоссе на Шулаверы; остаток сил, что-то около 150 человек, держал в Ашаги-Серале, но к нашему приезду пришлось их израсходовать на подкрепление участка, ведущего бой на Шулаверском направлении. Итак, на правом берегу р. Дебеда-чай весьма жидко; вдоль железной дороги так же; на Шулаверском направлении в этот день овладели одной из вершин, но затем наступление приостановилось. Действия и распоряжения ген. Сумбаташвили должно признать правильными; несомненно они были рискованными, но только такими действиями можно было приостановить наступление армян, уже две недели имевших успех и вследствие этого наступавших с приподнятым настроением.

Именно движение на Шулаверы могло их заставить приостановиться в своем наступлении и обратиться к обороне этого города. Это наступление ген. Сумбаташвили на Шулаверы привлекло их внимание и приостановило общее наступление вдоль железной дороги на Тбилиси. Этим ген. Сумбаташвили выиграл драгоценное для нас время. Если бы армянский начальник был дальновиднее, он должен был бы продолжать движение вдоль железной дороги и по правому берегу р. Дебеда-чай, не обращая внимания на движение ген. Сумбаташвили на Шулаверы; он здесь почти не встретил бы сопротивления и мог в тот же день отбросить нас за Храм. К счастью, действия ген. Сумбаташвили вызвали со стороны армян именно тот образ действий, который был для нас наиболее желательным. Нам надо было во что бы то ни стало держать армян под страхом нашего наступления на Шулаверы. Взятие нами в тот день одной из вершин на Шулаверском направлении, как способствовавшего уверить армян в нашем желании взять Шулаверы, было для нас весьма благоприятной данной. Все это быстро пришло мне в голову во время доклада ген. Сумбаташвили, и мы все, выйдя из вагона, поехали верхом на позиции. Мы проехали на крайнюю, выдвинутую вперед и вправо высоту, и оттуда мы увидели Шулаверы и окрестности далее, правее, к западу.

Ген. Мазниашвили вступил в общее управление и сейчас же образовано было два боевых участка: 1) ген. Сумбаташвили на Шулаверском направлении и 2) участок на правом берегу р. Дебеда-чай, сейчас не помню, под чьим начальством. Возвращаясь назад после объезда (с нами был и член штаба Гвардии Ладо Джибладзе), мы узнали от беглецов, что та высота, которая была только что взята нами, взята обратно армянами; беглецы полем, вразброд, направлялись на Храм; человек 50-60 мы лично остановили, причем Ладо Джибладзе ругал их, и, кажется, нагайка была в употреблении. Я был очень рад тому, что один из новых деятелей лично видел, что такое бой и что способы управления на поле сражения стары, как мир,

и никогда не изменятся; без понуждения нельзя водить людей в бой. Дело оказалось в следующем. Та вершина, с которой мы разглядывали расположение противника, была недалеко от только что взятой нами. Все сделала неожиданно появившаяся у армян артиллерия. Она открыла огонь и наши маловыдержанные, недисциплинированные добровольцы очистили высоту.

*
* *

Ген. Мазниашвили храбрый; я несколько раз видел его под выстрелами и могу это засвидетельствовать. Храбр он и в такие минуты, когда обстановка сгущается очень неблагоприятно. Но он страдает тем, что чересчур храбр, если так можно выразиться; он часто рискует собой, и мы могли неоднократно потерять такого человека, потеря которого была бы для нас большим ущербом. И здесь, когда мы слезли с лошадей и пошли на гору, он упрямо шел по гребню; я его укорял, но с ним ничего нельзя было сделать. Он добился своего, по нас открыли артиллерийский огонь по той вершине, откуда мы разглядывали; нам надо было быть очень осторожными. Один снаряд упал передо мной в нескольких шагах, и я был осыпан землей с ног до головы. „Этого ты хотел", – закричал я Мазниашвили, и только тогда он сошел с гребня. Слава Богу, нас никого не задело. Этот артиллерийский огонь, в боях до нас, у Шулавер, со стороны армян был впервые и доказывал, что армяне привезли в Шулаверы орудия, а значит, привели и подкрепления. Когда мы оставили эту вершину и продолжали наш объезд, армяне открыли огонь именно по той вершине, которую наши только что взяли; наши не выдержали артиллерийского огня и бросили эту довольно важную высоту; беглецов с этой горы потом часа полтора-два мы и ловили при нашем возвращении полем. Вернувшись назад в вагон, мы с ген. Мазниашвили быстро обсудили положение и согласились сразу, что армян надо хлопнуть справа, обходя их левый фланг, и ударить на Шулаверы с северо-запада. Но чем надо было ударить? Я тогда же сострил, что в резерве у нас имеется три генерала и один член Учредительного Собрания. Мы отлично понимали, что нужно вырвать инициативу у противника, которой он владел уже две недели, но вырвать было нечем. Настала ночь. Я сознавал, что положение висит на волоске. Малейший нажим армян, и мы мигом очутились бы за Храмом. Мы были начальниками без войск. Из Тбилиси хладнокровно сообщали, что войск пока нет, что мобилизация еще не закончена, что принимаются все меры к ускорению и т. д. Я шагал по вагону, бесконечно смотрел в карту, изыскивал все способы извернуться, но не имея войск, ничего не мог придумать, снова ходил, снова смотрел в карту и т. д.

Между тем мной уже были приняты меры к упорядочению управления, к установлению связи, тыла и проч. Около часа ночи вдруг услышал шум подходящего поезда. Послал адъютанта узнать. Через несколько минут он вернулся и доложил, что прибыла Хашурская Гвардия. Я потребовал к себе начальника. Спросил, сколько людей, получил ответ 240; имеются ли патроны — ответил, что только по 30; „да что же вы, едете на войну и главного, патронов, не берете с собой". Но тут же случившийся член штаба этой Гвардии сказал, что начальник не знает и что у людей по 200 патронов. Этот маленький диалог привожу для иллюстрации обычаев Гвардии. Приказал им немедленно выгружаться. Они просили подождать до утра. Я ответил, что я с удовольствием подождал бы, но боюсь, что противник не пожелает со мной согласиться. Настоял на своем. Эти 200 человек мне ничего не давали. После выгрузки я их отправил на правый фланг. Затем опять томительное ожидание, шагание, карта и пр. Часов в 4-5 подошел еще поезд. Я только отдал приказание разбуженному мною адъютанту выяснить, кто прибыл, как вошел начальник эшелона и доложил, что прибыл эшелон 5-го полка в составе 2-х батальонов с 15-ю пулеметами. Я чуть его не расцеловал. Я сразу успокоился. Еще несколько часов и начнем инициативу захватывать в руки. Кроме того, это была строевая часть. До этого в составе войск ген. Сумбаташвили было всего 2 роты 6-го полка подполк. Кончуева, остальное были Гвардия и добровольческие части. Сейчас же высадил батальоны из вагонов и отправил на правый фланг, согласно намеченному плану действий.

Я не буду останавливаться на всех подробностях этой войны. Отмечу лишь некоторые наиболее яркие эпизоды и симптоматично характерные факты.

ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Начну с главного командования. Не помню, в Тбилиси или в один из приездов Главнокомандующего ген. А. Гедеванишвили мне пришлось говорить с ним о предстоящих действиях. Ген. Гедеванишвили, говоря в общих чертах о предстоящих действиях, сказал, что собирается образовать две группы войск: одну на Садахлинском направлении, а другую на Воронцовском с резервом в Сандари и что он считает Воронцовское направление главным. Я высказался, что при данных обстоятельствах Воронцовское направление не может быть главным, что главное направление есть вдоль железной дороги, а Воронцовское или упрется в крепость Александрополь или вдоль Лори, и должно выйти на то же железнодорожное направление, но только длиннее, кружнее, опаснее при нашей неустойке на железнодорожном направлении; и наконец, мы не справимся с питанием на шоссе до 200 и более верст. Ген. Гедеванишвили оставался при сво-

ем мнении, и я ему сказал: „Не будем спорить, какое главное, кампания покажет, но ты дай нам на железнодорожное направление достаточно войск, и я тебе ручаюсь из второстепенного направления сделать его главным". Предоставляю военному читателю разделить точку зрения мою или ген. Гедеванишвили.

Ген. Гедеванишвили приезжал неоднократно к нам и раз был на позициях, я его не сопровождал. Никаких указаний по Шулаверской операции он нам не делал и в этом отношении поступал совершенно правильно, тем более, по-видимому, что здесь ошибок не делалось, а связывать инициативу и навязывать свою мысль исполнителю никогда не следует.

Однажды, после взятия Шулавер, он приехал в Ашаги-Сераль, благодарил Мазниашвили и меня от имени Правительства и от своего, целовал нас, а затем перешли к карте. Выслушав доклад, он дал нам указание для дальнейших действий; он нам приказывал пройти Садахло, но дальше линии, сейчас ее не помню, но знаю, что всего несколько верст южнее этого селения, дальше этой линии нам продвигаться не разрешалось, пока гвардейская группа, находящаяся в районе Екатериненфельда, не выравняется с нами. „Ну, а если они никогда не выравняются с нами, нам все ждать и стоять?" – спросил я. „Они выравняются", – ответил он, – „и тогда будет общее наступление".

Таким образом, вместо того, чтобы развивать достигнутый успех, этот успех ставился в зависимость от успеха на другом участке, где могло его не только не быть, но могла последовать, быть может, неудача и, следовательно, срывался общий успех. Таким способом действий мы как раз давали противнику время оправиться и теряли с таким трудом вырванную у противника инициативу.

Был еще один его приезд, очень характерный. Кажется, это относится ко времени, когда были прекращены военные действия. Приехал Военный Министр, а потом и он. Военный Министр пожелал ехать к войскам; ген. Гедеванишвили сказал, что он должен вернуться в Тбилиси. Ген. Мазниашвили и я должны были сопровождать Военного Министра, но ген. Гедеванишвили заявил, что у него есть дело ко мне, вследствие чего я остался при нем. После отъезда Военного Министра мы направились к его вагону. Мы стали ходить взад и вперед около вагона и разговаривать; мы не вошли в вагон, вероятно, потому, что ген. Гедеванишвили не желал, чтобы наш разговор мог бы быть услышан кем-нибудь, иначе нечего было ходить на холоде. О боевых, прошлых и предстоящих действиях, не говорилось. Ген. Гедеванишвили говорил, что теперь Правительство очень хорошего мнения обо мне, что несомненно я опять буду приглашен служить, что он подаст в отставку и, вероятно, я буду его заместителем и т. д. в том же духе. Я молча слушал его и не совсем понимал, для чего он мне все это говорит. Не понимаю и сейчас; объясняю тем, что, по всей вероятности, этот вопрос очень его озабочивал.

Выслушав его, я ему ответил, что уйти или не уйти в отставку – это его дело, и если он бросает службу по своему желанию, то ему должно быть все равно, буду ли я его заместителем или нет; что, наконец, если он уйдет в отставку и мне предложат его должность, тогда я буду говорить по этому вопросу непосредственно с Правительством. Я не хотел ему говорить, что Правительство по политическим и личного характера соображениям никогда и ни в коем случае не предложит мне должности помощника Военного Министра, да и вообще такой должности, которая меня поставит во главе вооруженных сил, и что к этому оно прибегнет лишь под давлением чрезвычайных обстоятельств. Правительство своим последующим поведением в отношении меня до настоящего момента доказывало и сейчас доказывает, что мой взгляд был совершенно верен. Удовлетворил или не удовлетворил его если не ответ, то мое мнение по этому поводу – не знаю. Он уехал, а я вернулся к своим обязанностям.

ШУЛАВЕРСКИЕ СОБЫТИЯ

Операция Шулаверская тянулась до 28-го вечером, когда собственно Шулаверский бой был решен; 29-го войска вступили в Шулаверы. С 24-го декабря к нам стали подходить подкрепления и к 28-му стянулись сюда части 1 и 2 дивизий, правда не все, а также прибыли конно-пешие эскадроны нашей конницы. Шулаверы были бы взяты на одни, даже на двое, суток раньше, если бы не привходящие обстоятельства. Из Тбилиси нас все время торопили со взятием Шулавер, ибо представители Англии и Франции требовали прекращения войны. Мы, конечно, не могли прекратить действий, не взяв Шулавер и не отогнав противника в его исходное положение. 24-го декабря, после отправки 2-х батальонов 5-го полка на правый фланг для действий против Шулавер по новому направлению, я получил известие, что идут из Тбилиси эшелоны Самтредской Гвардии в 500 человек под начальством ген. Чхетиани и пеше-конные эскадроны. Вообще мне сообщили, что войска станут ежедневно подходить, так как мобилизация всюду заканчивалась. В отношении предстоящих действий ген. Мазниашвили и я стали совершенно спокойны и стали приводить в исполнение задуманный нами маневр. Одновременно с этим продуманным планом у меня назрел другой, рискованный, но плодотворный по своим последствиям; но я об этом ничего не говорил Мазниашвили, ибо согласно этого другого плана, надо было окончательно привязать армян к Шулаверам, заставить их побольше подтянуть туда сил и затем приступить к исполнению задуманного мной плана. Развитие действий на нашем правом фланге нисколько не противоречило этому, а если б этим приводимым в исполнение планом разбили противника и взяли бы Шулаверы, то и слава Богу. Мой новый план, как я сказал, рискованный был бы уместен именно

в том случае, если бы наша атака Шулавер по намеченному направлению не удалась бы и этим доказалось бы, что противник сильно сосредоточился в самих Шулаверах. К крайнему сожалению, наш план действия против Шулавер справа знал Ладо Джибладзе, который ездил с нами на позиции. Говорю к сожалению, ибо его вмешательство помочь этому помешало взять Шулаверы раньше.

Вот в чем дело. Эшелон с Самтредской Гвардией стоял в Сандари, на предыдущей станции; он получил приказание следовать на Ашаги-Сераль. В Сандари оказался Ладо Джибладзе или он ехал вместе с этим эшелоном, кажется, второе вернее, факт тот, что вместо эшелона приехал Ладо Джибладзе с ген. Чхетиани, вследствие чего терялось драгоценное время. Их паровоз занял очередь и не дал возможности отправить эшелон. Он, Ладо Джибладзе, мотивировал свой приезд тем, что, зная наш план действий справа, хотел предложить нам, не лучше ли высадить эшелон в Сандари и оттуда повести его прямо на Шулаверы. По существу, конечно, можно было бы так поступить, если бы у нас была твердая уверенность, что противник не рванет за это время по нашему центру или по левому флангу; для отражения неблагоприятной этой для нас случайности и необходимо было этому эшелону прибыть сначала в Ашаги-Сераль и отсюда приступить к действию по своему назначению. Пребывание его у Ашаги-Сераля давало нам возможность двинуть его на подкрепление в случае появления вышеуказанной неблагоприятной для нас случайности. Когда же этот эшелон уходил бы на правый фланг, то к этому времени подходил бы следующий эшелон из Тбилиси и у нас вновь образовался бы резерв. Конечно, все эти соображения не могли прийти в голову человеку, мало знакомому с ведением военных операций и, вообще, с военным делом. Когда Ладо Джибладзе приехал в Ашаги-Сераль, я сказал, что эшелон должен ехать сюда. Не могу сейчас сказать, в силу каких соображений и железнодорожных манипуляций, но мы никак этот эшелон не могли получить до ночи. Благодаря этому все 24-е декабря мы по существу оставались без резерва, имея его в Сандари. Слава Богу, армяне не проявили инициативы, и кризис вновь прошел благополучно. Вот пример вреда вмешательства не в свою компетенцию людей, даже страстно желающих помочь делу.

Ген. Чхетиани было приказано объединить командование своим эшелоном и батальонами 5-го полка, уже выдвинутыми, и ударить по левому флангу противника, обходя Шулаверы; ему придана была артиллерия, довольно могущественная по нашему масштабу, именно несколько батарей, а вперед выслана единственная конница, разведческий эскадрон подп. Эристави с целью разведки и освещения того района, по которому ген. Чхетиани должен был совершить подход к полю сражения. Опоздав на целый день, ген. Чхетиани мог начать атаку только 26-го утром, а не 25-го, как было предначертано и что было сбито задержкой эшелона у Сандари.

26-го утром Самтредская Гвардия, обходившая фланг армян, овладела высотами, командующими над городом Шулаверы, и вечером мы получили от ген. Чхетиани донесение, что завтра, 27-го утром, он спустится в Шулаверы. Как потом говорил этот боевой генерал, он никогда в своей жизни таких донесений не посылал, но позиции, взятые им, были настолько крепкими и решающими для взятия города, что он окончательно уверился в успехе и позволил себе в донесении уверенно говорить о будущих действиях.

За это время нами принимались меры к упорядочению центра ген. Сумбаташвили в смысле управления, связи на участке, укреплений позиций окопами и усилению артиллерии и пр. Надо сказать, что участок ген. Сумбаташвили включал в себя до 12 единиц различного наименования. Из армейских частей у него были 2 роты 6-го полка и офицерская рота, а также почти не способная к бою рота пограничников из состава бывшего отряда полк. Цулукидзе. Остальное были добровольческие отряды.

26-го декабря ночью мы получили от ген. Чхетиани весьма неприятное донесение. Он доносил, что Самтредский батальон с наступлением темноты бросил позиции без боя и спустился вниз к штабу участка; он добавлял, что завтра с утра вновь произведет атаку. Атака нашим правым флангом, рассчитанная на неожиданность для армян, не удалась; теперь надо было ломить в открытую.

Подтвердив ему приказание атаковать, я на другой день утром решил доложить ген. Мазниашвили свой план действий, о котором говорил выше. Атака ген. Чхетиани привлекла внимание армян, а его повторная атака несомненно оттянет силы армян в этом, совершенно неопасном для нас направлении, что мне и нужно было. Предварительно я пригласил ген. Сумбаташвили и сказал ему, что я хотел предпринять. Выслушав мой план, ген. Сумбаташвили сразу преобразился, лицо его повеселело, он вскочил и стал оживленно говорить: „План великолепный, вот именно он удастся, я понимаю его, он не может не удаться; он будет неожиданным для армян, и мы всех их залапаем в Шулаверах". Я был очень рад. Исполнитель плана был на лицо. Самый лучший исполнитель всякого плана есть или его создатель, или тот, который этому плану сочувствует и которому таковой нравится. Я был рад и как составитель, ибо получил одобрение боевого генерала, которого опыт и боевые заслуги не могут не заслужить к себе самого высокого уважения. „Георгий Иванович", — продолжал уже с комизмом Сумбаташвили, — „этот план так мне нравится, что я, бросив давно курить, разрешу себе покурить, дайте одну папиросу". Я просил его поддержать меня при моем докладе ген. Мазниашвили; при этом я добавил, что ему придется исполнять эту операцию. Он выразил полную готовность и был очень рад. Доложили Мазниашвили. В это время мы уже имели в резерве один батальон 5-го полка, 5 конно-пеших эскадронов и еще один батальон 1-ой дивизии; кроме

того, ожидались ежечасно еще подкрепления. План состоял в следующем.

Пользуясь тем, что противник на правом берегу р. Дебеда-чай совершенно не обнаруживался, я стянул силы к Шулаверам, согласно этого плана надо было атаковать Садахло, которое являлось тылом для армян, находившихся в районе Шулавер, и пунктом связи с подходившими к ним подкреплениями. Овладев их тылом и разорвав их связь, а это было очень легко, так как в Садахло у них почти ничего не было, можно было быть уверенным, что Шулаверцы, почувствовав себя отрезанными с тыла и теснимыми с фронта и со своего левого фланга (атака ген. Чхетиани), принуждены были бы уступить позиции, причем им пришлось бы или попасть в плен, или рассеяться в направлении на юг по горам. Ген. Мазниашвили отклонил этот план, несмотря на наши уговоры; он говорил, что у него мало останется в резерве. Я его не виню. Действительно, одно дело советовать, другое брать на себя ответственность. Конечно, доля ответственности лежала и на мне, но так сказать чисто нравственного порядка; но ответственность за общее дело, за его благополучный исход, за жертвы, ответственность служебная лежала на нем всецело. Я по опыту знаю, что значит быть начальником штаба и что значит быть ответственным начальником. В этой ответственности за исполнение и заключается главная разница между этими должностями. Мазниашвили решил взять один батальон 5-го полка, лично повести на правый фланг и там добиться успеха. Он так и сделал. Но, к несчастью, успеха не последовало. 5-му полку приходилось наступать по совершенно открытой местности, а туман, мешавший нашей артиллерии стрелять с успехом, не позволял достичь успеха. Между тем к вечеру 27-го мы получили донесение, что Самтредцы с утра атаковали брошенные ими накануне высоты, овладели ими и даже взяли два пулемета. Опять назревал общий успех, но ночью последовало разочарование. Ген. Чхетиани донес, что с наступлением темноты Самтредцы вновь оставили позиции и спустились назад, и что он просит себя отозвать, так как не желает командовать такой недисциплинированной частью. Опять неудача. На правом фланге успеха, так горячо всеми ожидаемого, нет; на удар по Садахло Мазниашвили не соглашается, да и предназначенные для этого силы наполовину израсходованы для подкрепления правого фланга. Надо придумать что-нибудь новое. Тогда на другой день с утра я пригласил к себе ген. Сумбаташвили, рассказал ему всю обстановку и сказал, что надо рвануть ему в центре. Против нашего центра была одна высота, взятие которой решало бой на этом участке. „Что ж", – сказал я, – „Гиго, валяйте; ваше положение прочное, у вас много артиллерии, даже гаубицы; соберем туда весь огонь и хлопнем; атаку произведем стойкой частью, как например, ротами 6-го полка; сделаем ее перед наступлением сумерек, когда армяне будут себя считать обеспеченными от всякой нашей атаки в этот день и в то же время, если возь-

мем гору, наступление сумерек и темноты помешает армянам открыть артиллерийский огонь по этой горе". Ген. Сумбаташвили присоединился к возможности успеха атаки и отправился делать соответствующие приготовления. Час был назначен 3 часа дня; в 4 в это время года уже начинает смеркаться. Между тем я вновь докладывал Мазниашвили, что необходимо ударить по Садахло, тем более что начали подходить батальоны 1-й дивизии. Надо добавить, что теперь обстановка несколько уже изменилась; на железнодорожном направлении появились армяне, вероятно почуявши болезненность для них этого направления; они заняли одно из селений на этом направлении в верстах 3-4-х от ст. Ашаги-Сераль, поставили там пушки и целый день обстреливали ст. Ашаги-Сераль, т. е. штаб и резервы. Правда, огонь был безрезультатный, но производил нехорошее моральное впечатление. Он согласился. Я сейчас же составил отряд, который должен был выступить еще до решения у ген. Сумбаташвили. Ген. Сумбаташвили, занятого своей атакой, к сожалению, уже нельзя было назначить начальником этого отряда. В это время при штабе отряда ген. Мазниашвили состоял полк. Г. Цулукидзе. Как я выше указывал, он был отчислен от командования и отозван в Тбилиси, причем причиной к его отозванию в Тбилиси было, по-видимому, его отступление и, вообще, его неудачное ведение военных действий. На этих последних днях он распоряжением ген. А. Гедеванишвили был командирован в распоряжение ген. Мазниашвили. Какая цель была его присылки, я не понимаю. Если над ним висело обвинение в неправильных действиях, то его не следовало присылать на фронт впредь до полной его реабилитации; если он оказался правым, то кто это расследовал. Если его отставили от командования и отозвали, не имея достаточных данных, то ясно, что надо было его восстановить в своей должности, а не присылать в распоряжение ген. Мазниашвили. Во всяком случае присылать его на фронт, где отстранение от должности подорвало его авторитет, было недопустимо.

Ген. Мазниашвили назначил его, я протестовал. Но ген. Мазниашвили сказал, что он был в Садахло, знает эти места и, вероятно, приложит все усилия, чтобы себя реабилитировать.

С места же я убедился, что это назначение было неудачное. Передав ему письменный приказ, я ему объяснил и на словах все, что от него требуется, дабы не было бы какой-либо неясности при чтении приказа. При этом я просил его торопиться со сбором отряда и выступлением, так как ему придется переходить р. Дебеда-чай, которую лучше перейти засветло. Я приходил к нему несколько раз, но никак не мог заставить его проявить необходимую спешность; я даже ген. Мазниашвили привлек к этому. Ничего не помогло, и он с выступлением опоздал. Когда я был у него, он, смотря на карту, все время говорил, что будет очень трудно перейти р. Дебеда-чай. Я чувствовал, что он этой реки не перейдет; между тем движение по правому берегу было необходимо. Как только он выступил, я сейчас же

организовал еще один отряд под начальством подп. 6-го полка Джапаридзе и приготовил его для перехода на другой берег в течение ночи; поручил саперам немедленно отправиться к реке и организовать хотя бы облегченным способом переход этого батальона; найти броды, достать арбы и пр. Итак, командирование полк. Цулукидзе в распоряжение ген. Мазниашвили стихийно вызвало его назначение, которое чуть не закончилось трагически для нас и чуть не сорвало всю Шулаверскую операцию. Ночью он донес, что перейти через Дебеда-чай ему не удалось и он пошел на Садахло вдоль железной дороги, а не по правому берегу р. Дебеда-чай. Мое предчувствие оправдалось, но меры парировавшие уже были приняты. Ему было отвечено, чтобы он продолжал наступление на Садахло, сбив противника, находящегося по пути и обстреливавшего ст. Ашаги-Сераль артиллерийским огнем; в то же время он предупреждался, что по правому берегу р. Дебеда-чай будет наступать батальон, который имеет задачей также содействие ему при его продвижении на Садахло и что этот батальон подчиняется ему по приходе в Садахло. Кстати сказать, этот батальон ночью перешел реку и даже с пушками.

Между тем атака в центре у Сумбаташвили увенчалась успехом; роты 6-го полка под начальством лихого офицера А. Мадчавариани, поддержанные артиллерией и гаубицами, взяли эту высоту с потерей, кажется, 10-ти или 12-ти человек. Мы в центре висели над Шулаверами; дело было по существу уже выиграно. При дисциплинированных войсках можно было бы предпринять ночное наступление на Шулаверы, но я боялся какой-нибудь ночной случайности, особенно принимая еще во внимание пересеченность местности, сады, окружающие этот город, а главное, непременный разброд людей по домам; вот вся эта обстановка могла вырвать у нас добытый успех. Теперь все зависело от энергичности действий и быстроты движения полк. Цулукидзе на Садахло, чтобы выйти в тыл армянам. Победа была бы полная и можно было быть уверенными в том, что, удайся это, мы почти не встретили бы сопротивления до Эривани.

Но несмотря на всю нашу предусмотрительность, нам это не удалось, и армяне выскочили из западни, хотя сильно расстроенными. Несмотря на все принимаемые меры, связь с полк. Цулукидзе не налаживалась; а он, несмотря на то, что был всего в нескольких верстах от нас, не связывался с нами. На другой день часов в 9 утра, не получая от него никаких сведений и уверенный, что на рассвете должно произойти у него столкновение с противником, я пошел один вдоль железной дороги в направлении на Садахло. Я прошел около версты с небольшим; взойдя на холм, я видел перед собой всю равнину и деревни района, где должно было произойти столкновение. Было совершенно тихо; не раздавалось ни одного выстрела. Вдруг вижу скачущего вдоль железной дороги всадника по направлению ко мне. Я стал ждать. Издали узнаю офицера одного из конных полков. Увидев меня, он перескочил железную дорогу и направился ко

мне. В руке пакет. Издали я крикнул ему: „Пушки взяты". „Так точно", – ответил он. Это были четыре пушки, которые обстреливали ст. Ашаги-Сераль, где был наш штаб. Прочитав донесение, я сказал: „Дуйте назад, скажите на словах, везде на фронте успех, да скорей гоните пушки в Ашаги-Сераль". „Их на волах уже везут", – ответил он. „Передайте полк. Цулукидзе, что сейчас пришлю ему с конным дальнейшие указания, а пока пусть гонит армян и исполняет ранее полученные приказания". Я вернулся на станцию.

Наши войска уже вступили в Шулаверы, где захватили две пушки и склады. Как выяснилось, противник еще ночью стал отступать. Теперь дело было в полк. Цулукидзе. Я должен сказать, что полк. Цулукидзе, несмотря на то, что с рассвета находился верстах в 12-ти от Садахло, этого селения в этот день не достиг. Армяне отошли за Айрум; это собственно не было правильное отступление, иначе они остановились бы в районе Садахло.

На 29-е было отдано приказание проходить мимо Шулавер и преследовать противника. Частью это было исполнено, частью нет. 5-й полк продолжал движение на Опреты, настиг армянские части и рассеял их.

*

* *

Теперь немного коснусь действий нашего Екатериненфельдского отряда, составленного из гвардейских частей. В начале первых дней начавшейся войны, не сумею сказать в ночь на какое число, у Екатериненфельда, где был сосредоточен весь отряд, произошел бой. Армяне атаковали, захватили гвардейские части врасплох и захватили пушки. Благодаря тому, что здесь оказались налицо Какуца Чолокашвили, Майсурадзе, Джугели и другие вожди, не потерявшие голову, дело было мигом исправлено. Эти вожди собрали около себя людей, перешли в контратаку, отбросили армян и вернули пушки. Потом выяснилось, что здесь действовали 4 роты Армянского полка, поддержанные местными жителями. Затем здесь наступило затишье. Это ночное дело раскричали, как чрезвычайный подвиг Гвардии, всюду писалось и говорилось об этом, и конечно, невольно напрашивалась параллель с армией, где были якобы одни неудачи. Этот бой показателен был с другой стороны; он указывал на отсутствие внутреннего порядка в части, коли ее застигли врасплох, он указывал, что в этой организации или не знали совершенно сторожевой службы, или ею пренебрегали. Но, конечно, это умалчивалось; надо было хвалить и хвалили. Как выяснили бои, главные силы армян сосредоточились на Шулаверском направлении; во время боев у этого города, гвардейская Екатериненфельдская группа перешла к активным действиям и атаковала селение Больниси-Хачин. Как велись там дей-

ствия, я ничего не могу сказать; мы обменивались телеграммами, и я знал, что там все идет благополучно, хотя атакованное селение еще не было взято. 30-го декабря мы передвинули общий резерв на юг, по направлению на Садахло. В это время я получил тревожное сведение из Екатериненфельда. Гвардейский отряд, как я знал, окружал Больниси; между тем сообщали короткую телеграмму от адъютанта штаба Гвардии, в которой говорилось, что Гвардия окружена, что она находится в критическом положении и просит экстренной помощи. Я очень пессимистически отнесся к этой телеграмме и не поверил ей. Однако некоторые меры принял. Передал экстренно начальнику резерва Главнокомандующего в Сандари выслать, что может, в Екатериненфельд; оказалось, что тот может выслать всего роту или, кажется, и того меньше. Все-таки выслали. Кроме того, я приказал из Сандари направить туда же батарею Цагурия, шедшую по моему ранее отданному приказанию на Ашаги-Сераль к нам.

Одновременно с этим пришел ко мне Ладо Джибладзе, который уже знал про эту телеграмму, и просил послать туда экстренно помощь. Я сказал ему, что это вероятно ерунда, местная тревога, но что я уже сделал некоторые распоряжения. Я отлично сознавал, что если я не окажу помощи, то меня будут упрекать в том, что я, как противник гвардейской организации, намеренно не оказал помощи; забывая, что Гвардия мне всегда ближе, чем враг. Однако лишь для опровержения такого обвинения и как бы для реабилитации своей личности, я все же не мог рисковать ослабить Шулаверский фронт, несомненно более важный, и, как показали ближайшие события, поступил правильно. Но Джибладзе настаивал и тогда я ему предложил взять все гвардейские части с Шулаверского фронта и отправить их в Екатериненфельд. Этим я достигал и правильного распределения сил, и правильной их организации; у нас гвардейские и армейские части были все время перемешаны и только 29-го, после успеха, удалось кое-как упорядочить это дело. Уже наметились: правая колонна — 5-й полк, левая колонна — полк. Цулукидзе с армейскими частями; у Мамая собирались в резерв ген. Сумбаташвили части 1-й и 2-й дивизий. Гвардия же нашего отряда почти вся сосредоточилась в Шулаверах, и, кстати, я думал, что призыв идти на помощь к своим братьям побудит их бросить грабеж Шулавер. Там уже были случаи насилия, и ген. Мазниашвили лично туда ездил для наведения порядка. Джибладзе ушел, но через некоторое время вернулся и просил послать армейские части, так как Гвардия очень устала. Я категорически отклонил. Он ушел и опять вернулся, и просил, нельзя ли взять у артиллерии лошадей, посадить на них усталых гвардейцев и послать верхами. Конечно, пришлось отклонить и это предложение. Я забыл упомянуть, что, прося взять артиллерийских лошадей, Джибладзе сказал, что им не удается вытащить гвардейские части из Шулавер. Назначая Гвардию идти в Екатериненфельд, я предложил вести ее ген. Чхетиани; он категорически отказался, ука-

зывая, что не может командовать такими частями, которые не исполняют его распоряжений. Гвардию собирали два дня, наконец собрали и отправили на присоединение к гвардейскому Екатериненфельдскому отряду. К вечеру же дня получения тревожной телеграммы из гвардейского отряда выяснилось, что там все благополучно.

*
* *

На Садахлинском направлении между тем случилось следующее. Полк. Цулукидзе достиг Садахло лишь 30-го декабря; здесь он притянул батальон 6-го полка, наступавший по правому берегу р. Дебеда-чай, перевел его на левый берег Дебеда-чай и весь свой отряд вытянул в направлении от Садахло на запад, т. е. в сторону обратную от Айрума, куда отошли главные силы армян. Они оттуда пришли, они туда же ушли. Нельзя было не обращать самого серьезного внимания на это направление. Затем батальон с правого берега был переведен на левый берег; между тем правобережному направлению начальником отряда придавалось большое значение. Это явствовало из того, что для захвата Садахло движение отряда полк. Цулукидзе было намечено не по левому, очень удобному для движения, а по правому берегу р. Дебеда-чай; что, наконец, когда он, полк. Цулукидзе, не пошел по правому берегу, то сейчас же по правому берегу был выслан батальон. Все это надо было взвесить, обратить внимание на правый берег и, как следствие, захватить высоты на правом берегу р. Дебеда-чай к востоку от Садахло. Это было бы нашим обеспечением при операциях в направлении и на Айрум, и на Алавердинский завод. Этого не было сделано, и мы чуть-чуть не поплатились за это самым жестоким образом. 31-го декабря наш резерв и наша артиллерия стояли в районе Мамая.

К этому времени армяне получили подкрепления, свежий 4-й полк, и повели наступление от Айрума на Садахло. Противник артиллерийским огнем обстрелял биваком стоявшие наши резервы и повел наступление. Это направление выходило полк. Цулукидзе одновременно и во фланг, и в тыл. Меня вызвал ген. Сумбаташвили к телефону и передал обстановку, испрашивая указаний; при этом он сказал, что один батальон уже пошел на ту сторону реки Дебеда-чай. Я сразу учуял, что у полк. Цулукидзе неладно. Я тогда не знал обо всем том, что было сделано полк. Цулукидзе, т. е. что он углубился в сторону, противоположную от Айрума. „Гоните все, что у вас есть, на ту сторону и скорей занимайте гребень к востоку от Ломбало", — ответил я. „Это надо сделать во что бы то ни стало, иначе все сделанное будет сорвано". Он сказал, что он все это понимает, что он уже выслал один батальон, но что остальными он без нашего распоряжения боялся распорядиться. „Действуйте", — закон-

чил я. Батальон полк. Гардапхадзе, к счастью, успел переправиться на другой берег и в самый раз занять гребень, с которого он огнем отбросил наступавшие части противника. Положение было спасено.

31-го декабря в 12 часов ночи было приказано закончить боевые действия и с горьким чувством мы приступили к переговорам. При более быстрых действиях полк. Цулукидзе, не будь задержки эшелона Самредцев у Сандари и двукратных самовольных оставлений этим последним своих позиций, 31-го декабря нас увидело бы далеко за Алавердинским заводом.

КОНЕЦ ВОЙНЫ С АРМЕНИЕЙ

Итак война кончилась с благополучным для нас исходом. Тбилиси был спасен от нашествия и претензии армян на Тбилиси навсегда отпали. Я считаю, что если бы армяне не были пригвождены к Шулаверам, а продолжали бы наступать, то война была бы остановлена только под стенами Тбилиси. Тбилиси мы, несомненно, отстояли бы, но иностранные власти нам не дали бы возможности отбросить армян далее, чем за Храм, и в 1921-м году вряд ли бы нам удалось военные действия с большевиками превратить в войну. Тбилиси был бы взят на плечах разбитых на Храме войск. Я этим хочу сказать, что выигрыш Шулаверского боя дал нам более удаленную от столицы границу; это обстоятельство дало нам возможность в 1921-м году спасти Тбилиси от немедленного захвата большевиками. Все столкновения до Шулаверского боя нельзя считать не только решительными даже для таких маленьких государств, как Грузия и Армения, но и простой войной; их можно отнести к разряду мелких пограничных столкновений. Только Шулаверский бой является столкновением вооруженных сил обоих государств; здесь встретились почти все вооруженные силы Армении с частью наших вооруженных сил. Это последнее обстоятельство доказывает, что Армения готовилась к нападению, мы же его проморгали. И это есть промах нашей дипломатии. Правда, с нравственной стороны мы оказались правыми перед судом общественным; наша совесть была чиста. Но вряд ли такая цель может оправдать такие действия, которые поставили государство в критическое положение, и ту лишнюю кровь, ценой которой мы спасли наше положение.

Несомненно, Шулаверский бой был решающим; противник поспешно бросал позиции и отошел большею частью за Айрум, а меньшая часть, рассыпавшись, ушла прямо на Алавердинский завод. Большая часть армянских сил была разбита и, конечно, уже не была способна на то упорство в бою, которое она выказала до этого боя. Мы же, собственно, после Шулаверского боя только развернули наши силы и при этом далеко еще не все. Вследствие этого можно сказать, что если далеко не всеми нашими силами мы разбили почти все

войска армян, то для дальнейшего ведения войны мы были в более благоприятном положении, чем армяне. По организации у армян существовало 6 полков; из них под Шулаверами, считая подошедший 31-го декабря, участвовало 4 полка, затем добровольческий полк, Шулаверцы и местное население Бомбакского района. Мы же ввели в дело 5-й полк, часть 6-го, 5 пеше-конных эскадронов, отдельный батальон 1-й дивизии и Гвардию, что составляло не более трети всех наших вооруженных сил.

Каких же результатов мы достигли нашей войной, несомненно выигранной, так как после Шулаверского боя в успехе войны нельзя было сомневаться. Не останавливаясь на деталях, приходится отметить, что то, что мы имели до войны, мы уступили. То, что мы считали неотъемлемо нашей территорией, мы сделали спорным и это тогда, когда мы силой оружия заставили противника отказаться от своих притязаний. Ведь свою территорию уступить или сделать спорной можно и без войны, и дипломатическим путем. К чему было прибегать к оружию и проливать кровь? А если прибегли к оружию, то пролитая кровь требует, чтобы она была достойным образом оценена. Это было ясно для дипломатов всех времен и народов, для дипломатов, даже руководствовавшихся прежде всего интересами лишь повелителя. Казалось бы, дипломаты, вышедшие из недр народа, должны были бы прежде всего руководствоваться благом народа и не позволять себе такой роскоши, как напрасное пролитие крови своего народа. Для чего была пролита кровь? Нам скажут – „Мы не могли, мы сделали все, но обстоятельства были таковы, что мы должны были согласиться на эти условия". Вот все дело в этом „не могли" и это всегда будет, когда в основу дипломатии кладутся не реальные интересы народа, не реальная сила, не войско, его сила и успех, а ссылаются на какие-то расплывчатые, зыбкие основания, вроде взываний к принципам интернационала, к правам народа, человека, к принципам социализма, Маркса и пр. По окончании войны, как только приступили к демобилизации, я уехал в Тбилиси. Затем подал в отставку и был уволен. Были сделаны попытки оставить меня на службе, предложили остаться состоять при Военном Министре.

*
* *

Судьба опять выбросила меня через месяц на театр военных действий и в феврале я был вновь на службе. Пока подведу итоги сообразно тому, как мной было сделано в моих записках за период до призвания на пост помощника Военного Министра Закавказской Республики.

ГЛАВА VII

ОТНОШЕНИЕ К КОРПУСУ ОФИЦЕРОВ И ИТОГИ ПО УСТРОЙСТВУ ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ

Как я уже указывал, была образована комиссия для составления проекта реорганизации армии. Казалось, что призываются к военной работе военные. Затем назначение помощником Военного Министра сначала ген. Одишелидзе, потом меня, с предоставлением полной самостоятельности устроить вооруженные силы также намекало на это. Однако все это оказалось мифом. Проект реорганизации войск был похоронен и ни один его принцип не был осуществлен, несмотря на то, что он был принят теми самыми лицами, которые потом вошли в Правительство. Данная помощнику Военного Министра самостоятельность оказалась только на словах. Помощник Военного Министра постепенно оказался совершенно неответственным устроителем Военного Ведомства и был безответственным советником при Военном Министре. Наметилась боязнь усиления военной силы (армии), почему принимались меры к развитию гвардейской организации.

Гвардейская организация, будучи еще маленькой организацией, смогла сохранить правопорядок в 1918-м году, наиболее ознаменованном анархическими выступлениями. С дальнейшим развитием государства и постепенным успокоением страны, и уменьшением анархических выступлений, казалось, можно было ослаблять эту организацию, а никак не усиливать ее. Ясно, эта организация нужна была как противовес военной силе и против появления какого-либо Бонапарта. Кроме того, эта организация была пособником для насаждения и утверждения в народе своих партийных начал; на эту организацию опиралась власть; как в старые времена, всякая власть изобретала свою охрану, преторианцев, янычар, опричников и пр.

Отношение к личности офицера было то же. Однако появились

признаки умаления таковой личности. Уже поговаривали о демократизации армии, о сравнении с солдатами; постепенно взгляд на них устанавливался, как на рабочих, а не на людей, обрекших себя на смерть для спасения родины. Офицеры-грузины, вернувшиеся на родину с горячим желанием ей послужить, и не допущенные на службу по тем или другим соображениям, выбрасывались за борт без всякого обеспечения, между тем как для инородцев, русских, магометан, армян и евреев, но принадлежавших к той или другой социалистической партии, находили места и в правительственных учреждениях, и в штабе Гвардии, и в комитете снабжения, и в прочих местах. Доверие было лишь к некоторым личностям корпуса офицеров. Это обстоятельство обозначилось красной нитью во всех трудно передаваемых деталях. Назначение на должности, повышение в чинах делались, строго придерживаясь, заслуживает ли доверие повышаемый с точки зрения социалистической. Так, кап. Гедеванишвили из капитанов скакнул в полковники, а потом в генералы; кап. Джиджихия также произвели за Екатериненфельдские бои в полковники. Справедливой оценки не было. Полковники Ратишвили и Тавадзе были произведены за Армяно-Грузинскую войну, в которой фактически не участвовали, в генералы за то, что их части отличились; но те, которые повели эти части к отличиям, не были награждены. Хочу отметить, что ген. Мазниашвили и я, которым ген. Гедеванишвили после взятия Шулавер передал от имени Правительства благодарность и объятия, никаких наград не получили.

Вследствие этого среди офицерства поколебалась вера в справедливость оценки их службы. Избирались на должности люди с покладистым характером, люди удобные и на все согласные. Даже военная газета поручалась людям, не только не авторитетным в военной литературе, но даже не знакомым с нею, т. е. и здесь руководствовались особыми соображениями. Законодательным Собранием был издан закон, ставящий армию и военных вне партий; несмотря на это, многие офицеры продолжали оставаться на военной службе и в то же время работали в партиях. Таковы Сосо Гедеванишвили, Ладо Цагарели, Артмеладзе (младший). Помощник Военного Министра А. Гедеванишвили, как член беспартийной партии, был зачислен в избирательный список. Таким попустительством власть лишь подрывала свою авторитетность.

Недоверие к опытным военным породило желание самим устроить военную систему по-своему. Это явление продолжалось. Несмотря на вред формирования добровольческих организаций и на отрицательный опыт их применения во время Батумской эпопеи, эти формирования продолжались во время Грузино-Армянской войны. Корпус Магалашвили, отряд Авалишвили, Кереселидзе и др.

Отсутствие единства среди высшего командного состава не только продолжалось, но способствовалось власть имущими. Наруше-

ние основных принципов военного дела, которому учились десятками лет, явилось обычным среди высших чинов Военного Ведомства. Оно и понятно. Такое нарушение прививалось и потакалось власть имущими и содействовало расшатыванию солидарной военной организации, что было также несомненно целью новых наших вождей. Неискренность желания создать армию вполне ясно выявилась и привела к созданию партийной Гвардии, опоры власти, и только власти. Эта организация скоро превратится в преторианцев. Вмешательство в военные действия, в дела организации войск и вообще в военные дела продолжалось, но еще не планомерно, а частными распоряжениями, частными вмешательствами; присутствовавшие на поле сражения члены штаба Гвардии начали вмешиваться в оперативные дела, хотя объявлялось, что вся власть предоставлялась военным.

Гвардия выступила на поле сражения, как войсковая единица, нарушив этим положение о Гвардии, составленное при немцах и согласно которому она не освобождалась от несения воинских обязанностей и с началом мобилизации должна была разойтись по своим призывным участкам и, значит, пополнить армию. Взгляд на военную организацию, что ее можно создать в любой момент простым сбором людей и что создать войска легко, продолжал существовать. Армия не была организована на протяжении с мая по декабрь; ясно, что на эту отрасль не обращалось внимания; Гвардия же уже так организовалась, что выступила на войну, как войсковая организация, конечно, отрицательного типа. Гвардия, как боевая организация, показала себя с отрицательной стороны. Появилось отрезвление некоторой части правящей партии в смысле предоставления самим военным устроить войско, но оно замерзло; взяло верх течение другой части правящей партии, а именно не давать военным самостоятельности, а самим все делать. Гвардейская организация стала развиваться и в ней уже устанавливался взгляд захвата и гегемонии власти в государстве. Организовываясь, развиваясь и делаясь сильнее, она стала захватывать фактическую власть на местах и довлеть во всех отраслях государственной жизни. Штаб Гвардии вмешивался в дела армии, но путем уже личного давления; осенью 1919-го года она получит юридическое право вмешиваться в дела армии, в то же время не допуская вмешательства в свои дела военных, даже технических специалистов. Я уже указал, при описании боевых действий, ее отрицательные стороны. Но она еще не была окончательно развращена; она пока не предъявляла требований, а ее руководители делали пока робкие шаги вмешательства в боевые действия.

Самопожертвование отдельных вождей революции как в общей организационной работе, так и в критические моменты продолжалось с той же горячностью, с личным риском иногда, это надо отметить. Положение в Екатериненфельде было спасено благодаря Майсурадзе, Джугели и др. Однако появились уже и отрицательные стороны. Власть всех портит; она обольщает и отравляет. Власть имущие

постепенно перестают быть теми простыми и доступными, каковыми были раньше. Уже чувствуются Щедринские губернаторы и министры. Новые министры уже начинали не терпеть противоречия, хотя пока стесняются выражать это открыто. Кроме того, от них, прежде всего, веяло партийностью, только потом как будто думали о государстве.

ГЛАВА VIII

СНОВА В ОТСТАВКЕ

Итак, в январе 1919-го года я ушел в отставку. Спустя некоторое время я получил официальное письмо от Военного Министра. Привожу его дословно.

„Многоуважаемый Георгий Иванович. Переживаемая нашей молодой Республикой эпоха, чреватая острыми политическими и военными событиями в период разгара созидательной работы по Государственному строительству и по укреплению независимости родины, требует от граждан напряжения всех сил и приложения их знаний, опыта и патриотизма в вышеуказанных направлениях. Грузино-Армянская война, вызванная врагами нашей независимости и направленная к нарушению целости и неприкосновенности территории Республики, благодаря доблести наших войск и талантливому руководительству их начальников, не только достигла цели, но дала нам возможность проявить перед всем миром нашу организованность, сплоченность, патриотизм и прочие положительные качества, свойственные Грузинскому народу, лишь упрочили внутреннее и международное положение нашего молодого государства. Популяризация истории этой войны несомненно принесет огромную пользу делу дальнейшего упрочения указанного положения Грузинской Республики. Видя в Вас отличного знатока военного дела, глубоко преданного Родине гражданина и талантливого военного руководителя, кроме того, принимая во внимание Вашу в высшей степени полезную деятельность в качестве бывшего товарища министра и командующего грузинскими войсками, а также участника Грузино-Армянской войны – обращаюсь к Вам с просьбой не отказать принять на себя труд по составлению истории Грузино-Армянской войны, каковым трудом Вы заслужите искреннюю благодарность всего Грузинского народа. Необходимые сотрудники по составлению истории войны будут предоставлены в Ваше распоряжение, как по Ва-

шему указанию, так и по рекомендации Генерального штаба и командного состава действующей армии. Вполне уверенный в готовности Вашей принять на себя выполнение означенной работы, прошу принять уверение в совершенном почтении и искреннем к Вам расположении.

Военный Министр Грузии Г. ГЕОРГАДЗЕ.

Письмо датировано от 12-го января 1919-го года.

В это время я лежал больной, простудившись в последние дни Грузино-Армянской войны. Я вообще обладал железным здоровьем и редко болел. Но большая 4-летняя кампания (1914--1918), по-видимому, постепенно подорвала мое здоровье, а условия революции, а затем отставка, ограничив до крайности мои материальные средства, и расшатали его. Во время пребывания моего на должности помощника Военного Министра в 1918-м году я так устал от работы, что после моей отставки, уехав в деревню, первые две недели я спал ежедневно по 10—12 часов в сутки, все отсыпался. Оправившись от болезни, я принялся за составление истории Грузино-Армянской войны, но ее совершить не удалось и в средних числах февраля меня Председатель Правительства просил поступить вновь на службу и отправиться начальником штаба к ген. Мазниашвили на Ахалцихский фронт, где дела приняли более чем неблагоприятный оборот.

*
* *

За это время вспоминаю следующий характеризующий наших вождей случай. Не помню, какого числа, ночью, часов в 12, а может быть, позже, к подъезду дома, где я жил, подъехал автомобиль, а затем последовал звонок. Я уже спал. Встал, спросил из окна, в чем дело. Адъютант Военного Министра ответил мне, что Председатель Правительства и Военный Министр просят меня пожаловать во дворец. Я наскоро оделся и поехал. В кабинете Председателя Правительства собрались к этому времени: Н. Н. Жордания, Е. П. Гегечкори, его товарищ, Военный Министр, ген. Закариадзе, кто был еще, не помню. Н. Н. Жордания рассказал о том, что случилось на Гагринском фронте, где добровольцы неожиданно перешли в наступление и взяли в плен несколько сот наших гвардейцев. Очень беспокоились за положение; у нас не было, как всегда, войск. Я был призван, по-видимому, или для назначения туда, или для совета. Во всяком случае меня спрашивали, в виду потери позиций, как поступить. Я подал совет, где именно начать сосредоточение, указал район по карте и обратил их внимание, что ближе к противнику сосредотачиваться не следует, дабы не повторились события, подобные началу Грузино-Армянской войны. В это время пришел помощник Военного Мини-

стра ген. А. Гедеванишвили. Я почувствовал, что мое присутствие его стесняет. И действительно, есть помощник Военного Министра, только что исполнявший во время Грузино-Армянской войны должность Главнокомандующего, а для совета призывают человека из отставки. Скажем беспристрастно. Если мой совет важнее и ценнее совета человека, фактически стоящего во главе Военного Ведомства, то ясно, что таковой должен был быть давно заменен мной. Конечно, положение ген. Гедеванишвили было щекотливое, и я на его месте непременно ушел бы в отставку. Ведь положение, какое создалось для него, аналогично положению ответственного министерства, которому парламент выражает недоверие. Я вполне понимал его и был тактичен. Спросил его о предстоящих действиях. Он выразился, что добровольцы дальше не пойдут, но что если готовиться к встрече, то надо сосредоточить войска в таком-то районе. Заканчивая, он сказал: „По-моему так, а здесь что скажут, не знаю", – и указал рукой в мою сторону. Район был назван тот, который я перед этим указал. „Что ж, согласны вы с этим?" – спросил меня Н. Н. Жордания. Некоторые положения, которые высказал ген. А. Гедеванишвили, не совсем соответствовали моим взглядам, но я, желая быть тактичным и ненужными спорами не подрывать его авторитет тем более, что суть была одна и та же, сказал: „Совершенно". Мы разошлись.

Я пошел домой и думал. Я забракован с лета прошлого года; служить меня не зовут, а ночью подымают, чтобы выслушать совет, имея всегдашнего руководителя военным делом в лице ген. А. Гедеванишвили и других. Почему позвали только меня? Почему, как только я согласился с ген. Гедеванишвили, этот вопрос более не обсуждался, а приступили к делу? Почему, если мой совет считается ценнее совета А. Гедеванишвили, почему он служит, а я в отставке? Я говорю не о юридической стороне вопроса. На это есть ответ. „Вы подали в отставку, значит не хотите служить". Дело в существе вопроса. Я пришел к заключению, что ген. А. Гедеванишвили не подавал в отставку, как он мне говорил во время одного из своих приездов на фронт. По-видимому, он тогда щупал меня, не являюсь ли я искателем его должности, и воспользовавшись именем, какое мне создала Грузино-Армянская война и благоприятным к себе отношением Правительства, не поведу ли кампанию против него. Уж слишком сильно было у него желание сидеть на этой должности и он не мог допустить мысли, что есть люди, которые кое-что ставят выше, чем его пост. Впоследствии я имел еще доказательства к тому, что он никогда не хотел уходить с этой должности, несмотря на то, что всех уверял, что он все время подает в отставку, но что его не пускают. Я ему раз даже сказал, что не стоит 6 раз подавать в отставку (он как раз говорил, что 6-й раз подал в отставку и совершенно забыл, что за несколько дней перед этим он мне же говорил, что подал 4-й раз в отставку); надо подать раз и уйти. Уйти с такого поста слишком серьезный вопрос, чтобы его делать, не взвесив всех

обстоятельств. Продолжая размышлять о создавшемся личном моем положении, я пришел к заключению, что Правительство с удовольствием будет держать меня на службе, но только не на такой должности, где ему придется считаться со мной, с моими мнениями и где, быть может, часто ему пришлось бы уступать мне. Гораздо удобнее держать около себя человека, дорожащего этим местом; такой человек будет уступчив и делать все, что ему будут указывать. Но мы знаем старое, как мир, и верное правило, что самые вредные для дела те служащие, кто дорожит своим местом. Создавшееся же положение было очень удобно во всех отношениях. Со стороны помощника Военного Министра не будет никакого сопротивления в устройстве вооруженных сил и, следовательно, они устраивают их так, как им желательно. Если же случится нужда в Квинитадзе, то его призовут и всегда добьются его согласия. Да, в этом они были правы; я никогда не позволил бы себе отказаться от службы, как бы трудно ни было положение. Принести посильную помощь своей мечте, самостоятельности Грузии, есть святой долг для меня. Я и доказывал это всегда и при их зове на самые ответственные посты, и в самые критические минуты; никогда не торговался, а молча приступал к делу. „Торговался" я употребляю не в смысле выторговать для себя лично те или другие льготы, а в том смысле, чтобы заставить их уступить мне в тех разноречиях, из-за которых я уходил в отставку.

ГЛАВА IX

Война с Турцией Юго-Запада Кавказа. – Ахалцихские события. – О Гвардии. – Ардаган. – Дух армии. – Инцидент

АХАЛЦИХСКИЕ СОБЫТИЯ

Теперь перейду к следующему моему вступлению на службу. В середине февраля раздался телефонный звонок у меня в квартире. Спрашиваю, кто вызывает. Оказывается, ген. Гёдеванишвили. Вот его слова: „Председатель Правительства просит тебя еще раз принести себя в жертву и поехать на Ахалцихский фронт начальником штаба к ген. Мазниашвили". Я ничего не знал о случившемся у Мазниашвили.

Оказалось, обстановка была серьезная. И он стал рассказывать обстановку. Я его перебил и сказал, что по телефону не стоит об этом говорить и что я сейчас приду к нему в кабинет. Я пришел к нему, и он мне обрисовал всю обстановку. Из его рассказа выходило, что обстановка там сложилась гораздо серьезнее, чем я думал. Боялись движения противника на Боржоми и Хашури и определенно выражались, что положение чрезвычайно опасное. Он мне тут же сказал, что объявлена мобилизация и что спешно будут посылать войска на Боржоми. Я спросил, какое направление в данных обстоятельствах он считает важнее, Ахалцихское или Гагринское, ибо у нас в это время был фронт и там. Он ответил, что Ахалцихское и что сейчас в первую голову все, что можно, пошлет на Ахалцихе. Тут же он установил, что именно будет послано и что необходимо там мое присутствие, и как человека популярного, и как умеющего водворить там порядок. Выходило, что там соберется до 2-х дивизий и Гвардия, итого 10.000 штыков. Я ему сказал тогда, что, раз там соберутся почти все войска, необходимо ему самому вступить в командование этими войсками; что гораздо будет полезнее ему, как Главнокомандующему и как помощнику Военного Министра приехать туда лично

и простыми распоряжениями исправлять все, что он найдет нужным, там же на месте, мне же за всем придется обращаться к нему и это будет лишняя волокита. Он ответил, что он лично сейчас ехать не может, так как его присутствие необходимо в Тбилиси, но что все, что я буду находить необходимым, все будет прислано. „Хорошо", – сказал я, – „я поеду, но необходимо, чтобы Мазниашвили просил меня приехать к нему, так как я в отставке и лучше будет, если я поеду по его вызову". К этому же я добавил, что так как там соберется несколько крупных соединений, то я очень прошу дать мне в помощь офицера Генерального штаба, ибо за 10 дней Грузино-Армянской войны я сильно измучился, не имея помощника офицера Генерального штаба, а здесь, кажется, будет продолжительнее; при этом я просил офицера Генерального штаба выпуска мирного времени. Он выразил согласие. Через некоторое время я получил пригласительную телеграмму от Мазниашвили, и мы, Гедеванишвили и я, пошли к Председателю Правительства. Н. Н. Жордания сказал мне, что он считает меня отличным стратегом, и желает, чтобы я поехал туда и исправил положение. Потом я узнал, что он ездил в Боржоми, что там вокруг его вагона собралась ночью толпа разнузданных беглецов и что из вагона выходил к этой толпе и успокоил их, предлагая прийти утром, ибо Н. Н. уже спал, сопровождавший Председателя Генерального штаба полк. Дзалания, от которого я и слышал этот рассказ.

Я сказал, что мой приход к нему обозначает, что я еду, каковы бы обстоятельства ни были; что все военные вопросы у нас с ген. Гедеванишвили выяснены, но что я прошу одного: я туда еду ответственно-безответственным начальником; ничего не имею против такового назначения (дело в том, что я туда ехал начальником штаба, а со мной разговаривали, как с ответственным начальником); так вот я прошу, чтобы там полная власть была в руках ген. Мазниашвили, чтобы без его разрешения даже по телефону никто не смел разговаривать, дабы в Тбилиси не помещались такие телеграммы, как например, телеграмма уполномоченного Правительства Лео Рухадзе в Ахалцихском уезде: „Армия развалилась, пришлите Гвардию". „Такую телеграмму", – добавил я, – „вероятно, противник в Ахалцихе читает с удовольствием". Н. Н. ответил, что вся власть предоставляется военным и чтобы мы там орудовали по-военному. Я простился.

Как я выше писал, я просил офицера Генерального штаба выпуска мирного времени; таковыми были налицо Закариадзе и Нацвалишвили. После переговоров ген. А. Гедеванишвили с ген. Андроникашвили, начальником Генерального штаба, выбор их пал на полк. Нацвалишвили, и они об этом сообщили мне. Я встретил последнего в кабинете полк. Закариадзе и сказал ему, что я просил со мной вместе командировать в распоряжение ген. Мазниашвили или его, или полк. Закариадзе, что выбор его начальства пал на него и чтоб он готовил-

ся ехать вместе со мной. Он к моему крайнему удивлению спросил меня, на какую должность он поедет. „Вы едете на должность начальника штаба, а значит я на должность старшего адъютанта, между тем моя теперешняя должность выше", – сказал он. Я смотрел на него и сначала ничего не мог сказать, так я был огорошен его ответом. В кабинете нас было трое: я, Закариадзе и полк. Нацвалишвили. Я вскипел и не сдержался; я человек обыкновенный и не обладаю ничем сверхчеловеческим, слышать эту фразу и ничего не сказать, этого я не мог. „Вы, может быть, могли бы эту фразу сказать кому-либо другому, но не Квинитадзе", – ответил я, – „как вы можете говорить, какая должность выше или ниже, когда обстановка такова, что нужно спасать положение. Как у вас повернулся язык это сказать ген. Квинитадзе, бывшему помощнику Военного Министра и Главнокомандующему, сейчас второй раз едущему на должность начальника штаба к младшему по службе. Вы оба молодые здесь, обоим вам говорю. Я никогда не ожидал такого отношения к делу от вас обоих; я думал, вы оба будете проситься непременно быть назначенными и мне пришлось бы между вами бросить жребий. Оказывается, наоборот, никто из вас не хочет ехать. Таких помощников мне не надо. Я поеду один". Сказал об этом Андроникашвили и ушел. Не знаю и не хочу разбирать, прав я был или нет; я сказал, что чувствовал. Конечно, это было не тактично; конечно, этого не следовало говорить, ибо я наживал двух врагов. Но дело касалось не меня, дело касалось родины, вновь попавшей в тяжелое положение, и я не мог сдержаться. Если они это поняли, то не поставят мне в вину. На вокзале, садясь в поезд, где я с трудом достал себе место, я был вызван к телефону. Ген. Кавтарадзе прочел мне по телефону телеграмму, только что полученную на имя помощника Военного Министра от Военного Министра, бывшего в Боржоми. Военный Министр в копии своему помощнику сообщал, что он просит Председателя Правительства отозвать ген. Мазниашвили из Боржоми и назначить меня. „Эта телеграмма касается вас, поэтому я счел нужным вас предупредить", – добавил Кавтарадзе. Я поблагодарил его. Тут же на вокзале я узнал, что поезд Военного Министра выходит скоро из Боржоми на Тбилиси. Я просил начальника станции передать Военному Министру, что я еду в Боржоми, что прошу в месте скрещения поездов вызвать к себе, так как имею деловую просьбу. Наши поезда скрестились в Хашури. Я вошел в вагон к Военному Министру. Я сказал ему, что знаю про посланную телеграмму относительно Мазниашвили и очень прошу этого не делать. Он ответил, что авторитет Мазниашвили в Боржоми сильно подорван, что у него трения с подчиненными, что в него больше не верят и что поэтому его следует отозвать. Я настаивал на своем и говорил, что Мазниашвили и я друг друга знаем отлично и будем работать согласно, как и во время Грузино-Армянской войны, что я, как начальник штаба, стану между ним и войсковыми начальниками, трений не будет и все обойдется

благополучно; заканчивая, я его настойчиво просил этого не делать. Я получил впечатление, что это будет сделано, хотя он мне по этому поводу не дал никакого определенного обещания. Я поехал дальше. Я приехал в штаб ночью. Ген. Мазниашвили и ген. Сумбаташвили спали; я просил их не будить, а полк. Джиджихия, который был начальником штаба и только что был назначен командиром 4-го полка, ввел меня в курс дела, а затем пошли ужинать, где я познакомился с офицером штаба. На другой день знакомая картина повторилась. Мазниашвили усадил меня за письменный стол и сказал: „Вот карта, карандаши, бумага, чернила и пр. Орудуй". Затем на следующий день я поехал на позиции, осмотрел их и окунулся в обстановку. Мазниашвили сказал, что он, может быть, тоже выедет и догонит меня. Он действительно выехал, но в то время, как он был на правом фланге, я, осмотрев этот последний, был уже на левом. Вернулся я уже ночью. Войдя в комнату, я сразу же обратил внимание, что вещи связывались и упаковывались. Я думал, что Мазниашвили переходит на другую квартиру. Возвращаясь, я по дороге узнал, что Мазниашвили на правом фланге чуть не убили. Оказывается, он вышел за наши окопы и направился в сторону противника. Он прошел уже шагов 200, когда по нем открыли огонь. Слава Богу, не подцепили. Вернувшись назад, я стал ему по-товарищески выговаривать, как можно так собой рисковать и без всякой пользы, долго ли до беды. Он сказал, чтобы я прочитал ту телеграмму, которая лежала на столе у меня. Я прочел. Это был приказ об отозвании Мазниашвили для ускорения мобилизации его дивизии и назначении меня командующим Ахалцихским фронтом и ген.-губернатором того же уезда. Моей просьбы не исполнили. Выяснилось, что Мазниашвили укладывался, чтобы ехать на вокзал. Я стал уговаривать его остаться и сказал, что я просил этого не делать и что я, вероятно, добьюсь отмены этого. Мазниашвили был непреклонен и уехал. На следующий день я получил запрос от ген. Гедеванишвили, согласен ли я на назначение ко мне начальником штаба его брата Генерального штаба подполк. Н. Гедеванишвили. Я совершенно не знал этого офицера, но зная, что он офицер Генерального штаба выпуска мирного времени, согласился. Он был в это время в Батуми и поэтому приехал лишь через несколько дней или даже через неделю; за это время мне пришлось исполнять две должности.

До 5-го марта тянулось сосредоточение мобилизуемых войск и вообще подготовка. Военный Министр все время был в Боржоми и с утра до вечера был в штабе. Его присутствие весьма много помогало в смысле исполнения моих требований того или другого характера. Я не буду входить в детали подготовки как в оперативном, так и в тыловом отношении. Отмечу одно обстоятельство.

Когда приехал я в Боржоми, то узнал, что из 16-ти горных орудий 7 или даже 9 были испорчены и отправлены в Тбилиси для ремонта. Я каждому батарейному командиру категорически указал, что тот

батарейный командир, у которого пушки не будут действовать за их испорченностью, будет немедленно отрешен от батареи и отправлен в Тбилиси для удаления со службы. За 4-месячное ведение дальнейших боевых действий на Ахалцихском фронте из всех орудий отказалась действовать только одна горная пушка.

До 5-го марта вверенные мне войска сосредотачивались и развертывались. За это время воспроизведу эпизоды, достойные быть отмеченными. Ахалцихские события разыгрались в феврале 1919-го года. Это было восстание местных жителей, весьма возможно, долженствующее вспыхнуть одновременно с армянским наступлением в декабре 1918-го года. Ахалцихский уезд перед этим был нами передан туркам. Еще в 1918-м году там разыгрались события, когда ген. Мазниашвили был окружен в Ахалцихе и мы были принуждены очистить этот уезд, тогда мы не могли опрокинуть местных жителей, организованных турками и преграждавших нам дорогу на позициях к северу от Ацкури. Это обстоятельство сделало их смелыми, а февральские наши неудачи, когда наш отряд, бросая орудия и повозки, отошел в беспорядке к Боржоми, лишь еще больше вселило в них уверенность к себе. Самое восстание разыгралось по подстрекательству одного из помещиков Сервер-бека Коблианского. Как на реальную силу он опирался на государство „Территория Юго-Запада Кавказа”. Это государство создалось из Карса и Ардагана, и оно вело переговоры о вступлении туда и Аджарии, как федеративной единицы. Ясно, что все это делалось иностранными эмиссарами. Почву в народе мусульманской части Сервер-бек нашел благодарную, а наши неудачи 1918-го года, потеря Батуми, Ахалцихе и Ахалкалаки лишь утвердили население в слабости Грузии. Вместе с этим наше Правительство, получив обратно Ахалцихе, назначило туда своим уполномоченным Лео Рухадзе, который со своими помощниками стал там распространять и насаждать социалистические идеи, столь чуждые этому народу. Эти новые идеи встретили сопротивление со стороны помещиков и духовного мира, которые и создали для Сервер-бека почву еще более благоприятную для восстания. „Территорией Юго-Запада Кавказа” Сервер-бек был назначен временным комиссаром Ахалцихе и Ахалкалаки. Я сам видел его бланки на официальных бумагах с таким печатным заголовком на русском языке: „Территория Юго-Запада Кавказа”. „Комиссариат Ахалцихе и Ахалкалаки”. Наши войска, ввиду их малочисленности и повсеместности восстания, отошли к Боржоми из Ахалцихе, а из Ахалкалаки в Родионовку. Администрация, конечно, должна была оставить свои места и ушла из этих уездов. Такова была обстановка, когда я вступил в свою должность. Развивая подготовку во всех отношениях, пришлось подумать и об администрации, почему я телеграфировал в Тбилиси Министру Внутренних Дел, прося его командировать

в мое распоряжение чинов администрации, дабы иметь готовый административный аппарат, чтобы со вступлением в уезды поставить их сразу на места.

Один из штабных офицеров однажды показал мне Тбилисскую газету, где было напечатано следующее: „Сведения, полученные от ген. Квинитадзе об оставлении Ахалкалаки администрацией, не соответствуют действительности. Лео Рухадзе". Я попросил к себе Лео Рухадзе и высказал ему следующее. Подумал ли он, что такая телеграмма подрывает престиж генерал-губернатора? Что если бы даже администрация действительно продолжала оставаться на местах, не лучше ли было бы ему прийти ко мне и доказать, что я ошибаюсь. Кстати, это невозможно было доказать, так как часть администрации собралась у меня под боком, а другая отправилась в Тбилиси. Наконец, разве мы здесь не лица одного и того же государства и не представители одного и того же Правительства, разве мы не должны здесь поддерживать друг друга и согласовать наши действия? И разве посланная им телеграмма соответствует таковым намерениям? Он согласился, что таковую телеграмму не следовало посылать. Закончил я свою беседу с ним тем, что сказал, чтобы вторично он себе больше не позволял подрывать здесь моего авторитета.

Между тем войска понемногу собирались. Собралась Гвардия в количестве до трех тысяч человек. Сведения о противнике не были еще уточнены; разведка еще не была налажена, офицеры, принимавшие участие в предыдущих боях, докладывали мне, что противника очень много, что все население принимает участие в действиях против нас и что число противника по их впечатлению (это говорили даже офицеры, награжденные георгиевскими крестами) должно простираться до 10.000 человек; хотя я скептически к этому относился, т. е. к числу, но принял в соображение создавшуюся психологию, вследствие чего надо было действовать наверняка, вполне обеспеченно, с наименьшим риском. Я знал, какие действия мне предстояли. Мне предстояло прежде всего разбить ядро восстания и взять Ахалцихе; затем мне предстояли действия против каждого участка уезда, против каждой деревни; это вызвало бы разброску моих сил; были бы, вероятно, частичные неудачи; была бы вечная угроза тылу; это потребовало бы много времени и, несомненно, что было самое главное, такой образ действий естественно повел бы и к большой жертве людьми. Поэтому я решил, разбив ядро, пройти немедленно и быстро Ахалцихский район по направлению к Адигюну и Поцхову. Войсками, как граблями, вычищая все непокорное. Быстрым успехом я достигал того, чтобы было меньше жертв, меньше потерял бы времени и население не успело бы обернуться, как уже все сплошь было бы в наших руках. Я знал также, что многие районы были миро-

любиво настроены лишь по наружности и ожидали событий. Ожидала таковых событий и Аджария. Быстрый и решительный, так сказать всепоглощающий, успех – самое лучшее средство в таких обстоятельствах. Поэтому я хотел начать действия, когда прибудут все войска, предназначенные на этот фронт. Военный Министр как-то сказал, что хорошо бы к 1-му марта, ко дню первого заседания нашего Учредительного Собрания, взять Ахалцихе. Я возразил, что я задался целью добиться успеха и двинусь, когда у меня будет достаточно сил и что я могу руководствоваться только этим, а то к 1-му марта чего доброго преподнесу Учредительному Собранию совсем обратное. Военный Министр понял меня и более к этому вопросу не возвращался. Между тем штаб Гвардии, собравшейся раньше армии, хотел действовать. И вот однажды ко мне пришли Ладо Джибладзе, Орагвелидзе, еще кое-кто и стали мне говорить, что следовало бы начать военные действия. Я ответил, что начну тогда, когда для своей задачи найду себя достаточно сильным, что армия еще не собралась, что у меня еще не готов тыл, чтобы двигаться безостановочно и пр. Они настаивали. Я стоял на своем. Тогда Ладо Джибладзе стал мне говорить, что Гвардия не может так долго стоять на одном месте (всего несколько дней), она или должна идти вперед или должна уйти домой, что гвардейцы требуют скорейшего открытия действий и они не могут совладать с ними, что на позициях холодно, так как нет теплых помещений (кругом было сколько угодно леса и мной не воспрещалось разводить костры), что люди скорей должны были вернуться; с этим они приходили несколько раз. Наконец, меня это взорвало. Встал, открыл дверь и ответил прямо и резко: „Вперед, пока не сосредоточу те силы, какие нахожу нужным, не пойду, а вы, если хотите уходить домой, уходите; обойдусь без вас и без Гвардии". Тогда они мне ответили, что ж, они останутся и будут убеждать и уговаривать людей остаться. Не правда ли, картина характерная. „Штаб Гвардии никогда не вмешивался в дела командования", – скажут представители Гвардии. Утверждаю, что всегда вмешивался и производил даже давление, как в этот раз, указывая, что гвардейцы не хотят оставаться и что якобы им трудно совладать с таковым их желанием. Я уверен, что раздавались, быть может, лишь отдельные голоса об ускорении действий, и если бы им только объяснили, что ждали, пока подойдут подкрепления, они были бы спокойны.

Но на этом дело не кончилось. Дня через два в их штаб приехал из Тбилиси ген. Фелицын, член их штаба. Фелицына я знаю со скамьи, мы с ним одного кадетского корпуса. Он окончил Юридическую Академию, служил в Иркутске и вдруг во время революции, при Временном Правительстве попал в командующие войсками округа. Затем после большевистского переворота попал в Тбилиси, где был приглашен служить в штаб Гвардии. Как русскому, не владеющему грузинским языком, ему было очень трудно, если не невозможно поступить на службу в грузинскую армию. О чем они говорили в шта-

бе, не знаю, но дня через два после моего категорического отказа начать военные действия ко мне опять пришел Ладо Джибладзе, кто-то еще из Гвардии и привели с собой Фелицына. Ладо Джибладзе опять возбудил вопрос о наступлении, выставляя те же причины, что и раньше, и добавил, что и со „стратегической" точки зрения следует наступать. Со „стратегической" точки зрения приводилось, что мы сейчас в лесу, ничего не видим, что если мы возьмем Ацкури, то тогда мы все увидим; будем знать, сколько их, куда они двинутся и пр. Вообще они теперь настаивали взять только Ацкури. При этом разговоре присутствовал мой начальник штаба подп. Гедеванишвили. Мы, я помню, переглянулись от этой „стратегической" точки зрения, нам, кажется, обоим стало весело. Я ответил, что я отлично понимаю их желание, как желание идти вперед или уходить домой; но никак не могу понять, когда они начинают говорить о стратегии и поправлять нас, несомненно стратегию знающих лучше их, вот этого я понять не могу. Все же я объяснил все выгоды нашего нахождения в лесу, который как раз мешает противнику видеть, что делается у нас, и наоборот, выйдя из лесу и остановившись в Ацкури, как раз выйдет, что они, удалившись в горы и леса, будут видеть все, что делается в районе Ацкури, представляющем совершенно открытую местность, и кроме того, мы будем внизу, а противник на командующих высотах. О других своих соображениях я, конечно, не говорил. Подп. Гедеванишвили стал им доказывать всю ненужность их предложения и привел много доводов, опровергающих верность их „стратегической" точки зрения. Кажется, мы их убедили, потому что они ушли, не настаивая на наступлении.

*
* *

Еще один характерный эпизод. Гвардию я сосредотачивал на левом берегу р. Мтквари, вдоль шоссе Боржоми—Ахалцихе и ей были поручены позиции слева от Слесие-Цихе на запад, т. е. от Мтквари вправо. Армия собиралась на правом берегу, в горах со скверной горной проселочной дорогой; дорогу привести в соответствующий вид нельзя было; крутизну профиля дороги нельзя было уничтожить, ибо пришлось бы провести совершенно новую дорогу, для чего не было ни времени, ни средств; в низких же местах почва была топкая и постоянная поправка не особенно помогала делу, так как дорога размокала и размывалась тающим снегом. Войска стояли на позициях и спокойствие изредка прерывалось отдельными выстрелами; приезжая на позиции, я часто получал впечатление, что против нас никого не было, настолько противник был пассивен.

Однажды ко мне в кабинет, где мы с начальником штаба совместно исполняли нашу работу, влетел Орагвелидзе, член штаба Гвар-

дии, взволнованный и стал говорить, что он сейчас на автомобиле с позиций; что татары перешли в наступление, что при нем были отбиты две яростные атаки и началась третья. „Чем же кончилась третья атака?" – спросил я. „Не знаю, я уехал, надо немедленно подать помощь, надо немедленно послать туда артиллерию; у нас нет артиллерии и наши могут не выдержать атаки". Думаю, что г. Орагвелидзе все же следовало подождать, чем кончится третья яростная атака. Я приказал по телефону узнать у ген. Сумбаташвили, тамошнего общего начальника, в чем дело. Запросили и узнали, что на правом фланге была усиленная стрельба, теперь уже прекратившаяся, что выясняется подробная обстановка, но что наши везде на позициях и противнику ничего не уступлено; последнее определенно. Затем было получено донесение, краткое, но красноречивое: „На правом фланге противник предпринял разведку. Такая-то Гвардия после усиленной перестрелки оставила позицию и сошла назад вниз. Шедшая ей на смену Кахетинская Гвардия без выстрела восстановила положение. Генерал Сумбаташвили". Ясно было, что никаких яростных атак не было. Однако штаб Гвардии передал в Тбилиси в свой штаб об отбитии яростных атак, что потом фигурировало в газетах. Я послал Главнокомандующему телеграмму, шифрованную, с истиной.

Здесь мне хочется добавить следующее. Об усилении правого фланга артиллерией мной было отдано приказание с утра и командир батареи получил уже приказание выдвинуться и расположиться на позиции. Во время моего разговора с членом Гвардии Орагвелидзе вошел командир батареи с докладом, и член Гвардии таким образом узнал, что усиление правого фланга артиллерией уже делалось. „Видите, вы только захотели иметь артиллерию, а уже здесь вперед это сделано, несмотря на то, что у противника нет артиллерии", – заметил я.

Еще одна способность гвардейской организации. Гвардией командовал по желанию штаба Гвардии генерал Ахметели. Храбрый, честный, прямой и очень порядочный человек. Мир его праху. Много он послужил родине и умер, служа до конца верно ей. Гвардии собралось до 5-ти с лишним тысяч человек, но штыков у них было около половины этого числа. С помощью ген. Ахметели я добивался увеличения числа штыков, а не ртов, и довел число штыков до 3200. „Георгий Иванович, при их организации больше никак нельзя", – говорил мне покойный. Хотя 3200 штыков на 5000 с лишним не половина, но соотношение знаменательное, оставшееся навсегда и впоследствии в привычках Гвардии.

Не могу обойти молчанием еще один эпизод. Правый, гвардейский, и левый, армейский, участки разделяла Мтквари и здесь спешно построили конно-вьючный мост. Расположение правого участка

шло по ясно выраженному гребню; позиции на левом фланге были в лесу и их не видно было, пока не подъедешь вплотную. Вдруг, однажды, опять представители штаба Гвардии пришли ко мне и объявили, что на их участке невозможно держаться, что их обстреливают слева во фланг и что это произошло вследствие того, что левый фланг, армия, отошел назад. Я был на левом фланге неоднократно и знал, что там не только не отошли назад, но согласно моих указаний на месте, выдвинулись вперед. Но Гвардия так настойчиво уверяла в этом, что я немедленно выехал к ним и по дороге взял с собой ген. Ахметели. Позиции шли по гребню горы у Слесие-Цихе, и мы подъезжали на автомобиле совершенно укрытые от выстрелов и взоров противника. Однако шагов за 400–500 местный начальник участка указал остановить автомобиль. Мы слезли и пошли пешком. В окопах наши поддерживали огонь, противник не стрелял. Мы, я, ген. Ахметели, подп. Гедеванишвили и кап. Цомая, вышли потом несколько влево по шоссе, в сторону того направления, откуда, меня уверяли, что их обстреливали во фланг. По ту сторону Мтквари поднимался скат, весь покрытый густым лесом; вершина этого ската была в наших руках. Мы стояли и смотрели на лес, и ничего не могли разглядеть. Прошло минут 5, когда раздался оттуда один выстрел и пуля пролетела шипя над нами. Местный начальник, бывший с нами в группе, вдруг качнулся шага на два-три от нас и смылся. Я сделал вид, что не заметил, но переглянулся с подп. Гедеванишвили. Мы продолжали стоять, а ген. Ахметели взялся за бинокль. Я сказал Ахметели, что если бы там было более одного человека, то нас, группу в четыре человека, стоящих на шоссе открыто, наверное, обстреляли бы как следует. „Там ни черта нет", – добавил я, – „болтается какой-то один идиот". Постояв некоторое время, мы поднялись на гребень, на линию огня. Поднимаясь наверх, я приказал прекратить бесполезную стрельбу, которая лишь напрасно волнует весь фронт. Поднялись на линию огня и вылезли во весь рост. Со стороны противника ни одного выстрела. Тут я заметил, как один гвардеец, лежавший на линии огня, собирался стрелять, причем видно было, что он поставил невероятно высокий прицел. Я спросил, в кого он целится; он ответил, что вот там впереди видит противника, но где именно, не мог указать. Конечно, никого не было видно. Противник спокойно сидел в своих окопах и не стрелял. Еще раз приказав прекратить бесцельную стрельбу, я стал спускаться. В это время нас догнал один солдат-гвардеец. Он что-то нес на руках, какую-то ношу, не то миску, не то ведро и другие вещи. Он обратился ко мне на русском языке и сказал: „Ваше Превосходительство, ничего нет, противник не стреляет; зачем здесь беспокоиться, здесь совсем не опасно". Я ему ответил, смеясь: „Конечно, не опасно; раз генерал здесь на позиции, значит ничего опасного нет". Надо было видеть физиономию этого гвардейца: он выронил из рук на землю свою ношу, хлопнул по коленям руками и стал во все горло хохотать, как

сумасшедший. Я продолжал спускаться, а гвардеец все гоготал. Очень уж ему понравился мой ответ.

Я сказал ген. Ахметели, чтобы он поцукивал таких начальников, которые разводят лишь тревогу, и уехал обратно в Боржоми, но по дороге проверил положение на левом фланге, там совершенно было спокойно, и там и не думали отводить назад людей. Ведь в этом могли бы и сами гвардейцы убедиться, послав по мосту через Мтквари людей связаться с армией. Пришлось и эту мелочь им указать на будущее время. Описанные сценки достаточно ярки, чтобы на них останавливаться, а заключения сами напрашиваются.

5-го марта с утра вверенные мне войска перешли в наступление, справа Гвардия, слева армия. Ацкури были взяты менее чем через час и мной было приказано продолжать наступление согласно указаний, данных в моем основном приказе. Соотношение сил, наших и противника, оказалось сильно в нашу сторону; мы значительно превосходили противника, и впечатление от боя получилось, как бы от удара молотом по куриному яйцу. Однако все предшествовавшие события создали такую обстановку, что взятие Ацкури произвело сильное впечатление в Тбилиси. Мы от всех получали телеграммы с благодарностью и с пожеланиями дальнейших успехов. Это лишний раз указывало, как мрачно оценивало наше Правительство тогдашнюю обстановку. Я проехал на фронт Гвардии. Как говорил раньше, успех нам достался чрезвычайно легко; взяли между прочим человек 20 в плен с офицером. Офицер оказался окончившим Тбилисское военное училище и был сыном одного из беков пограничного между Ахалцихе и Ахалкалаки района. Насколько вспоминаю опрос его, он после революции служил у турок.

Гвардия, пройдя Ацкури, остановилась. Противник отошел частью по направлению на Ахалцихе, частью вправо в горы, частью прямо на юг и частью влево в горы. Иначе говоря, он распылился. Необходимо было быстрое и энергичное наступление. Между тем, несмотря на мои приказания, Гвардия не продвигалась. В это время в батарее, стоявшей на позиции около шоссе, в шагах 150-200 от нас, был ранен солдат, кажется, фейерверкер или фельдфебель. Он был ранен одной из пуль из той группы противника, который ушел вправо в горы. Батарея повернула два орудия в этом направлении и открыла огонь. Вероятно, это обстоятельство так подействовало на гвардейцев, что их никак нельзя было двинуть дальше. Между тем противник почти не оказывал сопротивления и, по-видимому, продолжал дальнейший отход. Над нами пролетали очень редкие пули противника, как говорится, через час по столовой ложке, несмотря на то, что мы представляли очень выгодную цель и составляли большую группу; здесь на шоссе было несколько автомобилей, батарея, зарядные ящики, толпилась довольно значительная масса людей.

*
* *

Расскажу курьезный случай. Несколько сзади меня, за небольшим валом, лежал гвардейский резерв. В это время одна пуля пролетела очень близко над нами. Господа военные, я говорю одна пуля, можно судить по этому, каков был огонь. Впереди меня, шагах в 20-ти, стоял подп. Гедеванишвили, который, обращаясь ко мне, закричал: „Вот стерва, заставила качнуть головой, уж очень близко пролетела". Эта же самая пуля пролетела над валом, за которым лежал упомянутый резерв, „лежа". Я смотрел на них и увидел, как все, как один, мотнули головой вниз. „Что такое", – спросил я их по-грузински. – „Ра икхо?"* В ответ раздался гомерический хохот сконфузившегося резерва. „Свист той пули, которая тебя ударит, не услышишь", – прибавил я, – „свист ничего не стоит, чего кланяетесь".

Видя, что Гвардия мешкает со своим наступлением, я приказал ген. Ахметели выдвинуть вперед по шоссе броневые автомобили, а сам поехал на левый фланг, на участок ген. Артмеладзе, с целью двинуть вперед этот участок и этим понудить к движению и гвардейский участок. Чтобы переехать Мтквари, мне надо было проехать с. Ацкури. Переехав Мтквари, я проехал к батарее Махарадзе, чтобы оттуда поговорить по телефону с ген. Артмеладзе. Сам Махарадзе находился на наблюдательном пункте, а батарея вела огонь по противнику на правом берегу р. Мтквари. На батарее пушки вели огонь, офицеры на своих местах распоряжались, патроны подносились, телефоны действовали; вообще картина знакомая всем военным. Правда, батарея стояла на открытой позиции, но у противника артиллерии не было, а наши цепи значительно впереди батареи и предохраняли ее от ружейных пуль противника. Наряду с такой боевой картиной наблюдалась и другая. Тут же в нескольких шагах от батареи весело трещали костры, готовилась пища для солдат и офицеров, и чайники весело шипели, обещая горячий чай. Я не мог не улыбнуться такой мирно-боевой обстановке и сказал офицерам: „У вас совсем по-мирному, дуете себе в открытую и чай под боком; что же, пользуйтесь, у вас, собственно, идет боевая стрельба по живым целям, практикуйтесь". Я связался с Артмеладзе и указал обстановку; он говорил, что сейчас перейдет в наступление, но что ждет результата действий на левом фланге, где офицерская рота наступает на засевшего в лесу, на горе, противника. Я ему ответил, что офицерская рота часть надежная и исполнит, что на нее возложено, а поэтому пусть двигает свой участок вперед, не ожидая результата на своем левом фланге, тем более, что там по его же словам противник в весьма незначительных силах; наконец, пусть он часть своего резерва задержит на случай подкрепления офицерской роты, а остальных пусть немедлен-

---

*„В чем дело?"

но двигает вперед. Он ответил, что сейчас это сделает. Офицеры батареи любезно предложили мне чай, но я торопился назад на правый фланг и, как ни своевременен был чай в эту холодную погоду, я уехал назад.

В Ацкури один дом уже горел, шел грабеж гвардейцами, мне лично с начальником штаба пришлось выгонять людей из домов. Все это были не дезертиры, но любители поживиться. Назначенный здесь уполномоченным Правительства Лео Рухадзе комендант был беспомощен и даже говорил, что ему эти господа угрожали оружием. Выдворив этих любителей чужого добра (у каждого из них находились причины своей задержки: одному надо было переобуться, у другого болел живот, третий искал лазарет и пр.), я снова присоединился к участку ген. Ахметели. Его участок оставался на прежнем месте; бронеавтомобили действовали впереди.

В это время на правом берегу Мтквари открылась картина, достойная кисти художника. Участок ген. Артмеладзе перешел в наступление. Цепи, поддержки, резервы, все двигалось стройными рядами в направлении на противника, над которым рвались снаряды наших батарей.

В это время вернулся один из броневиков; Орджоникидзе, гвардейский офицер, начальник автомашин, был ранен; он доложил, что противник подался назад. Наконец, тронулась вперед и Гвардия. Противник всюду отходил. Я указал, до каких пунктов дойти войскам в этот день, и подтвердил завтра с утра продолжать действия по указанным основным приказом направлениям.

Вечером того же 5-го марта ко мне пришли опять представители штаба Гвардии с Ладо Джибладзе во главе. На этот раз они явились с предложением, крайне удивившим меня. Они предлагали остановить дальнейшее наступление и вступить с противником в переговоры. Они говорили, что мы победили, что мы показали им нашу силу, что нужно прекратить дальнейшее кровопролитие, что народ ни в чем не виноват, что они теперь разгромлены и, наверное, раскаялись и только не знают, как начать с нами переговоры и пр. Я слушал их и не понимал, что они искренни или нет. Я вздумал было им доказывать всю непрактичность такого способа действий и что во время боевых действий, в такой обстановке, в какой действовали мы, начатие нами переговоров будет принято противником за нашу слабость. Но им трудно было доказать, вернее невозможно. Я тогда категорически отклонил их предложение и сказал, что я буду переговариваться с противником посредством пушек и ружей до тех пор, пока они не начнут переговоры, что будет обозначать, что сопротивление их будет сломлено; а что касается вопроса, найдут ли они способ вступить со мной в переговоры, то над этим способом не стоит ломать голову, ибо они сумеют легко его найти.

Дальнейшие события доказали мою правоту; к ним даже прибыли войска, орудия и пулеметы из Ардагана, и, собственно говоря,

сопротивление нашего противника было сломлено лишь по взятии Ардагана и Зурзунского района.

Наступление продолжалось, вопреки желанию штаба Гвардии. Я подчеркиваю это последнее обстоятельство, т. е. нежелание Гвардии наступать, ибо впоследствии это нежелание выявилось более реально и вся Гвардия через две недели ушла с фронта, когда боевые действия собственно лишь разгорелись.

6-го марта наше наступление продолжалось, а противник отходил. 7-го марта утром, отдав накануне вечером соответствующие распоряжения, я усилил резервом общую линию и наступление продолжалось. Утром того же дня броневые автомобили въехали беспрепятственно в брошенный противником Ахалцихе, а еще, должно быть, через час я въехал на автомобиле туда же.

Проезжая по шоссе, я видел много мостов, восстановленных нашими саперами под командой шт.-капитана Маринашвили; некоторые мосты восстанавливались под выстрелами противника, и я не могу не отметить выдающихся самоотвержения и энергии, проявленных этим офицером во все время Ахалцихских действий. С Хониорского перевала, где он расчищал и расчистил дорогу, он вернулся с заболевшими от ослепительного снега глазами. Я помню один раз уже за Ахалцихе я ехал к войскам; он только что начал строить один из мостов; я спросил, будет ли мост готов завтра. Он спросил меня, когда я рассчитываю проехать обратно. Я отвечал, что часов в 5 вечера буду возвращаться. „Тогда, Ваше Превосходительство, обратно проедете по нашему мосту", – доложил он. Действительно, обратно я проехал по мосту, а мост был длиною все же сажен 8-10 и материал для него был лишь в сыром виде. Сей славный офицер заболел во время Ахалцихских событий; вероятно, он простудился и затем, не поправившись, скончался, кажется, от скоротечной чахотки. Ряды славных, истинных сынов родины редеют и больно становится на душе. Быть может, он счастливее нас: он не видел нашего последнего несчастья и не пережил всей горечи потерять отечество и самостоятельность родины.

7-го марта утром, въезжая в Ахалцихе, я был встречен впереди его населением, весьма обрадованным освобождением. В числе встречавших был Бахши-бек Мачабели, наш сторонник и противник зачинщика восстания Сервер-бека. Я пригласил его в автомобиль и вместе с ним въехал в город, таким образом чествуя нашего сторонника. В городе я не останавливался. Беспокоясь за то, чтобы не случилось того, что мной было замечено еще в первый день наступления, а именно поджогов домов местного населения. Я решил ввести в город Ахалцихе войска только с моим окончательным туда переездом. Туда же сначала ввести ту часть, где дисциплина мне казалась наиболее твердой; таковой частью я наметил конный полк под командой ген. Ратишвили. У него офицеров было много, и я знал, что этот командир полка со своими офицерами сумеет поддержать

порядок в городе. Ввиду этого мной было приказано накануне войскам не входить в город. Все же утром 7-го марта я догнал в 2-3 верстах от города одну гвардейскую часть, направлявшуюся в Ахалцихе. Я ее свернул вправо и указал, к кому ей присоединиться. В Ахалцихе я приказал одной броневой машине стать на шоссе перед городом и никого в город не впускать. Сам же из Ахалцихе поехал по шоссе на Ахалкалаки, навстречу войскам ген. Артмеладзе с тем, чтобы встретить их и принять те же мероприятия. Проехав город и дальше верст 5-6 навстречу войскам ген. Артмеладзе, я вдруг из-за поворота увидел нашу роту, наступающую в рассыпном строю по обеим сторонам шоссе. Впереди с маузером в руках шел командир роты штабс-капитан Шавгулидзе, брат погибшего во время падения Батуми; вправо, в стороне, раздавались одиночные выстрелы. Этот офицер был крайне удивлен, увидев своего командующего, ехавшего со стороны противника в автомобиле. Поздоровавшись с ротой, я ориентировал его относительно обстановки и приказал, поднявшись на гору, остановиться, выслав вперед и в стороны охранение; роте же занять селение, около которого мы находились в данную минуту. Затем я поехал далее и издали увидел наши наступавшие войска, часть которых переходила Мтквари вброд. Затем я встретил ген. Артмеладзе; ориентировал его об общем положении дела и указал остановиться на ночь перед Ахалцихе в деревнях, никого не пуская в Ахалцихе. „Завтра же утром", – сказал я ему, – „ваши войска пропущу мимо себя в Ахалцихе, вы пройдете Ахалцихе, не задерживаясь в городе, и расположите войска в таком-то районе". Пропустив войска и поздоровавшись со всеми, я вернулся в Ахалцихе, где меня ожидали с обедом представители администрации и местных организаций.

Во время обеда я получил телефонограмму от полк. Кереселидзе весьма тревожного характера. Полк. Кереселидзе участвовал в предшествовавших неудачах в отряде ген. Мазниашвили, командовал добровольцами. Когда я вступил в командование, он, вопреки моему желанию и протесту, все же был прислан на Ахалцихский фронт со своими добровольцами в количестве 90 человек, которые носили громкое название полка. Отмечу, этот отряд входил в состав войск ген. Сумбаташвили и последний неоднократно жаловался на их воровство у местных жителей сел. Двири (грузинское селение) всякой живности. Как только последовал успех, мной было приказано этот отряд поставить в тылу движения ген. Артмеладзе, в одной деревне. Нахождение его в этом районе обеспечивало тыловое сообщение по шоссе с Ахалцихе с левой, восточной, стороны. Возвращаясь еще 6-го марта с позиций в Боржоми, я встретил полк. Кереселидзе. Он спрашивал, где ему быть, и сказал, что при ген. Мазниашвили он был комендантом города Ахалцихе. Я ответил, что Ахалцихе еще не взят и там будет назначено другое лицо, а что же касается до того, где ему быть, то надлежит быть при своем отряде, куда он немедленно и отправляется. Он заметил, что там слишком мало

людей и ему, как полковнику, неловко командовать такой маленькой частью. „Что ж", – ответил я, – „приводили бы больше людей, а теперь командуйте теми, что есть". Я добавил, что он мог бы не позволять бесчинства, а потому его личное присутствие при отряде, вероятно, поможет делу водворения порядка в его части.

Так вот, 7-го марта, в Ахалцихе, я получил от него, как выше указывал, телефонограмму весьма тревожного характера. Он доносил, что у него всего 90 человек и что он окружен противником не менее 1500 человек. Я, конечно, этой телефонограмме не поверил; через этот район только что прошла дивизия Артмеладзе. Между тем Военный Министр , приехавший в этот день в Ахалцихе, по дороге узнал об этой обстановке и сообщил о ней начальнику идущего на Ахалцихе резерва ген. Ратишвили. Ген. Ратишвили доложил, что он получил приказание от ген. Квинитадзе следовать на Ахалцихе и не может свернуть в сторону, не получив от меня такого указания. Однако батарея Махарадзе была выдвинута на помощь полк. Кереселидзе и открыла огонь. Батарея Махарадзе состояла в распоряжении ген. Ратишвили и шла, догоняла, свою часть, войска ген. Артмеладзе. Военный Министр, приехав в Ахалцихе, сказал мне об этой обстановке, но я ответил, что у Кереселидзе ничего подобного нет и что я, возвращаясь, лично побываю у него на участке. В то же время я послал приказание ген. Ратишвили продолжать безостановочное движение на Ахалцихе. Для меня ясно было, что присутствие 1500 человек вблизи от шоссе, всего в 3-4 верстах от последнего, не могло пройти незамеченным для начальника резерва, который, конечно, если бы была критическая обстановка, и явился бы на помощь полк. Кереселидзе; было очевидно, что обстановка вовсе не была такая критическая, а было очень обыкновенное переоценивание сил противника неопытным военным.

Возвращаясь назад в Боржоми, я заехал на батарею Махарадзе. Она уже перестала стрелять, так как не в кого было стрелять. Мне на батарее доложили, что вообще противника не видать было, а были какие-то люди, которые небольшими группами уходили в сторону Ахалкалакского уезда. Я приказал подполк. Гедеванишвили соединиться по имеющемуся телефону с „окруженным" полк. Кереселидзе и выяснить обстановку. Из разговора выяснилось, что все это была ошибочная тревога и что у него нет ни одного раненого, и что сейчас перед ним никакого противника не было. Гедеванишвили выпало на долю от моего имени сказать полк. Кереселидзе несколько неприятных слов и затем, отправив батарею на присоединение к ген. Артмеладзе, мы вернулись в Боржоми.

На следующий день я ехал в Ахалцихе, когда встретил арбу, на которой везли раненного полк. Кереселидзе. Мне стало стыдно за упреки, брошенные ему накануне. Я спросил его о ранении; он ответил, что ранил себя сам, вследствие неосторожного обращения с револьвером. Не отвечая, я двинул автомобиль вперед. Через некото-

рое время я его отряд отправил в Тбилиси для расформирования, ибо он приносил нам лишь одни беспокойства, пользы никакой. Расформировали его отряд или нет, не знаю. Впоследствии полк. Кереселидзе однажды встретил меня на улице в Тбилиси и возобновил по этому поводу разговор, уверяя, что противник действительно был в таком количестве, но что, по-видимому, не все были вооруженными. Я заметил, что противника, особенно такого, каков был против нас, надо считать не по числу людей, а по числу винтовок и напряженности и силе огня; в его отряде, как тогда же выяснилось, не было ни одного раненого и, ясно, что это были мирные жители, быть может, и довольно многочисленные, которые при приближении наших войск уходили дальше от района боевых действий.

В Ахалцихе комендантом мной был назначен ген. Ратишвили. 8-го марта штаб переехал в Ахалцихе, а действия продолжались. 12-го марта противник был вытеснен из пределов Ахалцихского уезда, а Сервер-бек в Поцхов, за пределы Ахалцихского уезда; ему удалось бежать только благодаря отсутствию у нас конницы, так настойчиво мною испрашиваемой.

Действия между тем не прекращались. Противник собирался у нас на границе и, по-видимому, намеревался вновь ворваться в наши пределы, ибо покорности еще не выказывал. Надо было готовиться к его отражению, а лучше всего следовало его разбить в его же пределах. Я и принял последнее решение. Воспользовавшись одной перестрелкой между нашим сторожевым охранением и противником, я приказал вверенным мне войскам перейти в наступление. Наступление опять увенчалось успехом, и мы отбросили противника в Верхний Поцхов. На этот раз противник смирился и прислал немедленно депутацию, выказывая полную покорность и прося мира. Депутация была также от Верхнего Поцхова. Я согласился, взял заложников и приказал сдавать оружие, а также потребовал от них зерна для возмещения ограбленных ими местных жителей грузинской национальности; армянское население не было тронуто; наоборот, воспользовавшись тем, что грузинское население было выгнано из своих жилищ, оно немного подграбило их; когда же под нашим натиском непокорное местное мусульманское население бежало в горы, леса и Верхний Поцхов, оно также поступило в отношении их.

Здесь несколько коснусь одного обстоятельства. Это грабежи и поджоги. Первый подожженный дом я увидел в Ацкури. Я слышал потом, как говорили в Тбилиси, что все селение Ацкури было сожжено. В Ацкури поджоги кончились этим одним домом. Затем в первый же день наступления появились пожары на левом берегу реки Мтквари, т. е. по пути наступления Гвардии; частью это происходило

от артиллерийского огня, частью от поджогов. Поджоги стали также появляться и по пути следования армии. С ними повсеместно боролись в районе следования армии довольно успешно. Не могу сказать этого в отношении Гвардии; да там этого и не могло быть. Не все там, власть имущие, находили, что нужно против этого бороться самым энергичным образом. Были некоторые и обратного мнения; так Ладо Джибладзе в разговоре со мной по этому поводу выразился, что все дома беков должны быть сожжены, так как они вполне этого заслужили. Каково? Грабежи, конечно, шли попутно с поджогами. Население, за редким исключением, бросало дома и уходило по всем направлениям, уходя из района боевых столкновений. Дома оставались пустыми; жители забирали пожитки, которые могли взять с собой. Таким образом для солдат являлось большим соблазном взять ту или иную домашнюю утварь из брошенного дома. К этому надо добавить еще одно обстоятельство: входя в покинутые жилища, солдаты находили там у местных жителей вещи, награбленные этими последними у грузинского населения, а главное они находили вещи, добытые из Абастумана, даже рояли и пианино. Наряду с этим они слышали от грузинского населения про те ужасы и насилия, которые производились над ними в период власти восставших; они слышали, как женщин насиловали на глазах мужчин; они видели церкви ограбленными и оскверненными. Все это ожесточало солдат и я должен сказать, что отплата за все это была очень и очень далека от того, что могли бы сделать солдаты, если бы не были приняты меры против подобных безобразий.

Я должен добавить, что в Гвардии после 13-го марта, т. е. при первой же более или менее продолжительной остановке, приступили к отобранию у солдат всего ими награбленного и исполнили это успешно, хотя это и вызвало сильное неудовольствие гвардейцев против своих руководителей, т. е. против членов их штабов, и, главным образом, против членов их главного штаба.

Я не буду описывать, в каком положении было нами найдено грузинское население и м. Абастуман. Большую часть имущества, взятого в Абастумане местными жителями, удалось вернуть и водворить на место. Касаясь вопроса о грабеже, не могу умолчать и не указать характерный эпизод. Я ехал с начальником штаба в Абастуман. В нескольких верстах от Абастумана я увидел, как два гвардейских офицера с двумя солдатами накладывали на грузовой автомобиль продовольствие и скарб местных жителей, включительно до самовара. Я этих офицеров привлек к ответственности. Следствие производилось, ибо помню, что с меня снимал показание следователь, когда я уже был в очередной отставке. Был ли суд над ними или нет, не знаю. Одно можно сказать, что один из этих офицеров до сих пор служит в Гвардии и после Ахалцихского похода получил не возмездие за грабеж, а даже повышение на отдельную самостоятельную должность (Орджоникидзе). Итак, говоря про грабеж и пожары в Ахал-

цихском уезде, я должен отметить, что они, в силу вышеуказанных обстоятельств, могли принять стихийный характер; и если такого не случилось, то только благодаря энергии и добросовестности командного состава и офицеров Ахалцихского отряда.

Нельзя не сказать нескольких слов и о скоте. Скот захватывался войсками и попадал в котел, а частью в руки подрядчиков, а также частные лица скупали захваченное у отдельных лиц. Приняты были меры к сбору скота в некоторые пункты и возвращению местным жителям, возвратившимся в свои брошенные дома. Скот выдавался по заявлению жителей. Это делалось. Но затем стали наблюдать явления, когда на одну и ту же пару быков заявлялось несколько хозяев. Вместе с этим я через чинов государственного контроля, которых командировал по полкам, записал в отчетные листы весь наличный скот, имевшийся при полках, каковой мерой спас казну от выплаты полкам многих сотен тысяч за мясное довольствие.

Итак, мы вступили в пределы Верхнего Поцхова, противник выдал заложников и выказал полную покорность, сдавал оружие, а жители возвращались в свои брошенные дома и приступали к мирным занятиям. Насколько помню, населением Ахалцихского района было сдано от 3-х до 4-х тысяч винтовок. Многие винтовки русского образца уже носили отпечаток пребывания в руках турок: на них были уже турецкие надписи и цифровка.

Но дело умиротворения края однако не кончилось. Как я писал раньше, восстание опиралось на государство „Территория Юго-Запада Кавказа", правительство которого находилось в Карсе. Это государство находилось, по-видимому, под покровительством Англии; по крайней мере один из английских офицеров мне это определенно заявил; но об этом я скажу ниже. Представители Англии в то время находились во всем Закавказье. Они жили в городах. Были таковые и в Ахалцихе, и в Ардагане.

После того как мы вступили в Верхний Поцхов, я вдруг получил указания из Тбилиси от командующего войсками ген. Гедеванишвили об оставлении Верхнего Поцхова и об отводе войск в Нижний Поцхов. Дело в том, что Верхний Поцхов входил в пределы Ардаганского округа, и англичане потребовали отвода оттуда наших войск. Между тем разгром противника в Поцховском районе сейчас же отразился на остальных частях Ахалцихского уезда и на весь Ахалкалакский уезд; присылались депутации, выказывалась покорность, оружие сдавалось; в Ахалкалакском же уезде наш гарнизон Ахалкалаки, который был вытеснен в Родионовку, вступил обратно беспрепятственно в Ахалкалаки в составе всего 41-го человека. В Ахалкалакский уезд я не вводил войск, ибо ядро противника было в Ахалцихском уезде и я был уверен, что, покончив с этим ядром, не трудно будет водворить порядок в Ахалкалаки. Беспрепятственное

вступление в гор. Ахалкалаки нашего слабого отряда (всего 41 человек) доказывает и правоту моих предположений и усмирение Ахалкалаки: более сильный числом противник, узнав о Поцховском поражении, бежал поспешно из пределов Ахалкалакского уезда. В Ахалкалаки вышеупомянутый гарнизон вступил 21-го марта и с тех пор там наступило полное умиротворение, и администрация вступила в свои должности. Телеграф был быстро восстановлен, и я проехал в Ахалкалаки в автомобиле без охраны, совершенно спокойно и беспрепятственно.

Тбилиси требовал отвода войск из Поцховского района. Я считал это недопустимым. У меня были сведения, что „Территория Юго-Запада Кавказа" не отказалась от Ахалцихе и принимает меры к вторжению в наши пределы; кроме того, разоружение Верхнего Поцхова не было закончено. Хотя англичане требовали настойчиво увести наши войска, но я оттягивал, так как каждый следующий день увеличивал число отбираемого оружия. С англичанами велись переговоры в Тбилиси; приходилось и мне вести их с их представителями в Ахалцихе и в Ахалкалаки. Таковыми были полковник Стюарт, приезжавший неоднократно из Тбилиси, и полковник, кажется, Реди, находившийся в Ахалкалаки. Первый настаивал, чтобы я в Ахалкалакский уезд не вводил более 2-х рот и ссылался на наш договор с армянами, по которому мы не имеем права держать в Ахалкалаки гарнизон большей силы. Такого же взгляда держался и полк. Реди из Ахалкалаки. На мой вопрос Стюарту, гарантирует ли он, что с такими незначительными силами можно обеспечить уезд от дальнейших возможных вторжений противника, он отвечал отрицательно. Наряду с этим он же настаивал не вводить войска в пределы Ардаганского округа, но опять ничего не мог ответить, когда я его спросил, может ли он гарантировать нашу безопасность с этой стороны. Из этих разговоров выяснилось, что он ничего не знает про существование „Территории Юго-Запада Кавказа" и его правительства. Так по крайней мере он мне говорил. Я ему передал, по фамилиям, список членов этого правительства и их адреса. Для меня это его незнание было удивительно, так как и в Карсе, и в Ардагане находились английские представители.

О ГВАРДИИ

За это же время случилось одно обстоятельство, крайне интересное и весьма печальное. После того как мы очистили Ахалцихский уезд и вытеснили противника из Нижнего Поцхова, наступило затишье. В это время шли переговоры с англичанами, как я писал выше, о наших дальнейших действиях. И вот во время этой приостановки боевых действий со стороны Гвардии посыпались не то просьбы, не то требования отпустить их домой. Я протестовал, доказывал. Ни-

чего не помогало. Представители штаба Гвардии ездили в Тбилиси, говорили по прямому проводу и в конце концов добились от Тбилиси соответствующего приказа. Надо оговориться, что свое желание уйти с фронта они прикрывали тем, что надо отправиться усилить Гагринский фронт, что они пойдут по домам дня на 2–3, а затем вновь соберутся и пойдут на Гагринский фронт. Мне пришлось им прямо сказать, что ни на какой Гагринский фронт они не пойдут, а просто разойдутся по домам. Как войско без всякой дисциплины, оно совершенно не способно было к стоянкам на местах даже и весьма непродолжительное время и начинало разлагаться. Мне ясно было, что среди них сильно развилось желание идти домой, несмотря на то, что обстановка требовала обратного – оставаться на местах и быть наготове. Мне ясно было также и то, что их вожди не могут с ними совладать. Так или иначе приказ об их отводе мне был прислан из Тбилиси. В этом приказе было сказано, что Гвардия направляется на Гагринский фронт. Передал им это приказание. Надо было видеть их отход. Это было что-то невероятное по своей быстроте и по своему беспорядку. В один день они оказались в Боржоми. Некоторым пришлось отмахать до 70-ти верст. Шли, конечно, и днем и ночью. Мне в этот день по административным делам пришлось быть в Ацкури и я хотел воспользоваться случаем, возвращаясь, встречать их части и благодарить их. К сожалению, я видел лишь длиннейшие вереницы одиночных людей. Во главе таких верениц шла кучка человек 5–10 с командиром части и, конечно, с красным знаменем, остальные растягивались на многие версты. Только одну роту я встретил идущею более или менее в порядке. Эта рота, увидев меня, гаркнула мне: „Да здравствует наш Главнокомандующий". Я остановился и поблагодарил их за службу. Прибыв в Боржоми, Гвардия садилась в поезда и отправлялась по указанию на Гагринский фронт; по существу же, подходя к своим родным местам, расходилась по домам. На второй или на третий день я получил телеграмму от ген. А. Гедеванишвили, которой Гвардия распускалась по домам. Нельзя было не улыбнуться. Сначала явилась настоятельная необходимость взять ее с фронта боевых действий для переброски на другой фронт; такая переброска непременно должна была явиться результатом тех или других стратегических соображений, базировавшихся на соответствующих изменениях общей обстановки, требующих скорейшей перегруппировки, и вдруг, на следующий день Гвардия распускается. Мне ясно было, да оно так и оказалось, что этот приказ был вызван самовольным уходом Гвардии по своим домам и этот приказ лишь санкционировал совершившийся факт.

Итак, мы здесь встречаемся со следующим явлением. Гвардия предъявляет требования, и раз они не исполнены, то уходит домой, не считаясь с приказами Правительства. Зараза сверху, когда требования исходили от верхних их слоев, т. е. их штабов, передалась в низшие слои. Этот факт прошел бесследно и не открыл глаз нашим

вождям; они не заметили или, вернее, не хотели видеть, что Гвардия уже претворилась в Преторианцев.

Гвардия ушла 22-го марта, т. е. она пробыла всего 17 дней, считая с 5-го марта, со дня начала боевых действий. Этот их уход оказал дурное влияние на армию. Зараза прошла и туда.

Надо иметь в виду следующее обстоятельство. Грузинские войска, так сказать, чисто грузинские, не прошли обязательной службы в Грузинской армии. Это были остатки неудавшегося формирования Грузинского корпуса в конце 1917-го года и в начале 1918-го, когда части формировались из числа приходящих из рядов русской армии, охваченной большевизмом. Я раньше указывал на проявление этого большевизма в грузинских войсках; эти вспышки понудили распустить по домам солдат, ибо они представляли опасность для государства. Новая армия не сформировалась еще, как началась грузино-армянская война в декабре 1918-го года, а в феврале 1919-го года была вновь объявлена мобилизация, вследствие которой полки пополнились солдатами, пришедшими из русских, охваченных большевизмом, войск. Таким образом масса людей, составлявших Ахалцихский отряд, состояла из элемента весьма горючего и всегда готового вспыхнуть, оказать неповиновение и даже перейти в открытый мятеж. Об этом я скажу ниже, а здесь отмечу, что уход Гвардии оказал весьма скверное влияние на армейские части, которые только вот-вот были взяты в руки. Итак, Гвардия ушла, я не могу приискать другого выражения, а обстановка осложнилась. Я узнал, что в Верхний Поцхов прибыли войска из Ардагана, туда привезли пулеметы и орудия, и что в Джаксу приехали важные лица из того же Ардагана; передавали, что это правительство из Карса. Одновременно поступили тревожные сведения со стороны Ахалкалаки; доносили, что противник сосредотачивается в районе Зурзун и против Духоборья; называли также цифры, которым, конечно, я не мог верить. Параллельно с этими сведениями полковник английской службы Реди из Ахалкалаки сообщал мне о тех же группировках и добавлял, что он выслал в этот район своего офицера, который был окружен татарами и которому едва удалось вырваться из их рук; вместе с этим он настойчиво спрашивал, когда и сколько войск я пришлю в Ахалкалаки и просил поторопить их присылку. Я должен напомнить, что за неделю или более, он как и полк. Стюарт, был против ввода в Ахалкалаки наших войск более 2-х рот. В это время часть моего резерва была передвинута из Ахалцихе к границе Ахалкалакского уезда; эта часть могла в один переход или присоединиться ко мне или появиться в Ахалкалаки, в зависимости от обстановки. Я ответил полк. Реди в ответ на его просьбу прислать войска, что мои войска стоят близко к Ахалкалаки и в нужный момент в тот же день прибудут в Ахалкалаки.

Верхний Поцхов и собирающиеся там силы противника меня озабочивали: и я, естественно, в виду усиления противника в Поцхове не хотел заниматься операциями в Ахалкалаки, что привело бы к разброске сил, и без того численно ослабленных уходом Гвардии. Такова была обстановка. Между тем Тбилиси настаивал на уводе войск из Верхнего Поцхова. Я не соглашался и указывал на сосредоточение войск в Верхнем Поцхове, и что поступление оружия и муки Верхнего Поцхова сразу прекратилось, каковое, несомненно, было симптоматично. Все же для успокоения настойчивых требований англичан приходилось постепенно выводить войска, но я их расположил на самой границе. Остался там, наконец, один батальон; он был выдвинут от остальных не более 6—7 верст. Послано было и ему приказание отойти в ночь. Однако разыгралось следующее: днем, в ночь которого он должен был отойти, он был атакован. Как потом выяснилось, в это время в Джаксу, где пребывало Ардагано-Карское начальство, находился английский офицер из Ардагана. Начальник дивизии, в состав которой входил атакованный батальон, получил донесение, что противник атаковал этот батальон; он немедленно донес мне, испрашивая указаний, как быть, т. е. отвести батальон или его не отводить ввиду нападения противника. Я ответил, что не только не отводить, но следует немедленно его поддержать. К сожалению, связь между начальником дивизии и атакованным батальоном прервалась в этот момент, вследствие чего батальоннный командир не получил этого второго приказа. Он отбил атаку, а затем, исполняя ранее полученный приказ, ночью отошел и присоединился к своим войскам. Этот его отход, происшедший по недоразумению, противником был принят за успех; на следующий день противник подошел к границе, занял линию против наших войск и стал возводить окопы. Я очень сожалел о случившемся, но что было делать: или наши в Тбилиси не понимали создавшейся обстановки, или же англичане были непреклонны в своем требовании отвести наши войска. На следующий день ген. Артмеладзе донес мне, что на его участок явился английский офицер и потребовал от него, чтобы он не переходил границы Ардаганского округа; он спрашивал, как ему быть. Я ему приказал передать, чтобы он ответил английскому офицеру, что у него, у ген. Артмеладзе, имеется свое начальство, приказания которого он будет исполнять, и чтобы он этого офицера направил ко мне в Ахалцихе.

Офицер этот, фамилии его совершенно не помню, приехал ко мне и привез мне послание из Джаксу от председателя правительства „Территории Юго-Запада Кавказа". Сей председатель находился в Джаксу. Он писал: „Грузия и Территория Юго-Запада Кавказа находились всегда в дружественных отношениях, но что грузины нарушили международные отношения и, не объявляя войны, перешли грани-

цу, что Председатель вынужден был приказать своим войскам атаковать наши войска и что в результате грузинские войска были вынуждены отойти назад". Далее он предлагал заключить мир и пр. Письмо это было достаточно беззастенчивое. Английский офицер, привезший это послание, просил ответа. Во время разговора он несколько раз подчеркнул, что противник усилился значительно и определил его число в 4–5 тысяч; указывал, что привезли пулеметы и три орудия. Затем, на мое замечание, что усиление противника меня не пугает и что я буду действовать так, как продиктует обстановка, и если найду нужным, то атакую противника, тем более, что у противника не войска, а банды, он ядовито спросил, почему же наши войска, атакованные вчера противником, так поспешно отошли. Объяснять причину я не счел нужным, а ответил, что если он был свидетелем поспешного отступления наших войск, то он на днях будет свидетелем кое-чего другого; вместе с этим я просил его зайти за письменным ответом через два часа. Через два часа я ему вручил письменный ответ на русском языке с переводом на английский.

Мой ответ был следующий: идя навстречу гуманитарным началам, я соглашался на установление перемирия, но указывал, что мир заключать я не уполномочен и что для этого необходимо Правительству Юго-Запада Кавказа снестись с моим Правительством, которому я передал телеграфно его письмо ко мне. Что же касается перемирия, то я выражал согласие, но при исполнении им некоторых условий. Условиями я выставлял: отвод войск, прибывших в Поцхов, обратно в Ардаган, выдачу Сервер-бека и еще одного бека, который перед этим изъявил нам свою покорность, а теперь перешел на их сторону. Свое письмо заканчивал, что если к 11-ти часам следующего дня я не получу удовлетворения своих условий, то развязываю себе руки.

Мой ответ очень не понравился англичанину. Он спросил меня, не изменю ли я своего решения. Я ответил отрицательно. В моем разговоре с этим английским офицером между прочим произошел один обмен фраз, который я считаю необходимым отметить. Переводчиком был князь Мамука Орбелиани. Английский офицер желал меня убедить, чтобы я не переходил границ „Территории Юго-Запада Кавказа", и задал мне такой вопрос: „А не считаете ли Вы, что, вступая в войну с „Территорией Юго-Запада Кавказа", государством, находящимся под покровительством Англии, Вы этим самым поднимаете руку против Англии". Я ответил, что так считать не могу, ибо, если я буду рассматривать свои военные действия, направленные против этого государства, как действия против Англии, то в таком случае нападение этого самого государства и разорение, произведенное им в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах, я должен буду рассматривать, как нападение, произведенное на нас Англией.

Быть может, офицер переборщил, ссылаясь на покровительство Англии этому государству, возможно, но что англичане имели какое-

то отношение к вопросу образования Юго-Запада Кавказа, мне казалось и кажется несомненным. Врученный мной ответ английский офицер повез в Джаксу, к председателю Правительства Юго-Запада Кавказа. Как и следовало ожидать, я никакого ответа не получил. Я отдал приказ о сосредоточении войск для атаки противника. Противник не только не отошел, но усилился и строил окопы. Надо было действовать скорее. Закончив сосредоточение, я перешел в наступление.

Откровенно признаться, меня эти предстоящие действия сильно волновали. Я знал, что англичане как местные, так и тбилисские, против нашего наступления; я знал, что Тбилиси уступает англичанам и в случае неуспеха вся ответственность за это падала на меня. К этому надо добавить, что более, чем на треть, я был ослаблен уходом Гвардии; правда, я уменьшился на треть, но только числом штыков. Противник же усилился, не только количеством людей, но также пулеметами и орудиями. Все эти обстоятельства сильно меня беспокоили. Накануне боя, поздно вечером, зашел ко мне председатель местного комитета помощи беженцам Г. Азнауров. Он, конечно, ничего не знал о наших завтрашних действиях и пришел с целью выяснения некоторых вопросов по оказанию помощи беженцам. Впоследствии он мне говорил, что он заметил, что по его наблюдениям я чем-то сильно был озабочен и поэтому он скоро ушел. Он был прав; разговаривая с ним, я неоднократно смотрел в лежавшую передо мной карту и в сотый раз проверял себя, все ли мной взвешено и предусмотрено для завтрашнего боя. Готовясь к этой операции, я несколько раз побывал на месте, сам произвел разведку, лично выяснил на месте все, касающееся обстановки, и обсудил все подробности предварительных распоряжений частных начальников, и ввел некоторые поправки. К этому беспокойству, так сказать чисто военного порядка, прибавилось еще одно. Я считал, что бой непременно должен быть выигранным; правда, неуспех не являлся катастрофическим; я бы отошел на свои довольно крепкие позиции. Но бой надо было выиграть, дабы мы, армия, не могли бы получить упреки от Гвардии, что без них мы не сумели победить.

Читатель, может быть, считает такие мысли достаточно мелкими, но и они мне приходили в голову, и я пишу все откровенно, все, что было на душе; кроме того, это и не так уж было мелко. Проиграй мы бой, может быть, вопрос уничтожения армейской организации был бы решен бесповоротно и наш неуспех был бы лишь лишним козырем в руках противников армии. Все эти обстоятельства волновали меня, и на другой день я с рассветом выехал на поле сражения. Надо при этом добавить, что слухи об усилении противника распространились среди населения, которое, не веря в нашу победу, стало из района тыла боевых действий уже выселяться; приходилось силой

возвращать назад. Присутствуя на поле сражения, я был весьма обрадован; противник был выбит из своих окопов и наши войска, постепенно, ломая сопротивление, теснили его. На следующий день наши войска вступили в Верхний Поцхов. Противник частью ушел на Ардаган, а остальные разошлись по селениям. Три орудия, привезенные противником из Ардагана, попали в наши руки; они, кажется, почти не действовали против нас.

В Тбилиси, кажется, были очень довольны нашим успехом. В Поцхове, к крайнему моему сожалению, уходившими, одной из групп противника, был убит Ахмет-бек, зять Мамад-бека Абашидзе. Ахмет-бек был наиболее влиятельный помещик Верхнего Поцхова. У нас были некоторые сведения о том, что он держал сторону Сервер-бека. Когда наши войска подошли к границам Верхнего Поцхова, то, как я выше указал, этот округ выказал покорность и просил не вводить войска в их область. Эта просьба была исполнена, но при соблюдении известных условий, о которых я писал раньше. Немного погодя к ген. Артмеладзе прибыл этот самый Ахмет-бек с тем же засвидетельствованием своей лояльности. Узнав об этом, я приказал ген. Артмеладзе доставить его ко мне. Он прибыл ко мне в Ахалцихе и я с ним разговаривал довольно продолжительно. При встрече с ним я заметил, что он, по-видимому, был очень обеспокоен моим вызовом; вероятно, был уверен, что я его арестую. Я намекнул ему, что у нас имеются сведения о том, что он сторонник Сервер-бека. Он стал меня уверять в обратном. Тогда я ему сказал, что я ему верю, что я его пригласил к себе, чтобы с ним познакомиться, что сейчас я его отпускаю к себе домой и что дальнейшее его поведение покажет нам правоту его уверений. Я дал ему офицерский конвой, который и доставил его благополучно до наших передовых постов. Действительно, впоследствии он не оказывал никакого содействия ни Сервер-беку, ни правительству „Территории Юго-Запада Кавказа"; напротив, я потом имел сведения о том, что он употреблял свое влияние на местных жителей не оказывать содействия нашему противнику. Когда мы вступили в пределы Верхнего Поцхова, то его жена, уже вдова, сама выдала несколько пулеметов и десятки тысяч патронов, хранившихся у ее супруга, и которые они не могли раньше нам сдать, так как боялись агентов нашего противника, шнырявших по всей этой области и возбуждавших население против нас. Несомненно, если бы он не был чистосердечно верен нам, то передал бы это оружие нашему противнику. Наконец, его лояльность по отношению к нам неоспоримо доказывается его смертью. После поражения противник, уходя от нас и проходя мимо его дома, хотел его заставить пойти с собой. Он не согласился и тогда он и его сын были убиты этими негодяями. Я очень потом жалел, почему я не арестовал этого несчастного, павшего жертвой своей лояльности. Но к несчастью, я не мог его арестовать; я его пригласил к себе, и командующему грузинскими войсками нельзя быть вероломным, не говоря уже и о

том, что такие действия совершенно не по мне. Так погиб бедный Ахмет-бек, который при встрече произвел на меня весьма благоприятное впечатление.

АРДАГАН

Теперь прежде чем перейти к описанию нашего похода на Ардаган, я остановлюсь на одном событии, происшедшем за текущее время. Мне сообщили из Тбилиси, что в Ахалцихе едет комиссия, назначенная Учредительным Собранием для расследования на месте причин восстания. В этой комиссии председательствовал Гизо Анджапаридзе, член Учредительного Собрания. Еще перед этим мне пришлось обратиться непосредственно к Председателю Правительства с телеграммой, в которой я просил отозвать из Ахалцихского уезда уполномоченного Правительства Лео Рухадзе. Я раньше уже описал его бестактность по отношению ко мне, как представителю высшей военной и гражданской власти в уездах; как я говорил, я был назначен командующим и генерал-губернатором. На другой же день по моем вступлении в пределы Ахалцихского уезда он, совершенно не считаясь с моей генерал-губернаторской властью, стал делать назначения, отдавал распоряжения и таким образом в крае, который, собственно говоря, завоевывался, получилось двоевластие; конечно, это могло лишь повредить делу. В довершение всего на одном из собраний довольно многочисленных местных организаций и властей, которое происходило в Ахалцихе и на котором присутствовал Военный Министр, он неожиданно для меня обратился к Военному Министру с просьбой повлиять на меня и настоять, чтобы я один склад, кажется железнодорожников, вернул по принадлежности. Надо сказать, что мной по приходе в Ахалцихе было приказано всюду к захваченным не частным складам приставить часовых и произвести там опись, а также выяснить владельцев. Это его выступление крайне меня удивило, тем более, что он раньше ничего мне об этом не говорил. Выходило, что я что-то делаю незаконное. При первом нашем с ним в Боржоми разговоре я ему сказал, что он должен мне помогать и что мы должны действовать согласно. Между тем он не придерживался этого способа действий, и тогда я решил обратиться с просьбой к Председателю Правительства отозвать Лео Рухадзе. Должен откровенно сказать, что Лео Рухадзе очень симпатичный и милый господин; почему он предпринял такой способ действий, не понимаю. Не думаю это объяснять его некоторой недостаточностью опыта, как жизни, так и в служебном и административном отношении. Скорей думаю, что на него влияли другие, которым не нравилась моя личность по тем или другим соображениям. Прося его откомандировать, я указывал на невозможность создающегося положения власти при таком ее делении и поставил условием, что если уполномоченный не будет

отозван, то мне придется подать в отставку. Председатель Правительства отозвал его.

Итак приехала комиссия с Г. Анджапаридзе во главе. Я приказал представителю местной квартирной дистанции отвести помещение и не помню, в тот же день или на другой (я часто отвлекался поездками на позиции), я посетил комиссию. Помещение мне показалось не соответствующим для представителей Учредительного Собрания, и я тут же сказал Г. Анджапаридзе, что прикажу немедленно отвести другое. Он меня настойчиво просил этого не делать, тем более, что пробудет здесь всего несколько дней; мне было это очень неприятно, но я принужден был покориться Гизо Анджапаридзе. Вернувшись, я потребовал к себе представителя квартирной дистанции и ему досталось за такое непредусмотрительное отношение к представителям Учредительного Собрания.

Комиссия приступила к своим действиям, она имела своей целью установить причины восстания; я не только не вмешивался в ее функции, но по мере сил старался помочь ей в ее трудных обязанностях. Эта комиссия оставалась в общем недолго, и мы с Гизо Анджапаридзе неоднократно обменивались мнениями по всем текущим вопросам. Между прочим он выразил свое удивление по поводу порядка в войсках и вообще дисциплины. Надо сказать, что менее года тому назад Гизо Анджапаридзе был свидетелем Батумской эпопеи и теперь был удивлен той картиной, которую представляли войска. „У Вас, Георгий Иванович, старый режим", – говорил он мне. „А что, Вам не нравится?" – ответил я. „Напротив, великолепно, так и следует в войсках", – возразил он. „В Батуми черт знает что было", – добавил он. Этот диалог между нами произошел по следующему обстоятельству. Мы проезжали в автомобиле, и он увидел, что сидевшие в 100–150 шагах от дороги солдаты вскочили и отдали мне честь.

Комиссия уехала и затем имела доклад в Учредительном Собрании. В этом докладе, имеющемся у меня в письменном виде, между прочим Гизо Анджапаридзе отозвался благоприятно о деятельности моей и моего начальника штаба полк. Н. Гедеванишвили, который действительно поразил меня тогда своей энергией и работой от сердца.

Вернувшись из Ахалцихского похода, я узнал, что комиссия была прислана с целью выяснить и нечто другое. Мне сказал Военный Министр Грузии Гр. Тим. Георгадзе, определенно и достоверно, что после взятия Ахалцихе во фракции социал-демократической партии были сделаны семь докладов. Докладчики, я их фамилий не знаю и не хочу догадываться, говорили, что ген. Квинитадзе слишком самостоятельно действует, что он с ними совершенно не советуется, что когда они настаивают идти вперед, он стоит и, напротив, когда они настаивают остановить военные действия, он идет вперед; что ген.

Квинитадзе назначил комендантом города Ахалцихе контрреволюционера ген. Ратишвили и пр., и пр. в таком же духе. К счастью или несчастью, но там нашлись мои защитники; однако, в конце концов, по настоянию докладчиков решено было кого-либо послать расследовать на месте. Да, докладчики даже требовали моего немедленного отозвания из Ахалцихе и ареста. Вот выяснение этого вопроса и было возложено на комиссию Гизо Анджапаридзе под фирмой установить причины восстания. Тогда же, вернувшись в Тбилиси уже долго спустя, я узнал некоторые подробности и его докладе во фракции. Мне так и не удалось поговорить об этом с самим Гизо Анджапаридзе. Приведу одну характерную подробность, имевшую место при его докладе. Оказывается, он меня сильно хвалил и вот, высказываясь по этому докладу, Н. В. Рамишвили сказал, что меня не следует так сильно хвалить перед Учредительным Собранием – „Ибо", – сказал он, – „нас это совершенно не устраивает". Кого это „нас" и почему „не устраивает", я об этом не буду распространяться. Это лишь указывает, что Н. В. принадлежит к числу тех людей, которые бывают справедливы лишь постольку, поскольку это по их тайным соображениям бывает нужно. Что довлеет здесь, государственность или партийность, пусть решает читатель. Характерно.

ДУХ АРМИИ

Теперь опишу, в каком состоянии находилась дисциплина вверенных мне войск. Солдаты, я должен предупредить, были те самые, которых мы получили из рядов русских войск и из которых мы пытались в 1918-м году, менее чем за год до текущих событий, сформировать грузинские войска; это нам не удалось в силу того, что в этот период солдаты внесли в войска тот дух неповиновения и своевольства, который мы называли большевизмом; солдат пришлось распустить. Вот этот элемент собрался в Ахалцихе. Когда была объявлена мобилизация, многие скептически относились к тому, пройдет ли гладко мобилизация или нет. Если пошли на войну с армянами, то это объяснялось популярностью самой войны; в Ахалцихе, говорили они, вряд ли пойдут. Однако мобилизация удалась, и я должен отметить, что в этом сильно помогли местная администрация и органы Гвардии. Ими были приняты меры, которые увенчались успехом. Мобилизация прошла. Отдавая должное стремлениям и желаниям администрации и местным гвардейским организациям (штабам) помочь делу мобилизации, я лично удачу мобилизации объясняю более глубокими причинами. Я считаю, что к этому времени идея государственности, идея самостоятельности Грузии, идея общности интересов грузинской нации стали утверждаться в толще народа; иначе никакие давления, никакие понуждения не дали бы благоприятных результатов; напротив, эти понудительные меры вызвали бы противо-

действие и способствовали бы распространению большевизма. Принятые же понудительные мероприятия были несомненно направлены лишь по отношению слабых духом и уклоняющихся от боевых действий; это явление всегда и во всех армиях было, есть и будет. Мы отлично знаем про подъем патриотизма во время войн Великой Французской революции; однако тогда принуждены были ввести смертную казнь за уклонение от повинности, как и за дезертирство. Такое же явление наблюдается и во второй половине Франко-Прусской войны, когда охвативший всю Францию всеобщий патриотизм позволил выставить в поле до миллиона бойцов, правда, совершенно не обученных.

Приходившие на Ахалцихский фронт части были прежде всего не спаяны; начальники не знали своих подчиненных; подчиненные не знали своих начальников. Между ними не было доверия, тем более, что год тому назад эти самые солдаты срывали с офицеров, теперешних своих начальников, погоны. Масса солдат была готова к проявлениям неповиновения и даже к бунту; хмель опьянения 1918-го года еще не прошел, хотя и чувствовалось отрезвление. Провокаторство, случайная бестактность начальствующих лиц, плохая пища и т. п. могли породить взрыв неудовольствия, неповиновение и даже бунт. Я отлично сознавал, что, собственно говоря, мы, начальники, сидели на бочке с порохом. Надо было быть внимательным к солдату во всех его нуждах, считаться с его желаниями, но так, чтобы не потакать его дурным инстинктам; между тем война и особенно такого характера, как Ахалцихский поход, представляет обширное поле для развития отрицательных черт воина. Однако, как сказал выше, солдаты должны чувствовать власть; они должны сознавать ее авторитетность и ее силу. Последнее в старое время, при другом контингенте, достигалось суровыми, подчас несправедливыми, наказаниями. Сейчас в этой обстановке суровость, жестокость наказаний принесли бы, я утверждаю, отрицательные плоды. Лошадь, вырвавшуюся из рук, опытный ездок не останавливает сразу, а сначала как будто отдается ей, потом постепенно натягивает поводья и затем овладевает ею; после овладения же можно применять суровые меры. Так и здесь масса солдат, вырвавшаяся из рук начальников в 1918-м году, еще не была в руках своих начальников; еще необходимо было осторожное и умелое обуздывание несущейся лошади. Всякая неосторожность, которая могла массу солдат раздразнить, погубила бы навсегда дисциплину в наших войсках, погубила бы дело создания зарождающейся армии. Таким образом, меры устрашения чрезмерно сурового, скажу жестокого, характера, а именно расстрел в данной обстановке, когда масса еще не была обуздана, был совершенно не применим. Кроме того, надо всегда принимать меры сообразно свойствам людей, составляющих войско. Наш солдат, благодаря своей культуре, благодаря постепенному ее развитию, без всяких толчков вроде Великой Французской или последней русской революции, гу-

манен, мягок по природе, всякая жестокость вызывает его отвращение; затем он крайне самолюбив, любит справедливость и горяч. Надо отметить еще одну из черт, имеющих для нас военных большое значение: грузин-солдат уважает старших, он склонен признавать авторитетность власти и легко подчиняется ей. Несомненно, какой-либо факт жестокого или несправедливого к нему отношения, принимая во внимание обуревавшее его настроение, мог создать с помощью провокаторов или даже большевиков такую обстановку, когда никакая опытная рука не смогла бы сдержать эту массу в повиновении. Надо было считаться с создавшейся обстановкой, и я решил, что в данной обстановке совершенно не нужны меры, устрашающие своей жестокостью. Я знал также, что дисциплина во время военных действий лучше всего поддерживается успехом боевых действий. Необходимо, конечно, также создать и обеспечить его наилучшим образом в материальном отношении. Однако солдат простит своему начальнику недостаточность его материального обеспечения, если будет успех; но он никогда не простит своему начальнику поражение даже при весьма и весьма превосходном состоянии его материального обеспечения. Поражение всегда порождает падение дисциплины и во время Мукденского поражения солдаты того времени, скованные и забитые грубой и жестокой дисциплиной, нисколько не стеснялись Главнокомандующего и в его присутствии усеивали вагоны отходящих на север поездов, садясь на крыши вагонов, на ступеньки и на буфера. Считаясь со всем этим, надо было прежде всего иметь успех, наряду с этим овладевать массой людей и постепенно утверждать дисциплину. Успех боевых действий порождает в массах доверие к начальникам, которое и есть краеугольный камень дисциплины; лишь на доверии к начальникам, на вере в их превосходство над собой – можно основать дисциплину. Поэтому-то я и обеспечил свой успех так, что первый удар по противнику оказался ударом молота по куриному яйцу. Я должен сказать, что в общем дисциплина была поддержана в войсках и даже сравнительно утверждена, ибо были случаи нежелания подчиняться начальникам, но таковые удавалось потушить и настоять на исполнении отданных распоряжений. А ведь войска в это время, как я говорил раньше, представляли собственно разнузданную толпу людей, которые уже раньше имели случай сбросить с себя всякое начальство и познали свою силу. Гизо Анджапаридзе был поражен картиной перерождения того войска, которое он видел раньше, год тому назад. Но соседство Гвардии, построенной на совершенно других началах, на началах, мешающих насаждению дисциплины, конечно, отражалось на работе нашей насадить дисциплину. Солдаты видели и наблюдали гвардейские порядки и это отражалось на них вредно; они видели, что там нет никакого чинопочитания, что там часто происходят собрания, что ни на походе, ни в бою, ни на ночлегах и остановках там не соблюдается устав, что слово начальника там ничего не значит и пр. Созна-

тельные солдаты сознавали отрицательность такого положения вещей, но для всей массы это было соблазном. Уход Гвардии и в такое время, когда боевые действия еще не закончились и когда ни для кого не было секретом, что Гвардия ушла по домам, сильно отразился на армейских частях. После ухода Гвардии появились случаи неповиновения и именно на почве также ухода домой.

Первый такой случай произошел в 4-ом полку; одна рота решила идти домой, но настойчивость полковника Джиджихия, лично ставшего перед собравшейся массой людей, направлявшихся домой, взяла верх; рота осталась, а зачинщики были арестованы. Затем вспоминаю эпизод в 3-м полку; я не помню подробностей, но факт в том, что солдат, кажется, унтер-офицер, ударил или хотел ударить офицера. Замешаны были три человека; все они были мной преданы суду и приговорены к расстрелу; двум, о которых просил суд, заменили расстрел каторгой, а о третьем просил я сам Председателя Правительства о таковом же смягчении, ему расстрел также заменили каторгой. Я отлично помню, это было в период Пасхи. В тюрьме у нас сидело несколько десятков солдат, арестованных за различные преступления, главную часть которых составляло дезертирство. Арестованные просили меня через свое начальство посетить их на Пасху. Я прибыл туда на второй день Пасхи, когда дело присужденных 3-х к смертной казни было уже заслушано судом. Я обходил все камеры и лично говорил со всеми. Разговаривая с этими 3-мя, я увидел, что это не были закоренелые преступники; это были люди, действовавшие в состоянии опьянения событиями, разразившимися у нас в 1918-м году, так называемым большевизмом; лишить их жизни являлось совершенно неуместной жестокостью, ибо это были люди пьяные, заблудшие, а не окончательно погибшие и вредные члены общества. Поэтому я и склонился смягчить их участь. Не так я поступил через год, когда произошли события тягчайшего преступления и когда в войсках уже была дисциплина.

Был еще один случай в самом Ахалцихе. Здесь, в казармах, стояли третьи батальоны, кажется, 1-го и 3-го полков. Эти батальоны у меня были на особом счету. Они пришли на фронт позже и еще в местах своего формирования выказали черты, очень мало возбуждавшие к себе доверие. Здесь тоже произошли волнения, но когда я туда приехал, все уже было успокоено, а зачинщики арестованы и затем преданы суду. Принимая во внимание всю обстановку, т. е. массу людей, тогдашние веяния и совершенное отсутствие казарменного воспитания, нужно признать, что в общем дела наших войск в этом отношении шли более или менее хорошо. Были всякие случаи преступлений, но они не оставались безнаказанными, как в 1918-м году; власть брала верх; подавляющая масса солдат признавала ее, и преступники предавались законному суду. Был еще один

случай открытого неповиновения, но я об этом скажу при описании Ардаганского похода.

Итак противник был отброшен за Хотиорский перевал; оба уезда были очищены. Однако население еще верило в силу противника; среди населения упорно держалось мнение, что наш успех временен и противник вернется вновь. Одновременно я получал сведения, что противник не бросил своей мысли продолжать враждебные против нас действия и, конечно, присутствие Сервер-бека и иностранных эмиссаров в Ардаганском округе лишь побуждало нашего противника к продолжению войны; противник собирался кое-где вдоль наших границ, а пограничное местное население выказывало покорность лишь наружно. Ясно было, что противник не был окончательно сломлен, это подтверждали и местные жители Ардаганского округа, греки, русские и некоторые мусульмане, присылавшие ко мне депутации с просьбой водворить порядок в Ардаганском округе. Я сознавал, что спокойствие Ахалкалаки и Ахалцихе зависит от того, в наших руках Ардаган или нет. Из Ардагана противник мог всегда вторгнуться в наши пределы по двум направлениям на Ахалцихе и на Ахалкалаки; через последний он мог угрожать даже Тбилиси. Обстановка диктовала совершить наступление на Ардаган, покончить с этим гнездом угроз нам и тем добиться окончательного успокоения наших пограничных областей. Иначе можно было ожидать повторения предыдущих событий. Я решил двинуть войска на Ардаган. Тбилиси не противоречил, соглашался в принципе; англичане также переменили свой взгляд по этому вопросу и ничего не имели против нашего вступления в Ардаганский округ. Наступление я решил произвести по двум направлениям: со стороны Ахалкалаки через Хотиорский перевал со стороны Ахалцихе. Надо сказать, что войск у меня оставалось значительно меньше, чем когда я начинал Ахалцихский поход. Я начал, имея около 6-ти с половиной тысяч штыков; затем я получил подкрепление до 1000 штыков. Но ушла Гвардия, которая считала до 3200 штыков; кроме того, отряд растаял от естественного отлива ранеными и больными; к этому надо добавить, что пришлось в некоторых пунктах Ахалкалаки и Ахалцихе держать гарнизоны; правда, я держал последние в очень незначительных силах, но все же это уменьшало действующие против Ардагана войска на несколько сот. Затем были дезертиры и арестованные за различные проступки и осужденные; последняя рубрика составляла, вероятно, до 200 человек. Таким образом я мог двинуть на Ардаган не более 3000 штыков. Несмотря на такую малочисленность, все же я был уверен в успехе. За предыдущие дни я заметил, что сопротивляемость противника увеличивалась до нашего второго вступления в Новый Поцхов. Затем она упала, а наши войска, уже обстрелянные, привыкшие маневрировать, а, главное, одушевленные постоянным

успехом, уже верили в себя и являлись более способными к боевым действиям, чем в начале похода.

До Ардагана предстояло пройти от 80-ти до 100 верст по местности с населением, представители которого только что вели боевые действия с нами. Через Хониор вела скверная дорога, горная, неразработанная, собственно тропа. Перевал был завален снегом. Со стороны Ахалкалаки было шоссе, но на перевалах оно было завалено снегом на более или менее значительном пространстве. Затем надо было образовать промежуточные магазины для довольствия; вместе с тем ввиду того, что через Хониорский перевал нельзя было подвозить иначе, как на местных арбах с весьма малой подъемной силой или на вьюках, то мной было спроектировано подвоз установить на фургонах и автомобилях по шоссе Ахалкалаки – Ардаган. Но отряд, пришедший в Ардаган через Хониоры должен был довольствоваться взятым с собой продовольствием, вследствие чего мной было приказано этому отряду взять с собой продовольствия на 10 дней и начальнику этого отряда ген. Артмеладзе я обещал, что на десятый день после его выступления из с. Джаксу, лежащего у подошвы Хониорского перевала, я лично подвезу ему в Ардаган продовольствие на автомобилях.

Итак, я образовал два отряда: ген. Артмеладзе, наступающего через Хониорский перевал, и другой ген. Сумбаташвили, наступающего со стороны г. Ахалкалаки. Соответствующее сосредоточение было произведено, запасы сделаны. Хониорский перевал расчищался, как вдруг разыгралось событие, которое чуть все не сорвало; не только наш поход на Ардаган, но я думаю, что и весь Ахалцихский поход был бы приведен к нулю. Событие заключалось в том, что в 1-ой дивизии солдаты полков прислали делегатов к ген. Артмеладзе с заявлением, что они на Ардаган не пойдут. Между другими доводами, к которым относилась также трудность похода, одно обстоятельство очень важное привлекло мое внимание; эти делегаты говорили, что поход на Ардаган, это желание генералов, но что Военный Министр (Гр. Тим. Георгадзе) говорил, что они должны выгнать противника из наших уездов, что это есть их задача, они ее исполнили и что дальше они не пойдут. Ген. Артмеладзе донес мне об этом и в телеграмме писал, что для личного доклада о создавшейся обстановке он командировал ко мне своего начальника штаба подп. Гегелашвили. Между тем, передав телеграмму ген. Артмеладзе дословно в Тбилиси ген. А. Гедеванишвили, я просил его доложить Н. В. Рамишвили, новому Военному Министру, мою просьбу приехать в Ахалцихе. Я при этом указывал, что Военному Министру надо только приехать и поблагодарить войска за боевые действия и только; что никаких обращений с речами к солдатам делать не надо, что в его присутствии мы пойдем на Ардаган и солдаты воочию увидят, что распоряжения генералов о походе на Ардаган вполне согласны с желаниями Правительства. Ясно было, что начинающуюся провокацию

против генералов надо было оборвать в начале же и в корне. Я не помню, сколько времени тянулись мои переговоры с ген. Гедеванишвили, но отлично помню, что мне пришлось запросить категорического ответа, приедет или не приедет Военный Министр. Вообще же за Ахалцихский поход мне пришлось убедиться, что от ген. А. Гедеванишвили очень и очень трудно добиться определенного ответа. Приезду Военного Министра Н. Рамишвили я придавал громадное значение; приезд его показал бы лояльность генералов по отношению к своему Правительству; с другой стороны, и генералы бы увидели полную поддержку со стороны Военного Министра и, следовательно, Правительства. Но Военный Министр отказался приехать. Я не знаю причин; ген. Гедеванишвили просто сообщил, что Военный Министр приехать не может. В довершение я получил телеграмму от ген. А. Гедеванишвили, как от Главнокомандующего, со следующей задачей, а именно: „ввиду осложнений на Гагринском фронте вверенному мне отряду приказывалось оставаться на месте и закрепиться на занимаемых позициях". Всякому военному понятно, что при тогдашней обстановке действия на Ахалцихском и Гагринском фронтах совершенно не зависят друг от друга, чтобы приостанавливать действия на одном из-за осложнений на другом; понимаю еще, если бы с Ахалцихского фронта брали войска для усиления Гагринского, а ведь этого не было. Да не было и осложнений; за одну, две недели перед этим Гвардию распустили и ее не мобилизовали, что непременно произошло бы, если бы на Гагринском фронте были осложнения. Наконец, можно было подтвердить мне приказ идти на Ардаган или, наконец, предоставить решение этого вопроса мне. Нет, этого не было сделано. Я получил категорическое приказание оставаться на месте, т. е. исполнить желание солдат 1-ой дивизии и, следовательно, провокация, что генералы действуют вопреки желанию Правительства, получала подтверждение, санкционированное свыше. Итак, поддержки в этой сложной и возможно чреватой последствиями обстановке я не получил.

Но самое скверное было то, что приказ о приостановке похода ставил меня в самое ложное положение перед подчиненными войсками и особенно перед солдатами, требовавшими отмены похода. Если выразиться определенно, то я предавался солдатам, начавшим с неповиновения, и надо думать, после исполнения их требования, они были бы весьма готовы и к более активным противодействиям. Взвесив всю обстановку, я решил все же идти на Ардаган во что бы то ни стало и переломить своеволие солдат. Это решение у меня было еще до получения приказа о приостановке наступления на Ардаган; я никак не мог допустить мысли, что результатом моих переговоров с Тбилиси явится отмена моего наступления на Ардаган. Поэтому, когда ко мне еще до окончания моих переговоров с Тбилиси прибыл начальник штаба ген. Артмеладзе подп. Гегелашвили с докладом подробным о положении дел, то я, выслушав его доклад, ре-

зюме которого выходило, что следует отложить поход, что солдаты все равно не пойдут, то я тут же, молча, ничего ему не говоря, взял полевую книжку и написал на листке полевой книжки приказ ген. Артмеладзе, в котором я требовал немедленного исполнения приказа о наступлении его отряда на Ардаган. Я молча передал написанное приказание начальнику штаба подп. Гегелашвили, там было всего две-три строчки. Я помню удивление, выразившееся на лице подп. Гегелашвили, пробежавшего это приказание. „Пойдут солдаты или не пойдут, это не имеет никакого значения; приказание должно быть исполнено. Пусть идут одни офицеры, но пусть идут. Я приеду к часу, назначенному для выступления, и там будет видно на месте", – добавил я. Подп. Гегелашвили уехал, а я продолжал переговоры с Тбилиси. Заключительный ответ Тбилиси, указывавший на остановку движения на Ардаган, конечно, не мог быть для меня приемлемым при создавшейся обстановке. „Нет поддержки, не хотят помогать, не надо, сам сделаю", – решил я в уме. Однако Тбилисское приказание, в категорической форме изложенное, лежало у меня на столе.

Я решил попросить по телеграфному аппарату ген. Гедеванишвили и доложить ему, по каким соображениям я не могу исполнить его приказа. В моральном отношении я был сжат с двух сторон: снизу – солдаты не хотели идти и, по-видимому, ближайшее начальство склонялось исполнить волю солдат; сверху – ясно и определенно исполняли волю солдат. Кроме того, я получил дополнительные сведения, что солдаты явились на перевал и разгоняли местных жителей, расчищавших Хониорский перевал от снега. По-видимому, местное начальство не в силах было противодействовать своеволию солдат. Я должен отметить, что в этих трудных обстоятельствах я нашел поддержку в своем начальнике штаба полк. Н. Гедеванишвили, который всецело присоединился к моему решению настоять на своем. Когда ген. А. Гедеванишвили подошел к аппарату, я доложил ему свои соображения. Я помню, что их было девять пунктов и что последний пункт говорил о том, что решается судьба того, сумеем ли взять в руки солдат или нет, что если мы не настоим на исполнении приказа, то дело насаждения дисциплины в войсках придется отложить надолго. При этом я высказывал мысль, что я сумею добиться того, чтобы солдаты пошли на Ардаган. Передав все по аппарату, я думал, что ген. А. Гедеванишвили пойдет советоваться с Правительством или по крайней мере с Военным Министром прежде, чем ответить мне. Каково же было мое удивление, когда он, не отходя от аппарата, ответил: „Что ж, тебе на месте виднее; если можешь идти, иди". „А твое приказание?" – спросил я. – „Ты его отменишь?" „Раз можешь идти, то моего приказания можешь не исполнять", – ответил он, и наш разговор мы закончили на этом. Все же симптоматично: такие военные распоряжения, и так быстро и диаметрально меняются: но письменно он все же не отменил своего приказания. Это были дни перед

18-м апреля, днем, назначенным для выступления. 1-го апреля я получил от ген. Артмеладзе успокоительное известие; он доносил, что 3-й полк пойдет, но что 1-й полк отказывается. Я ему приказал передать, чтобы он вел тех, кто пойдет за ним, а что с отказавшимися идти буду иметь дело лично я.

Утром 18-го апреля к часу выступления я был в Джаксу, в районе войск и ждал результата, пойдут или не пойдут солдаты. Через некоторое время я получил известие по телефону, потом подтвержденное донесением с конным, что 3-й полк пошел и что 1-го полка не пошел только один батальон. Затем мне донесли, что этот батальон без офицеров пошел назад. Передали, что идет, хотя без офицеров, но в полном порядке. Он должен был пройти через Джаксу. Я стал ждать событий. Я находился в доме, который был расположен шагах в 30-ти от дороги, по которой должен был пройти этот вырвавшийся из рук начальников батальон. Ожидая батальон, я приказал в своем доме в мезонине поставить пулемет в окне и посадил за него офицера. Офицеру приказал быть готовым открыть огонь. Полк. Н. Гедеванишвили находился при мне; тут же находились офицеры артиллеристы полевой батареи, которая не могла благодаря бездорожию идти через перевал, а также офицеры оставляемого в Джаксу небольшого гарнизона. Наконец, показался батальон, он шел в порядке, он должен был пройти через речку Поцхов по мосту. Показавшись из ущелья, голова колонны остановилась. Впереди колонны шагах в 300-х шла группа солдат, человек 8; очевидно, это были дозорные. Эти дозорные продвинулись вперед, поговорили что-то с некоторыми встречными солдатами, затем послали одного или двух в колонну. После этого колонна двинулась на мост. В районе Джаксу стояли части артиллерии и пехоты; солдаты артиллерии (это была легкая батарея кап. Карумидзе) были возмущены поведением этого батальона и через батарейного командира просили меня разрешить им пойти навстречу батальону и уговорить остановиться.

*
* *

Во время большой войны я был на Кавказском фронте, где и застала меня революция. После революции я десять месяцев был на фронте, только в декабре 1917-го года я был вызван для назначения в формирующийся Грузинский корпус. Мне не раз приходилось быть в критическом положении; бывали моменты, когда я не знал, выйду живым из толпы солдат или буду убит. Но Бог миловал. Здесь передо мной была новая задача. Я мог, не предупреждая взбунтовавшийся батальон, открыть по нем огонь не только из пулемета, но из орудий, так как солдаты-артиллеристы, ясно было для меня, будут повиноваться и откроют огонь. Батальон был бы рассеян, были бы уби-

тые и раненые; было бы принуждение физической силой, но не силой воли, но не той силой, которая собственно и должна довлеть и господствовать над военной массой. Я откровенно должен признаться, что я очень люблю наших солдат; они мне все кажутся очень милыми, хорошими по душе. Те успехи, которые достигнуты мной, начальствуя ими, для меня наиболее сладкие из всех моих боевых успехов; эти успехи шли на пользу моей родины, и я не могу не быть за это благодарен нашим солдатам, тем, которым я обязан своими удачными действиями; я их люблю и не позволю себе пролить их кровь, если не использую всех других средств и самого себя. Тут я должен несколько добавить. Когда батальон остановился, я этому тогда не придал значения и лишь удивился, почему он не двигается. Потом уже по окончании инцидента мне пришло в голову, что остановка была вызвана разведкой, и если бы разведчики им донесли, что сделаны распоряжения для встречи их боем, то вероятно батальон принял бы боевой порядок и тогда пришлось бы действительно разыграть бой или же вступить с ними в переговоры; но, слава Богу, этого не случилось. Я видел батальон идущим в полном порядке. Высылка разведчиков и стройный порядок доказывал непреклонность решения батальона идти назад, домой. Несомненно, их уговаривали их начальники раньше и они их не послушали; они пошли без офицеров. Подойти к ним и начать с ними говорить вряд ли могло подействовать. Надо было сначала их сбить как-нибудь с их позиции, так сказать сделать брешь. Я искал, как сделать это. Себя, а затем пулемет, стоявший в окне, я оставлял в резерве.

В это время и последовало предложение кап. Карумидзе пойти с солдатами навстречу батальону с целью уговорить их подчиниться приказу. Я ухватился за эту мысль; как раз мне это и надо было. Я разрешил, но сказал, чтобы шли одни солдаты. Солдаты пошли, встретили их на мосту и стали с ними разговаривать. Издали я видел, это было шагов 200, что батальон, не останавливаясь, стал проходить мост и выходил на дорогу, вблизи которой находился я с подп. Гедеванишвили. Тогда подп. Гедеванишвили попросил разрешить ему пойти навстречу батальону и попытаться остановить его. Я разрешил. Подп. Гедеванишвили подошел к голове колонны и стал им говорить; я не слышал, что он им говорил; я видел, что они остановились и молча слушали его, затем через некоторое время я увидел, как батальон стал обходить его с двух сторон и проходить мимо. Я встал и пошел навстречу батальону. Я чувствовал, что настал час и я должен идти. У меня не было никакого плана. Я не знал, что я им буду говорить и как буду действовать. Одно было сознание, что я должен идти туда, и я пошел. Когда я подошел к батальону, то подп. Гедеванишвили скомандовал „Смирно". Хвала и честь подполковнику Гедеванишвили. Не знаю, инстинктивно он это сделал, машинально по привычке или по расчету, не знаю; но сделал отлично. Головная рота остановилась, я вошел в нее. Солдаты стояли, вытянув-

шись и не шевелились. Я поздоровался. Ответили дружно, громко, гаркнули: „Нашему генералу привет". Я посмотрел на них; передо мной стояли не преступники, а заблудившиеся. „Что вы натворили?" – начал я. „Не стыдно вам? Ваши товарищи уже переходят перевал, а вы, как трусы, покидаете их. Пулеметчики, поворачивайте лошадей", – решительно приказал я пулеметчикам; пулеметчики моментально повернули лошадей и повели их назад через мост. Брешь была проломлена. „Кто любит родину, пойдет за мной", – добавил я. Часть людей повернула за пулеметчиками. Не помню, что я им еще говорил; кажется, говорил и о том, что сзади на дорогах везде стоят караулы, которые их всех переловят. Я лично обрушился на одного здорового рыжего детину, который шел в голове колонны и, очевидно, был одним из вожаков. Тут подошли солдаты-артиллеристы, офицеры, и мы все общими усилиями повернули весь батальон, но человек 25–30 все-таки ускользнули и продрали дальше. Батальон устраивался на другой стороне реки и готовился к выступлению. Я вернулся к месту своего пребывания и сел на балконе. Через 2-3 минуты ко мне подошли два солдата молодца. „Господин Генерал, разрешите, пойдем и вернем тех, кто все же удрали". Я посмотрел на них и еще ничего не успел им ответить, как они добавили: „Не думайте, господин Генерал, что мы тоже хотим удрать, вот оставляем наши мешки и ружья". Я разрешил; минут через двадцать я видел, как человек 12–15 с ними вернулись. В это время от выстроившегося батальона ко мне пришли два солдата с просьбой дать им одного офицера, так как они не знают дороги. Я дал им двух офицеров, которые и повели их немедленно. Через несколько времени я и начальник штаба поехали верхами в Ахалцихе. Проехав верст 5–6, мы встретили группу солдат человек 5–6, идущих нам навстречу. Я поздоровался с ними; ответили, спросил, какого полка, ответили – первого; смотрю, некоторые улыбаются. „Вы не сегодняшние?" – спросил я. „Так точно, господин Генерал", – ответили они, – „идем догнать наш полк. Нас ввели в заблуждение, уж больше нас не надуют" и пр. Я добродушно засмеялся. Ведь дураки; лупили назад столько верст, а теперь дуют еще раз назад, обед проморгали и догонят лишь ночью. „Айда", – сказал я им, – „скорей догоняй же" и тронул лошадь дальше. Впоследствии, когда я приехал в Ардаган, я спросил ген. Артмеладзе про этот батальон. „Что ж, почему они вернулись, что они говорили". „Там встретил нас генерал Квинитадзе, мы не хотели не уважить его и вернулись", – ответил ген. Артмеладзе: ну, не милые ли люди? И самолюбие сохранили и меня уважили.

В Париже в 1922-м году я спросил Н. Н. Жордания, известно ли было ему, что часть войск отказалась идти на Ардаган. Он мне ответил, что он ничего не знал про это. Я полагаю, что нельзя не доложить Председателю Правительства о таком исключительном обстоятельстве, которое даже вызвало отмену приказания идти на Ардаган.

18-го апреля наши войска вступили в Ардаганский округ. Правая колонна ген. Артмеладзе 19-го имела бой, а 20-го после боя взяла Ардаган и согласно ранее полученных распоряжений двинула часть сил за противником в долину Гель (верховья Мтквари), а часть направил навстречу ген. Сумбаташвили, наступавшему по шоссе Ахалкалаки – Ардаган. Сумбаташвили шел без боя. Сначала местные жители, подстрекаемые агентами Карского Правительства, хотели оказать сопротивление, но затем покорились и пропустили отряд без боя. 21-го или 22-го соединение отрядов состоялось. 20-го апреля Ардаган был взят, но я об этом получил донесение позже, так как связь с ген. Артмеладзе была прервана. Обеспокоенный неполучением сведений, я отправил в Ардаган с летчиком Сехниашвили аэроплан. Аэроплан летел и не знал, сядет в Ардагане к своим или чужим. Он сел и сел среди своих; на следующий день он вылетел назад и долетел лишь до Ахалкалаки, откуда и сообщил о взятии Ардагана. Но к этому времени я получил известие по восстановленной телефонной связи. Здесь кстати не могу не отметить деятельность наших авиаторов. Я должен сказать, что наши авиаторы молодцы на подбор. Их рвение из ряда выдающееся, мне все время приходилось их сдерживать; я знал недоброкачественность их машин и боялся ими рисковать не по настоятельной нужде. Однако разведка в пограничном районе ими производилась очень добросовестно и очень правильно. Работали они от сердца, и я знаю несколько случаев, когда наши авиаторы рисковали погибнуть, их моторы останавливались и они принуждаемы были снизиться где угодно, а в горах это верная смерть, и только вновь начавший работать мотор спасал их от смерти.

Как выше я писал, я обещал ген. Артмеладзе на десятый день подвезти продовольствие в Ардаган. Двинув туда продовольствие на автомобилях, я сам выехал по шоссе Ахалцихе – Ахалкалаки – Ардаган с тем, чтобы самому проехать эту дорогу и в случае каких-либо затруднений на месте лично их устранить. Ахалкалаки я проехал засветло и рассчитывал к ночи быть в Зурзуни, когда на одном из незначительных перевалов, вернее на простом подъеме я застрял в снегу. Снег лежал всего на протяжении не более 100 шагов, а проехать оказалось невозможным; стали расчищать. Из соседней деревни привели рабочих, но все же это задержало меня часа на 3-4. Уже вечером я проехал наш пост пограничников. Проехав верст 15, я уже в темноте подъехал к одному большому селению, которое лежало у подошвы Зурзунского перевала. Селение это было, так сказать, только что нами завоеванное, но наших войск там не было, все были в Зурзуни и дальше, т. е. по ту сторону перевала. Въехав в селение и вызвав старшину, я спросил, можно ли проехать на автомобиле через перевал, на что получил утвердительный ответ. Я поехал; проехав версты 2–3, я наткнулся на один из заносов и для меня ясно стало, что дальше и выше я не смогу проехать. Я вернулся назад, потребовал старшину и он отвел мне помещение, конечно, со всеми удоб-

ствами, т. е. клопами, блохами, без кроватей и пр. Всю ночь мы воевали, но все же кое-как спали. Старшине я приказал, чтобы с рассвета все селение шло на расчистку перевала. За мной шли автомобили с продовольствием и надо было для них прочистить дорогу. На рассвете утром, выйдя из сакли, я увидел, что жители что-то еле выходят для расчистки дороги. Нас было четверо: я, начальник штаба и шофер с помощником. Однако мы принялись за дело лично и с энергией, не жалели палок, буквально выгоняли жителей на работу. Наши труды увенчались успехом и к перевалу потянулись длинные вереницы людей. Дорогу расчистили, и мы проехали в Зурзуни, где нас догнали следовавшие за нами автомобили. Этот вечер я остался в Зурзуни и на следующий день утром прибыл в Ардаган. В Ардагане я пробыл два дня, осмотрел наши передовые позиции в долине Гель, выяснил обстановку, разрешил многие вопросы местного характера и затем вернулся в Ахалцихе. После взятия Ардагана войска естественно продвинулись за убегавшими частями противника и достигли долины Гель (истоки Мтквари), дальше которой я не позволил продвигаться. Наша разведка, продвинувшаяся по ту сторону долины Гель, наткнулась на английский разъезд. Между тем оказывается, в день взятия нами Ардагана англичане привезли в Карс свои войска и арестовали так называемое Карское Правительство территории Юго-Запада Кавказа. Мы его потрясли – англичане покончили. Сервер-бек бежал в Турцию, население выказывало покорность и желание присоединиться к нам; особенно просили греки, русские и мусульмане, населяющие район к северу от Ардагана.

Итак, противника не существовало; поход был закончен. Стало ненужным держать много войска в Ардагане; во-первых, не было надобности, а во-вторых, и трудно было их там довольствовать. Ввиду этого было решено мною вывести из Ардаганского округа все войска за исключением 4-го полка. Соответствующие распоряжения были даны мной и войска должны были приступить к их исполнению. Однако не обошлось без инцидента. Накануне дня, назначенного для выступления войск из Ардагана, я получил от ген. Артмеладзе уведомление, что 4-й полк, назначенный к оставлению в Ардагане, заявил, что он в Ардагане не останется и уйдет вместе с другими уходящими оттуда войсками. Таким образом в Ардагане никто не остался бы. Я ответил, что выезжаю немедленно в Ардаган и что сделанные распоряжения остаются в силе. К ночи того же дня я успел доехать лишь до Зурзуни, ехать дальше не мог, ибо фонари у автомобиля испортились. Я передал по телефону ген. Артмеладзе, что утром рано прибуду в Ардаган. На другой день с рассветом выехал и прибыл в Ардаган перед самым часом, назначенным для выступления. Части еще не строились. Ген. Артмеладзе спросил меня, не прикажу ли я построить 4-й полк и буду ли я с ними разговаривать.

Я ответил, что прощусь сначала с уходящими частями, а затем посмотрю и 4-й полк. Он выразил опасение, как бы 4-й полк не тронулся самовольно. Надо сказать, что 4-го полка 2 роты, стоявшие в деревне, верстах в 12-ти от Ардагана, самовольно пришли в Ардаган с целью присоединиться к уходящим войскам. Я отклонил предложение ген. Артмеладзе и сказал, чтобы делали так, как намечено, и что если 4-й полк самовольно тронется, тогда будем действовать. Уходящие войска выстроились; я их поблагодарил от лица Правительства и от своего имени за службу и простился с ними.

После ухода войск я приказал построить 4-й полк. Поздоровавшись с полком, я обратился к ним со словом, в котором выразил свое неудовольствие и гнев по поводу того, что полк выразил желание уйти и этим уничтожить все плоды наших 2–3-месячных военных действий. Я не стеснялся в выражениях и действительно я был оскорблен за них и очень раздосадован. Затем, как всегда, провозгласив „Ваша"* Правительству, я пропустил полк церемониальным маршем, а затем пошел в помещения по ротам и стал разговаривать с солдатами. Солдаты ничего не имели против того, чтобы остаться, но жаловались на то, что не принимают мер против дезертиров. Я их успокоил в этом отношении и взял списки поротно всех дезертиров, указав, что до 200 дезертиров судом уже осуждены. В тот же день или на следующий, я не помню, я уехал обратно.

ИНЦИДЕНТ

При проезде назад в Ахалцихе со мной произошел инцидент, едва не закончившийся печально. Я ехал в автомобиле втроем, с ген. Артмеладзе и моим начальником штаба полк. Гедеванишвили. Верстах в 25–30 не доезжая Ахалкалаки, мы встретили группу солдат человек 15, идущих по шоссе. Все с ружьями. Я остановил автомобиль и подозвал их всех к себе. Спросил, какого полка. Ответили 6-го: 6-й полк находился за Ардаганом и ему было назначено выступление на Ахалцихе дня через 2–3. Я выругал их; назвал их дезертирами и тут же ближайшему приказал сдать мне ружье; он замешкался, я выскочил из автомобиля, взял у него ружье, передал шоферу, взял у другого, третьего; в это время, слышу, раздался выстрел. Я обернулся и увидел следующую картину. Полк. Н. Гедеванишвили стоит с другой стороны автомобиля на шоссе, а в 2–3 шагах перед ним стоит солдат, который в момент, когда я обернулся, досылал следующий патрон в патронник. Оказывается, полк. Н. Гедеванишвили, следуя моему примеру, выйдя из автомобиля, обратился к ближайшему с требованием сдать ружье; тот отказался, а при повторении требования и приближении полк. Н. Гедеванишвили выстрелил,

* „Ура!"

но, вероятно, не целясь. Мне в один момент представилась действительная обстановка; мы вдали от населенных пунктов; до ближайшего расположения войск верст 25, не ближе. Нас трое, почти не вооруженных. Солдат-дезертиров человек 15; народ, несомненно, соответствующий, чтобы покончить со всеми нами. Я не успел сообразить, что сделать, как раздался голос одного из солдат: „Что ты делаешь?" К этому голосу присоединились и другие. Солдат, стрелявший в полк. Н. Гедеванишвили, увидя, что сочувствия среди остальных солдат у него нет, отбежал с шоссе шагов на 30 и остановился. Полк. Н. Гедеванишвили выстрелил, но не в него, а лишь в его сторону. Мы стали кричать ему, чтобы он немедленно вернулся; он не двигался. Тогда один из солдат выдвинулся и сказал: „Я приведу его" и пошел за ним. Действительно, он привел его. Мы отобрали у них ружья и все патроны; переписали их фамилии и затем поехали дальше. Проезжая дальше, мы увидели другую группу, также человек в 15, шедших на Ахалкалаки; эти шли в шагах 200–300 от шоссе. На этот раз я не был так опрометчив. Приехав в Ахалкалаки, я из гарнизона выслал навстречу этим дезертирам команду с офицером, который и арестовал их всех. Конечно, момент, когда мы лично отбирали оружие, был очень критический. Что спасло нас, не знаю. Думаю, что культурность грузинского народа. Сознание своей неправоты, сознание нашего справедливого требования, сознание авторитетности власти.

Я невольно вспоминаю, что за Ахалцихский поход моя жизнь и близко стоявших около меня была неоднократно в опасности, помимо присутствия на поле сражения. Я опишу два случая, происшедших со мной во время езды на автомобиле. Однажды мы возвращались с полк. Н. Гедеванишвили из Ардагана. Въехали на Зурзунский перевал и стали с него спускаться по зигзагам. На одном повороте, как раз над кручей, шофер стал сдерживать машину с тем, чтобы поворот пройти, как полагается, тихим ходом. В этот момент колесо с переднего хода соскочило и полетело в кручу. Благодаря тихому ходу автомобиль остался на шоссе, только обнаженная от колеса ось зарылась в шоссе, что уподобилось импровизированному тормозу. Сорвись колесо на несколько секунд раньше или после поворота, ясно, что мы все были бы в круче и я, вероятно, не писал бы этих строк. В другой раз мы поздно ночью возвращались на том же автомобиле из Адигена в Ахалцихе. Фонари не действовали, но дорога была хорошо известна офицеру-шоферу, и мы ехали сравнительно скоро. Как вдруг повторилась та же история с колесом; но колесо на этот раз соскочило в тот момент, когда автомобиль проезжал вдоль длинной кучи приготовленного щебня. Ось зарылась в щебень, и мы остановились постепенно без толчка. На этот раз не было кручи, но нам, вероятно, пришлось бы отделаться более или менее серьезными ушибами, если бы не случившаяся так кстати куча щебня и при этом еще длинная.

*
* *

Итак, Ахалцихе-Ардаганский поход закончился. Теперь опишу несколько эпизодов, происшедших за это время. Еще когда Гвардия была на Ахалцихском фронте, однажды представители Гвардии, между которыми помню Ладо Джибладзе, зашли ко мне вечером по какому-то делу. Разговорились о Гагринских событиях. Я высказал свой взгляд на создавшееся положение с Добровольческой армией и на тот способ, который мы должны были бы принять на случай боевых действий с добровольцами. На следующий или на третий день они вновь ко мне зашли и опять заговорили о Гагринских событиях. Ладо Джибладзе сказал мне, что я должен немедленно ехать в Тбилиси и доложить мои соображения, так как мои доводы очень убедительны и следовало бы Правительство с ними познакомить. Я ответил, что не поеду, но если спросят мое мнение, то выскажу; сам же навязываться со своими мнениями не буду, ибо есть высший военный представитель в Тбилиси и это составляет и его обязанность, и его компетенцию. На этом мы расстались. Представители Гвардии затем уехали в Тбилиси, и вот я вдруг получаю от ген. А. Гедеванишвили телеграмму, в которой мне разрешалось приехать в Тбилиси на один день. Я удивился и спросил телеграммой, чем вызвано такое разрешение, когда я такого разрешения не испрашивал. Мне опять ответили, что, если боевые действия позволяют, то мне можно приехать. Я еще раз телеграфировал, прося определенно ответить, зачем мне разрешают приехать в Тбилиси, когда я такого разрешения не испрашивал. После этого я получил ответ, что представители Гвардии сказали ему, ген. Гедеванишвили, о моем желании приехать в Тбилиси и что поэтому мне и разрешалось приехать. Я ответил, что он должен знать меня, а значит и то, что я никогда не обратился бы ни к кому за протекцией и если бы имел желание приехать в Тбилиси, то обратился бы непосредственно к нему, как к своему начальнику. Все же, добавлял я, если мой приезд в Тбилиси нужен, то боевая обстановка позволяет мне приехать в Тбилиси на один день. Телеграмма была составлена так, что мой начальник штаба полк. Н. Гедеванишвили, брат ген. А. Гедеванишвили, заметил про брата, что он теперь ответит определенно. Я возразил, что нет, не ответит. Я чувствовал, да и нескончаемость обмениваемых телеграмм доказывала, что ген. А. Гедеванишвили не желает, чтобы я приехал, но очевидно, ответить определенным отказом не может, беспокоясь не понравиться представителям Гвардии, которые, вероятно, ему говорили о необходимости моего вызова. Я, как и ожидал, получил опять еще более уклончивый ответ. Чтобы прекратить бесполезную переписку, я ответил, что личных дел в Тбилиси не имею и потому не приеду. Характерная переписка: ген. А. Гедеванишвили и свое желание исполнил, и Гвардии в ее желании не отказал:

Другой случай – это факт более важный, серьезный и примечательный. После взятия Ардагана я, однажды, получил от ген. А. Гедеванишвили телеграмму, в которой он писал, что Председатель Правительства просит меня представить через 2–3 дня мой проект реорганизации войск; в телеграмме указывалось, что будто еще раньше я обещал это исполнить. Я ответил, что такого обещания никому не давал, но что если Председателю Правительства угодно, что я могу доложить лишь основы, на которых должна строиться армия. Сейчас не помню, ответили мне что-нибудь или нет, но в общем я написал основы реорганизации армии и через два дня к назначенному времени приехал в Тбилиси. Утром я был у Председателя Правительства, а вечером, по его приглашению, принял участие в пленарном заседании военной комиссии Учредительного Собрания. На этом собрании председательствовал Председатель Правительства лично и всех присутствовавших, считая и старших военных, было человек 50.

Прежде чем приступить к описанию этого заседания, необходимо отступить назад. Как я указал в моих записках выше, Гвардия увеличивалась в числе и в значении. За время Ахалцихского похода Учредительное Собрание поставило вопрос, какую организацию вооруженных сил принять, Гвардию или армию. Вопрос об армии висел на волоске, но все же сторонникам армии удалось отвоевать существование армии наряду с Гвардией. Вследствие этого было представлено в Учредительное Собрание два проекта реорганизации вооруженных сил: один от Гвардии, другой от армии. И вот для рассмотрения этих проектов и состоялось это большое заседание. Обо всем этом я узнал, лишь приехав в Тбилиси для доклада своих основ реорганизации войск. В тот же день я бегло познакомился с обоими представленными проектами. Меня лично оба проекта не удовлетворили. Надо заметить, что проект Гвардии был сколок с Швейцарской милиционной системы; проект же армейский не представлял проекта реорганизации армии – это был проект переформирования; основы устройства войск не затрагивались и оставлялись те же, что и были. Кроме того, он меня поразил одной особенностью. В этом проекте были намечены три армейских бригады и одна гвардейская, т. е. Военное Ведомство признавало гвардейскую организацию как организацию боевую. Иначе говоря, гвардейская организация признавалась положительной организацией, способной защищать родину наравне с армейской. Если это было откровенное мнение военных авторитетов, то надо было строить и все вооруженные силы по гвардейской системе. Если же нет, то Военное Ведомство должно было категорически протестовать против существования Гвардии и предоставить решение этого вопроса хозяину, т. е. Учредительному Собранию. Оно же не только не сделало этого, а наоборот, включило эту организацию в свой проект четвертой бригадой. Итак, несмотря

на все отрицательные в боевом отношении качества этой организации, качества, резко и неоднократно выказываемые этой организацией во время боевых действий, само Военное Ведомство в лице помощника Военного Министра и старших офицеров признавало ее, как боевую единицу, наряду с армейскими частями. Вечером, когда началось заседание, Председатель Правительства предложил прежде, чем перейти к обсуждению представленных проектов, послушать мой проект. Форма же была такова. „У нас", – сказал Председатель Правительства, – „имеются два проекта; но может быть, имеется еще у кого-нибудь, особенно прибывшего с фронта; ген. Квинитадзе, нет ли у Вас своего проекта реорганизации войск?" Я был вызван для этого, но моему присутствию придавался случайный характер и таким образом выходило, что я навязывался со своим проектом. Я ответил: „Мной по Вашему желанию, Ной Николаевич, составлен лишь проект основ, на которых должна базироваться реорганизация армии; проект же организации войск не мог быть мной представлен за недостатком времени". Меня просили доложить. Я доложил. Начиная свой доклад, я сначала указал, что гвардейский проект реорганизации войск есть лишь уподобление, и то внешнее, системе вооруженных сил Швейцарии и по существу не может быть применен у нас, как не считающийся с условиями внутреннего состояния нашего государства, а также с условиями внешнеполитическими устройства вооруженных сил у наших соседей. Армейский же проект есть собственно проект переформирования, но не реорганизации, так как этим проектом совершенно не затрагивались основы устройства вооруженных сил. В моем проекте основ реорганизации войск указывалось на перемену системы комплектования в смысле установления территориальной системы. Время нахождения под ружьем устанавливалось в два года с широким применением отпусков в течение второго года службы. Затем устанавливалась система отдельных батальонов с такой организацией, чтобы при мобилизации эти батальоны могли бы быстро всосать в себя мобилизуемое население; система второочередных формирований отвергалась. При незначительности территории не было бы времени на их формирование. Касаясь управления, высказывалась необходимость все Военное Ведомство подчинить непосредственно военному, фактически ответственному за это ведомство; между тем по организации прежней, а затем принятой и впоследствии, все отделы Военного Ведомства подчинялись непосредственно Военному Министру (штатскому), а его помощник (военный) являлся лишь советником, ответственным постольку, поскольку, а вернее совершенно безответственным. Я не буду останавливаться на остальных подробностях моего проекта. После моего доклада Председатель Правительства спросил меня, предусматривает ли мой проект существование Гвардии; я ответил, что нет, и этим ответом участь моего проекта была решена. Затем стали высказываться; высказывались только военные, а именно генералы А. Геде-

ванишвили и Одишелидзе, а также докладчик гвардейского проекта г. Воронович. Их возражения весьма знаменательны, почему я их и приведу. Ген. А. Гедеванишвили стал к моему удивлению возражать очень горячо. Он говорил, что составленный проект очень хороший, что теперь не время составлять новые проекты, что проект ген. Квинитадзе написан на небе, а не на земле, не считаясь с действительностью жизни, что существование двух систем вооруженных сил необходимо для нас, так как без Гвардии мы не организуем армии, а армия нужна для того, чтобы Гвардия не превратилась в преторианцев. Я попросил слова и сделал поправку, сославшись на то, что проект мой не мной выдуман, а он по существу заимствован у германцев и применен к условиям нашим. „И да будет известно помощнику Военного Министра", — добавил я, — „что мой проект таким образом написан не на небе, а в Берлине, на берегах Шпрее". Затем высказался ген. Одишелидзе, который авторитетно заявил, что проект ген. Квинитадзе есть, собственно, подробности проекта, представленного Военным Ведомством, и ничего нового не говорит. Я полагаю, что отрицание в моем проекте существования двойственности систем вооруженных сил есть уже не подробность, не говоря уже о территориальности системы, времени прохождения службы и высшего управления. Но дальнейшее обсуждение проекта привело к курьезу, доказавшему, что между проектом Военного Ведомства и моим была дистанция огромного размера. Дело в следующем. Докладчик гвардейского проекта г. Воронович заявил, что проект ген. Квинитадзе, в общем, таков, что Гвардия этот проект могла бы принять за основу для единой системы вооруженных сил. Отсюда выходило, что если мой проект составлял лишь подробности проекта Военного Ведомства, то последнему не трудно было со своим проектом договориться с Гвардией до единой системы вооруженных сил. Как известно, этого не случилось. Ясно, что мой проект составлял не совсем подробности проекта Военного Ведомства. Воронович тут же попросил у меня разрешить для себя переписать мой проект. На этом большом заседании было решено принять мой проект во внимание при обсуждении проектов организации вооруженных сил. С этой целью мне пришлось остаться для присутствования на заседаниях военной комиссии Учредительного Собрания. Я не дождался конца этих заседаний. На одном из заседаний, чуть ли не на первом, обсуждался вопрос о соединении систем, гвардейской и армейской, воедино. Это соединение начали сверху, а именно предложили образовать военный совет; в этот совет должны были войти 3 представителя Гвардии и 3 военных; председателем должен был быть Военный Министр. Я протестовал против такого военного совета, но тщетно. При этом настаивали о предоставлении этому совету инициативы инспектирования войск. Создавался невиданный доселе в военном мире орган. Это не был гофкригсрат, ибо сюда входили более чем наполовину люди не только не компетентные, но и не сведущие в военном

деле. Это не был инспектирующий орган, ибо лица, входившие в его состав наполовину, не знали военного дела и, следовательно, не сумели бы инспектировать. Это не был совет, ибо занимался инспекцией, в последнем случае он должен был называться инспекцией, а не советом. Это было просто установление в армии двойственности власти, ибо власть совета должна была действовать наряду и наравне со строевыми начальниками, включительно до помощника Военного Министра. Дело было в том, по-видимому, что одним из членов совета намечался ген. Одишелидзе, у которого фактически могла оказаться в руках власть инспекторская наряду с властью ген. Гедеванишвили. Примечательно, что право инспекции распространялось лишь на армию; военные члены совета не имели права инспектировать Гвардию; гвардейские же представители получали такое право. При обсуждении этого вопроса мнения разделились или, вернее, я со своим несогласием на учреждение такого органа с такими функциями остался в единственном числе. За таковой орган стояли ген. Одишелидзе и полк. Закариадзе. Особенно отстаивал этот орган представитель Гвардии и председатель военной комиссии Илико Карцевадзе. Споря с ним, я выразился, что ему, как лицу мало осведомленному в военном деле, очень трудно разобраться в истине, ибо ген. Одишелидзе говорит одно, а ген. Квинитадзе с этим не соглашается. Он мне ответил, что у них уже есть на это определенное мнение. Я заметил, что, вероятно, у них имеется не только определенное мнение, но и предвзятое, почему мне незачем и копья ломать; встал, взял свой проект, немедленно покинул комиссию и уехал в Ахалцихе. Так кончилось мое участие в обсуждении проекта реорганизации армии в 1919-ом году.

Во время Ахалцихского похода моя деятельность не ограничивалась, конечно, военными действиями. Дела по управлению областью, по оказанию помощи голодающему и ограбленному населению, по устройству беженцев, по восстановлению Абастумана, по ремонту путей сообщения и мостов, по ремонту военных помещений, одним словом вся жизнь двух уездов и Ардаганского округа должны были или разрешаться мною, или же по этим делам я должен был сноситься с центральными учреждениями нашего государства. Мне приходилось входить в сношения с Министерствами Военным, Внутренних Дел, снабжения, путей сообщения, с государственным контролем, с комитетами по оказанию помощи разгромленному населению, с американским комитетом и пр. Когда я прибыл в Тбилиси для представления проекта об реорганизации армии, то был также у Министра Внутренних Дел Н. В. Рамишвили, который одновременно оставался Министром Военным и путей сообщения или просвещения, сейчас не вспомню. Закончив вкратце доклад о положении уездов, я достал из кармана лист бумаги и вручил ему со словами: „А это жалоба Вам на Вас". На его вопрос, что такое, я ответил, что это реестр посланных мной на его имя, как Министра Внутренних Дел, теле-

грамм, и что ни на одну я не получил ответа. Он несколько смутился и заметил, что он приказал ответить. Затем, взяв лист, он обещал ответить мне по всем вопросам, однако этого сделано не было. После моего возвращения в Ахалцихе, я там пробыл еще около месяца, но никакого ответа на мои телеграммы так и не получил. Не считаю это случайным, а объясняю его нежеланием мне помочь, как не помог он мне, когда первая дивизия отказалась идти на Ардаган. Ясно, что дело устройства двух вновь завоеванных уездов не было для него столь важным, чтобы заняться им не только больше или столько же, как и другими областями, но вообще обращать на них какое-либо внимание.

ГЛАВА X

Снова в отставке. – Заключительные размышления

СНОВА В ОТСТАВКЕ

Армия была демобилизована; остались лишь гарнизоны; моя должность являлась излишней, и я обратился в Тбилиси упразднить мою должность и управление, как ненужные и отозвать меня. Я ответа не получил, хотя повторял несколько раз свои телеграммы. Тогда, не получая ни привета, ни ответа, я обратился непосредственно к Председателю Правительства с той же просьбой. На этот раз ответ последовал и через 2–3 дня я был отозван. Это было или в конце мая или в первых числах июня. Я приехал и, как призванный из отставки, подал рапорт об увольнении меня в отставку. Получив мой рапорт, Н. В. Рамишвили попросил меня к себе и предложил остаться на службе. Он предложил мне должность члена Военного Совета. Военный Совет состоял из трех военных и трех членов главного штаба Гвардии. При обсуждении проекта об этом учреждении я высказался определенно против этого совета и вот мне предложили быть членом именно такого учреждения, против существования которого я высказывался достаточно определенно. Я не видел серьезности желания оставить меня на службе; это была лишь формальность. Мне просто предлагали именно такую должность, в моем отказе на которую и сам предлагавший не сомневался. Я однако такому удивительному предложению не удивился и только спросил: „Что это, насмешка или благотворительность?" – и тут же объяснил, почему не могу принять эту должность. При моем разговоре присутствовали генералы Одишелидзе и А. Гедеванишвили. Я сказал, что буду лишним в этом совете, где вопросы будут решаться не компетентными людьми. Что это учреждение является безответственным учреждением, в силу чего и решения его будут согласованы больше с желаниями того или другого лица или же, вернее, группы лиц, совершенно не све-

дущих в том деле, вопросы которого будут разрешаться. Что я отлично понимаю, что штатские могут не знать наших специальных вопросов и я всегда готов им объяснять и доказывать, что для меня дважды два четыре, но что я совершенно не могу доказывать наши азбучные истины там заседающим военным; я при этом указал рукой на присутствовавших генералов Одишелидзе и А. Гедеванишвили. Те политично промолчали. Что таким образом я не хочу нести ответственность, как член этого совета, за те решения, которые совет будет принимать; тем более, что заранее уверен, что таковые всегда будут приниматься в духе, желаемом несведущей в военном деле половиной этого совета (Штаб Гвардии). Тогда Н. В. Рамишвили предложил мне должность начальника генерального штаба. Я ответил, что генеральный штаб превращен в мертвое учреждение и я буду там лишь дополнением к креслу начальника генерального штаба. Один из присутствовавших генералов, кажется, ген. А. Гедеванишвили, ядовито заявил: „Вот тебе и предоставляется оживить это учреждение". Я ответил, что мое желание оживить это учреждение выльется в то, что через два дня мне придется уйти в отставку, так как организация армии есть удел генерального штаба и так как таковая принята не так, как я считаю необходимым устроить армию, то я должен или поступиться своими убеждениями и верой, и просто служить, или же должен переменить все основы. Ни первого, ни второго я не в состоянии сделать, почему мне приходится и эту должность отклонить от себя. Н. В. заметил, что я служил при бывшем военном министре Г. Т. Георгадзе и, следовательно, просьбу служить этого последнего я исполнил, между тем его, Н. В., просьбу служить не исполняю и что это ему очень неприятно. Я ответил, что я вовсе не говорил, что вообще служить не хочу, но что для меня неприемлемы предложенные должности по мотивам, изложенным мной. Что же касается исполнения мной просьбы Г. Т. Георгадзе, то он не прав, ибо как раз я уходил в отставку тогда, когда последний был Военным Министром в 1918-м году, и также вторично в январе 1919-го года. На этом разговор кончился, и я ушел. Затем в течение двух месяцев я добивался приказа об отставке, но приказ не подписывался и мне не предлагалась больше никакая должность. Между тем, мне несколько раз пришлось быть у Военного Министра Н. В. Рамишвили; приходилось заканчивать дела по Ахалцихскому походу: денежный отчет, дела по ликвидации и пр. Каждый раз Рамишвили сначала предлагал мне эти обе должности, потом только члена Военного Совета; по-видимому, окончательно решили на должность начальника Генерального штаба назначить полк. Закариадзе, почему и предлагалось мне вакантное место только члена Военного Совета. Предлагалось мне в таких выражениях и с такой интонацией, улыбкой и пр., что ясно была видна вся неискренность предложения. Однажды он опять повторил то же самое и закончил выражением: „подумайте". Это „подумайте" было великолепно. В 1918-м году Н. В. Рамишви-

ли, когда я уходил в первый раз в отставку, угрожал мне трудовой повинностью. Сейчас не скажу, чтобы это была угроза, но выражение „подумайте" мне никогда за мою 30-летнюю службу от своих начальников слышать не приходилось. Это не была угроза начальника подчиненному, когда последний, так сказать, зарвался в своих словах или действиях; это, конечно, не могло быть отеческое „подумайте"; не могло быть и дружеским. Это было проявление всего недружелюбия и, главное, того презрения, которое Н. В. Рамишвили всегда питал и питает к офицерскому корпусу и индивидуальности каждого военного; он нас, военных, считает ничтожеством, низшей расой, не заслуживающей никакого уважения. Я встал с кресла, сказал ему, что я достаточно взрослый, чтобы нуждаться в подобном совете, что меня удивляет стереотипность его предложений, и простился. Я больше к нему не приходил.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Каков же был результат нашего Ахалцихского похода, тянувшегося 3–4 месяца и довольно дорого обошедшегося нам людьми и истраченной энергией и деньгами. Ардаганский округ к югу от реки Мтквари был отдан и кому был отдан, не удивляйтесь, армянам, которые никакого отношения не имели к этому округу. Население – турки, курды, русские, греки и, если не ошибаюсь, там нет ни одного армянского селения. Мы, грузины, завоевали эти места, мы пролили там свою кровь и вдруг эта область передана даже не тем, с кем мы воевали, а третьему лицу. Наша дипломатия опять не сумела использовать наш успех. Может быть, скажут, что дипломатия сделала все, что могла, но что победители, англичане, так приказали и наша дипломатия не в силах была бороться с этим. Уверен, что так будут говорить. Но в этом и ловкость дипломатии, чтобы сделать так, как нам желательно; в том-то и оказалась слабость нашей дипломатии, сравнительно с дипломатией армян, которые добились своего, не имея на это прав ни юридических, ни нравственных, ни де факто, ни права наиболее всеми признаваемого, права силы, права завоевания силой оружия, которое неоспоримо принадлежало нам. Я думаю, что наша дипломатия и здесь оказалась неспособной, как оказалась и в во время Грузино-Армянской войны, когда она подчинилась требованию двух простых капитанов остановить войну, не аккредитованных юридически и дипломатически, представителей тройственного союза. Впоследствии, от некоторых политических деятелей я слышал, что это исполнение требования двух офицеров, отчасти, не совсем в то время полномочных, явилось нашей ошибкой. Я уверен, что имей наша дипломатия соответствующую прозорливость, она бы, возможно, не остановила военных действий в Грузино-Армянскую войну и достигла бы желаемого результата. Ко всему этому на-

до прибавить одну подробность. Согласно договору армянам отдавался правый берег Мтквари и мы должны были в самом городе Ардагане перейти на левый берег Мтквари, который представлял старую часть города и где не было никаких казарм, казармы же стояли на правом берегу; кроме того, единственное шоссе, соединяющее Ардаган с нашими пределами, шло по правому берегу Мтквари, где вдоль дороги проходил также единственный телеграфный провод. Итак, наш гарнизон в Ардагане был лишен связи с нами, и мы должны были испрашивать у армян разрешения провезти в Ардаган продовольствие или же послать туда телеграмму; в противном случае мы должны были пользоваться Хониорским перевалом, через который шла собственно тропа и притом не во всякое время года доступная. Прямо трудно верить, чтобы англичане могли так несправедливо, так вопреки здравому рассудку решать вопросы.

ГЛАВА XI

ВОЕННАЯ ШКОЛА

Прошло два месяца. Ко мне стали обращаться многие военные и не военные с просьбой, убеждением и настаиванием принять должность начальника Военной Школы. Согласно организации нашей армии, образовывалась Военная Школа в составе юнкерской роты и батальона будущих унтер-офицеров. И вот, до меня дошли слухи, что на эту должность предназначают меня. Меня все просили не отказываться.

Передо мной лежал весьма трудный вопрос. Предстояло организовать школу на основаниях, которые должны были быть безошибочны, на неправильно заложенном фундаменте никакое здание держаться не может. Если б школа уже существовала, то с течением времени можно было по опыту вносить в нее те или другие изменения. Здесь же сразу приходилось все основывать. Для такого дела недостаточно иметь просто боевой и служебный опыт, и иметь высшее образование. Надо было иметь опыт службы в военно-учебных заведениях. Дело военное сплошь психологическое и даже техника и материальная часть его интересны постольку, поскольку они могут оказывать влияние на душу бойца; только в этом смысле и могут рассматриваться эти факторы, и только с целью воздействовать на психику бойца и должна развиваться техника. Я не хочу писать здесь трактат об этом, но укажу примеры. Возьмем железные дороги. Кажется, что они будто никакого отношения к психике бойца не имеют; а между тем, давая возможность быстрой переброски войск и их сосредоточения перед боем, они позволяют ввести в бой превосходные силы; сознание же численного превосходства вливает в душу бойца большую уверенность в победе, следовательно, является одной из данных, способствующих подъему духа. Я уже не говорю о значении железных дорог и в других отношениях, также создающих более благоприятные условия для психики бойца, как например,

подвоз продовольствия, боевых запасов, технических средств, инженерных средств и пр.

Отсюда ясно, что при основании нашей Военной Школы должны были быть заложены сразу правильные основы как обучения, так особенно и воспитания, которые дали бы нам не только бойцов, но инструкторов – рассадников во всей нашей армии воспитания и обучения. Здесь при заложении фундамента ошибиться нельзя, ибо плоды ошибок мы увидали бы лишь через 3–5 лет и значит 3–5 выпусков наших инструкторов, да еще в момент образования армии, оказались бы на ложной дороге, тем более, что неправильности были бы внесены в организовываемую армию. За время своей службы я только 2–3 года был преподавателем тактики в Тбилисском Военном Училище, да и то частным. Опыт этот, конечно, был односторонним и, конечно, был недостаточен для того, чтобы быть уверенным в правильности закладываемых начал для такого нового учреждения, как наша Военная Школа. Ко всему этому надо было добавить, что я едва год тому назад выучился грузинской азбуке, а школу, конечно, надо было ставить на грузинском языке. Все это сильно меня смущало и хотя я в разговоре с убеждающими меня и не отказывался, но не говорил да.

Наконец, в конце июля последовало „предложение"; но как оно последовало, стоит отметить. Однажды ген. А. Гедеванишвили пригласил меня к себе в кабинет и сказал следующее: „Я слышал, что ты хотел бы принять должность начальника Военной Школы; так вот, если хочешь, можно устроить это". Меня взорвала форма обращения; один говорит „подумайте"; другой ставит вопрос так, как будто я добиваюсь той или другой должности. Я ответил, что я никому не выражал своего желания на эту должность и меня удивляет как то, откуда он слышал о моем желании, так и форма, в которую он облекает свое предложение. Тогда он поправился и сказал, что он предлагает мне должность начальника Военной Школы и согласен ли я принять эту должность. Его следовало щелкнуть за такую манеру по отношению ко мне, и я ответил: „При чем ты? Согласно вами составленной организации, все войска и учреждения подчиняются не тебе, а непосредственно Военному Министру, от которого и должно исходить предложение на ту или иную должность. При чем ты? Пусть это мне предложит сам Военный Министр, тогда я отвечу". Тогда я получил приглашение к самому Военному Министру, которому и сказал, что принципиально я не против таковой должности, но прежде я приеду в училище и посмотрю, что там имеется, узнаю обстановку и затем уже отвечу. Я поехал туда, окунулся и решился взяться за это дело. На мое решение сильно подействовал ген. Чхеидзе, мой друг со школьной скамьи, мой боевой товарищ по последней войне и мой зять; он особенно настаивал на этом. Военному Министру Н. Рамишвили я сказал, что я согласен принять эту должность, но при исполнении некоторых моих желаний. Он просил прийти вечером и

заявить об этом на собрании или на совете у него в кабинете. Я не знал, что это за совет. Оказывается, была составлена комиссия, из кого именно, я не могу точно сказать. В этой комиссии я присутствовал всего два раза. Знаю, что там присутствовали члены Учредительного Собрания, члены Гвардии и старшие генералы, последние, как всегда, без решающего голоса. Эта комиссия избирала, вернее, процеживала офицеров армии. Войсковые начальники представляли списки; эта комиссия рассматривала и исключала из списков, кого находила нужным исключить. Ее решения были окончательными и не могли быть обжалованы. В комиссии, когда я был там, присутствовало до 30-ти, если не более, человек. Я должен был доложить свои условия, при которых я мог принять предлагаемую должность. В указанное время я пришел, и когда дошла до меня очередь, то я доложил свои условия. Их было 4 пункта. Сейчас не вспомню всех, но первым пунктом стояло очищение гвардейцами помещений, занятых в здании Военного Училища на Плехановском проспекте. Вот что сказал, взявший первое слово, Валико Джугели: „Когда мы шли сюда и узнали, что ген. Квинитадзе предъявит свой ультиматум, то предполагали, зная его, что это будет нечто трудно исполнимое; оказывается, его условия такие пустяшные, что мы соглашаемся исполнить все его желания и обещаемся первый пункт, который касается помещений, исполнить в самый кратчайший срок". Это было сказано, это было обещано публично и это никогда не было исполнено. Военный Министр сказал мне, что, как я вижу сам, мои условия приняты, следовательно, я вступаю в должность и чтобы я к следующему заседанию представил бы список офицеров Военной Школы. После этого заседания я сказал Военному Министру, что я представлю свой список, но что если хоть один из мной представленных офицеров будет исключен, то я не вступлю в должность начальника Военной Школы; как хочет он, пусть устраивает, но я сделаю так, как сказал. Я считаю установленный порядок избрания офицеров совершенно неправильным и нелогичным. Неправильным потому, что отсортировка, а следовательно, и оценка офицеров делается людьми не компетентными в оценке военных, и при этом не ответственных за тех, кого избирают; нелогично же оно потому, что каждому войсковому начальнику навязываются те офицеры, которых он не знает и, может быть, не желает; таким образом с начальников снималась ответственность за своих подчиненных, а между тем, на них одновременно возлагалась эта ответственность, что, конечно, нелогично.

Я приступил к составлению списка, составил его со вниманием и отбирал тех офицеров, которых лично знал, или по рекоменд5ции лиц, известных мне лично, которым и я доверял в их умении отбирать лучших офицеров. Во время составления этого списка, ко мне

обратились вдруг два начальника дивизии: ген. Артмеладзе и ген. Иосиф Гедеванишвили. Они просили внести в мой список подп. Гардабхадзе, так как вышеназванной комиссией он был исключен совершенно из списков. Они оба очень его расхваливали. Я подп. Гардабхадзе знаю давно и считаю его в числе лучших офицеров нашей армии. Естественно, я их спросил, почему же они не сумели его отстоять. Они отвечали, что они сделали все, что могли, докладывали в комиссии, но последняя отклонила. Я, конечно ничего не имел против того, чтобы внести его в мой список, но получалась неловкость. Принимая во внимание то, что я заявил Военному Министру, выходило, что я помещаю в список того офицера, который был только что исключен комиссией, как бы нарочно, как бы для того, чтобы создать обстоятельство, не позволяющее мне принять школу; я объявил, что не приму школу, если хоть один офицер из моего списка будет исключен; включение в список только что исключенного был как бы вызов комиссии. Я высказал свой взгляд им обоим. Тогда ген. Гедеванишвили сказал мне, что теперь члены комиссии ничего не будут иметь против, что это вышло по недоразумению и что он говорил об этом Военному Министру. Мы были в приемной Военного Министерства и ген. Гедеванишвили только что при мне вышел из кабинета Военного Министра; он утверждал, что он только что говорил об этом с Военным Министром. Я счел нужным предупредить Военного Министра о своем желании поместить в список подп. Гардабхадзе и чтобы ни он, ни члены комиссии не приняли бы это за мой вызов. Я вошел к Военному Министру и сказал ему об этом и о том, что мне сказали, будто бы он уже дал свое согласие на его помещение в мой список. Последнему он удивился, но по существу ничего не имел против, раз я его усиленно рекомендую. Он спросил о нем в таких выражениях, что я понял, что спрашивается мое мнение о его политической благонадежности. Я ответил, что в этом отношении за него ручаюсь, как за самого себя, и если я допускаюсь служить, то и он может служить. Затем на следующем заседании рассматривался мой список. Не знаю, говорил ли о моем списке Н. В. Рамишвили заранее с членами комиссии и предупредил их или нет, но список, представленный мной, был рассмотрен быстро; на нем не останавливались и приняли целиком. На этом заседании Н. Рамишвили огласил мой список и сейчас же спросил: „Кто против", – и тут же добавил – „никого нет против – принят". Характерная ловкость.

Я принялся за работу. Вступил в свою должность 2-го или 3-го августа. Надо было составить общую программу; затем составить программы отдельно по предметам; составить курсы; издать их; найти преподавателей; и все это на грузинском языке. Я не буду останавливаться на том, как и что я делал лично; что делали мои помощники.

8-го сентября начались лекции и занятия. Первые репетиции, т. е. сдача семестров юнкерами, начались в октябре. Можете представить себе, как кипела работа. Необходимо отметить, что типографии при Школе не было; была одна ручная, но она могла печатать лишь один лист в день и едва справлялась с ежедневными приказами по Школе. Я стал печатать на множительной машине. Я говорю слово „я", ибо буквально у трех машин стояли я, инспектор классов и сторож канцелярии. Штаты Школы были так урезаны, что другого способа не было. Мы втроем вертели машины от 6 часов вечера до 12 часов ночи. Человек 10 юнкеров помогали нам. Только при таком напряжении мы сумели подготовить курсы к октябрю. Инспектором классов я к себе взял ген. Чхетиани. Это был боевой генерал, но ему не представили генеральского места и таким образом он по реорганизации армии не попал в число призванных. Вполне готового инспектора среди офицеров-грузин не было. Я решил взять его, так как давно знаю его и уверен в его способности работать от сердца, и через год, другой из него выработался бы отличный инспектор классов. В начале же работы, естественно, мне пришлось бы работать с ним совместно. Он действительно горячо взялся за дело и был прекрасным моим помощником по этой части. Всегда аккуратный, не считающийся со временем, а лишь с предстоящей работой, он вложил в это дело свою душу и сердце.

В течение года мне удалось добиться увеличения платы преподавателям за лекции, ибо установленная плата едва покрывала расход на проезд в Школу на трамвае; мне удалось увеличить штаты, ибо с установленными штатами Школа не могла работать. Добился у себя в здании ремонта, построил конюшни, манеж, хозяйственные учреждения, открыл тир, и Школа стала принимать вид военно-учебного заведения, а не просто казармы. С большим трудом удалось достать литографский станок в Железнодорожном Ведомстве. Этот станок у них валялся где-то в складе и был без всякого употребления. Я стал просить дать мне его за плату; сначала обещали уступить за 30.000 рублей, потом тянули месяца два и назначили цену 60 или 70 тысяч. Я обратился с письмом к их Министру Хомерики. Спасибо ему, станок был передан мне за 30.000 рублей по его приказанию.

Я должен отметить, что мне приходилось, чтобы добиться того или другого для Школы, часами торчать в передних, приемных и в кабинетах наших не министров, нет, а других больших людей. В конце концов все же мне удавалось вырвать то, что можно было достать, но всегда с целыми историями. Одно не удалось, это получить от гвардейцев обещанные ими помещения. Я неоднократно ездил к ним в штаб; они всегда при мне сейчас же постановляли принять самые энергичные меры к очистке помещений, но в жизнь это не проводилось. Исчерпав все средства, я заявил об этом на Военном Совете и

подал Военному Министру свою отставку, мотивируя тем, что я брался выполнить свои обязанности при условии очищения гвардейцами помещений и что при других обстоятельствах я не в состоянии выполнить принятые на себя обязательства. Надо оговорить, что Гвардия ввиду ухода из Военной Школы стала требовать в свое распоряжение бывшее комендантское управление, Верийские артиллерийские казармы и Кукийские артиллерийские казармы. Получая требуемое, Гвардия обещала уйти из Военной Школы. Она получила эти казармы, она получила сверх этого казармы саперного батальона, еще казарму около Кукийских артиллерийских казарм, затем еще помещение в Навтлуге, но из Военной Школы не ушла. Получая ту или иную казарму, она очищала одно здание и окончательно ушла только после занятия большевиками Тбилиси в 1921-м году. Мой рапорт не произвел должного результата; я полагал, что последует постановление или приказ об очищении Гвардией помещений, об исполнении торжественного обещания. Вышло не то.

Была образована комиссия под председательством ген. Одишелидзе, в составе членов ген. И. Гедеванишвили и самого Валико Джугели для выяснения вопроса, есть ли действительная надобность освобождения помещений. Я думаю, каждый читатель этих строк, наблюдавший нашу военную жизнь, может угадать то, что могла постановить эта комиссия. А форма великолепно соблюдена. Чего же более? Два военных представителя от армии и один от Гвардии, кстати сказать, заинтересованный. Для чего же была назначена комиссия? Я в ноябре ожидал до 1000 человек новобранцев, их негде было поместить, ибо Гвардия очистила помещение лишь человек на 400, не больше. И вот эта комиссия должна была выяснить, мог ли я принять новобранцев в тех помещениях, которыми владел, и требовалось ли, чтобы Гвардия очистила и остальные помещения. Уже об исполнении моего требования, так торжественно обещанного, не говорилось, оно было забыто; и Гвардии прощалось все; и оставление поля сражения, и нарушение обещаний, и нарушение законов. В исходе решения комиссии я не сомневался. На другой день комиссия собралась в училище и стала обходить помещения; конечно, все это была форма. Некоторые характерные сценки нарисую. Вошли в одно помещение, оно было сплошь завалено столами, шкафами, стульями и пр. „Вот в этом помещении может поместиться человек 300, во всяком случае 200–250 свободно", – заявил авторитетно Валико Джугели. Я потребовал сейчас же у инженера план помещения. Он представил план, составленный еще до революции; на этом плане были нарисованы кровати. Сосчитали, оказалось 80 кроватей. Вы думаете это убедило Валико Джугели и комиссию, нисколько. Джугели заявил, что он приведет другого инженера, который найдет, что здесь можно поместить 400 человек; он же берет среднее, т. е.

200–250 человек. Так решались все дела, так решались им дела, утверждаю, и государственного значения. Вошли в помещение сборного зала. Этот громадный зал служил для сборов всего училища, для общих лекций, для актов и для разных торжественных случаев. Вообще, это был зал, необходимый всякому такому учреждению. В стенах были вделаны мраморные доски с обозначением имен воспитанников, погибших на поле брани. Войдя в это помещение, тоже сказали, что здесь можно поместить роту. „Как", – возразил я, – „да здесь нет ни умывальной, ни уборной, как же здесь будут жить?" „Ничего", – отвечала мне комиссия, – „они для этого могут ходить в другие роты". Не правда ли логично? Надо знать, что в каждом ротном помещении эти приспособления делаются со строгим расчетом и их нельзя перегружать; таким образом, если комиссия не хотела считаться с теми обстоятельствами, что людям пришлось бы ходить в уборную и в умывальную в другие здания, она должна была принять во внимание вышеизложенные соображения относительно перегрузки уборной и умывальной, и всех связанных с этим неудобств.

Ясно, что генералы Одишелидзе и Гедеванишвили скорее всего считались с желанием Валико Джугели, чем с существом дела. Я, конечно, горячился, да и трудно было сохранить хладнокровие. Ген. Одишелидзе во время наших обходов отвел меня в сторону и сказал следующее: „Ты несомненно прав; ты не горячись, дело решится в твою пользу, я в этом уверен; что ты говоришь, это верно, как дважды два четыре, но пусть дважды два временно будут пять". Я горячился и мне было грустно. Обойдя помещения Школы, где все рассматривалось через вышеуказанные очки, затем обошли помещения, занимаемые гвардейцами. Здесь все было расположено на широких началах. Например, вошли в одну большую комнату; гвардейцы называли ее склад оружия. Действительно, там хранился запас оружия. Посреди комнаты стояли прямо на полу штук 80–100 пулеметов Кольта, выстроенных в две шеренги; вдоль стены стояли в один ряд ружья. Все остальное пространство было совершенно свободно. Никаких стеллажей, никаких приспособлений к тому, чтобы не терялось пространство. Каждый военный знает, что хранимое оружие всегда ставится в несколько этажей, на стеллажах, оставляя между ними лишь самое необходимое пространство для прохода. Я указал на это обстоятельство, но комиссии до этого никакого дела не было. Интересна одна сцена. Обойдя помещения, вошли в учительскую комнату для обсуждения. Ген. Гедеванишвили высказывался за то, что в Школе достаточно помещений для размещения и что поэтому гвардейцы могут не очищать помещений. Я ему сказал тогда: „Прекрасно, ты находишь, что Школа может функционировать, что у нее достаточно для этого помещений; я держусь обратного и нахожу, что если гвардейцы не очистят помещений, то Школа не может существовать. Так вот, принимай Школу и орудуй, раз находишь возмож-

ным, а я уйду. Ты же докажешь, что ты был прав". Конечно, он на это не согласился.

На другой день в Военном Совете был этот вопрос доложен и постановлено, что хотя и тесно, но поместить в Военной Школе новобранцев можно, не очищая помещений, занятых Гвардией, но что Гвардия должна все-таки уйти из этих помещений. Иначе говоря, Гвардия получила законное право оставаться в занимаемых помещениях столько, сколько ей заблагорассудится. Раздосадованный таким явным нарушением торжественных обещаний и нескрываемым нарушением справедливости и правды, я взял слово. Я сказал, что не боюсь быть в единственном числе, ибо уже давно среди них я всегда оставался одним и почти всегда мое единственное мнение впоследствии оказывалось правильным и верным, что и сейчас я не удивляюсь такому решению комиссии и Военного Совета, ибо между ними есть члены, которые допускают, чтобы дважды два было бы временно пять. Я по пунктам высказал все соображения, разбивавшие основания их предвзятых решений. Затем, обращаясь к невоенным, я сказал: „Когда при старом режиме два года тому назад вы агитировали в войсках, вы указывали солдатам на их притесненное положение, вы им говорили, что о них никто не заботится, что они живут тесно, что они не имеют своих собраний, где могли бы проводить свои досуги, ни своих чайных, ни библиотек и читален, ни лавочки и пр.; теперь вы настаиваете, чтобы солдаты были лишены всех удобств, чтобы они ходили мыться и в уборную в другие здания и там стояли в очередях; теперь в тех помещениях, где по старому порядку должны были разместиться лишь 80 человек, теперь вы требуете поместить 200 человек, т. е. как сельди в бочке; теперь вы уже в них не видите людей. Где же эти демократические принципы, о которых вы все время говорили и сейчас говорите, и вероятно, будете еще говорить. Все это, очевидно, забыто, когда хотите и только хотите поставить на своем". Мое слово, конечно, произвело впечатление, но только не то, какое оно должно было произвести на людей, руководствующихся принципами правды и справедливости. Напротив, Военный Министр Н. В. Рамишвили заметил, что мое указание на то, что я всегда остаюсь в единственном числе, является неуместным, но, конечно, мое указание на нарушение демократических принципов было благоразумно обойдено молчанием. На другой день я поехал к Председателю Правительства Н. Н. Жордания и доложил ему обо всем, прося содействия. Я ему сказал, что он мое последнее, куда обращаюсь, и что, если и он не сумеет заставить гвардейцев очистить помещения, то у меня один выход, уйти в отставку. Я очень был взволнован. Я показал ему планы помещений. Он сейчас же понял, что я действительно нуждаюсь в помещениях. После моего обращения к Н. Н. Жордания Гвардия освободила казарму и обещала через 1–2 месяца освободить все остальное. Конечно, она своего обещания не исполнила. Даже требование Председателя Правительства

очень мало значило для такого учреждения, как Главный штаб Гвардии. Им дали еще одно помещение на Николаевской улице, они его заняли, но продолжали оставаться в Военной Школе. Они продолжали уверять меня, что уйдут скоро, что уйдут не сегодня-завтра, и так тянулись месяцы. В лицо они обещали непременно исполнить мое законное и необходимое требование, а на деле продолжали там оставаться.

Теперь, прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, я постараюсь подвести итоги создавшейся обстановки общего положения военных дел. Я в своих записках делал это периодами и теперь, когда в 1919-м году к осени была принята так называемая новая реорганизация армии, несомненно это сравнение с предшествовавшими итогами покажет отношение правящих к военной отрасли Государственного Управления.

ГЛАВА XII

Отношение к корпусу офицеров (1919 г.). – Генеральный штаб

ОТНОШЕНИЕ К КОРПУСУ ОФИЦЕРОВ

В 1918-м году правящие круги еще колебались в своем взгляде на корпус офицеров; теперь в 1919-м году все стало ясным. Корпус офицеров по их разумению, это было нечто, которому нельзя было доверять не только просто как гражданам, нет, им уже не доверяли в их специальном деле, в деле устройства армии. Между тем корпус офицеров доказал за это время, что он стоит на очень высокой ступени своих обязанностей; война с армянами и Ахалцихский поход выиграны были только благодаря высоким качествам офицера, ибо ни для кого не секрет, что представляли войска в это время; это была неорганизованная толпа, не раз грозная своим начальникам. Всякий хладнокровный исследователь, без предвзятых идей, не может не признать этого. Результаты оказались как раз обратные. В высший военный орган, в Военный Совет, ввели на паритетных началах трех членов Главного Штаба Гвардии, полных невежд в военном деле. Затем отбор офицеров был предоставлен не строевым начальникам, ответственным за своих офицеров, не военным, умеющим разобраться в качествах своих подчиненных, а людям, быть может, и обуреваемым самыми горячими желаниями добросовестно произвести этот отбор, но совершенно не умеющим разобраться в качествах офицеров. В довершение во главе одной из дивизий было поставлено лицо, уже 15 лет оставившее военную службу, не имеющее никакого служебного опыта; а во главе весьма и весьма ответственного центрального учреждения было поставлено лицо, совершенно не обладавшее строевым опытом. Не доверяя офицерам, правящие круги вмешались в непосредственное устройство вооруженных сил, стали сами в нем хозяйничать и распоряжаться, и не трудно было угадать результат такового отношения к столь деликатному делу, как организация армии.

Развитие гвардейской организации шло полным ходом. Ясно наметилось, что все шло к тому, чтобы поглотить армию. Между тем эта организация в период двух боевых столкновений (Грузино-Армянской войны и Ахалцихского похода) показала, что она совершенно неспособна была к ведению боевых действий.

Окончательно установился взгляд, что служба офицера не есть служба первостепенная в государстве; достоинство офицера, носителя идеи защиты родины, отдающего себя на служение родине в течение всей своей службы, отдающего родине лучшие силы и время своего существования, находящегося на службе в течение всех 24-х часов в сутки, что его достоинство перестало быть высоким, не говоря уже о том, что материально он был поставлен не только в самое худшее положение среди остальных граждан государства, но у него отняли единственное утешение за его службу: он был лишен чина. Офицер автоматически воспринимал чин в зависимости от полученной должности, на которую часто назначали не имевших никаких прав ни служебных, ни нравственных, и которую он получал нередко по протекции лица по-новому высокопоставленного. Достоинство офицера было спрофанировано и опошлено окончательно. Совершенно было забыто, что офицер всего себя посвящал службе; он не имел семьи; его семья была родина и во всякое время он жертвовал своей семьей для родины;. о его семье никто не заботился и он не имел даже права заговорить о ней. Он не имел очага, едва имел досуг, чтобы подумать о семье, а провести эти досуги в кругу своей семьи, как он этого хочет и как проводят их все граждане, было невозможно. Всякий его досуг, всякое его времяпрепровождение, будь это какое-либо призвание или развлечение, все, всякая минута его досуга могла быть нарушена и он призывался на поле брани, куда отправлялся чуть ли не ежедневно. Это его самоотречение было забыто, хотя непрестанные войны должны были это напоминать и особенно подчеркнуть тяжелое и беспросветное существование этого безропотного, молчаливого и ежедневного исполнителя обязанностей перед родиной.

Наряду с этим боевая служба офицеров на пользу родины, для укрепления только что народившегося государства совершенно не поощрялась; напротив, с течением времени, несмотря на заслуги офицерского корпуса перед своей родиной за время непрестанных войн, его личность, его достоинство все более умалялись и офицерство стало оставлять ряды армии. Семья убитого на поле брани не обеспечивалась и даже хоронить убитого приходилось на свои средства. Должен отметить, что отношение общества к личности офицера было обратно пропорционально отношению к нему правящих кругов; общество проникалось симпатией к офицеру, ибо оно видело, как доблестен был таковой во время защиты родины и как несправедливо был он угнетен за эту доблестную службу.

Доверие лишь к некоторым личностям корпуса офицеров. Это

явление стало сказываться с еще большей силой; все назначения делались в зависимости прежде всего от того, поскольку назначаемый отвечает восприятию новых идей, т. е. социал-демократических. Кроме того, призывались к ответственным должностям люди удобные; люди, которые отличались гибкостью характера и которые не перечили их требованиям, с военной точки зрения являвшихся абсурдом. Получалась картина старого режима, когда люди с характером, с инициативой признавались беспокойными, но не изгонялись со службы, и для успокоения их нервов отправлялись на службу в Туркестан и в далекую Сибирь; теперь же их изгоняли со службы. Десятки отличных, способных, опытных и знающих полковников и генералов были выброшены за борт, якобы за недостатком соответствующих должностей, а между тем на многих этих должностях мы видим офицеров, едва во время последней войны 1914–18-го годов начавших службу.

Должен признать отсутствие единства среди высшего командного состава. Об единстве уже говорить не приходилось. Старшие начальники, которые могли бы насадить это единство, совершенно об этом не заботились. Они были заняты собой, и когда масса прекрасных офицеров, особенно старших, была выброшена за борт, эти начальники не сумели отстоять их. Соглашательство во что бы то ни стало, соглашательство, дабы не потерять своего насиженного места, соглашательство вопреки хорошим книжкам и своему опыту, соглашательство и опять соглашательство на все – было девизом наших военных авторитетов. Такое соглашательство было настолько явное и очевидное, что эти господа потеряли всякое уважение и снизу и сверху, и им неоднократно приходилось выслушивать такие оскорбления, каким они не подвергались во время старого режима. И поделом. Правящие же были довольны этими обстоятельствами; они в военном деле были хозяевами-распорядителями, когда нужно было, они закрывались щитами своих молчаливых соглашателей. Это не было случайное явление. Правящие определенно вели к тому, чтобы среди старших офицеров не было единства, что совершенно не устраивало бы их. Разделяй и управляй – девиз старый и всем известный. А в приемах для этого не стеснялись, тем более, что у многих офицеров, и старших, и младших, аппетиты к высшим назначениям разыгрались и на этой струне легко было играть власть имущим. Чтобы уничтожить такое явление, не трудно было догадаться, что надо было создать авторитетность военной власти; надо было поддержать и укрепить ее. Конечно, это было невыгодно тем, кто по „Марксу" вел войну против милитаризма, кто своим девизом считал „уничтожение всего военного". Да и тень Бонапарта им мерещилась в каждом углу.

Выяснилось воочию нежелание создать армию. В Учредительном Собрании дебатировался вопрос, каким способом организовать вооруженные силы: по способу Гвардии или по способу армии. Самый

факт обсуждения этого вопроса указывал, что необходимость армии не считалась непреложной истиной; ясно было, что и раньше не желали армии, а теперь искали прецедента для ее уничтожения. Нашли гвардейскую организацию и, несмотря на все ее отрицательные качества, остановились на ней, а армию оставили все же существовать наряду с Гвардией. Армию не хотели, потому что она была напоминанием старого режима, она была представительницей столь ненавистного милитаризма; Гвардия же была дитя революции, Гвардия была создание их рук, что тешило их самолюбие и заставляло закрывать глаза на изуродованность этого способа организации вооруженных сил. Это обстоятельство определенно подчеркивает, что вмешательство в военные дела претворилось в полное хозяйничанье. Что же касается вмешательства в военные действия, то явление также шло полным темпом. Члены Главного штаба Гвардии, как мной неоднократно подчеркивалось, вмешивались в боевые операции, а иногда и угрожали, добиваясь исполнения своих желаний. Наряду с этим, на фронт посылаются уполномоченные Правительства, роль которых сводилась к негласной роли жандармского наблюдения. Гвардия, уже войсковая единица, узаконенная Учредительным Собранием. Ее значение все более и более увеличивается и она превращается в государство в государстве. Она считается лишь со своими интересами. Войдя в высшее военное управление, она получила право надзора за армией и пользовалась этим, между тем как ее организация для всех была святая святых. Она начинает уже довлеть и в государственных делах; Правительству, ответственному перед Учредительным Собранием, приходилось считаться с Главным штабом Гвардии. Явление, конечно, не нормальное и явно отрицательное. Председатель Главного штаба Гвардии получил право присутствовать на заседаниях Правительства, и мы будем видеть случаи, когда его голос зазвучит диктаторским тоном. Наряду с таким значением штаба Гвардии ее органы влияли на местах и они пользовались этим своим значением в полной мере во всех отношениях жизни государства, и в администрации, и в суде, и повсюду, где их спрашивали и где их не спрашивали. Во время же боевых действий этот род войск разлагающе заражал армию своей разнузданностью, отсутствием дисциплины и невыдержанностью в боях; достаточно указать Ахалцихский поход. Но пока она действовала как бы пассивно; она будет действовать активно, но об этом скажем в свое время.

Грузино-Армянская война и Ахалцихский поход ясно подчеркнули необходимость серьезного отношения к делу защиты родины, к делу обороны Государства. Казалось, что после горького опыта, едва не закончившегося для нас катастрофично, дело защиты родины привлечет всемерное внимание правящих кругов к этой отрасли государственного устройства. Однако вышло как раз наоборот. Воен-

ное Министерство существовало до того отдельным министерством и управлялось отдельным Военным Министром; в 1919-м году министерства: Военное, Внутренних Дел и, кажется, Просвещения или Путей сообщения были объединены в руках одного лица. Конечно, Военное Министерство, в переживаемую эпоху являвшееся самым главным, не могло уже привлечь к себе забот и внимания, которое оно привлекло бы, если бы Военный Министр не был обременен делами по другим отраслям государственной жизни. Но факт такого отношения к этому ведомству симптоматичен и показателен. Однако жизнь продиктовала и в начале 1920-го года Военное Министерство было выделено в отдельное ведомство. Такое недостаточное внимание к Военному Ведомству можно объяснить лишь тем, что оборона государства вверялась не только армии, но и Гвардии; Гвардия же не подчинялась Военному Министру. Гвардия составляла главную массу вооруженных сил – 24 батальона, армия – 12 батальонов; члены штаба Гвардии состояли членами высшего военного управления (Военный Совет). Все это заставляло думать правящих, что армии можно уделить меньше внимания, чем и объясняется существование вышеуказанного трехголового министра. Включение Военного Министерства в объединенное ведомство с другими – факт беспримерный в истории. Он указывает на то, в какой мере привлекалось внимание к этой отрасли жизни государства, какое значение придавалось обороне государства. Таково было положение к осени 1919-го года.

*
* *

Я уже несколько указал, при каких трениях пришлось мне принять Школу. Эти трудности увеличивались материальной стороной. Я с места стал всюду встречать препятствия. Чтобы добиться отпуска того или другого вида вещевого и пищевого довольствия, мне приходилось часами сидеть в различных канцеляриях. Не думайте, чтобы просилось что-либо сверх положенного довольства; нет, просилось, испрашивалось, настаивалось на самых законных отпусках. Везде были трения, и в высших и в низших учреждениях. Ежедневно волнуясь, нервничая, бросаясь от одного к другому, проходили мои дни. В 7 часов утра я уже обходил все помещения. Мне приходилось разрешать вопросы, начиная от дверной ручки до составления учебников. Мне надо было заглянуть на кухню и приучить кухню точно к известному часу приготовить чай, завтрак и обед. Мне надо было следить за успехом работ по ремонту; мне надо было осмотреть лошадей, полученное и купленное имущество и продовольствие. Нельзя было забыть электрической станции, бани, прачечной, тира, цейхгауза. Я должен был в 8 часов утра быть в учительской, чтобы приучить преподавателей не опаздывать. Надо иметь в виду, что преподаватели

как военные, так и не военные, были альтруисты; они ходили не за плату, а по искреннему и сознательному желанию помочь делу; с этой стороны я получал полное содействие. Мой помощник полк. Чхеидзе, инспектор классов ген. Чхетиани, профессор Джавахишвили, Иван Какабадзе, преподаватели, даже в таком преклонном возрасте как Барнови, все, все шли на помощь делу и занятия шли горячо и от сердца. Я уже не говорю о чинах кадрового состава; эти рвались на работу и, когда в ноябре я получил новобранцев, надо было видеть, как закипела работа. Лично мне помимо этих забот повседневной жизни приходилось писать учебник тактики; этот учебник переводился на грузинский язык и затем мной корректировался, ибо переводчик знал язык, но не знал тактики. В последней работе мне сильно помогал ген. Чхетиани, и мы с ним ежедневно проводили долгие часы за этим корректированием и за приисканием соответствующих технических слов и выражений.

В сентябре был прием юнкеров и через 2—3 недели они стали обращать на себя всеобщее внимание своей выправкой, дисциплиной и молодцеватым видом. При себе я образовал педагогический совет и дисциплинарный комитет. Их названия указывают род их деятельности. В первом обсуждались дела обучения; во втором принимались меры к правильному воспитанию юнкеров. Плоды наших трудов сказались впоследствии. В ноябре, во второй половине, Школа получила новобранцев, будущих унтер-офицеров. Эти образовали три пехотных роты, одну пулеметную роту, полуроту пограничников, батарею, а затем к февралю я получил взвод нашего конного полка. Школьные офицеры весь день проводили в Школе; с 8 часов утра они были в ротах на занятиях до 3 1/2 часов, а затем с 6-ти часов вновь сидели в ротах с солдатами и юнкерами; но тут происходили не занятия, а шло взаимное ознакомление, велось развитие солдата, насаждалась дисциплина, основанная на сознательности долга, на понимании своих обязанностей. Я впоследствии имел неоднократные случаи убедиться, что офицеры приобрели к себе не только доверие и уважение, но и любовь солдат, этот краеугольный камень дисциплины и вообще воспитания солдата. За год своего пребывания в школе я не помню ни одного случая, чтобы школьный солдат где-либо в городе был бы замечен в нарушении порядка и благопристойности. С этой стороны я также замечал полное усердие юнкеров и солдат, и сознательное их понимание своих будущих обязанностей. А работа офицеров была чрезмерно трудная. Кадровых унтер-офицеров почти не было и им приходилось нести двойную работу: и офицера и унтер-офицера. И я должен сказать, что эту почти непосильную работу они исполнили добросовестно и репутация нашей Военной Школы обязана им. Свою добросовестность они доказали и на поле сражения. В 1921-м году в боях под Тбилиси из числа 6 офицеров юнкерской роты два офицера, командир роты подп. Ананиашвили и капитан Тоидзе были убиты; остальные ранены; не тронутым пулей остался лишь

один офицер. Остальные школьные офицеры также оказались на высоте своих молодых подчиненных – героев обороны Тбилиси, а один даже, не стерпев отхода своих запасных, под гром пушек и свист пуль, пустил в себя 4 пули с целью застрелиться; об этом более подробно скажу при описании войны 1921-го года.

Работа офицеров Школы усложнялась следующими обстоятельствами. Пришедшие новобранцы были для них сфинксом. Они все имели дело с русским солдатом; знали свойства этого последнего, но что представлял грузин-солдат, они не могли знать и надо было взять в отношении его верный тон. И этот тон они взяли верный и были на правильной дороге. Конечно, при таком отношении к делу со стороны преподавателей, кадрового состава Школы и моих ближайших помощников не трудно было получить искомые результаты. Помогали ли сверху? Разно бывало. Больше приходилось вырывать все, что нужно было для Школы, с большими трениями, иногда ссорами и даже дело доходило до того, что приходилось подавать в отставку, как это было в деле очищения гвардейцами помещений. Поддержку в своих желаниях без всяких трений, с полной готовностью помочь, я встретил со стороны председателя тарифной палаты Г. Гольдмана. Мне приходилось несколько раз быть у него по делу облегчения положения рабочих при Школе, а именно электрической станции, литографов, слесарей, повара, служащих типографии, швейцаров и пр. Гольдман всегда шел навстречу облегчения этих рабочих. Со стороны Военного Ведомства я не получал должной помощи; больше на словах. Нарисую несколько типичных сцен. У Военно-хозяйственного комитета все приходилось вырывать после настойчивых требований, споров и пререканий. Иногда приходилось по одному и тому же делу ездить в это учреждение по несколько раз. Никогда не бывало довольно послать письменное требование, ибо на таковое ответа не получалось или же получался иногда невероятный ответ. Так, по моей просьбе состоялось постановление Правительства о выдаче усиленного довольствия юнкерам как пищевого, так и вещевого. И вот, Хозяйственный комитет мне в этом отказал. Пришлось для этого обратиться к управляющему делами Правительства, взять от него копию этого постановления и лично привезти ее в Военно-Хозяйственный комитет. Несмотря на это, Военно-Хозяйственный комитет в лице Гогуа мне заявил, что они пойдут с ходатайством об отмене такого постановления, как недемократического. Мое указание, что до нового постановления Правительства необходимо все же исполнить существующее – не подействовало и только после нескольких приездов и упорных приставаний с угрозой уйти в отставку удалось добиться отпуска. Нарисую одну картину. На представленное мною на основании закона требование Гогуа не давал своей подписи. Тогда я встал, подошел к нему и сел на его стол лицом к нему и на его бумаги. „Что такое?" – спросил он. „Буду сидеть, пока не подпишете", – ответил я. Ему пришлось подписать.

Вообще Военно-Хозяйственный комитет совершенно не справлялся со своей работой по довольствию войск. Мы ели суррогат хлеба, когда гвардейцы получали белый хлеб; кругом Тбилиси на полях стояли стога сена, а у нас лошади падали от бескормицы. Я однажды привез в Военный Совет ячмень, получаемый от Военно-Хозяйственного комитета. При старом режиме старорежимный интендант умер бы от апоплексического удара, если бы увидел, что строевой начальник показал высшему начальству подобный ячмень. За свою 30-летнюю службу я не видел такого ячменя. Конечно, он был с землей, но это еще ничего; он был наполовину, буквально, пересыпан камнями толщиной в палец. Что же? Председатель Военно-Хозяйственного комитета заявил, что он дает такой, какой получает, и вопрос в Совете был исчерпан.

В Военно-Хозяйственном комитете был заведен один удивительный порядок. Войска получали продовольствие и везли его к себе в мешках, в ящиках и прочее. Конечно, просматривать все это там же в складе не было фактической возможности, и вот, получив лобию (красная фасоль), кукурузу или какой-либо другой продукт, какого бы он дурного качества ни был, должно было его съесть. Ни возвращать для замены, ни выбросить его, как негодный, и показать это в отчете вы права не имели. Таким образом дурного качества продукты отражались на желудках людей и лошадей, а не на карманах недобросовестных поставщиков. При старом режиме существовал порядок следующий. В полках назначенная комиссия составляла акт о негодности продукта и он уничтожался. В некоторых случаях приглашался представитель государственного контроля. Акт отправлялся в соответствующие учреждения, продукт вновь выдавался, а за негодность отвечали или приемщики, или поставщики; это уже подробность. Во всяком случае желудки людей и лошадей не страдали. Я несколько раз заявлял об этом в Военном Совете, но последний считал для себя более важным заниматься делом „чрезвычайной государственной важности", как например, разбором неурядиц в военном госпитале, чем таким „пустым делом, как довольствие армии".

Кстати, о госпитале. Этот военный госпиталь инспектировали несколько раз. Как вспоминаю, не менее трех раз за период зимы 1919/1920 года. Ни к какому результату не пришли. Подробности, в чем заключались неурядицы в этом госпитале, не интересны, да всех подробностей я и не помню сейчас. Окончилось, нет оно не окончилось, но было сопутствуемо одним явно несправедливым и возмутительным актом. Начальником санитарной секции был тогда военный доктор Алекси-Месхишвили, который заместил Мгеладзе. Этот последний был удален со своей должности предшествующим Военным Министром Гр. Тим. Георгадзе, за какую провинность,

точно не помню. Важно то, что он был удален. Но Мгеладзе не успокоился и, будучи в отставке, подал жалобу. Жалоба была рассмотрена в суде, и Мгеладзе реабилитирован по суду. Тогда сей последний стал настаивать о возвращении ему должности, так как он был неправильно удален с нее. И вот разыгралась в моем присутствии следующая сцена. На одном из заседаний Военного Совета, на котором я присутствовал, опять разбирался злосчастный вопрос о госпитале. На заседании выяснилось, что в госпитале служащие, как не получившие еще ликвидационных, не были удалены из госпиталя и фактически продолжали нести службу, благодаря чему неурядицы там продолжались. Докладчиком был помощник начальника санитарной секции, сейчас не вспомню фамилии. Чем кончилось? Казалось бы, надо было выяснить, кто не дал денег этим уволенным, и взыскать с него эту провинность. Докладчик доложил, что начальник санитарной секции дважды возбуждал вопрос, как об удовлетворении уволенных деньгами, так и об отдаче соответствующего приказа, но никакого ответа секция не получила от соответствующих учреждений Военного Министерства. Решение было самое удивительное для меня. Тогдашний Военный Министр Н. Рамишвили, возмущенный, повышенным тоном приказал немедленно устранить начальника санитарной секции Алекси-Месхишвили от должности и сегодня же представить кандидата для его замещения. Кандидатом оказался прежний начальник санитарной секции Мгеладзе и Алекси-Месхишвили был удален, даже не выслушав его объяснения. Факт сам за себя говорит и оценивать его не стоит. Могу только отметить, что начальники этого старого незапятнанного служаки Алекси-Месхишвили не заступились за него. Слишком боялись Рамишвили и его повелительного „благоволите”.

Когда я возбуждал какой-либо вопрос денежного характера, то мне приходилось следить за этой бумагой и толкать по всем инстанциям, и по всем этапам. Однажды такая бумага пролежала в дебрях учреждений помощника Военного Министра и Военно-Хозяйственного комитета в течение более месяца, кажется даже два; а нужно было только послать в Государственный контроль для заключения. Я вырвал эту бумагу и сам лично отвез любезному Государственному контролеру г. Гогичайшвили. Несмотря на то, что там не было заключения Военного Министерства, что оказывается должно было быть, Государственный контролер был так любезен, что я в тот же день получил его заключение и отвез обратно в Военное Министерство для дальнейшего его направления в комиссию Учредительного Собрания. Насколько вспоминаю, это касалось прибавки содержания преподавателям. И вот таким образом приходилось толкать все дела.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Не обойду молчанием наш Генеральный штаб. Согласно нашего „Кребули", начальник Школы был подчинен непосредственно Военному Министру. Юридически я за всякими нуждами должен был обращаться к нему, но фактически всякая моя переписка попадала в учреждения, начальники которых и давали мне ответы; таким образом получалась зависимость от этих лиц, как то: начальника канцелярии, начальника Генерального штаба, Военно-Хозяйственного комитета и пр.; ввиду же того, что Военный Министр был лицо несведущее в военном деле, то эта зависимость усугублялась и фактически превращалась в подчиненность. Сейчас приведу примеры. Однажды я привез какое-то сношение в Генеральный штаб и занес его в кабинет начальника оперативной секции полк. Н. Гедеванишвили и просил скорей доложить Военному Министру и дать благоприятный ответ. Полк. Гедеванишвили стал по существу возражать и не соглашаться с возбуждаемым мной ходатайством; я, конечно, продолжал поддерживать это ходатайство и просил скорей доложить Военному Министру; Закариадзе в этот момент в штабе не было. И вдруг полк. Гедеванишвили ответил, что они и докладывать не будут, а просто напишут мне отказ; это говорил мне вчерашний мой начальник штаба. Я ответил, что этого они не вправе делать, так как я подчинен непосредственно Военному Министру, а не им, и что я тогда возьму бумагу и буду лично докладывать Военному Министру, и что если я обратился к ним, то лишь в целях более быстрого получения ответа, с одной стороны, и, с другой стороны, уверенный, что со стороны Генерального штаба не получу трений. Потом мне пришлось говорить об этом с ген. Закариадзе и сейчас не вспомню, но, вероятно, я получил удовлетворяющий меня ответ. В другой раз, зайдя в штаб по очередному делу, я открыл дверь, чтобы войти в кабинет ген. Закариадзе. Это я всегда делал без доклада и считал для себя допустимым по установившимся отношениям. Так же я входил обыкновенно и к помощнику Военного Министра; обыкновенно открывал дверь, и если никого не было, то входил, а если кто-нибудь там находился, то спрашивал, не помешаю ли. Так поступил и в этот раз. Открывая дверь, я столкнулся с полк. Гедеванишвили и увидел, что ген. Закариадзе стоит у карты с членом штаба Гвардии Сагирашвили и что-то рассматривают. Полк. Гедеванишвили сказал мне, что входить нельзя; я остановился, удивленный, и попятился назад. Закариадзе обернулся, бросился ко мне и, желая поправить бестактность, стал просить войти в кабинет; я, конечно, не вошел и ушел. Для всякого это было бы неприятным уколом самолюбия, тем более, что если бы у ген. Закариадзе и полк. Гедеванишвили было что-либо секретное с членом штаба Гвардии и это секретное не должно было бы быть известно начальнику Военной Школы, или ген. Квинитадзе, то можно было бы секретные разговоры прекратить при мне,

а по моем уходе их продолжать. Если вспомнить, что через несколько месяцев я был назначен Главнокомандующим, то получалось что-то несуразное.

Еще один раз столкнулся с Генеральным штабом по следующему поводу. В Военной Школе был составлен проект положения о Школе, каковое должно было быть утверждено Военным Министром. Я представил и ждал ответа. Получаю и вижу, указано, что некоторые пункты необходимо изменить. Среди них был один существенный. Вопрос касался того, когда производить солдат, окончивших Школу, в унтер-офицеры: при окончании Школы или же они должны отправиться в части войск рядовыми и только там, по удостоении местного начальства, быть произведенными в унтер-офицеры. Школа отвечала на этот пункт тем, что находила необходимым произвести их сейчас же по окончании; конечно, это касалось тех, кто окончил Школу успешно; окончившие же неуспешно командировались в части, где они в случае удостоения начальством впоследствии могли быть произведены в унтер-офицеры. Генеральный штаб, не спросив мотивов, просто указал, что окончивших Школу надлежит отправить рядовыми в полки, где их производили бы по удостоении местным начальством. В старое время в полках были учебные команды для будущих унтер-офицеров, куда солдаты командировались по выбору ротного командира. Окончившие учебную команду возвращались обратно в роты и затем производились командиром полка по представлению командира роты. Военная Школа получала солдат по набору и юридически, и фактически обладала лучшими средствами определить, кто из солдат Школы мог быть унтер-офицером, а кто нет; она следила за каждым солдатом в течение 8—9 месяцев и знала каждого досконально; поверочные испытания производились комиссией, людьми опытными, с опытом не менее командира отдельной части в армии; и несомненно, ей можно было доверить больше, чем командиру роты в отдельной части, по представлению которого этот солдат был бы произведен в унтер-офицеры; затем, как выпущенные одной поверочной школьной комиссией, все унтер-офицеры частей армии получали бы одну оценку; если же бы их производили в частях, то на их производство отразилась бы индивидуальность взгляда каждого ротного командира; школьный тип, школьная оценка были бы нарушены. Наконец, по проекту Школы в часть приходил бы унтер-офицер уже как авторитетное для солдат лицо; лицо — уже начальник, и ему не приходилось бы быть для производства оцененным ротным командиром, каковой в нашей молодой армии далеко еще не был готов к такой оценке; Школа же рассадник воспитания и обучения в армии теряла свой авторитет, несмотря на то, что она обладала более лучшим составом инструкторов, чем каждая отдельная часть и по своей деятельности должна была развить себя в умении воспитать и обучить солдата к предстоящей деятельности унтер-офицера. Надо иметь в виду еще одно обстоятельство. Это

я скажу для тех, кто Военную Школу будет сравнивать с полковой учебной командой русской армии. В полковую учебную команду посылали солдат ротные командиры из состава своей роты по истечении 9 месяцев службы в роте и учебная команда получала людей, которых она возвращала обратно обученными, и из состава обученных ротный командир выбирал, кого выдвинуть; здесь Военная Школа получала людей непосредственно от сохи и затем она же посылала в части и, конечно, авторитетность и умение разобраться в контингенте были на стороне Военной Школы, а не ротного командира, который не видел этого солдата раньше и знакомился с ним по приходе его из Школы. Солдат, приходивший из Школы в полк в конце августа, к ноябрю, т. е. через 1—2 месяца, должен был быть уже унтер-офицером, Школа же наблюдала его в течение 9—10 месяцев. Кроме того, в Российском государстве нельзя было создать учреждения для всей армии. Есть еще одно жизненное явление. Школьный солдат, придя в роту на положении кандидата на унтер-офицера, встречал недружелюбную обстановку среди унтер-офицеров этой роты, каковую он не встретил бы, если бы прибыл уже произведенным унтер-офицером. Вот по этому вопросу у нас получились разногласия. Дело дошло до Военного Министра. Военный Министр Гр. Спир. Лордкипанидзе, видя, что я и ген. Закариадзе держимся различных взглядов, сказал, что он спросит об этом своего помощника. Я ответил, что мнение одного человека, даже помощника Военного Министра, не может быть для меня убедительным, каковым бы оно ни было; что поддерживаемое мною мнение не есть мое единоличное, а это плоды обсуждения опытных школьных офицеров. Он сказал, что он это перенесет на обсуждение Военного Совета; я возразил: „Половина Военного Совета совершенно не компетентна в решении такого вопроса и что уже лучше созвать старших офицеров и там этот вопрос поставить на обсуждение". Так этот вопрос и не решили. После моей отставки 1920-го года унтер-офицеров Школы произвели в Школе. Это сделал ген. Одишелидзе, к которому я, уже отставной, ездил с той же целью. Ген. Одишелидзе был того же взгляда и унтер-офицеры были произведены до отправления в части. Так проходила моя жизнь в вечных трениях со всеми ведомствами или, вернее, с представителями разных ведомств.

Вошел я с проектом об увеличении штатов Школы. Военное Ведомство внесло общую ведомость через Правительство в Учредительное Собрание; мой проект также отправился в общей сводке. Не обошлось без некоторых трений. Наконец, после долгих хлопот об ускорении рассмотрения наших проектов в военной комиссии Учредительного Собрания, заседания которой откладывались из-за „некворума", таковое состоялось. После долгих споров, во время которых рассматривались все пункты представленного мной проекта,

таковой почти без изменения был принят. Во время этих споров мне неоднократно приходилось, исчерпав все средства убеждения, обращаться к членам комиссии и говорить им, что если таковой пункт не будет проведен, то я не в состоянии буду быть начальником Школы. Как урезывалось все, что просилось, видно будет из следующего примера. Начальнику Школы и его помощнику, а также адъютанту не полагались верховые лошади; таким образом эти лица должны были быть пешком на полевых занятиях, когда Школа выходила в поле, имея в конном строю батарею, пулеметы и конный взвод. Решение явно неправильное. И что же, с большим трудом удалось добиться, чтобы лошади были назначены начальнику Школы и его помощнику. А адъютанту так и не дали. Итак, выехав в поле на занятия, начальник Школы должен был иметь пешего адъютанта для передачи приказаний или же делать беззаконие и ссаживать с лошади кого-либо из солдат, коему лошадь была положена. Так и не удалось доказать. После заседания, расходясь, Военный Министр Н. Рамишвили сказал мне, что мне повезло, так как мне по штату прибавили 33 лошади, чего никому не сделали. „Вы должны быть довольны", — сказал он мне. „Вы мне так говорите, будто Школа — мое имение, доходы с которого я получаю лично", — ответил я. — „Я только управляющий и доходы получать будете Вы; чем лучше ее устроите, тем больше пользы она вам принесет, а я лишь управляющий". Описанные события достаточно характеризуют, с каким трудом приходилось устраивать школу. Так или иначе дело двигалось.

12-го декабря, как всегда, торжественно праздновался праздник Гвардии. На парад выводились все войска. На этот парад, несмотря на то, что было достаточно холодно, было приказано начальником парада ген. И. Гедеванишвили выйти без шинелей. Хотя я не стоял в строю, а был лишь присутствующим, все же я вышел на парад без пальто, ибо мне неловко было быть в пальто, когда солдаты и офицеры были без шинелей. Нельзя не отметить того, что Гвардия на этот парад, несмотря на приказ начальника парада, вышла в полушубках; армия же была, как я указал выше, без шинелей. Я простудился и слег. Доктора Гопадзе, Алекси-Месхишвили и наш училищный врач продержали меня в кровати две недели и предупредили начинавшееся воспаление легких, которое ввиду слабости их, было бы достаточно опасным. Характерно то, что и помощник Военного Министра и сам начальник парада, оба Гедеванишвили, были в пальто.

Настало Рождество. Юнкерам мной был разрешен 2-недельный отпуск, надо было пустить в отпуск и солдат. Я отпустил их на 5 дней. В срок вернулось сравнительно очень мало. Невернувшиеся, конечно, были наказаны. Но были и такие, которые совершенно не вернулись и, несмотря на все мои настойчивые писания к местным властям и в Министерство Внутренних дел, их так и не удалось выло-

таковой почти без изменения был принят. Во время этих споров мне солдат и на этот раз процент не явившихся в срок оказался весьма незначительным.

Отмечу одно наблюдение, что вообще из призыва для всей армии громадный процент или освобождался от службы совершенно или получал отсрочку. Было два обстоятельства весьма способствовавшие уклонению от службы. Первое – это несоответствующий физическому развитию год призыва; на службу призывались 20-летние. Надо думать, что война 1914-1918 и революция задержали физическое развитие призываемых. Я считал это неудачным решением вопроса, и несмотря на то, что в Школу из призыва отбирали командированные школьные офицеры, все же в Школе оказался довольно значительный процент солдат, производивших впечатление детей. Еще не совсем сформировавшиеся, конечно, они более были подвержены болезням в трудных условиях военной подготовки, да еще при ограниченном отпуске довольствия. Второе обстоятельство, это замечательная легкость получения солдатами свидетельств, освобождающих их совершенно или отсрочивающих исполнение ими воидской повинности. Почти каждый солдат, попадавший в госпиталь или местное госпитальное учреждение, возвращался со свидетельством, в лучшем случае дающим ему право на отпуск от 1 до 3-х месяцев. Конечно, это не могло способствовать успеху работы.

Солдатам выдаваемого хлеба не хватало. Я ничем не мог помочь делу. У нас в Школе явилась мысль, пользуясь хлебопекарными печами, самим выпекать хлеб, и пользуясь этими печами, выпекать хлеб и для продажи солдатам сверх положенного довольствия. Конечно, этот хлеб был бы значительно дешевле рыночной цены и насколько можно мы облегчили бы солдат, ежедневно докупавших хлеб в лавке, находившейся напротив Школы. Мои просьбы и хлопоты оказались втуне. В Тбилиси была общая хлебопекарня, из которой весь гарнизон получал выпеченный хлеб, причем этот хлеб приходилось получать и есть, несмотря на то, какого плохого бы он качества ни был. Этот способ обеспечения солдат хлебом не выдерживает критики, а во время мобилизации гарнизонная хлебопекарня села в калошу из-за отсутствия контингента приготовленных хлебопеков. Такая же или еще худшая картина была с мясом. Так же был один подрядчик и сей господин давал, что хотел, надо было брать. Курьезнее всего было то, что контракт находился в Военно-Хозяйственном комитете, куда мы все время обращались с жалобами, остававшимися бесплодными. Наконец, после нескольких настойчивых просьб мне удалось добыть копию контракта. Это не помогло. Подрядчик не исполнял наших законных требований и прямо заявлял: „Не хотите брать того, что даю, не берите". Да и редакция контракта была неудачна и вызывала споры по некоторым пунктам.

Жизнь текла, дни проходили за днями в работе и беспокойствах, в беспокойствах и работе. Я помню, в течение этой зимы нас не-

сколько раз предупреждали о возможности выступления в Тбилиси большевиков. По-видимому, эта отрасль разведки была в руках Главного Штаба Гвардии. Обыкновенно ко мне приходили представители этого штаба и сообщали, что „сегодня ожидается выступление большевиков" и что, следовательно, надлежит принять меры. Мы принимали меры, ставили кругом и у телефона часовых, делали наряды, выставляли дежурные взводы и пр. Старшие начальники собирались ко мне на квартиру и мы бодрствовали у меня в кабинете, готовые ежеминутно схватиться за оружие: в течение ночи с целью поверки мы обходили все дворы и помещения. Как всегда бывает в жизни, в тот день, когда большевики напали на Школу, нас, конечно, никто не предупредил.

Школа между тем занималась усиленно и стала приобретать популярность. Юнкера и солдаты, всегда чистенько одетые, всегда дисциплинированные, вежливые и выправленные, привлекали внимание и военных, и не военных. Наше начальство неоднократно приводило к нам иностранцев с целью показать Школу. У нас перебывали и англичане, и французы. Среди этих иностранцев я помню начальника средиземной английской эскадры; он обошел все здания; побывал и на кухне, где с большой осторожностью попробовал пищу юнкеров. Посетил нас редактор газеты „Ле Там" М. Жантизон.

Однажды нам сообщили, что приедет к нам помощник Военного Министра Азербайджанской республики ген. Али-Ага Шихлинский. Он был у нас; пробыл несколько часов и остался весьма доволен; особенно ему понравилось совместное занятие юнкеров и солдат, где юнкера обучали солдат и в то же время сами учились инструкторскому делу. В течение этой же зимы нас посетил помощник Военного Министра ген. Одишелидзе. Он пробыл у нас с 10 часов утра до 3-х часов дня. Обошел помещения, присутствовал на занятиях как юнкеров, так и будущих унтер-офицеров. Кажется, в марте 1920-го года ген. Одишелидзе был командирован за границу.

ГЛАВА XIII

Командировка в Баку и первая война с большевиками (1920 г.). – Мобилизация. – Совет Государственной обороны

КОМАНДИРОВКА В БАКУ И ПЕРВАЯ ВОЙНА С БОЛЬШЕВИКАМИ В 1920-М ГОДУ

В апреле я однажды был приглашен к Военному Министру, Гр. Спир. Лордкипанидзе. Он мне объявил, что я должен ехать в Азербайджан по поручению Правительства. Наше Правительство еще в 1919-м году летом заключило военный союз с Азербайджаном, по которому оба государства должны были вооруженной рукой прийти на помощь друг другу в случае, если одно из них подвергнется нападению со стороны какого-либо государства. Я совершенно не был в курсе этих переговоров, не знал договора и всех предшествовавших и сопутствовавших ему перипетий. Этот союз или вернее работа этого союза с места же, то есть с самого начала его заключения, замерла. Почему это произошло, я не знаю; загрузло ли это дело в дебрях бюрократической переписки или в нем пропала острота, или же какая-либо другая причина отодвинула его на задний план, я не мог знать, ибо никогда к этому делу не призывался. Согласно указаний Военного Министра я должен был „оживить" этот союз.

Дело в том, что весной 1920-го года Добровольческая армия Деникина была поражена, и она частью разошлась, частью попала в Крым, а частью принуждена была перейти на нашу территорию, где была интернирована. Для интернированных был устроен лагерь в Поти. Остатки добровольцев собирались с силами в Крыму. Большевики между тем заняли Северный Кавказ и Дагестан, и наши пограничные части были с ними в непосредственном соприкосновении на Черноморском побережье и в Дарьяльском ущелье. Со стороны Дагестана большевики продвинулись до реки Самур. Наш представитель, некто Уратадзе, в Москве вел с большевиками переговоры о

признании большевиками нашей самостоятельности и с целью заключения договора о добрососедских отношениях. Военный Министр советовал мне взять с собой несколько конных солдат, как он говорил, для представительства, как бы почетный караул. Я совершенно не был поставлен в курс того, что была возможность мирного впуска в Азербайджан большевистских войск путем признания Азербайджаном Советской власти. Азербайджанские тогдашние настроения мне были не известны. По моим последующим впечатлениям в интеллигентских кругах Азербайджана было три течения. Одна часть, большая, придерживалась турецкой ориентации; другая, меньшая, склонялась к присоединению к России под тем или другим флагом. Это течение усилилось после падения Деникинской армии и при приближении большевиков непосредственно к границе Азербайджана. Наконец были и за независимость Азербайджана, но таковых было мало. Толща же народная была склонна к Турции, которая при посредстве своих гласных и негласных эмиссаров подогревала это течение. Как выяснилось впоследствии, некоторая часть правительства Азербайджана, оказывается, вела переговоры с большевиками о признании Советской власти и о вступлении Азербайджанского государства в Российскую федерацию. Нужно отметить, что в Баку было очень много русских рабочих, тянувшихся к России, а также на стороне России были и местные армяне, всегда боящиеся резни со стороны татар.

Около 20-го апреля я выехал в Баку. Со мной выехали ген. Кутателадзе, как член военно-союзного совета Грузии и Азербайджана, и ген. Такайшвили, который проектировал укрепления Баку и на реке Самур, а также промежуточные позиции между Баку и Самуром. С собой я взял 12 конных солдат Военной Школы при офицере кап. кн. Макашвили. В Баку нас встретили почетным караулом, который был составлен юнкерским училищем Азербайджана. Начальником Школы был ген. Чхеидзе, брат моего помощника. Почетный караул произвел на меня очень хорошее впечатление, и я даже был удивлен, как в такой короткий срок юнкера усвоили такой молодцеватый вид. К сожалению, убедиться в их теоретических и практических знаниях мне не удалось, так как надо было прежде всего заняться делами Военного Союза и я не имел времени посетить училище. Еще в Тбилиси меня предупреждали, что на заседании Военно-Союзного совета генералы Одишелидзе и Мехмандаров (Военный Министр Азербайджана) оспаривали председательское место на заседаниях. Наше Правительство неоспоримо держалось того, что это место должно быть предоставлено представителю Грузии, но этот вопрос не был, как всегда, решен определенно. Я знал ген. Мехмандарова еще инспектором артиллерии первого Кавказского корпуса до последней Европейской войны. Я в то время был лишь капитаном генерального штаба и служил в штабе округа. Я отлично понимал, что для ген. Мехмандарова было бы неприятно, если бы я стал добиваться председательствования в этом Военно-Союзном совете. С другой стороны,

предоставить ему это место я не мог, зная на это взгляд моего Правительства. Я решил совсем не ставить этого вопроса, чтобы из него не делать яблока раздора, тем более, что обстановка требовала действий, а не бесполезных споров. Приехав в Баку, я узнал, что ген. Мехмандаров болен и что его должность исполняет его помощник ген. Али-Ага Шихлинский, который и встретил меня на вокзале. С вокзала я поехал к Председателю Правительства Азербайджана г. Усубекову и сказал ему цель моего приезда, а именно, что я приехал с целью ознакомления с их военными приготовлениями и что для этого мне придется ознакомиться с укреплениями Баку и Самурскими. Он был любезен со мной; мы с ним были знакомы еще по 1918-му году, когда он был членом Закавказского Правительства, а я помощником Военного Министра того же Правительства и Главнокомандующим Закавказской армии. От него я поехал к ген. Шихлинскому. Последнего я спросил, могу ли я видеть ген. Мехмандарова. Ген. Шихлинский спросил последнего по телефону. Ген. Мехмандаров просил приехать к нему сейчас же. Я был у него. Затем в последующие дни я осмотрел Бакинские укрепления, как сухопутные, так и приморские. Я не заметил интенсивности работы, хотя большевики были уже на Самуре и близость войны с ними должна была бы чувствовться. На всех укреплениях, далеко не законченных, я сосчитал лишь несколько десятков рабочих. Поехал затем на Самур. Самурские укрепления также не были закончены и работы совершенно не производились. Линия укреплений от гор до моря была длиною около 15–20 верст и тянулась вдоль реки Самура, на которой был мост. Этот мост, конечно, должен был быть в руках азербайджанцев, но, приехав туда, я узнал, что таковой находится в руках большевиков и таким образом большевики, имея в своих руках мост, могли в любой момент перейти реку совершенно беспрепятственно и затем внезапно атаковать азербайджанские войска. В этой поездке со стороны азербайджанцев меня сопровождали ген. Усубов и полк. Каргаретели. Первый был комендантом крепости Баку, а второй ген. Квартирмейстером штаба Азербайджанских войск. Ген. Усубов был моим однокашником по корпусу, и мне в голову не приходило, что я его вижу в последний раз. Через несколько дней он был расстрелян большевиками. Я с ним встречался еще в Русско-Японскую войну и о нем были самые отличные отзывы. В последнюю войну он дослужился до чина генерала, получил Георгиевский крест и погиб от рук большевиков, претендующих олицетворять тот народ, которому так честно и верно служил Усубов.

Прибыв на конечную станцию, я сейчас же поехал осматривать позиции, взяв с собой свой конвой. Нас привезли на эту станцию довольно поздно, уже после обеда, несмотря на то, что я просил мой поезд тронуть еще ночью из Баку. Благодаря позднему времени и туману я не успел осмотреть всего. Я должен отметить, что, несмотря на присутствие инженера, заведовавшего работами, мы заблуди-

лись и даже потеряли линию укреплений. Я повернул лошадь в ближайшую деревню, узнал от местного жителя, принявшего нас сначала за большевиков, как проехать на станцию и ввиду наступавших сумерек поехал на станцию. Приехав на станцию, я узнал, что тут же на станции находится министр путей сообщения Азербайджана, Мелик-Асланов, которого вагон стоял недалеко от моего поезда. Я там же узнал, что он ведет переговоры с большевиками, но какие именно, мне не удалось выяснить. Ген. Усубов сказал мне, что Министр хочет меня видеть и просит к себе в вагон. Я пошел к нему. Свидание было краткое. На мой вопрос о причине его приезда, он ответил, что он приехал проверить службу и исправность этой дороги. Вернувшись назад в вагон, я решил вернуться назад в Баку и затем ехать в Тбилиси. Для меня ясно было, что Азербайджан готовится к войне с большевиками недостаточно интенсивно, что взятие Баку лишь вопрос времени. Я должен здесь сказать, что Самурские укрепления длиной 15–20 верст охранялись лишь одним батальоном. Остальные Азербайджанские войска были на юге государства, где они вели войну с армянами. Батальоном, который стоял на Самурских укреплениях, командовал грузин полк. Туманишвили. Через несколько дней он был расстрелян большевиками за попытку сопротивления и защиты вверенного ему поста.

Возвращаясь назад в Баку, я в своем вагоне оставил для личной беседы полк. Каргаретели. Каргаретели я знал более или менее давно. Я с ним встретился во время войны на Кавказском фронте, где он был старшим адъютантом в штабе ген. Бараташвили. Затем я встретился с ним уже после войны. Он был в роли начальника 2-й дивизии Грузинского корпуса в 1918-м году. Когда я вступил в должность помощника Военного Министра Грузии, я вызвал его к себе и предложил ему должность Генерал-Квартирмейстера в нашем штабе, где начальником штаба был тогда ген. Андроникашвили. Помня наши товарищеские отношения, я у себя в кабинете два часа уговаривал его принять эту должность. Мои доводы оказались тщетными, он категорически отказался: доводы его были не основательны; по крайней мере те, которые он выставлял. Один из его даже удивителен; он утверждал, что уже полгода командует дивизией и что идти на предлагаемую должность для него понижение. Исчерпав все способы, я приказал запросить его письменно. Ответ получился уклончиво-отрицательный. Тогда я решил отчислить его от должности начальника дивизии, но еще раньше я сам оказался отчисленным от своей должности. Впоследствии он был с этой должности назначен в Баку нашим атташе, но случившиеся там его трения с уполномоченным нашего Правительства г. Алшибайя привели к тому, что он поступил на службу в Азербайджанские войска. Встретив его теперь, я хотел поговорить с ним по душе и привлечь его к работе у себя на родине, где офицер генерального штаба должен был бы оцениваться на вес золота. В нашей дружеской, теплой беседе Карга-

ретели расчувствовался, и я получил убеждение, что он любит родину и от всей души хочет ей послужить. Быть может, у него были увлечения и заблуждения в начале революции (у кого их не было), но теперь необходимо было использовать для своей родины, для которой его работа, поставленная в надлежащие рамки, не могла не принести весьма ценной пользы. С этим намерением я уехал из Баку.

В перерывах между моими поездками на укрепления у нас происходили обсуждения с ген. Мехмандаровым и ген. Шихлинским, на которых присутствовал также и ген. Кутателадзе. На этих совещаниях ген. Мехмандаров, с которым, кстати сказать, у меня установились очень хорошие отношения, все настаивал определить количество войск, которое Грузия могла бы прислать на подмогу Азербайджану на случай войны с большевиками. На этот вопрос я ответил, что это будет зависеть от создавшегося положения, т. е. куда нанесут большевики свой главный удар, и от того, каков план действий будет принят Военно-Союзным советом в создавшейся обстановке; может быть, почти вся Грузинская армия явится в Азербайджан, а может быть, что почти вся Азербайджанская армия будет привлечена к действиям в Грузии. Затем на этих совещаниях был намечен общий план действий на случай возможного наступления большевиков от Петровска на Баку. В основу было положено таковое действие Азербайджанских войск, чтобы они отдельно не были разбиты и чтобы Грузинские войска успели явиться на помощь. Я не буду распространяться об этом плане действий. Главное, этот общий план действий удовлетворял меня. Я его считал наиболее соответствующим назревавшей обстановке. Выяснив все вопросы, требовавшие выяснения, я решил вернуться обратно в Тбилиси. Но пришлось задержаться и эта задержка чуть не оказалась для меня трагической. Ген. Мехмандаров приехал ко мне и просил остаться на один день и принять их хлеб-соль. Я остался и на этом ужине просил любезных хозяев почтить меня своим присутствием на следующий день в том же ресторане.

Таким образом, я задержался в Баку два лишних дня. Я не буду описывать этих обедов и тостов. Наш ответный обед затянулся за полночь, и я только около 2–3 часов ночи вошел к себе в вагон. Затем еще позже мой поезд тронулся в путь. Оказалось потом, что в ту же ночь большевики вступили в пределы Азербайджана и их броневики в 1 час ночи уже заняли станцию Хачмас. Я очень счастливо проскочил Баладжары и спал спокойно, не зная, какая опасность висела надо мной. Часа в 4 после обеда я прибыл на станцию Елисаветполь и здесь хотел встретиться с ген. Джавад-беком Шихлинским, моим однокашником по корпусу. Теперь он был начальником дивизии Азербайджанской республики и я хотел с ним повидаться. Я вызвал его по телефону и вместе с Кутателадзе поехал к нему на квартиру. У него на квартире я узнал от него новость и нисколько не пожалел, что выехал к нему. Он показал мне телеграмму от Мехман-

дарова, в которой ему сообщалось, что большевики перешли границу и чтобы он немедленно направил находившиеся в Елисаветполе два батальона в направлении Хачмас. Других сведений он не имел и думал, что я еду не из Баку, а наоборот в Баку. Мы пообедали вместе, а затем я поехал на вокзал.

По дороге я видел батальоны, идущие на вокзал для посадки. Сев в поезд, я тронул его на Тбилиси. Только около 7–8 часов утра на другой день я прибыл в Тбилиси и в 9 часов был у Военного Министра. О перевороте в Баку я еще ничего не знал. Военный Министр спросил меня, что я думаю о готовности азербайджанцев воевать с большевиками. Я ответил, что думаю, что азербайджанцы, по-видимому, не будут сопротивляться вторжению большевиков. „Тем более", – заметил Военный Министр, – „что в Баку уже переворот, власть в руках большевиков, войска которых вступили в Баку и начали уже продвигаться на Елисаветполь". Это была для меня поражающая новость. В душе я поздравил себя с тем, что так счастливо выскочил из Азербайджана. Как выяснилось позже, телеграмма большевиков о задержании моего поезда была послана, но так как комендантами станций в большинстве были грузины-офицеры, то только этому обстоятельству я и обязан, что мой поезд не был задержан. Вообще, не торопись я осматривать укрепления и вообще не торопись я с возложенным на меня поручением, я бы, естественно, задержался бы еще, если не на несколько, то на один день наверное и тогда попал бы в руки большевиков. Через несколько дней мне угрожала еще большая опасность, но об этом после.

20-го апреля 1920 года. Покраснением Азербайджана наше Правительство было встревожено. Правительство, вполне правильно учитывая создавшееся положение, решило принять меры самообороны, несмотря на то, что в это время Г. Уратадзе в Москве вел переговоры. Главное мероприятие это было у нас мобилизация армии. Согласно нашему „Кребули", следовало назначить Главнокомандующего. Отсутствие лица, еще в мирное время, заблаговременно готовящегося к войне, заблаговременно находящегося в курсе обороны страны и всех ее средств борьбы, было одной из капитальных ошибок нашего законодательства. Главнокомандующий назначался лишь по мобилизации декретом Правительства. Пока избирали, пока обсуждали в правительственных сферах кого назначить, проходило время.

Это происходило в последних числах апреля. Военный Совет заседал утром и вечером ежедневно. На первом же заседании я возбудил вопрос об учреждении Совета Государственной обороны, органа, разрабатывающего основные директивы обороны страны, органа, ответственного за подготовку страны к обороне. Мне предложили представить проект. Я составил проект, в котором излагались как состав этого органа, так и его обязанности и права. Проект этот был

принят Военным Советом и одобрен Правительством за несколькими мелкими изменениями. Наконец, избрание Главнокомандующего состоялось. Таковым был назначен я, занимавший должность начальника Военной Школы и ничего общего не имевший с подготовкой страны к обороне.

Я, конечно, и не мыслил ни отказываться, ни торговаться. Враг уже продвигался и его эшелоны уже направлялись из Елисаветполя на Акстафу. Плана обороны страны не было и ответственного за этот промах никого не было. Вот это обстоятельство и побудило меня создать Совет Государственной обороны.

МОБИЛИЗАЦИЯ

Я приступил к своей работе. Одновременно была объявлена мобилизация. По нашей мобилизации наши батальоны должны были развернуться в 3 батальонные полка. План мобилизации был очень грузный и требовал много времени. Для меня ясно было, что мы не успеем мобилизоваться и что противник, давно мобилизованный, успеет перейти границу раньше, чем мы успеем сосредоточиться; поэтому мне надо было составить план действий, благодаря которому мне удалось бы задержать противника, пока армия закончит мобилизацию и сосредоточится. Обстановка была чрезвычайно сложная.

Большевики могли нас атаковать с двух сторон: 1) с севера, а именно вдоль Черноморского побережья, по Мамисонскому и Дарьяльскому направлению, а также и по другим проходам через Кавказский хребет; 2) с востока, со стороны Азербайджана. Сведений о противнике у нас не было или, вернее, почти не было. По-видимому, это происходило от недостатка денежных средств, отпущенных на разведку. Полагаю, что и сама разведка была организована недостаточно правильно. Она ограничивалась сбором сведений лишь в приграничной полосе, а что делалось в глубине, а тем более за Кавказским хребтом, конечно, совершенно не было известно. Кроме того, разведка была в нескольких руках. Она была в руках помощника Военного Министра и в руках Генерального штаба, и ее вел также штаб Гвардии. Деньги тратились, но не по объединенному плану. Таким образом сведения о противнике были самого общего характера, случайные, запоздалые, эпизодические и мало вселяющие доверие.

Итак, противник мог сосредоточиться на любом из названных направлений, и мы, благодаря отсутствию постоянной сети разведчиков, могли просмотреть его группировку, не говоря уже о количестве его сил. С севера противник мог атаковать по Черноморскому побережью, но для этого, ввиду отсутствия железных дорог и слабости морских сил, он должен был на этом направлении сосредоточить-

ся загодя и его скопление вблизи нашей границы не могло пройти для нас незамеченным; кроме того, сосредоточение здесь больших сил, вследствие невладения Черным морем и ввиду присутствия Врангелевской армии в Крыму, было чрезвычайно для большевиков рискованным. Войска, двигающиеся на Грузию вдоль моря, могли быть отрезаны от своей базы смелым десантом Врангеля; возможность последнего доказывается тем, что ген. Врангель впоследствии произвел таковой. Таким образом, на этом направлении развитие большевиками действий большими силами было рискованно, требовало времени для подготовки, не могло укрыться от нашего внимания и, следовательно, в ближайшем будущем являлось маловероятным. Наступление через Дарьял и по Мамисонскому перевалу было сопряжено с большими трудностями и, используя местные условия, мы могли, оказывая сопротивление малыми силами, выиграть время для подвода подкреплений. Условия театра действий этих районов кроме того не допускали возможности действия большими силами. Была возможность наступления противника через Рок. Наступление по этому направлению являлось наиболее вероятным, ибо таковое могло поднять восстание среди осетинского населения, неоднократно против нас поднимавшегося. Недовольство среди этого населения поддерживалось всегда с северного Кавказа через осетин, живущих к северу от Кавказского хребта в непосредственной близости с нашими Цхинвальскими осетинами.

Что касается нашего восточного фронта, то здесь обстановка была следующая. Азербайджан не был завоеван большевиками, как северный Кавказ и Дагестан. Здесь, по существу, большевики были приглашены частью Правительства и в Баку власть перешла в их руки без борьбы. А Азербайджанские войска, находившиеся на южной границе Азербайджана, подчинились новой власти советского Азербайджана, вследствие чего большевики распространялись по территории этого государства без всякого сопротивления. Большевистские войска были уже в Елисаветполе и продолжали двигаться на Акстафу, где уже высаживались. Об этих войсках наша разведка давала уже более точные сведения, и мы знали, что в этом районе группировались части 32-й дивизии большевиков.

На нашу восточную границу большевики могли наступать по двум направлениям: 1) через Закатали, Лагодехи, Гомборы–Тбилиси; 2) вдоль железной дороги Баку–Тбилиси с ответвлением по шоссе от Акстафы на Красный мост. Первое направление для нас являлось менее опасным, ибо большевики от Дагестана или Елисаветполя до Цнорис-Цкали были лишены железной дороги и, следовательно, прежде чем перейти в этом направлении в наступление более или менее значительными силами, им необходимо было пройти грунтовыми дорогами сотни верст и затем подготовить в Закатали базу для дальнейшего наступления. Все это требовало много времени. Более вероятным и более опасным, непосредственно угрожающим столице

Тбилиси, являлось направление вдоль железной дороги. Подвоз и действие броневых поездов обеспечивались железной дорогой. Я не сомневался, что главный удар будет направлен именно по этому направлению. Надо было этому помешать или вернее замедлить их наступление. Как я говорил раньше, Совет Государственной обороны был организован. Председателем его являлся Председатель Правительства.

СОВЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ

Когда мною был представлен проект его организации, то я удивился, что установление этого учреждения прошло без всякого затруднения. Я был удивлен, что предложение, исходившее от меня, было принято без обычной для меня оппозиции. Я потом только понял, в чем было дело. Уже давно в правящих сферах говорилось о создании при Главнокомандующем органа политического характера и в нашем „Кребули" было указано, что при Главнокомандующем может быть назначен такой орган. Нет сомнения, что всякий военный не может не видеть вреда, являющегося следствием связывания начальника по рукам и по ногам. Несомненно, образовать такой орган при мне я не допустил бы; несомненно, что правящие учитывали это обстоятельство. И вот, не имея возможности образовать этот орган при мне, в противном случае я бы отклонил от себя назначение на должность Главнокомандующего, правящие согласились на учреждение Совета Государственной обороны, заранее рассматривая его, как желательный ими орган политического характера. Я же предложил учредить этот орган, потому что я знал, что страна не готова к обороне; что учреждения, непосредственно ответственного за это, не существовало; что никакого плана обороны страны составлено не было и я думал, что этот Совет должен будет заняться этим столь важным, но совершенно забытым вопросом. На деле вышло не так. Таким образом цель правящих при образовании Совета Государственной обороны и моя оказались противоположными.

Ввиду отсутствия плана обороны страны я испросил у Совета Государственной обороны директивы на случай войны, а именно директивы, на которой должна была базироваться оборона страны и которой должен был придерживаться Главнокомандующий. Я поставил на обсуждение вопрос об общей директиве обороны страны, суть которого сводилась к вопросу о Тбилиси, т. е. продолжает ли страна обороняться после взятия Тбилиси или нет, иначе говоря, должны ли войска, вооруженные силы, кончить свое сопротивление в Тбилиси или надлежит пожертвовать Тбилиси для спасения армии и продолжения войны. Совет Государственной обороны, осветив этот вопрос со всех сторон, постановил, что отдача Тбилиси не знаменует окончания войны, но что на такой шаг, т. е. на оставление,

нужно решиться лишь после полного истощения возможности отстоять его вооруженной рукой. На следующий день я представил Совету обороны намеченный мной план развертывания мобилизуемых войск. Этот план привести в исполнение не пришлось, ибо задолго даже до начала приведения его в исполнение противник перешел нашу границу в районе Красного моста. Уверенный в том, что мы не успеем мобилизоваться и сосредоточить мобилизованные части согласно намеченного плана, и, следовательно, взять в руки инициативу, я должен был предпринять план действий, который мог дать мне возможность прежде всего выиграть время. Кроме того, я учитывал, что большевики внутренние, подогретые успехом большевиков в Азербайджане, разовьют энергичную деятельность внутри страны и особенно в Тбилиси; могла получиться картина одновременной войны, внутренней на улицах Тбилиси и внешней под стенами Тбилиси. Поэтому следовало: 1) выиграть время и 2) дать решительные бои противнику возможно дальше от Тбилиси.

Ускорить мобилизацию нельзя было. Мобилизация не могла не идти медленно, ибо таковая была организована неправильно. Наша армия состояла из отдельных батальонов 5-ротного состава, 6-я рота была пулеметная. По нашей мобилизации первые три роты образовывали 1-й батальон, а 4-я и 5-я роты служили кадрами для образования 2-го и 3-го батальонов. Я не буду касаться этого вопроса подробно; не буду указывать тех недостатков, которые влекли такой способ мобилизации. Скажу лишь о скорости мобилизации. Главным тормозом для скорости мобилизации являлось то обстоятельство, что все запасы: вещевые, продовольственные и даже оружия хранились в Тбилиси, а не в штаб-квартирах полков. Вследствие этого приемщики от всех полков должны были приехать в Тбилиси пройти сквозь бюрократическую Сциллу и Харибду Хозяйственного комитета, причем неисполнение какой-либо, часто бумажной формальности, влекло отправку приемщиков-офицеров обратно в часть; затем приемщики все это должны были получить в центральных учреждениях, погрузить в вагоны и везти к себе в части; при этом в некоторые части должны были везти и по грунтовым дорогам. Нетрудно представить себе, как все это было долго. Затем в полках не было денег; за ними также приезжали в Тбилиси, что также влекло массу затруднений и потерю времени; конечно, всего этого не было бы, если бы запасы на случай мобилизации хранились при полках и у этих последних были бы соответствующие авансы. Несколько подобная же обстановка существовала и в местных военно-мобилизационных органах; запасные прибывали, их не на что было кормить, ибо присылка денег запаздывала.

27 апреля. Итак, надо было принять меры к задержке противника. Первой мерой было немедленно овладеть пограничными мостами:

1) железнодорожным у Пойли – через Мтквари и 2) Красным мостом через Храм. Эти мосты считались нашими пограничными, но оба были в руках Азербайджанских властей. Чем было вызвано такое положение, мне не известно, но знаю, что часовые пограничных азербайджанских войск стояли по эту сторону мостов на нашей территории. Я пригласил к себе военного представителя Азербайджанской республики и просил его в виду создавшегося положения телеграфировать в Пойли и отвести азербайджанского часового назад за Мтквари. И этот мост оказался бы полностью в наших руках. Это было сделано безболезненно. У Красного моста этого не случилось, ибо телеграфа туда не было и там не обошлось без трений. Вместе с этим к Пойлинскому мосту был спешно выдвинут один не мобилизованный батальон, командир которого полк. Кончуев получил от меня приказание взорвать мост, исчерпав все средства его обороны. Мост был приготовлен к взрыву нашими инженерными частями.

Одновременно на Красный мост был двинут один из гвардейских Кахетинских батальонов, неизвестно по какому случаю находившийся в Навтлуге с артиллерией; туда же я направил гвардейский конный дивизион. До этого я имел впечатление, что Гвардия, согласно Положения о народной Гвардии, может мобилизоваться скорее армейских частей. Но это не совсем было так; так как я знал, что один из батальонов Гвардии выступил из своей стоянки лишь на 12-й день после полученного приказа о мобилизации, что нельзя считать скорым, если принять во внимание то обстоятельство, что Гвардия обладала большими средствами по материальному довольствию. В общем же, надо сказать, что батальоны гвардейские были готовы скорее к выступлению, чем армейские, которым надлежало увеличиться втрое. Но последние были бы готовы так же скоро, а может, и скорее, если бы не задержка в обеспечении их вооружением и материальным довольствием.

ГЛАВА XIV

Нападение большевиков на Военную Школу. – Атака большевиков. – Красный мост

НАПАДЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ НА ВОЕННУЮ ШКОЛУ

Таковы были мои первые мероприятия, когда разыгралось событие, памятное всему Тбилиси. Это было ночное нападение большевиков на Военную Школу. 1-е мая в Тбилиси праздновалось, как всегда „праздник 1-го мая". Во время демонстрации, как мне передавали, толпа побила большевиков, выступивших своей отдельной организацией. Кажется, в тот же вечер, и во всяком случае, если не 1-го, то 2-го мая,* вечером было назначено заседание Совета рабочих депутатов в Народном доме. Я присутствовал на этом заседании, где члены Правительства держали слово по народившейся обстановке. Заседание затянулось почти до двенадцати часов, когда я уехал к себе домой. Я жил тогда в здании Военной Школы. Меня сопровождал ген. Закариадзе. Как только автомобиль подъехал к подъезду Школы, раздался где-то поблизости выстрел. Ген. Закариадзе заметил: „Стреляют"; я ответил, что это не в первый раз и не обратил внимания. Закариадзе уехал, а я, поднявшись к себе, сел за стол и стал есть. В доме все спали. Прошло минут 10–15, как я услышал шум, топот, крики. Этот шум раздавался со стороны вестибюля или дежурной комнаты. Так как шум был продолжителен, то я, обеспокоенный, направился к телефону и попросил меня соединить с комнатой дежурного офицера. Мне ответили, что дежурная комната не отвечает. Я направился лично в дежурную комнату. Войдя туда, я увидел пальто, валявшееся на полу. Кругом была полная тишина. Я удивился тому, что в дежурной комнате никого не было, ибо при отсутствии офицера там должен был находиться дежурный юнкер. Я вышел на площадку лестницы. Наверху у денежного ящика находился кара-

---

* 2-го мая в час ночи.

ул из 3-х человек. Начальником караула всегда бывал назначаем юнкер. В этот раз начальником караула был юнкер Гегечкори. Я спросил снизу начальника караула, что тут случилось. Он ответил неведением, но затем добавил, что, кажется, юнкера подрались; что там были также и посторонние люди. Тогда я приказал одному из солдат караула пойти в помещение юнкеров и узнать, в чем дело. Солдат спустился и пошел по назначению. Я остался ждать на площпдке. Прошло минуты 2–3, может быть. Солдат вернулся и доложил, что все юнкера собраны в помещении и что там также наши офицеры, и что посторонних там никого нет. Я тогда пошел туда лично. По какому-то предчувствию я хотел вернуться к себе в квартиру и взять „Наган". Но успокоенный докладом солдата и полной тишиной я не вернулся, а направился один в помещение юнкеров. Я проследовал приемную комнату, прилегавшую к дежурной комнате, и повернул в коридор, который идет перпендикулярно к приемной комнате. Из этого коридора ведут 4 двери: одна на лестницу, по которой надлежит подняться наверх в помещения юнкеров и в соседние роты; другая в глубине коридора выводит тоже на лестницу, из которой можно выйти на плац Школы; третья и четвертая двери ведут в учительскую комнату и в один из классов. Едва я повернул в коридор, как заметил какого-то штатского господина, который, выйдя из двери, ведущей на лестницу и далее в помещение юнкеров, быстрым шагом направлялся к двери, ведущей на лестницу, откуда можно выйти на внутренний плац Школы. Он был одет в длинный плащ и на голове имел мягкую каскетку велосипедистов. Он не успел дойти до двери и выйти через нее, как я его окликнул. Сей господин повернулся ко мне и, что-то крича, бросился ко мне. Он был шагах в 10–12, когда я заметил в поднятой его руке револьвер, направленный в меня. У меня в кармане был маленький карманный револьвер, купленный мной еще в 1894-м году и с которым я никогда не расставался. Этот револьвер был устарелый и в последние годы я заметил, что он не всегда давал выстрел, часто бывали осечки. Я не помню, кто из нас двоих первый выстрелил, кажется, он. Револьвер у меня был самовзводный и мой ответный выстрел раздался лишь по второму или третьему разу; во всяком случае мое первое надавливание на спуск не дало выстрела. Между тем сей господин продолжал, подходя, стрелять. Второго выстрела у меня не получалось. Я стоял у двери, которая вела в приемную. Она была без половинок. Я повернулся и бросился туда. Пробежав приемную, я вскочил по лестнице на площадку, находившуюся перед дежурной комнатой. Здесь я остановился и повернулся кругом. Мой противник стоял в дверях, около которых я стоял, когда он стрелял в меня. Я находился на площадке под освещающей меня электрической люстрой. Я попробовал дать еще выстрел; мой револьвер дал еще один выстрел, но затем следовали осечки. Он, мой противник, продолжал стрелять. После в дверях, находившихся сзади меня, нашли 5 пробоин; одна

из пуль, прострелив двери, засела в дверях, ведущих в мою квартиру. Я тогда выскочил и вскочил в свою квартиру. Я и сейчас не могу дать отчета, как я мог в кармане так быстро найти ключ и открыть двери: ключ не более одного вершка, плоский; причем его надо было вложить в едва заметную щель английского внутреннего замка. Вбежав в свою квартиру, я прежде всего вооружился „Наганом", находившимся в моем ночном столике.

Во дворе раздавались выстрелы. Я понял, что происходит нападение на Военную Школу. Я подошел к телефону и соединился с Генеральным штабом; у телефона находился по установленному правилу дежурный офицер. Я спросил его, узнает ли он, кто с ним говорит. Он узнал мой голос и тогда, объяснив вкратце обстановку, я ему приказал, чтобы он немедленно по телефону сообщил всем о нападении на Школу, и Военному Министру, и начальнику штаба, и в штаб Гвардии, и начальнику гарнизона, чтобы немедленно были вызваны броневики, а также части, гвардейские или армейские.

У меня в квартире в это время жил Петя Цицишвили, у которого дом в Гори был разрушен землетрясением; это был мой боевой товарищ по Русско-Японской войне, где мы командовали ротами в одном и том же полку и батальоне. После японской войны он окончил интендантскую Академию. Во время последней войны был инденднтом сначала дивизии, а потом корпуса и считался одним из лучших интендантов на Кавказском фронте. Он был удален со службы из нашей Грузинской армии еще в 1919 году; не думаю, чтобы он мог бы в чем-нибудь провиниться. Несомненно очень энергичный и способный офицер. Оставив телефон, я подошел к его двери и постучал к нему. Его не оказалось дома; была дома только его жена. Я тогда позвонил по телефону к своему помощнику полк. Чхеидзе. У телефона оказался один из его сыновей, мальчик 16–17 лет, который на вопрос „где отец", ответил, что „папа оделся, взял карабин и ушел куда-то". Он добавил, что сейчас сам ко мне придет. В это время во дворе в дальнем углу, у склада оружия Гвардии, начали раздаваться выстрелы. Я стал звонить по телефону в квартиру подп. Гардабхадзе, но дозвониться не мог. Пришел ко мне в это время сын полк. Чхеидзе, который ничего нового не мог сообщить и был в полном неведении, что происходит в Школе. Не имея возможности узнать, что, действительно, происходит в Школе, каковы размеры нападения, я вышел во двор, на плац Школы. Луна светила вовсю. Около гвардейского склада оружия виднелась толпа, раздавались выстрелы и шум голосов. Разобрать ничего нельзя было. Со стороны корпуса, где находились помещения юнкеров и некоторых рот унтер-офицерского батальона, было полное спокойствие; никто даже не выглядывал в окна, как будто никто не слышал ни этого шума голосов, ни этих выстрелов. Я вошел в квартиру полк. Чхеидзе и оттуда по телефону еще раз связался с Генеральным штабом. Дежурный офицер мне сообщил, что он всюду передал распоряжения и что

броневики скоро явятся. Я ему сказал, чтобы он поторопил. Слыша выстрелы со стороны гвардейского склада оружия, в районе которого находились три роты унтер-офицерского батальона, видя там толпу, я стал допускать мысль, что не перешел ли батальон на сторону большевиков, тем более, что никто не идет ко мне за получением указаний, ни офицеры, ни солдаты. Последняя мысль, в связи с покушением на мою жизнь, заставила меня думать, что, несомненно, большевики могут меня захватить. Поэтому я не вернулся в свою квартиру, а все время находился или во дворе, или в квартире полк. Чхеидзе. Я попробовал открыть окно из квартиры полк. Чхеидзе; оно выходило на Плехановский проспект. Квартира полк. Чхеидзе находилась в нижнем этаже в уровень с улицей. На этой улице стояли вдоль здания какие-то люди и там раздавались изредка выстрелы. Меня особенно удивило то обстоятельство, что со стороны юнкеров ничего не было слышно; о них не было ни слуху ни духу. Я терялся в догадках. Если у меня явилась мысль, что солдаты или, по крайней мере, часть их могла перейти на сторону большевиков, то в отношении юнкеров я этого не мог допустить.

Находясь на балконе полк. Чхеидзе, я был окликнут с соседнего балкона инспектором классов ген. Чхетиани, который спросил меня, в чем дело. Я ответил, что происходит нападение большевиков на Школу, что у гвардейского склада собирается толпа, что там раздаются выстрелы и кроме того я не имею возможности выяснить, в чем дело, а самому пойти не считаю возможным, ибо в самом начале действий я, Главнокомандующий, могу попасть в руки большевиков. Он выразил готовность пойти лично, но выразил сожаление, что у него нет револьвера. Я ему предложил револьвер, но вмешалась его супруга, которая и помешала исполнению его желания. Я не настаивал на этом, так как он, как офицер, был бы несомненно арестован в толпе, настроение которой мне не было известно. И я так-таки не узнал бы обстановки. Для этой цели лучше было бы послать солдата, но таковых никого не было в моем распоряжении. Время проходило. Молчание юнкеров, неизвестность, что случилось с полк. Чхеидзе, полная невозможность действовать и необходимость ждать пассивно создали для меня томительную обстановку, каковую я никогда не переживал в своей жизни. Однажды в Русско-Японскую войну я был введен в заблуждение и неожиданно, ночью, выехал со своим ординарцем в город Фушун, занятый японцами, и подъехал к их биваку; я узнал японцев только тогда, когда начал с ними разговаривать. По нас открыли огонь, мой ординарец был убит, а я выскочил из этого города. Я был беспомощен, в районе врага, и не знал, как вырваться из этого положения. Я тогда не испытывал того томления, которое охватило меня сейчас. Я все время входил в квартиру полк. Чхеидзе и выходил на плац, ожидая событий с револьвером в руках, курок которого был все время взведен. Я его взял, чтобы при нечаянной встрече иметь возможность сразу нацелить и выстрелить.

Только в дежурной комнате, куда мы собрались после отбития большевиков и полного спокойствия спустя 1–2 часа, я заметил, что курок моего револьвера продолжает быть взведенным.

Между тем произошло следующее. Большевики в количестве нескольких десятков человек, поставив кругом здания Школы своих часовых, сами в количестве 25–30 человек перелезли стену Школы со стороны Великокняжеской улицы и проникли во внутренний двор Школы, где в одном из зданий находился гвардейский караул, выставлявший часовых к воротам, выходящим на Великокняжескую улицу, затем к своим казармам, где у них были продовольственные и вещевые запасы, и к складу патронов. Таким образом наблюдение за этим районом являлось обязанностью этого караула, несомненно отборных гвардейцев. Проникши во двор, большевики поднялись на внутренний балкон и оттуда к той двери в приемную комнату, у которой в меня стрелял один из них. В это время дежурный офицер капитан Карумидзе стоял у этой двери, к ней спиной, и разговаривал с юнкером. Большевики толпой человек 10–12 бросились на него сзади и, схватив, обезоружили его. Эту сцену видел юнкер Искандерашвили, который бросился мимо дежурной комнаты, выскочил на парадную лестницу и оттуда на квартиру полк. Чхеидзе и подп. Балуева. Большевики, овладев кап. Карумидзе, бросились в дежурную комнату, где набросились на спавшего там случайно кап. Джапаридзе. Затем они повели обоих арестованных в помещение юнкеров, порвав телефонные провода. Помещение юнкеров состояло из 5 комнат; 4 из них служили спальнями, а 5-я, средняя, была сборной комнатой и в ней находились винтовки и патроны. Дежурный юнкер был лишь при штыке. Эти 5 комнат шли в ряд; вдоль них шел стеклянный коридор, откуда в помещение юнкеров можно было попасть через двери, ведущие в среднюю комнату, где находились оружие и патроны. Юнкера спали; было около 12 часов. Войдя в комнату, где находились оружие и патроны, большевики оказались хозяевами по отношению спавших и безоружных юнкеров. Они их разбудили и всех препроводили в крайнюю комнату, ближайшую к лестнице, которая ведет вниз в приемную комнату. Оставив здесь двух часовых с маузерами в руках против собранных безоружных юнкеров, большевики отправились в район казарм, которые находились у гвардейкого патронного склада. Здесь они обезоружили часовых, разбили двери патронного склада, часть их пошла в казармы и стала будить солдат. Они им объявили, что Правительство уже арестовано, что ген. Квинитадзе и полк. Чхеидзе также арестованы, что весь гарнизон на их стороне, что Школа окружена броневиками и перешедшими на их сторону войсками. Они угрожали револьверами и требовали, чтобы солдаты оделись и вышли во двор, и разобрали патроны. Человек 40 были выведены силой и образовали ту самую толпу около гвардейского патронного склада, которая меня беспокоила и настроение которой было для меня тайной.

Вот что произошло между тем в самом начале проникновения большевиков. Когда большевики перелезли через забор, один из гвардейских часовых, стоящих у их склада с продовольствием и вещевым, видя, что большевики напали на патронный склад, побежал в помещение гвардейского караула и сообщил о происходящем нападении. Тогда гвардейский караул, взяв винтовки, пошел на помощь. Их поход не был удачным. Как только они приблизились к плацу, к которому они подходили со стороны внутреннего школьного двора, они были встречены несколькими большевиками и по их требованию, без сопротивления, обезоружены и арестованы.

Пока все это происходило, в это время совершался другой поход, поход полк. Чхеидзе, в одиночку. Он лежал в кровати, когда к нему прибежал юнкер Искандерашвили. Из его доклада полк. Чхеидзе получил впечатление, что происходит нападение на денежный ящик. Он оделся, взял карабин и пошел по двору. Когда он подходил к двери, ведущей с плаца в здание, где помещались юнкера и часть рот унтер-офицерского батальона, он на крыльце перед этой дверью заметил два силуэта, в одном из которых узнал подп. Балуева. Юнкер Искандерашвили, как я указывал выше, предупредил и подп. Балуева, который не спал и не был раздет. Тот взял револьвер и пошел тем путем, по которому потом пошел полк. Чхеидзе. Когда он открыл дверь и входил в здание, он был сразу окружен 5-ю большевиками, которые его обезоружили, оставили при нем одного часового, а сами отправились в казармы. Далекий от всякой мысли об опасности и узнав в одном из силуэтов своего офицера, полк. Чхеидзе спокойно приближался. Когда он подошел к ним на расстояние всего 3–4 шагов, большевик выстрелил в него, но, к счастью, промахнулся. Полк. Чхеидзе ответил, но тоже промахнулся. Сей большевик бросился бежать вдоль здания по тротуару, стреляя из маузера назад. Он успел пробежать лишь шагов 60, когда его догнала пуля полк. Чхеидзе, известного в рядах Русских войск стрелка и замечательного охотника, ежегодно бравшего призы. Большевик упал недалеко от школьной церкви, где его потом подобрали.

После этого полк. Чхеидзе продолжал свой марш, но изменил свой маршрут. Он разбудил швейцара и вошел в вестибюль. Оттуда он поднялся наверх, постучал в мою квартиру, желая, по-видимому, меня предупредить. Я в это время был уже или на плацу, или в его квартире. Наша Бабале, няня детей, не узнавшая голоса и полагавшая, что это стучатся большевики, отвечала, не открывая дверей, что генерала дома нет. Полк. Чхеидзе поднялся наверх, удостоверился в целости денежного ящика, предупредил караул, чтобы он был в полной готовности и пошел в помещение юнкеров. По-видимому, караульные его не предупредили о том, что произошло со мной. Вообще караул со своим начальником был недопустимо инертен. Спустившись к дежурной комнате, полк. Чхеидзе пошел по той же дороге, по которой следовал я. На этот раз он шел с предосторожно-

стями, имея карабин, по-охотничьи, в полной готовности стрелять. Когда он входил в коридор, в тот самый, где впервые в меня стреляли, он заметил какого-то господина. Это был часовой большевиков, поставленный ими на этот раз из предосторожности не быть захваченными врасплох. Произошло одновременно два выстрела. Большевик промахнулся, но сам упал от пули полк. Чхеидзе. Большевик, валявшийся на полу, пытался произвести второй выстрел, но второй выстрел полк. Чхеидзе окончательно его прикончил. Разделавшись с ним, полк. Чхеидзе поднялся в помещение юнкеров.

Когда он достиг стеклянной галереи, идущей вдоль помещения юнкеров, он увидел через окно собранных юнкеров. Те заметили его, открыли окно и сказали ему, что их стерегут два большевика с маузерами. Надо сказать, что когда юнкера были арестованы, то большевики предлагали им присоединиться к ним, но юнкера отказались наотрез. Полк. Чхеидзе хотел идти с ними сразиться, но его не пустили. Тогда он пошел в соседнюю роту унтер-офицерского батальона, принес оттуда три винтовки и передал их юнкерам через окно. Им же он передал свою пачку патронов, захваченных из дому. Я должен предупредить, что в ротах унтер-офицерского батальона по моему приказанию патронов не было. Получив винтовки, юнкера перешли в наступление, невооруженные вооружились табуретками. Полк. Чхеидзе оставался в стеклянной галерее, чтобы перерезать большевикам путь отступления. Юнкера потушили электричество и бросились на большевиков, стреляя и бросая табуретки. Большевики бежали, провожаемые выстрелами и табуретками. Они бежали по спальням и из последней комнаты бросились по водосточной трубе на Плехановский проспект. Один из них был ранен, я видел следы крови на окне, из которого они спустились; но этому удалось спастись. Другой был внизу арестован милиционерами. Выстрелы, происходившие в здании Школы, подняли тревогу и они явились на помощь. Один из них схватил бежавшего из окна вышеупомянутого большевика. Двое других из их числа проникли из Великокняжеской улицы в помещение Школы. Один из них, подошедший к часовому из состава взвода кавалерии, находившемуся при лошадях лишь с холодным оружием, был обезоружен этим часовым, принявшим его за большевика.

После бегства часовых большевиков юнкера разобрали винтовки, взяли патроны и тогда полк. Чхеидзе вывел их на плац, где я томительно ожидал событий. Как только я увидел юнкеров, стройно выходивших из двери на плац, я сразу успокоился. Теперь я мог действовать.

Между тем со стороны казарм, расположенных около Гвардейского патронного склада, выстрелы и шум голосов продолжали раздаваться. Там, как потом выяснилось, происходило курьезное явление. Офицеры, жившие в здании Школы, по этой тревоге прибыли в свои роты и наряду с большевиками, уговаривавшими солдат перей-

ти на их сторону, в свою очередь уговаривали солдат не слушать подстрекателей. Большевики хотели их арестовать, но солдаты не позволили произвести насилие над своими офицерами. Кап. Джапаридзе, тот самый, на которого на спящего в дежурной комнате напали большевики, был несколько раз арестован, но освобожден солдатами.

Получив юнкеров в свои руки, я сейчас же приказал выслать дозоры; один в сторону толпы, где раздавались выстрелы, с целью выяснить, что там происходит, что это за толпа; другой был направлен в сторону ворот, которые выводят на Великокняжескую улицу. Этот последний дозор был под начальством подп. Абуладзе и состоял из трех юнкеров Тохадзе, Кикияни и третьего фамилии не помню. Когда этот дозор приблизился к этому району, то был опрошен одним из большевиков, который по-грузински спросил: „Вы за кого, за нас или нет?" Офицер подп. Абуладзе с целью выиграть время и подойти поближе к нему с дозором, ответил: „А кто это мы, кто вы такие?" На это большевик ответил выстрелом в него, но промахнулся. К сожалению, пуля попала в юнкера Кикияни, который до сих пор страдает от нее. Юнкер Тохадзе ответил и ответил очень удачно, ибо его пуля снесла полголовы этого господина. Сейчас же открылась стрельба. Большевики стреляли со стороны ворот. Юнкера, находившиеся около нас на плацу, сейчас же легли и открыли частый огонь по этому направлению. Я находился в это время на фланге юнкеров около двери, через которую вышли юнкера. Я вскочил на крыльцо. Через несколько секунд ко мне подбежали со стороны большевиков два офицера. Мы вошли в вестибюль и я опять вышел на крыльцо. Выйдя на крыльцо, я заметил, что выстрелы со стороны большевиков прекратились. Я приказал прекратить стрельбу. Стрельба была тотчас же прекращена. Среди юнкеров оказался смертельно раненным юнкер Макашвили. После прекращения стрельбы наши дозорные пришли и доложили, что роты унтер-офицерского батальона на нашей стороне и что, по-видимому, большевики бежали берегом реки Мтквари. Первое было чрезвычайно важно и очень меня обрадовало. Я приказал вывести весь батальон на плац и выдать им патроны. Вместе с этим часть юнкеров была послана вокруг училища, они выставили всюду посты. В самом здании мы стали обходить все помещения с целью захватить большевиков, буде там они окажутся. Один из большевиков был захвачен при курьезных обстоятельствах. Он хотел вбежать в помещение одной из рот. В этот самый момент в эту дверь хотел выйти солдат унтер-офицерского батальона; к сожалению, фамилии его сейчас не помню. Видя входящего господина с маузером в руке, он прихлопнул дверь и зажал его в дверях. Голова и правая рука с револьвером находились в помещении, остальное туловище наружу. Тот стал просить отпустить его; солдат потребовал, чтобы он бросил оружие. Большевик выпустил револьвер из рук; тогда солдат овладел револьвером и арестовал его. Таким обра-

зом, кроме двух трупов большевики оставили в наших руках 3-х человек, из них один раненый в самом начале полк. Чхеидзе. В тот же день был назначен суд, постановлением которого они были в этот же день расстреляны.

Роты вышли на плац и были готовы к действию. Только тогда прибыл броневик, теперь уже ненужный. В Школу приехал Военный Министр Лордкипанидзе, ген. Закариадзе, В. Джугели и др. Военный Министр благодарил юнкеров и солдат. Стало светать.

Когда окончательно выяснилось, что в городе спокойно и что нападение было произведено лишь на Школу, я распустил собранные роты. Мы все обходили помещения, а затем собрались в дежурной комнате. Обменивались впечатлениями. Одно из высказанных впечатлений у меня осталось в памяти. Полк. Чхеидзе сказал такую фразу: „Эти паршивцы плохо стреляют, в двух шагах не могут попасть". Это было великолепно и было достойно нашего флегматичного Чхеидзе. „Что ж", – возразил я, – „очень ты об этом сожалеешь?"

В тот же день по моему предложению приехал в Школу Председатель Правительства, который сначала не хотел ехать, но по моему настоянию приехал и благодарил состав Школы за верность своему долгу. Так закончилось это дерзкое нападение на Школу.

Следствие по этому делу вело Министерство Внутренних дел и оно не сообщило ни в Школу, ни Военному Ведомству результатов, добытых расследованием. Я был охвачен дальнейшими событиями и мне было не до этого. Лично я допускаю, что у большевиков возможно были соучастники среди рабочих Школы, но у меня нет доказательств. Говорили, что будто большевики предполагали произвести общее нападение в Тбилиси повсеместно и что нападение на Школу явилось отдельным, единичным, лишь случайно. Говорили также, что организатор нападения был Саша Гегечкори, который будто бы произвел подобное нападение на училище, где-то в России, закончившееся успехом; называли Москву и Петроград. Юнкера уверяли меня, что в меня стрелял сам Саша Гегечкори; по моему описанию его одежды они признали его; они его видели в помещении юнкеров и некоторые признали его в лицо.

С утра того же дня я продолжал свои занятия. Мне вспоминаются два события за это время. Не могу вспомнить, когда они произошли.

Первое событие произошло на заседании Учредительного Собрания, на котором были одобрены действия Правительства, принятые последним по обороне государства. Оно произошло, как вспоминаю, до нападения большевиков. Я присутствовал на этом заседании и сидел в ложе Правительства. Я рассеянно слушал ораторов; мои мысли бегали от карты, находившейся в Генеральном штабе и от которой я только что оторвался, к Пойлинскому и Красному мостам, которые должны были сделаться театром военных действий. Я весь

был поглощен своими мыслями, вспоминая отданные распоряжения и стараясь вспомнить, что еще я должен не забыть. В это время, чувствую, меня толкает под бок помощник Военного Министра ген. Гедеванишвили. Я осмотрелся. Смотрю, члены Учредительного Собрания, поднявшись, приветствуют. Я думал, что это относится к говорившему оратору Гр. Вешапели, каковой сходил в это время с эстрады. Ген. Гедеванишвили тогда сказал мне: „Вставай, тебя приветствуют". Я встал и стал кланяться. Я был очень смущен, ибо меня вообще публичные овации очень стесняют. Правда, это было очень приятно, но ближайшие военные действия направляли мои мысли совсем в другую сторону. Попросить слово и обратиться к Учредительному Собранию со словами благодарности, конечно, я должен был; но я должен был сказать что-нибудь. А это что-нибудь было бы только: „сделаю, что могу", что, конечно, было далеко недостаточно и, может быть, даже бледно в этих обстоятельствах.

Другое такое же чествованье произошло в день св. Георгия, который по новому стилю пришелся на 6-е мая. В ограде Военного Собора был парад, в котором участвовали части Тбилисского гарнизона, находившиеся в периоде мобилизации. После молебна Военный Министр Гр. Лордкипанидзе обратился к частям с речью. Я стоял сзади. Вдруг я слышу, что Военный Министр говорит о дне св. Георгия и о том, что св. Георгий есть всегдашний защитник Грузии, что Саакадзе, известный герой Грузии, тоже Георгий и что нынешний Главнокомандующий тоже Георгий, который, он надеется, победит нашего врага. Такое приветствие было также для меня неожиданным. Я сделал несколько шагов вперед и объявил „Да здравствует родина", а затем „Ваша"*нашему Правительству.

АТАКА БОЛЬШЕВИКОВ

Между тем события быстро шли своим ходом. Большевики атаковали наши части, находившиеся у Пойлинского моста.

1-го мая на Пойлинский мост направлялись два броневых поезда; по сторонам шла пехота. Когда противник подошел к мосту, то его средний пролет, который был минирован, взорвали и таким образом было преграждено его дальнейшее наступление. Потом, спустя 3–4 недели, выяснилось, что батарея лихого майора Махарадзе нанесла серьезные потери бронепоездам и что у противника на бронепоезде оказалось одно орудие подбитым.

Наступали русские большевики. Война началась без всякого предупреждения, и несмотря на то, наш представитель в Москве в это время заключал с большевиками мирный договор. Этот договор был подписан в Москве 7-го мая. На запросы нашего Правительства

---

*„Ура".

оттуда отвечали, что это „местный инцидент". Наступление большевиков продолжалось. Как я выше указал, гвардейские батальоны были готовы раньше к наступлению, и я их направил на Красный мост, где и должна была произойти их первая встреча. Вместе с этим я полагал, что Гвардия, как составленная в большем проценте из меньшевиков или же сочувствующих этой партии, явятся более надежным элементом для первой встречи с большевиками, чем армейские части, куда призваны были бывшие солдаты, зараженные уже большевизмом в Русской армии; те самые, которых в 1919 году пришлось распустить ввиду господствовавших среди них большевистских течений. Я этим хотел обеспечить, чтобы при первой же встрече наши войска не отказались от сопротивления, что можно было ожидать, так как нашим противником были русские, с которыми наши солдаты вместе и плечо о плечо воевали против общего врага. С другой стороны, армейские части были еще в периоде мобилизации. Но я ошибся: как раз в первой встрече с врагом гвардейские части не пожелали воевать с большевиками или с русскими. Лишенные железной дороги, большевики должны были от Караяз повернуть на Красный мост. Переправиться через Мтквари большими силами было для них рискованно, так как Мтквари ежедневно могла подняться от весеннего половодья, и тогда они могли быть разобщены со своим тылом. Им оставалось идти только на Красный мост. Взрыв Пойлинского моста имел для нас громадное значение. Он дарил нам время: противник должен был направиться через Красный мост на Тбилиси, чего сразу, без подготовки тыла, т. е. подвоза, они не могли произвести, а это требовало времени. Они лишались содействия в бою своих броневых поездов. Затем действия их на Закатальском и Тбилисском направлениях оказались разобщенными и, напротив, наша связь с Кахетией явилась более твердой. Это последнее обстоятельство давало нам возможность сосредоточить большую часть наших сил, где этого потребовала бы обстановка; иначе говоря, Главнокомандующий получал большую свободу действий, чем если бы Пойлинский мост оказался в руках врага. В последнем случае противник мог овладеть районом Сагареджио и, следовательно, изолировать от нас Кахетию. У нас оставалась бы лишь связь по Гомборскому шоссе через Вазиани, которое находилось бы под ударами со стороны Сагареджио. Кроме того, так как противник вдоль железной дороги не мог, после взрыва Пойлинского моста, оперировать большими силами, то должен был воспользоваться лишь направлением на Красный мост; его операционная линия становилась известной нам, иначе говоря, ему было продиктовано идти на Красный мост, т. е. туда, куда мы могли сосредоточить наши силы.

Взрыв моста на Правительство наше произвел неблагоприятное впечатление, и Председатель Правительства остался очень этим недоволен; он даже приказал произвести расследование. Мной был командирован туда ген. Сумбаташвили. Узнав все подробности, я

оправдал действия местного начальника полк. Кончуева. Через несколько дней развернувшиеся события доказали воочию целесообразность взрыва моста, и Председатель Правительства мне сказал, что очень хорошо, что мост был взорван. Как я раньше сказал, на Красный мост был направлен первым один из гвардейских батальонов; он шел с одной гвардейской батареей. Вслед за ними гвардейский конный дивизион.

КРАСНЫЙ МОСТ

Первое наше столкновение было для нас неудачным и весьма огорчающим. Батальон, встретив большевиков, отказался с ними драться и ушел назад на Сандари, большею частью разойдясь. Это известие мы узнали ночью и эта ночь была несколько тревожна; узнав, что отошедшие только пехота и артиллерия, и что о коннице гвардейской нет известий, я успокоился. Ясно, что противник был в весьма малых силах, если конница могла держаться где-то в районе Красного моста; кроме того, к Сандари уже подходила голова мобилизованных гвардейских батальонов. Члены Главного штаба Гвардии выехали туда по моему приглашению, с целью принять соответствующие меры и с тем, чтобы личным влиянием не допустить подобного явления в будущем.

Этот инцидент меня поразил; я знал гвардейскую организацию, я знал о почти совершенном отсутствии у них дисциплины, но я не предполагал, чтобы дух противобольшевистский у них был так слаб. Я надеялся на влияние, которое имеют их руководители в лице членов штабов Гвардии и потому я особенно настаивал на том, чтобы они поехали. Только эта причина позволила мне и впоследствии допустить их присутствие при строевых начальниках Гвардии, престиж каковых в глазах гвардейцев был далеко не высок. Нельзя не понимать всего вреда от присутствия, особенно во время военных действий, при начальнике каких-либо лиц, особенно если эти последние, имеющие влияние на массы, станут вмешиваться в действия начальника. Но надо было терпеть это зло, дабы не случилось того, что случилось с Кахетинским батальоном. Итак в районе Красного моста большевики перешли границу и прошли по нашей территории верст 10; гвардейский конный дивизион, под командой Гоги Химшиашвили, задерживал их. Но следующие гвардейские батальоны уже шли на подкрепление.

Район между Красным мостом, Садахло и Сандари представляет равнину, перерезанную тремя реками Алхгетом, Храмом и Дебедачаем. Эти реки поднялись ввиду таяния снегов и были непроходимы вброд; мостов было всего два: один через Храм, так называемый Красный, и другой у Садахло. Направляя войска на Красный мост, я решил сосредоточить их в двух группах: одну от Сандари навстречу

противнику, перешедшему Красный мост, другую у Садахло на открытом фланге противника; другой фланг противника обеспечивался Мтквари. Я наметил атаковать противника с фронта и группой, сосредотачиваемой у Садахло, ударить его во фланг. Этими группами я решил лично руководить. Между тем у полк. Химшиашвили, командира конного дивизиона, происходили стычки с противником. Вспоминается одна такая стычка, очень характерная для передовых частей и особенно в той обстановке, в которой приходилось действовать. Одна наша конная застава расположилась в татарской деревне на ночь. Ночью в эту деревню въехал конный разъезд противника силой до 40 коней, который подъехал к нашему посту почти вплотную и потребовал сдачи. Пост ответил выстрелами, которыми повалили начальника разъезда, офицера; весь разъезд повернул коней и скрылся в темноте. На посту было всего три человека. На убитом офицере был найден приказ, из которого выяснилось, что дело шло о наступлении на Тбилиси, значит это не был „местный инцидент", как сообщала Москва.

Итак наша фронтальная группа шла прямо на Красный мост, а правая группа, составленная также из гвардейцев, наступала от Садахло. Правой группе было указано овладеть горой Тарс, доминирующей высотой, которая была на том берегу реки Храма и со взятием которой правая группа оказывалась на фланге позиции противника и угрожала его тылу. Наша разведка, войсковая и воздушная, доносила точно о расположении противника, и на этой высоте противника не обнаруживала.

С рассветом я выбрал пункт, с которого я лично мог видеть наступление этой группы простым глазом, а с левой был связан телефоном и мог видеть лишь район; войск же нельзя было разглядеть; связь между этими группами поддерживалась гвардейской конницей. Правая группа исполнила задачу, овладела высотой Тарс и распространилась в сторону противника. Между тем левая группа атаковала противника по открытой местности и после боя овладела позицией противника, укрепленной полевыми окопами. Я после был на этой позиции и, как и предполагал, силы противника я обнаружил незначительные. Я указывал перед боем присутствовавшему при фронтальной группе Валико Джугели, чтобы их группа не рвала вперед, а лишь приковывала противника к своей позиции, дабы дать возможность правой группе ударить противника во фланг и в тыл. Но Джугели, пылкий по натуре, увлекся и позиция была взята с фронта. Несомненно, удар во фланг оказался бы плодотворнее. Но победителя не судят. Главное, был успех и противник был выгнан с нашей территории. Я подчинил все войска начальнику правой группы ген. Джиджихия, дал ему указания для продолжения наступления и сам вернулся в Тбилиси.

Гвардейские батальоны, по мере их готовности, я направлял к нему на подкрепление. Генерала Джиджихия я по службе в рядах

русской армии не знал. Я знаю, что он Генерального штаба и во время Европейкой войны был капитаном Генерального штаба в штабе 15-го армейского корпуса, с которым участвовал в Самсоновском наступлении в августе 1914-го года и попал в плен. Из плена он вернулся в 1918-м году, в рядах наших грузинских войск был произведен в полковники и назначен начальником штаба дивизии генерала Мазниашвили. Во время Грузино-Армянской войны он был назначен начальником штаба к ген. Ахметели, который командовал Екатериненфельдским отрядом, состоявшим из гвардейских частей. За эту войну, которую я вкратце описал раньше, он был произведен в генералы и после войны продолжал нести обязанности начальника штаба дивизии ген. Мазниашвили. В 1919-м году во время действий в Ахалцихском уезде ген. Мазниашвили потерпел неудачу, после которой ген. Джиджихия был назначен командиром 4-го полка; я же из отставки был призван на его место. Мне передавали, что между ген. Мазниашвили и ген. Джиджихия происходили трения. Затем ген. Мазниашвили отозвали и войска вручили мне. Ген. Джиджихия тогда произвел на меня очень хорошее впечатление; это был очень вдумчивый и заботливый командир полка с большой энергией и влечением к военному делу. Но недостаток служебного опыта и особенно командования в бою сказывались в нем. Часто он чересчур был горяч до нервности. Не лишен был и увлечения. Я помню, как за время нашего Ахалцихского похода он прислал мне доклад, в котором предлагал поход в Батумскую область, оккупированную тогда англичанами. В 1919-м году по реорганизации он был назначен генералом для поручений при Военном Министре и томился от безделья. Между тем это человек весьма самолюбивый, до болезненности. Я, будучи начальником Школы, несколько раз говорил ген. Закариадзе, что ген. Джиджихия надо пристроить к какому-либо делу и использовать его военно-научное образование. В зиму 1919/1920 года он перешел на службу в Гвардию, куда его пригласили на должность начальника отдела формирования. Его деятельность на этом поприще мне совершенно неизвестна.

Таким образом, после соединения правой и левой групп, наступавших на Красный мост, он как старший начальник принял начальствование этими войсками. Наступление на Красный мост я предпринял, имея на поле сражения всего около 6 батальонов; батальон Кахетинской Гвардии не мог уже считаться за единицу.

4 мая. Между тем наше Правительство запрашивало Москву о причине наступления большевистских войск, перешедших нашу границу в то время, когда в Москве подписывался договор с Грузией. Из Москвы отвечали, что это недоразумение, что это местный инцидент и пр. Правительство все же склонялось к тому, чтобы мирными переговорами закончить происшедшее уже столкновение. Я указы-

вал, что наступление большевиков доказывает их желание нас завоевать и нет никаких данных прекращать военные действия, когда противник уже на нашей территории и продолжает наступление; что на убитом офицере найдены документы, свидетельствующие ясно и определенно об их наступлении на Тбилиси. Председатель Правительства все колебался; я ничего не знал о переговорах Уратадзе в Москве и надо думать, это и было причиной его колебаний. Из полученных сведений я получил уверенность, что мы превосходили противника пехотой и артиллерией; конницей же мы не уступали. Кроме того, одна группа наших войск висела над флангом противника. Эти обстоятельства вселяли в меня уверенность в успехе и я настаивал. Н. Н. Жордания продолжал не соглашаться и спрашивал, достаточно ли у меня сил и сколько. Видя, что другого способа доказать нет, я ответил, что войск достаточно, что наше положение весьма благоприятное для успеха, что через несколько дней армейские части, заканчивающие мобилизацию, будут перевезены туда же, что нельзя дарить времени противнику, который усиливается подвозом войск и что через некоторое время будет труднее достичь успеха. „А сколько же у Вас там войск?" – спросил он меня. Я должен признаться, что я ему ответил неправду. Я сказал, что 9 батальонов. Я не мог иначе поступить, ибо, если бы он знал, что только 6 батальонов, он никогда не согласился бы на наш переход в наступление. Положение наше было охватывающее, и я был уверен в успехе и в том, что противник, усиливаясь, предупредит нас и займет командующие высоты, что сильно затруднило бы наши дальнейшие действия. Все это диктовало мне не откладывать наступления. Мои 9 батальонов и моя уверенность, очевидно, склонили его на переход в наступление. Войска перешли в наступление и в тот же день не только очистили нашу территорию от врага, но перешли границу.

Как я указывал, надо было выиграть время для мобилизации наших войск и для их сосредоточения. Для этого надо было, продвигая наши части далее вглубь территории нашего противника, выиграть больше пространства. Это дало бы нам возможность спокойно произвести все передвижения под прикрытием наших передовых частей, которые даже в случае неуспеха могли настолько сдерживать противника, что можно было успеть их подкрепить действиями разворачиваемой армии. Таким образом отряд ген. Джиджихия являлся не решающим войну, а лишь передовыми частями, так сказать авангардом. В силу этого соображения я приказал продолжать преследование отходящего противника. В течение нескольких дней я получал донесения, в которых объявлялось об ежедневном поражении противника; с другой стороны, наши части действительно продвигались вперед. Однако, беспокоясь за этот отряд, я все же непрестанно усилял его мобилизованными гвардейскими батальонами, не оставляя ни одного в своем личном распоряжении. Все же беспокоясь за его выдвинутость, я указал этому отряду лишь достичь линии предгорий,

которые господствовали над равниной, простирающейся далее на восток в сторону Акстафы. Эта линия была не далее 20—25 верст от нашей границы и некоторые части достигли ее на 4—5-й день после перехода нашей границы. Донесения присылались самого успокоительного характера и не вызывали никакой тревоги, как вдруг в одну ночь обстановка резко переменилась.

Ночью я был вызван к аппарату из Садахло и член штаба Гвардии Хараш передал мне о катастрофе. Он говорил, что весь отряд разбит, что масса частей уничтожена совершенно и рисовал очень мрачную картину. Вместе с этим он забросал меня советами, что нужно сделать для спасения. Утром к тому же аппарату меня вызвал Валико Джугели. Он также рисовал положение как катастрофическое; он указывал, что целые батальоны уничтожены, что вероятно артиллерия попала в руки противника, что остатки собираются к Красному мосту, что необходимо всю родину поставить на ноги и, по-видимому, считал положение безнадежным. Через час или два я докладывал Совету Государственной обороны эти сведения и указывал, что эти сведения, можно быть уверенными, совершенно не соответствуют действительности, что это сообщено под впечатлением неудачи, размеры которой несомненно не таковы, как доносится; что в течение ночи все разберутся и окажутся на месте и налицо.

Действительно, скоро мы получили донесения, которые свидетельствовали, что все собрались у Красного моста, что части начинают продвигаться в сторону противника. Я выехал на этот фронт. Оказалось, что частичная неудача одного гвардейского батальона, Самтредского, вызвала панический, в полном беспорядке отход всех на Красный мост, где с трудом удалось их остановить. Когда я приехал туда, то убедился, что никакое поражение не имело места. Даже более, противник не только не преследовал, но в лучшем случае остался на месте, если не ушел назад. Вообще никакой причины к отходу в один вечер на 20—25 верст не было. Курьезно было следующее. Во время боевых действий продолжались переговоры и вот я получил одну из телеграмм, в которой противник соглашался на прекращение военных действий и на начатие переговоров, если мы очистим такие-то и такие-то деревни. Эти деревни нами были очищены в эту злосчастную ночь, но противник не занял их. Это было очень курьезное требование очищения тех деревень, которые мы очистили накануне. Ясно было, что расстройство Гвардии не имело причиной поражение. Оно явилось следствием паники, нераспорядительности частных начальников и вообще следствием такой организации, какова была Народная Гвардия.

6-го мая. В два дня я образовал группу войск у Садахло из армейских частей; была поднята также и Военная Школа. Начальником этой группы войск я назначил полк. Чхеидзе, в распорядительности

и в уменьи которого правильно оценить боевую обстановку я неоднократно убедился во время войны на Кавказском фронте. Таким образом мной были образованы к этому моменту 4 группы войск на восточной границе.

1) Полковника Чхеидзе к востоку от Садахло у Керпили, 2) ген. Джиджихия к востоку от Красного моста; эта группа без боя достигла тех мест, которые она занимала до злосчастной ночи, 3) ген. Иосифа Гедеванишвили у Сал-оглы в сторону Пойлинского моста и 4) ген. Сумбаташвили у Лагодехи. 4/5 всех этих сил были сосредоточены на правом берегу Мтквари в районе к востоку от линии Садахло – Красный мост. Кроме этих сил мной были расположены два гвардейских батальона в районе Цхинвали и к северу от него с целью удержать осетинское население в повиновении и для первой встречи противника, если последний начнет наступление через Рокский перевал. Затем один батальон армейский с добровольцами – местными жителями стоял в Казбеке и прикрывал направление от Владикавказа. Один гвардейский батальон находился у Они и прикрывал Мамисонский перевал. Гагринское направление прикрывал отряд ген. Мачавариани. Кроме всех перечисленных отрядов войска ген. Вардена Цулукидзе, часть которых была введена в Аджарию, в Хуло и в Ардануч, сосредотачивались в Ахалцихском уезде на границе с Аджарией.

Как известно, Батумская область была оккупирована английскими войсками. Еще зимой 1919-1920-го года в районе Натанеби-Озургеты были сосредоточены войска под начальством Иосифа Гедеванишвили. Для чего это было сделано, мне неизвестно. Но думаю, что раз войска мобилизованы и сосредоточены, то они должны действовать. Эти же войска так и не действовали. По-видимому, клонилось тогда к тому, чтобы силой занять Батумскую область, но не рискнули; там, в Батуми, были английские войска.

Я держал войска на границах с Аджарией, ибо уже нарождался союз большевиков с Ангорой, а турки через своих эмиссаров возбуждали аджарцев против нас. Английские власти закрывали глаза, а некоторые сведения очень достоверного характера даже подтверждали, что они этому способствовали; даже произошли кровавые столкновения, повлекшие на Ахалцихском фронте окружение нашего изолированного отряда в Хуло; но об этом расскажу дальше. Итак, через два-три дня после отхода гвардейцев к Красному мосту войска на фронте Красный мост – Садахло были готовы к переходу в наступление. К этому времени я получил сведения, что против нас на этом фронте действовавшая большевистская 32-я дивизия оказалась сильно потрепанной. Кроме того, части ее были направлены в сторону Делижана. Превосходство в силах оказывалось на нашей стороне. Затем я получал сведения от нашей разведки, а также от бежавших из Азербайджана офицеров-грузин и от членов бывшего правительства Азербайджана, также бежавших от большевиков. Эти сведения ука-

зывали, что в Азербайджане далеко не спокойно; что в населении происходит брожение против завоевателей; что азербайджанские войска держатся пассивно и выжидают событий; что некоторые части их даже проявили активность; что таким образом и население, и влиятельные лидеры, и войска ждут освобождения с нашей стороны и пламенно ждут наступления грузинских войск, чтобы присоединиться к ним.

В Азербайджане в это время большевистских войск было мало; эти наши сведения оказались правильными, ибо в последующих личных переговорах наших представителей с представителями большевистских азербайджанских властей эти последние открыто сознавались, что мы свободно могли бы вторгнуться в их территорию и почти не встретить сопротивления.

Настал один из моментов, когда решается судьба государства. Требовалось смелое решение и надо было бросить меч на весы. Готовы ли мы были к такому наступлению? Я должен признать, что при создавшейся обстановке мы были готовы. Войска были мобилизованы и образовали 3-х-батальонные полки. Настроение у солдат было отличное; они понимали серьезность момента и были готовы к действиям. Наши войска достигли успеха и были на территории врага, что их окрыляло. Дисциплина в войсках была значительно выше, чем в предыдущем Ахалцихском походе 1919-го года. Довольствие было удовлетворительное, как пищевое, так и обмундирование. Вопрос о патронах был несколько слабее. Я должен здесь сказать, что количество патронов, находившихся в распоряжении Гвардии, было всегда тайной. Перед началом военных действий на заседании Совета Государственной обороны Председатель главного штаба Гвардии В. Джугели назвал цифру в 10.000.000. Потом их заведующий оружейным складом Кахиани говорил мне, что ничего подобного не было, но конечно, не назвал мне настоящей цифры их запасов. Кто из них был прав, не знаю; во всяком случае курьезно, что глава Гвардии идет на заседание, где решается вопрос о войне и мире, и предъявляет цифры, которые оспаривает непосредственно стоящий у этого дела. Правда, Кахиани требовал одновременно пополнения патронами из армейских запасов и, весьма вероятно, этим и должно объяснять его желание умалить действительное количество их запасов. Цифры патронов, находившихся в распоряжении армейских складов, сложенные с цифрами, данными Гвардией, признали на заседании Совета обороны достаточными для ведения войны. Через несколько дней войны, после отсыпания гвардейцев к Красному мосту, от Гвардии поступили требования снабдить их патронами. Мне это было удивительно, тем более, что запасы их, как докладывалось на заседании Совета Государственной обороны, были более армейских. На вопрос, почему так случилось, ответ получился, что много стреляли и все.

У нас в Арсенале были запасы турецких гильз; их попробовали для наших винтовок, оказались годными и стали их набивать. Их набивали по 30 тысяч в день. Через несколько дней после начала войны их набивали по 50 тысяч, а еще через неделю, другую их набивали по 100 тысяч в день. В тот момент, о котором я упоминаю, войска были снабжены патронами по 200 на человека; части имели свои запасы. В армейских запасах было втрое, чем я помню во время войны на Кавказском фронте в той дивизии, где я был начальником штаба; эта дивизия предпринимала наступление, во время которого она пробыла в боях в течение 3—4 недель. Имевшийся запас в дивизии за это время далеко не был исчерпан. Кроме того, у меня был опыт войны Армяно-Грузинской и Ахалцихской и я был уверен, что заявление гвардейцев, что они уже исчерпали свои запасы, не соответствовало действительности. Так или иначе, боевых запасов достаточно для того, чтобы изгнать большевиков из Закавказья; я был уверен, что население Азейбарджана, ожидавшее лишь толчка, поднялось бы.

Это мое мнение было доказано потом восстанием Елисаветполя, а также попытками некоторых частей азербайджанских войск взорвать Евлахский мост через Мтквари. Еще начиная войну, я приказал начальнику штаба ген. Закариадзе организовать взрыв моста у Евлаха. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что ген. Закариадзе в силу неизвестных мне соображений остановил приведение его в исполнение, не доложив мне ничего. Это была, может быть, частная инициатива, но инициатива, хотя и без злой воли, но вредная. Возможно, на него повлияло недовольство Председателя Правительства взрывом Пойлинского моста и он остановил это дело. Может быть, у него были другие соображения, но на мой вопрос он просто ответил, что он полагал, что в этом нет больше надобности. Другого ответа я от него не мог добиться. Надо напомнить, что в это время большевики были отвлечены действиями против Польши и Врангеля, и не могли в этот момент уделить достаточно внимания нашей стране. Я считал обстановку для нас наиболее благоприятной, как никогда в другое время. Надо было пользоваться. Несмотря на мои доводы, Председатель Правительства был склонен не продолжать военные действия.

Наконец он согласился. Я решил руководство восточным фронтом взять на себя, так как здесь должны были разыграться наиболее важные и решительные события. Я выехал на фронт. Военный Министр Г. С. Лордкипанидзе выразил желание мне сопутствовать. Мы в автомобиле приехали на Красный мост. Военный Министр пожелал лично побывать в окопах и пошел туда. Я не пошел. Я перед этим был на передовых окопах, видел положение, осмотрел местность и знал все. Военный Министр вернулся и, делясь со мной

впечатлениями, сказал, что он поражен тем, что он наблюдал. „Лучший уход за винтовкой", — говорил он, — „это когда она воткнута штыком в землю, а то и винтовки, и патронташи, и патроны, все валяется на земле в грязи". Я должен отметить, что расположение бивачным порядком было исключено из обычаев Гвардии; они не признавали походных палаток и никогда их с собой не носили. Это вызывало лишь излишние лишения для солдат и порождало среди них болезни. Отсутствие внутреннего порядка среди Гвардии не удивило меня. Бороться против этого нельзя было; это было стихийное и полное ослабление дисциплины, явление, которому способствовала сама организация Гвардии и те влияния, которые в нее внедрялись. Начался дождь; мы возвращались обратно, дороги распустились, и мы не могли ехать дальше. Мы доехали или вернее дошли до одной деревни, откуда представитель штаба Гвардии Илико Карцивадзе обещал нас доставить на лошадях или на повозке до линии железной дороги. Военный Министр и Главнокомандующий напрасно ждали 3—4 часа; на напоминания отвечали: „Сейчас, сейчас". Наконец наступили сумерки. Нам предложили остаться ночевать, я не соглашался и настаивал уехать. В это время я заметил две подводы, привезшие продовольствие. Я приказал кап. Едигарову выяснить, возвращаются ли они назад и в этом случае организовать нашу поездку назад на них. Настала ночь, шел дождь. Для Военного Министра так и не нашли комнаты; все было занято гвардейцами и потеснить их для освобождения помещения для Военного Министра власть имущим не удалось. Военный Министр решил ехать с нами. Мы поехали на вышеупомянутых подводах. Одновременно по телефону я вызвал свой вагон на железнодорожный путь к мосту, куда мы направились на подводах, так как дорога была короче, чем ехать на станцию Сандари. В дороге случилось лишь одно маленькое приключение. Мы ехали на двух повозках. Наш возница, подъехав к железнодорожной линии, которая шла в углублении, не заметил этого и мы с повозкой и с лошадьми скатились на путь. Но все обошлось благополучно. Мы общими усилиями вытащили повозку на другую сторону полотна. Я очень боялся, чтобы мой ожидаемый от Сандари вагон не наскочил на повозку. Затем мы направились к железнодорожному мосту. У моста был караул. После переговоров часовой нас признал и мы вошли в будку, откуда стали добиваться связи с Сандари, чтобы узнать, вышел ли со станции вытребованный мной мой вагон. Не успели мы этого сделать, как вагон подошел. Мы вошли и отправились на Садахло, куда в эту ночь должны были быть подвезены армейские части. Они действительно прибыли ночью.

Утром рано, проснувшись, я увидел около вокзала ряды палаток. Был солнечный день. Во всех ротах солдаты перед своими палатками чистили винтовки. Военный Министр предупредил меня. Он уже вышел и ходил между ротами. Он был поражен порядком среди армей-

ских частей. „Какое сравнение с Гвардией", – говорил он, – „это небо и земля".

Между тем, готовясь к наступлению, я уже отдал заблаговременно приказ, согласно которому войска должны были начать наступление на следующий день 19-го мая. Военный Министр и я в Садахло были 18-го мая. В этот день я получил краткую телеграмму от Председателя Правительства, в которой мне приказывалось прекратить военные действия и приступить к мирным переговорам с противником.

ГЛАВА XV

БОЛЬШЕВИКИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

19-го мая. Свершилось; большевики утвердились в Закавказье. Я сообщил об этом Военному Министру; мы вернулись вместе в Тбилиси и я подал в отставку. Однако уйти в отставку не пришлось. Военный Министр весь путь до Тбилиси отговаривал меня от этого шага. Я никак не понимал, как можно было так резко и быстро менять такие чрезвычайные решения, как вопрос о мире и войне. Это указывало или на то, что Правительство не только колеблется беспрестанно, но что оно слишком легкомысленно решает такие важные вопросы, или же что действительные решения скрывали от Главнокомандующего. Оно в лице своего Председателя указало Главнокомандующему продолжать военные действия и менее чем через 24 часа диаметрально изменило это, и это в таком вопросе, как воевать или нет. Я подал в отставку. Мне стали говорить, что мой уход создаст кризис, что в момент переговоров с большевиками мой уход, т. е. смена Главнокомандующего произведет неблагоприятное впечатление на ход переговоров, что я должен прежде всего помнить о родине и пр. и пр. Окончательный факт тот, что я остался. На предложение Н. Жордания, когда я согласился остаться, взять мой рапорт об отставке, я ответил: „Пусть останется в делах".

Это прекращение военных действий я считаю очень большой политической ошибкой. Я не буду гадать, что произошло бы, но укажу, что это был момент наибольшей слабости большевиков в Закавказье и наибольшей для них опасности со стороны Польши и Врангеля. Впоследствии мы никогда не могли бы иметь большевиков против себя такими слабыми, как в это время. Большевики, овладев Баку, пошли на Тбилиси вовсе не с тем, чтобы при первой же неудаче отка-

заться от владения всем Закавказьем. Ясно было, что они повторят свою попытку. А раз это так, то надо было воевать с ними тогда, когда они были наиболее слабы, когда обстановка так благоприятно-счастливо создалась для нас. Нетвердость власти большевиков в только что забранном Азербайджане, слабость их сил (всего 3—4 дивизии на этом фронте), враждебность населения (Ганжинское восстание), склонность к нам азербайджанских войск, война с Польшей и Врангелем, не могут не считаться данными для нас на редкость благоприятными.

Усилить свои войска большевики по условиям тогдашнего их транспорта и ввиду удаленности театра действий не сумели бы своевременно и наше успешное продвижение на Баку несомненно вызвало бы восстание горцев и, следовательно, перерыв сообщения России с Закавказьем. Быть может, я преувеличиваю благоприятные данные; пусть хладнокровная история будущего поколения взвесит беспристрастно и вынесет свое решение.

Начались переговоры и одновременно началось усиление большевистских войск в Закавказье. Представители большевиков съехались с нашими представителями в Акстафе. Эти встречи носили характер митингов; это были горячие речи, благородные жесты, воззвания к мирному труду, к антимилитаризму и пр. и пр. Все эти выкрикивания кончились небывалым. Большевики добились того, что наши войска должны были отойти назад за Красный мост и часовые большевистского Азербайджана заняли посты у мостов Красного и Пойлинского. Победитель уступил побежденному, который на тех же „митингах" открыто признавал, что не может сопротивляться нашему дальнейшему вторжению. Это была недальновидность и очень пагубная для нашего государства; через полгода она сказалась для нас самым катастрофическим образом. Переговоры принимали все более и более тревожный характер. Большевики усилялись; все это видели и чувствовали, и Правительство стало уже лихорадочно стремиться к мирному договору.

Я помню одну тревожную ночь. В Тбилисском Государственном театре давался какой-то спектакль, на котором должно было присутствовать Правительство; я тоже должен был быть. Вместо спектакля мне и Военному Министру пришлось сидеть в одной из комнат театральной администрации. Военный Министр с вокзала получил сведения, что делегация большевистских представителей, ехавшая для окончательных переговоров с нами, приехав в Сал-Оглы, уехала обратно и что передавший это известие с этой станции выехал на паровозе для доклада. Мы приняли это как знак разрыва дипломатических сношений и как предзнаменование начала военных действий. Военный Министр и я прождали этого господина на вокзале (фамилии не помню) до 3—4 часов ночи. Наконец паровоз прибыл и выяснилось, что на станцию Сал-Оглы приезжал наш представитель в Азербайджане и что, не найдя места для ночлега, вернулся обратно

в Акстафу, где в это время находилась выехавшая для переговоров с нами большевистская делегация. А тревога была большая.

Плоды нашей первоначальной ошибки, прекращение военных действий, стали сказываться. Менее чем через неделю после приказания о прекращении военных действий, т. е. 25-го мая, в Елисаветполе вспыхнуло восстание. Через два-три дня оно было жестоко усмирено большевиками. Жертвы были принесены напрасно. Не то было бы, если бы наши войска 19-го мая перешли в наступление. Но о прошлом мечтать не приходится. Переговоры с большевиками тянулись до бесконечности, закончились ничем. Мы получили право держать часовых по сю сторону Красного и Пойлинского мостов; а как же можно было иначе, ведь эти мосты пограничные; как будто мы не имели этого права до этой войны. Нефти, обещанной большевиками по этому договору, мы, конечно, не получили. Итак, наша дипломатия еще раз не сумела использовать достигнутый оружием успех и не сумела извлечь пользы из неблагоприятной обстановки, в которой находился противник. Ввиду тревожности положения войска продолжали оставаться на своих местах.

ГЛАВА XVI

ВОССТАНИЕ ОСЕТИН

Между тем назрели новые события. С Северного Кавказа через Рокский перевал перешли, якобы, большевики-осетины, подняли восстание среди наших осетин и овладели Цхинвали. Там были расположены два гвардейских батальона под начальством кап. Чхеидзе. Капитан Чхеидзе служил в армии. Главный штаб Гвардии просил меня назначить его в Гвардию для командования гвардейскими батальонами, сводимыми при совместных действиях в более крупные единицы.

Такие просьбы от них всегда исходили, когда начинались военные действия. Оно и понятно. У них была батальонная система; эти батальоны у них не сводились ни в полки, ни в бригады, что при открытии военных действий вызывало импровизацию управления. Главный штаб Народной Гвардии управлял непосредственно более чем 20–25 единицами. Это аномалия всякого управления, и была известна всем, но не организаторам Гвардии. Капитан Чхеидзе потом докладывал, как произошли эти события. Он выдвинул несколько вперед по направлению к Рокскому перевалу 1 1/2–2 роты. Эти роты стали надоедать просьбами о смене. Эти требования смены обычное явление среди гвардейских частей. Наконец капитан Чхеидзе послал им смену. Нет сомнения, охранение не соблюдалось и вот и сменяемые и сменяющие оказались окруженными осетинами. Капитан Чхеидзе хотел тотчас же прийти на помощь с остальными ротами, но оказалось, что люди остальных рот были уведены в отпуск штабом Гвардии.

„Гвардия никогда не вмешивалась в боевые действия и во власть начальников", – эта фраза очень подходит к вышеописанному факту. Таким образом, кап. Чхеидзе в нужный момент оказался без войск. Окруженные гвардейцы, конечно, были взяты в плен и отведены во Владикавказ, откуда они были доставлены обратно

лишь через 1–2 месяца, уже после заключения мира с большевистским Азербайджаном.

Кап. Чхеидзе под давлением осетин принужден был очистить Цхинвали и отойти от него на несколько верст. Насколько припоминаю, это было в июне. К этому времени обстановка на нашем восточном фронте изменилась. Большевики принуждены были после Елисаветпольского восстания отвести большую часть своих сил с нашей границы для подавления восстания, а также и для их направления против Армении.

8-го мая 1920-го г. Наши переговоры с Азербайджанскими представителями не были закончены и можно было ожидать их разрыва; требования большевиков увеличивались постепенно. Между тем надо было двинуть войска против осетин. Ввиду ослабления противника, находящегося в непосредственной близости на нашем восточном фронте, явилась возможность против осетин двинуть войска именно с этого фронта. Кроме того, наиболее скоро к Цхинвали могли прибыть войска именно отсюда. Передо мной стоял вопрос, кого взять с восточного фронта, гвардейские или армейские части. Я считал и считаю и сейчас, что наиболее опасный фронт для нас был восточный; большевики могли в любой момент прервать переговоры и начать войну. Если бы я оттуда взял армейские части, то боеспособность этого фронта понизилась бы значительно больше, чем если бы я взял оттуда гвардейские части, несравненно менее способные к войне. Цхинвальский же фронт был значительно легче, ибо там противник представлял неорганизованную толпу. Эти соображения побудили меня снять с восточного фронта не армию, а Гвардию. С восточного фронта мной было взято 6 батальонов, с артиллерией. Кроме того, я этому отряду дал нового начальника генерала Кониашвили и решил операцией руководить сам лично. Я был уверен, что мы не могли не достичь успеха и что достигнутый успех поднимет только что подорванные на восточном фронте нравственные силы Гвардии и вселит в них уверенность в себе.

С ген. Кониашвили я познакомился давно, еще когда мы были молодыми офицерами; затем мы потеряли друг друга из виду, и вновь я услышал фамилию его лишь по взятии Эрзерума во время войны на Кавказском фронте. Лично встретиться с ним на театре войны мне не пришлось. Знаю, что за бои декабрьские 1915-го года, за бои за так называемую Азапкейскую позицию, он был награжден Георгиевским крестом за взятие орудий; он в это время командовал одной из ополченских дружин. Затем помню, что после революции солдаты под конвоем заставили этого доблестного георгиевского кавалера промаршировать до Эрзерума. Встретился же я с ним уже значительно позже в 1918-м году, когда я был помощником Военного Министра; он же командовал Гвардией во время нашего

совместного с немцами наступления в Борчалинском уезде. Я в нем должен признать лично храброго и толкового участкового отличного строевого начальника. Впоследствии во время кампании с большевиками 1921 года и нашего беженского пребывания в Константинополе я с ним познакомился ближе и в своем мнении о нем мне не пришлось разочароваться.

Итак войска были двинуты на Цхинвальский фронт. Между тем из Гори местной администрацией присылались телеграммы, тон которых указывал мне, что местная администрация и население находились в сильном беспокойстве. Дело в том, что к югу от Гори также живут осетины и там было замечено брожение. Первые направленные туда войска могли прибыть лишь через 1—2 дня, почему, не дожидаясь войск, я выехал туда, зная, что мой личный приезд успокоит власти и население. Окунувшись в обстановку, я там же принял первые меры: установил сторожевое охранение против осетин, обитающих к югу от Гори, занял все переправы через Мтквари и этим разобщил этих осетин от Цхинвальских. Все эти мероприятия были исполнены силами местной Гвардии и администрации. Приехавшим броневикам указал крейсирование; затем я побывал в городе в штабе Гвардии и объявил, что завтра с утра войска начнут прибывать.

Затем, как мне ни хотелось вернуться назад в Тбилиси, я все же принял приглашение и ужинал там с представителями администрации, Гвардии и местными общественными деятелями. Это я сделал опять по своей привычке, уже давно установившейся. Я всегда принимаю меры прежде всего к успокоению участников боя, ибо они являются непосредственными работниками на поле сражения.

Уже с японской войны я заметил, что никакие приказания, никакие директивы, как бы они гениальны ни были, не могут дать таких плодотворных результатов, как успокоение тех, кто лично находится в близости с противником. Спокойствие на поле сражения, столь чреватого всякими перипетиями, составляет одно из чрезвычайно важных условий успеха. Спокойствие частных начальников моментально передается людям и, конечно, не потерявший самообладания на поле сражения быстрее и вернее разберется в обстановке. Личный приезд начальника на опасные места, да еще в момент, когда там обстановка усложняется, имеет колоссальное значение. Вот почему я выработал в себе привычку приезжать в войска и появляться в окопах. Кроме того, личное ознакомление с местностью и, вообще, с обстановкой дает громадную помощь для предстоящих и последующих действий.

Атаковать осетин я решил на широком фронте с охватом их обоих флангов. Превосходство наших сил вполне это допускало. Я отдал распоряжение подходящим батальонам и указал их сосредо-

точение таким образом, чтобы образовалось четыре наступательных участка.

Накануне дня наступления я с утра объехал всю нашу сторожевку, которую выставлял отряд кап. Чхеидзе, осмотрел позиции противника и наметил план наступления. Он вполне соответствовал сделанному мной по карте. Я только решил левую колонну усилить на два батальона. Объехав и вернувшись обратно, я продиктовал начальствующим свой приказ. Там же я распределил всех начальников по участкам. Учитывая возможность повторения случая, имевшего место у Красного моста, я решил, чтобы в каждой колонне присутствовали те или другие старшие политические начальники. В правой колонне должны были присутствовать Валико Джугели и Александр Дгебуадзе; в средней правой ген. Кониашвили; в левой колонне полк. Николай Гедеванишвили, а в средней левой, наиболее слабой и собственно служащей связью с левой колонной, я решил быть сам. Обе средние колонны должны были наступать правее и левее Цхинвали. Отдавая распоряжения, я категорически указал, чтобы войска не смели входить в Цхинвали; я боялся, во-первых, грабежа, бесчинства, мщения, которые несомненно имели бы место, особенно взяв во внимание недисциплинированность Гвардии, и во-вторых, всасывающее в себя влияние всегда оказывает взятый с боя город, что могло пагубно отразиться на последующие боевые действия гвардейцев.

14-го мая. Заблаговременно мной были командированы в этот район саперы для поправки путей и для поддержания связи. Еще за время Ахалцихского похода мне пришлось убедиться в полезной и превосходной деятельности саперов. Здесь я еще раз должен отметить их деятельность. Всюду командированные команды саперов справлялись с возложенной на них задачей. Работали на совесть.

За время объезда позиций со мной произошел неприятный случай. Мне дали лошадь из батареи Джибо Канчели. Лошадь была приличная, но потом оказалось, что она была плохо выезжена. Она не терпела впереди себя лошадей и начинала брыкаться. Это я узнал на опыте. Пока при объезде я был в голове, все шло благополучно. При возвращении представители Гвардии заджигитовали и обогнали меня. И вот началась история. Лошадь чуть меня не сбросила с седла. Свои брыкания она предпринимала несколько раз. Доехать-то, я на ней доехал до автомобиля, но в левой ноге что-то повредилось; от колена вверх я чувствовал сильную боль в мускулах и ходить мог, лишь хромая. На следующий день с утра должно было начаться наступление.

Я поехал в левую колонну, так как я там не был; я хотел лично там побывать, ориентировать начальника колонны и, конечно, мое присутствие не могло помешать делу; думаю, что присутствие старшего начальника на боевых участках, особенно в этих обстоятельствах, являлось прямо-таки необходимостью. Для того, чтобы проехать в левую колонну, надо было сначала проехать до железной до-

роги, затем ехать проселочной дорогой, переехав Мтквари на пароме. Так и сделал. Уже вечерело, когда мы переехали Мтквари. Перед Мтквари нам пришлось переезжать одно место весьма топкое, особенно испортившееся от предыдущих дождей. Долго мы бились, но наконец переехали. С нами ехал член штаба Гвардии и член Учредительного Собрания Захариа Гурули; он должен был находиться при левой колонне. Переехав Мтквари, нам оставалось проехать всего верст шесть. Несмотря на такое незначительное расстояние, мы приехали в левую колонну лишь часов в 10 ночи. Мы неоднократно грузли в грязи. А один раз так влезли, что назад автомобиль пришлось вытаскивать с помощью двух пар буйволов и быков. Я помню, что канаты, которыми мы зацепили за задок автомобиля, порвались. Уже стемнело, когда мы справились. Захариа Гурули, бывший простой солдат, говорил мне, что он удивлен моей настойчивостью, что если бы он был на моем месте, то не поехал бы в левый участок и вернулся бы назад.

В этот день к вечеру к левой колонне должны были присоединиться два батальона гвардейцев. Начальник колонны был очень обрадован их прибытию. Я переговорил с начальником колонны обо всем, а затем сказал ему, что с его колонной пойдет полк. Ник. Гедеванишвили. Окончив все дела, я приступил к лечению своей ноги. Доктор, спасибо ему, что-то с ней сделал, массировал, смазал иодом и затем перевязал накрепко. На другой день я себя чувствовал значительно лучше.

Прежде чем приступить к описанию действий, я должен сделать маленькое отступление. Это восстание осетин было третье или четвертое по счету. Каждый раз эти восстания кончались путем переговоров. На этот раз восстание оказалось более подготовленным и более обширным. „Оделия, делия до Мцхета все наше",* – напевали осетины после взятия Цхинвали.

В Совете Государственной обороны было решено жечь осетинские селения. Я протестовал и указывал, что эти меры не следует объявлять, что во время боевых действий и без того происходит много пожаров и что эти пожары произойдут и без понукания. Решили не жечь, но штаб Гвардии объявил своим батальонам жечь. Я со своей стороны решил спасти Цхинвали и предусмотрительно указал войскам направления мимо Цхинвали. В день наступления я поехал на автомобиле в левый средний боевой участок и, доехав до него, пошел полем в полосе наступления этого батальона. Меня сопровождал кап. Берелашвили, всегда мне сопутствующий, очень хороший офицер. Я шел по полевой грязи с трудом и хромая. Автомобиль же загруз в очередной дорожной топи. Я переходил с холма на холм и видел простым глазом почти все поле сражения. Пожары, постепенно вспыхивающие по направлению на север, указывали на успешность

* Народный припев.

наступления. Легкость успеха превзошла мои ожидания. За все время наступления не более 8–10 человек убитыми и ранеными. Осетины бежали при первых же выстрелах. Следуя за левым средним боевым участком я поравнялся с гор. Цхинвали. Там царствовала полная тишина. Войска проходили мимо и по всему фронту шла трескотня выстрелов, прерываемая артиллерией. Во время моего хода ко мне присоединились крестьяне соседних деревень; они мне рассказывали про бесчинства осетин. В это время я заметил, что кого-то ведут по направлению к нам. Вели два гвардейца одного осетина, взятого в плен. Когда его подвели ко мне, я увидел, что он был одет в нашу форму. Я стал его опрашивать. Выяснилось, что он был 3-ей роты Военной Школы, начальником которой я состоял до назначения Главнокомандующим. Он уверял, что был в отпуску и что месяца 2–3 тому назад пришли какие-то люди к северу от хребта и отвели его силой во Владикавказ. Я спросил его фамилию. По фамилии я вспомнил, что действительно таковой состоял у нас в унтер-офицерском батальоне; я же его вспомнил, ибо запомнил, как он однажды в неположенное для отпусков время просился у меня лично в отпуск на 3 дня. Я его отпустил и он действительно через три дня вернулся. Он просился не то жениться, не то перевезти молодую жену. Разговаривая с ним, я заметил, что он не узнает меня, вернее делает вид, что не узнает. Я его спросил, узнает он меня или нет. Он посмотрел на меня, смешался и назвал мою фамилию. Я отправил его дальше в тыл.

Я стоял на холме над Цхинвали и наблюдал бой. У меня явилось желание войти в Цхинвали, где все, по-видимому, было спокойно; можно было предполагать, что осетины оттуда уже бежали. Послать туда кап. Берелашвили удостовериться, а самому оставаться и ждать, мне не позволяла чисто военная этика. Я решил отправиться туда лично. И вот я с кап. Берелашвили спустились и вошли в Цхинвали. В этом городе раньше я никогда не был. Сначала мы шли садами и, наконец, вошли в его центральную часть. И вошли как раз вовремя. Несмотря на мое запрещение входить туда, там уже были гвардейцы, которые принялись за грабеж лавки. Мое прибытие оказалось своевременным, я лично остановил грабеж. Гвардейцы оказались разведчиками одного из батальонов. Я нашел начальника этой команды и приказал немедленно собрать команду и прекратить безобразия. Я стоял на перекрестке путей. Через несколько времени – смотрю, въезжает ген. Кониашвили со своим штабом. Я ему подтвердил свое приказание, отданное вышеупомянутому начальнику команды разведчиков. Он сейчас же пошел распоряжаться. Затем он доложил мне обстановку, из которой выяснилось, что противник по всему фронту поспешно уходит. Еще через несколько времени прибыли Валико Джугели и Александр Дгебуадзе.

Мы вошли в один дом; я развернул карту и стал давать дальнейшие указания ген. Кониашвили, который теперь вступал в началь-

ствование всем отрядом. Вследствие успеха и такого легкого, я считал свое присутствие при этом отряде уже излишним. Однако я его предупредил, что на следующий день утром я приеду к нему. Во время нашего разговора присутствовали члены штаба Гвардии. Александр Дгебуадзе был очень недоволен предыдущей ночью. Согласно моих указаний, правая колонна, при которой он был, должна была наступать по левому берегу реки Лиахвы и затем, дойдя до намеченного пункта, должна была перейти на правый берег. Река была вздувшаяся от дождей и они изрядно вымокли при переходе через нее. Это направление брало во фланг расположение противника. Еще наступая по левому берегу Лиахвы, эта колонна встретила осетин, быстро их оттеснила, оставила одну роту для их преследования, а сама, согласно указания, перешла на другой берег. Когда я давал указания, Александр Дгебуадзе стал вмешиваться и, возвращаясь к старому, он сказал, что напрасно они наступали по левому берегу и только перетерпели большие трудности при переходе вздувшейся реки, что лучше было с самого начала наступать по правому берегу. Критикуя мои предварительные указания, он употребил выражение: „У нас ум за разум заходит". Не угодно ли иметь в своем подчинении таких подчиненных. Все дело было в том, что, перейдя реку, они промокли и это в июне месяце. Я резким тоном ответил, что если бы они наступали по правому берегу, то осетины, которых они встретили на левом берегу, могли взять их во фланг и тогда он, наверное бы, понял, что следовало наступать именно так, как мной указывалось; что чтобы критиковать военные распоряжения, надо их понимать и знать военное дело. Валико Джугели вмешался и замял начинавшийся инцидент.

15-го мая. Покончив с делами, я поехал в Гори на автомобиле; меня сопровождал кап. Берелашвили. Ехали спокойно по знакомой дороге, которую я не раз уже проколесил. Въехали в селение Тквиави. Селение было окружено садами и надо было проехать версты полторы в узком проходе между высокими плетнями и заборами, пока доберешься до деревни. Мы находились шагах в 150 от домов селения, когда увидели толпу, бежавшую из деревни по дороге с криками. Одновременно раздавались выстрелы с той же стороны. Я остановил автомобиль и спросил передовых, в числе которых были и женщины с грудными детьми. Тут только я разобрал крики: „Осетины, осетины". Я стал расспрашивать их под звуки выстрелов: „В чем дело?" Они ответили, что сейчас на них напали осетины, что их должно быть много и они бегут от них. Раздававшиеся совсем вблизи выстрелы как будто подтверждали их слова. Высокие заборы не позволяли видеть, но выстрелы слышны были не далее 100–200 шагов. Я вышел из автомобиля и приказал повернуть автомобиль. Дорога была узкая и автомобиль сразу повернуть не мог; он стал маневриро-

вать взад и вперед. Кап. Берелашвили, взяв карабин, с которым он не расставался, хотел идти по направлению выстрелов. Это было бесцельно и я приказал ему остаться при мне. Между тем автомобиль никак не мог повернуть. Как всегда в таких случаях, мотор остановился. Помощник шофера никак не мог завести его, а шофер хотел выскочить из автомобиля. Я получил впечатление, что он собирается дать ходу. Я успокоил его. „Спокойно", – сказал я ему, – „делайте свое дело". Мотор наладился; мы повернули машину, я посадил в автомобиль женщину с грудными детьми и одного старика, и мы тронулись в путь под звуки продолжавшихся выстрелов. Отъехав с полверсты, я встретил автомобиль с членами Гвардии, задержал свою машину и сказал им, что на селение Тквиави напали осетины. Я проехал дальше; гвардейский автомобиль ехал за нами задним ходом. Выехав из деревни, я подъехал к следующей деревне, находившейся от Тквиави в одной версте, где находился гвардейский пост, там же был и их обоз. Я приказал старшему вывести всех людей, у кого были винтовки, и занять окраину деревни; вместе с тем я предупредил, что сейчас из Цхинвали пришлю отряд войск. Сев в машину, я направился в Цхинвали. Приехав туда, я сейчас же на грузовых автомобилях выслал туда роты; артиллерии Джибо Канчели приказал выехать за город и на всякий случай занять позицию. Вслед за грузовыми автомобилями с гвардейцами на легковом автомобиле выехал туда же В. Джугели, взяв с собой в автомобиль пулеметы.

Затем я соединился с Гори по телефону и спросил, все ли там благополучно. Там было все спокойно. Я приказал члену штаба Гвардии Гори войти в связь с Меджврисхеви и выяснить, все ли там спокойно. Через несколько времени из Гори мне сообщили сведения, которые указывали, что то, что произошло в Тквиави, была ложная тревога. Оказывается, горийский гвардейский штаб выслал конный разъезд из Меджврисхеви вдоль гор с целью наблюдения за местными осетинами. Этот разъезд был одет в бараньи коричневые папахи, такие же, какие носят осетины. Когда они подъезжали, как припоминаю, к деревне Патардзеули, то жители-грузины приняли их за осетин и бросились бежать в деревню Тквиави, где и подняли тревогу среди населения. Окрикам этого разъезда на грузинском языке жители не верили, ибо все осетины говорят по-грузински. Что касается выстрелов, то, как я выяснил, возвращаясь вновь через Тквиави, это стреляли в воздух милиционеры. Они говорили, что начали стрелять с целью ободрить и успокоить местных жителей. Я их выругал и сказал, что они достигли как раз обратных результатов и что стрелять нужно всегда в противника, а не в воздух.

Для полного подтверждения полученных из Гори сведений как раз в это время подъехал к штабу ген. Кониашвили, где находился я, грузовик из Гори и шофер доложил, что он проехал через Тквиави и что осетин там нет, но что там действительно была тревога. Я поехал в Гори. По дороге мне пришлось останавливаться в каждой де-

ревне и успокаивать местных жителей, волновавшихся и стоявших толпами на дороге. Весть о нападении осетин, оказывается, быстро распространилась и в Гори, куда я подъехал уже ночью, на окраине стояла толпа. Я успокоил и их.

Всей этой историей я себя чувствовал сконфуженным. Правда, никакой паники не создалось; но обстановка сложилась так, что нельзя было не поверить бегущей толпе жителей, которые в панике с детьми бежали и лезли в мой автомобиль. Я помню, возвращаясь с захваченными женщинами на автомобиле, я себе с трудом представлял, чтобы осетины могли совершить такой смелый, правильный и решительный маневр. Удар был направлен нам в тыл. С другой стороны слабость противника на фронте, где он исчезал быстро и где в первый день боя мы потеряли всего 3—4 человека, и относительная близость Меджврисхевского района, населенного осетинами, допускала возможность такого маневра. Однако подобный маневр не должен был быть по плечу руководителям осетин; вряд ли эти личности обладали таким умением, пониманием и решительностью в военных действиях. Я должен сказать, что если бы не я сам лично оказался в Тквиави в описанной обстановке, я никому не поверил бы, что осетины напали на Тквиави. Я помню, что в Тквиави моей первой мыслью был стыд попасть в руки осетин; действительно, Главнокомандующий в 10—12 верстах в тылу своих войск попадает в руки осетин: есть от чего сконфузиться. Конечно, большая ошибка со стороны Главнокомандующего разъезжать в районе военных действий без конвоя. Это верно; но с другой стороны, конвой вызывает расход и, главное, может часто стеснять Главнокомандующего в смысле быстроты передвижений, столь, по-моему, настоятельно необходимых при создавшихся условиях ведения войны, где личное присутствие и руководство Главнокомандующего является необходимым.

*
* *

Теперь я вернусь несколько назад и опишу несколько сцен, свидетелем которых я был в Цхинвали и которые являются весьма характеризующими гвардейскую организацию. Когда я был в Цхинвали и обсуждал предстоящие действия с ген. Кониашвили и его начальником штаба полк. Нарекеладзе, нам доложили, что тут же недалеко от этого дома в переулке нашли два трупа осетин, неизвестно кем убитых. Убиты они были пулями. Затем, когда подъехали члены штаба В. Джугели и А. Дгебуадзе и мы находились в комнате, тут же около дома раздались выстрелы. Выскочили посмотреть, в чем дело. Я не вышел, ибо знал вперед, что это буйствуют гвардейцы. Затем после некоторого шума и крика все вернулись обратно.

Оказалось, действительно гвардейцы буйствовали. Мне тут же передали случай, который только что разыгрался. Когда В. Джугели вышел на улицу, то в этот момент к нему бросился один из осетин – местных жителей с просьбой о помощи. Его хотели убить, и он, ища спасения, бросился к Джугели и обнял его. Но раздался выстрел и осетин был убит на руках Джугели, причем стрелявший гвардеец извинился перед последним, говоря: „Извини, Валико, чуть-чуть тебя не задел". Эта картина показывает, каковы были нравы, обычаи и взаимоотношения, установившиеся в Гвардии. Уже спустя долгое время мне передавали, что там же разыгрался инцидент, в котором один из гвардейцев угрожал винтовкой Джугели, желавшему воспрепятствовать буйству этого гвардейца. Я сомневаюсь, чтобы эти гвардейцы понесли наказание. И с такой организацией мечтали вести войну; с такой организацией рассчитывали побеждать. До остолбенения непонятно, как можно себе допускать такие увлечения, как можно воображать себе, что такая организация, как Гвардия, со своими столь пагубными обычаями и нравами может явиться грозной врагу и полезной родине. Такие увлечения лишь развращали армию, лишь развращали нацию. „Неужели этого не видели", – спросите меня. „Видели", – отвечу я, – „но закрывали глаза, Гвардию боялись трогать. Она доминировала в государстве". Гвардия была учреждение, в руках котòрого находилась фактическая власть в государстве.

На следующий день я приехал опять в отряд. Я застал его к северу от Цхинвали в ущелье в походной колонне; отряд не двигался. Я проехал на автомобиле в голову. Вышел из автомобиля и спросил, в чем дело, почему не двигаются. Начальник авангарда доложил, что на ближайшей высоте осетины, что вызвана артиллерия и что выслана разведка и обходная колонна. Эта высота была не далее 800–1000 шагов. Мы в голове колонны стояли совершенно открыто, тут же стояли пушки. „Да там сейчас никого нет", – ответил я, – „ведь не дураки же осетины; давно открыли бы огонь по такой вкусной цели, которую мы представляем, да еще на таком близком расстоянии. Двигайте вперед цепь и увидите, что там никого нет". Как и следовало ожидать, там никого не оказалось и колонна двинулась беспрепятственно.

Я вернулся в Тбилиси. Через 1–2 дня наши войска заняли Рокский перевал, наш пограничный пункт с большевистской Россией. Одновременно с этой операцией разыгрались операции на Онийском направлении, где действовал один гвардейский батальон с артиллерией под начальством полк. Инцкирвели.

Когда осетины заняли Цхинвали, они появились и против Онийского отряда. Несмотря на все просьбы оттуда об усилении отряда, я этого не сделал. Я предвидел, что успех на Цхинвальском направлении окажет влияние на осетин, вторгшихся в направлении на Они. Нельзя быть везде сильным. Желание быть всюду сильным

приводит к обратному явлению: везде будешь слаб. Я развил действия на Цхинвальском направлении и враг перед Онийским отрядом сразу сдал.

Итак, на восточном и северном фронте наши военные действия увенчались успехом и эти границы у нас оказались более или менее обеспеченными.

ГЛАВА XVII

На границе Аджарии. – Занятие Батуми

НА ГРАНИЦЕ АДЖАРИИ

Теперь нам предстояло разрешить Батумский вопрос. Разрешение этого вопроса являлось с точки зрения военной весьма и весьма трудным. Я помню еще по войне на Кавказском фронте, что после восстания аджарцев, поднятых Турцией, генералу Ляхову, усмирявшему это восстание и вступившему в пределы Турции, пришлось из 42-х батальонов оставить в пределах Батумской области 18 батальонов для удержания аджарцев в повиновении. Это обозначало 15 тысяч штыков и это были войска с твердо установившейся дисциплиной. Для нас эта задача являлась чрезвычайно трудной и к ней надо было приготовиться возможно осмотрительнее. Обстановка же усложнялась тремя обстоятельствами: 1) влиянием Турции, 2) влиянием английских оккупирующих властей и 3) влиянием духовенства и беков, не сочувствовавших демократическому и социалистическому направлению нашей внутренней политики, к каковой далеко не был склонен и аджарский народ со своим мусульманским мировоззрением. Так или иначе обстановка была сложная. Между тем, ясно, разрешить все тогдашние вопросы одновременно мы были не в силах. Воевать на три фронта сразу мы не могли. Медленная мобилизация армии и слабость сил противника на восточном фронте позволили мне вопрос на восточном фронте разрешить почти одними силами Гвардии. Только после их отсыпания к Красному мосту мне пришлось на восточном фронте сосредоточить и армейские части. Заключение мира с Азербайджаном, официально с которым мы воевали, и главное, слабость противника на этом фронте позволили мне ослабить в значительной мере этот фронт и взять оттуда войска, чтобы употребить частью для Цхинвальского направления, частью для сосредоточения сил вдоль Аджарской границы, где обстановка на-

рождалась такая, что требовалось открытие военных действий. Несмотря на такую сложную и, можно сказать, грозную предстоящую обстановку, требующую в ближайшем будущем полного напряжения наших сил, штаб Гвардии после Цхинвальской операции обратился ко мне с просьбой распустить Гвардию по домам.

Я здесь хочу отметить одно обстоятельство. Армия и Гвардия с мая месяца были мобилизованы. Армейские части были расположены в районе Лагодехи, на Пойлинском направлении, у Садахло, против Годердзского перевала, в Ардануче и на Гагринском направлении. Эти части бессменно стояли на своих постах и, конечно, не просили смены. У нас не было столько войска, чтобы мы могли допустить такую роскошь, как смену частей. Не то происходило в Гвардии. От штаба Гвардии вечно исходили просьбы или, вернее, требования под формой просьбы. Смена частей, постоявших на фронте, у них стала вкоренившимся обычаем, прямо законом. Они мотивировали тем, что по моему требованию в один день соберут свои части; правда, территориальность комплектования давала возможность быстро собрать на границах Аджарии сразу большое количество их, ибо одна Имеретия давала половину их общего числа батальонов, считая Ахалцихский и скрытый Батумский батальон. Организацию последнего батальона я должен отметить. В Батуми, можно сказать, на глазах английских властей штаб Гвардии сумел тайно организовать батальон гвардейцев, который через несколько часов мог сразу родиться и появиться в самом Батуми в количестве 500–600 штыков. Впоследствии генерал-губернатор Батумской области генерал Куколис был поражен и удивлен, как это укрылось от глаз его тайной полиции.

Настойчивые ежедневные просьбы о роспуске того или другого батальона, затишье полное на восточном и северном фронтах и неопределенность в отношении Батумской области позволяли уступить их просьбам и в момент мирного вступления в Батуми почти все гвардейские батальоны оказались распущенными.

Теперь коснусь Батумского вопроса. Наши войска еще в феврале вступили в пределы Батумской области и занимали Ардануч и Хуло. Чем это было вызвано, какие предварительные переговоры с английскими властями привели к частичному оккупированию Батумской области, мне не было известно. Знаю, что еще зимой на северной границе Аджарии в районе Натанеби–Озургеты были сосредоточены войска под начальством ген. Иосифа Гедеванишвили, которые должны были силой вступить в пределы области. Кажется, даже был отдан таковой приказ, но он не оказался приведенным в исполнение по неизвестным мне причинам. Вероятно, англичане не позволили. К мо-

менту моего вступления там на границе стоял 1 батальон 1-го полка. Население Аджарии в большей массе относилось к нам враждебно, особенно ее северная часть. Эта враждебность подогревалась турецкими эмиссарами, духовенством и большею частью беков, а также английскими властями, которые даже назначили главнокомандующим аджарскими войсками некоего Кискин-Заде. Такая враждебность привела к столкновениям вооруженной силой в районе к югу от Озургет и в Хуло. В первом направлении боевые действия ограничились лишь перестрелкой и даже несколько десятков пленных аджарцев попало к нам в руки. Но под давлением англичан, требовавших, чтобы мы не переходили указанной ими нам линии, боевые действия прекратились; а так как в это время на восточном фронте Гвардию охватила паника, первый полк пришлось передвинуть на восточный фронт в район Садахло. На направлении Хуло боевые действия для нас сложились совсем неудачно. В Хуло стояли молодые, срочной службы солдаты 10-го полка. Как известно, первые три роты батальонов по мобилизации образовывали 1-й батальон, а 4 и 5 роты развертывались во 2-й и 3-й батальоны того же полка. Батальоны 10-го полка мобилизовались очень медленно; материальная часть, доставляемая из Тбилиси, прибывала или чрезвычайно медленно или в микроскопических дозах. Такое явление породило то, что отряд в Хуло фактически был изолирован. Полк был усилен запасными, прибывшими на укомплектование, но 2-й и 3-й батальоны были далеко не готовы и имели в числе готовых к действию штыков весьма малое количество.

Наконец гром грянул. Отряд в Хуло был окружен открывшими боевые действия аджарцами. На помощь осажденным были двинуты со стороны Ахалцихе кое-как мобилизованные части и один гвардейский батальон. В первый день нашего наступления мы имели успех и оставалось пройти еще несколько верст, когда ночью случилась катастрофа. Войска, и Гвардия и армия, отказались идти против аджарцев и вернулись назад. Никакие уговоры не действовали. На место немедленно выехал начальник дивизии ген. Варден Цулукидзе, но не мог остановить уходящих. Гвардию местный штаб Гвардии уговорил кое-как остаться, но идти вперед они категорически отказывались. Следствие впоследствии выяснило, что первыми отказавшимися повиноваться начальникам оказались гвардейцы и что запасные армейских частей были втянуты в это преступление подстрекателями-гвардейцами. Мотив неповиновения был следующий: зачем воевать с аджарцами, когда они не хотят с нами воевать, зачем мы ввели войска в Хуло, это страна аджарцев, надо их вывести обратно. В самом Хуло отряд сдался аджарцам. Начальником их был капитан Квитаишвили. Мной были двинуты войска с других фронтов, но они не могли поспеть вовремя и подошли к границам Аджарии, когда Хуло пало. Совет Государственной обороны постановил, что ввиду необеспеченности восточного фронта, где мир еще не был заключен, и действий на

Цхинвальском и Онском направлении, военных действий против Аджарии пока не начинать. Я совершенно был согласен, ибо наше вторжение частичное до падения Хуло я считал возможным: мы имели повод, мы должны были подать помощь осажденным и боевые действия приняли бы лишь местный характер, подобно столкновениям по линии Натанеби–Хуло. После же падения Хуло наше наступление принимало характер общего вторжения, к которому, ввиду неокончания действий на восточном фронте, мы не были готовы.

Двинутые на Годердзский перевал части являлись лишь прикрытием нашей границы; это являлось необходимым ввиду полной неготовности к боевым действиям стоявшего здесь 10-го полка. Насколько припоминаю, туда были двинуты 8-й и 11-й полки, которые должны были послужить ядром нашего возможного будущего вторжения в Аджарию со стороны Ахалцихе.

Вернусь к событиям. Как я указал выше, Гвардию удалось остановить, но солдаты 10-го полка в количестве 400 человек, которые должны были наступать на Хуло, без офицеров, двинулись назад. Как всегда, я это известие получил ночью вызовом к телеграфному аппарату. У аппарата рядом со мной находился В. Джугели. Ген. Цулукидзе из Ахалцихе передал вкратце подробности происшедшего у Годердзского перевала и доложил, что он исчерпал все средства остановить эти 400 человек, и испрашивал указаний. На мое указание, что прежде всего необходимо эту взбунтовавшуюся толпу обезоружить, он ответил, что у него нет средств, ибо из оставшихся в Ахалцихе солдат он может рассчитывать лишь на 50 человек, что завтра утром часов в 7–8 утра эти 400 человек подойдут к Ахалцихе. Во время переговоров по аппарату выяснилось, что, присоединив чинов администрации, можно получить человек 100–120. Тогда я категорически приказал разоружить эти 400 человек и тут же указал и способ. Я указал вывести эти 100–120 человек из Ахалцихе навстречу взбунтовавшимся, расположить их с пулеметами в 3-х верстах от Ахалцихе, в ущелье, и когда взбунтовавшиеся втянутся в ущелье, то предложить им положить оружие. Ахалцихе выражал неуверенность, но я вновь категорически приказал в точности исполнить мое приказание и по разоружении всех арестовать и нарядить следствие. Я прибавил по телефону, что приеду в Ахалцихе. Мне ответили, что в точности исполнят. Наш разговор по аппарату кончился. Я был уверен в успехе, ибо после 30-верстного марша взбунтовавшиеся должны были охладеть в своем первоначальном порыве; для меня ясно было, что эти 400 человек действуют под подстрекательством лишь нескольких человек, и увидя себя окруженными с гор верными долгу солдатами, да еще с пулеметами, непременно без сопротивления положат оружие. Так оно и вышло.

На другой день утром эти 400 человек были обезоружены и посажены в тюрьму. Из этих 400 человек по постановлению чрезвычайного суда 9 человек были расстреляны, но один из них во время приве-

дения приговора суда в исполнение бежал. Я прибыл в Ахалцихе, откуда направился на Годердзский перевал, где осмотрел части и поблагодарил тех из них, кто остался верен долгу. Затем в Ахалцихе я посетил тюрьму и обратился к нарушившим свой долг со словом. Я им сказал, что я не умею как их назвать, так как то преступление, которое они совершили, не имеет названия. Это не есть измена, ибо они не перешли на сторону противника, это не есть не убийство, ибо они никого не убили. Они совершили такое преступление, названия которому на грузинском языке нет, ибо грузины никогда не совершали такого преступления. Они в тот момент, когда их товарищи, их братья, их родственники самоотверженно защищают нашу землю и гибнут за них на поле сражения; когда их товарищи, братья, родственники сидят в Хуло окруженные врагами и ждут пламенно их помощи, они в этот момент этим товарищам сзади, из-за угла нанесли в спину удар ножом. Что родина, их семья, жены, матери и сестры, старики и дети, все, все с надеждой и тоской ожидали их подвигов для их защиты; и они им вместо защиты также нанесли удар в спину. Таков был смысл моей речи. Я едва владею грузинским языком, но видел, как у некоторых по щекам текли слезы. Уже здесь в Париже я слышал от г-жи Чхенкели, что ей крестьяне говорили про меня и передали, что я в этот момент им говорил настоящие слова, которые всех их растрогали до глубины сердца. Я всегда любил и люблю наших солдат; наши солдаты удивительно совестливы; они горячи, страстны, потому часто заблуждались, но преступники настоящие, злые очень редки между ними. Любовь к родине, к своему очагу, к порядку в них очень сильна, и я с твердой верой смотрю на будущее нашей родины; не раз она страдала под чужеземным игом, но никогда не погибала; в народе сильно развито чувство сохранения своего рода, своего отечества и он будет принят в круг цивилизованных народов, где займет не последнее место.

16-го мая. Спустя некоторое время боевые действия на восточном и северном фронтах закончились. Помимо заключенного мира мы были обеспечены от вторжения тем, что армия была мобилизована и нас уже не могли застать врасплох. За эти фронты можно было быть спокойным и я теперь мог обратить все свое внимание на разрешение Батумского вопроса. С этой целью я сосредоточил войска вдоль аджарской границы. Было образовано три группы: 1) под начальством ген. Иосифа Гедеванишвили в районе Натанеби–Озургеты, 2) ген. Цулукидзе в районе Годердзского перевала и 3) полк. Вачнадзе в районе Ардануча; эта группа подчинялась ген. Цулукидзе. В резерве у меня находилась 1) почти вся Гвардия, правда распущенная, но большая часть которой в три дня могла сосредоточиться в районе Натанеби–Озургеты, 2) Военная Школа в Тбилиси, всегда готовая выступить, 3) скрытый Батумский батальон и 4) один гвар-

дейский батальон, который должен был жить в железнодорожном эшелоне, каждую минуту готовый двинуться в путь: потом выяснилось, что этот батальон без моего ведома был распущен по домам штабом Гвардии. Таким образом сосредоточив свои войска, я был готов в любую минуту вторгнуться в Аджарию. Так как инициатива действий принадлежала нам, то я мог более чем 3/4 всех наших вооруженных сил направить против Аджарии, вторгшись в нее с трех сторон. Более сильного напряжения мы дать не могли. Кроме того, сухопутные действия могли быть подкреплены и действием нашего небольшого флота, обладавшего достаточной подъемностью для производства десанта и для его питания. Это тоже было предусмотрено. Между тем, по-видимому, Правительство вело переговоры и с англичанами, и с аджарцами. Я, как всегда, не был в курсе этих всегда тайных переговоров: меня обыкновенно в эту „святую святых" не посвящали. Приведу один из примеров такого положения вещей. Некто Маркозов формировал дивизию из грузин на северном Кавказе: я об этом знал от нашей разведки и принимал соответствующие меры против этого. Каково же было мое удивление, когда я совершенно случайно, вернее нечаянно, узнал, что Маркозов формирует эту дивизию для нас, с целью в решительный момент перейти на нашу сторону: и это делалось с ведома Правительства, но это было сохранено в тайне от меня, Главнокомандующего. Судите сами, какие роковые последствия могли произойти от этого.

Я готовился к войне с Аджарией и совершенно не был в курсе, что есть возможность мирной передачи Батуми нам. Я был в высшей степени удивлен приезду в Тбилиси с такими полномочиями полк. Стокса, о существовании которого ничего не знал.

ЗАНЯТИЕ БАТУМИ

Полковник Стокс приехал и передал мне, что Батумская область передается нам. Между тем наши войска, стоявшие вдоль Аджарской границы, повсюду имели перед собой аджарцев, сидевших в окопах. Я уже говорил, что аджарцы были настраиваемы против нас турками, а также влияли против нас беки и духовенство, и местные английские власти. После приезда Стокса последнее отпадало, даже может быть могло оказаться нам благоприятным, но последнее парализовалось тем, что англичане оставляли территорию Батумской области и это обстоятельство приводило к нулю благие пожелания англичан. Таким образом предстояла трудная операция и весьма деликатная. Надо было занять Батумскую область, но так, чтобы не произошло кровавого столкновения. Этого требовал полк. Стокс. Последнее превратилось бы в войну и создало бы сложную политическую обстановку, весьма чреватую последствиями, самыми неожиданными. Мы присоединяли к себе аджарцев, как наших соплеменни-

ков и могло оказаться, что эти соплеменники открыто и с оружием в руках не хотели присоединения к нам. Эти обстоятельства побуждали меня лично руководить этой операцией, полувоенной и полуполитической, если так можно выразиться.

Согласно заявления полк. Стокса, мы в Батуми должны были вступить 7-го июля. Аджарскую же границу мы могли перейти 1-го июля. Я не знаю, какими соображениями руководствовались английские власти. Было ли здесь желание их в случае, если при нашем первоначальном вступлении 1-го июля разыгрались бы кровавые события, помочь нам влиянием, а быть может, и войсками и флотом; или может быть, это было сделано с целью посмотреть, как отнесутся к этому аджарцы и затем действовать как раз наоборот. Это была для меня тайна. Я должен был быть готов к этим обеим возможностям. Поэтому я решил действовать осмотрительно, быть начеку и самому быть на месте в момент перехода границы. Вместе с этим я попросил полк. Стокса присутствовать при нашем первоначальном вторжении. Он выразил полную готовность. Для подготовки этой операции я вызвал ген. Мдивани, нашего представителя в Батуми при английских оккупационных властях, в Натанеби, куда и я выехал с целью детально установить все подробности нашей операции.

Я здесь сделаю маленькое отступление. Как только стало известно, что Батуми передается нам, ген. Мдивани прислал свой проект занятия Батуми, а именно мы должны были занять Батуми с моря, высадив туда десант, посаженный на суда в Поти. Этот вопрос даже дебатировался в совете Государственной обороны, но я его сумел убедить, что этот способ очень трудно исполним, чрезвычайно деликатен и чреват большим количеством неожиданностей, чем вступление по сухому пути. Я не буду говорить о всех подробностях, почему это так, но скажу одно, что десантная операция всегда труднее и деликатнее действий по сухому пути. Допустите одну возможность, что в момент посадки и выхода в море десанта аджарцы перешли бы в наступление. Несомненно мы оказались бы в этот момент лишенными тех войск, которые вышли в море; а мы не обладали таким количеством войск, чтобы допустить такую роскошь. Генерала Мдивани я знаю давно. Это милый и обаятельный человек в личных и служебных отношениях. Перед войной он командовал славным Эриванским гренадерским полком, с которым и выступил на западный фронт. О его боевой деятельности на западном фронте я ничего не могу сказать, так как не был свидетелем. В 1915-м году он был назначен бригадным командиром, помощником начальника дивизии, той дивизии, где я был начальником штаба. Он был у нас очень короткое время, когда никаких боевых действий не было. Затем он был назначен начальником штаба 4-го Кавказского корпуса и в 1916-м году летом этот корпус генерала Де-Вит участвовал в отраже-

нии Галлиполийской армии, перевезенной на Кавказский фронт и пытавшейся с юга прорваться на Эрзерум. Наш же отряд состоял из 2-х пехотных дивизий и одной пластунской бригады. Этот отряд в начале боев потерпел неудачу и был в отступлении, когда мой начальник ген. Воробьев, по приказанию ген. Юденича, вступил в командование этим отрядом. Я автоматически вступил в должность начальника штаба этого отряда. Нам удалось поправить дело и, перейдя в наступление, неоднократно нанести поражение противнику. Таким образом мы действовали рядом с 4-м корпусом, где начальником штаба был ген. Мдивани, и я должен признать, что в то время, когда у нас в штабе нередко были недовольны действиями нашего правого соседа, против нашего левого соседа, а именно 4-го корпуса, мы ничего не могли сказать и этот корпус действовал весьма планомерно и успешно, что нельзя не поставить в заслугу его штабу, начальником коего был ген. Мдивани. В 1918-м году ген. Мдивани был назначен ген. Лебединским в Батуми, где комендантом был ген. Александр Гедеванишвили. Плена он избежал и приехал в Тбилиси; долго был не у дел. Перед нашей войной с Арменией он был назначен вторым помощником Военного Министра и о его деятельности ничего не могу сказать, так как был в отставке. Затем он был назначен нашим представителем в Батуми и мы встретились по операции, которую описываю. Вызвав его в Натанеби, я попросил в вагон и ген. Иосифа Гедеванишвили, обрисовал им обстановку и план предстоящей операции и тут же, чтобы впоследствии не произошло каких-либо недоразумений, продиктовал обоим один и тот же текст всех деталей предстоящего исполнения. Выяснив все вопросы, я вернулся в Тбилиси.

Согласно намеченному плану, часть войск ген. Иосифа Гедеванишвили должна была стянуться к железной дороге и сесть в вагоны; людям объявлялось, что идут в Поти. Затем на рассвете 1-го июля мы должны были сменить индусский караул у Натанебского моста, а эшелоны Иосифа Гедеванишвили должны были следовать дальше на Батуми поездами, имея в голове и между собой броневые поезда. При установлении места достижения нашими войсками в этот день я указал Кобулеты. Это давало нам возможность иметь наши войска в тылу известной сильной Цихисцзирской позиции в случае, если спохватившиеся аджарцы захотели бы занять эту позицию для боя с нами. Посты вдоль линии железной дороги должны были бы быть заняты Гвардией и армией, а часть войск ген. Гедеванишвили должна была остаться на границах против аджарцев, занимавших окопы.

На рассвете 1-го июля я был на месте, стоял на границе и пропускал броневые поезда и эшелоны. В эшелонах орудия стояли в полной готовности открыть огонь с платформы или же, спустив их быстро на землю.

Около нас оказался выехавший из Батуми Копали, журналист; присутствовал также полк. Стокс и Гамбашидзе, сопровождавший полк. Стокса из Лондона. Эшелоны через каждые 15 минут проходи-

ли в молчании мимо нас; индусы собирали свои вещи и садились в готовые для них вагоны. Мы все должны были тронуться в последнем броневом поезде. Все происходило в безмолвии; создалась торжественная молчаливая обстановка. Я стоял на мосту и ожидал, не произойдет ли выстрела, этого вестника вооруженного столкновения. Но, слава Богу, все было тихо. Успокоенный, я обратился к Копали с просьбой сказать экспромтом стихи. Он продекламировал по-грузински. Нами всеми сразу овладело оживленное настроение. Стих был очень удачен. Конечно, мы его не перевели полк. Стоксу. „Дадга ивлиси, мидис инглиси" – „Настал июль, уходит Англия".

Затем на броневике мы проехали в Кобулеты. Здесь войска уже высадились и расположились биваком. Я обошел части, а затем один из офицеров снял нас всех в общей группе. Удостоверившись, что все идет благополучно, что аджарцы не проявляют враждебности и что необходимые для нас и выгодные пункты заняты войсками, я вернулся в Тбилиси.

До 4-го июля, дня нашего следующего скачка, все было тихо и спокойно в районе оккупированной Аджарии. По-видимому, аджарцы отказались от сопротивления. Мы получили сведения, удостоверяющие, что среди аджарцев происходит раскол, что многие аджарцы, находившиеся в окопах против нас, бросали их и возвращались к своим мирным занятиям.

4-го июля мы совершили намеченный переход в Борцхану. Я в сопровождении полк. Стокса присутствовал, и мы ехали на броневике Гогвадзе. Все опять обошлось благополучно. Мы прибыли в Борцхану. Войска выгружались и располагались биваком. Я с сопровождавшими лицами зашел в сад, где находился ресторан. Мы с вечера ничего не ели. В это время приехал ген. Мдивани, и мы все сели за стол. Мы закусывали, когда к воротам ресторана подъехал автомобиль, из которого вышли два английских офицера.

Приехавшие из Батуми мне сказали, что это генерал-губернатор Батумской области генерал Куколис. Ясно было, что он приехал встретить войска. Мы встали из-за стола, и я пошел к нему навстречу. Не знаю, намеренно или нет, он небрежно пожал мою руку, проходя, и подошел к ген. Мдивани и другим, с которыми поздоровался весьма вежливо и стал с ними разговаривать. Я вернулся к столу, оперся на него и стал ждать. На эту невежливость по отношению к Главнокомандующему я должен был реагировать. Я был любезен, пошел к нему навстречу и несомненно просил бы его к столу. Я очень сожалею, что этого не случилось. Через некоторый промежуток времени он обратился ко мне через переводчика с некоторыми вопросами, я отвечал сухо. Вопросы и ответы носили следующий характер, приведу один или два: „Доволен ли ген. Квинитадзе размещением войск?" „Пока доволен", – отвечал я. „Сколько войск ген. Квинитадзе предполагает ввести в Батуми?" „Столько, сколько понадобится", – отвечал я. „Я спрашиваю", – продолжал ген. Куколис,

— „чтобы знать, хватит ли помещений для них". „Если не хватит в казармах", — отвечал я, — „станут биваком". Подобный разговор, конечно, не мог быть продолжителен, и он уехал. Полк. Стокс вечером, встретившись со мной, спросил меня, что произошло между мной и ген. Куколисом. Я объяснил подробно. По-видимому, он удовольствовался моим ответом. Когда мы вступили в Батуми, ген. Куколис во время парада был очень со мной предупредителен и, обходя совместно с ним войска английские и наши, он все время ставил меня в положение принимающего парад. Он был верхом; я был пешком, ибо мне неверно передали, что я должен быть пешком. Видя это, ген. Куколис спешился. Вечером на рауте меня посадили с ним рядом. Я старался также с ним быть любезным. На следующий день Гамбашидзе убедил меня быть у него с визитом на пароходе. Я был у него с Гамбашидзе. Он ответил мне тем же. Принял на палубе, где он в тот момент находился, не просил садиться, не просил в кают-кампанию. Я очень в душе сердился на Гамбашидзе, но делать было нечего, надо было пилюлю проглотить. В тот же день или на следующий я был на крейсере, сопровождая Евг. Петровича Гегечкори, который представлял Председателя Правительства. На этот раз мы попали в кают-кампанию, где нам предложили, кажется, чай и виски.

7-го июля войска вступили в Батуми. При входе в город, украшенный аркой, войска были встречены многочисленными депутациями и хлебом-солью. Я принимал приветствия и хлеб-соль. Затем стали вступать в город. Уже несколько пройдя и вступив в город, мы были встречены членами Учредительного Собрания с Исидором Рамишвили во главе. Он обратился ко мне с приветственной речью. Я слез с лошади. Затем мы продолжали марш. Народ высыпал на улицу и стоял сплошной стеной. С тротуара, с окон, с балкона, отовсюду бросали цветы. Лично я получил несколько букетов; молодые девицы подходили ко мне и, конфузясь, вручали цветы. Проезжая по улице, я в толпе вдруг заметил одну свою знакомую, которую я знал еще до Русско-Японской войны и встречал в городе Беле Седлецкой губ. Это была Елизавета Львовна Плещеева. Я приостановил лошадь и заговорил с ней, затем продолжал свой путь. Она потом при встрече говорила мне: „Георгий Иванович, вы остались совсем таким, каким я я вас помню; такие же манеры, даже лошадь так же остановили и заговорили со мной, как это делали всегда раньше, когда вы катались на своей лошади". „Вы знаете", — продолжала она, — „вы в толпе подняли мои фонды, все удивились, с кем это Главнокомандующий разговаривает". А мне просто было приятно встретить знакомую, которую не видел 15—16 лет и в доме родителей которой я часто бывал.

Затем был парад, который был назначен в 6 часов. Войска были выстроены шпалерами вдоль улицы, на которой находится дом коменданта крепости. Около этого дома были водружены два столба, на которых развевались английский и французский флаги. Под са-

лют пушек и гимны эти флаги были спущены и на том столбе, где развевался английский флаг, был взвит наш родной национальный флаг, в углу малинового поля которого красиво выделялись белый и черный цвета, символ радости и жертвы на кизилово-малиновом бранном поле. Было от чего прийти в восторженное состояние. Восторженные крики потрясали воздух и заглушали звуки грохота салюта и музыки. Генерал Куколис поздравлял меня, я благодарил. Затем начался церемониальный марш. Войска прошли мимо нашего представителя Правительства Ев. Петр. Гегечкори и салютовали. Все было оживлено. На всех лицах была радость. В этот день, вступая в город и во время парада, я видел слезы на лицах многих грузин — старожилов Батуми.

После прохода наших войск ген. Куколис просил меня стать на другое место и пропустить мимо меня английские войска, став во главе их. После парада я едва успел переодеться, чтобы попасть на банкет. Этот банкет затянулся чуть не до утра.

На следующий день Ев. Петр. Гегечкори взял меня с собой и мы поехали на броненосец к начальнику английской эскадры. Нам оказали знаки почета; на палубе был выстроен караул и адмирал встретил нас, любезно попросил к себе в помещение, где предложил бокал за процветание Грузии. Ев. Петр. ответил, а затем по любезному предложению адмирала мы обошли и рассматривали вооружение броненосца. Пушки и вообще броненосец произвели на Ев. Петр. и сопровождавших его членов Учредительного Собрания большое впечатление. Кажется, Ев. Петр., а может быть, кто-нибудь другой даже сострил: ,,Что это такое, будут в нас стрелять — будем отвечать". Дело в том, что у нас в Поти как-то из-за чего-то произошел инцидент с одним из морских начальников, кажется, английским. Я подробностей не знаю, ибо был не у дел. И вот на угрозу бомбардировки ответили или хотели ответить, право не знаю, эту самую фразу: ,,Будут обстреливать, ответим". Это наши маленькие истребители будут отвечать.

Наконец, мы собрались уходить. С нами был Гамбашидзе. На палубе был выстроен почетный караул. Я намеренно отстал от Ев. Петр. Гегечкори шагов на 12—15, как раз на длину стоявшего караула. И вот почему. Гамбашидзе мне несколько раз говорил, что почет англичанами оказывается мне как военному, а не Ев. Петр. Я сомневался и полагал, что это относится к представителю не высшей военной власти, а к представителю Правительства. Вот поэтому я задержался, давая время пройти Ев. Петр. Когда он прошел караул, я двинулся вперед. Как только я подходил к караулу, офицер, начальник караула, что-то скомандовал и матросы звякнули ружьями и повернули головы ко мне. Этого они не делали, когда к ним приблизился Гегечкори. Этим я удостоверился в словах Гамбашидзе, но и удивился военным обычаям Англии. Они, оказывается, не военным не отдают чести.

Когда мы отчалили от броненосца, то с него начали салютовать из пушек и все на броненосце приложили руки к головному убору, а на мачте взвился наш флаг. В лодке я стоял и, конечно, держал руку у своего головного убора. Выстрелов я не считал, но что-то было много; наверное, до двадцати, если не больше. В тот же день вечером я уехал в Тбилиси.

Генерал-губернатором Батумской области был назначен Тбилисский городской голова Чхиквишвили, а в помощь ему по военной части был назначен ген. Мдивани. Еще в Тбилиси во время обсуждения этого вопроса Чхиквишвили просил моего совета, кого взять себе в помощники и назвал ген. Иосифа Гедеванишвили. Я категорически отсоветовал. Ген. Иосиф Гедеванишвили 15 лет не был военным, забыл то, что знал, и конечно, был сильно отсталым в военном отношении. Я посоветовал оставить ген. Мдивани, который, правда, давно, но занимал пост начальника штаба Батумской крепости; затем он был там в 1918-м году и в ближайшее к сдаче Батуми время, знает там местность, и народ, их представителей, и наконец, в военном отношении несравненно выше ген. Иосифа Гедеванишвили и по образованию, и по служебному опыту. Чхиквишвили согласился и ген. Мдивани был назначен начальником всех войск, введенных в Батумскую область.

Хочу отметить одно. Когда обсуждался в Тбилиси вопрос о нашем вступлении в Батуми, Военный Министр Гр. Сп. Лордкипанидзе очень интересовался, как долго я останусь в Батуми, и все настаивал, чтобы я оттуда уезжал как можно скорее. Я сначала не понял, отчего этот вопрос его интересует, и потом только догадался. Если бы я остался в Батуми, то Правительство не знало бы, как установить наши взаимоотношения с генерал-губернатором; подчинить его мне по „их соображениям" никак нельзя было, а если бы я там остался долго, то боялись, что между мной и им могли произойти трения. Я успокоил Военного Министра обещанием остаться там не более одного, двух дней. В Батуми Гегечкори также спросил меня, не уеду ли я с ним вместе. Я уехал вместе с ним в одном поезде. Может быть, я ошибаюсь в своих соображениях, тем лучше. Но было желательно тогда знать настоящую причину желания, ясно выраженного, чтобы я там долго не оставался. Вообще, наша правящая партия считала недопустимым, чтобы кто-нибудь из членов их партии мог бы оказаться подчиненным военному. Кажется, вернувшись в Тбилиси, я отдал распоряжение остальным войскам вступить в пределы Батумской области. К этому времени аджарцы, сидевшие в окопах против нас, разошлись по домам. Еще будучи в Батуми, я выслал один батальон занять Аджарис-Цкали. Между тем Кискин-Заде, главком аджарских войск, с несколькими десятками своих сторонников ушел в Турцию. Вероятно, через неделю я выехал в Батумскую область с целью объехать войска и область, и на месте выяснить положение.

Войска к этому времени беспрепятственно вступили в область и заняли Артвин, Борчху и Хуло. Население не выказывало никакого недружелюбия. Из Батуми я на автомобиле проехал через Борчху в Ардануч и в тот же день успел вернуться в Артвин, куда приехал ночью и где ночевал у любезного начальника Артвинского округа, князя полк. Цулукидзе, бывшего офицера Грузинского конного полка. На следующий день я был в Батуми. За эту поездку в Ардануч перед самым этим городом произошел маленький инцидент с автомобилем. Мы взбирались по проселку по косогору, чтобы затем спуститься к казармам. Косогор оказался сильнее, чем мы думали, и автомобиль стал постепенно сдавать, скользить в кручу. Я приказал остановить машину, и мы все слезли. Затем прошли пешком и прислали солдат помочь автомобилю. Из Батуми я решил проехать Батумскую область по Ахалцихе-Батумскому шоссе через Хуло. Вместе с этим я хотел проехать к Председателю Правительства, который находился в Абастумане. У меня было место в автомобиле, и я предложил бывшему в это время в Батуми Пете Кавтарадзе проехать со мной через Абастуман в Боржоми. Он с удовольствием принял предложение. В Батуми у меня оставался свободный вечер после возвращения из Артвина и я принял приглашение Семена Гургеновича Мдивани на ужин, устраиваемый Джото Шервашидзе, которого я совершенно не знал. Я очень не хотел идти к незнакомому мне человеку, но Семен Гургенович мне показался несколько обиженным и мы поехали. Среди гостей были Чхиквишвили, Петя Кавтарадзе и кто-то еще, и две дамы. Ужин был, как все такие.

На другой день я поехал через Хуло. Остановку я делал всюду, где были войска и лазареты. Я всюду говорил с солдатами и повсюду они на меня производили прекрасное впечатление. Я прямо ими любовался. Не доезжая Хуло, я заметил 4-й полк, в котором много людей было босых. В Хуло я тоже видел полки. Во всех частях я к солдатам обращался со словом и моя речь кончалась да здравствует Грузия и „Ваша" нашему Правительству. Уже в сумерки мы достигли Годердзского перевала, где я видел одну из рот 8-го полка. От них я отъехал уже в темноте и подъехал к 8-му полку, расположенному ниже к востоку от Годердзского перевала и ожидавшему меня. Обойдя шпалерами вдоль шоссе выстроенные роты, я их всех приветствовал, а потом собрал всех вместе и обратился с речью довольно длинной. И здесь я почувствовал отличное настроение у людей. Полк был собран вокруг меня; я стоял возле шоссе на небольшом возвышении, освещенный автомобильными фарами. Я начал свои слова тем, что привез им хорошие вести, а именно, что Батуми теперь наш, присоединен к Грузии и без пролития крови. Я им передал наши успехи за летние месяцы в Осетии и особенно на нашем восточном фронте, где нам удалось не только отразить нападение

большевиков, но разбить и отогнать их от нашей границы до Акстафы.

Впоследствии я прочитал в одной грузинской газете корреспонденцию одного из присутствовавших, описывавшего это событие и обещавшего в следующей статье рассказать, как и что им, солдатам, говорил их Главнокомандующий и как солдаты были в восторге от этого посещения. Но в следующих номерах газеты было полное молчание, вероятно, по указанию свыше.

Дальше я проехал в Абастуман, куда приехали поздно ночью. Я телеграфировал местной администрации отвести мне помещение. Мне отвели в гостинице два номера, в которых стояло по одному столу и по два стула. Кроватей не было, а вместо них стояли досчатые, ничем не покрытые тахты. Мы там кое-как переночевали и на другой день утром я был у Председателя Правительства, которому и сделал подробный доклад обо всем, что произошло и что видел в Батумской области. Я ему доложил, что все военные пункты в наших руках и что аджарцы не выказывают враждебности. Сейчас же от него я поехал в Боржоми. Подъезжая к Ахалцихе, нам захотелось есть, и мы заехали туда. Я воспользовался случаем и осмотрел цейхгаузы полков. Затем, собираясь куда-нибудь в ресторан поесть, мы были приглашены подп. Отхмезури обедать к нему. Потом выяснилось, что его на это настроил Петя Кавтарадзе. После обеда к вечеру мы прибыли в Боржоми, откуда в ту же ночь я поехал в Тбилиси. Утром я приехал в Тбилиси, а вечером моя жена, которая была на сносях, легла в больницу Кико Меликишвили и родила дочь.

Через два-три дня я должен был вновь выехать в Батуми. Там произошла тревога. Произошло следующее. Ген. Мдивани должен был частями своих войск занять Мокриали. Я ему советовал не употреблять для этого 1-й полк, который и так был разбросан. Один батальон стоял в Аджарис-Цкали, а два его других в Батуми и едва справлялись с крепостными караулами. Лучше было ему для этого употребить 4-й полк, вызвав его из Хуло. Потом оказалось, что обувь полка была в таком состоянии, что двинуть его можно было лишь в экстренном случае. Зачорохский же край, правда, нами не был пройден, но там все было спокойно и понемногу утверждалась администрация. Выходы же из Зачорохского края были в наших руках, а именно Борчха, Аджарис-Цкали и селения к югу от последнего, а также мост через Чорох. Разведка доносила о полном спокойствии в этом краю. Опасности решительно никакой не было, край был спокоен. Если паче чаяния турки, с которыми у нас был заключен мир, попытались бы нарушить его, на что не было никаких указаний, и захотели вторгнуться в наши пределы через Батумский округ, они этим делали бы вызов Англии, передавшей нам Батумскую область. Им пришлось бы атаковать наши отряды, расположен-

ные в Борчхе, Артвине и Ардануче. Иначе они не могли действовать, так как дороги из Турции шли через вышеназванные пункты. В такой местности, как Аджария, дороги и ущелья диктуют для выбора операционных линий. Могли они, что было почти невероятно, двинуться через Мокриали по берегу моря, игнорируя Борчху. В этом случае они попадали в невыгодное положение, так как упирались в крепость Батуми, прикрытую к тому же рекой Чорохом, и подставляли себя фланговому удару и даже в тыл со стороны Борчхи и Аджарис-Цкали. Таким образом их скопление в Зачорохском крае без владения Артвином, Борчхой и Аджарис-Цкали было для них очень опасно и невероятно. Между тем произошло следующее.

Была предпринята разведка в сторону Мокриали со стороны Борчхи и эта разведка встретила какого-то „противника" верстах в 3–4 от границы; так и не выяснили, кто это были, разбойники, контрабандисты-аджарцы, турки или аджарцы, бежавшие с Кискин-Заде. Наши разведчики были обстреляны с горы во фланг; это был недосмотр частного начальника. И вот я получил телеграмму из Абастумана от Председателя Правительства. Содержание ее не помню, но категорически приказывалось очистить Зачорохский край и занять Мокриали. Я ответил, что немедленно еду на место и тотчас же выехал.

Приехал в Батуми утром и только стал разбираться в обстановке, как мне сообщили, что Председатель Правительства просит меня и Чхиквишвили к аппарату. Разговор с Председателем Правительства носил следующий характер. Удостоверившись, что мы у аппарата, Председатель просил ответить на следующие вопросы. Дословно я их не помню, но суть сводилась к следующему. Был ли ген. Мдивани назначен начальником всех войск, расположенных в Батумской области, знал ли он об этом и мог ли самостоятельно передвигать эти войска. На эти вопросы можно было ответить только утвердительно. „Теперь слушайте мои приказания", – продолжал Председатель Правительства. Затем последовали удивительные приказы. Я должен предварить, что вместе с нами у аппарата находился также и личный секретарь Председателя Правительства Георгий Цинцадзе. Председатель Правительства приказывал отставить от должности ген. Мдивани и назначить другого, и занять Мокриали; не помню, еще что он приказывал. Свои приказания он начал пунктом, предписывающим его секретарю Цинцадзе наблюдение за исполнением его приказаний. Последнее указание особенно знаменательно. Личный секретарь будет следить за исполнением приказаний, отданных Главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики, т. е. мне, и генерал-губернатору Батумской области, т. е. Чхиквишвили. Мне никакого труда не стоило встать от аппарата, уйти; уйти совсем от службы. И быть может, это было бы хорошим уроком Председателю Правительства в будущем не позволять себе третировать личность Главнокомандующего. Но мысль, что меня сочтут за гордеца,

поставившего выше всего свое личное самолюбие, остановила меня. Кроме того, чем были виноваты войска, уже получившие предварительные приказания для действий и в решительный момент оставшиеся без руководства. Я думал также о ген. Мдивани, которого необходимо было выручить, и если бы это не удалось, тогда я поставил бы вопрос о моем уходе со службы. Ген. Мдивани также оказывался жертвой странных, чтобы не сказать больше, приказаний, совершенно не вовремя разгорячившегося Председателя Правительства, когда весь инцидент не стоил ни гроша. Эта твердость характера Председателя не имела ни основания, ни причины. Основания не имела, ибо твердость характера должна выказаться в момент какого-либо кризиса, чего в действительности не было. Причины также не было, ибо ген. Мдивани не был виновным в том, что диктатор снабжений войск, назначенный лично Председателем Правительства, не сумел справиться с делом снабжения войск и 4-й полк, который давно исполнил бы эту задачу, не мог двинуться, ибо был без обуви. Имея привычку быть всегда вежливым, я доложил свои соображения о невиновности ген. Мдивани в этом инциденте. В своих словах я совершенно не указывал, что назначение Георгия Цинцадзе следить за мной является грубостью, еще более усугубленной тем, что она была незаслуженной. Чхиквишвили присоединился к моему ходатайству относительно ген. Мдивани. Все было тщетно. Председатель Правительства оставался непреклонным. Я перестал говорить по аппарату. Конечно, я не отставил ген. Мдивани. Последнему я сказал, что после операции в Зачорохском крае я поеду к Председателю Правительства и добьюсь отмены этого приказания. Ген. Мдивани был удивлен таким решением Председателя Правительства и говорил, что он будет очень рад этому, что он служит лишь потому, что этого хочет Правительство, что он кроме ежедневного мотания нервов ничего не получает от службы.

Между тем мной уже были отданы соответствующие распоряжения для операции в Зачорохском крае против невидимого врага. 4-й полк был двинут из Хуло в Аджарис-Цкали. Одновременно я приказал категорически Хозяйственному комитету доставить пассажирской скоростью обувь; это было исполнено. На следующий день я поехал в Аджарис-Цкали посмотреть подходящий полк. Полк оказался почти весь буквально босой; я видел у некоторых окровавленные ноги от перехода, и я не слышал ни одного ропота. С болью в сердце я отдавал это распоряжение о передвижении босого полка и с громадной радостью я констатировал безропотную выносливость нашего солдата. Я благодарил полк и сказал, что завтра у них будет обувь. В обещанный день я лично, имея сзади грузовик с обувью, привез эту обувь и полк тронулся в поход.

В Зачорохский край войска должны были вступить по 3-м направлениям: 1) вдоль моря из Батуми, 2) от Аджарис-Цкали на Мокриали должна была прорезать этот край колонна 4-го полка и

3) от Борчхи по ущелью на Лиман, т. е. по тому направлению, где перед этим произошла стычка наших разведчиков, направленных от Борчхи.

4-му полку приходилось идти тропинками и обоз колесный за ним следовать не мог. Вьючного обоза у нас не было. Я обещал командиру полка через день привезти ему продовольствие морем. На следующий день колонны тронулись и в тот же день достигли намеченных пунктов, т. е. прошли насквозь Зачорохский край. Правая и средняя колонны абсолютно не встретили никакого врага, да его там и не было. Левая, шедшая от Борчхи, имела перестрелку опять с неизвестным врагом и без труда выгнала его за наши пределы. Я полагаю, что это были просто приграничные разбойники, которые, скрываясь от властей, переходят из одного государства в другое. Эти банды всегда существовали на Персидской границе Российского государства и на эту границу каждое лето высылались команды разведчиков, которые неоднократно с ними сцеплялись. Согласно данного обещания, я отправил в Мокриали шаланду с продовольствием для 4-го полка и сам поехал туда на истребителе. Истребитель не мог пристать к берегу, и мы спустились на берег на лодке местного лаза. Возвращаясь назад, мы немножко вымокли, ибо волнение несколько посвежело, но все обошлось благополучно. Как я и ожидал, противника в Зачорохском крае не оказалось, и Председателю Правительства незачем было так сильно волноваться.

Из Батуми я проехал в Абастуман, куда благодаря скверному автомобилю приехал лишь к ночи. Докладывая обо всем, я просил Председателя Правительства оставить Мдивани на своей должности, тем более что события показали, что в Зачорохском крае противника не оказалось и там все было спокойно, и не требовало экстренного и чрезмерного напряжения сил и энергии войск. Он в конце концов согласился, но затребовал письменное объяснение от ген. Мдивани. Там же на докладе выяснилось, что горячность Председателя Правительства имела основанием тревожную телеграмму Чхиквишвили, который телеграфировал непосредственно Председателю Правительства, указывая, что вследствие незанятия Зачорохского края, там собираются силы противника, что администрация там не может водвориться и что создается угрожающее положение для Батумской области. Мне представляется, что прежде чем вообще доносить об этом Председателю Правительства Чхиквишвили следовало обратиться ко мне, это первое, а второе то, что, как и показали события, его телеграмма не соответствовала действительной обстановке. Председателю Правительства я докладывал и раньше, и теперь говорил, что занятие Мокриали, на чем он так сильно настаивал, вовсе не могло нас предохранить от этой стычки, которая имела место в ущелье между Борчхой и Лиманом в 3–4 верстах от турецкой границы. Те-

леграмма же Чхиквишвили просто чрезмерно лишь встревожила Председателя Правительства, мало разбиравшегося в военных делах. Впоследствии, при следующей встрече, Председатель Правительства, ознакомившийся с докладом ген. Мдивани сказал мне, что в происшедшем (что такое произошло) виноват я, так как я не позволил двинуть 4-й полк. Даже и в том случае, если бы обставновка была такова, что требовала немедленного действия, ген. Мдивани мог распорядиться движением 4-го полка, подчиненного ему, и потом мог мне донести, что сделал; и это было бы правильно даже и тогда, если бы ген. Мдивани получил мое категорическое приказание не трогать 4-го полка, ибо обстановка повелевает. Но такие тонкости были не по плечу нашему Председателю Правительства. Если бы я стал оправдываться, оказался бы обвиненным ген. Мдивани, как не воспользовавшийся своими правами. Я этого вовсе не хотел и не стал доказывать; только указал, что обстановка вовсе не была такова, чтобы заставить прогуляться босой полк десятки верст. Действительный виновник был тот, кто был поставлен во главе снабжения войск и который не дал вовремя обуви 4-му полку. Но это был их человек и по их обычаям не мог быть обвинен. Я после неоднократно имел доказательства, что их люди не могут быть виноваты и что они прежде всего ищут виновных где-либо в другом месте, но не среди своих. Главное же то, что Председатель убедился фактами в том, что тревога, произведенная телеграммой Чхиквишвили, совершенно не соответствовала действительному положению вещей. Чхиквишвили же должен был, прежде чем доносить Председателю Правительства, посоветоваться со своим помощником по военной части, тем более что дело касалось войск. Обвинение меня Председателем Правительства для меня было безразлично, и я уже давно привык к тому, что переубедить предвзятые мысли наших правящих, даже касающиеся военного дела, вещь немыслимая. Ген. Мдивани был оставлен на месте, и я, успокоенный, уехал в Тбилиси. После этого в Батумской области никаких осложнений не происходило, что служит лишним доказательством, что происшедший инцидент был лишь обыкновенной пограничной стычкой, не имеющей под собой никакой политической почвы.

ГЛАВА XVIII

Бунт солдат Лагодехского гарнизона. – Совет Государственной Обороны

БУНТ СОЛДАТ ЛАГОДЕХСКОГО ГАРНИЗОНА

Теперь я приступлю к описанию одного события, происшедшего в войсках, расположенных в Лагодехии,* не то в июле, не то в августе, сейчас не могу припомнить. Лагодехский отряд состоял из 6-го полка и гвардейского Кахетинского батальона с соответствующей артиллерией; в состав его входила конная сотня, организованная из добровольцев местных жителей, явившихся со своими лошадьми. Отрядом командовал ген. Сумбаташвили. В начале наших столкновений этот отряд был организован с целью прикрыть нашу границу со стороны Закатальского округа, куда по нашим сведениям направлялась часть сил большевиков. Этот отряд должен был быть готов к вторжению в Закатальский округ и таковое последовало бы, если бы не приказ Председателя Правительства 18-го мая о приостановке военных действий. В Закатальском округе, к сожалению, в его восточной части живут ингилойцы, сородичи грузин по племени. Эта часть населения желала присоединения к Грузии; другая часть Закатали, если не желала, то была индифферентна. Эта другая часть были лезгины, и они всегда были во вражде с приграничными жителями кахетинцами; эта вражда сложилась исторически. Кахетинцы с большой охотой готовились к вторжению. Однако в начале и в середине мая ввиду незаконченной мобилизации армии и Гвардии мы не могли развить здесь наступательных действий. Когда же мы приготовились, то начались переговоры. Большевики вступили в Закатальский округ так же, как они перешли нашу границу у Красного моста. По договору, заключенному Правительством Москвы с нашим представителем Уратадзе, Закатальский округ входил в состав Республики Грузии,

---

*В восточной Грузии.

которую большевистская Россия признавала „де юре". Большевики, вступая в Закатали, нарушили договор, и наше туда вторжение означало войну с большевиками, с которыми мы начали мирные переговоры и с которыми мы отказались вести боевые действия 18-го мая.

Эти обстоятельства побуждали нас на Закатальском фронте держаться пассивно, ожидая разрешения мирных переговоров. Переговоры велись с красным Азербайджаном. Часть закатальского населения просила нас к себе и даже вооруженной рукой встретила наступавших большевиков. Мы не могли им помочь, сначала потому, что не были готовы к войне, а потом потому, что возникла бы новая война с большевиками, чего наше Правительство желало избежать. Как я указывал раньше, мирные переговоры ни к каким реальным результатам не привели и через полгода большевики без объявления войны вторглись в пределы Грузии.

Как я отметил раньше, солдаты 6-го полка как кахетинцы по своей психологии, давно установившейся, рассматривали лезгин Закатальского округа, как исконных врагов; большевиков же они рассматривали как русских и к ним неприязни не чувствовали. Поэтому, когда им приказали не вступать в пределы Закатали, то таковое не отвечало их желаниям. На этой почве среди солдат родилось некоторое неудовольствие и почва оказалась более или менее благодарной для большевистской пропаганды; однако не в смысле насаждения большевизма, а в смысле ненужности войны с русскими, которые заняли Закатали. Как и на фронте против Хуло, так и здесь инициаторы появились в гвардейском батальоне. Они сумели подстрекнуть Гвардию к открытому неповиновению, а затем то же самое произвели в армейском полку. Так же, как и против Хуло, гвардейцев уговорили к повиновению, а армейский полк, под воздействием подстрекателей, бросил позиции и угрожал командному персоналу. Командование было спасено от насилия благодаря некоторым единицам, оставшимся верным долгу, как например, артиллерии, пулеметчикам, разведчикам. Эти части были расположены около штаба и охраняли их. К счастью, взбунтовавшиеся не прервали телеграфного сообщения и я вовремя узнал о происшедшем.

Здесь в Лагодехи беспорядок был в более обширных размерах, командование отряда было осаждено, почему для усмирения надлежало повести туда надежные части. Я назначил к отправлению Военную Школу и один гвардейский батальон, причем я просил штаб Гвардии назначить надежный батальон. Они назначили один из Тбилисских батальонов, находившийся у Красного моста. Эти части были экстренно двинуты на Лагодехи через Цнорис-Цкали. В глубине души я был уверен, что взбунтовавшиеся, узнав о приближении частей, назначенных для их усмирения, покорятся, но я все же не исключал возможности и вооруженного столкновения. Вот поэтому

я, отправляя Школу, обошел все роты унтер-офицерского батальона. Я объявил людям, куда они идут и для чего они идут, совершенно не скрывая ни цели их назначения, ни обстановки. Солдаты с двух слов понимали меня и выражали полную готовность исполнить свой долг и научить уму-разуму неповинующихся. В некоторых ротах, как только я начинал им говорить, они тотчас же отвечали: „Понимаем, господин генерал, не беспокойтесь, научим уму-разуму". Я любовался этими солдатами и был прямо восхищен, что такие результаты были достигнуты в Школе всего лишь в продолжение 6—7 месяцев. Значит, основы воспитания, принятые в Военной Школе, были правильны.

Военная Школа вечером следующего дня после получения донесения о разыгравшихся в Лагодехи событиях была в Цнорис-Цкали. Я в дороге еще до Чолоубинского ущелья догнал их своим поездом. Гвардейский батальон должен был подойти ночью.

Не могу не отметить следующего обстоятельства. Гвардейский батальон от Красного моста двинулся в составе около 300 штыков. Проезжая через Навтлуг 70 человек слезли с вагонов и, объявив, что они потом догонят, пошли к себе по домам. Не правда ли явление очень показательное?

На следующий день Школа тронулась на Лагодехи; за ней несколько позже пошел гвардейский батальон, выступления которого я не подождал и отправился догонять Школу. Я ее нагнал на Алазани на большом привале. Переход был очень утомительный. Шли по пыльной дороге под палящим солнцем Алазанской долины. По приезде еще в Цнорис-Цкали, а затем ночью и утром, я связывался с Лагодехи, и хотя оттуда утешительных вестей не было, но командный состав был цел и взбунтовавшиеся держались лишь угрожающе. Прибыв на Алазани, я вновь связался с Лагодехи; я вез с собой телеграфный аппарат. Вести были те же. Теперь я был окончательно уверен в том, что все кончится благополучно. Выслав вперед конный взвод капитана Макашвили, состоявшего при Школе, я немного погодя тронулся за ним. Школа должна была переждать жару и затем следовать на Лагодехи. В это время к месту, где я стоял, стал подходить гвардейский батальон. Но как он подходил. Это была вереница людей, растянувшихся на несколько верст. Люди подходили по одному и располагались под тенью деревьев, где кто хотел. Я сидел у дерева и наблюдал. Недалеко от меня подошел один старик, по-видимому, взводный, с сердцем сбросил с себя амуницию и выругался: „Ах, вы такие-сякие, ни взвода не знаете, ни роты". Стала подходить Школа. Указав командиру гвардейского батальона следовать за Школой, я сел в автомобиль и поехал догонять конный взвод. Таким порядком мы приближались к Лагодехи, когда я получил от конного взвода первые сведения о „противнике". Это была одна из рот 6-го полка. Эта рота продолжала оставаться в сторожевом охранении против Закатали. Но она тоже участвовала в бунте, хотя не состояла в числе тех, кто непосредственно осаждал штаб ген. Сумбаташвили.

Затем выяснилось, что их телефонная станция стоит в ближайшем к шоссе доме. Конный взвод захватил станцию и тронулся дальше, а через некоторое время стала подходить Школа. Уже наступала ночь. В это время по направлению из Лагодехи показались огни автомобиля; затем из конного взвода прискакал всадник и доложил, что это ген. Сумбаташвили и представитель штаба Гвардии Чиабришвили. Стало ясно, что все кончилось благополучно. Приехавшие доложили мне, что бунтовщики покорились и выдали зачинщиков. Тут же они мне сказали, что один из наиболее важных главарей находится в той роте, которая все еще несла сторожевую службу и в тылу которой мы сейчас находились. Я забыл упомянуть, что я приказал вызвать по телефону ко мне офицера этой роты, причем приказание передавал их телефонист, но под угрозой не говорить, кто вызывает и что здесь происходит; около телефониста стоял офицер с револьвером, готовый размозжить голову телефонисту, если тот начнет ненужные разговоры. Офицер прибыл. Я приказал одной из рот Школы, взяв этого офицера проводником, отправиться и арестовать роту, и особенно того главаря, который скрывался в рядах роты. Рота отправилась и исполнила; никакого инцидента не произошло. Главарь пытался бежать, но был схвачен. Его привели ко мне. Я стал его расспрашивать. Он отвечал робко и так тихо, что его едва было слышно. Я сказал: „Почему ты здесь так тихо говоришь, а вчера на митинге у тебя голос был сильный". „Товарищи сказали мне, чтобы я говорил громче", – отвечал он.

Генералу Сумбаташвили я приказал завтра выстроить все части, но чтобы единицы, оставшиеся верными долгу, были выстроены отдельно от бунтовщиков. Затем я уехал ночевать в Цнорис-Цкали в свой вагон. На следующий день я приехал в Лагодехи. Войска были уже выстроены. Я забыл указать, что во время нашего марша на Лагодехи ко мне присоединился член Учредительного Собрания Исидор Рамишвили. Я обходил части, здоровался и благодарил от лица Правительства тех, кто остался верен долгу. Затем я обратился со словом к бунтовщикам; с ними я не здоровался. Я их стыдил и указывал всю преступность их поведения. Исидор Рамишвили хотел также обратиться к ним со словом, но я просил этого не делать. Он исполнил мою просьбу. Я считаю, что с провинившимися солдатами должен говорить только их начальник.

Затем я вызвал офицеров 6-го полка и в слове к ним я указал их главную вину, а именно то, что они не чувствовали заранее тех событий, которые назревали: что они должны чувствовать и знать, чем живет и болеет солдат, и что если бы это было так, то высшее начальство приняло бы меры предупреждающего характера и было бы избавлено от применения никогда не желательных мер карательного характера. Затем я посетил арестованных, которым также сказал соответствующее слово, видел зачинщиков, помещенных отдельно, но

с этими не говорил. После обеда, предложенного полк. Тавадзе, я уехал в Тбилиси.

Чрезвычайный суд, рассмотрев дело, присудил к смертной казни 9 человек, а остальных я перевел по частям в другие полки. Так кончился этот второй инцидент. Несмотря на эти два бунта, один у Хуло, а другой в Лагодехи, я должен признать, что вообще в частях армии дисциплина в это время была несравненно выше, чем за время Ахалцихского похода в предыдущем 1919-м году. Эти два бунта были безобразным исключением на всем фоне армии, между тем как за время Ахалцихского похода подобные явления происходили почти во всех частях. Должен отметить, что в обоих этих событиях сыграли фатальную роль для армии подстрекатели из Гвардии. Отмечу и то, что дезертирство, так сильно распространенное в предыдущие годы, почти не имело места.

Когда ввиду успокоения на всех фронтах некоторые призванные сроки запасных были уволены в продолжительный отпуск, то солдаты мне говорили, что если у Родины есть надобность в них, то они останутся и будут нести службу. Какая разница от вечных просьб штаба Гвардии распустить их. Вот, кажется, все наибольшие события кампании 1920-го года за время моего начальствования. Читателю, вероятно, не трудно угадать, что половину своих дней я провел в разъездах.

*
* *

Была у нас еще одна так называемая операция. Приграничные жители Азербайджана, воспользовавшись, с одной стороны, слабостью пограничников, с другой, неопределенностью нашей с Азербайджаном границы и слабостью нашего административного аппарата, еще с начала революции стали переселяться в Караязские леса, не признавая нашей власти. Надо было выдворить их на свою территорию. Эта операция была поручена командовавшему этой группой войск генералу Иосифу Гедеванишвили. Сначала произошли вооруженные столкновения. Следовало наказать их за это, для чего надо было их захватить. К сожалению, я не поехал лично туда для руководства. Я дал довольно точные указания, но ген. Гедеванишвили отвлекся от точного исполнения данных указаний и жители со всем своим скарбом, со всеми своими стадами улизнули и успели перейти границу.

В августе месяце настало время, назначенное для роспуска солдат унтер-офицерского батальона по полкам унтер-офицерами. Но в совете Государственной обороны, беспокоясь за возможность в Тбилиси большевистского выступления, находили, что этот батальон надо оставить, так как он представляет наиболее верную и надежную часть, на которую Правительство всегда может положиться. Этого же

мнения был и В. Джугели, заявивший, что Военная Школа единственная надежная часть. После заседания я не мог не заметить ему, что солдаты унтер-офицерского батальона такие же грузины, как и в других частях, но что поставленные в правильные рамки воспитания, являются по его же мнению надежным элементом, что этого мы достигли всего на протяжении 6—7 месяцев, что наши методы воспитания, основанные на чувстве долга перед Родиной, несомненно, вернее его, Джугели, методов воспитания, результаты которых неоднократно мы видели в его организации, в Гвардии. Вряд ли я его убедил.

СОВЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ

Теперь я коснусь одного вопроса; это Совета Государственной обороны. Это учреждение было образовано по моей инициативе. Предлагая учреждение этого органа, я далек был от того, чтобы это учреждение превратилось в то, во что оно превратилось. Это учреждение должно было ведать вопросами общей обороны страны и, конечно, не должно было вмешиваться в операции. Между тем оно превратилось в орган, висевший над Главнокомандующим, и надо было много характера, чтобы в ведении операций избегнуть его влияния. Главнокомандующий каждый день по утрам докладывал, что произошло со вчерашнего дня и что предпринимается. Естественно, вдавались в обсуждение и предлагались те или другие мероприятия, может быть, даже лучшего достоинства, но их было всегда много, да еще во время обсуждения являлись еще новые и новые мнения. Я по этому поводу как-то высказался даже в Совете, говоря, что всякий совет для обсуждения военных действий очень вредное явление и что, чем члены этого совета умнее, тем они вреднее, ибо является столько умных мнений, что трудно определить, которое предпочтительнее. Я боролся против такого оборота вещей, и Совет, спохватившись, что в военные действия он не должен вмешиваться, не постановлял, что нужно сделать то-то и то-то или что нужно перейти в наступление там-то и там-то; однако Совет избрал другую форму. Он постановлял „обращаем внимание Главнокомандующего на такое-то направление". А так как обращалось последовательно внимание на все направления, то отсюда ясно вытекало, что случись что-либо неблагоприятное, то Совет оказывался бы правым, ибо он своевременно обращал внимание Главнокомандующего. Отсюда ясно, как трудно Главнокомандующему не подчиниться этому влиянию и справиться со своей деятельностью вполне самостоятельно. Он вечно находился под этим Дамокловым мечом „обращаем внимание" и пр. Лично я всегда стремился придерживаться строго выработанного плана и прилагал усилия, чтобы не обращать внимания на эти „обращаем внимание". Во всяком случае это учреждение постепенно превратилось в тормозящее и как бы связывающее по рукам и но-

гам Главнокомандующего. Совет Государственной обороны хотел все знать, все обсудить, все решить и таким образом из дающего руководящие директивы учреждения превратился в разрабатывающее детали учреждение. С ним повторилась та же история, как и с крупным военным начальником, который, явившись на боевой участок младшего начальника, стал бы решать задачи этого начальника, забыв общее управление. Нельзя все объять. Я должен добавить, что на эти заседания часто приходили лица, не принадлежавшие к составу Совета. В. Джугели часто приводил на эти заседания членов штаба Гвардии. Видя их появление, я всегда говорил В. Джугели: „Очевидно, что-то важное для Гвардии сегодня ставите на обсуждение". Я не думаю, чтобы члены нашего Правительства не видели отрицательного влияния этого учреждения. Они должны были наблюдать всегдашнее явление на заседаниях Совета Государственной обороны, где члены Совета постоянно делились на два лагеря: в одном был Главнокомандующий, в другом все остальные. Постепенно психологически создавалась атмосфера какой-то постоянной критики действий и распоряжений Главнокомандующего, какого-то подстерегания. В Совете Государственной обороны получались два лагеря, ибо не военные, как не понимающие военного дела, не могли знать и понимать дела не своей специальности и естественно при обсуждении становились в оппозицию. Постепенно это создавало сначала шероховатости, а затем и враждебность. Я неоднократно чувствовал себя на этих заседаниях в положении даже травленного зверя и никогда не чувствовал со стороны остальных членов доброжелательства, вообще, доброго, содействующего отношения. Я всегда получал впечатление, что члены Правительства только ждут, чтобы за что-либо прицепиться ко мне. Схватки бывали очень часты, ибо в горячности у нас недостатка нет.

Однажды такая схъатка разыгралась в значительную историю. Я уже указал, что эти трения постепенно портили личные отношения. Совет Государственной обороны получил из Государственных сумм 300 000 000 руб. на ведение военных действий, и вот Джугели внес заявление о выдаче Гвардии 147 миллионов на ее нужды, т. е. на обмундирование, на обувь, на продовольствие и пр. Конечно, никакой сметы не было представлено, если бы Военное Ведомство внесло такое требование, как это и бывали случаи, то начинался подробный разбор каждой статьи, каждой рубрики. В. Джугели это требование подал на четвертушке бумажки, помню угол был оторван. Заканчивая вкратце свой доклад, сказал, что если деньги даны не будут, то Гвардия не выйдет на поле сражения. Это было сказано и никто не реагировал. Без прений стали голосовать. Я голосовал за. Я не считался с формой. Я верил штабу Гвардии и был уверен, что эти деньги пойдут на дело, на нужды, а это время было такое, когда не следовало экономить и трястись над деньгами. Председательствовал Гр. Сп. Лордкипанидзе. У меня был ряд вопросов, которые с пре-

ниями и без прений решили так или иначе. Был у меня еще один вопрос.

Дело в том, что Правительство, на одном из своих заседаний, без моего присутствия, постановило, согласно возбужденного ходатайства Министерством путей сообщения, лишить Главнокомандующего права требовать себе паровоз при поездках в направлении на запад. На восток можно было. Это вызывалось, как они говорили, недостатком топлива и желанием увеличить продолжительность эксплуатации железных дорог. При этом, если являлась для Главнокомандующего необходимость выехать в западном направлении, он должен был испросить разрешения у Правительства получить паровоз или прицепить вагон к пассажирскому поезду. Ясно, сколько потери времени это вызывало, не говоря уже о том, что Правительство могло не найти мотивов к выезду Главнокомандующего отдельным поездом и во всяком случае могло вызвать споры и это, естественно, связывало Главнокомандующего. Кроме того, Главнокомандующий в случае его нахождения не в Тбилиси должен был, значит, сноситься с Правительством по телеграфу и ждать разрешения вопроса; происходила неизбежная потеря времени, могущая оказаться катастрофической; добавлю, что выезд Главнокомандующего, событие несомненно важное, становилось известным заблаговременно всем и каждому, а значит, через шпионов и врагу. Главное, Главнокомандующий оказывался лишенным свободы передвижения. На восток поезда ходили редко, и потому Главнокомандующему оставили право требовать паровоз в этом направлении; на запад же ходило достаточно поездов, по их мнению, и надобности в отдельном паровозе не было. Каждому ясно, что свобода передвижения Главнокомандующего должна быть обеспечена в полной мере. Я об этом постановлении узнал случайно; мне понадобилось ехать и я получил отказ в наряде отдельного паровоза. На этой почве с одним из чиновников железнодорожного Ведомства, неким Бокерия, разыгралась целая история; но об этом я скажу несколько подробнее после. Помимо связывания свободы передвижения Главнокомандующего это постановление было неправильно и по существу. Дело в том, что на восток от Тбилиси ведут несколько шоссе и Главнокомандующий не нуждался в паровозе, тогда как на запад от Тбилиси шоссе шло лишь до Мцхета. Я доложил, что это постановление Правительства должно быть изменено, ибо оно ставит Главнокомандующего в невозможное положение. Я объяснил подробно, в чем именно дело. Мне сейчас кажется странным, что такие истины приходилось доказывать. Касаясь расхода топлива, я с карандашом в руке доказывал, что если я каждую неделю буду требовать паровоз, то я должен буду ездить таким образом в продолжении целых пяти лет для того, чтобы сократить общую продолжительность движения на две недели или на месяц, точно не

помню. Надо думать, что мы пять лет не воевали бы. Мне возражали, но, конечно, не по существу, а просто говорили, что состоялось постановление Правительства и что изменить его нельзя, а надо исполнять. Завязался спор. Взял слово В. Джугели и сказал следующее: „До того, пока я не выслушал генерала Квинитадзе, я думал, что Главнокомандующему не так важно пользоваться свободой передвижения, но теперь после его доклада я нахожу, что действительно Главнокомандующий должен пользоваться этой возможностью в полной мере. Но, – закончил он, – так как ген. Квинитадзе требует это в ультимативном тоне, я голосую против". Так говорил человек, член Совета Государственной обороны, человек, имеющий право участия в заседаниях Правительства. Итак, не существо, а тон, личность докладчика побуждала его к голосованию за или против вопроса.

Спор продолжался. Я не помню всего, что было сказано тем или другим лицом. В общем, за свободу передвижения Главнокомандующего был один я. Генерал Александр Гедеванишвили, конечно, меня не поддерживал. Ген. Одишелидзе начал с того, что Главнокомандующий должен иметь свободу передвижения, но затем из дальнейшей речи, как это всегда бывает с ним, нельзя было разобрать, чего он придерживается. Спор сделался страстным. Я требовал пересмотра Правительством этого вопроса и его изменения. Гегечкори возражал. Благодаря страстности подавались тем или другим лицом реплики, что еще более разгорячало участников спора. Была, например, такая реплика ген. Одишелидзе: „Мы знаем, что ты и В. Джугели оба храбрые, подеритесь на дуэли". В этом споре, наконец, и Гегечкори упрекнул меня, что я черезчур ультимативным тоном предъявляю свои требования. Такая несправедливость меня окончательно взорвала. Я заметил, что я никаких ультиматумов не предъявляю, в моих словах никаких угроз нет, а лишь доказываю, что постановление Правительства, касающееся этого вопроса по отношению Главнокомандующего, неправильно и надлежит это исправить. Но что сегодня на этом же заседании действительно имело место предъявление ультиматума, но не с моей стороны, а со стороны В. Джугели, требовавшего отпуска денег и объявившего, что в случае отказа денег, Гвардия не выйдет на поле сражения. Что при предъявлении этого ультиматума никто не заикнулся об этом, но что почему-то мне навязывают предъявление ультиматума, каковый я не делал вовсе. Закончил я предложением реагировать на ультиматум В. Джугели и добавил, что этого никто не посмеет сделать. Гегечкори, вероятно, почувствовал мой справедливый упрек, вышел из себя и стал кричать, говоря, что он, как замещающий Председателя Правительства, заявляет, требует занесения в протокол своего заявления и считает мое поведение недопустимым. Он это кричал, ходя по кабинету. Я встал, подошел к нему и спокойно сказал: „Чего вы кричите". Он сразу успокоился и ответил уже сильно упавшим голосом едва

слышно: „Я не кричу". „Вот так и говорите", – заметил я. Затем, успокоившись, он спросил меня, получил ли я в последнюю свою поездку паровоз беспрепятственно. Я ответил, что да. „Вот видите", – сказал он, – „никакого трения и потери времени не было, ибо мной было отдано распоряжение заранее, чтобы вам всегда подавали по вашему требованию паровоз, а мне лишь докладывали по исполнении". Это, конечно, не было решение вопроса, ибо сам Председатель или следующий, кто его заместит, мог не подтвердить этого приказания по забывчивости или же, может быть, потому, что не находил бы это нужным и приказание Ев. П. Гегечкори собственно было частным обходом существующего постановления и могло послужить поводом Министерству Путей Сообщения не исполнять, собственно, по существу незаконного дополнительного приказания давать мне беспрепятственно паровоз. Да, наконец, если нашли нужным фактически обходить постановление Правительства и этим подтверждалась необходимость дать Главнокомандующему свободу передвижения, то почему же не изменить это стесняющее всех постановление. Почему? Есть многое почему. Ответ всегда будет: тайна, тайна и тайна или же ясно, ясно, все ясно.

Происшедшее назовите спор, стычка, произвело на всех тяжелое впечатление. Мне было очень горько в душе констатировать такое недружелюбное, если не враждебное, чувство по отношению к моей личности. В. Джугели несомненно сознавал это, ибо, выслушав только что сказанные слова Ев. П. Гегечкори тоном, в котором чувствовалось много крайнего сожаления, сказал, обращаясь к Гегечкори: „Что же ты раньше не сказал это; не случилось бы то, что случилось". Характерно. Оставляю на душе Е. Петр. то, что он не сказал сразу того, что сказал после. Правда, это не решало окончательно вопроса, но столкновения, этого для всех тягостного явления, не произошло бы. Заседание кончилось. Я чувствовал, что не могу оставаться в среде, враждебность которой так резко выявилась.

На другой день В. Джугели внес предложение во время заседания Совета об исключении из протокола всего, что просилось внести в протокол накануне. Все согласились, и решено было все вычеркнуть из протокола. Я подал в отставку. Опять начались разговоры, что я создаю ненужный кризис, что время еще критическое (это было в начале августа), что по существу мое требование относительно паровоза (как будто это могло быть причиной моей отставки) исполнено и пр. Все это мне говорил симпатичный Гр. Спир. Лордкипанидзе, Военный Министр. Наконец, он мне стал говорить, что Евг. Петр. крайне сожалеет, что позволил себе повысить голос, что он уполномочил мне это передать и т. д. Эти разговоры велись долго, должно быть, дня два. Между тем и я поколебался в своем решении уйти в отставку. У нас на всех фронтах уже было полное спокойствие; мы уже отпустили в отпуск часть запасных и можно было ожидать, что не сегодня, завтра приступим к демобилизации и тогда, согласно за-

кону, должность Главнокомандующего должна была быть упразднена. Мне ясно было, что члены Правительства не хотели того скандала, что Главнокомандующий ушел сам, а хотели протянуть время и затем меня уволить с должности. Таким образом вопрос о моей отставке является лишь вопросом самолюбия, т. е. я ли сам ушел или меня ушли. По существу же, все равно я должен был кончить свое существование; это было неизбежно. Я решил махнуть рукой, так как все равно я скоро должен был уйти в отставку.

Я согласился остаться. Я вернусь к Совету Государственной обороны. Я уже указал раньше, что он часто занимался не своим делом и обсуждал такие вопросы и такие детали, которыми не должен был заниматься. Какими делами занимался, сейчас трудно вспомнить все мелочи, короче будет, если скажу, какими делами он не занимался. Он во все входил, все хотел знать, интересовался всеми мелочами, как например, кто будет на таком направлении начальником, какой он, а почему не такой и пр.; какая часть посылается туда и почему туда, и пр. Этот Совет оказался в скрытом виде органом, наблюдающим за деятельностью Главнокомандующего. Интересно пересмотреть протоколы заседаний и тогда ясна станет в подробностях картина занятий Совета обороны. Конечно, из-за того, что Совет обороны занимался не теми вопросами, которыми ему следовало заниматься, я в такое критическое время не хотел обострять вопроса и стремился всеми силами лишь к умалению его отрицательного влияния на деятельность Главнокомандующего. Я неоднократно указывал на статью, запрещающую вмешиваться в оперативную деятельность Главнокомандующего, чем останавливал их „военный" пыл. В каком иногда положении бывал Главнокомандующий, я для характеристики укажу еще один факт.

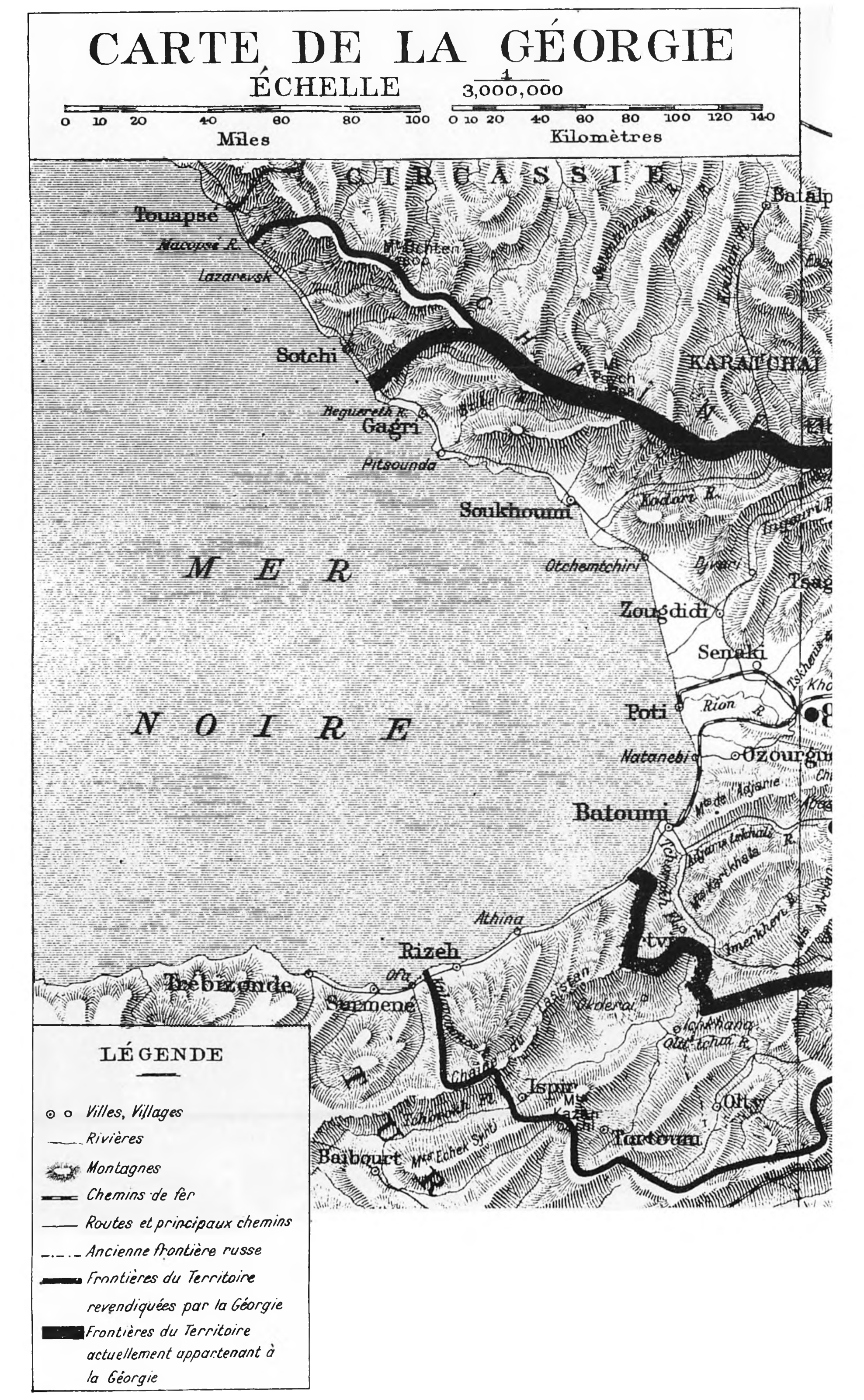
Когда мы готовились вступать в Батуми, то накануне вдруг В. Джугели из Батуми заявил, что он считает, что мало Гвардии в числе вступающих и что нужно мобилизовать распущенную Гвардию. Мне даже сейчас смешно, как можно было заниматься подобными вопросами человеку, волею судьбы призванному к такому серьезному делу, как руководство народом. Это было несерьезно и вызывало совершенно лишние расходы: надо было мобилизовать гвардейские батальоны, везти их по железной дороге в Батуми, кормить их, потом везти обратно и распустить, ибо после парада, нет сомнения, опять поступили бы просьбы об их роспуске. Это был совершенно непроизводительный расход. Я отклонил. В ответ на это В. Джугели адресовал в Совет обороны телеграмму, в которой указывал, что я с какой-то целью не хотел, чтобы в числе войск, вступающих в Батуми, было много Гвардии. Лордкипанидзе показал мне эту телеграмму,

смеясь и говоря, чтобы я не обращал внимания на эту ребяческую выходку. Это, собственно, была жалоба на меня. Эта телеграмма, конечно, была доложена Совету обороны без меня, но была оставлена без внимания. Обвинение, довольно тяжкое, Главнокомандующего в каком-то умысле против Гвардии было налицо, но дело касалось Главнокомандующего и все промолчали. Быть может, скажут, отчего я не реагировал. Я мог реагировать только одним способом, а именно уйти от должности. Ставить же это в зависимость от истерического вопля В. Джугели не следовало. Да и обвинение было беспочвенное и соответствовало духу раскапризничавшейся женщины, а не серьезного человека. Да простит мне В. Джугели эти слова. Как человек, как личность, он был всегда мне симпатичен и он должен быть в этом уверен, ибо я не раз выражал ему свои симпатии, несмотря на многочисленные наши стычки во всех заседаниях. Как деятель, он страдает тем, что совершенно не был подготовлен и не соответствовал той громадной роли, которая выпала на него в истории нашего народа.

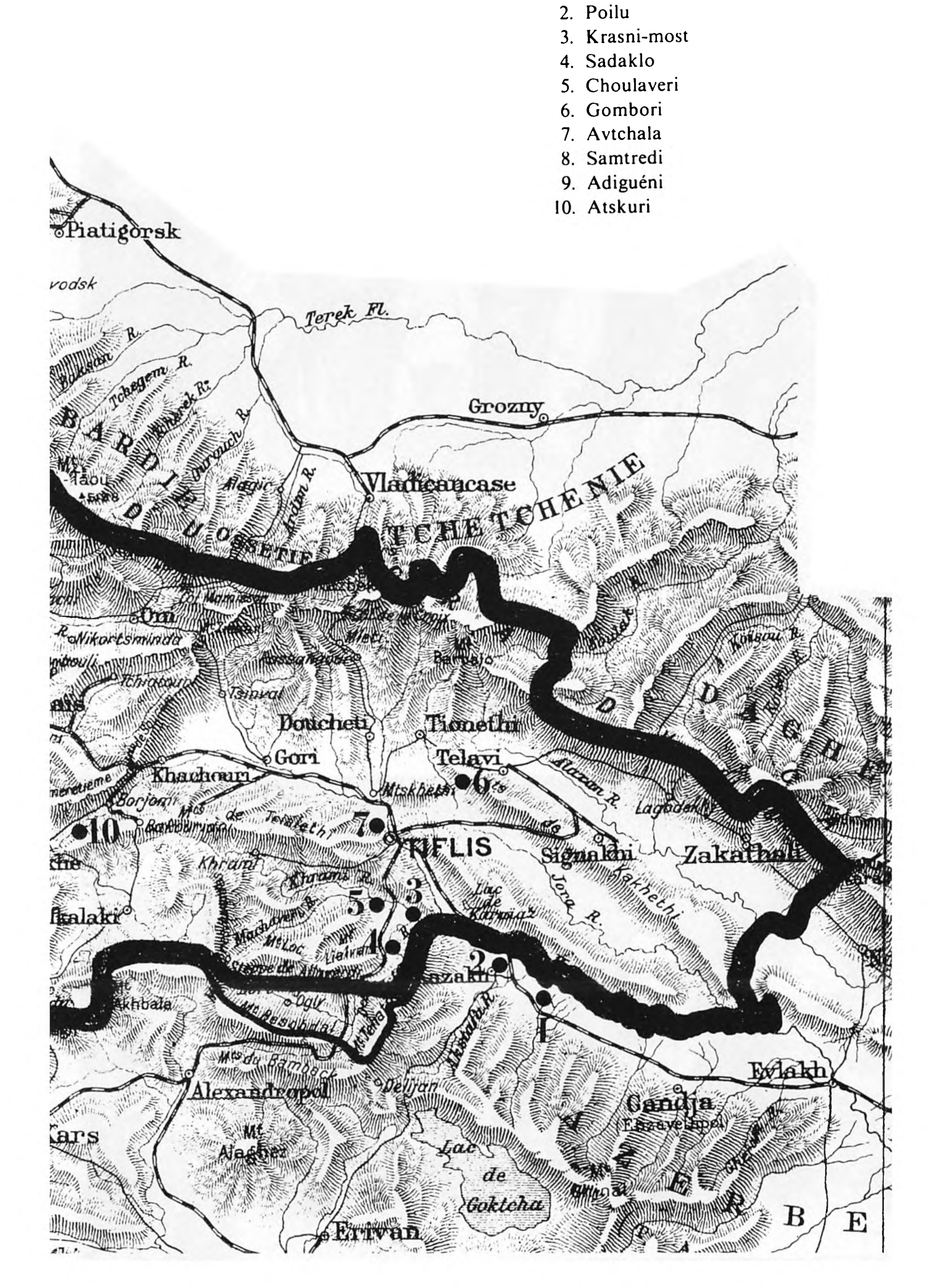
Через несколько дней после заседания, на котором дебатировался вопрос, приведший к столкновению с Ев. Петр. Гегечкори, Джото Шервашидзе устраивал ужин в саду „Эдэм" Ев. Петр. Гегечкори, уезжавшему в Европу с целью добиться признания нашего государства „де юре". Я также был зван. Приглашенных было человек 40. Меня посадили рядом с Ев. Петровичем. Это была наша первая встреча после стычки. Пусть простит меня Евг. Петр., но я на его месте не так бы встретился с ген. Квинитадзе, который ясно должен был чувствовать в себе осадок неприятного чувства происшедшей сцены. Он просто поздоровался, и мы сидели за ужином рядом, едва разговаривая друг с другом. Мы до этого были, как мне казалось, в очень хороших отношениях, и я очень в душе сожалел о происшедшем. Я бы на его месте подошел к ген. Квинитадзе и искренно извинился бы за свою горячность и за свой крик. Это не роняет человека, напротив, это возвышает человека. Но он этого не сделал. После этого мы с ним встретились лишь во время войны с большевиками в Михайлово в 1921-м году и до сих пор встречаемся весьма холодно. Я не умею быть в хороших отношениях с теми, кто мне несимпатичен и Евг. Петр. не может не знать моих симпатий, начиная с 1917-го года. Почему так резко он решил изменить свои отношения ко мне?

Кадетский Корпус в Тифлисе

Тифлис. Вид на город

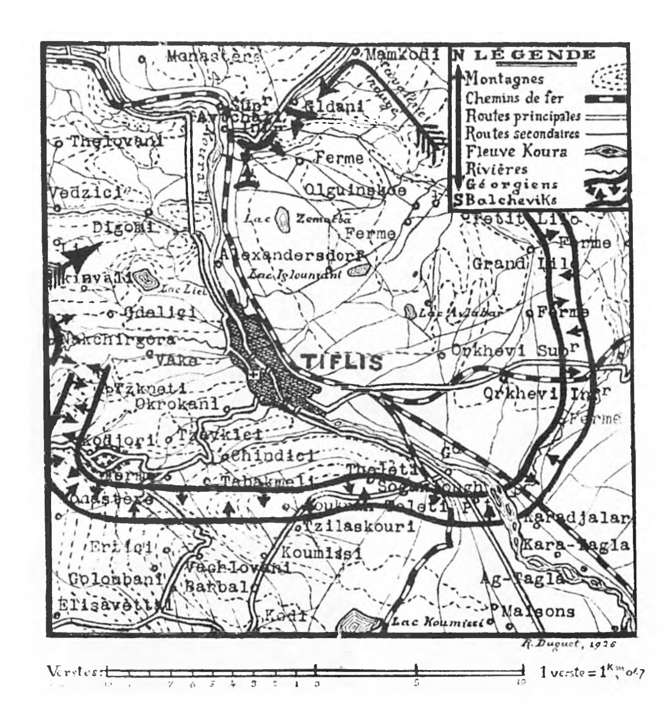
CARTE DE LA GÉORGIE
ÉCHELLE 1/3,000,000
0 10 20 40 60 80 100
Miles
0 10 20 40 60 80 100 120 140
Kilomètres
CIRCASSIE
Touapsé
Lazarevsk
Sotchi
KARATCHAI
Gagri
Pitsounda
Soukhoumi
Kodori R.
MER NOIRE
Otchemtchiri
Zougdidi
Senaki
Poti
Rion R.
Natanebi
Ozourgu
Batoumi
Athina
Rizeh
Trebizonde
Surmene
Ispir
Olty
Tortoum
Baibourt
LÉGENDE
Villes, Villages
Rivières
Montagnes
Chemins de fer
Routes et principaux chemins
Ancienne frontière russe
Frontières du Territoire revendiquées par la Géorgie
Frontières du Territoire actuellement appartenant à la Géorgie

Карта Грузии

На турецком фронте

Германо-грузинское совещание, 1918 г.

План осады Тифлиса

Грузинская пехота

Тифлисъ. Дворянская гимназія. - Tiflis. Lycée de Nobles.

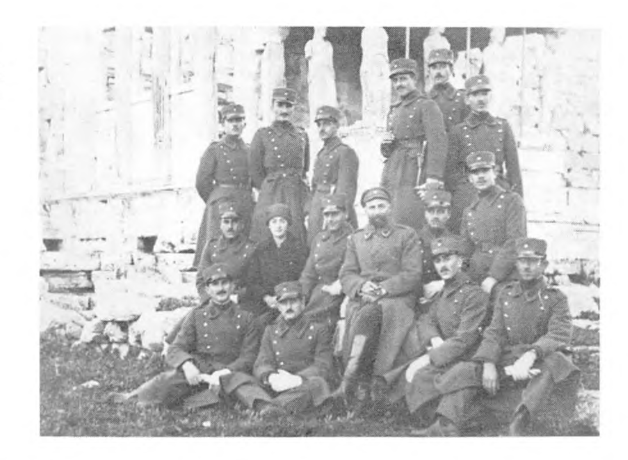
Дворянская гимназия в Тифлисе

Грузинская кавалерия

Кавалеристы на отдыхе

Ген. Г.И. Квинитадзе с женой среди грузинских курсантов в Афинах, 1922 г.

Ген. Чхеидзе и другие грузинские офицеры в польской кавалерии

Ген. Г.И. Квинитадзе у могилы Неизвестного Солдата, Париж 1959 г.

ГЛАВА XIX

ЕЩЕ ОДНА ОТСТАВКА

Недели через две я поехал в Ахалцихе и оттуда проехал в Абастуман к Председателю Правительства. Поездка моя была вызвана телеграммой Председателя Правительства, в которой он писал, что в Ахалцихе части без одежды и обуви. В Ахалцихе, действительно, я увидел запасных в ужасном виде; они еще не получили казенного обмундирования. Вина была опять все того же Военно-Хозяйственного комитета. У Председателя Правительства я пробыл часа два. Разговаривали на разные темы. Я совершенно не знал, что в это время Совет Государственной обороны, в отсутствие Главнокомандующего, постановил демобилизовать армию и упразднить должность Главнокомандующего. Это я узнал по приезде в Тбилиси, прочитав в газете.

Не знаю, знал ли об этом Председатель Правительства, думаю, что знал. Говоря о военных делах, я сказал Председателю Правительства, что нам всегда нужно быть готовыми к войне. Что если мы в течение лета все закончим благополучно, это не знаменует, что мы в будущем гарантированы от несчастий, что мы должны развить нашу готовность к войне до крайнего предела, дабы не попасть в такое положение, какое только что испытали. Касаясь военного управления, я указал, что в нашем „Кребули" большой недостаток в том отношении, что еще в мирное время нет того лица, которое с объявлением войны возьмет на себя руководство вооруженными силами; что такое лицо необходимо иметь еще в мирное время, дабы этот человек мог готовить войска и сам готовиться к войне. Между тем у нас только с объявлением военных действий появляется это лицо и, как показал опыт, таковым является человек, находящийся в стороне от вопроса обороны страны. Что нужно признать, что мы вырвались из трудной обстановки благодаря счастью и что не всегда впоследствии это может быть так. На это Председатель Правительства задал

мне вопрос: „А можно ли, чтобы это лицо одновременно заведывало Военной Школой и армией". Я это понял, может быть, я был неправ, что это касается меня, так как я перед назначением на должность Главнокомандующего был начальником Военной Школы.

Я здесь должен оговориться. Ген. Одишелидзе еще в январе этого 1920-го года был назначен вторым помощником Военного Министра. Он был помощником по строевой части и вся армия ему была подчинена в этом отношении. По нашему „Кребули" такой должности не существовало и это было нарушение основных военных законоположений; но об этом не заботились. Ген. Одишелидзе в марте того же года был за границей и вернулся в начале августа в Тбилиси. Его положение было странное. Он был помощником Военного Министра, ему должны были подчиняться войска, а между тем войсками командовал я. Ясно, один из нас должен был быть убран. Я нисколько не сомневался, что выбор будет сделан не в мою пользу. Я никогда в жизни не был обуреваем чувством карьеризма. В войну на Кавказском фронте, в которой я принял участие с самого начала, я получил первый орден лишь летом 1916-го года, т. е. спустя два года после начала войны. У нас в дивизии офицеры, участвовавшие в войне с самого начала, уже получали в это время 5-ю очередную награду, я же лишь первую. Свое влияние, как офицер Генерального штаба, я употреблял на то, чтобы офицеры и солдаты нашей дивизии были достойно награждены за свои боевые подвиги, а о себе я не заботился; я к наградам и отличиям относился весьма хладнокровно, и пожатие руки соседа ротного командира во время Русско-Японской войны, благодарившего за оказанную помощь, для меня несравненно было выше орденов и отличий. Потому я вовсе не интересовался вопросом, кто из нас двоих, Одишелидзе или я, будет убран. Ген. Александр Гедеванишвили являлся помощником Военного Министра по хозяйственной части, причем Хозяйственный Комитет подчинялся не ему, а Военному Совету. Все это было сложно, грузно, вызывало массу трений и неопределенность взаимоотношений. Если бы мне предложили остаться в роли, в которой состоял, я бы согласился лишь при условии капитальной реформы в высшем военном управлении и если не уничтожения, то ограничения числа гвардейских батальонов до минимума и, во всяком случае, устранив их боевую службу; затем я поставил бы условием полную независимость военных в деле организации вооруженных сил и приступил бы к реформе существовавшей организации.

Отнеся вопрос Председателя Правительства о совмещении должности начальника Военной Школы и Главнокомандующего к себе, я ответил, что по существу этого не следует делать, но ввиду малочисленности нашей армии, лишь начала ее устройства, и при таком помощнике начальника Военной Школы, как ген. Чхеидзе, это даже

принесло бы пользу. Откровенно говоря, если бы были приняты условия, о которых я выше говорил, я бы взял на себя это бремя и мог бы справиться с этим, принимая во внимание тот прекрасный командный состав Военной Школы, которым мы обладали и который мне горячо помог бы, в чем я был уверен. Когда я уходил от Председателя Правительства, он, провожая меня, уже на лестнице мне сказал: „Значит, мы с вами, Георгий Иванович, договорились". Я не получал от него определенного предложения совместить обе эти должности, я не выставлял тех условий, только при которых я стал бы во главе войск, поэтому я снизу ему ответил: „Напротив, Ной Николаевич, мне представляется, что мы совершенно не договорились". „Нет, нет, договорились", – кричал он мне сверху и мы расстались.

После этого следующая моя с ним встреча была 15-го февраля 1921-го года около полуночи, когда разыгралась война с большевиками. Я должен отметить, что в промежуток времени между этим разговором и упразднением моей должности произошло в Совете Государственной обороны мое столкновение с Гегечкори, который, уезжая за границу, побывал у Жордания в Абастумане как раз после описанного моего с последним разговора.

Я вернулся в Боржоми и задержался на один день: там открывалась санитарная станция и инициаторы и устроители просили меня присутствовать на открытии; между прочими приглашенными был и Вал. Джугели. После того, как разошлись, я отправился на вокзал в свой вагон. В. Джугели обратился ко мне с предложением поехать в Квешхеты на свадьбу их товарища. Мне совсем неудобно было принять такое несвоевременное и странное приглашение. Я отклонил, несмотря на его настойчивость. Тогда он попросил приказать дать им паровоз. Понятно, почему он меня приглашал на свадьбу. Я приказал дать им паровоз. Человек, голосовавший против свободы передвижения Главнокомандующего из-за экономии топлива, расходовал его на поездку на свадьбу. Потом мне показалось удивительным, почему В. Джугели просит устроить им паровоз, когда он знал, что я уже не Главнокомандующий. В ту же ночь я выехал в Тбилиси, где и узнал новость об упразднении моей должности. Затем я в газете прочитал, что мне за мою деятельность объявлена благодарность Правительством. Там же объявлялась благодарность Сулаквелидзе и Гогвадзе. Если Правительство считало необходимым наряду с Главнокомандующим поблагодарить этих лиц, не знаю, почему оно не посчитало нужным поблагодарить вообще вооруженные силы и других генералов, потрудившихся не менее Сулаквелидзе и Гогвадзе. Никто мне даже не пожал руки; никто мне не сказал спасибо в лицо. Не спорю, я, может быть, не заслуживал, но тогда не надо было объявлять в газетах; мне даже не прислали копии постановления об этом. Вообще, ни за одну из войн я от Правительства не получал благодарности; только в Армяно-Грузинскую войну ген. Александр Гедеванишви-

ли, приехавший на фронт после взятия Шулавер, расцеловал Мазниашвили и меня, а затем в Тбилиси при случайной встрече Председатель Правительства сказал мне: „Поздравляю". Я не совсем понял, с чем он меня поздравлял: „Вероятно, с окончанием войны", — подумал я. Ни после Ахалцихе-Ардаганского похода, ни после войны с большевиками 1920-го года я не получил даже этого „поздравляю".

Я отдал благодарственный приказ войскам и подал в отставку. В приказе я отметил особо деятельность Гвардии, на долю которой выпала главная роль в нашей войне с большевиками. Многие сослуживцы мои потом меня спрашивали, почему я благодарил более Гвардию, чем армию, и, по-видимому, думали, что льщу Гвардии, заискивая у нее. Я ответил, что в своей жизни я всегда стараюсь быть справедливым и что на Гвардию выпала большая боевая работа и солдаты Гвардии должны получить соответствующую благодарность. Солдаты-гвардейцы вовсе не виноваты в том, что их неправильно организовали. В тех условиях, в которые они были поставлены, они сделали все, что могли, и нисколько не виноваты в том, что поставлены были в ненормальные условия воспитания и борьбы с врагом.

Моя отставка, как всегда, затянулась. Согласно постановлению Правительства, я должен был вернуться к должности начальника Военной Школы. Конечно, многие меня подозревают в том, что это я считал каким-то умалением своего достоинства и что я с должности столь высокой, как Главнокомандующий, не хотел идти на более низкую. Это, конечно, не верно. И этому есть доказательства. Когда разыгралась война с армянами в 1918-м году, я был в отставке, перед которой занимал наиболее высокие военные посты. Я был помощником Военного Министра и Главнокомандующим войсками Закавказской республики, более обширной, чем Грузия; затем я был в тех же должностях в самостоятельной Грузии. Несмотря на эти высшие должности, как только открылась война, я поступил на службу начальником штаба дивизии к младшему по себе в чине и по старому и по новому режиму. Хотя наряду с этой должностью мне предлагалась более важная должность начальника штаба добровольческого корпуса генерала Магалашвили. И здесь я руководствовался не должностью, а нечто другим. Затем, когда разыгрались Ахалцихские события, я опять пошел начальником штаба к тому же генералу Мазниашвили. Наконец, с должности командующего Ахалцихским фронтом и генерал-губернатора Ахалцихе и Ахалкалаки, с должности, где мне фактически подчинялись почти все вооруженные силы государства, я пошел на должность начальника Военной Школы, деятельность, равную по своим функциям деятельности командира полка и только правами равную начальнику дивизии, т. е. по правам я был уравнен с теми начальниками дивизий, которые на Ахалцихском фронте были моими подчиненными.

За время командования Школой я видел, как мне помогали и поэтому возвращение на эту должность после того, как я имел случаи убедиться в недружелюбии к себе представителей высшей власти в Грузии, было бесполезно. Если бы мне предложили стать во главе Военного Ведомства, я принял бы эту должность, но при условии исполнения выше перечисленных моих требований. За время летнего командования войсками я окончательно убедился, как у нас в Военном Ведомстве все неблагополучно и что при следующей же войне у нас последует крах. В должности же начальника Военной Школы я не мог исправить этих недочетов и моя работа для родины, над которой висела угроза, разразившаяся в 1921-м году, сводилась к нулю. Устройство Школы, когда основы обороны государства, его вооруженные силы были лишь карточным домиком, было смешно и работа моя свелась бы к работе белки в колесе. Я очень сожалею, что в Учредительном Собрании не последовало запроса, почему Главнокомандующий ушел в отставку. Тогда мне пришлось бы ответить и, быть может, вскрылись бы недочеты нашего Военного Ведомства и вооруженные силы оказались бы на высоте для отражения врага в 1921-м году.

Нельзя было не предвидеть наступления на Грузию нашего северного соседа. Россия Деникинская обнаружила свои агрессивные стремления в Закавказье, Россия большевистская в 1920-м году, даже подписывая с нами мирный договор 7-го мая 1920-го года, одновременно с этим вторглась в наши пределы. Овладение Грузией было решено в Москве. Вот действительная причина моей отставки, моего нежелания вернуться на должность начальника Военной Школы. Быть может, читатель скажет, что я надумал это теперь. Нет, читатель, я всегда искренен.

Осенью 1920-го года, неделю после моей отставки, юнкера старшего класса Военной Школы преподнесли мне старинный кинжал в знак памяти. В ответном слове я им сказал, что ухожу в отставку не из самолюбия, не из-за того, что меня возвращают на низшую должность со своей высокой должности, а что причины глубже, что я вижу признаки предстоящего краха и это побуждает меня уйти в отставку. Я не сказал им, конечно, этих признаков; зачем разбивать их надежды. Я ушел в отставку и с тоской ждал развязки. Она превзошла мои ожидания.

Военный Министр со дня на день откладывал приказ о моей отставке, говоря, чтобы я подождал, не торопился. Я не мог не торопиться. Ген. Одишелидзе неоднократно приходил в штаб и просил ускорить приказ о его вступлении в должность. По-видимому, в Правительственных сферах решался вопрос, кого из нас оставить; и Гр. Спир. Лордкипанидзе, вероятно, я так думаю по крайней мере, старался меня оставить на должности, которую занимал ген. Одишелидзе, а последнему приискивал какое-либо другое место, которое не обидело бы этого последнего. Это мои личные мысли, и я могу ошибаться.

Наконец, Лордкипанидзе пригласил меня к себе и предложил вновь принять должность начальника Школы; на этот раз предложение было сделано сухо. Я отклонил. „Тогда, может быть, примете должность члена Военного Совета, вместо ген. Андроникашвили, который будет назначен начальником Школы?", – продолжал он тем же тоном. Я ответил: „Нет". „Что же, приходится принять вашу отставку", – закончил он и подписал приказ. Я получил впечатление, что он исполнил это, как исполняют люди неприятные для них, но навязанные им против их воли поручения.

ГЛАВА XX

Права Главнокомандующего и его положение. – Власть и офицерство. – Генеральный Штаб. – О Гвардии. – Отношение к офицерству

ПРАВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ

Теперь я несколько остановлюсь на том, что из себя представляла должность Главнокомандующего. По „Кребули" Главнокомандующий назначался декретом Правительства и подчинялся Председателю Правительства. Вот все, что было сказано о нем. Положения о правах и обязанностях Главнокомандующего не было. Надо было составить. Оно было мной составлено, согласно русскому „Положению о полевом управлении войск в военное время" применительно к нашему государству. Затем Совет Обороны рассматривал его в своих заседаниях; это длилось несколько дней. Пререканий и споров особых не было.

По этому положению все вооруженные силы государства, т. е. и армия, и Гвардия подчинялись Главнокомандующему. Что касается правительственных и административных органов, то таковые ему подчинялись только в местностях, где непосредственно разыгрывались военные действия, объявленных театром военных действий; его распоряжения исполнялись, как распоряжения Правительства. Заранее же район тыла не назначался. Так, например, во время нашей войны с большевиками в 1920-м году Тбилиси и прилежащий к нему район был изъят из ведения Главнокомандующего и театром военных действий был объявлен лишь район Пойли,* Красный мост–Садахло. Таким образом, все органы государственного управления продолжали подчиняться своим соответствующим министерствам даже на театре военных действий. Получалась двойственность власти. Военный суд был давно изъят из ведения Военного Ведомства и подчинялся Министру Юстиции. Правда, можно было учредить чрезвы-

*На армяно-грузинской границе.

чайные суды, но бывали преступления, за которые следовало судить обыкновенными военными судами; в этих случаях этим ведало Министерство Юстиции. Главнокомандующий не имел органов Государственного контроля. Мои сношения с Государственным контролем, начатые с целью упорядочить это дело, ни к чему не привели. Государственный контролер Коте Андроникашвили не согласился дать мне в подчинение чиновников-контролеров своего управления; право контроля за войсками оставил за собой, что приводило к случайному контролированию и исключало возможность постоянного и фактического контроля, столь необходимого не только в смысле раскрытия преступлений, но и для фактического контроля довольствия, получаемого войсками от Военно-Хозяйственного комитета. Права реквизиции у Главнокомандующего также не было; он этим мог пользоваться только в районе, объявленном Советом Государственной обороны театром военных действий. Например, во время военных действий у Красного моста, Тбилиси не был объявлен театром военных действий, в силу чего местный материал, необходимый Военному Ведомству, нельзя было реквизировать нигде и об этом надо было входить с особым докладом в Совет Государственной обороны. Принимая во внимание незначительность нашей территории и близость к столице границ, казалось, Главнокомандующему должны были быть даны и большие права. Но наш Главнокомандующий далеко не обладал той мощью, какая должна была быть ему предоставлена. Власть Главнокомандующего была далека от того идеала, к которому надлежало стремиться. В современных войнах участвует весь народ; все его силы и все его средства должны быть объединены и направлены к одной цели, к победе над врагом. Народ должен напрячь все свои силы. Все эти усилия должны быть объединены одним лицом. Это лицо должно чувствовать пульс биения сердца не только своих войск, но и всего народа; оно должно знать все силы и средства, всю возможность напряжения народа и в своем лице, как в фокусе, собрать все силы, средства и вообще всю боеспособность нации. Не только средства материальные должны быть в его руках, но и средства моральные; он должен руководить и общественным мнением, и ясно, что пресса должна быть ему подчинена не только в смысле контроля, но и управления ею. Поддержка морали народа для борьбы с врагом должна быть вручена ему. Только при таких полномочиях такая маленькая страна, как наша, может проявить всю свою напряженность, так необходимую нам, окруженным со всех сторон врагами и представляющим страну агрессивных вожделений. Но все это мечты и в современных с демократическим строем государствах провести в жизнь этого нельзя; таким современным государствам далеко до римской республики с ее избираемыми диктаторами. Однако в современных демократических странах, иногда даже в мирное время, правительства испрашивают от парламента диктаторские полномочия. Практически наш Главнокоман-

дующий далеко не обладал той мощью, какая ему предоставлялась даже по „положению". Правительству ничего не стоило вынести то или другое постановление, аннулирующее ту или другую отрасль его власти; достаточно указать случай, который привел меня к столкновению с Гегечкори, когда свобода передвижения Главнокомандующего была ограничена. Даже телефон, столь могущественное средство передачи распоряжений, не находился в руках штаба и все распоряжения в районе города производились по городскому телефону. Вечно не дозвонишься, вечно перепутают номер, вечно занят; наконец, все разговоры военного характера делались достоянием города. Находившийся в моем кабинете начальник телефонной сети должен был лично уволить одну из служащих барышень за то, что она хронически не отзывалась на вызовы.

Достаточно указать еще один характерный случай, доказывающий фиктивность власти Главнокомандующего. Когда я вступил в должность, то и Гвардия, и армия мне подчинялись, и у меня не могла не явиться на лице улыбка, когда В. Джугели обратился ко мне с просьбой, что если я что-либо буду писать в штаб Гвардии, то чтобы я не употреблял выражения „приказываю", а писал бы „прошу". Это была для меня такая мелкая формальность, что, конечно, я не позволил бы себе из-за этого задираться с ним и с его штабом. Я ответил, что я готов три раза писать „прошу", лишь бы они исполняли то, что я „прошу".

В 1921-м году один из чиновников городского самоуправления по телефону так невежливо говорил со мной, что я прекратил с ним разговор и случившийся в моем кабинете Председатель Правительства вмешался в разговор и взял трубку. Через минуту Чхиквишвили, городской голова, извинился передо мной за своего чиновника. Случай показателен. Если чиновник городского самоуправления позволяет себе говорить невежливо с Главнокомандующим, если он занимает телефон Главнокомандующего и непосредственно к нему обращается за присылкой какого-то „дела" и это когда под Тбилиси идет бой, то ясно, какое у него было представление о должности Главнокомандующего. Еще один случай. В одну из моих поездок я назначил час выезда в 8 часов вечера; час отъезда из Тбилиси я всегда назначал в зависимости от часа, в который я должен был приехать в место назначения. Так поступил я и в этот раз. Приехав на вокзал, я был удивлен, никакого паровоза не было назначено. Сопровождавший меня полковник Николай Гедеванишвили отправился в управление. Через полчаса он вернулся сильно взволнованный. Оказалось, что он был принят господином Бокериа весьма нелюбезно и резко с ним говорившим, несмотря на то, что полк. Гедеванишвили ему заявил, что он прислан Главнокомандующим. Он ему заявил, что внесет в Правительство доклад о том, чтобы Главнокомандующему не давать отдельного паровоза и что до решения этого вопроса не даст паровоза. Казалось бы, наоборот, до решения этого

вопроса он должен был дать паровоз. Я не знаю всего хода их пререканий. Полк. Гедеванишвили доложил, что все же паровоз будет подан. Действительно, паровоз дали. Когда я был у Председателя Правительства в Абастумане, то определенно заявил, что я требую, чтобы сей служащий был убран. Председатель Правительства ответил мне, что он расследует это дело. Мне казалось, расследовать нечего было, ибо мое требование паровоза исполнено не было и только после настойчивых требований полк. Гедеванишвили паровоз был подан. Пока расследовали, проходило время и я узнал после, в дни упразднения меня от должности, что г. Бокериа лживо показал, а именно, что полк. Гедеванишвили был пьян, груб и пр. Вся эта история прошла для г. Бокериа безнаказанно и, уже не говоря о справедливости, даже просто престиж Главнокомандующего не был поддержан. Все эти описанные случаи подчеркивают то отношение, тот взгляд, который существовал у всех на должность Главнокомандующего, начиная с Председателя Правительства, возлагающего наблюдение за исполнением Главнокомандующим его приказания на своего личного секретаря, и кончая чиновниками городского самоуправления и управления железных дорог.

ВЛАСТЬ И ОФИЦЕРСТВО

Теперь подведу итог моих наблюдений с осени 1919-го года по осень 1920-го года. Отрицательное отношение к корпусу офицеров продолжало идти „крещендо".

За это время мы потеряли отличного боевого генерала князя Макашвили, принужденного служить в азербайджанских войсках, ибо ему на родине не могли предоставить места, между тем менее знающие были призваны к службе. Генерал Мазниашвили, отличный боевой и строевой начальник, пребывал в отставке и был предан суду за действия на Ахалцихском фронте. Главное обвинение состояло в том, что он на Ахалцихском фронте отказался от усиления войсками вверенного ему фронта, что ему будто бы предлагалось. На суде выяснилось, что ген. Александр Гедеванишвили, сносясь с ним по поводу усиления войск, указывал ген. Мазниашвили, что, усиливая его отряд, государство может оказаться в критическом положении, ибо настоятельно требуется усиление Гагринского фронта. Это было полуприказание, и ген. Мазниашвили должен был согласиться не усилять свой отряд. Несмотря на явную виновность в этом другого лица (ген. Гедеванишвили), это лицо не было привлечено к ответственности. Реабилитированный ген. Мазниашвили был назначен начальником гарнизона города Тбилиси, на должность, не существовавшую по нашему „Кребули".

Материальное положение офицеров стало невыносимым. После долгих трудов, хлопот и настояний им прибавляли содержание по-

степенно и в этом отношении их содержание сильно отставало от вздорожания жизни. Курьезно было то, что наряду с этим содержание служащих в Военном Ведомстве, но не офицеров, как-то слесарей, машинистов, шоферов, кузнецов и пр., так называемых вольнонаемных, увеличивали автоматически по решению тарифной платы, вследствие чего неоднократно были случаи, когда офицеры получали содержание меньше, чем руководимые ими вольнонаемные. Характерно еще одно обстоятельство. В 1919-м году старший войсковой начальник, начальник дивизии, получал в три раза больше, чем лейтенант, 1500 руб. против 500 рублей. Затем в 1920-м году он же получал лишь в 1 1/2 раза больше, 9000 руб. против 6000 руб. Следствием явилось следующее явление. Обер-офицеры отказывались получать штаб-офицерские должности, ибо разница была всего в несколько сот рублей, ответственность же оказывалась громадная. Таким образом в военной службе, где отменены были чины, ибо чин получался с должностью, а не службой, а прибавка содержания уже не являлась поощрением службы, и среди военнослужащих народилось индифферентное отношение к возвышению по службе; поощрение, инициатива и вообще работа в армии в военном отношении замерли и это был застой, это была смерть Военному Ведомству, предписанная нашими правящими кругами. Военная Школа, еще не вставшая на ноги, все же успела ввести некоторые новшества, главным образом по строевому уставу, но это загрузло в бюрократических дебрях нашего генерального штаба.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Здесь я должен отметить, что наш Генеральный штаб был поставлен в невозможные условия работы. Несмотря на свое громкое название, он мало занимался делами своего прямого назначения. По делу мобилизации он превратился в управление, куда обращались непосредственно начальники военно-учетных отделений, кстати сказать связываемые в своей деятельности гражданскими установлениями; Генеральный штаб должен был непосредственно руководить всеми этими начальниками, число которых доходило, кажется, до 18. На разведку выдавалось денег мало, их не хватало, и дело это было в самом примитивном положении. Настоящей же работы Генерального штаба не было; совершенно отсутствовало дело руководства обучением и воспитанием войск. Разработка и подготовка к войне отсутствовала; не было никаких планов ни по обороне страны, ни по подготовке развертывания вооруженных сил, ни по организации маневров и пр. Между тем значение начальника Генерального штаба, не подчиненного помощнику Военного Министра, сильно поднималось. С ним советовались наравне с помощником Военного Министра; он вечно был в комиссии Учредительного Собрания и бы-

ли случаи, когда Председатель Правительства лично советовался с этим лицом, помимо помощников Военного Министра, которые, казалось бы, должны были фактически возглавлять Военное Ведомство.

О ГВАРДИИ

Эта организация, расширяясь и усиливаясь, дошла до своего кульминационного пункта и перешагнула его. Согласно основному законоположению, Гвардия должна была укомплектовываться уже отбывшими воинскую повинность. Однако осенью 1920-го года было замечено, что в Гвардию больше уже не поступали так называемые добровольцы. Приманки уже не прельщали. Еще в летнюю кампанию 1920-го года для Гвардии, по требованию их Главного штаба, была отпущена значительная сумма денег. Эта сумма должна была быть распределена между гвардейцами в виде наградных, сверх положенных отпусков, дабы удержать их на службе.

Недостаток пополнения побудил штаб Гвардии потребовать себе уже из призыва несколько тысяч человек, чтобы укомплектовать свою организацию. Банкротство этого способа устройства вооруженной силы выявилось воочию. Уже стали было поговаривать о ненужности этого сорта войск. Но съезд гвардейцев 1920-го года ясно показал обратное. На заседаниях этого съезда было постановлено всемерно поддерживать эту организацию и даже иметь всю вооруженную силу по образцу Гвардии. Иначе говоря, готовилось уничтожение армии. Вообще общий тон положения армии и Гвардии был таков: Гвардия – главное оружие обороны страны; армию же терпели до поры до времени. Отрицательные качества Гвардии показали себя во всем блеске еще весной 1918-го года. Местные жители Борчалинского уезда обратились ко мне с массой жалоб на бесчинства Гвардии. Из захваченного во время боевых действий района в 1920-м году целыми обозами вывозилось все ценное, принадлежавшее местным жителям, особенно ковры; все, что могло было быть вывезено из того, что бросало бежавшее население.

Наряду с этим Гвардия выказала полную неспособность к боевым действиям. При малейшей частичной неудаче весь фронт отсыпался, даже тогда, когда на их участках противник не шевелился. Ослушание своих начальников, беспомощность последних совладать с ними были спутниками этого рода войск. Штаб Гвардии, чтобы побудить подчиненные части на следующую операцию, употреблял такое средство, как обещание распустить их по домам после операции. Затем, помимо развращающего влияния, каковое Гвардия вообще производила на армию, отдельные из их среды лица являются подстрекателями армии на ослушание и беспорядки. Это обстоятельство в связи с тем явлением, когда целый батальон отказался воевать с перешедшими нашу границу большевиками в 1920-м году, заставляет приза-

думаться серьезно над теми веяниями, которыми была обуреваема эта организация. Вместе с этим Главный штаб Гвардии уже не стеснялся. Он чувствовал свое влияние на государственную жизнь и предъявлял ультиматумы, грозя, в случае отказа, отказаться от участия в обороне страны.

ОТНОШЕНИЕ К ОФИЦЕРСТВУ

Отношение к офицерам стало еще хуже. О них заботы никакой не было. Поднять этот корпус в нравственном отношении, вдохнуть в него чувство собственного достоинства, вселить в него доверие к себе, дать ему почву верить в свое призвание, верить в то, что ему будет оказана справедливость, все это считалось ненужным и офицерство, предоставленное самому себе, стало погрязать в мелочах добывания ежедневного куска хлеба, в интригах между собой. Офицерство морально расшатывалось, и этот кадр, этот устой вооруженной силы разлагался. Я вступал на службу время от времени из отставки и не мог не замечать этого явления; оно мне резко бросалось в глаза, ибо, будучи в стороне и встречаясь с ним через известные периоды, я наблюдал постепенное его падение. Это было естественным последствием того, что этот корпус не только предоставлялся самому себе, но как будто нарочно старались его разложить. Быть может, это было неумение, не спорю. Но это неумение преступно, когда это касается такой дорогой для государства корпорации, этой основы вооруженной силы. Надо было дать все средства и все полномочия тем, кто и по своему положению и по своему знанию являлся естественным знатоком устроить и вдохновить эту корпорацию. На деле же авторитетности военной власти не было и эту авторитетность стремились подорвать. Высшая военная власть не была едина. Было два помощника Военного Министра и начальник Генерального штаба, фактически пользовавшийся большим, чем помощники, влиянием. Военный Министр был в затруднительнейшем положении, выслушивая самые разноречивые мнения по одному и тому же вопросу, мнения представителей высшей военной иерархии. Особое доверие выказывалось лишь к некоторым личностям корпуса офицеров. Только люди, принадлежавшие к социалистическим партиям или сочувствовавшие им, вызывали доверие наших властей. Только те, кто высказывал взгляды в их духе, могли быть выслушиваемыми. Остальные, кто не мог примириться с теми мероприятиями, которые по их взгляду были вредны, объявлялись не сочувствующими Правительству и без сожаления с ними расставались, как бы полезны они ни были. Это происходило даже тогда, когда они сами признавали их достоинства.

ГЛАВА XXI

Система комплектования. – Нежелание создать армию. – Вмешательство в военные дела. – Штаб Гвардии. – Отношение к государственной обороне

СИСТЕМА КОМПЛЕКТОВАНИЯ

Единство доктрины, как принято понимать на военном языке, отсутствовало. Между тем высший командный состав был из состава одной и той же русской армии и в большинстве окончил одну и ту же Академию Генерального штаба, которая несомненно должна была наложить на них один и тот же отпечаток. Разноречия высказывались по самым избитым вопросам. Например: всеми странами и всеми академиями было принято, что лучшая система комплектования войск это территориальная. У нас это не прошло. Единственным сторонником, из числа призываемых на обсуждение этого вопроса, был я. Ген. Одишелидзе и Закариадзе находили, что эта система у нас будет вредна, ибо она способствует якобы ущельному патриотизму и дезертирству. Этот взгляд высказывался штатскими руководителями военного дела, которые добавляли, что знакомство крестьян с другими частями государства и населения поможет их сплочению. Как будто служба гурийца в Ахалкалаках или Ахалцихе сплотит его с кахетинцем, карталинцем и абхазцем. Прямо удивительно, до чего можно договориться в спорном задоре. Как будто ущельный патриотизм, если таковой есть, можно уничтожить тем, что заставить крестьянина один раз в жизни в течение 1-го года и 4-х месяцев жить вне своей деревни и округа. Да разве можно уменьшить любовь к своей деревне, к своей области. Здесь нужны меры не механического слияния, а мероприятия более глубокие, клонящиеся к связи этих областей общностью интересов. Что же касается дезертирства, то уничтожить его таким способом нерационально. По-видимому, как это высказывалось на заседаниях по этому вопросу, считалось, что служба вдали от своей деревни прекратит дезертирство. Уж не такие у нас расстояния, чтобы этим можно было бороться против дезертирства.

Напротив, климатические условия и чуждая обстановка скорее способствовали развитию тоски по родине, особенно принимая во внимание тяжесть обстановки, сопутствующей прохождению службы под знаменами. Прямо удивительно, как у военных, окончивших одну и ту же школу, могли быть различные взгляды на то, что в Академии считалось непреложным, и странно то, что эти господа во время нахождения на русской военной службе никогда не позволяли себе высказывать эти взгляды, а напротив, нет сомнения, осуждали русскую военную систему, не принявшую этого способа комплектования. Единства доктрины не могло не быть, но оно было уничтожено личными интересами, интригами друг против друга, отсутствием мужества высказать свой взгляд вопреки власть имущим. Интриганство было так сильно, что наши светила военного мира, несмотря на свое недружелюбие ко мне, неоднократно высказывались передо мной друг против друга. Стоило высказать какую-либо академическую военную истину, истину, о которой никогда не спорили и оспаривать которую в старое время значило показать отсутствие всякого знания, как сейчас же начинали спорить. С легкой руки ген. Одишелидзе и ген. Закариадзе чины и чинопроизводство было уничтожено; явление, как мне передавали, удивило самого главу Правительства, высказавшегося, что он не знает ни одной демократической страны, где бы не было чинов. Но мы, вообще, стремились доказать всему миру, что наша страна в деле устройства демократии открыла Америку; эти наши военные генералы стремились то же самое доказывать и в военной отрасли государственной жизни. И доказали.

НЕЖЕЛАНИЕ СОЗДАТЬ АРМИЮ

Об этом вопросе говорить долго не приходится. Армию не создавали, ибо ее боялись. Когда ее создавали, то командный состав, включительно до лейтенантов, избирался и процеживался специально назначенной комиссией из некомпетентных лиц, куда старшие военные были приглашены лишь с правом „совещательного" голоса. Отсюда ясно, что отбор делался с известной, предвзятой мыслью оставить на службе тех, кого найдет нужным эта комиссия, совершенно не компетентная в определении годности или негодности их к военной должности. Определенно высказывалось, что только боязнь контрреволюционного переворота, который могла совершить армия, являлась двигателем, побудившим на такой способ избрания офицеров. Каждому ясно, что отбор офицеров это дело начальника, ответственного за своих подчиненных, а не комиссии, этого всегда безответственного учреждения.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ВОЕННЫЕ ДЕЛА

За это время это явление достигло полного апогея. Армия была устроена так, как этого желали правящие круги. Это не было вмешательство, это было руководство ее организацией, ее жизнью. До этого времени делались сначала робкие попытки, затем появляются властные попытки вмешательства в дела даже операционного характера. Воспользовавшись моим предложением в ожидании войны образовать Совет Государственной обороны, они его фактически превратили в учреждение, которое вмешивалось в операции, где они хотели знать все, все посоветовать. Они не ограничились этим; они ставили Главнокомандующему задачи, часто неисполнимые. Совет Государственной обороны, выработав основы обороны страны и дав соответствующие директивы, должен был бы закончить на этом свою деятельность. Несомненно, я должен был при первых же попытках нарушения этого положения оставить службу, но страну надо защищать всеми имеющимися средствами и эта высшая обязанность заставляла меня неоднократно брать назад свою отставку и оставаться у дела, принимая все меры к возможному уменьшению зла от такого способа руководства военными действиями. Быть может, меня упрекнут в недостаточности характера и скажут, что я должен был уйти в отставку. Не буду спорить, со стороны виднее. Не буду спорить и с тем, что, быть может, мой заместитель лучше справился бы с этой деятельностью.

ШТАБ ГВАРДИИ

Значение штаба я неоднократно указывал. В описываемое время значение его достигло апогея. Чувствуя свою силу, Главный штаб Гвардии уже не стеснялся предъявлять ультиматумы и неоднократно нарушает основные законы как военные, так и гражданские. Укажу в последнем отношении на применение принудительных работ в Караязах. Согласно постановлению Главного штаба Гвардии, граждан хватали на улице и, как якобы безработных, отправляли на работы в Караязы. И это делалось на глазах Учредительного Собрания и ответственного перед ним Правительства. Один из побывавших там бывший офицер русской армии Колонтаевский рассказывал, в каких условиях они там работали. Там они жили в землянках, где ложем служила земля, не было никаких постельных принадлежностей. Условия жизни были настолько ужасны, что все переболели, и его как больного отправили обратно в Тбилиси. Он рассказывал, что у одного рабочего вытек глаз от того, что его во время сна укусила за глаз крыса. Значение штаба Гвардии было настолько сильно, что по-моему Правительство неоднократно было вынуждено исполнять против своего желания требования этого штаба. Все в государстве

делалось в зависимости от решений, принимаемых штабом Гвардии, от которого не ускользала ни одна отрасль государственного управления. Не знаю, в каких отношениях они были с Государственным контролем; здесь, кажется, их власть была парализована, но на это лучше может ответить государственный контролер Г. Гогичайшвили. Про этот период жизни штаба Гвардии можно сказать, что он уже ни с чем не считался и ни с кем не церемонился. Он чувствовал свое могущество и пользовался им.

ОТНОШЕНИЕ К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЕ

Несмотря на опыт бесконечных боевых столкновений, правящие круги не убедились в том, какую роль играет вооруженная сила для мирного развития и благоденствия народа. Только успешные боевые действия выводили нас из того критического положения, в какое мы неоднократно попадали. К вооруженным силам относились спустя рукава; никто не интересовался вопросом, действительно ли наше Военное Ведомство на высоте возможных боевых столкновений. Видели марширующие на парадах наши войска и были спокойны, никто не заглядывал вглубь. Показательно то, что в январе 1920-го года назначили второго помощника Военного Министра, вероятно, с целью поднять боевую подготовку войск и готовность вообще к войне. И в марте это лицо было отправлено за границу, в Европу, как будто не могли найти другого. Оторвали человека от его прямых, столь необходимых государству обязанностей. Заместитель его в этих функциях не был назначен.

Ясно, что это не необходимость, а синекура. Один этот факт рисует в достаточной мере взгляд правящих на то дело, к которому призван был второй помощник Военного Министра. Спрашивается, для чего его назначили. Если для дела, то зачем его отправили в Европу после его назначения. Неоспоримо, это было сделано для устройства прибывшего из-за границы ген. Одишелидзе на место, соответствовавшее его положению. Правда, производились ревизии или, вернее, объезды частей; но обревизовать центральные учреждения, откуда идет жизнь и где, собственно, можно видеть подготовку страны к войне, по-видимому, не считали нужным. Желая взять все на себя, и устройство, и руководство, необходимо сообразоваться с тем, в состоянии ли справиться с этим делом, столь трудным, с каковым многие опытные и с широким военным образованием люди с европейским именем не всегда могли справиться успешно. В области отношения правящих кругов к Военному Ведомству я должен категорически заявить, что этому Ведомству было уделено слишком мало внимания, особенно принимая во внимание ту обстановку, которую переживала наша родина, окруженная врагами.

ГЛАВА XXII

ЗНАЧЕНИЕ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ НАЧАЛЬНИКОВ В ДЕЛЕ УСТРОЙСТВА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ГОСУДАРСТВА

Я уже указал, что многие военные, несогласные с создавшимся положением в Военном Ведомстве, а также недовольные тем положением, в которое были поставлены военнослужащие, уходили со службы. Нет сомнения, что уход того или другого рядового офицера не играл той роли, какую, естественно, должен был играть уход крупных начальников. Значение крупных военных начальников, призванных хотя бы в роли советников по устройству вооруженных сил, было чрезвычайно велико. От того, что они советовали бы, что отстаивали бы, зависело многое. Как же поступали правящие. Как известно, первым таковым начальником после революции был полковник Ахметели; он был назначен командиром формирующегося Грузинского корпуса; ему дали в начальники штаба кап. Иосифа Гедеванишвили. По существу это было мирное разделение высших военных властей между партиями социал-демократической и социал-федералистов, партиями главенствующими и захватившими фактическую власть в Грузии. Полк. Ахметели считался сочувствующим соц-демократической партии, с которой благодаря своему брату у него издавна были связи, а кап. Гедеванишвили состоял в партии соц-федералистов. Это время было весьма трудное для формирования и, вообще, для устройства войск. Все было расшатано, солдаты были деморализованы и обуреваемы влияниями большевистского направления. Формирование корпуса не удалось.

Затем во главе Грузинского корпуса был поставлен генерал Вас. Давыд. Габашвили. Он был поставлен в чрезвычайно трудные условия и ближайший его сотрудник, его начальник штаба подп. Закариадзе, по своей малоопытности не мог быть его действительным помощником. Это было время, когда Главнокомандующий Кавказским фронтом ген. Лебединский был принужден отдать при-

каз о снятии офицерами погон, что было вызвано поведением грузинских солдат, останавливавших в Тбилиси офицеров на улице и силою снимавших с них погоны. Были случаи насилия и употребления в дело оружия. Правда, дело формирования войск стало как будто лучше, но оно все же не клеилось. Несмотря на все старания Габашвили старого служаки и опытного боевого генерала, он встречался с такой массой трений и неблагоприятных обстоятельств, что не в силах был добиться успешности. Между тем политические события шли своим темпом. Был образован Закавказский комиссариат, где комиссаром по военным и морским делам состоял Гобечия, впоследствии убитый на одной из улиц Тбилиси одним господином, фамилии которого сейчас не вспомню. Затем высшая власть в Закавказьи была переорганизована и во главе Военного Ведомства был поставлен Е. Петр. Гегечкори. После Батумских событий при Е. П. Гегечкори была учреждена должность его помощника. Таковую должность занял ген. Илья Зурабович Одишелидзе, состоявший с осени 1917-го года на должности Командующего Кавказской армией. Главнокомандующий Кавказским фронтом ген. Лебединский продолжал существовать и исполнять свои обязанности; в это время солдаты, русские состава этой армии, уже прошли на северный Кавказ. Дело формирования грузинских войск далеко не подвинулось. Как я уже раньше писал, отдача Карса повлияла на удаление ген. Одишелидзе. Он был командирован в состав делегации, ведущей переговоры с Турцией. Затем было образовано Закавказское Правительство, где пост Военного Министра занял Гр. Тим. Георгадзе и я был приглашен на должность его помощника. В середине мая за упразднением должности Главнокомандующего Кавказским фронтом, я был назначен Главнокомандующим войсками Закавказской республики, а 26-го мая, по объявлении независимости Грузии, я вступил в те же должности республики Грузии. За мое время не скажу, чтобы мне удалось то, что я хотел. Однако удалось сформировать центральные учреждения, начать насаждение дисциплины (офицеры надели погоны, установилось взаимное приветствие).

Через месяц, 26-го июня во главе Правительства был поставлен Н. Н. Жордания, который в свой кабинет меня не пригласил. Я был уверен, что приглашен не буду, ибо за неделю перед этим Н. Н. Жордания, как Председатель исполнительного кабинета рабочих и солдатских депутатов, на заседании об учреждении Народной Гвардии заявил, что во главе грузинских войск не может стоять лицо, столь враждебно настроенное к Гвардии.

После меня мою должность исполнял ген. Сандро Андроникашвили, но удержался недолго. Его заместитель ген. Александр Гедеванишвили, который и исполнял эту должность за время существова-

ния нашего государства, до отъезда Правительства из Батума после нашей катастрофы. Таким образом больше всего у военного дела, у дела его управления находился ген. Гедеванишвили.

После своей первой отставки я уехал в деревню Икалто[1]. Находясь в деревне, я узнал, что ген. Гедеванишвили вступил в свою должность. Я был в душе очень рад. Я много слышал о нем хорошего. Мы с ним работали в одной комиссии в 1918-м году по составлению проекта организации грузинских войск и здесь я получил впечатление, что он сильно правый; на одном из этих заседаний он высказался резко: "Чтобы создать армию, надо сформировать отряды из дворян и эту сволочь заставить силой служить". Во всяком случае правее меня. Моя отставка, по-моему, укрепляла его позиции и я думал, что в деле создания вооруженных сил он будет отстаивать правильные основы.

Вторым лицом, находившимся близко к делу организации войск и военного управления, наиболее продолжительное время был ген. Закариадзе, деятельность которого проявилась на следующих должностях. В декабре 1917-го года, когда я приехал с фронта, я его застал на должности секретаря военной секции Национального Собрания; во главе этой секции стоял Н. В. Рамишвили. Затем он был начальником штаба Грузинского корпуса при ген. Габашвили, с уничтожением которого был назначен в Генеральный штаб на должность приблизительно соответствующую должности генерал-квартирмейстера. Затем по реорганизации армии в 1919-м году он был назначен на должность начальника Генерального штаба, в каковой и пребывал до конца. Таким образом, это был человек также весьма продолжительно стоявший у военной власти. Ген. Андроникашвили был начальником Генерального штаба с осени 1918-го года до реорганизации армии до второй половины лета 1919-го года; затем он был назначен членом Военного Совета и затем начальником нашей Военной Школы, и активного участия в деле устройства армии принимать не мог. Он горячо любил свою родину и в 1923-м году был расстрелян за участие в заговоре против большевиков. Ген. Одишелидзе в 1918-м году у власти пробыл короткий срок. Затем он был в делегациях за границей. Он был отрываем от ведения военными делами.

Но всегда, когда он бывал в Грузии, он приглашался на всякие заседания и здесь он приобретал колоссальное значение. Но это колоссальное значение не должно рассматриваться, как влияние оказываемое им на власть имущих; далеко нет. Он всегда торопился высказаться в духе желательном власть имущим и эти последние сейчас же схватывались за это, указывая, что то или другое мнение

---

[1] Кахетии.

поддерживается таким военным авторитетом, как ген. Одишелидзе. ген. Одишелидзе в 1920-м году в январе был назначен вторым помощником Военного Министра; затем уехал за границу; и в сентябре того же года вновь вступил в эту должность, в каковой и пребывал до назначения на должность осенью 1920-го года Главнокомандующего грузинской армией.

Был еще генерал Кутателадзе. В 1918-м году он был комендантом крепости Батум. Затем он был не у дел и никакого влияния на военные дела не имел до осени 1919-го года, когда его назначили членом Военного Совета. Тогда в Военный Совет входили ген. Одишелидзе, ген. Кутателадзе и ген. Сандро Андроникашвили. Ген. Кутателадзе с артиллерийским академическим образованием и несомненно знающий артиллерист, ибо без всякой протекции на русской военной службе достиг высших артиллерийских должностей и имел имя. Однако, состоя в Совете он мог оказывать весьма слабое влияние на неукротимых, все знающих сильных мира сего. Остальные генералы не имели никакого значения и не могли оказать влияния на ход военного дела. Из перечисленных генералов можно видеть, что наибольшее влияние могли иметь те, кто больше находился при власть имущих. Таковыми были ген. Гедеванишвили, ген. Одишелидзе и ген. Закариадзе. Ген. Андроникашвили и ген. Кутателадзе могли иметь значение весьма относительное и слабое, а именно через посредство Военного Совета, где доминирующую роль играли три члена Главного штаба Гвардии.

Как держали себя эти три генерала? Чем достигали они своего влияния на власть имущих и чего они достигли в деле устройства вооруженных сил и подготовки страны? Если сказать резко, то про них можно выразиться следующим образом: ген. Одишелидзе подыгрывался под власть имущих, выказывая себя часто более "передовым", чем наши социалисты в деле организации армии; ген. А. Гедеванишвили, как сибарит 96-й пробы, думал только о своем чреве, а ген. Закариадзе, всегда на людях молчаливый и улыбающийся, упражнялся в нахождении компромиссов, в чем он доходил до виртуозности. Теперь я скажу о каждом отдельно.

Ген. Одишелидзе имеет все наружные признаки быть признанным знатоком военного дела. Он Генерального штаба, Георгиевский кавалер за Русско-Японскую войну и последняя его должность была командующего Кавказской армией, хотя последнюю должность он получил после революции, но в глазах совершивших революцию это обстоятельство являлось большим доказательством либеральности

его идей. Он знает военное дело, но часто просто жонглирует своими знаниями. Примеров этому много. Например, в случае с территориальной системой он высказывался следующим образом: "Территориальная система" – говорил он – "не значит, что воинская часть должна комплектоваться жителями той области, где она стоит (по давно установленной терминологии всех народов она именно это значит), воинская часть может стоять, например, в Поти и прекрасно может комплектоваться телавцами". Обладая знаниями, он не мог не вспомнить, что Франция до 1870-го года приняла именно указанную им систему комплектования и это была одна из причин ее катастрофы 1870-го года, ибо ее части вступили в боевые действия, не успев укомплектоваться; вспомнив это, он добавляет: "Правда, в войну 1870-го года это принесло большие несчастия Франции, но мы иначе не можем". Иначе говоря, и знание, и опыт были принесены в жертву желанию несведущих в военном деле власть имущих. Эти слова ген. Одишелидзе попадали на благодарную почву наших невежд. Они слышали два противные мнения: скажем мое и ген. Одишелидзе. Мнение ген. Одишелидзе, как отвечающее их желаниям, находило среди них отклик и они решали вопрос согласно этого мнения; они были невежды, не могли разобраться в чем дело; но мнение Одишелидзе отвечало тому, чего они хотели. Не раз на заседаниях, на которых иногда мне приходилось присутствовать, я наблюдал, как после сказанного кем-либо из числа штаба Гвардии, ген. Одишелидзе начинал словами: "Я хотел сказать, но такой-то уже предупредил мою мысль и я ничего не могу добавить" или же: "Я вполне присоединяюсь к мнению такого-то". И этот такой-то оказывался всегда членом штаба Гвардии. Я не помню, чтобы он когда-нибудь согласился с мнением высказанным, например, мной, хотя я всегда говорил лишь то, что в хороших книжках было написано и которые мы с ним изучали еще в Академии. Вообще же в прениях он всегда высказывался в весьма почтительных выражениях о высказанных мнениях невежд даже тогда, когда они были абсурдны. Я думаю, что В. Джугели, которого нельзя упрекнуть в неискренности, должен будет признать, что даже когда на общих заседаниях у него со всеми товарищами выходили разногласия, то ген. Одишелидзе, высказываясь по этому вопросу, соглашался одновременно и с ним, и с его противником. Так по крайней мере было указано самим В. Джугели на одном из докладов ген. Одишелидзе в Константинополе. У меня бывали с ним споры по поводу общего положения и он высказывался, что мой способ ухода в отставку не патриотичен, что нужно остаться, чтобы хоть что-нибудь сделать. Я же находил, что оставаться для того, чтобы хоть что-нибудь сделать, зная, что это что-нибудь идет во вред родине, значит заведомо вредить ей и думаю, что даже пассивная оппозиция всех старших генералов, может быть, заставила бы власть имущих призадуматься. В горячем, одном из таких споров в кабинете ген. А. Гедеванишвили я

ему сказал: "Скажи, пожалуйста, почему ты здесь со мной так говоришь, а войдя в эту проклятую дверь", ведущую в кабинет Военного Министра, где происходили заседания Военного Совета, "ты говоришь обратное". Наши споры никакого результата не давали; может быть они играли обратную роль, ибо в порыве спорного задора ген. Одишелидзе отстаивал то, во что он сам не верил. Я не знаю чей способ, мой или его, был лучше; во всяком случае его способ, который можно назвать потаканием, не дал благих результатов.

После катастрофы 1921-го года выяснилось, что наше Военное Ведомство и подготовка страны в военном отношении была на самой низшей ступени. Если же имевшие значение генералы были бы более непреклонны в своих требованиях, то это вызвало бы со стороны правящих кругов уступку нашим военным требованиям или же скорей привело к такой неудаче, которая заставила бы их одуматься и приняться за правильную организацию вооруженных сил. Этот опыт обошелся бы нам дешевле нашей катастрофы. Я часто призадумывался над ген. Одишелидзе и задавал себе вопрос искренен ли он или нет, действительно ли он убежден в том, что он говорит, или действует из-за своих личных интересов. Он сам на это ответил летом 1921-го года в Константинополе. Он пришел к Конст. Плат. Канделаки, который был председателем Правительственной комиссии, ведавшей всеми делами в Константинополе. Он жаловался на несправедливость, оказанную ему Правительством, назначившим ему содержание, как и всякому обыкновенному генералу и просил возбудить вопрос о прибавке содержания, а сейчас дать ему денег для отсылки его престарелым родителям. Последнее ему дали. Приводя ряд доводов он говорил, что он помощник Военного Министра, что ему сказали, чтобы он выезжал, что он был Главнокомандующим "правда неудачным, но и ген. Квинитадзе также был неудачный", и т. д., исчерпав свои доказательства для прибавления содержания он, вдруг, указал, что ему должны прибавить содержание, наконец, хотя бы за то, что он, служа им, испортил свое имя, что (буквально это было сказано) "он при социалистах два года занимал позорное положение". Это было сказано и при других свидетелях, в числе которых был и я. Тут только я окончательно понял политику его поведения за все время его службы в Грузии. Значит он и тогда считал свое поведение позорным.

Генерал Гедеванишвили бессменно находился помощником Военного Министра с лета 1918-го по день нашей катастрофы. Он мог играть громадную роль вследствие своей должности; он мог оказать громадное влияние на ход военного дела. Но если спросить меня, то я не могу фактами доказать его вины. Во всех делах он как-то стушевывался. Он просто занимал кресло, на котором кто-то должен сидеть. Одно могу сказать, что за это кресло он держался

всеми правдами и неправдами. Он неоднократно высказывался, что он не может служить и должен уйти в отставку, ибо общее положение, социалистическое, не отвечает его мировоззрению и, вообще, он устал. Искренен он был или нет. Конечно, нет. Он никогда искренно не хотел уйти в отставку; ему все было все равно; он был прежде всего сибарит. Однажды он мне сказал, что в 6-й раз подал в отставку, забыв, что за два дня перед этим я был у него и он мне говорил, что подал в отставку в 4-й раз. Главное для него, это собственное материальное благополучие. На все остальное он плевал. Мне неоднократно приходилось быть у него в кабинете; я никогда не видел его погруженным в дела. Получив какую-либо бумагу, он прежде всего думал, куда бы ее спихнуть. Он всегда смотрел на часы и с тоской ожидал часа, когда ему можно будет оставить кабинет; тогда он садился в фаэтон и по дороге домой заезжал на Эриванскую площадь к Корбозу, где выбирал закуски к обеду. Вечера он проводил за азартной игрой в клубе "Унион". Последнее обстоятельство меня крайне удивляло. Как помощник Военного Министра мог себе позволить в клубе играть в азартные игры и как Правительство это допускало. Оно не могло не знать, ибо его проигрыши и выигрыши, достигавшие крупной цифры нескольких сот тысяч, бывали неоднократно на устах у всех в городе.

Но этот человек умел со всеми сохранить приятные отношения и я думаю, что эти приятные отношения обезоруживали членов Правительства. Эта его способность была прямо поразительна. Я слышал от многих своих сотоварищей резкие осуждения ген. Одишелидзе; о Гедеванишвили как-то все выражались в мягких выражениях. Он всегда старался все устроить хорошо, всех ублаготворить. Он неоднократно, например, высказывался об отрицательных качествах гвардейской организации и признавал ее вредной, но в 1919-м году сам, как помощник Военного Министра, вошел с проектом об организации армии, в которой поместил гвардейскую организацию, как отдельную бригаду. Надо было, чтобы штаб Гвардии был им доволен.

Несмотря на всю бесполезность его пребывания на таком высоком посту, он так сумел приучить всех к себе, что члены Правительства, вероятно, не могли себе представить его кресла заполненного кем-либо другим. Он был с высшим военным образованием, хотя Академию окончил по 2-му разряду. По рассказам моих сотоварищей он на западном фронте был прекрасный боевой начальник, храбрый, спокойный, распорядительный. Однако, я должен признать, что широких организационных способностей он был лишен. Несомненно, это хороший опытный начальник, но нужно, чтобы над ним был начальник, который заставил бы его работать. Я не могу признать в нем также стратегических способностей; Грузино-Армянская война разочаровала меня в этом отношении. В военной форме он мало был военным, но его можно было заставить быть военным

и хорошим военным. Двигателем его поступков было материальное благополучие; делом он мало интересовался. На заседаниях он никогда ничего не отстаивал, никогда ничего горячо не защищал, всегда ограничивался одной, двумя брошенными фразами и прежде всего заботился скорее кончить заседание. Конечно, фактического влияния на ход военных дел он не имел. Но он виноват в том, что не оказал своего влияния и был слишком пассивен. Он должен был прежде всего помнить к чему он призван, какие обязанности наложила на него судьба и не быть просто дополнением к креслу, которое занимал. Однажды в разговоре у него в кабинете он вдруг меня спросил: "Неужели ты веришь в самостоятельную Грузию?" Я был удивлен и резко ответил: "Чего же ты сидишь на этом месте, если в это не веришь".

Третьим лицом, имевшим влияние на ход военных дел, был ген. Закариадзе. Я даже должен сказать, что среди правящих кругов он пользовался более большим влиянием, чем ген. Одишелидзе и ген. Гедеванишвили. На заседаниях, по крайней мере тех, на которых я присутствовал, он всегда молчал. Но с ним, я это знаю, всегда советовались и не только лидеры соц-демократической партии, но и Председатель Правительства. Этого человека я никогда не мог понять или, вернее, я не мог понять внутреннего двигателя его поступков и его поведения. Сказать, что он не любил родину нельзя; сказать, что он особенно любил родину тоже нельзя, ибо в 1919-м году во время Ахалцихских событий, когда я ехал в Боржоми, ни он, ни полк. Нацвалишвили не только не выразили желания ехать со мной на Ахалцихский фронт, но отклонили от себя, и это в критическую минуту нашей государственной жизни. Может быть он любил материальные блага? Нет, он в своих привычках был скромен. Может быть жажда власти руководила им? Возможно, но нет признаков, подтверждающих это; правда, он был самолюбив и пожалуй тщеславен. Но он никогда не шел определенно к власти, как делал это ген. Одишелидзе. Он делал уступки, он соглашался на те или другие мероприятия, он не хотел ссориться с правящими, но не хотел ссориться и с оппозиционными кругами. Был он хороший военный или нет? Он тоже академик; человек с большим трудолюбием и я уверен, что его начальник по старому режиму был всегда им очень доволен. Он любил посидеть за стаканом вина в дружеской беседе, но никогда не высказывался определенно и тогда, когда у всех язык развязывается. Он всегда осуждал действия правящих кругов, всегда был недоволен гвардейской организацией, но никогда в лицо им это не говорил и ни одного шага не сделал против Гвардии. Он всегда хотел примирить непримиримых, совместить несовместимое, он все хотел уладить и был виртуозным создателем каких хотите компромиссов. Когда с легкой руки ген. Одишелидзе отменили

чины, то он придумал компромисс, по которому с получением должности чины автоматически приклеивались к лицу, занявшему эту должность. Нарушен был самый принцип значения чинов, получаемых за службу и служивших показателем честного служения и опыта. Вследствие такого компромисса по реорганизации армии мы увидели вчерашних лейтенантов полковниками и во главе части, где начальник призывается воспитывать офицеров и солдат, оказались люди, которых самих следовало воспитывать. Любил ли он военное дело? Нельзя сказать, что нет, но нельзя сказать, что да. Вообще он не выказывал никаких резких черт своего характера и никогда нельзя было узнать, так чего же он добивается, чего желает, что является его настоящим двигателем. Его также нельзя не обвинить в том, что он не умел или не хотел противиться хозяйничанью в военном деле полных невежд. Вся его деятельность на военном поприще произвела на меня одно впечатление; часто мне казалось, а теперь все более и более, что он просто был как агент соц-демократической партии в Военном Ведомстве. За границей его поведение в Константинополе и в Польше окончательно меня в этом убедило.

Таковы были лица, волею судьбы поставленные у кормила военного дела. Я сказал волею судьбы; нет, не волею судьбы, а людьми, не желавшими, чтобы у военного дела стали люди, которые могли бы помешать им делать то, чего они не знали и не умели, и эти люди умышленно выдвигали на эти должности людей, которые всегда могли с ними договориться и согласиться. Эти же ими выбираемые люди, частью по своему характеру, частью по жажде к власти, к материальному благополучию, всегда были готовы на все, что от них требовали власть имущие и боявшиеся прежде всего потерять свою должность. Я не могу винить власть имущих по существу, т. е. в деле устройства вооруженных сил и подготовки страны к обороне; они люди несведующие в этом деле и ошибались, и должны были ошибаться в выборе тех или других мероприятий.

Несравненно тяжелее вина тех, кто по своей службе должен был знать, что лучше и что хуже, что нужно делать и чего не нужно делать. Эти люди должны были делать то, чему учились и что знали, и не соглашаться на навязываемые им решения, каковые они считали неправильными и даже вредными. Таким образом, если они искренно соглашались на эти меры, они выказали свое невежество; если же они соглашались на эти меры, заведомо находя их вредными, то они являются преступниками, ибо дело касалось не их, а родины, всего народа, к службе которому они были призваны.

ГЛАВА XXIII

После последней отставки. – Мобилизация

ПОСЛЕ ПОСЛЕДНЕЙ ОТСТАВКИ

Теперь я приступаю к дальнейшим своим воспоминаниям. Я ушел в отставку в начале сентября 1920-го года, но мне пришлось продолжать жить в Военной Школе. Начальником Школы был назначен ген. Андроникашвили. Принимая Школу и неуверенный, что я там продержусь долго, я свою квартиру на Саперной улице уступил офицеру Школы Элизбару Шервашидзе. Офицерские помещения в Военной Школе были заняты также гвардейскими офицерами. Я предусматривал свой уход и в случае такого положения офицер, занимавший мою квартиру, занял бы квартиру одного из офицеров Гвардии, очищения которой я бы требовал, чтобы в свою очередь иметь возможность перейти в свою квартиру. Я оказался предусмотрительным.

Три месяца штаб Гвардии тянул своими обещаниями и только в декабре я перебрался на свою старую квартиру на Саперной. Благодаря такому положению вещей, когда штаб Гвардии обещал очистить квартиру не сегодня-завтра, я был лишен возможности поместить детей в школу, ибо Военная Школа находилась на Плехановском проспекте, а моя старая квартира на Саперной улице. Ожидая каждый день переезда, я рассчитывал отдать их в одну из школ на правом берегу Мтквари. А в декабре уже было поздно их отдавать. Так и не отдал. Я продолжал оставаться преподавателем в Военной Школе, где я читал тактику и военную историю. В месяц я получал около 9000 руб. за лекции. Мне Правительство назначило ежемесячное пособие в 1000 руб. Каждому ясно, что жить тогда в 1920–21-м годах на эти средства моя семья не могла и в ту зиму мне пришлось продать свои ковры на сумму более полумиллиона.

Осенью старший класс юнкеров преподнес мне в подарок кинжал

с золотой насечкой. Я был так растроган этим проявлением симпатии юнкеров, что едва мог им отвечать. Кучка юнкеров оказалась щедрее Правительства.

9000 руб. ежемесячного вознаграждения за мое преподавание было не Бог весть какая сумма, но я не хотел бросать своих любимцев и ходил два раза в день, утром и вечером, в Школу на Плехановскую с Саперной улицы, это было утомительно, но что делать, я не мог тратить на трамвай, ибо это отняло бы у меня значительную часть зарабатываемых денег.

Однажды в декабре я на улице встретил Акакия Чхенкели. Он сказал мне, что хотел бы со мной поговорить по многим вопросам. Я выразил полную готовность. Через некоторое время он позвонил мне по телефону и просил в тот же вечер быть у него. Я пошел. Я у него просидел часа 4–5. Мы говорили на военные темы. Уже в конце беседы он спрашивал моего мнения о некоторых генералах. Я отвечал уклончиво. Когда он спросил о ген. Одишелидзе, я сам спросил его, а какого он о нем мнения. Выяснилось, что мы оба были одного и того же мнения о нем. Это мнение было не в пользу ген. Одишелидзе. Тогда я его спросил: "Это ваше мнение личное или и другие придерживаются того же?". Он мне ответил, что это мнение всех. "Так зачем же его назначают Главнокомандующим?" – не выдержал я. – "Ей Богу не знаю" – ответил Акакий Иванович со своей всегдашней симпатичной и милой улыбкой.

МОБИЛИЗАЦИЯ

За это время, осень 1920-го года, не вспоминаю какого-либо военного события кроме мобилизации. Мобилизация была объявлена в ноябре. Кажется были призваны запасные 4-х призывов. Я встречал в Школе два раза в неделю ген. Закариадзе и полк. Гедеванишвили; они также были преподавателями. О современных военных вопросах мы почти не разговаривали. Я спросил ген. Закариадзе чем вызвана мобилизация, против кого мы начинаем войну. Он ответил, что имеются сведения, что большевики имеют намерение напасть на Грузию и, чтобы не быть застигнутыми врасплох, объявлена мобилизация, но что начинать войну сами не будем. "А если" – спросил я – "большевики не будут нападать, до каких пор мы будем держать войска мобилизованными?" Он ответил, что, вероятно, вопрос выяснится, когда можно демобилизовать войска. Я возразил, что войска мобилизуются, когда вопрос о войне определенно решен и держать войска мобилизованными нельзя и по экономическим, и по моральным причинам. На мой вопрос, почему же оставили очередной призыв молодых, он ответил, что по материальным соображениям мы не могли одновременно призвать и

запасных, и молодых. По-моему такое решение не было целесообразным, и я высказал свои соображения. "Таким способом" – ответил я – "Вы лишили себя на 15–18 тысяч обученных, которых Вы получили бы призвав молодых солдат. Если Вы немедленно начинаете войну, тогда Вы правы; но раз это вопрос неопределенного времени, то молодые, после 6-ти недельного обучения, оказались бы уже способными к войне, и наш опыт показал, что молодые всегда оказывались более боеспособным материалом, чем запасные. В случае же экстренности Вы могли бы призвать запасных, а для быстроты мобилизации принять подготовительные меры, способствующие ее ускорению, а также меры прикрытия границ, что было бы дешевле, чем содержание людей, призванных из запаса. Что можно было бы призвать часть запасных, уменьшив их число за счет молодых; что, наконец, вряд ли большевики начнут зимнюю кампанию, и что делать то, что они делают, т. е. только мобилизовать запасных, надо лишь в случае непреложности сведений о зимней кампании большевиков". На это от ген. Закариадзе я получил ответ, что так было решено, и мы больше к этому вопросу не возвращались. Я слышал, что будто бы потом произвели демобилизацию; не знаю верно ли это. Во второй половине января призвали молодых, и я думаю, что это была для большевиков одна из причин ускорить начало войны.

ГЛАВА XXIV

Война с большевиками 1921-го года. – Призыв к принятию участия в войне. – Обсуждение плана предстоящих действий. – Назначение Главнокомандующим. – Положение на юго-восточной границе. – Оборона Тбилиси. – Потеря и взятие Коджорского массива. – Тбилиси окружен. – Отход к Мцхета. – Хашурское наступление. – Самовольный уход с поля сражения Гвардии

ВОЙНА С БОЛЬШЕВИКАМИ 1921-ГО ГОДА

Наконец, гром грянул. В ночь с 11-го на 12-е февраля большевики атаковали врасплох наши части, стоявшие в спорной зоне. Армения уже была занята большевиками. Какие там стояли войска я доподлинно не знаю. Как мне передавали потом это расположение было следующее: одна группа войск стояла в Лори; 3 батальона, это были гвардейцы. Вдоль Санаинского ущелья стояла другая группа, состоявшая из армейских частей (3 батальона); третья группа, состоявшая из гвардейцев, стояла у Красного моста (7 батальонов); 4-я группа, тоже из гвардейцев, стояла у Пойлинского моста (2 батальона). Все эти группы от Пойли до Воронцовки были подчинены ген. И. Гедеванишвили, находившемуся в Сандари.

Нахожу, что такое громадное пространство для управления войсками, как от Пойли до Воронцовки, было чрезмерно для одного человека и ничем не оправдывалось. Кроме того, согласно этого распределения, группа войск стоявших вдоль Санаинского ущелья имела путь отступления вдоль своего общего фронта расположения. 5-я группа войск стояла у Лагодехи (2 батальона). В резерве находились расположенный в Тбилиси батальон 1-го полка и особый гвардейский батальон. Конница, армейский полк, стоял на Санаинском направлении; гвардейский же дивизион, кажется, у Красного моста, а может быть в Тбилиси; я этого не знаю. Знаю, что конница не была соединена вместе и ее было очень мало, не более 400–500 сабель; соединенные вместе они все же представляли бы некоторую

силу. Подробности расположения войск генерала Гедеванишвили я не знаю. Но я не верю в его военные способности и думаю, что они были расположены не целесообразно. Главнокомандующий, конечно, должен был знать подробно расположение этих сил, тем более, что войска там стояли давно. Если это расположение не соответствовало его желаниям или, вообще, он находил его неправильным, он должен был вмешаться и исправить так, как находил нужным. Не знаю: имело это место или нет. По докладу сделанному ген. Одишелидзе в Константинополе, когда я был уже в Париже, он говорил, что он сделал ген. И. Гедеванишвили указания, но этот последний, по уверению ген. Одишелидзе, не исполнил их.

Первоначальные действия, как мне удалось выяснить, разыгрались следующим образом. В ночь с 11-го на 12-е февраля большевики при содействии местного населения неожиданно атаковали наши войска стоявшие вдоль Санаинского ущелья и в Лори[1]. Мне говорили, что в Лори о готовящемся нападении узнали все же раньше, и начальник перед этой ночью главную массу своих войск, стоявших в Воронцовке, вывел из селения, благодаря чему эта часть войск избежала неожиданного нападения; но его небольшие отряды, стоявшие в других частях Лори не избегли этого. Передал ли этот начальник о готовящемся нападении ген. Гедеванишвили и были ли предупреждены Санаинские войска, я не знаю; думаю, что последние этого не знали и были застигнуты врасплох. В результате Лорийский отряд, сделав попытку помочь своим мелким разделениям, стал отходить по Воронцовскому шоссе на Екатериненфельд–Тбилиси, два же батальона стоявшие на Санаинском направлении, 5-й и 8-й, были почти полностью выведены из строя; остатки Санаинского отряда отходили на Садахло и далее на Сандари.

Меры были приняты следующие. Отошедшим от Санаина войскам было приказано перейти в наступление; эта группа была последовательно усилена батальоном 1-го полка и особым батальоном, а ген. Джиджихия, стоявшему у Красного моста с 7-ю батальонами, было приказано поддержать это наступление, наступая от Красного моста на Айруми. Коннице приказано было идти через Волчьи Ворота на Лори.

Все это не удалось. Санаинская группа, потерявшая две трети своего состава, не была способна сейчас же перейти в наступление ни по своим силам, ни по состоянию духа, сильно подорванному их первой неудачей; остатки санаинцев к своему ядру в Садахло присоединялись частями, а конницу я разыскал лишь 17-го февраля. Ген. Джиджихия прошел горы к северу от Айрума, встретил слабое сопротивление, но видя свою изолированность отошел на Храм, где и пристроился к отступавшему Санаинскому отряду, расположив их фронтом на юг и флангом к Красному мосту, у которого нахо-

[1] У границы с Арменией.

дился лишь один гвардейский батальон, фронтом на восток. Между тем Санаинская группа согласно отданного распоряжения пыталась перейти в наступление, но фактически перешел в наступление только пришедший в первую голову на подкрепление особый гвардейский батальон, единственная атака которого не могла оказать влияния на ход действий и этот батальон принужден был отойти с остатками Санаинского отряда на Храм. Отряд ген. Джиджихия и Санаинская группа действовали без связи и разрозненность их действий привела к их отходу на Храм, когда в ночь с 15-го на 16-е февраля я был призван к участию в войне.

К этому времени войска Санаинской группы были, помимо особого батальона, усилены батальоном 1-го полка, стоявшего в Тбилиси, и из состава караульного батальона туда же были направлены две роты. Кроме того из Батуми был, наконец, вызван батальон 9-го полка. Остальные войска не были тронуты. Оставались 2, 3, 4, 10, 11 и 12-й полки. Эти полки оставались на своих местах и сохранялись, вероятно, для будущих действий на других направлениях. Такое решение нельзя признать правильным. Враг атаковал нас на самом для нас существенном направлении и сразу добился огромного успеха. Бои велись в одном из двух переходов от Тбилиси и к обороне столицы из глубины Грузии был призван только один батальон 9-го полка. Кроме того, никаких мер к эвакуации города принято не было. Никакого плана обороны страны на случай войны с большевиками составлено не было, несмотря на то, что не только к этой войне готовились, но в ноябре, т. е. за 3 месяца перед событиями, войска были мобилизованы и частично развернуты на угрожаемом фронте.

В это время я жил себе мирно на своей квартире и, конечно, не был в курсе настоящих событий. Я знал из уличных разговоров о наших неудачах, но размеров их не знал. Я был относительно спокоен; я уже три года привык к тому, что всегда у нас начинали с неудач и затем их удавалось исправить. Я был далек от мысли о катастрофичности наших неудач, тем более, что к войне готовились с ноября месяца и во главе войск был поставлен такой знающий воин, как ген. Одишелидзе. Я верил в то, что он все предусмотрел и эти неудачи не окажут того катастрофического влияния, какое они произвели в действительности. Я был болен и уже около недели пригвожден к постели. Я простудился, у меня появился сильный насморок и появились первые признаки начинавшегося гайморита. Я обратился к доктору Озембовскому, который что-то у меня в носовой полости прижег, после чего у меня начались сильные головные боли и температура поднялась. Я лежал в кровати. До меня доходили прерывистые сведения. Ко мне зашел Лели Джапаридзе и просил дать статью для их газеты. Несмотря на болезнь я дал беглый

стратегический обзор театра предстоящих действий. Второй статьи я не успел дать, ибо был призван к действиям. Между тем уже 13-го и 14-го февраля меня многие знакомые поздравляли с назначением на должность Главнокомандующего и передавали это якобы из первоисточников. Я удивлялся тому обстоятельству, что это в городе всем известно, но неизвестно лишь мне, кого именно это касается.

ПРИЗЫВ К ПРИНЯТИЮ УЧАСТИЯ В ВОЙНЕ

15-го февраля я впервые встал с кровати, когда вечером часов в 8–9 мне позвонили по телефону. По голосу я узнал В. Джугели. "Георгий Иванович" – говорил он – "мне нужно с Вами поговорить". "К Вашим услугам" – отвечал я. "Как Вы думаете реагировать на текущие события" – продолжал он. "А что дела очень скверны?" – в свою очередь спросил я его. "Да, как Вам сказать? Как Вы реагируете" – настаивал он. "Как всегда" – отвечал я – "уходя в отставку я заявил, что если я понадоблюсь Правительству, то я к его услугам и этого держусь и сейчас". "Нам надо переговорить с Вами" – продолжал он. "Хорошо, откуда Вы говорите?" – спросил я. "Из штаба Гвардии" – отвечал он. "Я сейчас приду к Вам" – сказал я, (штаб Гвардии расположен напротив моей квартиры). "Нет, не беспокойтесь; Вы ведь напротив штаба живете, я сейчас к Вам приду". Мы разъединились. Я стал ждать. В 10-м часу он зашел ко мне и стал говорить. Он мне раскрыл обстановку и я понял всю катастрофичность нашего положения. Он меня спрашивал согласен ли я принять участие в войне. "Конечно" – последовал мой положительный ответ. Во время разговора я высказал удивление, почему надо было ему приходить ко мне с какими-то переговорами, когда Правительство могло по телефону вызвать меня, как делало и раньше, когда была нужда во мне. Тут же я ему высказал, как я понимаю его приход ко мне. Я ему сказал, что я отлично знаю, что он, В. Джугели, настаивал на моей последней отставке, и он знает, что я это знаю; теперь, когда оказалась нужда во мне и полагая, что я из чувства неудовольствия против него, могу отказаться от участия в войне, он и пришел лично ко мне, желая подчеркнуть, что он ничего не имеет против моего участия в войне, но что это для меня мелочь, не стоющая моего внимания. Он честно не возражал. "Война проиграна" – сказал я ему – "но драться надо". Он отправился доложить Правительству о моем согласии принять участие в войне. Часа через два, кажется около полуночи, меня призвали в Министерство Иностранных дел. Я вошел в кабинет и увидел многолюдное собрание.

ОБСУЖДЕНИЕ ПЛАНА ПРЕДСТОЯЩИХ ДЕЙСТВИЙ

Председательствовал Председатель Правительства. Собрание состояло из членов Правительства, членов штаба Гвардии и других лиц, среди которых вспоминаю Гр. Спир. Лордкипанидзе, Бения Чхиквишвили, Сильвестра Джибладзе и др. Военные были двое: ген. Одишелидзе и ген. Закариадзе. На столе была развернута 5-верстная карта. Мне начали разъяснять обстановку, в которой находились наши войска, причем Председатель Правительства предупредил, что они имеют достоверные сведения о выступлении противника также и со стороны Азербайджана, т. е. через Красный мост. Обстановку обрисовал ген. Одишелидзе, с первых слов которого нельзя было не угадать нашего критического положения. Положение ген. Одишелидзе рисовал в общих чертах и не зная, где в данный момент находятся войска. Так, он не знал, где находятся батальоны Джиджихия, где находится конница и даже весь Санаинский отряд. О последнем он получил телеграмму от ген. Гедеванишвили, который просил разрешения отвести войска за Храм, но он не ответил еще, а была уже полночь; я был уверен, что войска, не получая указания, отошли за Храм, как оно и оказалось в действительности. На мой вопрос ген. Закариадзе, где же точно находятся войска, он отвечал предположительно. Н. В. Рамишвили, наш доморощенный стратег, неоднократно вмешивался. Таким образом обстановка, как она понимается на военном языке, была для меня весьма туманна и добиться ее разъяснения не было никакой возможности ввиду отсутствия положительных сведений. "Какой Ваш план?" спросил меня Председатель Правительства. Я ответил резко; положение было гораздо хуже, чем я думал по разговору с В. Джугели. Выиграть войну можно было лишь чудом; можно было только драться, можно было только попытаться спасти эвакуацию Тбилиси, спасти честь оружия, так сильно помраченного в начале же боевых действий. Я ответил: "План сразу создавать нельзя; план создается и вынашивается, как ребенок женщиной. У командования должен быть давно готов, как общий план обороны страны, так и предстоящих действий. Я могу лишь, выслушав этот план, высказать свой взгляд на него". Обратились к ген. Одишелидзе. Он ответил, что он приказал войскам отойти на линию такую-то. И это все. Линия была указана к северу от Шулавер и к югу от реки Храма. Линия была выбрана очень неудачно: перед фронтом шли высоты, которые были в руках противника, наши же войска должны были расположиться на равнине, имея в тылу Храм. Ген. И. Гедеванишвили был прав прося разрешения отойти за Храм, если к этому его побуждали вышеуказанные соображения. Я со злостью смотрел на ген. Одишелидзе и с сокрушением на его начальника штаба. Тактически решение отвести войска на указанную линию было абсурдом. Если на вопрос каков план предстоящих

военных действий, офицер, еще обучаясь в Академии, ответил бы подобным образом, он был бы немедленно изгнан из Академии.

Перешли к обсуждению плана предстоящих действий. Я указал на всю опасность принять бой на Храме имея фланг у Красного моста, ибо при таком положении противник занимал охватывающее положение и неудача одной из сторон угла, под которым стояли войска, влекла поражение и другой стороны угла. Дальше обсуждать вопрос уже не представилось возможным: вмешался доморощенный стратег Н. В. Рамишвили. Он предлагал немедленно образовать группу войск (из кого?) в районе у Пойлинского моста и оттуда ударить в тыл противника через Мтквари в направлении на Казах. План был абсурден и неисполним. Во-первых, из кого можно было образовать эту группу и когда она могла образоваться, во-вторых, этой группе, даже если бы она могла быть образована, предстояло перейти Мтквари, противоположный берег которой был в руках противника, и при этом не имелось средств переправы; наконец, кто бы удерживал Тбилиси, какие войска? Ведь не те же, кто отходил за Храм и которым угрожал удар во фланг со стороны Красного моста. Положение было слишком критическое, чтобы выслушивать абсурдные планы профанов и оставаться хладнокровным. Я повернулся и сказал ему: "Ной Виссарионович, я три года прошу Вас не вмешиваться в военные дела, благоволите хоть на полчаса заткнуть Ваш рот". Он замолчал, правда, но в дальнейшем все же принимал участие в разговоре. Однако главный вред уже был сделан. Против такого плана высказывался я один. Мои коллеги по оружию к крайнему моему удивлению соглашались с Ноем Рамишвили. Меня предназначали начальником этой группы; даже предложили вступить в командование и Храмской группой; вообще говорилось многое. Выждав момент молчания, я обратился к ген. Одишелидзе с вопросом: "А что у тебя есть для перехода через Мтквари?" "Один паром" – последовал ответ. Я нарочно спросил так, чтобы все слышали мой вопрос и ответ. "Вы из Кукиа на Веру (участки Тбилиси) не сумеете на одном пароме перевезти войска, как же можно перевезти войска через Мтквари, противоположный берег которой в руках противника?" Но и это оказалось бесплодным. По предложению Н. В. Рамишвили перешли к голосованию и поднятием рук постановили: "Быть начальником этой Пойлинской группы генералу Квинитадзе". Когда дело доходит до поднятия рук, я всегда умолкаю; дальнейшие доводы уже бесплодны. Я отошел от стола. Ко мне стали подходить отдельные лица и просили не отказываться и принять эту должность. Они говорили, чтобы я фактически вступил в командование всеми войсками, чтобы я взял управление в свои руки и распоряжался, как я нахожу нужным, что собственно решено отставить ген. Одишелидзе, но что сейчас этого сразу не хотят сделать и дня через два-три это сделают. Я не мог их убедить, что это невозможно. Стали расходиться.

Я остался и сказал Председателю Правительства, что имею ему доложить. Я просил остаться и В. Джугели. Мы остались втроем. Я сказал Председателю Правительства, что он может подозревать меня в чем угодно, даже в измене родине, но что эту должность я не могу принять, ибо этот план невыполним и гибелен. Я, конечно, горячился и сейчас не вспомню всего, что говорилось каждым из нас. Однако вопрос коснулся и ген. Одишелидзе. Да, сейчас, вспоминаю; мне предлагали действовать самостоятельно, самому себе ставить задачи, совершенно не обращая внимания на ген. Одишелидзе, на Главнокомандующего. Это было нечто колоссальное. Заговорив о ген. Одишелидзе Председатель Правительства стал о нем выражаться отрицательно; того же мнения держался и В. Джугели. Я не знаю, можно ли было оставаться хладнокровным. Еще зимой я слышал это самое от А. И. Чхенкели; теперь глава Правительства правящей соц-демократической партии и глава Гвардии говорили то же самое. Я спросил Председателя Правительства: "Скажите, это сейчас у Вас составилось такое мнение, сегодня?" "Нет" – живо возразил он.-"Я всегда был о нем такого мнения". Я потерял хладнокровие и с обычной прямотой возразил: "Так с Вашей стороны это преступление перед Родиной. Как? Вы Председатель Правительства, могли назначить его на такой ответственный пост, когда Вы такого отрицательного мнения о нем". Он молчал, я должен был успокоиться.

Трудно быть хладнокровным, когда видишь гибнущую родину и когда призванные ее охранять решают вопросы первой важности с таким преступным легкомыслием. Нельзя иначе назвать действие, когда заведомо на пост Главнокомандующего приглашают лицо, в которое заведомо не верят и которое заранее же не считают способным руководить войсками. Совершенно уместен здесь вопрос: что это глупость или преступление? Итак, правящие сознательно призывали на пост Главнокомандующего ген. Одишелидзе, совершенно не веря в него, как в руководителя войск. Это было подтверждено Председателем Правительства, главой соц-демократической партии. Принимая же во внимание сознание ген. Одишелидзе в Константинополе, что он при этой партии занимал позорное положение, приходится прийти к заключению, что это было молчаливое согласие двух сторон. Одна сторона покрывала другую и истина была скрыта от народа. О родине правящие не думали. Перед народом они могли оправдаться, в случае несчастья, тем, что они призвали к власти наиболее авторитетного генерала; и они делали это сознательно. Председатель Правительства, поддержанный В. Джугели, предложил мне фактически вступить в должность Главнокомандующего и сказал, что они на днях отставят ген. Одишелидзе от его должности.

Должен был я отказаться от этой должности или нет. Я ясно сознавал, что родина гибнет; спасти ее нельзя было. Мы военные зна-

ем одну из военных и правдивых истин: ошибки, допущенные в начале войны, вряд ли могут быть исправлены в течение всей кампании. Это сказано, принимая во внимание правильное развитие вооруженных сил и плана обороны страны. Применить эту истину к нашему положению нельзя было. Ошибок не могло быть, ибо ничего не было сделано. Это была с самого начала одна сплошная ошибка. Ни плана войны, ни подготовки страны к войне, ни мобилизации, ни организации вооруженных сил, ни устройства каких-либо тыловых или передовых позиций, ни подготовки материальных средств, ни боевых, ничего, ничего не было предусмотрено. Это было какое-то кошмарное затмение. Думая только о себе, конечно, я должен был отказаться и умыть руки. Но мог ли я это сделать. Ведь я грузин и неоднократно поступался своим личным "Я". Каждый грузин мог меня упрекнуть, что я в такую тяжелую минуту, когда гибла родина, хладнокровно остался в стороне. Я должен был согласиться, и я согласился. Но я поставил условием, чтобы вопрос о ген. Одишелидзе был решен к полудню следующего дня. Председатель Правительства обещал и просил меня прийти завтра в Генеральный штаб, куда он придет, и что он посоветуется с ген. Закариадзе. О чем он должен был посоветоваться? Наверное не знаю, но думаю, что о том, как отставить от должности ген. Одишелидзе и куда его деть. Таким образом ходячее мнение, что я был приглашен в эту знаменательную ночь на пост Главнокомандующего не соответствует действительности. Я был приглашен на пост начальника одной из групп, которую никогда не смогли бы образовать, с удивительной задачей перейти реку Мтквари на одном пароме и атаковать противника в тыл в направлении на Казах, согласно предложения военного знатока Ноя Рамишвили. Я думаю, что приглашая меня на этот пост руководствовались чем-то другим, а не желанием вручить оборону родины мне. Общественные круги были недовольны неудачным началом войны. Еще тогда, когда к руководству войсками был призван ген. Одишелидзе, и тогда высказывались за нецелесообразность такого назначения, теперь открыто говорили об этом и требовали моего назначения. Делая уступку такому общественному требованию, правящие и решили призвать меня, но не в качестве Главнокомандующего, а в роли отрядного начальника.

НАЗНАЧЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ

На другой день с утра я был в штабе и стал выяснять обстановку; произошла маленькая сценка, которую не могу не описать. Ген. Одишелидзе был там же. В это время от нашей авиации прибыл офицер Богомолов, получить указания для действия. Ему давали указания, я слушал. Указания ему давались в самых неопределенных и рас-

плывчатых выражениях. Я по лицу этого офицера увидел, что он не уясняет, что летчикам надлежит делать и боится спросить, ибо с ним говорил Главнокомандующий ген. Одишелидзе. Смущение его мне было понятно. Его отпустили. Он нерешительно повернулся и вышел из кабинета. Я выскочил за ним, ввел его в другой кабинет, разложил карту и объяснив, где наши войска, точно указал, куда и по какому направлению лететь, что разведать, куда бросать бомбы и пр. "Понятно?" — закончил я. Надо было видеть, как расцвело его лицо. Он рассыпался в благодарностях и вместо того, чтобы ответить, что понятно, говорил: "Покорно благодарю, Ваше Превосходительство". "Да что вы благодарите, понятно или нет?" — спросил я. "Так точно, теперь понятно" — отвечал он и, продолжая благодарить, выскочил из кабинета.

К полудню я уже был в курсе обстановки, насколько можно было, и наметил себе что дальше делать. В 1-м часу дня, когда я сидел или вернее лежал на карте и рассматривал ее, в этот кабинет вошел ген. Одишелидзе и протягивая руку сказал: "Ты назначен на мое место; вручаю тебе армию; желаю тебе успеха". Я молча пожал его руку и продолжал заниматься своим делом.

Он был отставлен, но назначен Военным Советником при Председателе Правительства. Это было изобретение, очевидно, ген. Закариадзе, падкого на всякие компромиссы. Действительно, что это такое Военный Советник при Председателе Правительства. Я уже не говорю, что такой должности в нашем "Кребули" не существовало; с этим обстоятельством наши правящие не церемонились. Но я хочу остановиться на этом назначении по существу вопроса. Выходило, что человека, которого отставляют от должности Главнокомандующего, скажем прямо, за неумение руководить войсками, оставляют в качестве советника, т. е. он по своей новой должности мог вносить те или другие поправки в действия своего заместителя, следующего Главнокомандующего, действуя через Председателя Правительства, которому, и ему одному, подчинялся Главнокомандующий по нашему "Кребули". Можете себе представить, что могло бы произойти. Новый Главнокомандующий должен был все время чувствовать над собой надзор отставленного Главнокомандующего, всегда могущего так или иначе влиять на несведущего в военных делах Председателя Правительства. Половинчатость решений была всегдашним спутником не только нашего бесхарактерного Правительства, но и всех правящих.

Вступив в свою должность, я сейчас же вытребовал все войска, еще находившиеся в своих стоянках. Мой план действий я наметил в общих чертах такой. Отвести с Храма войска на Сакараулис-Мта и на Коджорский массив. Эти возвышенности нам давали возможность иметь время, в течение которого я мог собрать войска из

тыла и маневрируя этими группами дать бой противнику. Поэтому я вызвал в Тбилиси все, что можно было вызвать. Из перечня того, что я вызвал, можно будет узнать сколько войска участвовало в боях до Тбилисской обороны и сколько войск обороняло Тбилиси.

Оставались невызванными 2, 3, 4, 10, 11 и 12 полки армии; из Гвардии не были вызваны батальоны Сухумский, Батумский, Ахалцихский и два Горийских. Таким образом до моего вступления принимали участие в бою из числа гвардейских 22 бат., 16 и 17 бат., из которых один находился в Лагодехи, а два на Пойлинском направлении. Итак 14–15 батальонов участвовало в боях на фронте от Лори до Красного моста и к 16-му февраля, к вечеру, их не существовало никого. Что касается армии, то в этих боях участвовали 1, 5, 7, 8 полки и 2 роты караульного батальона. 16-го февраля утром я выехал встретить разбитые на Храме войска и насчитал 600–700 человек. Эти отходили в порядке, никем не преследуемые. Это было человек 300 из батальона 1-го полка и не более 150 человек караульных рот. Остальное число приходилось на армейские и гвардейские части.

Что касается Лорийских гвардейских батальонов, то они при отступлении, встретив противника в районе Екатериненфельда, окончательно деморализовались и рассыпались. В течение боев под Тбилиси они кучками и по одному подходили к нашему Коджорскому участку. Наметив план, я вызвал в Тбилиси 4, 10 и 17 полки, два Горийских гвардейских батальона; 4-й полк стоял в Батуми, 10-й в Ахалцихе и 11-й в Ахалкалаки. 12-й батальон стоял частью в Ардагане, частью на Манглисе и был в таком состоянии, что не мог выступить; он был без обуви и одежды; пришлось его не вызывать. 4-й батальон прибыл только в половинном составе 17-го, а вторая его половина прибыла в ночь с 18-го на 19-е февраля. 10-й батальон прибыл 18-го или 19-го, а 11-й лишь тогда, когда мы отступили к Хашури и то в ночь, предшествующую нашему отступлению. Горийские гвардейские батальоны прибыли 17-го февраля.

Должен отметить одно обстоятельство. По мобилизации батальоны должны были превратиться в 3-х-батальонные полки. К моему вступлению 2-х и 3-х батальонов не существовало и полки выступили в составе 1-го батальона; остальные формировались на местах стоянок. За все время наших действий батальоны так и не развернулись в 3-х-батальонные полки. Не было материальной части. Для Сухумского направления я оставил 2 и 3 батальоны и Сухумский батальон, считая, что 7-й батальон, отстаивая шаг за шагом позиции в Приморском дефиле, дадут мне свободу действий к востоку от Тбилиси. В случае удачи к востоку от Тбилиси, я имел бы возможность Сухумское направление подкрепить из числа Тбилисских войск; успех на востоке дал бы возможность ослабить войска, ибо

Азербайджан и Армения, увидя отходящие войска противника, несомненно присоединились бы к нам, что значительно облегчило бы наши здесь действия.

День 16-го февраля был для нас злополучным. Уже с утра мы получили сведения, что бой начался у Красного моста и по фронту Храма. Сведения не поступали; провода не действовали и это было показателем, что там неблагополучно. В. Джугели вызвался поехать в Сандари; не могу сказать, это было утром или после полудня. При первых известиях о неблагополучии я двинул подошедший по железной дороге батальон 9-го полка на Саракулис-Мта с целью принять отходящие от Красного моста части. Наконец, к наступлению темноты обстановка выяснилась; кап. Едигарашвили, наш контрразведчик, со станции Кумисси по аппарату докладывал общую картину. Все бежало в полном беспорядке. Через него мы стали спрашивать Сандари; от станции Сандари узнавали по телефону и затем передавали эти сведения. Он передавал, что в Сандари все сбились в кучу, восстановить порядок нельзя было, и что ген. И. Гедеванишвили в вагоне Джугели поехал в Тбилиси для личного доклада, за себя оставив ген. Сумбаташвили и возложив на него упорядочить отступление. Мы стали ждать ген. Гедеванишвили, но, конечно, ничего нового не могли узнать от него. Итак войск к востоку от Тбилиси не существовало; был только один батальон 9-го полка, направленный на Сакараулис-Мта. План мой занять Сакараулис-Мта и Коджорский массив отпадал, ибо эти возвышенности некем было занять. Вызванные войска могли подойти лишь 17—18-го февраля и их недостаточно было для занятия этих высот. Участь Тбилиси была решена в боях у Красного моста и на Храме. Если бы противник развил 16-го февраля преследование хотя бы одной своей кавалерией, ночью он беспрепятственно мог бы войти в Тбилиси, ибо в течение ночи на улицах Тбилиси появились не только гвардейские артиллеристы, бросившие свои орудия, но и пехотные солдаты. Надо было уберечь Тбилиси о внезапного нападения. Я потребовал к себе начальника гарнизона ген. Мазниашвили. Узнав от него, что у него найдется около 400 штыков, я приказал ему немедленно вести их на Саганлугскую позицию и занять укрепления влево и вправо от шоссе. Часов около 10—11 ночи приехал ген. И. Гедеванишвили с докладом. Я спросил, зачем он приехал. Он ответил, что приехал, чтобы лично доложить о том, что там случилось. Я сухо ответил, что для доклада существуют провода и если провод не действует из Сандара, он мог бы со следующей станции говорить со мной по аппарату, что начальник нужен не для того, чтобы докладывать, а для того, чтобы руководить войсками. Я приказал ему остаться в Тбилиси и ускорить формирование батальонов своей дивизии. Его энергия проявилась в том, что за наше 9-ти дневное пребывание в Тбилиси он дал один батальон 5-го полка числа 19-го февраля и один батальон 24-го февраля.

Прежде чем перейти к описанию дальнейших действий, я укажу на одно обстоятельство. Вступив в свою должность, я заметил в штабе двух турецких офицеров; один был Казим-бей, другой его адъютант Талаат-бей. Я спросил начальника штаба ген. Закариадзе, что это значит. Он ответил, что они все время в штабе и по проводу переговариваются с Ангорой, где наш представитель Мдивани ведет переговоры с Кемаль-пашой; в дальнейшем выяснилось, что Казим-бей все время посылает в Ангору шифрованные телеграммы и на турецком языке. Я немедленно приказал это прекратить и передать этому господину пользоваться аппаратом в течение одного часа, не посылать никаких шифрованных телеграмм и чтобы при его переговорах присутствовал офицер, знающий турецкий язык.

Несколько слов о Сабахтарашвили, помощнике Министра Иностранных дел. Я должен отметить следующее. Во все время пребывания нашего в Тбилиси он ежедневно говорил мне, что турки начнут войну с большевиками; что у него имеются на это сведения; он даже рассказал мне, что "сегодня вечером" я получу сюрприз от турок, т. е. выступление их против большевиков. В самообольщении он говорил: "Вот увидите, Георгий Иванович, турки выступят против большевиков, это наверняка. Мы сделали то, чего не могла сделать Антанта, мы поссорили Турцию с большевиками". Я категорически отвергал всякую возможность помощи от турок. Я уверен, что дерзкая атака большевиков Тбилиси без разведки, в ночь с 18-го на 19-е февраля, была вызвана сведениями, которые Казим-бей передавал большевикам через Ангору.

*
* *

В вечер 16-го февраля моя жена была в гостях у одной именинницы, куда должен был приехать и я. Я, конечно, попасть не мог, но по телефону передал жене, чтобы она приехала домой, укладывалась бы, но чтобы об этом никому не говорила. С 16-го февраля я из кабинета штаба не выходил, там же находился и все ночи и, если иногда спал, то на стуле или на столе, на котором была разложена карта. С часа вступления в должность не проходило минуты, чтобы не явилось нового какого-либо вопроса, который надлежало сейчас же решить.

Вступив в командование я спросил Совет обороны: решение относительно Тбилиси, принятое в 1920-м году, остается в силе или нет, т. е. кончить оборону в Тбилиси или продолжать сопротивление. Мне ответили: да. Я сейчас же приступил к эвакуации военного имущества и тбилисские запасы были превращены в расходный мага-

газин; все остальное было перевезено в Кутаиси. Что касается невоенного имущества, то распоряжения об этом делались Председателем Правительства. В течение боев под Тбилиси все министерства были переведены в Кутаиси и по уверению Председателя Правительства все было вывезено и к моменту отступления т. е. 24-го февраля осталось только три поезда: поезд Учредительного Собрания, поезд Правительства и штаба Главнокомандующего. И что в течение 1–2 часов в Тбилиси ничего не останется после отхода этих поездов.

В Тбилиси был ген.-губернатор Чхиквишвили Бения. Ввиду близости противника Тбилиси должен был быть подчинен власти Главнокомандующего, для чего почему-то был назначен новый ген.-губернатор в лице Сулаквилидзе. Сулаквилидзе был назначен губернатором города Тбилиси, вся остальная территория Тбилисской губернии была оставлена в ведении Чхиквишвили. Почему назначили нового ген.-губернатора города Тбилиси мне не известно. Вероятно потому, чтобы Чхиквишвили мне не подчинялся. В 1920-м году, Чхиквишвили был назначен ген.-губернатором города Батуми, правительственные чины очень заботились, чтобы я не оставался в Батуми. Связывая оба эти обстоятельства я и выражаю мнение, что назначение Сулаквилидзе ген.-губернатором Тбилиси объясняется только желанием, дабы Чхиквишвили мне не подчинялся. Другой причины не вижу. Мне же было все равно кто будет мне подчиняться Чхиквишвили или Сулаквилидзе.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ

Железные дороги мне не были подчинены, и начальник дорог с началом нашего отхода от Тбилиси уехал в Батуми; он считал, что железнодорожной эвакуацией оттуда ему удобнее управлять. Я потребовал от него или быть при мне, или дать лицо, полномочное для урегулирования железнодорожных дел. Таковое я получил лишь на ст. Хашури. Эвакуация по железной дороге делалась безобразно; все перевозилось в Гори, из Гори в Хашури, из Хашури в Самтреди и затем только в Батуми. При этом тыловые станции не очищались. Благодаря такому порядку все станции загромождались и нам с большим трудом удавалось разгружать эти станции. Поезда, отходившие со станций в момент боя, являлись большой приманкой для слабых духом и дезертиров; нам едва удавалось избежать того, чтобы отступление не превратилось в поголовное бегство. Эвакуация железных дорог должна была быть заранее предусмотрена и войти в план обороны страны.

Со вступлением в свою должность я принял меры к формированию конницы. Это вообще трудное дело и требует много времени. Я поручил это дело ген. Д. Чавчавадзе. Несмотря на отсутствие ло-

шадей, седел и материальной части, ему все же к нашему отходу в Самтреди удалось сформировать 2—3 сотни.

Общественные круги горячо отозвались на дело обороны страны. В деле заблаговременной подготовки страны к обороне были сделаны такие крупные ошибки и, вообще, там был такой хаос, что геройская оборона Тбилиси в течение 9-ти дней может быть объяснена лишь горячим желанием всех грузинских слоев отстоять Тбилиси. Со вступлением в должность я командировал офицеров Генерального штаба, инженеров и саперов на Сурамский перевал с целью укрепления позиции; а затем таковые же были высланы в Саджевахо. Но мои распоряжения были спешного характера; все это должно было быть сделано заблаговременно. Если Военное Ведомство об этом думало бы раньше и заблаговременно требовало бы, оно должно было бы или добиться своих требований или уйти; пассивность в этом случае должна была быть признана преступной.

Теперь приступлю к дальнейшим описаниям. В ночь с 16-го на 17-е февраля я выяснил, что в Сандари наводится кое-какой порядок, и приказал остаткам войск отходить на Тбилиси. Мне из Сандари докладывали, что эти части совершенно не боеспособны. Между тем картина боя 16-го февраля выяснилась следующая. Генерал Джиджихия, от Красного моста наступавший на Айрум, отошел на Храм, где стал на левом фланге остатков Санаинского отряда. Остаток Санаинского отряда не остановился на линии, указанной ген. Одишелидзе, и также отошел за Храм. Таким образом войска к утру 16-го февраля расположились вдоль левого берега Храма, упирая свой левый фланг в Красный мост. С рассветом начались боевые действия противника атакой Красного моста. Здесь противником вероломно был захвачен караул у моста, позиции же наши шли по сию сторону моста.

По ту сторону реки Храма находятся горы, которые и командуют левобережной равнинной частью этого района. Еще в 1920-м году я требовал, чтобы наша граница шла по ту сторону моста; мы мирными переговорами 1920-го года этого не сумели добиться, несмотря на нашу победу. Оказалось, что накануне вечером наш начальник караула (солдат Гвардии) у Красного моста пил мирно чай с начальником неприятельского караула. У Красного моста оставался лишь один батальон. Несомненно с началом военных действий, открытых со стороны Армении, надо было быть уверенным, что противник откроет военные действия и со стороны Азербайджана, ибо обе эти страны фактически составляли части нашего врага. А раз это так, то ясно, что главные действия, т. е. ввод главных сил противника произойдет вдоль железной дороги Баку—Тбилиси, а не Александрополь—Тбилиси; здесь находились главные силы противника, здесь у них была приготовлена база. Таким образом направление отряда

ген. Джиджихия на Айрум было нецелесообразно и весьма опасно, ибо оно происходило флангом Азербайджану, т. е. к противнику, части которого уже вступили на нашу территорию со стороны Армении. Если бы противник со стороны Азербайджана начал боевые действия не 16-го утром, а раньше, в момент, когда ген. Джиджихия совершал свой марш на Айрум и обратно, то этот отряд был бы дня на два, на три уничтожен раньше и тогда противник вступил бы в Тбилиси уже 16-го, к каковому времени мы не могли бы успеть организовать оборону Тбилиси.

Надлежало ген. Джиджихия оставаться у Красного моста, а войска Санаинского отряда подкрепить теми войсками, которые вызвал к сожалению лишь я. Пребывание войск 7 бат. ген. Джиджихия в районе горы Тарс–Красный мост этот участок сделало бы более крепким и в случае наступления противника, мы могли бы, обороняя крепкую позицию массива Тарс, выиграв время, усилить Санаинский отряд, посчитаться с противником, наступавшим со стороны Армении и, как известно, не многочисленным. Несмотря на наши потери в ночь с 11-го на 12-е февраля, мы, вызвав все части и сосредоточив их, могли бы достигнуть превосходства в силах. Цифровые данные таковы. В ночь с 11-го на 12-е были уничтожены только 5 и 8 батальоны, артиллерия спаслась. 12-го февраля можно было начать сосредоточение сил, для чего могли послужить батальоны 1, 4, 9, 10 и караульный батальон; затем 2 Горийских гвардейских, Ахалцихский, особый и Батумский; таким образом можно было бы сосредоточить, допустим к Храму, 5 армейских батальонов и 5 гвардейских; к этому можно было бы добавить батальон пограничников, который я сформировал в течение 2-х дней, и Военную Школу, а также конницу в 400–500 сабель. При таком положении мы имели для обороны Красного моста не менее 7 гвардейских батальонов, а на Садахлинском направлении остатки Санаинского отряда мы могли бы усилить 12 батальонами свежими к числу 15-го февраля; к этому можно было добавить 3 гвардейских батальона Лорийского отряда с двумя броневыми машинами, которые, не будучи оторваны от Санаинского отряда, могли бы усилить правый фланг действующих на Садахлинском направлении. Иначе говоря, прикрывая Красный мост 7-ю гвардейскими батальонами, мы могли бы действовать против противника, наступавшего со стороны Армении, 12-ю свежими батальонами плюс 3 батальона Лорийского отряда, конницы 400–500 сабель и остатки Санаинского отряда. Вследствие таких мероприятий мы могли бы достичь превосходства в силах против противника, наступавшего со стороны Армении, и достичь здесь успеха. В общем резерве оставались бы 11-й полк, формирующиеся батальоны всей армии и молодые.

Надо принять во внимание еще следующее обстоятельство. В 1921-м году противник перешел в наступление со стороны Армении в ночь с 11-го на 12-е февраля, а Красный мост атаковал с рассветом

16-го февраля. Наступление на северных участках последовало позже. Наше Правительство запрашивало Москву о причине войны и ответ получился, как и в 1920-м году, что это местный инцидент. После событий в ночь с 11-го на 12-е февраля был вызван лишь один батальон 9-го полка, а бат. 1-го полка и особый гвардейский и 2 роты караульного батальона, частично усиляя Санаинский отряд, были отдельно разбиты и почти не существовали. Итак необходимо отметить три главные ошибки: 1) невызов войск в Тбилиси с остальной территории, 2) ввод имевшихся под рукой резервов по частям, 3) ослабление сил у Красного моста.

Рассматривая предварительное расположение войск, можно прийти к заключению, что из трех направлений: 1) Лорийское, 2) Санаинское и 3) Красного моста, Санаинскому и Красномостному направлениям придавалось наибольшее значение, причем Красномостному направлению придавалось еще большее значение, так как здесь стояло наибольшее количество сил. Однако, с началом военных действий этому последнему направлению повидимому, перестали придавать значение, ибо именно с этого направления были сняты почти все войска, а не были к действию привлечены свободные войска, расположенные в глубине страны.

Буду продолжать описание действий 16-го февраля. Противник атаковал Красный мост, введя в дело также и броневые машины, и овладел нашей позицией, уничтожив находившийся здесь наш отряд совершенно. Главная масса была взята в плен, вероятно отказалась воевать как в 1920-м году, но отдельные люди вплавь переправились на левый берег Мтквари. Взяв позицию Красного моста, противник продолжал свое наступление. Это направление со стороны Красного моста выводило во фланг и тыл расположенных на Храме наших войск, и появление противника, особенно конного с броневыми машинами, решило участь боя на Храме. Все ринулось на Сандари, где все сбились в кучу. Утром 17-го февраля я встретил человек около 700; все остальное в течение ночи разбрелось толпами, кучками и по одному. В этом бою мы потеряли до 10 орудий, из которых одно или два были разбиты. Я не могу не отметить, что все эти орудия были гвардейские; армейские части не потеряли орудий даже тогда, когда в Санаинском ущельи они были почти окружены противником. И здесь на Храме, армейские орудия были вывезены все. 17-го февраля я поехал за Саганлуг с целью встретить остатки Санаинского отряда и осмотреть расположение войск.

Как я уже говорил раньше, подошедший батальон 9-го полка был направлен на Сакараулис-Мта; он был мной вытребован обратно ввиду событий 16-го февраля и должен был войти в состав участка ген. Мазниашвили. Я приехал к Мазниашвили и переговорил с ним. Из ожидавшихся войск он получил 2 Горийских батальона, караульный батальон, 1 батальон 9-го полка, формировавшийся пограничный батальон; кроме того на левом фланге его должны были

расположиться наши гаубицы. Этими войсками он должен был расположиться от Мтквари до монастыря Шавнабады; правее, у Табахмелы должна была стать Военная Школа. Для Коджор у меня оставались только 4-й полк, от которого к бою с 18-го на 19-е февраля прибыли только две роты и пулеметная команда. Кроме того в состав войск ген. Мазниашвили входил броневой поезд и два броневых автомобиля. Позиции я не пошел осматривать, я их знал. По счастливой случайности укрепления Тбилиси правого берега еще в 1914-м году, во время моей службы в штабе Кавказского фронта, проектировал я, и я же наблюдал за их исполнением. Я их знал хорошо. От Саганлуга я пошел навстречу отходящим от Сандари остаткам войск. Вместо батальонов проходили кучки людей – человек 30–50; только батальон 1-го полка представлял массу человек в 300. Еще по дороге в Саганлуг, на майдане, в Тбилиси я встретил толпу людей без офицеров; это был Душетский гвардейский батальон. Я спросил откуда они; они отвечали жалобами, как всегда, что офицеры их бросили, что они голодны, без патронов и т. д. Настроение толпы было неважное. Я хотел уже накричать на них, когда один из солдат, почувствовавший, что может произойти инцидент, выскочил из толпы и, обращаясь ко мне, сказал: "Нам приказано собраться в Навтлуге, но мы не знаем, как туда пройти". Я указал дорогу и поехал дальше. 18-го февраля утром я вместе с Председателем Правительства проехал на Коджорские позиции и на Табахмельские. Таким образом в течение 17-го и 18-го февраля мы организовали оборону Тбилиси.

Прежде, чем обрисовать положение к ночи с 18-го на 19-е февраля, я скажу несколько слов о мостах Пойлинском и Красном. В 1920-м году Пойлинский мост был взорван по моему распоряжению; тогда был подготовлен и своевременно взорван его средний пролет, благодаря чему путь был прегражден надежно. В 1921-м году мост был также взорван, но подготовленным к взрыву оказался лишь ближайший к нашему берегу устой, вследствие чего починка оказалась нетрудной. Об этом, т. е. что подготовлен к взрыву только береговой устой, я узнал лишь впоследствии. Оказывается мост заблаговременно был подготовлен, как и в прошлом году. Однако мирными переговорами перед нашей войной противник добился того, чтобы минировка моста была снята. Вследствие нахождения караула противника у противоположного конца моста, нашему Военному Ведомству удалось подготовить к взрыву лишь береговой устой. Чем добился противник снятия минировки моста, для меня тайна. Что касается Красного моста, то я не знаю, был ли он подготовлен к взрыву или нет. Правда, взрыв этого моста приобретал лишь тактическое значение, все же его взрыв не содействовал бы успеху противника. Пойлинский же мост приобретал колоссальное

значение; целость его давала противнику свободу движения по железной дороге; он мог беспрепятственно подвозить войска, боевые припасы и продовольствие, наконец, он мог действовать броневыми поездами.

Вернувшись из Саганлуга в штаб, 17-го февраля, я узнал курьезную вещь. Несмотря на наше поражение на Храме и отход войск от Сандари, у противоположной, восточной, подошвы Сакараулинского массива находилась команда саперов под начальством бравого офицера Лело Чиджавидзе. Он оттуда телефонировал. Оказывается конница противника пыталась наступать по шоссе Красный мост–Тбилиси, но его огнем была им отброшена. Сакараулинский массив я уже не мог занять, почему и приказал ему отходить. Таким образом этот офицер с телефонистами оставался в 35–40 верстах от Тбилиси, когда от Храма до Тбилиси никаких наших войск не было. Разведка наша в течение 17-го и 18-го февраля не обнаруживала противника до вершины Сакараулинского массива и почти до Сандари.

Чем же я мог оборонять Тбилиси? Какими силами я мог встретить врага. Санаинский отряд был ноль. 3 батальона Лорийского отряда не существовали. Все гвардейские части, участвовавшие в боях на фронте от Лори до Красного моста, не существовали. Они возвращались в Тбилиси кучками и по одному; их здесь собирали и вновь формировали. Я мог рассчитывать только на вновь подходящие части, вызванные мной, и на батальон 9-го полка. Таковыми были батальоны 4, 9, 10 ар. полк; 11-й из Ахалкалаки не мог успеть прибыть, ибо ему надлежало пройти пешком около 120 верст; 12-й полк, части которого стояли в Ардагане, не мог успеть мобилизоваться. 2-й и 3-й полки должны были остаться для Гагринского[1] направления; их привлекать для обороны Тбилиси было нецелесообразно, ибо наступление противника по этому направлению было бы тогда беспрепятственным, это направление выходило нам в тыл. Кроме армейских батальонов я мог вызвать только 4 гвардейских батальона: 2 Горийских, Батумский и Ахалцихский. С этими войсками я мог только, обороняя Тбилиси, попытаться выиграть время для восстановления гвардейских батальонов после их рассеянии в бою на Храме и для формирования полков 2-й дивизии, т. е. 5, 7 и 8 полков, большею частью взятых в плен в ночь с 11-го на 12-е февраля. Мечтать о переходе в наступление до устройства расстроенных гвардейских батальонов нельзя было. Тбилиси угрожала непосредственная опасность, ибо в ночь с 16-го на 17-е февраля у меня в Тбилиси было в моем распоряжении только 400 штыков ген. Мазниашвили и рота юнкеров в 150 человек.

---

[1] На северо-западе Грузии.

*
* *

К вечеру 18-го февраля общее положение под Тбилиси было таково. На правом фланге от Белого духана на Коджоры—Манглисском шоссе до башни Кер-оглы занимали 2 роты 4-го полка; остальные роты этого батальона прибыли лишь в ночь с 18-го на 19-е февраля и могли присоединиться к полку только в течение дня 19-го февраля. Табахмельский участок под начальством ген. Андроникашвили занимала Военная Школа в составе роты юнкеров около 160 штыков и человек около 300 молодых, призванных во второй половине января для сформирования переменного состава унтер-офицерского батальона. От района Шавнабадского монастыря до реки Мтквари стоял ген. Мазниашвили с отрядом в составе 1 батальона 9-го полка, караульного батальона, 2 Горийских батальонов и пограничного батальона; у него на левом фланге был образован артиллерийский участок, в состав которого входили наши гаубицы и легкие пушки так называемой армейской артиллерии. В резерве у себя мне пришлось оставить приводимый в порядок 1-й батальон 1-го полка; восстанавливаемые части 2-й дивизии и Гвардии не были еще готовы и были в периоде сбора частей и приведения их в порядок. За эти дни нашлась конница армейская; согласно приказания ген. Одишелидзе она направилась через волчьи Ворота на Воронцовку, но здесь встретила противника в узком ущельи и в связи с общим положением отошла на Тбилиси, куда она прибыла, если не ошибаюсь, 18-го февраля; лошади оказались изморенными и истощенными вследствие бескормицы. Я дал ей роздых и затем она была направлена на левый фланг в равнинную часть общего поля сражения; туда же был направлен и гвардейский конный дивизион. Между тем два батальона Гвардии, находившиеся в районе Пойлинского моста ввиду приближения противника к Тбилиси, были мной несколько оттянуты. Они оказывались сильно выдвинутыми (80—100 верст от Тбилиси) и противник, находившийся в районе Красный мост-Сакараулис-Мта, мог, перейдя реку Мтквари, отрезать их от Тбилиси. Из расположения наших войск видно, что я в этот момент придавал первенствующее значение Саганлугскому участку, как непосредственно угрожаемому противником, о нахождении которого у Сакараулинского массива (стычка с командой связи кап. Чиджавидзе) нами были уже получены сведения. Коджорский участок нечем было усилить; Саганлугский участок оборонялся 5-ю батальонами на протяжении 6—7 верст, что, конечно, надо признать весьма жидким; там было менее 2500 штыков. Я надеялся на присутствие впереди Коджорского участка отступавших 3-х батальонов Лорийского отряда, что давало этому участку некоторую временную безопасность. Противник, пожелавший бы атаковать Коджоры, должен был бы произвести громадный обход и при обходе встретился бы с этими 3-мя батальо-

нами, бой которых дал бы нам возможность выиграть время. Действительно, эти батальоны, отходя от Лори, встретили противника между Екатериненфельдом и Сандари, но оказались настолько деморализованными, что, встретив противника, рассыпались и кучками, и по одному подходили к Табахмельскому и Коджорскому участкам. Итак, на всем фронте от Коджор до реки Мтквари у Саганлуга стояли 5 1/2 батальонов и Военная Школа. Вот силы, с которыми мы встретили атаку противника в ночь с 18-го на 19-е февраля.

ОБОРОНА ТБИЛИСИ. АТАКА САГАНЛУГСКОЙ ПОЗИЦИИ В НОЧЬ С 18-ГО НА 19-Е ФЕВРАЛЯ

Было три часа ночи, когда мы услышали со стороны Саганлуга артиллерийскую, пулеметную и ружейную стрельбу. Мы соединились сейчас же по телефону с ген. Мазниашвили и запросили о причине стрельбы. Его начальник штаба подп. Утнелидзе отвечал, что лично он не знает причины стрельбы, что вправо и влево от него стреляют и что ген. Мазниашвили пошел в окопы с целью узнать причину. Надо оговориться, что до наступления темноты вперед к Сакараулинскому массиву верст на 10 выезжали броневые машины и противника не обнаружили; таковы же были наблюдения с горы, откуда вся равнина до Сакараулис-Мта была видна, как на ладони. Или это была ложная тревога и войска стреляли впустую, или это была атака большевиков. Последнее очень трудно было допустить, ибо производство ночной атаки неразведанной позиции является невыполнимой операцией, всегда ведущей к неудаче и такое решение противника являлось для него пагубным и обреченным на неудачу. Поэтому в атаку не верилось; однако мы, конечно, приняли меры к выяснению происходящего. Опять через некоторое время соединились с подп. Утнелидзе, тот же ответ. Еще через некоторое время телефон не отвечал, это было уже тревожно. В это время мы уже были соединены по телефону с казармами саперного батальона, откуда нам подп. Гургунидзе сообщал все время, что он слышит; я приказал, чтобы он по звуку выстрелов докладывал удаляется ли стрельба или приближается, и продолжает ли стрелять артиллерия. Про артиллерийскую стрельбу мне оттуда все время докладывали, что она продолжается; это обстоятельство указывало или на то, что все или ложная тревога, или же оно в случае атаки показывало, что дело обстоит благополучно, так как артиллерия, раз стреляет, значит она не захвачена и значит наши войска на своих местах. Для выяснения обстановки были посланы на автомобиле люди, а также туда поехали некоторые члены штаба Гвардии, но все это требовало времени; надо было ждать, а в этих обстоятельствах каждый может себе представить, как это томительно, и в этом была вина ген.

Мазниашвили, не принявшего никаких мер для связи со мной. Ген. Джиджихия из Навтлуга спрашивал нас, что делать и что он подымает те батальоны, которые в состоянии выступить; последнее я одобрил, но приказал выступить лишь по моему указанию и у телефона держать офицера, а самому быть близко. Не помню в каком часу, но должно быть около 5 часов из Навтлугского санитарного пункта, вдруг, нас запросил доктор, куда посылать раненых, число которых достигло человек 12–15. Теперь стало ясно, что была атака. Я сейчас же приказал поднять Гвардию, все, что было боеспособно. Затем я сообщил штабу Гвардии, В. Джугели приехал ко мне. Он был с карабином и был возбужден, горел желанием ехать туда. Я сказал, что пусть едет и что один из гвардейских батальонов будет мною направлен к железнодорожному Саганлугскому мосту, которым и подкрепит атакованный участок. Я просил его разыскать там Мазниашвили и ввести в дело броневой поезд и броневые автомобили, которые находятся там же сзади позиций, и что у железнодорожного моста есть телефон, которым он может воспользоваться для сообщения со мной. Он уехал. Я стал ждать результатов боя. Все дело было в том, чтобы до рассвета удержались в окопах; с наступлением дня победа была обеспечена. Я знал позиции и укрепления; их взять немыслимо без артиллерийской подготовки. Ее не было; кроме того противнику надлежало взбираться на крутые скаты. Меня беспокоили только равнинные укрепления влево от шоссе; около них был расположен артиллерийский участок; неумолкаемая его стрельба меня успокаивала. Участок в сторону Шавнабады не был атакован; это я знал по звуку выстрелов. Я смотрел на часы и с тоской наблюдал медленное передвижение минутной стрелки; никогда эта стрелка не двигалась так медленно. Однако чем дальше, тем больше я успокаивался и приобретал несомненную уверенность в благополучном исходе, ибо раз ночная атака сразу не удалась противнику, то чем дольше, тем меньше была вероятность ее удачи. Было еще одно обстоятельство, которое меня успокаивало. Укрепление, которое было построено вправо от шоссе, находилось на высоте и сзади оканчивалось отвесным обрывом сажен в 15–20, если не больше. Когда там в 1914-м году устраивали окопы по моему указанию, то инженеры возражали: "Георгий Иванович, у этого окопа нет пути отступления, здесь нельзя строить". "А пусть сидят и не отступают" – отвечал я.

Теперь весь вопрос был в том, чтобы у защитников хватило патронов, не бросаться же им в кручу. Еще было темно, когда прибыл офицер от караульного батальона, того самого, который защищал эти укрепления с просьбой патронов. Он был очень возбужден и говорил, что караульный батальон весь умрет там, но позиции не оставит. Мы на автомобиле послали патроны. Долго, томительно долго тянулась ночь, но всему бывает конец и, наконец, настал давно желанный день. Как только рассвело, противник, сидевший у

подошвы возвышенностей, оказался в ужасном положении. От наших окопов его отделяло всего несколько десятков шагов и по нему открыли огонь, как по мишеням. Одновременно выехали броневики и плодом этой атаки было более 1000 пленных; остальные поспешно отходили по направлению Сакараулис-Мта. Их преследовали артиллерийским огнем, а затем высланы были аэропланы, которые беспрестанно опустошали запасы взятых с собою бомб. Успех был значительный, он превосходил мои ожидания; я не ожидал такого большого количества пленных. Действительно, направление вдоль шоссе защищало не более 1200—1500 штыков и число пленных было немногим меньше числа защитников. Наконец, это была первая удача после начала войны и удача хорошая, а количество пленных снимало с войск противника ореол непобедимости, который он нес с Санаина и Красного моста. Такой риск, как атаковать ночью неразведанную позицию и с расстояния 12—15 верст, я могу объяснить лишь тем, что противник был хорошо осведомлен кем-то о размере нашего поражения на Храме и переоценил нашу слабость. Иначе, такая атака — безумие.

Утром, выяснив, что на Табахмельском участке все спокойно, я поехал в Саганлуг. По дороге встретил одну из колонн пленных. Я слез с автомобиля и обошел их ряды. Так называемые большевистские войска я видел впервые. Это были мои старые знакомые по Русско-Японской и последней войне. Мне что-то в душе кольнуло; трудно видеть противника в том, с кем неоднократно ходил в бой. Я спросил некоторых "чего они пришли". "Что ж, забрали и пригнали" — отвечали мне. Боже, какой знакомый ответ. Одеты они были хорошо и это те же добродушные русские солдаты, большею частью молодые; правда, некоторые были со злым выражением лица, но эти были постарше и их было немного. Я поехал дальше. Встретив Мазниашвили мы молча обнялись; мы оба ничего не могли говорить. Совершенное дело было красноречивее слов. Я все же пожурил его за выбор места своего нахождения и за то, что не давал о себе вестей. В первый еще приезд я ему указывал на рискованность выбранного места; он обещал перенести штаб назад, но не успел или не хотел оборудовать помещение; далеко уходить назад он не хотел, а вблизи подходящего помещения не было. Его штаб был расположен в железнодорожной будке, которая находилась впереди основной позиции. Впереди его были построены укрепления, которые занимал один из гвардейских Горийских батальонов; расстояние до основной позиции было около 1/2 версты. Когда произошла ночная атака, этот батальон, может быть даже захваченный врасплох, оставил укрепление и отошел. Выскочивший при первых выстрелах из помещения ген. Мазниашвили, увидев бегущих, бросился по-видимому в одно из равнинных укреплений, где и оставался до утра. Утнелидзе был взят в плен в будке и таким образом Саганлугский участок оказался без управления.

Ген. Мазниашвили, засевши в окоп, не подавал признаков жизни и не принимал никаких мер ни для связи со мной, ни для управления вверенным ему участком. Таким образом управление этим участком пришлось взять непосредственно мне. Считая фронт основной позиции прикрытым этим передовым укреплением, одна горная батарея стала на позиции впереди и внизу основной в нескольких десятках шагов от того укрепления, которое кончалось сзади обрывом. Когда противник приблизился, они открыли огонь и удерживали его на расстоянии нескольких десятков шагов, пока у них были снаряды. По израсходовании снарядов пушки попали в руки противника, на рассвете все было возвращено. Я хотел обойти войска, однако, ген. Мазниашвили еще не окончил своего доклада, когда меня ген. Закариадзе из штаба попросил к аппарату.

ПОТЕРЯ КОДЖОРСКОГО МАССИВА

Обстановка изменилась сильно и не в нашу пользу. Коджорский массив оказался в руках противника. Только что достигнутый успех был ничто в сравнении с потерей Коджор. Владение противником Коджорами означало гибель Тбилиси. Надо было его вернуть во что бы то ни стало. Вопрос о преследовании разбитого противника отпадал. Я сейчас же приказал доставить приказание ген. Андроникашвили, у которого противник, взявший Коджоры, находился в тылу, держаться во что бы то ни стало, и что немедленно я присылаю ему войска на помощь, а также организую атаку Коджор. Это мое приказание прибыло как нельзя во время. Я сейчас же поехал в штаб и по дороге направил через Шиндиси в Табахмелы 3 батальона; 2 из них были подняты по тревоге и находились в это время сзади Саганлугской позиции; это были батальоны 5-го полка, только что сформировавшиеся, и один гвардейский Имеретинский батальон, тот самый, который в предыдущую ночь я направил к железнодорожному мосту. 3-й батальон был подходивший после выгрузки Батумский гвардейский батальон. Затем я встретил 2 гвардейских батальона Тбилисских; я их повернул и приказал идти на Эриванскую площадь, где ждать распоряжений.

Утром, как только я узнал об успехе, у меня явился план. Воспользовавшись успехом захватить Сакараулинский массив и одновременно усилив Табахмел-Коджорский участок, перейти в общее наступление и отбросить противника подальше от Тбилиси. Надо было выиграть время для окончания мобилизации 2-го и 3-го армейских батальонов и восстановления гвардейских батальонов; полков 2-й дивизии, тех, которые еще не оказались бы восстановленными к 20-му февраля. Но падение Коджор лишило меня этой возможности. Тбилиси висел на волоске и я каждый момент ожидал,

что с Коджор начнется бомбардировка города. Как всегда в таких случаях, у автомобиля, на котором я возвращался в город, начали лопаться камеры, и я пошел в город пешком. К счастью меня догнал автомобиль, на котором возвращался Гогуа из Саганлуга, и он подвез меня до штаба. Радость между тем была всеобщая; в городе уже знали о нашем успехе; все ликовали, все кричали "Ваша"[1] , но у меня на душе было мрачно: Коджоры взяты противником. Кто видел Коджоры, тот знает и значение, которое имеет он для обороны Тбилиси и его неприступность для атаки со стороны Тбилиси. Здесь надо брать массой, причем войскам надлежало наступать по скатам, почти неприступным. Отлогости в 45 градусов были неоднократны. Задача была очень трудная.

Вернувшись в штаб я отдал соответствующее распоряжение. Генерал Андроникашвили должен был атаковать Коджоры со стороны Табахмелы; 4 Тбилисских гвардейских батальона были направлены частью от фуникулера, на который они должны были взобраться по Давыдовской горе, частью со стороны д. Цхнети. Вместе с этим я усилил ген. Андроникашвили всей подошедшей артиллерией и двумя ротами 4-го полка, второй половиной того батальона, который занимал Коджоры. Вечер и ночь с 19-го на 20-е февраля прошли в занятии войсками исходного положения. Тбилисские гвардейские батальоны после Храмского боя были в весьма малом составе и все 4 вместе могли оцениваться в 1—1 1/2 батальона. Но других войск под рукой не было и нельзя было давать время противнику в Коджорах усилиться и укрепиться. Атака была назначена с рассветом 20-го февраля. Войска раньше не могли подойти к атакуемому участку. Все что можно было я бросил для атаки этого массива; если бы не вернули этого массива, мы не могли бы оставаться в Тбилиси.

ВЗЯТИЕ КОДЖОРСКОГО МАССИВА

Наступление наше на Коджоры 20-го февраля увенчалось успехом. Мы вернули Коджоры и теснили противника по отрогам вниз с этого массива. После полудня я приехал в Табахмелы к ген. Андроникашвили. Ген. Андроникашвили я давно знаю, но никогда я с ним не встречался в боевой обстановке. В нашу войну с большевиками мне пришлось неоднократно убедиться, что это прекрасный боевой начальник, отличительной чертой которого было редкое спокойствие и удивительное самообладание. Несмотря на такие качества, я все же должен отметить, что он чуть было не совершил одной ошибки; но это собственно не была ошибка; то, что чуть было он не сделал, сделал бы всякий на его месте. Дело в том, что, когда

[1] Ура.

Коджорский участок был взят противником, то последний начал спускаться и оказывался в тылу у ген. Андроникашвили, участок которого и штаб уже обстреливались артиллерийским огнем со стороны Вашловони, откуда противник тоже наступал. Таким образом он был атакован с фронта и обойден с тыла. У него было всего несколько сот человек и в таком положении он не мог удерживать порученной ему позиции; он решил отойти на фуникулерский гребень и прикрыть таким образом Тбилиси со стороны Коджор. Он послал распоряжение об этом полковнику Чхеидзе, находившемуся на самой позиции у Табахмели. Это приказание было ему передано устами одного юнкера. Полк. Чхеидзе оценил важность этого приказания и сказал юнкеру, что он, вероятно, не так понял и что он отойдет, но получив лишь письменное распоряжение. Через некоторое время он получил распоряжение письменное. Тогда он лично поехал к ген. Андроникашвили и спросил его, знает ли Главнокомандующий о таком решении и что таковое может не согласоваться с его желаниями. Во время их разговора прибыло мое приказание во что бы то ни стало удерживать свои позиции, что высылаются на помощь войска и организуется обратное овладение Коджорами.

Но помощь могла прийти лишь через несколько часов. В ожидании помощи надо было остановить начавшегося спускаться с Коджор противника. Роты 4-го батальона, сбитые с Коджорского массива, были мало боеспособны. Послали навстречу юнкеров, всего несколько десятков человек, под начальством капитана Тоидзе, заведывавшего инженерным курсом роты юнкеров. Наступление было поддержано артиллерией, повернувшей свои пушки в сторону Коджор. Юнкера пошли и оттеснили передовых смельчаков противника, заняли одну из обратных вершинок Коджорского массива у сел. Цавкиси. Во время этого наступления кап. Тоидзе был убит; юнкера же потеряли половину своего состава. Однако дело было сделано. Противник остановился и затем подошли батальоны, высланные лично мной от Саганлугского участка. Когда 20-го февраля я находился у ген. Андроникашвили, то мне доложили, что сейчас же за гребнем в ущельи на старом Белоключинском шоссе стоят 4 орудия и грузовой автомобиль; их противник вез в Коджоры, но что наша цепь обстреливает эти орудия и не позволяет противнику увезти их, что наши войска, взявшие Коджоры, теснили противника со стороны Коджор как раз по противоположному гребню и что вследствие этого орудия, вероятно, достанутся нам. Опоздай мы взятием Коджор на несколько часов и эти орудия громили бы Тбилиси, усилили бы обороноспособность Коджор, взятие которых, если бы не стало для нас невозможным, то чрезвычайно затруднило бы его, и общее положение было бы весьма чревато последствиями.

Эти орудия были взяты и доставлены в Тбилиси. Взятие Коджор дало нам трофеи, а именно 4 орудия, до сотни пленных и до 12—15 пулеметов. Я приказал ген. Андроникашвили вступить в на-

чальствование обоими участками, т. е. Табахмельским и Коджорским, и предупредил его, что в случае общей удачи, а главным образом, когда сформируются части 2-й дивизии, я предполагаю перейти в наступление, развив главные действия его участками.

События следующих дней в точной последовательности возобновить я не сумею, но общий ход, конечно, помню. Противник на левом берегу Мтквари оживился. Пойлинский мост оказался исправленным и появились уже значительные части противника, бронепоезда по сю сторону Мтквари. Должно быть 19-го или 20-го февраля наш левый фланг, подкрепленный Ахалцихским гвардейским батальоном, 2-м отобранным мною у ген. Мазниашвили Горийским батальоном и некоторыми восстановленными гвардейскими батальонами, под начальством ген. Джиджихия, перешел в наступление и оттеснил противника за Сагареджо. Этому наступлению очень содействовал гвардейский конный дивизион, усиленный Борчалинской добровольческой сотней кап. Едигарашвили. Однако противник усилился на этом фронте. Наше восстанавливание частей шло очень медленно и по мере их готовности они вводились на левый фланг. Я торопил формирование частей 2-й дивизии, но дело шло туго. Лишь 23-го и 24-го февраля я получил кроме батальона 5-го полка, полученного мной 19-го февраля, еще 2 батальона и одну роту. Все это явилось запоздалым. Между тем противник на левом берегу р. Мтквари усиливался и появились его части также со стороны Кахетии. Левобережная группа войск отошла на нашу укрепленную позицию, которую заняла 23-го февраля. К этому времени я усилил этот фланг и решил здесь перейти в наступление, которое рассчитывал произвести 24-го февраля. На левом берегу была собрана почти вся Гвардия; отсутствовали Батумский, один Имеретинский и часть Тбилисских батальонов. Таким образом я здесь сосредоточил почти всю Гвардию; туда же направил подходивший 3-й Карталинский батальон подп. Пурцеладзе. Здесь противник не проявлял такого упорства, как на Табахмельском участке, где атаки велись им и днем, и ночью, начиная с 20-го февраля. Вследствие этого, я имел намерение временно на Табахмельском участке держаться пассивно, истомить противника в его атаках наших крепких позиций, развить в это время наступление на левом берегу Мтквари с целью отбросить противника от Тбилиси и затем, взяв оттуда часть сил, усилить правобережную группу и здесь перейти в наступление. Я учитывал то обстоятельство, что Гвардия обороняться на месте мало способна и если ее собрать много, и достичь превосходства в силах над противником, и охватить его фланг, то можно попытаться достичь успеха. С этой целью левобережные войска я разбил на три участка: 1) Полк. Инцкирвели, ближайший к Мтквари, 2) ген. Джиджихия – центральный участок вдоль Кахетинского шоссе и 3) полк. Гедеванишвили – левофланговый маневрирующий участок. Однако положение к 24-му февраля скла-

дывалось неблагоприятно. Противник, давно мобилизованный, подвозил все новые и новые войска; мы же после Санаинских неудач и Храмского поражения не успели выставить в поле все те силы, которые можно было бы выставить. Уже 22-го февраля я получил сведения, что конница противника заняла сначала Белый Ключ, а затем Манглис и что она направляется на Тбилиси. Попытка ее атаковать нас вдоль Манглис-Коджорского шоссе окончилась для нее неудачей и эта конница стала с д. Приюта спускаться на Нахшир-гору, откуда могла выйти на Цхнети, а взяв глубже, на Дигоми. Часть 12-го полка, находившегося на Манглисе была направлена на Ахалкалаки Карталинский. От Сабуртало на Нахшир-гору была направлена сотня хевсур чл. Учр. Собр. Карумидзе; эта сотня произвела разведку, встретила противника и вернулась в Тбилиси; Цхнети были заняты батальоном одним из Тбилисских гвардейских, а затем усилен одним, только что сформированным батальоном 2-й дивизии.

Таким образом я принимал меры к укреплению правого фланга с тем, чтобы левобережная группа получила свободу действий. Описание действий указывает, что собственно дать бой, самому захватить инициативу после нашего поражения на Храме не представлялось возможным, ибо войск не было; я не мог образовать резервов, ибо 2-й и 3-й батальоны не могли сформироваться, а подходившие по одному батальоны вводились в бой для спасения критического положения, являющегося следствием значительного превосходства в силах противника. Кроме того, сплошь и рядом приходилось перевозить войска на автомобилях с одного участка на другой, пользуясь временным затишьем то здесь, то там. Однако еще на 24-е февраля я хотел попытаться вырвать у противника инициативу, подготовив, как я указал выше, наступление на левобережном участке. Я указал начать наступление 24-го с раннего утра, но оказалось, что войска запоздали своими передвижениями и я получил донесение от полк. Гедеванишвили, что наступление он может начать лишь в 2 часа дня. Затем, я получил донесение от него же, что конница противника, оттеснив нашу конницу и обойдя его фланг, прошла по направлению на Ольгинское. Наша конница отошла за пехоту. Она должна была следовать за конницей противника и вцепиться в нее. Если она этого не сделала, это означало, что конница противника превосходила значительно числом нашу конницу, т. е. должна была иметь по крайней мере сабель 1500, вероятно и больше. 23-го февраля с утра появились броневые поезда противника по железной дороге Пойли-Тбилиси; они несколько раз приближались к Навтлугу, но огнем нашей артиллерии были отогнаны. Тогда же стали появляться их аэропланы, бросавшие бомбы. Однажды, как раз как я ехал в Навтлуг на автомобиле, то бомба с аэроплана разорвалась недалеко от шоссе, где я проезжал. Часа в 3—4 24-го февраля я получил из Авчали от местных властей первое донесение о появлении

конницы противника и занятия им сел. Мамкоди, а также следующее о занятии Глдан и, наконец, сел. Авчали. Эти сведения я получил еще задолго до темноты; ясно было, что это была та конница, которая обойдя фланг полк. Гедеванишвили, прошла по направлению на Ольгинское.

Таким образом противник оказался у нас в тылу и держал в своих руках железнодорожный путь отступления. Мне непонятно, почему он немедленно не испортил железнодорожный путь, не захватил станцию, телеграф и пр. и таким образом не прервал наших сообщений со всей остальной территорией Грузии. Это была одна из случайностей, благоприятная для нас. Все это противник мог совершить свободно; никто ему не мог помешать; никаких войск там не было и он находился в тылу наших войск верстах в 20–25 и даже в 30, считая от Коджор, Табахмели и наших левофланговых позиций. Надо было послать войска немедленно парировать эту случайность, изолирование нас от всей страны; но послать никого нельзя было; взять войска из числа ведущих бой можно было, но они прибыли бы туда лишь 25-го февраля, когда противник усилился бы в этом районе. Надо было освободить наше сообщение с тылом сейчас же. Я направил туда броневой поезд с добровольческим отрядом под начальством Шанидзе и приказал им освободить станцию Авчали и обеспечить циркулирование по железной дороге.

Между тем настали сумерки и на левобережном участке создалась совсем неблагоприятная обстановка. Противник в этом районе, как доносили, ввел танки. Вероятно, это были броневые автомобили, хотя Александр Дгебуидзе, раненный в голову, утверждал, что это были танки. Средний и правый участок левобережной группы, не оказывая сопротивления, отошли, бросив укрепленные позиции, о чем мы получили донесение. Сзади этого участка находился мой резерв 3-й Карталинский гвардейский батальон, только что в этот день прибывший из Гори; я его принужден был ввести в дело и израсходовать для остановки бегущих. Между тем противник, не перестававший атаковывать Тбахмельский участок, продолжал свои атаки и овладел высотой 3150; монастырем Шавнабады, что на Саганлугском хребте; это было на стыке между 9-м полком и частями ген. Андроникашвили. Противник мог использовать эту удачу и в ту же ночь, спустившись в Ортачалы, появиться в Тбилиси. Конечно, это было рискованно для него и на этом можно не останавливаться, но прорыв был сделан и он угрожал нам тем, что наши войска были бы разрезаны 25-го февраля; противник в течение ночи мог там накопиться и действовать в тыл войск генералов Андроникашвили и Мазниашвили, имея свободный марш на Тбилиси.

Важность этого прорыва была для нас чрезвычайной. Насколько вспоминаю, это произошло, едва наступила темнота. Мой последний резерв батальон первого полка был на автомобилях направлен в распоряжение ген. Андроникашвили, которому было приказано

немедленно атаковать и вернуть эту высоту. Однако надо было закрыть эту дыру и с фронта. Связавшись с одним из полков 2-й дивизии, я узнал, что имеется несколько сот человек, но не вполне готовых выступить в поле. Я приказал немедленно строить их и направить на Ортачалы, а начальнику их подп. Закариадзе прибыть в штаб. Этому последнему я приказал со своими людьми занять позицию по западной окраине Крцаниси фронтом к Саганлугскому хребту, как раз сзади наметившегося прорыва. Овладение противником указанной высоты само по себе, отдельно взятое, не составляло катастрофичности, ибо эту высоту можно было бы вернуть и тем восстановить положение на Саганлугском хребте; однако возвращение его требовало ввода новых сил.

Общее же положение было таково. Еще 23-го февраля противник был обнаружен у Нахшир-гора, откуда он мог овладеть районом Дача Истоманова—с. Дигоми и, владея высотами, преградить нам выход из Тбилиси, что в связи с овладением Авчали, которое теперь уже имело место, явилось бы полным окружением Тбилиси, а значит гибель войска и всего Правительственного аппарата. Страна, лишенная этих элементов, не могла продолжать борьбу и это означало конец войны. Позволить противнику окружить себя в Тбилиси было недопустимо; согласно дважды утвержденной Правительством общей директивы ведения войны (1920 и 1921 гг.), а именно, что падение Тбилиси не знаменует окончания войны, надо было вырваться из Тбилиси, чтобы продолжать войну. Правильное ли было это последнее решение? Я считаю, что правильное, и исторически мы знаем, что нахождение Тбилиси в руках противника далеко не обозначало покорности народа, и Грузия освобождалась от врага годами, и освобождение Тбилиси бывало не раз последним актом в деле освобождения родины. Москва была отдана для спасения армии. Париж в последнюю войну (1914) был подготовлен заблаговременно к оставлению и потеря того или другого пункта, даже столицы, в новейшие времена не знаменует окочания войны, ибо воюет весь народ и все государство, а не отдельные составные части. Итак, к вечеру 24-го февраля Тбилиси был фактически окружен. Если бы мы очистили Авчали, все же и тогда оставалась лишь узкая щель вдоль Мтквари. Железная дорога, проселочная дорога через Авчали и Военно-Грузинская дорога. Это полоса шириной не больше 2—3 верст и составляет одну десятую всего обвода Тбилиси на линии его обороны. Этому окружению надо добавить потерю нами высоты 3150 и, самое трагическое, это оставление левобережной группой своей укрепленной позиции. Ко всему этому надо добавить, что в резерве уже у меня не было ни одного человека.

ГЕРОЙСКИЕ ПОДВИГИ

Об этой левобережной группе я должен сказать несколько слов. Прежде всего надлежит сравнить выказанную боеспособность и стойкость войск правого и левого берега р. Мтквари. С 19-го февраля на Табахмельском и Коджорском участках бои не прекращались; они происходили день и ночь, и дело очень часто доходило здесь до штыковых ударов. Ожесточение достигало крайних пределов; окопы нередко попадали в руки противника и брались штыками обратно. Вот несколько эпизодов. На одном участке противник в количестве нескольких десятков человек прорвался и, продолжая наступление, атаковал батарею, которая была под начальством старшего лейтенанта Гоги Алекси-Месхишвили. Этот последний, увлеченный своей стрельбой, не заметил приближавшегося к нему почти с тыла противника; только в последний момент, когда оставалось всего несколько десятков шагов, Алекси-Месхишвили заметил противника. Крикнув батарейной прислуге "ко мне", Алекси-Месхишвили быстро собрал кучку артиллеристов около себя и бросился с шашками наголо, с криками "Ваша"[1] на противника; одновременно с другой стороны заметили противника десятка два юнкеров, шедших на подкрепление цепи, и также бросились в штыки. Противник был покончен. Нам приходилось читать геройские подвиги тех или других частей, того или другого офицера; в описании этих подвигов нам приходилось читать, как особенно показательное, что артиллеристы защищались банниками и картечью; изображение этих подвигов были украшением музеев. Мне представляется: несомненно, что геройское поведение орудийной прислуги со своим офицером во главе, бросившейся на противника, может служить прекрасным сюжетом для батальной картины.

В другом месте во время одной из штыковых свалок, закончившейся в нашу пользу, был смертельно ранен юнкер Шалва Эристави. Этот юнкер лежал на месте боя и умирал; к нему подбежал один из юнкеров с целью помочь и поднять его. Умирающий герой, в полубессознательном состоянии, не узнав товарища, воскликнул: "Стой, кто ты" и в последнем усилии стиснул ружье ослабевающими руками. Это были его последние слова и он испустил дух с этим криком на устах. Как не запечатлеть на картине гибель этого героя, последние мысли которого были о враге.

Еще один случай. В одном месте Саганлугского хребта один офицер, фамилии которого к сожалению не помню, шел с тремя солдатами с тыла на позицию, от которой он находился шагах в 150. Это было ночью; вдруг он заметил кучку противника человек в 20; в темноте были видны длинные шинели, характерные серые барашковые шапки. С тремя солдатами, вскинув ружье, наши броси-

---

[1] Ура.

лись на противника, со стороны которого раздались крики: "Не стреляйте, товарищи, мы сдаемся". И наши три солдата с офицером забрали их в плен.

Знаю еще один случай поведения офицера, проникнутого чрезвычайным духом долга. Я служу немало; участвовал в Русско-Японскую войну и 1914-м году; я не только не был свидетелем подобного факта, но и не слышал ни от кого. Кап. Кипиани, школьный офицер, занимал один окоп, имея с собой человек 40 запасных. Противник приближался в превосходных силах. Огонь стрелков не мог их остановить и предстояла штыковая свалка. В этот момент все его солдаты очистили окоп и побежали назад. Капитан Кипиани не мог остановить бежавших в панике своих подчиненных. Он остался в окопе и... выпустил в себя 4 пули из револьвера; пятую он не успел выпустить, ибо на помощь этому окопу прибежала кучка юнкеров, которые штыками отбросили противника. Один из юнкеров подбежал к кап. Кипиани и выхватил у него из рук револьвер. Раненного четырьмя пулями отнесли на перевязочный, где на вопрос своего начальника, ген. Чхеидзе, почему он хотел застрелиться, он ответил: "Как я мог Вам посмотреть в глаза после того, как солдаты бросили меня". Этот юноша был проникнут наивысшим пониманием своего долга и через несколько дней он вновь доказал это. Он лежал в госпитале, когда оставили Тбилиси. Узнав об оставлении Тбилиси, он выскочил из госпиталя и пешком пришел в Мцхета, где его положили в вагон.

Таковы были проявления геройской борьбы защитников Тбилиси на правом берегу Мтквари. Таких эпизодов было, наверное, много и их знают непосредственные участники лучше меня. К сожалению, левобережная группа, где были гвардейские части, не проявила такого геройства.

Как известно, по пленным и по их показаниям, выяснилось, что главная масса войск противника атаковала наш правобережный армейский участок, в состав которого входило лишь 3–4 батальона Гвардии. Я должен отметить, что, по словам наших начальников, из числа этих батальонов геройски дрались Батумская Гвардия и батальон, находившийся под начальством Тутберидзе. На левом берегу Мтквари, при первом серьезном наступлении противника, войска отходили и бросали даже укрепленную позицию. Между тем для пассивной обороны левобережный участок был благоприятнее. Перед укреплениями были ровные, гласисообразные покатости, которые не могли доставить противнику мертвых пространств, где бы он мог укрыться от выстрелов, накопиться, собраться с силами. На правом берегу напротив, особенно в районе Табахмел–Коджоры, ближайшие подступы изобиловали подобными пространствами и командование противника, правильно учтя это обстоятельство, большую часть войск направило именно на этот участок; недостаток же

сил против наших левобережных укреплений оно заполнило броневыми поездами и автомобилями, и как говорил А. Дгебуадзе, танками. Надо отметить, что перед нашими левобережными укрепленными позициями находилось много русл и трещин, что могло мешать свободному маневрированию этих монстров последнего изобретения. Эти последние не могли быть использованы полностью. Итак, нужно признать, что левобережная группа была неустойчива и не боеспособна. Это положение вполне ясно вытекало из качеств Гвардии. Как это было и в прошлых войнах, малейшая неустойка, неудача одного из участков общего расположения, сейчас же отражалась на весь фронт, даже никем не атакованные сейчас же начинали отходить, что создавало непоправимое положение. Я здесь должен добавить следующее. Когда связь с Кахетией была прервана, то Кахетинские гвардейские батальоны растаяли. Люди стали уходить в Кахетию, якобы для ее непосредственной защиты. Непосредственные руководители не только не приняли мер против такого явления, но, наоборот, штаб Гвардии просил меня разрешить откомандировать кахетинцев; они утверждали, что они пошлют кахетинцев под начальством, как они говорили, лихого офицера, за которого они ручались; этот офицер, по их уверениям, будет действовать в тылу противника. Я разрешил лишь под последним условием. Из двух Кахетинских батальонов, бывших под Тбилиси, я потом видел у Гори лишь кучку человек в 50; вот все, что оставалось и осталось только потому, что они опоздали уйти в Кахетию: дорога оказалась прегражденной. А что касается действия в тылу противника под начальством их лихого офицера, то, конечно, оно не имело места.

На правом берегу частичные неудачи можно было исправить вводом частных резервов, так как соседи, после отхода опрокинутой части, продолжали стойко держаться на своих позициях.

ТБИЛИСИ ОКРУЖЕН

Итак, к вечеру 24-го февраля часам к 5—6 создалась следующая обстановка. Тбилиси был окружен и 25-го февраля кольцо несомненно окончательно замкнулось бы; на правом берегу фронт мог быть прорван, если бы высота 3150 не была бы возвращена нами; левобережный участок бросил укрепленную позицию и 25-го февраля они не сопротивлялись бы; если они не могли оказать сопротивления на укрепленной позиции, то, конечно, они не могли удержаться на позиции, лишенной укреплений, даже если бы удалось водворить порядок в этой отхлынувшей массе. До утра, в темноте, водворить в ней порядок и затем правильно занять брошенную позицию войсками, панически отошедшими на пространстве нескольких верст, немыслимо. Таким образом можно с уверенностью сказать, что 25-го

февраля, если бы мы в течение ночи даже вернули высоту 3150, противник с одной стороны замкнул бы кольцо, а с другой стороны, наступая по левому берегу, не встретил бы сопротивления, как не встретил при слабой попытке 24-го февраля, и вступил бы в Тбилиси. К этому надо добавить, что войск уже никаких не было; 2-й и 3-й батальоны в глубине страны не были готовы и не прибывали, а формирование частей 2-й дивизии дало всего 3 батальона, из которых третий, не вполне готовый, мог быть введен лишь к ночи 24-го февраля.

Дать бой в улицах Тбилиси, конечно, было абсурдно и неисполнимо, ибо Тбилиси лежит в котловине и окружен горами; это была мышеловка, из которой никто не вырвался бы и войска обречены были бы на сдачу за израсходованием боевых припасов и пищи. Я решил вывести войска и отвести их на следующую укрепленную позицию в 12—13 верстах от Тбилиси. Все силы и средства для обороны Тбилиси были исчерпаны и таковой не мог уже дольше сопротивляться. Чтобы продолжать оборону страны, надо было оставить Тбилиси, иначе предстояла неизбежная гибель войска и управления страной. Об этом своем решении я доложил Председателю Правительства. Отступать с боем через Тбилиси, конечно, не сулило успеха, ибо 25-го февраля нам пришлось бы пробиваться на запад и под давлением с востока. Лучший способ отступления, это уйти ночью под прикрытием темноты.

Обстановка для этого к счастью сложилась благоприятная. В эту ночь противник на правом берегу р. Мтквари прекратил атаки и я с целью ввести его в окончательное заблуждение решил произвести атаку высоты 3150. Я усилил ген. Андроникашвили батальоном 1-го полка, последней частью, находившейся в моем распоряжении, и воспользовавшись затишьем на его фронте, приказал выделить части из своего участка и атаковать высоту 3150; эта атака должна была быть поддержана атакой со стороны загнувшего фланг батальона 9-го полка. Кроме того сзади этого прорыва, с целью остановки дальнейшего продвижения в этом направлении, я поставил на следующем гребне у Крцаниси батальон 2-й дивизии, правда еще не вполне сформированный.

Атака высоты 3150 была произведена. Взята была эта высота или нет, точных сведений получить не удалось; по одним сведениям она была возвращена; по другим она нами занята не была. В темноте, конечно, трудно было ориентироваться, тем более, что эта высота не является резко очерченной. Это высота с тригонометрическим пунктом и составляет одно из мало заметных возвышений Саганлугского хребта, постепенно понижающегося от Табахмели к Мтквари; эта высота находится приблизительно по середине Саганлугского хребта.

Бой, как я указал, на всем фронте стих. Я отдал приказ об отходе. Председатель Правительства отдал свои распоряжения, касаю-

щиеся окончательной эвакуации. Еще вступив в командование я настаивал, чтобы Тбилиси был эвакуирован и чтобы в Тбилиси остались лишь военные власти. Это было сделано, но не полностью. Учредительное Собрание и Правительство находило, что оставление ими столицы в такую критическую минуту может неблагоприятно отозваться на духе войск. Я согласился на это исключение, но при условии, что эта эвакуация, т. е. вернее отъезд Учредительного Собрания и Правительства, могла быть произведена в любой момент и не помешала бы последней эвакуации. Меня в этом уверили. Я согласился с высказанными выше мотивами, принимая во внимание моральное состояние вооруженных сил, состоявших на 3/4 из Гвардии, моих наличных сил; по своим свойствам, Гвардия особенно, в силу отсутствия дисциплины, была весьма склонна к тому, чтобы остаться недовольной отъездом представителей народа.

Не могу не привести рассказа одного из офицеров, случайно подслушавшего разговор одной кучки гвардейцев. Эта кучка сидела сзади Табахмельского участка у шоссе под дорожным обрывом; за обрывом находился этот офицер присевший также для отдыха, и он передал мне следующие слышанные им слова: "Очень дерется ген. Квинитадзе, но для нас, если он победит, невыгодно будет, ибо он установит старый режим". Я не скажу, чтобы этими мыслями были проникнуты все гвардейцы, но во всяком случае, среди некоторых из них таковые мысли бродили.

Эвакуация не произошла так быстро, как меня уверяли. Действительно, около 5–6 часов вечера я доложил Председателю Правительства о своем решении отступать, так как все средства борьбы были истощены и нам угрожало полное окружение. Около 9 часов приказание это было передано в войска. Войска должны были начать отходить в 12 часов ночи. Поезд Учредительного Собрания отошел лишь в 3 часа утра. Других поездов не выпускали, беспокоясь, чтобы что-нибудь не случилось с этим поездом и чтобы поезд Учредительного Собрания не оказался бы задержанным. Передавали мне потом, что с паровозом этого поезда случилось какое-то недоразумение и что этот паровоз пришлось менять. Благодаря этой задержке, войска левого берега Мтквари нагнали отходившие поезда, как-то с расходными боевыми припасами, с авиационным имуществом и пр., я не могу перечислить точно все отходившие поезда, ибо железнодорожная эвакуация была изъята из ведения Военного Ведомства.

ОТХОД К МЦХЕТИ

Согласно моего приказания войска должны были отходить тремя колоннами. Правая колонна ген. Андроникашвили – по Военно-Грузинской дороге, ген. Мазниашвили со своими войсками – через

Александердорф на Авчали и левобережная группа под начальством полк. Гедеванишвили должна была воспользоваться верхней дорогой мимо Кукийских озер. Путей к отступлению больше не было. Я очень беспокоился, что Военно-Грузинскую дорогу может перерезать с рассветом та группа войск противника, которая уже несколько дней как была обнаружена у Нахшир-гора и которая у с. Дигоми могла преградить путь. Войска же, двигавшиеся по левому берегу р. Мтквари были от этого предохранены и они могли пройти в Авчали, прикрытые от вышеназванного противника этой рекой. Станция Авчали была очищена от противника; она находилась в наших руках. Эта группа противника, только что появившаяся в Авчали, не могла моментально быть усиленной, но 25-го февраля она могла оказаться для нас гибельной.

Движение колонны ген. Андроникашвили по Военно-Грузинской дороге меня беспокоило больше, и для обеспечения ей беспрепятственности движения я решил принять меры лично. Цхнети были мной заняты одним батальоном; этот батальон должен был отойти по указанию ген. Андроникашвили после прохода войск через Сабуртало. Через Дигоми, по дороге в районе Нахшир-гора была мной лично выставлена одна рота; этого офицера я в лицо лично знаю, хороший офицер; я приказал ему там находиться до получения приказания от меня. Сам я обратился к штабу Гвардии и они из своих остатков образовали две роты в составе до 300 человек; я прихватил конный взвод, правда, находившийся на еле двигавшихся лошадях, а затем в верийских артиллерийских казармах присоединили к этому отряду взвод гвардейских гаубиц, и с этим отрядом, став в его голове, я направился по Военно-Грузинской дороге к массиву Мухат-гверды, на юго-восточной окраине которого и занял позицию. У Белого Духана я удостоверился от местных жителей, что рота прошла через Дигоми, и я послал туда милиционеров с тем, чтобы она держала связь с Белым Духаном, и отошла лишь по проходе войск ген. Андроникашвили. Впереди Мухат-гверды я ждал подхода войск ген. Андроникашвили.

Решив отойти от Тбилиси, я наметил себе следующий план действий. Войска я решил отвести недалеко от Тбилиси на удобную для обороны позицию, фронтом к Тбилиси, укрепления на этой позиции были мной построены также в 1914-м году и усиливали естественную силу позиции. Согласно отданного приказания ген. Андроникашвили должен был стать на позициях от района Теловани до Мтквари по хребту возвышенностей, имея перед фронтом открытое Дигомское поле. Полк Н. Гедеванишвили должен был занять позицию на левом берегу р. Мтквари, а ген. Мазниашвили должен был стать в резерв за этим флангом. Таким образом большую часть сил я собирал на левом берегу р. Мтквари. Я с этим усиливал мой левый фланг и намечал при наступлении противника из Тбилиси атаковать части, наступавшие по левому берегу р. Мтквари. В случае успеха

можно было рассчитывать на возвращение Тбилиси. Такое расположение наше было бы несравненно лучше расположения у Тбилиси, где противник нас уже окружил. Здесь же мы противника имели перед фронтом и он был бы вынужден атаковать нас по открытой равнине. Если бы противник задумал обход нашей позиции, то это требовало бы много времени; за это время мы могли бы усилиться и попытаться разбить одну из групп противника, разъединенных р. Мтквари. В тылу нашей позиции находился железнодорожный мост, дающий свободу сообщений наших групп. Этот мост допускал возможность колесного передвижения под железнодорожным путем.

*
* *

Прежде чем перейти к описаниям того, что произошло дальше, я несколько остановлюсь на двух вопросах. Еще будучи в Константинополе, я услышал мнение, что Тбилиси не следовало оставлять и что имеются документальные данные о приказе войскам противника отступать от Тбилиси. Этот слух исходил из кружка членов Учредительного Собрания и политических деятелей; родоначальником называли г. Хомерики, утверждавшего, что таковой документ у них будет скоро в руках. Такого приказа не существовало. Я думаю, что если бы и собрались таковой отдавать, то после взятия высоты 3150, после того, как сел. Авчали было занято около 16-ти часов 24-го февраля, если не раньше; наконец, после того как левый участок бросил укрепленную позицию без сопротивления, чего нельзя было противнику не заметить, таковое приказание не могло быть отдано. Даже потеряв 18–19-го февраля более 1000 пленных и 4 орудия противник не ушел, а возобновил атаки на Табахмели и Коджоры. 25-го февраля наступление продолжалось бы, тем более, что в действиях под Тбилиси не все войска противника были введены в дело. В этом последнем мы убедились в бою под Хашури, где попавшиеся нам пленные обнаружили присутствие на поле сражения двух новых бригад; эти бригады, как выяснилось из опросов пленных, в боях под Тбилиси не участвовали и ехали из Петровска. Таким образом все данные за то, что такого приказа не существовало; обстановка вовсе не была угрожающей для противника, чтобы заставить его принять подобное решение.

Понятен этот слух. Социал-демократическая партия, управлявшая Грузией 3 года, очевидно была виновна в полной неготовности страны к войне ни внешнеполитической (книга Авалова "Независимая Грузия"), ни военной; отсутствие плана обороны, отсутствие правильной мобилизации, недостаток одежды, военного материала и пр., а главное, организация Гвардии (24 батальона) в ущерб армии (12 батальонов). Надо было свалить свою вину на кого-нибудь и нашли козла отпущения – военное руководство.

Второй вопрос касается оставления Тбилиси. Н. В. Рамишвили уже в Париже, в частной беседе, сказал мне, что оставление Тбилиси лежит на моей шее, а также и на шее Н. Н. Жордания. Вопрос об оставлении Тбилиси лежит на шее Совета Государственной Обороны, дважды решавшего этот вопрос принципиально, т. е. что оставление Тбилиси не знаменует прекращение борьбы. Вследствие такого решения надлежало спасти армию, являющуюся средством продолжения борьбы, и пожертвовать городом. Что же касается вопроса о выборе времени оставления, то этот вопрос может решать только командование, которое только и способно определить, когда настала минута спасти армию.

Момент был выбран своевременный; только до 25-го февраля можно было спасти армию; с утра этого дня это уже не удалось бы. Мне писали из Тбилиси мои родные, что Геккер выразился про отступление из Тбилиси такими словами: "Если когда-либо можно давать награды за отступление, то ген. Квинитадзе надо дать все награды за этот отход".

Оценка положения, оценка военной обстановки, требующей принятия того или другого военного решения, должна принадлежать военному. Вмешательство некомпетентных лиц в военные дела и печальные последствия, происшедшие от этого на нашей родине, не научило Н. Виссарионовича, не научило нашего непогрешимого стратега этому и пребывание за границей.

Должен добавить следующее. Капитан князь Вачнадзе Иван, находящийся в иностранном легионе, в бытность в отпуску в Париже, рассказал мне, что в легионе ему пришлось по службе пересматривать бумаги и переписку одного русского, служившего в Тбилиси. Пересматривая бумаги он наткнулся на мою фамилию. Оказывается в школе, где он был, оставление Тбилиси было разбираемо, как пример своевременного и удачного отхода, во время которого не было оставлено ни одного орудия, ни одной винтовки.

Это добавление я делаю значительно позже написанных мной воспоминаний, которые я составил в 1922 году по свежей еще памяти.

Я должен сказать несколько слов о действиях родов войск. Наша артиллерия оказалась на высоте; стреляла она отлично, располагалась почти в стрелковых цепях и весьма помогала своими действиями пехоте, а наш артиллерийский участок своим метким огнем не позволял бронепоездам противника приближаться к нашим позициям. Конница наша была малочисленна и сидела на истощенных и изморенных хронической бескормицей лошадях. Она не могла соперничать с многочисленной конницей противника, которая при малейшей неосторожности нашей конницы могла ее уничтожить. Одна-

ко, помимо непосредственного столкновения с противником с холодным оружием, наша конница должна была дать службу разведки, в чем, я должен признать, она проявила мало смелости и энергии. Конница, если она не может достичь своей задачи в конном строю, она должна ее достичь в пешем; конь не должен рассматриваться как средство удаления от противника, но лишь как средство приближения к противнику и перемены своего местоположения с целью вновь вцепиться в него. О саперах можно выразиться только с похвалой и этого нельзя было их лишить и в последующей их работе во время нашего дальнейшего отступления. Наши автомобили выказали неутомимость и энергию, и обитатели Тбилиси нередко были свидетелями их службы, когда они перевозили войска с одного участка нашего обширного фронта на другой; их деятельность в высшей мере способствовала войскам в защите Тбилиси; не могу не отметить деятельности и броневых машин, не только способствовавших нашей обороне, но неоднократно смело выезжавших на разведку противника.

Но я должен отметить. Мы во время переброски войск с участка на участок пользовались лишь армейскими машинами и, когда я обращался в гвардейскую автомобильную роту г. Фаржиева, он всегда отвечал штабу, что у него нет машин. Что касается авиации, я категорически должен отклонить те обвинения, которые я слышал по ее адресу уже в Константинополе; говорили, якобы авиация далеко не дала той работы, которую могла. Эти разговоры, именно разговоры, лишены всякого основания. Авиация доблестно и самоотверженно выполняла то, что ей поручалось и никто другой, поставленный в условиях ее работы, не мог бы лучше исполнить этого. Сведения, доставляемые ее разведкой, всегда оказывались правильными; во время боев они неустанно вылетали и бросали бомбы в войска; авиаторы, по своему установившемуся обычаю, всегда напрашивались на работу. А работа была чрезвычайно затруднена тем состоянием, в котором находились износившиеся машины. Вновь купленные бездействовали, ибо специально необходимого масла, "горючеля", не было куплено. Ибо Н. Жордания лично вычеркнул этот расход при покупках в Италии наилучших машин. Надо было видеть отчаяние летчиков, иметь машины, превосходные над таковыми противника и не мочь уничтожить его аэропланы. Экономия Н. Жордания, лично отклонившего покупку масла, нам обошлась дорого. Но летчики исполняли свои обязанности с горячим усердием и некоторые из них терпели крушения, к счастью с благополучным концом. Один из них, Строев, принужден был снизиться между нашими войсками и противником: мотор остановился. Он спасся, капризный мотор снова заработал и летчик поднялся на воздух. Я не позволю себе бросить никакого упрека по адресу летчиков, напротив.

В ряде мер, принимаемых спешно мной для обороны, я должен

указать одно мероприятие, которое было начато, но не оказалось реализованным, главным образом, за недостатком времени. Я учитывал превосходство конницы противника и, конечно, должен был предугадать о всех последствиях этого. Чем я мог бороться против конницы. Конечно, имея достаточно конницы, этого можно было достичь легко, но ее не было. Между тем, пользуясь превосходством конницы, противник мог беспрепятственно появляться у нас в тылу. Ввиду этого я хотел организовать борьбу с этой конницей посредством местного населения, т. е. организовать вроде партизанской войны с ней. С этой целью я назначил полк. Тухарели, дал ему в распоряжение офицеров, патроны и деньги. Он должен был по всем деревням организовать отряды добровольцев и организовать оборону деревень на местах. Эти отряды, при появлении конницы противника, собирались бы в известные пункты и организовали бы оборону деревень, пользуясь благоприятными свойствами местности, а также нападая на нее ночью. Вообще, я должен признать, что эти партизанские действия против конницы противника не суть действительные средства, которыми можно было парализовать деятельность конницы противника; однако, они могли явиться сильно стесняющими ее действия. Такая организация требует заблаговременности и в том положении, в каком были мы, благодаря недостатку времени, не дала результатов.

Теперь, прежде чем продолжать свои воспоминания, я скажу несколько слов о том, что произошло в Кахетии. Я не вспомню, которого числа перешли в наступление войска противника со стороны Закатали; но это было после 16-го февраля.

Я предвидел, что Кахетия может быть отрезана от Тбилиси и должна будет обороняться самостоятельно. С этой целью я назначил туда ген. Ахметели с чрезвычайными правами, распространявшимися на всю Кахетию. Он был правомочен поднять все население и привлечь его к обороне. Ген. Ахметели выехал туда с патронами, оружием и деньгами в той мере, которую мы могли ему отрядить.

Противник атаковал наши части и повел наступление по обоим берегам р. Алазани, а затем часть сил отрядил на Тбилиси, вполне правильно учитывая, что главные действия разыграются на Тбилисском направлении. Под давлением превосходных сил противника ген. Ахметели шаг за шагом отходил на запад и принужден был через Ахметы и Душет выйти с остатками своего отряда на Военно-Грузинскую дорогу, где дорога оказалась ему перерезанной противником, шедшим из Владикавказа. Он был взят в плен с ген. Чавчавадзе и ген. Тавадзе и, высланный в Россию, умер в плену. Мир праху его.

Я в своем описании действий остановился на ночи с 24-го на 25-е

февраля. Ночь эту я провел с отрядом впереди Мухат-гверды. Стоя здесь, я был готов в любой момент помочь колонне ген. Андроникашвили, если противник со стороны Нахшир-гора попытается перерезать ей дорогу. До рассвета все было тихо и спокойно. Войска ген. Андроникашвили еще не показались в виду, когда на том берегу р. Мтквари я заметил колонны наших войск, подходивших к Авчали.

В это время я услышал выстрелы с того берега Мтквари и заметил блеск ружейных выстрелов, направленных со стороны высот, расположенных к северо-западу от Авчали. Внизу этих высот, в равнине, проходила железная дорога. По выстрелам трудно было определить и казалось, что противника там было немного, но в действительности их оказалось значительно больше. Со своего места я наблюдал, как отступавшие колонны стали развертывать цепи и перешли в наступление, а артиллерия открыла огонь. Артиллерия стреляла в сторону вышеназванных высот, а также и на север от Авчали. Последнее обстоятельство указывало, что противник находился и к северу от Авчали, его я не видел. Я сейчас же выслал конного офицера к берегу р. Мтквари передать голосом через реку, что у Мухат-гверды стоим мы и что против войск левого берега Мтквари лишь конница противника. Одновременно с этим я послал это же извещение навстречу ген. Андроникашвили, которого эти выстрелы у него в тылу могли обеспокоить. Между тем, на левом берегу эта стычка с противником была ликвидирована. Противник бросал свои позиции и уходил на север. Дорога была открыта, мы прорвались. Наш бронепоезд выехал из Авчали и направился на Мцхета, стреляя из пушек и пулеметов по противнику. За ним стали проходить поезда, тут я заметил, что вагоны были усеяны людьми. Ночью, когда я отходил с отрядом, со мной вместе были члены штаба Гвардии и мой начальник штаба ген. Закариадзе. Члены штаба армии на заготовленном поезде уехали в Мцхета. Затем перед рассветом или на рассвете, я не помню точно, я в Мцхета командировал ген. Закариадзе.

Часов в 9—10 утра стали подходить войска ген. Андроникашвили, они шли в порядке. Я указал ген. Андроникашвили остановиться у Мухат-гверды и, отдохнув, занять указанную моим приказанием позицию. Уже около полудня я получил известие, что в Мцхета столпотворение; не помню, с этим известием приехал ген. Закариадзе или он прислал кого-нибудь. От штаба Гвардии я никаких известий не получал. Я поехал в Мцхета. Уже подъезжая, я увидел на шоссе повозки обозов, они загромождали дорогу, и я с трудом пробирался верхом между ними. Я приехал к станции Мцхета. Станция Мцхета, пути и окружающая местность были заполнены людьми, одетыми в военную форму. Слезши с лошади, я стал протискиваться между ними. Солдат я почти не видел; были все гвардейцы. Эта толпа ожидала отходящие поезда, на которые и садилась.

Я нашел штаб Гвардии и обратился к ним с требованием навести порядок среди своих и собрать части. Они мне сказали, что уже пытались, но ничего не могли сделать. Несмотря на это, я настоял, чтобы они приняли меры. Два раза они по моему настоянию выходили в толпу с этой целью, но ничего не могли сделать; их не слушали. Они тогда категорически заявили, что не в состоянии ничего сделать и просили всех отвести в Гори, где только они сумеют водворить среди них порядок. Милая организация.

Около вокзала стояла Военная Школа. Я хотел было оружием водворить порядок. Но с другой стороны, рассеяв толпу, я лишился бы людей, которые рассеялись бы окончательно и навсегда. Во всяком случае мне стало ясно, что оборонять намеченную мной позицию эти люди уже не могут. Левобережные позиции были брошены. Как я говорил раньше, гвардейцы составляли 3/4 всего числа моих войск и их окончательно лишиться было нецелесообразно. Скрепя сердце я разрешил вести людей в Гори, где штаб Гвардии обещал мне их организовать. Войскам ген. Андроникашвили я приказал на ночь остаться в районе ст. Мцхета–Нефтепровод и отдал приказ с рассветом продолжать отход на Гори. Я указал рассвет, дабы повозки и орудия могли воспользоваться тем, что дороги за ночь подмерзли и это обстоятельство могло им облегчить движение. Согласно приказания ген. И. Гедеванишвили должен был части 2-й дивизии с полевой и гаубичной артиллерией и большей частью обозов вести по Мухранской долине, а ген. Андроникашвили с горной артиллерией должен был отступать вдоль р. Мтквари.

Следствием чего же оказалось это столпотворение у ст. Мцхета? По докладу ген. Мазниашвили и полк. Гедеванишвили, отогнав от Авчали конницу, они своими частями заняли указанное мной расположение. Затем с утра люди стали оставлять позиции и уходить в Мцхета.

Психологически я объясняю это следующим. Нравственный элемент, стойкость, вообще боеспособность Гвардии, стояли всегда на очень низкой ступени. В бою на Храме эти части, увидя противника у себя на фланге, вместо того, чтобы попытаться оказать сопротивление противнику, в беспорядке отступили на Сандари; никто из частных начальников не попытался своей распорядительностью и инициативой водворить порядок и занять Сакараулис-Мта, чтобы прикрыть дорогу на Тбилиси со стороны Красного моста. В Тбилиси их вновь организовали, но ясно, что их боеспособность была еще более пониженной. 24-го февраля они бросили укрепленные позиции без боя. На ст. Тбилиси уже начали садиться на поезда, т. е. разложение уже начало давать свои плоды. Встреча у Авчали с конницей противника окончательно подорвала их нравственные силы, и они массами стали садиться на поезда и удирать в тыл.

*
* *

Неоднократно мною было наблюдаемо одно явление весьма подозрительное. Гвардейцы отказывались воевать с русскими. Так было в 1920-м году на Красном мосту; так было тогда на Лагодехском направлении, где они братались с русскими; так было в 1921-м году на Красном мосту, где до открытия военных действий гвардейцы братались (начальник караула пил чай у противника). Затем надо взять во внимание подслушанный нечаянно одним офицером разговор гвардейцев между собой на Табахмельском фронте. Знаю также, что одна дама, это было перед войной, проходя мимо Саперных казарм, видя собравшуюся около казарм кучку гвардейцев, спросила: "Вы не боитесь прихода большевиков?" "Чего бояться?" – ответили они – "мы все большевики". Все это показывает какие влияния, какие мысли носились среди гвардейцев.

Отдав приказ об отступлении, я со своим поездом остался на ст. Мцхета. Противник не показывался. Вышеупомянутый железнодорожный мост был взорван и вперед был выставлен арьергард распоряжением ген. Андроникашвили и конница. При выходе со ст. Мцхета к стороне Тбилиси был поставлен гвардейский бронепоезд. Эвакуация станции продолжалась; оставалось отправить еще один поезд, когда часа в 3–4 ночи бронепоезд вдруг открыл стрельбу орудиями и пулеметами. Это была ложная тревога; никакого противника не было, что доказывается тем, что части ген. Андроникашвили с рассветом уходили, не тревожимые противником. Между тем эта тревога сильно взбудоражила людей. При первых выстрелах я из своего вагона видел, как маневрировавший паровоз панически двинулся назад и врезался в поезд, подготовленный к отправлению; несколько вагонов сошли с рельс от удара. Мне потом передавали, что паровоз моего поезда отцепился и хотел бежать, но был остановлен случившимся здесь офицером штаба. Я вышел из вагона и направился в сторону броневика. В нашу сторону пули не летели. Ясно было, что противника не было. Когда все успокоилось, я тронул свой поезд на Гори, куда прибыл часов в 8–9 утра 26-го февраля.

Здесь, выйдя из поезда, я с офицерами стал очищать станцию, забитую дезертирами почти так же, как в Мцхета. Здесь я увидел уже много солдат из армии, преимущественно 4-го батальона. К своему сожалению должен констатировать, что здесь оказался один из командиров армейского батальона; я его отрешил от командования. Гвардию я направлял на левый берег Мтквари, в штаб местной Гвардии, где их приводили в порядок по батальонам. Здесь, у станции я делал то же самое с армейскими солдатами. Между тем мне донесли, что солдаты кучками уходили дальше по полотну железной дороги. Я выслал бронепоезд и большую часть беглецов удалось

вернуть. Обходя и наводя порядок в первый же день своего прибытия в Гори, я вдруг заметил ген. И. Гедеванишвили; он должен был, согласно моего приказания, вести левую колону по Мухранской долине. Оказывается, вместо этого, он в моем поезде приехал в Гори. Это было уже слишком, и я отрешил его от командования дивизией. Командование дивизией я вручил ген. Сумбаташвили. Отрешенного командира полка полк. Сагинашвили я отправил в тыл; ген. И. Гедеванишвили я оставил при себе. Последнего я не отправил в тыл, ибо боялся, что там ему могут дать какое-либо назначение помимо меня, чего я не хотел, так как в его отрицательных качествах убедился окончательно.

В Гори мы пробыли два дня, намеренно ожидая устройства Гвардии. К вечеру первого дня арьергард ген. Сумбаташвили находился у Хидистави. Его арьергард состоял из остатков армейских частей; ядро этих частей в количестве 100–150 человек находились при нем, и в течение первого дня и утра второго они были усилены теми беглецами, которых мы перехватили в Гори.

За это отступление от Мцхета до Гори мы потеряли все грузовые автомобили армейской роты и часть пушек; все это загрузло около Ахалкалаки Грузинский в невылазной грязи. Автомобили Гвардии все остались в Тбилиси. В последний момент шоферы отказались от службы. Симптоматично. Очевидно не хотели воевать с большевиками. Что касается артиллерии, то она согласно полученного приказания пошла по Мухранской долине и прибыла на второй день в Гори; она шла без прикрытия. Это вина ген. Гедеванишвили, не организовавшего этой колонны, и во время пребывания в Мцхета, до отхода моего поезда, где-то находившегося. Я в этот день, после отданного распоряжения, около себя его не видел и полагал, что он согласно моего приказа орудует и распоряжается упорядочением отступления вверенных ему войск. В течение первого дня, не получая сведений от этой колонны и не видя начальника этой колонны около себя, я сильно беспокоился за нее и торопил Гвардию скорей организовать что-либо. Армейские части под начальством ген. Сумбаташвили стояли у Хидистави и таким образом прикрывали эвакуацию Гори со стороны Тбилиси вдоль по Мтквари. Надо было прикрыть город со стороны Мухранского направления, по которому отошла артиллерия. Между тем прибыл так называемый Гурийский батальон добровольцев; их было около 1000 человек. Это была толпа; они не были ни одеты, ни обуты и не имели ружей. Тогда же я получил известие, что из Кутаиси выслан только что сформированный 2-й батальон 1-го полка в количестве до 800 человек. Когда мы отходили от Гори, я получил сведения, что люди этого батальона разошлись, что осталось не более 200 человек. Однако в Хашури уже, когда они присоединились к нам, я узнал, что там оказалось до 500–600 человек.

Члены штаба Гвардии по моем прибытии в Гори сказали, что к

вечеру они организуют батальоны, а вечером сказали, что их приготовят к утру. К утру следующего дня у них ничего не было готово и они мне сказали, что приготовят к полудню. Я просил их дать хоть пятьсот человек, чтобы прикрыть Мухранское направление и просил их воспользоваться гурийцами. Начальником этого отряда я назначил ген. Кониашвили. Лишь к вечеру второго дня ген. Кониашвили добился получить несколько сот человек, но артиллерии так и не получил. В отношении артиллерии мной были приняты следующие меры. Всю артиллерию тяжелую, а также пушки, которые не могли передвигаться на лошадях, я погрузил и отправил в тыл.

Какая же причина была тому, что члены штаба Гвардии не могли восстановить гвардейские части в Гори? Главная причина была та, что людей не было. Еще в Мцхета Душетский гвардейский батальон ушел по домам. В Гори Карталинские батальоны, а их было четыре, последовали их примеру. В Гори гвардейцев собралось мало; большинство проследовало дальше в тыл. В Гори я назначил ген. Чхетиани начальником тыла и командировал его в Хашури. Он получил права генерал-губернаторские и должен был водворить порядок в тылу. Между тем на второй день нашего пребывания в Гори противник появился перед нашим арьергардом, находившемся у Хидистави и атаковал его; у противника была обнаружена артиллерия. Я настойчиво требовал от Гвардии дать что-нибудь, и только перед наступлением сумерек, когда наш арьергард стал охватываться противником, я получил Батумский гвардейский батальон и человек 150 Тбилисского особенного, и человек 50 кахетинцев. Во время боя я вышел к полю сражения и наблюдал бой, когда подошел Батумский гвардейский батальон. Я дал командиру батальона направление по местности; это направление выходило во фланг обходившего нас противника. Быстрое и смелое наступление этого батальона могло принести нам чрезвычайную помощь. Батальон двинулся, прошел полверсты и остановился. Стали организовывать разведку. Драгоценное время пропадало. Правда, надо было пройти закрытую садами местность. Все же надо было развернуть батальон в боевой порядок и, имея общее направление на местный предмет по ту сторону садов, наступать сплошной цепью. Местный предмет, кладбище на горе и церковь, были ясно видны. Между тем наступили сумерки и арьергард, не получив поддержки против охватываемого фланга, стал отходить. В это время я получил донесение, что противник появившийся со стороны Мухранского направления, оттеснил отряд ген. Кониашвили, и что цепи последнего занимают северную окраину города Гори. Таким образом противник оказывался в тылу. Я вернулся на станцию; станция была уже эвакуирована. Я отдал приказ об общем отходе. Оставался к отправлению лишь мой поезд. В этом поезде находились остатки Военной Школы; отправление поезда я задерживал. Я хотел своим присутствием наблюсти за исполнением своих последних распоряжений и чтобы это отступле-

ние не превратилось в бегство. За моим поездом должен был двинуться броневой поезд. Еще одно обстоятельство побуждало меня остаться на станции сколь возможно дольше. Станцию и мой поезд противник начал обстреливать артиллерийским огнем. Снаряды разрывались очень точно у моего поезда; неразрывавшиеся снаряды врывались в землю по одну и другую сторону поезда. Это счастье наше, что ни один снаряд не попал в поезд. Я ходил вдоль поезда, делая вид, что не замечаю разрывавшихся и падавших на землю снарядов. Наконец стемнело, противник перестал обстреливать и части нашего арьергарда поравнялись с моим поездом. Тогда я сел в поезд и тронул его в Хашури, куда было приказано отойти войскам.

В Хашури я застал Председателя Правительства. В Хашури мы в общем пробыли 3—4 дня. Армейский арьергард отойдя занял позицию в нескольких верстах к востоку от Хашури. Были устроены окопы, которые частью были из снега. Здесь было образовано два участка. Вправо, к югу, от железной дороги участок ген. Сумбаташвили; влево, до предгорий, участок ген. Мазниашвили. Кроме того на правый берег Мтквари я выдвинул 2-й батальон 1-го полка, только что прибывший из Кутаиси. Гвардия опять собиралась; она восстанавливалась в Сураме; на этот раз людей было достаточно и, в конце концов, она выставила более 3000 человек. В армейских частях было до 2500 человек, считая и 2-й батальон 1-го полка. Кроме того из Ахалкалаки шел только что сформированный батальон 11-го полка и подошел в Хашури в ночь того дня, в который мы перешли в наступление.

Это было в начале марта, должно быть 5-го или 6-го, точно не помню. Таким образом в Хашури я собрал до 6000 с лишним штыков, что, принимая во внимание то обстоятельство, что в Тбилиси у меня самое большее было 9600 штыков, нельзя не признать довольно значительным по тем обстоятельствам. Были ли эти люди боеспособны? Утверждаю в отношении армии, что да.

Во время предпринятого наступления, армейские части наступали по совершенно открытому и ровному полю, по колено в снегу и грязи. А наступление по открытому месту под огнем противника считается одной из трудных для пехоты операций. Гвардия тоже наступала, и несмотря на то, что она наступала в гораздо более благоприятных обстоятельствах, горами и почти не имея перед собой противника, она выдохлась быстро, и с ней случилось то, что всегда случалось с ней. Она ушла с поля сражения, никем не тревожимая.

Однако буду писать по порядку. В Хашури в железнодорожном мире я встретил полный хаос. Станция была забита. Я уже указал раз, что железнодорожная эвакуация производилась этапами, вследствие чего последующие станции загромождались. Надо давно было

очистить все станции, но начальник дорог оказался в Батуми и только здесь в Хашури я добился назначения лица, уполномоченного на месте распоряжаться эвакуацией. До этого эвакуацией распоряжался дежурный по станции, который должен был исполнять лишь требования о перевозках заведовавшего передвижением войск полк. Гвелесиани. Конечно, дежурный по станции не мог справиться с такой обязанностью, ибо последующие станции не исполняли его требований и не принимали готовых к отправлению поездов, у них самих все пути оказывались занятыми; так на каждой станции. Я послал телеграмму в Батуми начальнику дорог с требованием или пожаловать самому, или назначить лицо, которое могло бы полномочно распоряжаться этой сложной операцией. Еще будучи в Гори я предпринял шаги в этом отношении, но узнал, что начальник дороги лично находится в Хашури и лично руководит. Я несколько успокоился, но приехав в Хашури, узнал, что начальник дорог уехал в Батуми, ссылаясь, что оттуда ему удобнее руководить эвакуацией. Это обстоятельство и побудило меня послать вышеупомянутую телеграмму и таковое лицо оказалось назначенным. Но, несомненно, что распоряжения этого последнего могли встречаться с распоряжениями исходившими из Батуми и тут, в этой области, не было достигнуто единовластия настоятельно необходимого. Пока суть да дело, мне пришлось самому лично проводить время в конторе начальника станции.

Вот, например, один мой разговор с дежурным по станции. Эвакуация тормозилась. Я вошел в контору и спросил, почему поезда не отправляются. Это мной было сделано после нескольких посылок к нему моих адъютантов, требовавших от моего имени немедленной отправки поездов. На мой вопрос он отвечал довольно легко и развязно и, повидимому, не хотел отдавать себе отчета в том, в каком критическом положении мы находились и как командование и войска стеснялись этим загромождением тыла. Я ему ответил, что если дело не наладится немедленно, то я прикажу его расстрелять. Он ответил, что ему все равно, что у него голова идет кругом, что он этого не боится и пр. в этом духе. Я выхватил из кармана револьвер и сказал, что я его сейчас сам лично расстреляю. Это подействовало, и он уже другим тоном сказал, что примет все меры к отправлению поездов. Я вышел и, действительно, поезда стали отправляться. Причин к замедлению поездов было много. Одной из причин было отсутствие тормозных вагонов, что было необходимо при спуске поездов из туннеля в Ципу.

Было еще одно обстоятельство. В Хашури я заметил очень пассивное отношение железнодорожного персонала к войне. Все делалось слишком небрежно и медленно. В это время начальником дорог требуемое мной полномочное лицо было назначено. Я сейчас не вспомню ни его фамилии, ни его должности. Должен сказать, что он оказался не только энергичным, но и неутомимым распорядителем.

Ему мы очень обязаны упорядочением эвакуации. Как я выше указал, я неоднократно лично наблюдал за эвакуацией. Заметив на путях несколько поездов, готовых к отправке, но без паровозов, я спросил, почему не отправляют. На мое указание, что я приказал, чтобы все здоровые паровозы были заблаговременно подготовлены, мне ответили, что приказание передано еще вчера, но что сейчас на требование по телефону депо ответило, что нет готовых паровозов. Это было ранним утром. Я лично отправился в депо. Там я потребовал к себе начальника депо, оказавшегося там же. На мой вопрос, почему паровозы не готовы, он ответил, что готовы, но что станция не требует паровозов. При этом он указал рукой на готовые, стоящие на путях паровозы; три стояли под парами, 4-й заканчивал погрузку угля, а 5-й только что начал нагружать уголь. Поезда были отправлены, но мне так и не удалось выяснить, кто требовал паровозы и кто из депо отвечал, что паровозов нет. Хашури, вообще, надо считать неблагополучным в том смысле, что там была сильна большевистская пропаганда.

Укажу еще один, уже совсем странный случай. Это было утром, в момент нашего отхода от Хашури. Мой поезд стоял в тупике, паровоз был под парами и должен был двинуться в любой момент по моему приказанию. Проходя мимо поезда, я вдруг заметил, что саженях в 3—4 впереди паровоза скрепления рельс были отвинчены и, следовательно, паровоз при движении сошел бы с рельс. Кто это развинтил, конечно, не удалось установить. Это был счастливый случай, что я заметил. Я несколько раз перед этим проходил по этому месту, проходили по этому же месту офицеры штаба и железнодорожные служащие. Скрепления, конечно, были исправлены. Такова была обстановка в Хашури; все же нам удалось эвакуировать все, кроме нескольких больших паровозов, которых нельзя было взять с собой ввиду их неисправности.

*
* *

В Хашури я узнал, именно узнал, что Председателем Правительства назначено особо уполномоченное лицо для суда над дезертирами, подстрекателями, неповинующимися и т. д.

Это лицо был Виктор Жгенти. Должность его я не могу наименовать. Он был одновременно и председателем суда. Имел он чрезвычайные полномочия и чуть ли не мог распространить свою власть и на меня. В общем, насколько вспоминаю, он действовал энергично в своей области и даже несколько человек были им расстреляны. Однако, я однажды прибег к его суду, но моя попытка не увенчалась

успехом. У армии и у Гвардии были свои отдельные интендантские довольствующие учреждения. При мне находились их расходные магазины. Часто происходило, что запасы в одном из них отсутствовали, а в другом имелись. Поэтому я приказал выдавать из гвардейского и армейского расходных магазинов, как в армию, так и в Гвардию. На этой почве случился инцидент. Начальник или раздатчик гвардейского магазина отказал выдать продовольствие представителю от одной из армейских частей. Мне доложили. Я послал сказать, чтобы мое приказание было исполнено. Это было тщетно. Я заявил В. Жгенти, предлагая арестовать его и судить. Кончилось ничем. Вернуться к этому обстоятельству я уже не имел времени; не до того было; шли события, которые всего меня поглощали.

Впервые я встретил поезд Председателя Правительства в Хашури. Я, конечно, в день несколько раз заходил к Председателю Правительства. На ночь поезд Председателя Правительства выезжал за туннель, в Ципу. За наше пребывание в Хашури приехал туда Е. П. Гегечкори, только что вернувшийся из Европы. Я с ним встретился, не помню в моем вагоне или в поезде Председателя. Узнав, что боевые припасы у нас на исходе, он сказал, что таковые можно приобрести в Константинополе. Я ответил, что там, кажется, у нас денег нет. Он возразил, что временно могут воспользоваться деньгами, имеющимися в Константинополе на его имя и что таковых 2 миллиона франков. Этот разговор происходил в присутствии ген. Закариадзе. Что касается этого вопроса, я должен указать следующее. С началом войны и только с началом ее, значит до моего вступления в должность Главнокомандующего, в Константинополь были командированы ген. Кутателадзе и Кахиани, от штаба Гвардии, с целью закупить оружие и патроны. Затем туда же был командирован ген. Мдивани, комендант Батумской крепости. Командирование последнего произошло уже в мое время, но я узнал об этом случайно, вследствие телеграммы, полученной из Батуми в ответ на один из моих запросов и подписанной ген. Пурцеладзе. Я спросил, а где же ген. Мдивани и выяснилось из сделанных запросов, что таковой выехал в Константинополь с особой задачей, сущность каковой для меня до сих пор секрет. Факт показательный. Один из непосредственных подчиненных Главнокомандующего уезжает за границу и этот последний не только не знает причины командирования, но даже само командирование происходит без его ведома. Оружие и часть патронов мы все же получили, хотя и очень поздно. Среди ружей оказалось годных лишь очень незначительное количество.

ХАШУРСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Итак, в Хашури мы принимали все меры к продолжению борьбы. В тылу на Сурамском хребте укреплялась позиция; ее вчерне уже заканчивали. Позиция была крепкая. В это время уже обозначилось наступление противника через Мамисонский перевал и вдоль Черноморского побережья. Приблизился противник и со стороны Тбилиси.

Обстановка была такова. Войск было мало, но еще вся Западная Грузия (Кутаисская губ.) была в нашем владении. Ожидался привоз боевых припасов из Константинополя. Нам надо было выиграть время с целью организовать дальнейшую оборону страны. Я составил себе следующий план действий. Прежде всего атаковать противника, наиболее для меня в этот момент опасного; таковым был наиболее близкий, а именно приближавшийся со стороны Тбилиси. Противник со стороны Мамисонского перевала и по Черноморскому побережью еще не развил своих действий настолько, чтобы непосредственно угрожать ядру живой силы, находившейся в это время у Хашури. Поэтому я решил прежде всего атаковать противника, подошедшего со стороны Тбилиси, с целью отбросить его, а ближайших и уничтожить. Обстановка этому благоприятствовала. У меня составлялось около 6000 человек, и я считал их достаточными для того, чтобы атаковать голову противника, несомненно растянувшегося от Тбилиси. Я решил это сделать сразу, т. е. при первом появлении противника атаковать его. Я рассчитывал, что в этот момент он не будет полностью развернут и можно будет рассчитывать на успех. В этом отношении мои расчеты, как показали события, оказались правильными. В случае неудачи я мог отойти на укрепленную позицию на Сурамском хребте. В случае успеха я мог отбросить противника и, опираясь на вышеназванную позицию, выиграть время для переброски части этих сил и действия против Мамисонского и Гагринского направлений. Иначе говоря, действовать по внутренним операционным линиям. Атаку я решил произвести следующим образом.

Ген. Сумбаташвили и ген. Мазниашвили должны были атаковать противника с фронта вдоль железной дороги, справа и слева от нее. По правому берегу р. Мтквари был направлен батальон 1-го полка. Этот батальон являлся одновременно прикрытием нашего боевого порядка справа. Ген. Кониашвили со всей Гвардией составлял участок, от которого я ждал решения боя. Гвардия собиралась в Сураме уже три дня; за это время она отдохнула, казалось,привелась в порядок. Ген. Кониашвили должен был двинуться с рассветом, пройти горами и атаковать противника в его правый фланг и в тыл. Район, по которому он должен был наступать, был свободен от противника, не успевшего еще распространиться к северу от железной дороги; он только что появился перед нашим фронтом на расстоянии дальнего артиллерийского огня, а на другой день мы

атаковали его. В тылу у противника находился мост через Мтквари. Броневые поезда противника не могли появиться, ибо отходя мы портили мосты, каковые он к этому времени не успел еще исправить. Наступление ген. Кониашвили слева обеспечивалось конницей, которая также имела несколько дней для отдыха. Я забыл указать, что наш фронтальный участок был усилен тремя бронепоездами. В резерве я себе оставил лишь Военную Школу в составе всего одной роты; но я с часу на час ожидал прибытия батальона 11-го полка, шедшего из Ахалцихе. Поле предстоящего сражения я объехал, конечно, заблаговременно и план атаки составил уже после. Приказания были отданы заблаговременно. Зная привычку Гвардии не точно исполнять приказания, я в приказании нарочно подчеркнул час, в который части ген. Кониашвили должны были пройти указанные высоты; эти высоты были в нашем районе и ничто не могло помешать пройти их в назначенный час. Как потом выяснилось они эти высоты прошли на полтора часа позже указанного времени.

Накануне дня наступления Е. П. Гегечкори с некоторыми его сопровождавшими поехал в район наших позиций на броневике. Они, кажется, вышли на позициях из броневика и оказались обстрелянными артиллерийским огнем противника, как раз в это время появившегося перед нашим фронтом. В этот вечер я просил Председателя Правительства уехать в тыл, в Кутаиси. Две ночи перед этим его поезд отправлялся в Ципу. В день боя он оказался бы слишком близко к бою и это было чересчур рискованно. Он согласился и уехал. В этот и в предыдущие дни я объехал войска, побывал у всех и указывал им серьезность предстоящего боя, и возбуждал в них дух, подорванный собственно только нашим отступлением. Действительно, войска после моего вступления в свою должность не испытали поражения вроде как на Храме. Тбилиси мы оставили, взяв у противника более 1000 человек пленных, 4 орудия и более 20 пулеметов. Это не было поражение. Но отступление всегда подрывает дух.

На следующий день войска, согласно приказа, перешли в наступление. Оно оказалось удачным, как на фронте, так и на нашем обходящем фланге. С фронта начальники указывали в своих донесениях на успешность наступления. Потом эти начальники говорили мне, что они не ожидали, чтобы по такому ровному открытому полю и по снегу войска могли под огнем противника так лихо наступать; и это докладывали такие испытанные воины, как Сумбаташвили и Мазниашвили. С левого фланга также приходили благоприятные известия. К сожалению, в этот же день до наступления темноты нам не удалось завершить боя. Сказалось опоздание Гвардии. Однако, к наступлению темноты обстановка создалась совсем для нас благоприятная. Наступление нашего левого фланга, который

состоял из половины всех наличных войск и имел более 40 пулеметов, оказалось для нашего противника неожиданностью. Левый фланг обошел противника и владел горами; противник же находился в равнине. Часть артиллерии противника уже была брошена и наши войска с горы огнем не позволяли противнику убрать эти пушки. Конница противника, находящаяся на правом его фланге, оказалась обойденной нашей пехотой левого фланга. Такова была обстановка до наступления темноты. Чины моего штаба оживились и даже потирали руки. Положение действительно было выгодное. Противник находился в равнине, спертый с фронта и обойденный с фланга; наш левый фланг владел горами, имея обойденного противника перед собой в равнине. Дальнейшее наступление сулило большой успех. Противник мог оказаться отрезанным от моста, находившегося у него в тылу верстах в 12-ти и составлявшего его единственный путь отступления через р. Мтквари. Наше положение улучшалось еще тем, что батальон 11-го полка уже грузился в Боржоми и через 1–2 часа должен был прибыть в Хашури. Взятые несколько человек пленных выяснили количество наступавшего противника. Это было две бригады. В дивизиях противника, согласно захваченного в боях под Тбилиси срочного донесения, имелись 3 бригады, численность же дивизии в штыках не превышала 4500. Таким образом в бою под Хашури мы имели противника силою не более 3000 штыков. Мы превосходили противника почти вдвое. Это тоже была для нас благоприятная данная. Потом выяснилось, что в это время на ст. Гори находилась депутация, выехавшая из Тбилиси для переговоров с нашим Правительством. Она была свидетельницей той сумятицы, которая происходила среди командования. Передавали мне потом, уже в Константинополе, приехавшие из Тбилиси, что тревога передалась и Тбилиси.

Действительно, наш успех мог оказаться для противника весьма чреватым последствиями. Подать быструю помощь из Тбилиси атакованному нами отряду было невозможно. Между тем население, ободренное нашим успехом, могло подняться, что могло улучшить наше положение и поставить противника, может быть, даже в критическое положение. Не помню, в сумерки или с наступлением темноты прибыл с поля боя В. Джугели. Он был ранен в руку, но к счастью легко. Он также передавал благоприятные сведения. Он был на левом фланге при одном из гвардейских батальонов. По карте он не мог указать, где именно он был, когда был ранен. Его ранение подействовало неблагоприятно на этот батальон, который начал было отходить, но он там остался и батальон удержали от отхода (кто его теснил). Затем он уехал и сказал, что, когда он оттуда уезжал, положение там было твердое. Его рассказ, я должен признаться, произвел на меня неблагоприятное впечатление; не веяло от его рассказа ободряющим возбуждением, это не был рассказ

участника боя, уверенного в несомненности успеха. Но я это отнес к ранению. Он сказал, что он уезжает.

Я очень хотел просить его остаться, но язык не повернулся. Раненый всегда вправе эвакуироваться. Но все же я ему сказал: "Вы ранены, Вы имеете право эвакуироваться". Он вероятно не понял меня, а требовать, чтобы он остался, я не мог. Рана была не опасная, в руку, без перелома кости. Однако, по-моему, он должен был последовать примеру Александра Дгебуадзе, который за эту войну был дважды ранен и остался в строю. Дгебуадзе простой рабочий, но это человек с высокими качествами и с чувством глубокого понимания взятых на себя обязательств.

САМОВОЛЬНЫЙ УХОД С ПОЛЯ СРАЖЕНИЯ ГВАРДИИ

Я сказал, что мой штаб оживился и радовался предстоящему успеху. "Завтра мы им влепим" – говорили они. Я не знаю, но что-то томило мое сердце. Казалось, я должен был быть спокоен, однако на сердце лежала какая-то тяжесть, что-то скребло. "Подождите радоваться" – ответил я – "не все сделано; вот если завтра погоним противника, тогда будем радоваться".

Ночью, в 1 час или около, я получил донесение ген. Кониашвили. Это донесение все меняло. Ген. Кониашвили доносил, что вверенные ему войска самовольно, без всякого нажима со стороны противника, оставили позиции и уходят в полном беспорядке на Сурам. Положение менялось сразу. Мы уже не были победителями; напротив, с утра участки ген. Мазниашвили и Сумбаташвили, выдвинувшиеся по равнине, оказались бы в тяжелом положении. Противник, уже не обойденный, мог сам воспользоваться этими горами и обойти наши армейские части, принужденные отходить по открытой местности. Я с болью в сердце отдал приказ об отходе на укрепленную позицию на Сурамском хребте. Вечно на пути к успеху эта Гвардия портила дело. Ген. Мазниашвили должен был отойти на позиции у туннеля; ген. Кониашвили должен был занять со своими отходящими войсками позиции над Сурамом; ген. Сумбаташвили должен был пройти туннель и стать в резерве на западном склоне Сурамского хребта. Для облегчения отхода я привлек батальон 11-го полка, подходивший со стороны Боржоми. Утром им были заняты позиции у Хашури на предгорьях. Я лично указывал командиру батальона, где ему стать; он должен был отойти после прохода войск и прикрывать отступление и затем войти в состав войск ген. Мазниашвили. Артиллерия отходила по полотну железной дороги, другой дороги не было, полотно же было заранее к этому подготовлено.

Отступление совершилось благополучно и к полудню ген. Мазниашвили занял позицию у туннеля, а ген. Сумбаташвили уже взби-

рался на скат. Я здесь должен добавить, что при отходе Гвардии Ахалцихский гвардейский батальон ушел к себе в Ахалцихе.

Удостоверившись в занятии позиции, я проехал в Ципу. Здесь пришлось принять меры к очистке Ципы, где скопилась масса повозок, главным образом Гвардии. Ночью, в начале ее, меня ожидал еще один сюрприз. Ко мне явились ген. Кониашвили, Ладо Джибладзе, Ауштров и другие члены штаба Гвардии и объявили, что Гвардия не остановилась на указанной позиции и спустилась на нашу сторону ската в Ципу.

Между тем к вечеру противник уже появился в Сураме и перед туннелем. Заняв с утра, если не с ночи, Сурамский перевал, противник выходил бы в Ципу и отряд ген. Мазниашвили попадал бы в безвыходное положение; у него для отступления был только туннель, западный выход которого попал бы в руки противника. Между тем гвардейцы уже оказались в Ципе и спокойно бивакировали у вокзала. Я сказал представителям Гвардии, что Сурамский перевал надо занять сейчас же, и чтобы они приняли меры сию же минуту и лично повели хотя бы несколько сот человек обратно. Они обещались и пошли уговаривать. Ладо Джибладзе уверял меня, что они это сейчас же сделают. Часа в 3—4 ночи я вышел из вагона удостовериться пошли ли гвардейцы. Конечно, никто не пошел. Я нашел членов штаба Гвардии и выразил удивление, почему не исполнено то, что мне обещали накануне. Оправдания были те же, что и всегда. Люди устали, ничего не ели, не спали и пр. Я приказал сейчас же поднимать людей и вести на перевал. Лишь на рассвете тронулась Гвардия на перевал, но перевал оказался уже занятым противником. Противник уже начал продвигаться на Ципу, когда одна из рот войск ген. Сумбаташвили по своей инициативе заняла ближайший к Ципе гребень (это была 7-я рота 7-го полка) и остановила противника. И вовремя. Гвардейские части поднялись на этот гребень, заняли гребни и обратные вершинки, и таким образом продолжили фронт частей ген. Сумбаташвили. Мой резерв был израсходован таким образом, вследствие нежелания Гвардии остановиться на Сурамском перевале. Отобрать назад перевал уже нельзя было, ибо предстояло атаковать в лоб, да еще Гвардией, господствующие высоты. Противник же, распространяясь по захваченному гребню уже начал давить на фланг ген. Мазниашвили, также атакованного уже и с фронта. Этому последнему я послал приказание отходить. До вечера войска удерживали позиции; мне было горько и обидно. Гвардия на этот раз не бросала поля сражения и стойко держалась. Если бы она эту стойкость выказала вчера, мы могли бы удержать перевал и наше положение постепенно улучшилось бы.

После отхода Мазниашвили и Гвардии, ген. Сумбаташвили уже бесцельно было оставаться. Они на следующий день были бы взяты

во фланг войсками, атаковавшими ген. Мазниашвили на его позиции перед туннелем. С наступлением темноты я отошел на следующую позицию верст на 10 на запад. Моя надежда продолжать борьбу, базируясь на территорию западной Грузии, пропала; Сурамский перевал Гвардия отдала без боя.

Между тем создалось уже угрожающее положение нашего тыла со стороны Гагринского направления. Противник теснил нас по Гагринскому направлению. Со стороны Мамисонского перевала опасности было меньше, ибо и противника здесь было мало. О действиях на Мамисонском направлении я получил первое известие, точно не помню, в Тбилиси еще или когда мы уже отступали от Тбилиси, возможно в Гори. Первое известие было таково: "Местные банды заняли такие-то селения". Это нам сообщали из Кутаиси. Как я выше указывал, в Кутаиси было эвакуировано все – и учреждения и запасы. Затем вдруг, именно вдруг, я получил из Кутаиси известие, что наши войска наступают на Они по трем направлениям: по Онийскому шоссе через Тквибули и Сачхери под начальством ген. Макашавидзе, ген. Бакрадзе и еще фамилии не помню. Это известие, удивившее меня, я получил, должно быть, когда мы были в Гори или Хашури. Какой силы каждый отряд, кто их направил, какие задачи у них, каковы силы противника, кто противник, все это была тайна для меня. Я сейчас же послал им телеграммы с требованием присылать донесения мне и от меня получать указания. Вся эта организация, все эти действия начались, не осведомляя меня. И вот, когда там, на этом направлении, обстановка стала неблагоприятной, тогда обратились в штаб Главнокомандующего. Это было тогда, когда мы еще находились в Хашури. Н. В. Рамишвили вызвал ген. Закариадзе к аппарату; этот последний вернулся и доложил, что из Кутаиси просят меня назначить кого-нибудь для объединения военной власти в Кутаиси и для руководства действий против противника, перешедшего Мамисонский перевал.

Я должен признать, что переход противника через этот перевал зимой надо отнести к числу чрезвычайных по своей смелости и трудности, и войска, совершившие его, достойны всякой похвалы. В душе меня взорвало. Опять что-то сами делают, мне ничего не сообщают и когда уже становится плохо, тогда только спохватываются и обращаются ко мне. В моем вагоне в это время лежал больной ген. Андроникашвили, у него накануне было 39 градусов с лишним; сегодня ему было легче. "Хорошо" – сказал я ген. Закариадзе – "я назначу, но все-таки скажите Ною Виссарионовичу, что у них там в Кутаиси имеются два генерала, которых они в течение 3-х лет держат на самых ответственных постах; один из них мог бы свободно исполнить эту обязанность". Ген. Закариадзе ушел, а я обратился к ген. Андроникашвили: "Что, Сандро, можешь

поехать? Как себя чувствуешь? Другого подходящего у меня сейчас под рукой нет; только тебя могу командировать". Он ответил, что сегодня ему легче, всего 38 и что самочувствие ничего. "Ну, что ж" – сказал я ему – "поезжай, наведи там порядок, разберись в чем дело и сообщи; да, прими меры, чтобы тебе никто не мешал; орудуй самостоятельно и особенно избегай самозванных стратегов". Ген. Закариадзе вернулся. Не знаю, в точности ли он передал то, что я ему сказал. Во всяком случае ответ он принес такой: ген. Одишелидзе сейчас в Зугдиди, а ген. Гедеванишвили болен плевритом. Последнее было странно, ибо он находился у аппарата вместе с Ноем Виссарионовичем.

Насколько припоминаю, ген. Закариадзе, передавая ответ, сказал, что Ной Виссарионович говорит, что, вообще, они оба не могут. Я должен здесь отметить следующее.

В ночь с 18-го на 19-е февраля, когда большевики атаковали Тбилиси оба эти генерала весьма странно себя повели. Ген. А. Гедеванишвили в эту ночь с портфелем занял место в поезде, уходящем из Тбилиси. А когда утром ему доложили о нашем успехе, то вылез из вагона и сказал: "Везет же этому Квинитадзе". Генерал же Одишелидзе оказался в эту ночь в Мцхета. Утром 19-го февраля он соединился со мной по телефону и просил прислать за ним автомобиль. Оказывается он обратился в автомобильную роту, но ему отказали. Я выслал за ним немедленно автомобиль и он вернулся в Тбилиси.

"Передайте" – сказал я Закариадзе – "что ген. Андроникашвили сейчас выезжает". Я до сих пор точно не знаю, какими силами противник перешел Мамисонский перевал. Во всяком случае, я думаю, что это был незначительный отряд лишь в 200–300 человек. Очень склонен думать, что он усилился частью осетинами, недалеко там обитающими, частью местными жителями. С таким враждебным настроением местного населения я встретился, когда был уже в Самтреди. К северу от Самтреди один из наших отрядов, а именно Гурийский батальон Хомерики, был встречен не только недружелюбно, но и угрожающе. То обстоятельство, что ген. Макашавидзе, наступавший по Онийскому шоссе, неоднократно оказывался обойденным, а иногда противник появлялся у него в тылу, подтверждает мое высказанное предположение. Положение против Мамисонского перевала было таково. Противник был в районе Они; наши отряды стояли на перевалах против него: один на западе, два других с юга. Противник выказывал весьма слабую активность.

Между тем на Гагринском направлении положение создалось значительно хуже. Надо сказать, что на этом направлении войска выказали очень мало стойкости. Этим отрядом вначале командо-

вал ген. Мачавариани; он был ранен и я туда назначил ген. Артмеладзе. Но неподготовленность к войне и тут оказала свое роковое влияние. Части вовремя не были пополнены до штатов военного времени. Наша укрепленная позиция, которую все время укрепляли и которую считали даже неприступной, была взята быстро; как всегда, ее обошли. Подкрепления туда все время направлялись из Батуми, но эти подкрепления не были части, а собственно были маршевые команды, совсем не сколоченные. Я думаю, что на усиление Гагринского фронта было отправлено до 3000 человек. Эти подкрепления прибывали пачками по несколько сот человек. Как ни трудны были обстоятельства, в которых сражался этот отряд, я все же должен признать, что этот отряд отходил чрезвычайно быстро. Однажды он в один день отошел верст на 50 и это обстоятельство дало мне повод в телеграмме в Батуми употребить такое выражение: "Артмеладзе отскочил". Ген. Артмеладзе при встрече со мной в Самтреди мне прямо доложил, что люди просто не хотели драться; при первом приближении противника они бросали позиции и никакими силами их удержать нельзя было; что эти отходы вовсе были не плано-сообразны, а совершенно случайны, и на всех остановках он с большими усилиями заставлял их идти на позиции. Против него были обнаружены одна дивизия и полк матросов.

Этот быстрый отход к тому времени, когда мы уже находились к западу от Сурамского перевала, создавал очень угрожающее положение для обороны западной Грузии и, наконец, создалась обстановка, когда я должен был подумать о переводе войск на левый берег Риони и о продолжении обороны лишь территории Гурии и Аджарии.

После сдачи Сурамского перевала войска ген. Мазниашвили, Сумбаташвили и Гвардия медленно отходили; мы уступали противнику территорию от 5 до 10 верст в сутки. Когда создалась обстановка безнадежная для западной Грузии, я поехал на один час в Кутаиси к Председателю Правительства.

*

* *

В момент моего отъезда случился инцидент. Как я раньше указывал, мы никак не могли совершить эвакуацию железной дороги; поезда все время отходили чуть ли не вместе с войсками и это было большим соблазном для солдат. Я должен отметить, что главным элементом среди садившихся были гвардейцы. Мы принимали всякие меры, ссаживали силой, я сам лично проделывал это. В общем мы кое-чего добились в этом отношении. На тыловых станциях стояли команды с офицерами, которые должны были следить за проходившими поездами. На одной станции офицер проделывал эту исто-

рию с одним из поездов. Я находился тут же на платформе и вдруг услышал сзади себя характерный звук закрываемого затвора. Я обернулся и увидел такую сцену. Беглецов, снятых с поезда, выстраивали на станционной платформе и вот перед выстраиваемыми шеренгами я увидел солдата с ружьем на изготовку против офицера, который выхватывал револьвер. Я вмешался и остановил сцену, могущую кончиться смертью одного из них. Я приказал сейчас же произвести дознание и предать его суду. Однако этим не кончилось. Вмешался тут же стоявший член штаба Гвардии Ладо Джибладзе, который начал говорить, что нельзя бить солдата и стал кричать на офицера. Кругом стояли солдаты и офицеры и слушали. Я попытался спокойно остановить его, указывая, что на суде все разберется и виновный, всякий, получит достойное наказание. Но его уже нельзя было ничем остановить; он даже тянулся к офицеру с целью его ударить, и мне пришлось загородить дорогу. Забывшись, он даже кричал — "я не позволю бить моих гвардейцев". "Моих"? Эта фраза уже сильно пахла Щедринским губернатором. Я попросил его не вмешиваться не в свое дело, но его унять нельзя было, и мне пришлось выслушивать и его резкий тон, и его неприличные фразы. Кругом стояли офицеры, и я по выражению их лиц видел, что они еле сдерживаются и ждут одного моего знака, чтобы броситься на него. Однако, устраивать войну у себя внутри вряд ли было целесообразно. Я решил удалить его от войск, но не своей силой, ибо он несомненно устроил бы провокацию среди Гвардии. Кстати я ехал в Кутаиси и решил доложить об этом Председателю Правительства. Я приехал туда поздно ночью. Войдя в вагон Председателя Правительства, среди присутствующих я заметил Ладо Джибладзе; он повидимому ехал на моем паровозе. Я переговорил о делах с Председателем Правительства, которому доложил обстановку и указывал, что Правительство и учреждения должны выехать и что вообще необходимо эвакуировать Кутаиси. Я же приму меры для защиты Самтреди после чего перейду на левый берег Риони с целью продолжать оборону оставшейся в нашем владении территории. Закончив разговор во всех подробностях, я сказал, что хотел бы переговорить с ним один на один. Все вышли. Я доложил ему о поведении Ладо Джибладзе и просил убрать его от войск. Я, конечно, настаивал и каждый поймет, что это было наименьшее, что мог бы требовать Главнокомандующий. Он обещал это сделать; я уехал и на рассвете был уже опять при войсках нашего западного фронта. Каково же было мое удивление, когда в тот же день я увидел там Ладо Джибладзе; там же был В. Джугели. Я спросил последнего, что это значит и сказал, что если Ладо Джибладзе сейчас же не уедет, то уеду я. Он меня стал успокаивать и говорил, что Джибладзе уедет сегодня. "Так зачем же он приехал"? — спросил я. "Мы приехали сюда" — ответил В. Джугели — "и на заседании мы ему поручим другую работу". Нужны ли комментарии? Читателю ясно, в чем

дело. Ладо Джибладзе нельзя было убрать, его надо было уговорить уехать. Вот каковы были обычаи. Он действительно уехал; по крайней мере я его больше не видел.

Подобный инцидент произошел между ген. Андроникашвили и Александром Дгебуадзе. Последний вмешался в распоряжения ген. Андроникашвили и на этой почве у них произошел крупный разговор. Не стесняясь присутствующих, Дгебуадзе угрожал Андроникашвили арестом и называл его контр-революционером и царским генералом. Ген. Андроникашвили донес мне об этом письменно, когда я уже отъезжал в Батуми. Но последовавшие события заставили меня это дело предать забвению. Я об этом не докладывал Председателю Правительства, в Батуми было не до того.

Во время дальнейшего отступления я отвел Гвардию в тыл и просил штаб Гвардии сформировать из этой общей каши несколько батальонов. Уже начиная с Гори я, отдавая распоряжения Гвардии, указывал сколько штыков выслать; удовольствоваться определением числа батальонов уже нельзя было. В Гвардии батальоны были и в 60–70 человек и в 200, и в 180, и в 250, и в 350 и т. д. Я помню в Самтреди был Гурийский батальон Хомерики, он мне доложил, что у него около 600 человек. Этому батальону надлежало выступить, я ему приказал вывести людей и построить, чтобы вести по назначению. Он пришел доложить мне, что он готов к выступлению; оказалось, что у него всего около 300 человек. "Где же остальные" – спросил я его – "ведь два часа тому назад Вы докладывали, что у Вас около 600 человек". "Остальные разошлись" – сконфуженно доложил он.

Надо было удержать Самтреди в наших руках, дабы войска имели возможность беспрепятственно перейти на левый берег Риони. Между тем противник уже сильно насел на Артмеладзе и угрожал ст. Самтреди, со взятием которой наши войска отрезывались от переправ на левый берег р. Риони. Необходимо было усилить Артмеладзе и приступить к отводу войск на левый берег Риони. Здесь у Саджавахо укреплялась позиция. Еще будучи в Хашури, я выслал туда офицеров генерального штаба, в том числе и ген. Джиджихия, и военных инженеров с целью укрепления указанной мной линии. Позиция левым флангом упиралась в р. Риони, а правым заканчивалась в горах; фронтом она была на запад. Риони уже был непроходим вброд и каждый день вода прибывала. Благодаря непроходимости Риони и этой позиции мы могли организовать дальнейшее сопротивление. Для совершения перехода войск на левый берег Риони я оставил на направлении Сурамского перевала только Гвардию. Части ген. Мазниашвили и Сумбаташвили были предназначены для нашего последнего оплота, Батуми.

*
* *

Батуми–крепость, по тому времени, весьма солидная, и оборона ее облегчалась тем, что морские ее сообщения были в наших руках, в силу чего мы могли получать средства для продолжения борьбы беспрепятственно. Шансы для обороны этой крепости были несравненно благоприятнее, чем условия обороны Тбилиси, как в смысле укреплений и артиллерии, так и в смысле соответствия числа войск обводу крепостных укреплений. Твердо удерживая Батуми, мы имели бы возможность по всей нашей территории организовать очаги восстания и поддерживать их, и при благоприятных обстоятельствах, организовавшись, перейти к наступательным операциям. То обстоятельство, что Сванетия долго еще держалась против врага, а также и то, что Какуца Чолокашвили и др. до сих пор продолжают борьбу, подтверждает этот взгляд. Защита же Батуми давала бы возможность нашему народу перейти на партизанскую войну; условия нашей территории являются весьма благоприятными для этого способа войны. Этим способом продолжения борьбы на истощение врага мы создали бы для нашего врага невыносимое положение, принимая во внимание всю затруднительность средств сообщения и транспорта, в каковых он находился. Несомненно и с точки зрения внешнеполитической это сопротивление явилось бы для нас весьма благоприятной данной.

Быстрый отход ген. Артмеладзе побудил меня его усилить. Он был уже у Хета. Войска Мазниашвили и Сумбаташвили были поездами направлены на Самтреди и далее на усиление отряда Артмеладзе.

В Самтреди[1] я опять нашел железнодорожный хаос. Здесь мне приходилось неоднократно лично вмешиваться и следить за отправлением поездов. Укажу один случай. Готовился к отправлению один эшелон на усиление войск ген. Артмеладзе. Я торопил отход этого эшелона. Когда он отошел, то оказалось, что часть вагонов, где находилось несколько сот человек, были отцеплены. Обходя станцию, я увидел этих солдат и таким образом случайно выяснил, что их отцепили. Укажу еще на один случай хаоса эвакуации. Еще из Тбилиси были отправлены несколько вагонов с боевыми припасами. Они должны были следовать не то в Кутаиси, не то в Самтреди, где должны были служить нашим запасом. Ген. Казбек доложил мне, что он не может разыскать эти вагоны, хотя номера ему были известны. По расследовании, после нескольких дней поиска, их нашли загнанными в Поти.

Я сообщил ген. Артмеладзе, что к нему на подкрепление направлены по железной дороге войска Мазниашвили и Сумбаташвили.

---

[1] На реке Риони, между Кутаиси и Поти.

Однако ген. Артмеладзе не подождал их и один перешел в наступление. Наступление, в котором участвовало около 1000 с небольшим человек не удалось, и его отряд рассыпался. Это была ошибка. Он затем прибыл в Самтреди в единственном числе.

Войска Мазниашвили и Сумбаташвили высадились в Зугдихи и заняли указанные позиции. Старшим начальником был назначен ген. Мазниашвили. Что касается нашего восточного фронта, то здесь были отданы распоряжения такого содержания.

После окончательной эвакуации Кутаиси Гвардия с направления Сурамского перевала должна была отойти на Самтреди, а ген. Андроникашвили должен был составить из своих войск арьергард. Коннице мной было приказано отходить по левому берегу Риони двумя дорогами, держа соприкосновение с противником.

У ген. Андроникашвили было три отряда: 1) на Онийском шоссе, 2) на Тквибульском и 3) на Сачхерском направлениях. 2-ой и 3-ий отряды должны были с наступлением темноты отойти, сесть в вагоны и выйти на главную железнодорожную линию, где они должны были составить арьергард. Такое же приказание должно было быть передано и начальнику 1-го отряда ген. Микашавидзе. Не знаю, получил ли он этот приказ. Потом оказалось, что он был отрезан и лично взят в плен. От Кутаиси ген. Андроникашвили свой поезд тронул под выстрелами вошедшего в город противника. На следующее утро наш броневой поезд под начальством Альфонса Гогвадзе ворвался на станцию Кутаиси, рассеял находившегося там противника, взял в плен несколько человек, прицепил к броневику несколько вагонов с невывезенным имуществом и вернулся на ст. Риони. Этот лихой набег должно считать украшением действий наших бронепоездов.

Между тем ген. Мазниашвили под давлением противника медленно отходил. Для обеспечения его правого фланга со стороны противника, овладевшего Кутаиси, я выслал одну сотню Какуцы Челокашвили к северо-востоку от Самтреди и роту Гурийского батальона к северо-западу от того же Самтреди. Эта рота пришла в назначенное селение и начальник ее передал мне по телефону, что местное население держит себя очень угрожающе по отношению к нему, не хотели его сначала впускать, а затем требуют, чтобы он покинул селение, и что он беспокоится быть отрезанным. Я ему приказал арестовать присланных населением делегатов и объявить населению, что делегаты, при малейшей враждебности жителей, будут расстреляны. Мера оказалась действенной. Через час он сообщил, что арест подействовал. Я ему тут же сообщил, что послал ему подкрепление.

*
* *

Последний день перед нашей эвакуацией был для меня неприятным. Мазниашвили отходил от Ново-Сенак и был всего в верстах 20-ти от Самтреди. Войска Андроникашвили еще не прошли. Поезда лихорадочно отправлялись. И вот, в это время два вагона во время маневрирования сошли с рельс как раз на выходе со станции в сторону ст. Риони. Путь оказался закрытым для войск и эшелонов, идущих с востока. Однако, справились, подняли их.

В одну из ночей, проведенной на ст. Самтреди, я помню следующий эпизод. Ночью я обходил пути и заметил какой-то эшелон, это был один из эшелонов ген. Андроникашвили. Паровоз был отцеплен. Я везде искал и собирал войска, а тут эшелон стоит на пути и мне об этом неизвестно.

За это же время вспоминаю случай характерный. Мне доложили, что из Ново-Сенак меня просит к аппарату генерал-губернатор. Докладывавший пришел с городской станции и говорил, что меня просит генерал-губернатор по чрезвычайно важному и неотложному делу. Я пошел. Генерал-губернатор Малахия передал мне, что из Хета передавали телеграмму ген. Артмеладзе на мое имя и что эта телеграмма вдруг была остановлена перерывом связи; он тут же передал начало телеграммы. По началу телеграммы нельзя было догадаться, в чем дело. Я просил генерал-губернатора выяснить, почему связь прервалась. Он выразил готовность и просил разрешение вызвать меня к аппарату, на что я возразил, что ничего не имею против, но прошу, чтобы он избегал при разговоре выражений, создающих среди телеграфного персонала тревогу и могущих среди них вызвать панику. В этом эпизоде характерно неожиданное для меня появление должности генерал-губернатора. Я потом узнал, что все председатели городских самоуправлений были превращены в генерал-губернаторов. Мера, может быть, и полезная, но Главнокомандующий должен был быть осведомлен о ней.

Во время переезда мой поезд потерпел крушение. Ночью я тронул свой поезд в Саджавахо. За моим поездом шел вслед эшелон эвакуируемых. Мой поезд состоял из вагонов штаба, нескольких вагонов с ротой Военной Школы, с боевыми припасами и продовольствием. Во время пути, недалеко перед мостом через Риони с паровозом что-то случилось и поезд остановился. Сзади шедший поезд налетел на мой поезд, несколько вагонов которого сошли с рельс. Оставшиеся в целости вагоны были расцеплены с потерпевшими крушение и мы продолжали движение. Путь расчистили и оставшиеся поезда, в числе которых были бронепоезда, в течение ночи перешли на левый берег Риони; после перехода войск мост был взорван.

На другой день с утра войска стали становиться на избранной позиции. Здесь выяснилось, что наша конница уже подошла к пози-

ции. Противника на левом берегу Риони не было, и конница слишком торопливо отошла на позицию пехоты. Я ее выдвинул обратно вперед и части ее поручил наблюдение Риони вверх от моста, а вниз по течению с той же целью была поставлена сотня Какуцы Челокашвили. Город Поти мной был занят частью сил и туда старшим начальником был назначен ген. Пурцеладзе. Как известно, у Поти местность очень благоприятная для обороны фронтом на север. Здесь позицию составляет узкая полоса земли; слева море, а справа она обеспечивается Рионскими болотами; эта позиция также заблаговременно была приведена в оборонительное состояние. Эту позицию надлежало оборонять на той стороне р. Риони, то есть на ее правом берегу.

На Саджавахской позиции войска расположились, имея резерв за правым флангом, уступом. Левый фланг упирался в реку, непроходимую вброд, и мог быть подвержен только артиллерийскому огню. Для противодействия последнему были поставлены специальные батареи фронтом на север. Положение наших батарей было выгоднее положения артиллерии противника, ибо наша артиллерия стояла укрыто и имела на высотах наблюдательные пункты, с которых местность противоположного берега на несколько верст была видна как на ладони; прилегающая к Риони местность была ровная и открытая, что затрудняло противнику борьбу с нашей укрытой артиллерией. Впереди нашей укрепленной позиции стояла конница. Противник между тем все время следовал за нами по правому берегу Риони и, чтобы атаковать нашу Саджавахскую позицию, должен был переправу через Риони произвести где-либо в районе ст. Риони, т. е. сначала вернуться назад. Это давало нам выигрыш времени, а следовательно, возможность сосредоточить оставшиеся силы и средства для борьбы на Саджавахской позиции и у Поти. Путей к отступлению с этой позиции было два: 1) один через Озургеты и 2) другой вдоль железной дороги. Я не скажу, что в этом отношении эти пути отступления отвечали бы требованиям желательным, но, имея резерв за правым флангом, мы эту неблагоприятность парализовали бы.

Мы перешли на левый берег Риони, если не изменяет мне память 12-го марта. 12-го марта противник открыл артиллерийский огонь по станции; но этот огонь продолжался очень короткое время, брошено было лишь несколько снарядов; огонь был с очень далекого расстояния и совершенно безрезультатный. Между тем ген. Артмеладзе был мной командирован на ст. Ланчхуты, где он должен был собирать людей и формировать батальоны своей дивизии.

ГЛАВА XXV

ПРЕБЫВАНИЕ В БАТУМИ

12-го марта я выехал в Батуми. Надо было выяснить оставшиеся силы и средства для продолжения борьбы, а также подготовить к обороне крепость Батуми, наш последний оплот. В Ланчхутах я вызвал ген. Артмеладзе и приказал ему переехать для формирования в Натанеби, куда людей Озургетского запасного полка легче было доставить.

Я приехал в Батуми 13-го марта после обеда; в пути пробыл 21 час; это свидетельствует как забита была дорога, если Главнокомандующий мог проехать этот промежуток пути в течение такого долгого времени; на этот переезд нормальному поезду достаточно 4 часа времени. То, что я встретил в Батуми превзошло всякие мои ожидания.

В железнодорожном мире был хаос. Присутствие начальника дорог, выехавшего в Батуми с целью более удобного управления, не помогло делу. Никакого распределения, никакой сортировки эвакуированных поездов и грузов не делалось. Поезда целыми составами загонялись в тупики и на запасные линии по мере их подхода. Эшелоны с солдатами, молодыми и запасными, с тыловыми учреждениями, с боевыми припасами, военными грузами и продовольствием были перемешаны с грузами других ведомств и министерств, с грузами Красного Креста и союза городов, с грузами частными. В силу такого хаоса нельзя было не только выгнать из этого моря вагонов те или другие поезда и вагоны, но и отыскать их. Железнодорожное Ведомство не выказало предусмотрительности. Когда потребовалось организовать вывоз из Батуми за границу эвакуируемого имущества, то создались неисчислимые трудности. Требуемые вагоны с имуществом, подлежащим к вывозу, нельзя было вытащить и доставить на пристань для погрузки на суда. Я сам видел, как имущество авиационное подносилось на пристань даже на руках. В Мор-

ском Ведомстве оказалась также прореха. Во время военных действий во главе наших военно-морских сил был поставлен командующий флотом капитан 1-го ранга Такайшвили. Ему были подчинены некоторые суда транспортного плавания. Начальник всех портов, Гражданского Ведомства, воспротивился этому и телеграммой просил меня отменить это мое распоряжение. Я отклонил. И вот в Батуми, командующий флотом Такайшвили мне доложил, что у него суда отбирают и оставляют только истребителей и "Марию" и "Весту". Начальник портов, вытребованный мною, мне заявил, что на это имеется Правительственное постановление и показал мне копию такового. Действительно, таковое состоялось 12-го или 13-го марта по его докладу. Правительство не сочло нужным спросить Главнокомандующего даже его мнения по изданному им приказу и отменило мое приказание. Последствия оказались плачевными. Командующий флотом Такайшвили предусмотрительно предложил персоналу команд подчиненных ему судов, не желавшему эвакуироваться, списаться на берег и заменил их другими. Вследствие этого подчиненные ему суда могли отплыть из Батуми. Остальные государственные суда не могли этого сделать, ибо в нужный момент команды отказались от работы. Если бы эти суда не были взяты из ведения Такайшвили, несомненно, он свое вышеуказанное мероприятие распространил бы и на эти суда, и тогда и эти суда отплыли бы из Батуми.

В Военном Ведомстве был неменьший хаос. Как известно во второй половине января прибыл призыв (молодые). С моим вступлением в командование молодые восточной Грузии были направлены в тыл, в западную Грузию для продолжения обучения, ибо восточная Грузия превращалась в театр военных действий. Затем, при дальнейшей эвакуации они были переведены в Батуми. Там же собрались запасные и к моему приезду там же оказались эвакуированная артиллерия и инженерные части, как-то авиация, автомобили.

Прибыв в Батуми, я в тот же день спросил коменданта крепости, сколько и какие части есть в Батуми. Он ответил полным неведением. Конечно, прежде всего виноваты начальники, которые должны были доложить коменданту о своих прибывающих частях. Но если последние этого не делали, коменданту самому надо было взяться за это и добиться того, чтобы знать, что у него в Батуми собралось. Виноват в этом также и помощник Военного Министра.

Здесь я должен несколько отойти от описания Батумских событий. Согласно положения о Главнокомандующем, таковой являлся начальником лишь действующих войск. Вся сложная работа подготовки запасов была в руках Военного Министерства, не подчинявше-

гося Главнокомандующему, так сказать, глубокий тыл не был ему подчинен. Взаимоотношения между Военным Министерством и Главнокомандующим не были очерчены. Например, в вопросе назначения на должности Главнокомандующий делал таковые по соглашению с Военным Министерством, которое благодаря таковой постановке вопроса могло отвергать кандидатов, представляемых Главнокомандующим, хотя последний являлся единственным ответственным за своих подчиненных. Вследствие этой неопределенности отношений, Военный Министр и его помощники или пребывали просто свидетелями происходящего, или же, начиная действовать, могли расходиться с распоряжениями Главнокомандующего. Главнокомандующий, занятый военными действиями, конечно, не мог регистрировать в подробностях, что собралось в Батуми; правда, это было непосредственное дело коменданта, но в той чрезвычайной обстановке, в какой мы находились, помощник Военного Министра мог бы выйти из своей инертности. Он должен был выйти из нее, если бы желал тем или другим способом помочь общему делу. Он должен был принимать все меры к увеличению ресурсов, из которых Главнокомандующий почерпал силы для борьбы с врагом. Находясь в Батуми, он должен был окунуться в то, что делалось в Батуми, и направить коменданта к его прямой деятельности. Так или иначе Батумский комендант не знал, какими средствами, в смысле живой силы, обладает Батуми. Я ему приказал к 12-ти часам следующего дня доставить мне эти сведения. Эти сведения мне были доставлены, и я сейчас же приказал приступить к формированию рот, батальонов и артиллерии.

В Правительстве царствовала растерянность. Здесь только, у Председателя Правительства я узнал, что туркам уступлен Артвинский округ и Ардаган в возмещение их нейтралитета. Я должен подчеркнуть: Главнокомандующий совершенно не был в курсе происходивших с турками переговоров. Военный, хотя бы даже Главнокомандующий, по мнению правящих был лишним при обсуждении вопросов политического характера. Поэтому появление турок в наших пределах и особенно в Батуми, явилось для него полной неожиданностью. Приехав в Батуми, я хотел эту крепость приготовить к обороне; это был наш последний оплот и, имея морские сообщения совершенно свободными, мы могли продолжать оборону, почерпая ресурсы извне. Однако, присутствие в Батуми турецких войск, этих негласных, но несомненно союзников большевиков, не допускало этой возможности. Если бы Главнокомандующий был своевременно посвящен в эти переговоры, то турок можно было остановить у Аджарис Цкали и на Чорохском мосту, как они были остановлены при их попытке занять форты, о чем скажу ниже. Между тем турки вступили уже в Батумскую область и прошли в

Ахалцихе. Так же они вступили в Батуми без моего ведома и им предоставили для квартирования форт Борцхана. Если б мы захотели оборонять крепость Батуми, мы оборону уже не могли провести, ибо в крепости уже находился враг; нельзя было иначе рассматривать Турцию, союзницу России.

Когда я приехал в Батуми, то турецкие патрули уже ходили по городу. Создавалась невероятная обстановка. На мой вопрос коменданту, почему допущено такое явление, он ответил, что турки установили патрулирование для того, чтобы не случилось какого-либо беспорядка. Я запросил Казим-бея и просил его прекратить патрулирование. Ответ получился уклончивый. Тогда я приказал нарядить наше патрулирование и наши солдаты командами ходили сзади турецких патрулей. Одновременно я приступил к занятию фортов и рассматривал турок как врагов, и угадал желание Казим-бея захватить Батуми в свои руки.

Я спросил Председателя Правительства о турецких войсках в Батуми. Довольно уклончиво и туманно он стал объяснять их присутствие. Судя же по тому, что члены Правительства весьма и весьма интересовались прошли ли большевики Ахалцихе, а затем Хуло, где были турецкие части, нужно прийти к заключению, что наше Правительство наивно верило в то, что присутствие турок остановит наступление большевиков. Очень проницательно, что и говорить.

Между прочим, на форт Кахобери мной была поставлена батарея подп. Карумидзе, которому я лично приказал, чтобы пушки его были готовы в любой момент открыть огонь по Борцхана. Казим-бей вдруг обратился ко мне с просьбой отвести помещения в Батуми для подходящих его батальонов. Я ответил, что в Батуми помещений нет и что его батальоны могут поместиться в деревнях по ту сторону Чохора, кстати батальоны эти подходят со стороны Мокриан. Однако эти войска ночью вошли в город и с утра пошли на форты, но форты уже были заняты мной.

На этой почве произошел инцидент. Одна из турецких рот стала подниматься на форт Кахобери. Комендант этого форта выслал сказать туркам, чтобы они остановились и рассыпал цепь, предупреждая, что при дальнейшем движении турок, откроет огонь. Турки также рассыпали цепь, но дальше не двигались. Ко мне прибыл посланный от Казим-бея с просьбой разрешить этой роте расположиться на форту. Я отказал, указывая, что я указывал места по ту сторону Чохора, куда эта рота и может отправиться, и что на форту находятся наши войска. В дальнейших переговорах Казим-бей просил разрешить этой роте, "по-братски", совместно расположиться с нашими войсками на форту и что у него нет нравственного права вернуть роту, направленную на этот форт. Я ответил тем же отсутствием у меня нравственного права отменить отданное прика-

зание никого не впускать на форт, тем более, что гарнизон форта заблаговременно предупредил направлявшихся туда турок и принужден был развернуть боевой порядок.

Долго бы длились эти переговоры, когда инициатива одного ротного командира положила предел этому глупому положению вещей у форта. Эта рота направлялась для занятия соседнего форта, когда увидела, что турки впереди ее развернуты в боевой порядок, а грузинская цепь лежит против них. Он развернул роту в цепь, положил ее сзади турок и донес мне об этом. Посланному я ответил, что ротный командир сделал прекрасно и что при первом выстреле, с каковой бы стороны он ни последовал, немедленно атакует турок. Турки, видя себя охваченными, снялись и ушли. Инцидент был кончен.

Главное, что мешало мне, это неопределенность наших отношений к туркам. Правящие все время просили меня быть с ними любезным. Турки разговаривали с нами, как друзья, но действовали, как враги. Председатель Правительства несколько раз мне подчеркивал, чтобы я обходился с турками возможно миролюбивее, дабы между нами и турками не произошло какого-либо инцидента, могущего послужить причиной и поводом к нарушению наших мирных взаимных отношений. Повидимому Правительство верило в то, что турки преградят большевикам дальнейшее их продвижение.

Учитывая возможность вооруженного столкновения с турками, уже находившимися в Батуми, я заблаговременно занял форты; теперь я вызвал из Натанеби все, что ген. Артмеладзе там сформировал. Ген. Артмеладзе со своими войсками был предназначен для усиления Саджавахского[1] фронта, но начавшиеся переговоры с большевиками о мире и положение, создавшееся в Батуми в связи с допуском туда турок, побудило меня эти войска вытребовать в Батуми. Положение создалось удивительное. С нашим врагом, большевиками, мы заключали мир и значит впускали их в Батуми, а турки, так называемые "друзья", действовали в нашей стране, как в завоеванной, и каждую минуту можно было ожидать вооруженного с ними столкновения.

Ген. Артмаладзе привел с собой в Батуми до 1500 человек.

17-го марта я устроил на площади Азизие парад этим частям. Допуская, что Казим-бей может попытаться арестовать Правительство, большую часть этих войск я расположил вблизи площади Азизие, где находился поезд правительства. Не могу точно сослаться, но я получил впечатление, что среди правящих тлела надежда, что турки, заняв нашу территорию, не пропустят большевиков через свои войска, и в то же время вели переговоры о мире с большевиками. Эта последняя надежда была разбита тем, что турки, занявшие Ахалцихе пропустили конницу Жлобы, которая и направлялась в Батуми со стороны Ахалцихе в момент, когда наши войска, всту-

---

[1] На юго-западе Грузии.

пившие в бой с турками, изгоняли их из крепости. Я вспоминаю тот интерес, с которым члены Правительства обращались ко мне, чтобы узнать, находятся ли турки в Ахалцихе и прошли ли через их расположения войска нашего врага.

Укажу еще один случай, характеризующий отношение турок к нам. Когда было решено вступить в переговоры с противником, то в сторону Ахалцихе был выслан офицер с парламентерским флагом для объявления войскам противника, направляющегося со стороны Ахалцихе, о прекращении военных действий. Турки, находившиеся в Хуло, несмотря на парламентерский флаг, арестовали нашего представителя. Итак, турки пропускали через свои части нашего противника беспрепятственно, а нашего парламентера арестовали.

Правительство между тем решило прекратить войну с противником и издало постановление об эвакуации. Это было числа 15-го. Я присутствовал на заседании. Условием для окончательных переговоров противник ставил ввод своих войск в Батуми. Это условие было принято и для подписания мира был в Самтреди отправлен 15-го марта Гр. Сп. Лордкипанидзе. В качестве военного представителя я назначил для такого дела ген. И. Гедеванишвили. Договор о мире был подписан в Самтреди 16-го марта.

Относительно эвакуации войск за границу был издан мной приказ с согласия Правительства; приказ этот обсуждался. В первом пункте мной была помещена фраза, что эвакуация производится "в целях продолжения борьбы". Эти слова к моему удивлению вызвали горячий спор; еще бы – заключали мир с большевиками. Этих слов не хотели допустить, и только в Константинополе я понял в чем дело.

Как члены Правительства, так и присутствовавшие на заседании, как например Карло Чхеидзе, Сильвестр Джибладзе, были против этой фразы. Однако, в моем приказе эту фразу удалось удержать. В приказе было упомянуто, что эвакуироваться могут лишь те, кто пожелает. Во время обсуждения произошло заявление Военного Министра Чичинадзе. Он вдруг , именно вдруг, стал говорить, что он никого и ничего не боится, и дальше я уже не помню что; повидимому сказанное относилось ко мне; выходило так, что я кому-то что-то угрожал. Я был крайне удивлен и ответил, что я никому не угрожаю. Разговор велся в резком и повышенном тоне, но остальные вмешались и успокоили Военного Министра. Повидимому среди правящих существовало мнение, что я могу арестовать Правительство.

Я передал этот приказ Правительства в войска. Этот приказ, ко-

нечно, был сообщен и в Военное Министерство. Помощник Военного Министра ген. А. Гедеванишвили вышел из своего оцепенения. Я в тот же день получил оповещение, подписанное начальником канцелярии ген. Кавтарадзе, в котором по приказанию помощника Военного Министра ген. Гедеванишвили, офицеры приглашались (указывалось место) "для обсуждения приказа Главнокомандующего об эвакуации". Я сейчас же отменил это собрание. Однако этот приказ ген. А. Гедеванишвили очень характерен. Он указывает, каковы были взаимоотношения между Главнокомандующим и Военным Министерством. Помощник Военного Министра не стеснялся отдавать приказ в присутствии Главнокомандующего, не говоря о том, что собирать офицеров для обсуждения приказа Главнокомандующего является недопустимым.

Вышеупомянутый приказ Правительства об эвакуации не оказался приведенным в исполнение. 17-го марта мне сообщили копию другого постановления Правительства. В нем указывалось, что к эвакуации допускаются, кроме Правительства, 10 политических деятелей, 15 представителей Гвардии, штаб Главнокомандующего и 50 офицеров. На мой протест мне ответили, что средств нет. Однако и это не было исполнено; но об этом я скажу в дальнейших воспоминаниях.

Этот второй приказ мне не удалось передать в Саджавахо, ибо в этот день центральная телеграфная станция в городе была занята турками. Я хотел силой взять назад станцию, но Правительство, как и раньше, как и все время, настаивало на том, чтобы не было кровавых столкновений между нами и турками. Эти действия турок собственно были уже открытием военных действий. Само же Правительство, по-видимому, не могло добиться освобождения станции. Погрузку и отъезд предполагалось произвести не 17-го, как это произошло в действительности, а не раньше 18-го марта.

Когда Гр. Спир. Лордкипанидзе выехал в Самтреди для заключения мира, то ген. Мазниашвили, начальнику войск у Саджавахо, было передано, чтобы согласно условий договора он пропустил бы беспрепятственно эшелон противника, для которого на ст. Саджавахо надлежало приготовить вагоны; через мост ввиду его порчи поезда не могли ходить.

В Батуми между тем имелся генерал-губернатор Гр. Тим. Георгадзе, несмотря на присутствие коменданта. Он получил сведения и очень взволнованный объявил Правительству при мне, что в одной из типографий города печатают объявление Казим-бея, в котором последний подписывается генерал-губернатором Батуми; в ряде пунктов был один, по которому все вооруженные должны были сдать оружие. Это было ночью и утром это объявление должно было появиться на стенах. Он не знал, да и другие тоже, что делать. Я посо-

ветовал произвести обыск моей властью сейчас же в этой типографии и опечатать все. Таким образом объявление этого приказа Казим-бея оказалось бы остановленным. Так и сделали.

Однако, на следующий день в вагон Е. П. Гегечкори прибыл посланный от Казим-бея, который хотел ему вручить текст объявления, адресованного Правительству. Е. П. Гегечкори не принял этого послания и посланный, уходя, подсунул его из-под двери в вагон. Турки этим приказом подняли забрало и показали свое настоящее лицо.

*
* *

Между тем Председатель Правительства приказал мне отдать приказ о демобилизации армии. Этот приказ был странен и не соответствовал обстановке, ввиду выказанной турками агрессивности. Я же, ставя войска на форты, указал им особо отстаивать позиции в случае открытия враждебных действий турками; войска Артмеладзе я держал в своем резерве. Приказ о демобилизации не мог быть передан в Саджавахо, ибо телеграфная станция была не в наших руках. Я не вспомню, но кажется мы хотели послать этот приказ по железной дороге, а может быть мы хотели это сделать, но оказалось передать его невозможным. Во всяком случае этот приказ не казался мне особенно существенным, чтобы особо добиваться передать его в войска. Демобилизация очень сложная операция и раз ее делать, то надо указать, как ее провести, куда идти кадрам, куда сдавать имущество и т. д. Председатель Правительства, вероятно, представлял себе демобилизацию, как роспуск собрания или митинга. Всего этого мы не могли сделать и этот приказ оказывался нереальным и неисполнимым. До сих пор не знаю, чем он вызывался. Надо думать, что в заключенном Гр. Лордкипанидзе с большевиками договоре о мире, большевиками требовалась демобилизация наших войск; статьи этого договора от меня были скрыты. В Батумский гарнизон я, конечно, его не передал.

Ввиду решенной эвакуации правящими было постановлено уменьшить состав членов Правительства. Были исключены в числе других Военный Министр со своим помощником. Главнокомандующий не исключался. Ясно, что эта должность подлежала оставлению; в противном случае мне о моем упразднении сообщили бы также, как сообщили остальным, подлежащим сокращению.

В составе Правительства были оставлены: Председатель Правительства Н. Н. Жордания, Министр Иностранных дел Е. П. Гегечкори, Министр Внутренних дел Н. В. Рамишвили и Министр Финансов

К. Н. Канделаки. Однако потом, частью в пути, частью в Константинополе и даже в Париже, все это было изменено. На заседаниях мне неоднократно говорилось, что я с семьей должен уехать и что мне будет приготовлена каюта на "Кирали". Это самое высказывалось и в отношении начальника штаба ген. Закариадзе. Потом ген. Одишелидзе мне говорил, что и ему Председатель Правительства говорил об его отъезде. О своем будущем материальном обеспечении я не возбуждал вопроса. Мне в голову не приходила совершенно мысль, что я буду поставлен в такое положение, в какое поставили они меня впоследствии. Я помню на одном из заседаний, когда обсуждался внесенный мной вопрос относительно офицеров, о денежном содержании эвакуируемых, говорилось о вероятной возможности жить всем, и Правительству, и остальным на коммунальных началах. Дословно это говорил Е. П. Гегечкори, трудно было не верить этим людям. День отъезда не был назначен.

Между тем в городе не было спокойно. Еще в начале войны, когда всем стало ясным, что мы совершенно не были подготовлены к войне, среди оппозиционных партий создалось недовольство действиями Правительства. Не ошибусь, что таковое явление имело место не только среди оппозиционных партий и среди общественных кругов города Тбилиси, но и среди самой социал-демократической партии. В последние дни обороны Тбилиси ко мне явилась депутация от Учредительного Собрания с предложением, не нахожу ли я нужным, чтобы была объявлена диктатура. Насколько помню, не говорилось кто именно будет диктатором. Назначение диктатора в момент, когда у страны нет средств борьбы, не помогло бы делу. Диктатор не мог родить ни войск, ни патронов, ни снарядов, ни ружей, ни вещевого довольствия. Я в этом смысле и выразился. Уже когда мы были в Хашури, ко мне приезжала комиссия Учредительного Собрания с полномочиями контрольного характера над действиями Правительства и вообще всего происходящего. Назначение вышеупомянутой комиссии характерно и дает оттенок тому, что действия Правительства не удовлетворяли и Учредительное Собрание. Чем ближе мы были к Батуми, тем сильнее становилось отрицательное отношение к Правительству. В Батуми, в последние дни, уже было открытое недовольство Правительством. Мне, конечно, это было известно. Между тем таковое явление было известно и самому Правительству. Оно принимало меры через посредство Н. В. Рамишвили. Этот последний все вопросы внутренней жизни издавна уже решал устрашением и арестом. Он и здесь применил свою излюбленную систему. Аресты производились даже утром того дня, в вечер которого Правительство село на пароход.

Не помню он или Председатель Правительства сообщили мне конфиденциально, я был для этого особо зван, что среди некоторых кругов замечена деятельность, так сказать, в сторону турецкой ориентации и что аресты направлены против них. Я был очень удив-

лен тем, что меня так конфиденциально посвятили в дела внутренней политики, чего никогда они не делали раньше, когда я бывал поставлен во главе вооруженных сил. Я тогда не останавливался на этом вопросе: слишком много было у меня своего непосредственного дела, да и все это было их хитросплетениями. Был между прочим арестован всегда злосчастный моряк, Саша Чавчавадзе. Я думаю он также был виновен в сношениях с турками, как я в сношениях с китайцами. Саша же Чавчавадзе был давно известен своим несогласием с правящими кругами относительно ведения ими дел Морского Ведомства; этого он не скрывал. Я просил Н. В. Рамишвили освободить его, и я ручался, что он ни в каких сношениях с турками не замешан. Его освободили. Рвение арестовывать было так сильно у Н. В. Рамишвили, что, как мне передавали потом в Константинополе из достоверных источников, он в Батуми хотел арестовать и меня. В чем он меня подозревал не знаю. Он способен обвинить кого угодно в чем угодно и не удивлюсь, если узнаю, что он меня обвинял в сношениях даже с большевиками.

Таким образом в Батуми создалось настроение очень враждебное по отношению к Правительству. Ко мне приходили многие, среди которых были и политические деятели, и указывали, что Правительство подвело народ, оно не заботилось об обороне страны и пр.; в результате они находили, что надо Правительство арестовать. Эти люди приходили, испрашивая аудиенции – с целью секретного разговора. Были среди приходивших и офицеры, не стеснявшиеся открыто говорить то же самое. Быть может меня упрекнут, почему я этих приходивших ко мне не арестовал. Но я считал тогда и считаю и сейчас, что при создавшемся положении, когда общее настроение было сильно приподнятое, арест не явился бы устрашающим актом, а, напротив, был бы искрой в порох и вызвал бы общее выступление против Правительства, даже попытка чреватая последствиями очень была бы неблагоприятна для Правительства Грузии. С нами были иностранные миссии. Я отвечал иначе. Я отвечал улыбкой и добавлял, что такового я произвести не позволю и не буду пассивным свидетелем, одним даже сказал: "через мой труп". Я не мог допустить этого. Я не мог этого допустить потому, что я был достаточно честен, чтобы не только не выступить против Правительства, но и пассивно присутствовать при таком незаконном акте; да и позволить арестовать Правительство в труднейший момент его жизни, когда оно себя могло чувствовать покидаемым всеми, не соответствовало личным чертам моего характера. Отказаться в трудную минуту жизни от тех, с кем связала меня судьба, было бы подлостью.

Но необходимо принять во внимание и другое обстоятельство, носившее политический характер. Правительство надо было спасти. Оно являлось воплощением идеи самостоятельности Грузии. Оно не могло быть арестовано, ибо тогда наш противник, большевики,

имели бы в руках неоспоримый факт, что Правительство было свергнуто народом и тогда идея самостоятельности Грузии не могла бы найти защитников среди держав Западной Европы. Даже попытка в этом направлении для этой идеи отразилась бы весьма и весьма неблагоприятно не только на правительственные, но и на политические и общественные круги Западной Европы. Наша идея потеряла бы защитников. Надо принять во внимание, что тут же в Батуми находились представители иностранных держав, Англии, Италии, Франции.

Для предупреждений возможных событий приняли участие мои ближайшие помощники, среди которых назову ген. Чхетиани, несмотря на то, что он весьма отрицательно относился к действиям правящих кругов. Со своей стороны я принял меры. Рота юнкеров была все время со мной в поезде, который находился рядом с поездом Правительства. Я вызвал бронепоезд и поставил его с другой стороны Правительственного поезда и неоднократно предупреждал В. Джугели, чтобы он держал наготове надежных гвардейцев на случай возможности попытки арестовать Правительство. Вместе с этим до наступления темноты дня 17-го марта я все время держался или в поезде Правительства, или на платформе около него. В случае попытки я личным вмешательством и, думаю, без выстрела остановил бы таковую; без военных это не произвели бы, а военные, я уверен, послушались бы моего слова больше, чем кого-либо другого. Несмотря на то, что сейчас Правительство меня поставило в безвыходное положение и здесь, на чужбине, поступило так скверно, я все же не жалею о том, что сделал.

Я вспоминаю одну маленькую сцену. Я стоял на платформе и увидел показавшуюся из-за вагонов группу человек в 40–50 офицеров и не офицеров. Эта группа направлялась к платформе. Намерений их я не знал и, очень может быть, таковые у них были самые мирные. Они приблизились к платформе, заметили меня, откозырнули и мирно прошли мимо.

Первое известие о том, что Правительство грузится я узнал от одной своей знакомой Анико Кавтарадзе. Как я сказал, предполагалось грузиться не раньше 18-го марта. Она же мне передавала, что Сережа Кавтарадзе, брат ее мужа, арестованный большевик, предлагал мне не уезжать и ручается за мою безопасность. Я только ответил: "А кто за него ручается".

Узнав об этом решении я вернулся к Правительственному поезду, где на платформе и сообщил мне Гварджеладзе то, что я выше писал. Уже вечерело; я отправил семью на пароход "Кирали". Просил ген. Чхетиани проводить семью, который, усадив на пароход мою семью, отправился за своей женой и ее тоже посадил туда же. Сойдя с парохода он уже не нашел моего автомобиля "Спа", которым он пользовался, и принужден был придти ко мне в вагон уже ночью, вероятно

около полуночи, когда в городе власть уже была в руках ревкома и по городу раздавались повсеместно выстрелы.

*
* *

17-го вечером, вероятно, когда наступила темнота, мне доложили, что прибыл политрук 11-й армии в сопровождении полк. Тулаева. Их ввели. Вид этого политкома был незабываемый. Маленького роста, субтильный, в сибирской, черной, бараньей с длинной шерстью папахе, в солдатской шинели, с лицом гостиннодворского приказчика, и измаранным углем большим мешком интендантского образца, в котором лежало несколько банок консервов, он производил весьма комичное впечатление, особенно рельефно выделявшееся на фоне той важности, с которой он выражался о текущих событиях. "Правда, что Правительство уезжает" — говорил он — "зачем? Жордания и Гегечкори могут остаться, мы с ними договоримся. Вот только Рамишвили со своим особым отрядом пусть убирается; остальные могут остаться. Турки хотят занять Батум — продолжал он — мы не позволим. Если силой вздумают, покроем; мы и Антанте покажем. Я приехал сюда вперед, чтобы завтра же издать газету" — говорил он — "мир же заключен". Несмотря на всю его комичность этот тип все же был интересен, и я послал офицера спросить Правительство, пожелает ли оно принять этого комиссара и отметил, что его интересно посмотреть.

Согласие последовало, и я его повел в вагон Председателя Правительства. Когда я его ввел, то стал наблюдать, какое впечатление он произведет на присутствующих. Никто не сумел спокойно удержать своего лица и ясно было, что вид этого комиссара превзошел всякие их ожидания. С ним стали говорить. Он отвечал с той же комичной важностью. Вспоминаю, ему был задан вопрос, почему они напали на Грузию. Он перебил и сказал: "Да, конечно, вы скажете почему мы, социалисты, напали на бедную, маленькую социалистическую Грузию; знаем, товарищ, что скажете; но у вас же было восстание крестьян и рабочих, и они просили у нас помощи". Затем Е. П. Гегечкори взял его в свой вагон. "Пойдемте, товарищ, вы, вероятно, хотите спать" — говорил он ему и увел. После его ухода обменялись впечатлениями... и стали решать вопрос, когда садиться. Большинство предлагало садиться немедленно. Н. Н. Жордания не соглашался и настаивал остаться еще. Как всегда, этого вопроса не решили, и я ушел в свой вагон. В этом вагоне я уже находился вплоть до отъезда. Между тем в городе раздавались выстрелы. Эти выстрелы продолжались все время, пока я не уехал. Еще засветло, когда я еще находился на платформе перед Правительственным поездом, ко мне подошел Естате Мачабели и сказал, что ввиду отъезда Пра-

вительства, в том числе и меня, они хотели бы собраться и выбрать ревком и как я на это смотрю. С этим он дважды подходил ко мне. Я сказал, что до отъезда Правительства это делать нельзя, что Правительство, пока не уедет, представляет нашу высшую власть и что после его отъезда они могут делать все, что найдут лучшим ввиду создавшихся обстоятельств.

О дальнейшем в этом отношении я ничего положительного не могу сказать. Говорили, что было собрание и что был избран временный ревком, но я не знаю. Еще утром, когда было объявлено, что отъезжают по распоряжению Правительства только 50 офицеров, я назначил комиссию под председательством вызвавшегося на это полк. Какабадзе с задачей составить этот список. Список этот так и не был составлен. Передавали мне потом, уже в Константинополе, что полк. Какабадзе, сначала горячо взявшийся за это, затем не только бросил это, но на собрании офицеров даже выражался, что уезжающие, это трусы и подлецы.

Я находился в вагоне с несколькими лицами, в том числе ген. Закариадзе, ген. Чхетиани, ген. Бакрадзе, ген. Кониашвили, ген. Геловани, ген. Гедеванишвили, полк. Тулашвили, полк. Гвелисиани и др. Некоторые отъезжали, остальные, хотя и оставались, решили остаться при мне, пока я не уеду.

В это время я услышал недалеко от вагона шум, крики, что-то разбивали. Я выслал юнкеров выяснить и оказалось, что недалеко в одном из пакгаузов находился склад различных сукон и материй, и что грабят его; как солдаты, так и не солдаты. Были высланы юнкера и грабеж остановили. Около моего вагона навалили громадную кучу материй отобранную у грабителей. Кто-то заметил, что не взять ли все с собой. Я ответил, что мы отбирали от грабителей не для того, чтобы самим взять. Вся эта груда была внесена обратно в пакгауз, двери были заперты и все сдано местным милиционерам, от которых и поставлен был караул у пакгауза. До моего отъезда там все было спокойно.

Было уже после полуночи, когда я послал одного из офицеров в Правительственный поезд узнать, что там делается, "а то" — прибавил я — "чего доброго уедут и мне не скажут". Офицер вернулся и доложил, что ни в вагонах Правительства, ни около нет ни души. Итак, Правительство уехало и не сообщило о своем отъезде Главнокомандующему, находившемуся рядом. Я продолжал оставаться в вагоне.

Еще в тот день, если не раньше, я назначил старшим начальником по городу Батуми ген. Цулукидзе. С ним я поддерживал связь из вагона. Он находился в помещении штаба крепости. Не помню 17-го марта или накануне ген. Закариадзе с моего согласия вызвал ген. Мазниашвили из Саджавахо. Я не сумею сказать, когда он приехал в

Батуми. Я оставался в вагоне часов до 3-х вероятно; может быть позже. В это время мне доложили, что истребитель, стоящий у пристани, израсходовал весь бензин и что у него хватит только на рейс до парохода; с вечера все суда вышли на рейд.

Присутствие этого истребителя для меня оказалось новостью; ген. Закариадзе доложил, что он его вытребовал на случай моего отъезда на пароход. Тогда же я узнал, что все суда и иностранные уже на рейде, и что этот истребитель единственное средство попасть на пароход.

Между тем, как потом выяснилось, Председатель Правительства перед отъездом передал власть городскому общественному самоуправлению, заключенные большевики были выпущены и власть действительная находилась в руках ревкома. Не знаю верно ли, но мне потом передавали, что в этот вечер Председатель Правительства виделся в своем вагоне с Сережей Кавтарадзе; я этому лично до сих пор не верю.

Мое дальнейшее пребывание на берегу уже не имело смысла. Я уехал, но поехал сначала на "Марию". Здесь я оставался до утра и утром часов в 10 я был вместе с ген. Закариадзе у Председателя Правительства на "Кирали". Как я был встречен и что дальше сделал, я опишу после, а сейчас скажу несколько слов об эвакуации.

Кто распоряжался эвакуацией, я до сих пор не знаю. Я не знаю то лицо, которое руководило бы всеми распоряжающимися. Может быть таковым был сам Председатель Правительства. А распоряжающихся было много. Распоряжался и генерал-губернатор Георгадзе, и Бения Чхиквишвили, у которого уже был новый титул, товарищ Министра Внутренних дел, и К. Гр. Гварджеладзе, и Министр труда Эрадзе, и другие. Мне для погрузки людей и военного имущества было предоставлено два парохода "Мария" и "Веста". Я до сих пор не знаю, что было погружено на эти пароходы, ибо по приезде в Константинополь я был изъят от этого дела. Погрузка была весьма затруднена обстоятельствами, изложенными выше. Когда же было объявлено, что эвакуироваться могут не желающие, а только 50 человек, то погрузка остановилась, ибо грузившие потеряли надежду эвакуироваться. Они говорили, что если нас оставляют, то и имущество должно остаться. Отъезд предполагался не раньше 18-го марта. Рассчитывалось, что 18-го все же можно будет вновь продолжать погрузку. Я поэтому в ночь с 17-го на 18-е марта и не собирался уезжать. 18-го с утра начался бой и пароходы уже не могли пристать к берегу.

Мне вспоминается следующее. Я был в вагоне Председателя Правительства. Вошел Министр труда Эрадзе. Разговаривая на тему о погрузке, он сказал буквально следующее: "Я сам лично своими руками гружу". Уже в Константинополе я его спросил однажды,

когда говорили о том, что вывезенное находилось лишь на "Марии" и "Весте" и многое оказалось разворованным: "А куда делось то, что вы лично грузили. Ведь "Мария" и "Веста" были предназначены мне для военных грузов. Я ничего не грузил . Вот, что на "Марии" и "Весте" это все и есть" – ответил он. Оставляю на его совести, когда он говорил правду.

На "Марию" и "Весту" садились военные и многие не военные сверх числа, положенного для эвакуации. Им объявлялось, что им обеспечивается лишь проезд и довольствие до Константинополя, а дальше Правительство не возьмет их на иждивение; они соглашались на это. В дальнейшем, в Константинополе, этот вопрос получил совершенно другое направление и урегулировать его правильно уже нельзя было: потому что вопрос об эвакуированных в Константинополе был поставлен на другую почву. Наши умелые знатоки этого дела взялись лично за это и, положив для разрешения этого вопроса неправильное основание, не сумели его разрешить.

Вспоминается мне одно событие среди правящих кругов. Перед отъездом, когда формировалось новое Правительство, было постановлено предоставить национал-демократам три места в составе Правительства, среди них одно место Военного Министра предоставлялось Спиридону Кедия. Эти места национал-демократами были отклонены; хотя, вспоминаю, что даже 18-го марта, в день отъезда, Спиридону Кедия вновь предлагалось ехать; за ним ездил секретарь Председателя Правительства Георгий Цинцадзе. Это было вызвано заседанием Учредительного Собрания в Батуми, где оппозиционисты осуждали действия Правительства. Мне потом передавали, что во время речи Гр. Вешапели, когда он выразился, что командование было лишено полноты власти: "Всякий вмешивался в его дела". Последовала реплика неукротимого В. Джугели – "К несчастью никто не вмешивался". Это не верно по существу; заявление можно объяснить лишь тем, что В. Джугели страдал, как истерик, неудержанием своего языка.

*

* *

Итак, в ночь с 17-го на 18-е марта между 3-мя и 4-мя часами я со штабными и некоторыми другими офицерами и юнкерами сел на истребитель. Не все офицеры штаба решили ехать. Меня удивило решение только одного офицера. Полк. Н. Гедеванишвили решил остаться; я спросил причину. Он ответил: "Если прикажете, я поеду, но мы, все братья, решили остаться". Я не имел нравственного права отдавать такие приказания и обстановка была такова, что каждый должен был решать сам. Я ему это и сказал. Он ответил, что тогда он решает остаться.

В последний день отъезда из Батуми мне передавали, что про меня в Батуми распущен слух, а именно, что я был в сношениях с большевиками; мне это так было удивительно, что я засмеялся. Однако меня уверили, что этот слух идет из высших сфер и назвали ген. А. Гедеванишвили. Если когда-либо я встречусь с ним, я устрою ему очную ставку со сказавшими мне. Этот слух мне передавали как поручение, но другого источника не называли. Не Ной Виссарионович ли второй источник.

Утром 18-го марта, когда я ехал с ген. Закариадзе к Председателю Правительства, в городе уже начался бой между нашими войсками и турками; слышна была артиллерийская и ружейная стрельба; стучали и пулеметы. В это время я видел подходивший со стороны Чаквы длинный поезд товарных вагонов; это был ожидаемый эшелон большевиков; он почти подошел к Борцхана, затем осадил назад. Я вошел к Председателю Правительства и в присутствии ген. Закариадзе доложил обстановку, в которой выразил уверенность, что идет бой, но не знаю между кем и кем; тут же я сказал, что с берега я уехал около 3–4 часов ночи. "Значит, вы бежали, вы оставили свой пост" – перебил меня Председатель Правительства. Я был ошеломлен. За такие выражения у нас или бьют, или дерутся на дуэли. Он очевидно не понимал того, какое обвинение он бросал мне в лицо, не говоря даже о том, что оно было неправильно по существу и нагло. Человек, выпустивший в Батуми заключенных большевиков, которых везли по его приказанию еще из Тбилиси, передавший власть другим и, следовательно, сам оставивший свой пост, наконец, отдавший приказ о демобилизации армии, этот человек бросал упрек Главнокомандующему, раньше которого на несколько часов он сам покинул берег, не предупредив Главнокомандующего, и переехал под защиту итальянского флага. Еще несколько часов тому назад, еще накануне, этот человек так потерял голову, что не знал, что приказывать и чего не приказывать, а теперь здесь позволил себе грубость, если не сказать наглость[1]. Я сухо ответил, что я не бежал, но что я ждал там до последней минуты, пока там можно было оставаться и уехал с берега после того, когда Правительство и он, Председатель Правительства, оставили территорию Грузии.

"Вы передали мой приказ о демобилизации армии" – спросил он меня. Я ответил, что нет, так как не представилось возможности, и что сейчас ввиду боя вряд ли это реально и целесообразно. "Надо обязательно передать" – сказал он. Я тогда не понимал его такой настойчивости относительно этой демобилизации. Через две недели в Константинополе я понял; мне после отъезда Председателя Правительства из Константинополя вручили его приказ, в котором "ввиду демобилизации" должность Главнокомандующего упразднялась.

---

[1] Как я потом понял в Париже, это была его попытка заставить меня остаться и попасть в руки большевиков.

Передавать войскам эту "демобилизацию" в разгар боя было явной бессмыслицей; однако, получив упрек, что я "бежал", я мог быть подозреваем и в том, что под видом бесполезности отдачи этого приказа, я просто боюсь поехать на берег, куда пристать ввиду боя действительно могло быть опасным. Я поехал на берег. На истребителе меня сопровождали ген. Закариадзе и кап. Мито Гоциридзе, там же находился командующий флотом кап. 1-го ранга Такайшвили и его начальник штаба полк. Микеладзе. Последний был на "Кирали" и получил деньги для раздачи тем из морской команды, кто решил оставаться в Батуми. Мы подъехали к пристани. Полк. Микеладзе и небольшая судовая команда с механиком сошли на берег и пошли в свой штаб, недалеко от этого места расположенный; там полк. Микеладзе должен был произвести выдачу денег. На истребители остались я, ген. Закариадзе, кап. Мито Гоциридзе, Такайшвили и, как потом выяснилось, помощник механика. На берегу оказались человек 10–12 солдат. Я приказал позвать офицера. Прибыл офицер и соскочил к нам на палубу. Я его спросил об обстановке. Он мне доложил, что власть в руках большевистского ревкома, что с турками идет повсеместно бой, что сейчас, как только я подъехал, бывшие на пристани большевики побежали сообщить кому следует и что меня арестуют. Все это он говорил мне тихим голосом, по-видимому, чтобы не слышали солдаты стоявшие тут же на пристани. Я его отпустил на берег.

Затем подошел к Такайшвили и приказал ему, объяснив обстановку отъехать несколько от берега; здесь же я ему сказал, чтобы приготовили пулемет к действию. Как всегда в таких случаях, пулемет не мог действовать, ибо не было лент и патронов, а помощник механика не мог завести машины. Пришлось отчалить от берега при помощи случившейся здесь лодки аджарца. Во время этого отчаливания я указал Такайшвили научить кап. Гоциридзе действию из орудия. Орудие зарядили и направили на берег. Отъехав шагов на 50 мы стали ждать. Я забыл указать, что я с собой взял двух юнкеров. Я ссадил их на берег и послал с ними записку к ген. Цулукидзе, которого они должны были найти в штабе крепости. Я хотел, войдя с ним в связь, выяснить определенно обстановку. Указал юнкерам, чтобы они давали прочесть мою записку всем старшим начальникам, которых встретят в городе.

Юнкера Тохадзе и Николадзе, и полк. Микеладзе не возвращались. В это время я увидел в бухте наши еще два истребителя, привязанными к бочкам. Я спросил Такайшвили: "А эти подлежат вывозу?" Он ответил, что хочет и их взять с собой, привязав к судам. "Дойдут ли до Константинополя" – спросил я. "Если хорошая погода, то дойдут" – ответил он. "Ну что ж, орудуйте; давайте тащить их куда надо" – сказал я. Мы взяли на буксир к себе один истреби-

тель. Помощник механика справился с машиной и мы повели его к "Весте" или "Марии", не помню. Затем мы вернулись и проделали эту операцию и с другим истребителем.

Исполнив это, я вернулся к пристани поджидать полк. Микеладзе, а также известий от ген. Цулукидзе, у которого я в своей записке спрашивал точных указаний о происходящем. В это время стрельба в городе продолжалась; я даже заметил несколько пуль, шлепнувших в бухту около нас. Через некоторое время мы заметили на берегу юнкеров; мы подъехали, но не вплотую к берегу. Полк. Микеладзе также оказался там и мы всех взяли на борт.

Юнкера доложили, что в штабе они ген. Цулукидзе не нашли и по указанию штаба отправились на вокзал, где тот должен был находиться. Они его там нашли и ген. Цулукидзе с ними прислал записку. В этой записке ген. Цулукидзе писал, что обстановка ему не совсем ясна, что повсеместно идет бой, что он держит станцию в своих руках и что сейчас выбивают турок из товарной станции, что бой вообще вблизи него происходит по обеим сторонам вокзала. Юнкера на словах доложили, что когда они были в штабе крепости, то там уже находился ген. Мазниашвили, как новый Главнокомандующий, что они заметили у него красный бант на груди, что он читал мою записку, адресованную ген. Цулукидзе, но ничего не сказал, и они отправились на вокзал; что по дороге они встречали солдат уже красной армии и что по городу разъезжают с красными флагами автомобили и конница. Хорош бы я был, если бы я остался до утра в городе на "своем посту", как говорил Председатель Правительства. На каком это "своем посту?" Я поехал обратно на "Марию" и "Весту", где на одном, кажется на "Весте", я назначил комендантом полк. Вачнадзе, которому приказал составить опись всего вывозимого. На "Марии" я уполномочил назначить ген. Закариадзе по его выбору. Ген. Закариадзе должен был сам ехать на "Марии". По докладу ген. Кониашвили, доложившего, что на "Весте" нет продовольствия, я приказал потребное количество такового получить с "Марии". Это было мое последнее распоряжение.

Здесь я должен отметить один факт. Во время нескольких поездок моих на пристань и обратно, мне приходилось неоднократно проезжать недалеко от "Оленя". Здесь на борту были частные пассажиры, уезжавшие из Батуми. Видя меня, они каждый раз приветствовали меня криками и рукоплесканиями. Частные люди выражали мне симпатии; эти симпатии я часто встречал в Тбилиси, начиная с 1919-го года. Находясь в отставке и посещая общественные места, я неоднократно бывал чествуем отдельными группами, а также всеми ужинающими, как офицерами, так и не офицерами. Тифлисское общество выражало мне симпатии; таковое же явление происходило и в Ахалцихе, и в деревнях, в которых мне довелось бывать.

Получил я однажды овации и в Учредительном Собрании. Единственно, где я встречал сначала холодность, затем неприязненность это были члены Правительства, от которых я видел лишь враждебность, особенно с лета 1920-го года. Такое отношение к себе я объясняю тем, что они не только чувствовали, но благодаря встречам и бесконечным спорам знали, что я их знаю хорошо. Ореол министерских должностей на меня не действовал. Я их видел насквозь. Для меня они были по интеллекту едва посредственными и совершенно не соответствующими тем ролям, которые им предоставила судьба. Пребывание в Думе, в Петербурге, по-видимому не помогло. Все они были мало образованы; никаких широких государственных взглядов. Напитанные лозунгами Маркса, они держались их, как слепой стены; узкие доктринеры, теоретики и весьма слабые, вне Маркса они были невеждами и не могли разбираться в тех вопросах, которые им представлялись для решения. Эти люди гешефтмахеры революции. Они прекрасно знали, что я думаю о них, и вот причина их враждебного ко мне отношения.

Прибыв к нашим кораблям, мы узнали, что французское командование приказало "Марии" и "Весте" сняться в три с половиной часа дня; было около двух часов с лишним. Я не помню сейчас, что именно, но явилась Морскому Ведомству какая-то нужда, по причине которой они хотели выехать позже и просили исполнить их просьбу. Я поехал на "Кирали" и обратился к Министру Иностранных дел Е. П. Гегечкори с просьбой послать кого-либо к французам отложить час отъезда. Е. П. Гегечкори послал бывшего в его распоряжении Абхази. Одновременно я указал Закариадзе передать ген. Цулукидзе этот злосчастный приказ о демобилизации, каковой теперь, когда власть была уже в чужих руках, являлся смешным. Но Председатель Правительства опять особенно настаивал на этом. Закариадзе уехал с Абхази. Я остался на "Кирали". Через некоторое время Абхази вернулся, он был взволнован. Какой-то французский начальник, не знаю именно кто, не стал с ним разговаривать, а при первых же словах стал на него кричать. Он ему в грубых выражениях говорил приблизительно следующее: "Убирайтесь вы вместе с вашим министром и Правительством; они мошенники, воры и лгуны и т. д.". Закончил он тем, что столкнул Абхази с лестницы. Абхази докладывал об этом Гегечкори, результатов не знаю.

"Мария" и "Веста" вышли в море в назначенный час. Ген. Закариадзе я увидел уже в Константинополе и он, на мой вопрос об этом приказе о демобилизации, ответил, что за недостатком времени он такового передать не мог. Я очень этому обрадовался.

На "Кирали" полк. итальянской службы Бодрера подошел ко мне и спросил окончательно ли я на "Кирали" и вся ли моя семья тут же. Я ответил утвердительно и он ушел. Уже здесь в Париже мне передавали (свидетельница, ехавшая с итальянским посольством), что уполномоченный министр Италии Черутти беспокоился о моем от-

сутствии и приказал, чтобы, пока Главнокомандующего нет на борту, "Кирали" не снимался бы.

На "Кирали" моей семье с трудом была отведена каюта 2-го класса с 4-мя койками. Нас было 6 душ; 6-й полугодовой младенец. Эта каюта была отведена моей семье совместно с ген. Чхетиани и его женой. Итого 8 душ. Конечно, физически мы там не могли разместиться. Ген. Чхетиани пошел хлопотать. В результате ему отвели одно место в каюте господина Берга. Его жена ни за что не соглашалась лечь в каюту, где я предлагал ей свое место; никакие настояния не помогли. Она устроилась вне каюты на подоконнике. Так и провела все ночи до Константинополя. Наконец, около 6–7 часов вечера, "Кирали" снялся с якоря и одновременно с этим отношение членов Правительства ко мне резко изменилось. Меня уже не видели и не замечали.

Я позволю себе высказать несколько соображений, быть может интересных для моей семьи, а также для моих друзей. На "Кирали", как я только что выразился, я уже не существовал для Правительства. Почему? Каюта заблаговременно для меня не была отведена и только после нескольких часов пребывания на палубе моей семье и ген. Чхетиани нашли одну каюту. Почему не было это сделано заблаговременно? Отъезд на пароход тайно, не сообщив Главнокомандующему о своем отбытии, между тем таковой находился рядом в вагоне. Почему? Упрек Главнокомандующему за то, что он "бросил свой пост". Каковой пост был у Главнокомандующего, когда Правительство уже погрузилось, передало власть большевикам, заключило мир со своим противником, впустило турецкие войска в Батуми и, наконец, издало приказ о демобилизации войск. Почему этот возмутительный упрек? Если ко всему этому прибавить их недружелюбное отношение, которое я встретил сразу же после отплытия "Кирали", то невольно напрашивается вопрос: не хотел ли Председатель Правительства, предав как бы случайно меня большевикам, раз навсегда избавиться от меня, живого свидетеля всех его хитросплетений. Лишь Черутти спас меня, приказав не отплывать "Кирали", пока Главнокомандующий не будет на борту, а то, я уверен, они отплыли бы без меня, как оставили на площади "Азизие", не предупредив меня о своей посадке на пароход.

ГЛАВА XXVI

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КАМПАНИИ 1921-ГО ГОДА

Прежде чем приступить к дальнейшим воспоминаниям, я хочу высказать несколько мыслей относительно кампании 1921-го года с большевиками. Поводом к войне была, как известно, якобы просьба восставших рабочих и крестьян, адресованная к большевистской Российской власти, помочь им. Свидетели событий отлично знают, что такое восстание не имело места и не могло его иметь. Настроение в массах было определенно противо-большевистско-русское и такового восстания нельзя было даже симулировать. Еще в 1920-м году была сделана попытка большевиков внутреннего переворота с внешней атакой у Красного моста, одновременно нападение большевиков на Военную Школу, но она не удалась и явно показала, что это была симуляция. В 1921-м году настроение масс вполне упрочилось. Даже присутствие в Тбилиси чрезмерно большой большевистской делегации, занимавшейся пропагандой большевизма, даже разрешение пропаганды этой идеи не поколебали противо-большевистского настроения. Этот повод, это так называемое "восстание крестьян и рабочих" никоим образом не может маскировать настоящих намерений Московского Правительства.

Нашествие на Грузию есть одна из ступеней в борьбе этого Правительства с Антантой и упрочения своего положения. Овладение Грузией отвечало всем вопросам назревших событий. Еще в 1920-м году была сделана попытка овладения Грузией. Но тогда ввиду боевых действий с Польшей и с Врангелем Московское Правительство не могло Закавказью уделить достаточно военных сил. Оно прибегло к пропаганде и Азербайджан пал жертвой умело поведенной политической пропаганды. В том же году было покончено с Арменией, которая была завоевана, хотя и с применением вооруженной силы, но главным образом пользуясь своей пропагандой, которая, вследствие распрей среди армянских политических кругов, весьма спо-

собствовала ее падению. Примененный к Азербайджану и Армении этот образ действий относительно Грузии в 1920-м году потерпел неудачу. Московское Правительство тогда решило для завоевания Грузии отрядить большее количество сил и к весне 1921-го года оно приготовилось к атаке.

Московское Правительство завоевывало Грузию, так как обладание Грузией являлось необходимостью. Владение Грузией упрочивало положение их в Закавказье. Можно сказать, что ключ владения Закавказьем есть Грузия. Присутствие самостоятельной Грузии рядом с покоренными Азербайджаном и Арменией являлось в этих государствах психологическим подогревателем освобождения их из под большевистско-русской власти. В экономическом отношении вывоз нефти Бакинского района приобретал громадное значение. Всякий экспорт сырья из России, вследствие отсутствия транспорта и общей хозяйственной разрухи, почти прекратился. Вывоз нефти и, именно, бакинской для России приобретал уже насущное значение и являлся большим козырем в руках Московского Правительства для пользования им в международных отношениях. Бакинская нефть в связи с вывозом ее через Батуми (нефтепровод Баку-Батуми) являлась важным элементом Москвы в ее экономических сношениях с иностранными державами. А незаинтересованность Антанты, особенно Англии, вследствие провала Закавказского блока (25-го апреля 1920-го года наш отказ от него в Сан-Ремо) облегчал завоевание Грузии. Этот козырь надо было иметь в своих руках и Московское Правительство правильно учло это.

Оно давно видело, что восстановление от хозяйственной разрухи возможно лишь с привлечением к этому делу держав Западной Европы. Нефть, вследствие увеличения ее значения в технике орудий производства, в последние два десятка лет приобрела колоссальное мировое значение и получение права на ее эксплуатацию явилось бы побудителем для иностранных держав для заключения экономических договоров с Москвой. Самостоятельная Грузия, через которую проходит нефтепровод и железная дорога, могла мешать заключению этого договора. Надо было иметь в своих руках и Баку и Батуми. Завоевание Грузии тем или другим способом было для Московского правительства необходимым. В поисках союзников для борьбы с Антантой Московское Правительство остановилось на Ангорском Правительстве. Сила Турции в Анатолии. Все свои силы и средства, людьми и сырьем, Турция черпала там. Настоящая Турция там.

Между тем Ангорское Правительство, сначала рассматриваемое как мятежное, постепенно приобрело международное значение. Слабое вначале, с течением времени черпая силы в ресурсах Анатолии, Ангора постепенно усилилась и представила силу, с которой нельзя было не считаться и державы Западной Европы стали с Ангорой считаться уже как с державой и заключать с ней те или другие

договоры. И вот, Московское Правительство по идеям и основам своей провозглашенной политики считающееся интернациональным, заключает союз с Турцией, которая была исконным и историческим врагом России и по агрессивной политике в Закавказье и Азии, и по причинам религиозного характера. Овладение Константинополем и выход к Средиземному морю было издавна целью русской политики. Союз с Турцией укрепил международное положение Московского Правительства, которое для усиления Ангорского Правительства снабжало его средствами борьбы с Грецией, являющейся собственно орудием борьбы с Ангорой в руках Антанты.

Самостоятельная Грузия клином врезывается между современной Россией и Турцией, всегда могла послужить базой для Антанты, для разъединения союзных Турции и России. Ангорское Правительство не могло не оценивать этого положения и ему было выгоднее, чтобы Грузия находилась в руках, вследствие народившейся обстановки, своего союзника, России, а не была бы самостоятельной державой. Территория Грузии могла стать местом десанта войск Западной Европы, владеющей Константинополем, и базой для действий против Турции и России. К этому надо добавить, что для Ангорского Правительства было бы выгоднее видеть Грузию в руках по современным условиям слабой России, а не в руках или на стороне могущественной Антанты. Я позволю себе высказать взгляд, что, если произойдет вооруженное столкновение между современной Россией и державами Западной Европы, считая в последней не одну только Антанту, то Грузия и Закавказье явятся театром военных действий. Заняв Батуми и этим обеспечив себе тыл от Турции, высадившиеся, имея свободные морские сообщения, будут иметь полную возможность развить свои действия по Черноморскому побережью, а также по направлению на Баку. В последнем случае, если Ангорское Правительство выступит активно на стороне России, Грузия и Армения явятся источником, из которого произведшие десант почерпнут достаточно живых сил для обеспечения со стороны турок своей операции на Баку.

Оценивая это значение Московское Правительство не могло оставить без завоевания этот участок территории, который мог бы послужить в будущем базой для действий западно-европейских держав против него и являлся территорией, откуда эти державы могли разъединить Россию от Турции и всегда угрожать Баку, т. е. нефти.

Еще одно обстоятельство, которому завоевание Грузии также отвечало. Московское Правительство объявляет себя защитником рабочих и народных масс, защитником труда против капитала. В этом направлении оно у себя, во внутренней политике, воспитывает народ. Блокирующая Антанта объявляется врагом русского народа

и в этом направлении ведется их неустанная пропаганда. Кто с Антантой, тот враг русского народа, враг рабочих и крестьян. Я не буду утверждать, что эти идеи вкоренились в народных массах России; но они насаждались и частью народа несомненно были восприняты. Идея помощи рабочим и крестьянам Грузии, и война с государствами, склонившимися в сторону Антанты, а, значит капитала, не могла вызвать противодействия русской народной массы, впрочем всегда покорной, тем более, что среди части ее находились горячие защитники этой идеи; с одной стороны, коммунисты и с другой все, кто находил желательным такое завоевание, например великодержавники. Таким образом и в этом отношении завоевание Грузии, бывшей частью государства Российского, склонившейся явно на сторону врага России и капитала, и где рабочие и крестьяне якобы просили помощи, оправдывалось и в слоях политических, и в глазах тех, кто по политическим убеждениям должен был быть противником этого. Такое положение, несомненно, укрепляло также внутреннее положение Московского Правительства, принужденного силой обстоятельств отвлекать внимание масс от той хозяйственной разрухи, которую оно не могло исправить и действительные причины которой оно должно было скрывать. Итак, и в смысле международных отношений и упрочения своего внутреннего положения, и в смысле экономическом, и в смысле военно-стратегическом завоевание Грузии являлось необходимостью для Московских правителей.

В 1920-м году Московское Правительство, отвлеченное войной с Польшей и Врангелем, не могло уделить достаточно сил для завоевания Грузии. Однако оно попытку все же сделало; но сил оказалось недостаточно. Мы знаем, что договор Московского Правительства с Грузией, в котором признавалась самостоятельность последней, был подписан 7-го мая 1920-го года. Между тем войска Московского Правительства перешли нашу границу еще 2-го мая, т. е. до подписания договора. Это значит, что переговоры велись с целью усыпления Грузии; пользуясь этим усыплением, они могли быстрым наступлением застать нас врасплох и достичь успешного завершения своих действительных намерений. Если рассматривать договор, можно сказать, что пункты его лишь гарантировали сильнейшему возможность в любой момент начать войну; настолько они были неопределенно составлены и настолько они могли вызвать споры по любому, обозначенному там вопросу. Да и, вообще, договор не есть гарантия. Все договоры всегда нарушались. Даже нейтралитет той или другой страны не являлся обеспечением против вооруженного нашествия. Не останавливаясь на примере Бельгии, можно указать Китай, территорию которого Россия и Япония предали ужасам войны и, кстати сказать, неприкосновенность территории которого была основой, неоднократно подчеркнутой, политики Великих Держав. Несмотря на то, что перед Русско-Японской войной, на

основании этой самой неприкосновенности китайской территории, Великие Державы потребовали от Японии вернуть обратно Китаю завоеванный ими Порт-Артур и, несмотря на то, что штурм его дорого обошелся Японии.

Заключенный с Московским Правительством договор нас не совсем усыпил. Я говорю не совсем, ибо, когда войска Московского Правительства вступили в Баку, в 1920-м году, у нас была объявлена мобилизация и мы стали лихорадочно готовиться к войне. Однако, мы к войне не были готовы. К войне надо готовиться задолго, а не за неделю. Заключение военного союза с Азербайджаном, происшедшее летом 1919-го года, я не могу признать подготовкой, ибо кроме бумажного договора ничего не было сделано; даже не было выработано основных черт взаимных действий на случай войны. Об остальном нечего и говорить, ничего не было сделано. Несмотря на нашу мобилизацию враг все же нас застал врасплох и нас выручила малочисленность врага и взрыв Пойлинского моста. Последний задержал противника, заставил его отойти от железной дороги и идти пешим порядком, что дало нам возможность организовать сопротивление. Мы выиграли эту кампанию. Итак, в 1920-м году политика Московского Правительства завоевать нас окончилась неудачей. Таким образом, принимая во внимание причины войны и действия Московского Правительства по отношению Грузии в 1920-м году, можно было быть уверенным, что новая попытка завоевания Грузии последует скоро.

Могли ли мы избежать этого завоевания или, вернее, могли ли мы так приготовиться к войне, что были бы в состоянии вооруженной рукой успешно защитить себя от этого вторжения. Является основной вопрос, могла ли "маленькая Грузия" сопротивляться "Великой России". Рассмотрим этот вопрос. Если разбирать его только в этой плоскости, а именно "маленькая" и "Великая", то, конечно, не могла. Однако, оценивая обстановку, нельзя признать Россию этого времени ее жизни "Великой", как понимали это слово до революции. Великая Россия распалась. Громадные области перестали быть ресурсами, из которых Великая Россия черпала свои силы и средства для борьбы. Вся Сибирь, Туркестан, Закаспийская область, Украина, Польша, Финляндия, Прибалтийские страны, Бессарабия, Закавказье не только не могли служить ресурсом, откуда можно было черпать силы и средства борьбы, но часть из них были окончательно оторваны, а другие части требовали войск для удержания их в орбите Московского Правительства. К этому надо добавить казаков, Донских, Кавказских, Уральских и других, которые, если не враждебно выступали против Московского Правительства то во всяком случае, в это время в массе являлись лишь пассивными свидетелями. Таким образом, оставалась лишь часть Европейской

России, т. е. Великороссия, ее центральная часть и часть Поволжья. До последней великой войны Европейская Россия насчитывала около 100 миллионов жителей. Вычтя отсюда все оторванные части и приняв во внимание сколько войск Московское Правительство должно было держать в частях, где власть его держалась лишь на штыках, как в Украине и других областях, надо признать, что понятие "Великая" уже не отвечало действительному положению вещей, ни по обширности территории, ни по числу населения. Этому уже свидетельствует то обстоятельство, что для борьбы с ген. Врангелем и Польшей в 1920-м году большевики могли выставить несколько сот тысяч (около 300), тогда как настоящая Великая Россия выставляла миллионами. Хозяйственная разруха и сильный недостаток транспорта еще более обессиливал эту "Великую Россию". Слабость ее вполне выказалась в ее войне с Польшей. Несомненно Польша никогда не могла бы сопротивляться той Великой России, которую мы знали. Польша не только отразила теперешнюю Россию, но внесла войну в ее пределы и принудила ее подписать желательный ей договор, даже деньги были уплачены Польше. А между тем можно ли было Польшу считать могущественной державой? Конечно, нет. Она только что составлялась из частей бывших столетиями под властью Германии, Австрии и России; она не была еще сплочена. Она только начала формироваться и далеко не представляла того сплоченного механизма, который мы называем государством. Войска только устраивались. Новые веяния, расшатывающие и разрушающие дисциплину, эту основу военной мощи, не были обезврежены в армии и она была не готова и, конечно, далека была не только от идеала, но и того, чтобы ее назвать посредственной. Она выиграла и выиграла прекрасно, несмотря на то, что ее войска были принуждены совершить отступление до 200 верст; отступление же всегда уменьшает боеспособность войска. Ясно, что военная мощь войска Московского Правительства далека от мощи войск Императорской России и ее победа над Деникиным, Врангелем и над нами лишь показатели, как были в действительности слабы побежденные.

Успех польской армии я не могу приписать французским инструкторам и даже французскому командованию. Кучка людей не может оказать влияния на исход целой кампании, если не целой войны. Инструктора могут обучить армию, но для этого нужны годы и даже десятки лет, а не недели. Руководство, конечно, имеет влияние; но руководство не в силах заменить армии; руководство не может достичь успеха, если войсковые единицы не умеют достичь тактического успеха; руководство ничего не может сделать, если армия отказывается воевать. Нисколько не отказывая французскому командованию и инструкторам в военных способностях, все же надо признать, что поляки обязаны своим успехом главным образом своей армии, качества которой и вообще боеспособность и командо-

вание оказались выше таковых армии Московского Правительства. Надо признать, что с точки зрения качества русско-большевистские войска далеко не представляют грозной силы. Критический объективный обзор столкновений наших войск с ними в 1920-м и 1921-м годах может это еще раз подтвердить. В частности, надо сказать, что мы обладали еще одной благоприятной данной. Эта данная состояла в том, что для большевистской России война в Закавказье была войной несколько колониального характера. Я не читал доклада Геккера, но по рассказам о нем знаю, что Геккер требовал для наступления на Грузию около 35000 штыков. Если бы Московское Правительство сумело сосредоточить в Азербайджане эти силы к августу, сентябрю или октябрю 1920-го года, оно напало бы на нас раньше, а не в феврале следующего года. Но дело в том, что недостаток транспорта и, вообще, в средствах доставки их армии, настолько был труден в России, что эта подготовительная работа требовала очень много времени. Кроме того, эта война показала, что указанное Геккером число войск едва успели сосредоточить к началу действий, а участие под Хашури большевистских войск, прибывших не останавливаясь прямо из Петровска, подтверждает эту мою мысль. Для Московского Правительства эта война была окраинная, война далекая от жизненных центров и висевшая, как на волоске, на одной железнодорожной ветви Ростов-Баладжары-Тбилиси. А известно, что война, когда театр войны удален от жизненных центров, когда сообщения с театром войны затруднительны, очень трудна для этих государств. Маленькая Япония решилась на войну с Россией, отлично учтя это обстоятельство. Если бы Сибирская железная дорога была двухколейная с провозоспособностью 30—40 пар поездов, Япония никогда бы не выступила на войну с Россией один на один, ибо Россия могла сосредоточить очень легко против Японии тройные силы. Англия с бурами, с горстью людей вела войну 2 1/2 года.

Таким образом надо признать, что с "маленькой Грузией" воевала не "Великая Россия" и что для последней эта война происходила в трудных условиях войны колониального характера. Если же взять во внимание только то число войск, которое участвовало со стороны России, то маленькая Грузия свободно могла бы выставить численно больше войск. Если же была бы произведена подготовка к войне, как это надлежит всегда понимать, если бы к войне готовились так, как нужно, то войска Московского Правительства или были бы сразу отогнаны, или Московское Правительство для подготовки войны должно было сосредоточить больше войск и следовательно наступление отложить на более или менее продолжительное время, или же война затянулась бы и при соответствующей подготовке могла превратиться в бесконечную. Могли же горцы Дагестана вести с Россией войну в течение 60 лет, будучи окружены со всех сторон. Могли

буры 2 1/2 года сопротивляться Англии, имевшей морские сообщения. Мы же и в этом отношении были в благоприятных обстоятельствах. Черное море не принадлежало Московскому Правительству; напротив, через Черное море мы могли получать средства борьбы. Но надо было готовиться к войне и 1) не жалеть денег, которые все равно потом истратили на пребывание за границей, и 2) не строить обороны на таких началах, на каких строило наше Правительство, включительно до организации войск на началах гвардейских.

К делу обороны страны у нас относились несерьезно. Мобилизация армии считалась единственной подготовкой к войне. Между тем таковая есть лишь последний акт в деле подготовки страны к самозащите. Ни подготовки государства в инженерном отношении, ни заготовки военных припасов и материальной части, ни плана войны, ни организации войск, позволяющей выставить сразу в поле большее число бойцов, ни мер к ускорению мобилизации, ничего, ничего не было сделано. Делегация Московского Правительства, находившаяся в Тбилиси, не могла не видеть неподготовленности нашей к войне и только поэтому наш противник считал, что для завоевания Грузии достаточно лишь несколько десятков тысяч бойцов.

Действительно, по нашей организации вооруженных сил у нас имелось 12 батальонов армии, которые по мобилизации разворачивались в 36 бат. 3-х ротного состава, т. е. около 21–22 тысяч штыков; Гвардии было 20–24 бат. силою около 10–12 тысяч штыков. Таким образом мы могли выставить всего 32–34 тысячи штыков. Это простая арифметика и Геккер, вполне правильно учитывая, что на нашей восточной границе из этого числа мы могли сосредоточить в лучшем случае лишь 2/3 наших сил, т. е. 22–23 тысячи, требовал себе 35 тысяч штыков, иначе говоря он достигал полуторного превосходства в силах. Треть наших сил, если не больше, была бы во всяком случае отвлечена действиями на нашей северной границе. Наша организация не позволяла привлечь к действиям остальной резерв наших запасных, иначе говоря, мы, благодаря нашей организации вооруженных сил, не могли использовать всю ту силу сопротивления, какую мог бы выказать народ. Итак, надо признать, что при соответствующей подготовке к войне, соотношение сил между "маленькой Грузией" и "Великой Россией" далеко не соответствовало понятиям "маленькая" и "Великая". Я не могу и не хочу касаться вопроса о подготовке к войне в полном его объеме и в деталях.

*
* *

Я позволю себе наметить основные этапы обороны нашей страны против тогдашнего противника. Прежде всего, должна была быть одна вооруженная сила и именно армия. Ее организация должна

была быть такова, чтобы мы сразу могли выставить в поле возможно большее число действующих штыков. Этого можно было достигнуть, имея в мирное время 20–25 бат., которые в зависимости от той или другой системы развертывания могли дать от 60 до 100 бат. Число 20–22 бат. не является для нас непомерным, ибо мы содержали 12 армейских и 20–22 гвард. бат. На дальнейших подробностях организации я не буду останавливаться. Затем Тбилиси должен был быть превращен в маневренный укрепленный район. Сила укреплений зависит от возможности силы противника и наличия финансовых средств. Не задаваясь широким масштабом, можно было бы все же усилить обороноспособность Тбилиси, примерно, как она была усилена в 1920-м году, когда были воздвигнуты укрепления левого берега Мтквари. Устроив укрепленные узлы обороны приблизительно в районе Лило-Махати и Кукийских озер, а также развив имеющиеся старые укрепления в районе Авчали на левом берегу р. Мтквари и в районе Мухат-Гверды на ее правом берегу, мы получили бы маневренный укрепленный район, упирающийся тылом в горы. Обойти этот район можно было бы или через Кахетию и Тианеты, и дальше на Душет, или через Манглис-Ахалкалаки-Боржоми. Этот обход противник мог бы предпринять лишь при значительном превосходстве в силах и такие действия явились бы для него весьма опасными, принимая во внимание активность войск со стороны Тбилиси и разъединенность операционных направлений от главного направления на Тбилиси. Для прикрытия мобилизации и развертывания должно было построить укрепления у Красного моста, в районе к юго-востоку от Садахло и на Сакараулис-Мта. Пойлинский мост обязательно должен был быть подготовлен к взрыву и устроить надмостные укрепления. Укрепления эти могли быть при той обстановке, какая создавалась, такого же характера, как и выстроенные уже, т. е. полевого типа, и не требующие особых затрат. Затем должен был быть укреплен Сурамский хребет, а также возведены укрепления на Зекарском и Годердзском перевалах, и на перевалах через Кавказский хребет. Должны были быть укрепления и на Гагринском направлении. Из этих укреплений, укрепления Сурамского хребта и на Зекарском и Годердзском перевалах могли быть поставлены во вторую очередь, однако все подготовительные работы должны были быть сделаны заблаговременно. Это черновая схема указывает, что главные действия должны были произойти в районе Тбилиси, а если противник позволил бы, то и к востоку от него. И только вычерпав здесь все силы обороны можно было продолжать оборону, базируясь на западную Грузию. Однако, вынужденные оставить Кахетию, где были бы развиты действия второстепенного значения, и Карталинию, надлежало заблаговременно организовать в этих областях действия на тыл противника, чему способствует горный и лесистый характер этих областей и особенно в Кахетии (Телав-Хевсуретия), а в Карталинии Триалети и Месхети. В даль-

нейшем, в случае невозможности удержаться на Сурамском хребте, оборону пришлось бы перенести, главную в Гурию и дальше в последний оплот Батуми, и вспомогательную в Сванетию. Но к таковому плану надо было готовиться заблаговременно и заблаговременно рассредоточить запасы, особенно боевые. Я считаю, что времени у нас для этого было достаточно за 2–3 года самостоятельности. А если изложенные мероприятия были бы приняты своевременно, то противник не осмелился бы начать войну по крайней мере теми силами, которыми он начал, а приготовиться к серьезному наступлению ему для сосредоточения достаточных сил пришлось бы отсрочить начало войны и это дало бы нам время для дальнейшей подготовки к войне. Надо было готовиться и готовиться серьезно, а не взывать к луне и звездам.

Вышеизложенные соображения и отсутствие мало-мальски серьезных мер к обороне страны и легли в основание высказанного мной взгляда пришедшему ко мне В. Джугели в ночь с 15-го на 16-е февраля, что война несомненно будет проиграна, но что во всяком случае драться надо, почему я и согласился вступить на службу. Все эти мысли высказаны, беря в соображение создавшуюся обстановку 1920–1921 годов.

После 16-го февраля 1921-го года было невозможно организовать сопротивление страны на высказанных соображениях. Не было ни времени, ни средств, ни вооруженных сил. Не имея войск и средств к борьбе нельзя было мечтать о выигрыше войны. Это не исключает возможности сопротивления народа, но другим способом, а именно организацией партизанской народной войны. Местный элемент нашей страны этому способствует. Но и эта последняя требовала подготовки заблаговременной. Иначе говоря, в плане обороны страны этот способ войны должен был быть установлен и своевременно должны были быть приняты меры на тот случай, если бы отражение противника не окончилось бы для нас благоприятно, т. е. если бы главные военные действия на полях сражений не дали бы победы над врагом.

Не останавливаясь на том общем вопросе, почему мы не оказались готовыми к войне 1921-го года, и кто был этому главным виновником (на этот вопрос мои воспоминания отвечают в целом), и остановившись лишь на самом начале войны и на времени непосредственно предшествующем ей, я должен признать, что вина лежит на всех тех, кто непосредственно, по своей должности, стоял у высшей власти. Что касается высших военных чинов, то, допуская, что вся обширная система подготовки страны в военном отношении ускользнула из их рук, я все же и представителям высшей военной власти не могу не поставить в вину того обстоятельства, что те средства, которыми они обладали, не были целесообразно использованы и также не были приняты те мероприятия, которые зависели всецело от них и только от них. Конечно, лучше драться с противником, вполне подготовившись, но это не знаменует, что, если не все у

тебя в готовности, то не надо принимать мер к наилучшему использованию имеющихся средств. В этом вина падает на Военного Министра с его двумя помощниками и на начальника Генерального штаба. Эти люди были ближайшими стражами обороны страны. Нравственная сторона ответственности с Военного Министра, как человека невоенного, отпадает; ему трудно было догадаться, что оборона страны не заключается только в мобилизации и в постановке тех или других полков там-то и там-то, будь то хотя бы угрожаемая граница. Тем более нравственная вина падает на военных представителей высшей военной власти.

Ошибки, допущенные ими, разбиваются на две категории: 1) на ошибки в период непосредственной подготовки и 2) на ошибки в руководстве с началом военных действий. К первым ошибкам надо отнести сначала отсутствие плана войны. Составление плана войны удел Генерального штаба, это есть его главная задача. Такого плана не было составлено ни в полном его объеме, ни схематически. Конечно, таковой план должен был быть составлен согласно директив, выработанных высшим учреждением. Однако, если этих директив не было, их надо было испросить. Непосредственным наблюдением за этой работой или, вернее, за тем, чтобы она производилась, являются два помощника Военного Министра, каждый в своей области. Их вина усиливается еще тем обстоятельством, что в ноябре была объявлена мобилизация и несмотря на то, что до февраля следующего года военные действия не были начаты, за это время в этом отношении ничего не было сделано. По-видимому считалось, что мобилизация и занятие частью войск угрожаемой границы и есть все в деле подготовки страны к обороне. В области составления плана войны был разработан лишь отдел мобилизации войск, но этот отдел сильно хромал. Например, запасные полки были образованы лишь моим приказом и во главе их поставлен ген. В. Цулукидзе. Не было принято мер к тому, чтобы запасы и материальная часть для прибывающих запасных хранилась при штабах батальонов. Конечно, я указываю лишь наиболее бросающиеся в глаза ошибки. Детальный разбор плана мобилизации выказал бы много других недостатков. В период непосредственный перед началом военных действий не было составлено плана предстоящих действий, т. е. какой образ действий предпринять в случае открытия военных действий и, следовательно, каков план сосредоточения и развертывания вооруженных сил; эта вина всецело падает на командование в лице ген. Одишелидзе, стоявшего во главе войск.

За время ожидания войны, с ноября по февраль, войска были развернуты на угрожаемой границе. Ясно, что это было сделано с тем, чтобы быть готовыми к открытию военных действий. Однако, несомненно, сами мы не рассчитывали начинать войну. Мы занимали

выжидательное положение и готовились к отражению противника путем парирования; пока противник не перешел бы в наступление, мы оставались бы неподвижными. Отсюда ясно, что и расположение войск, их группировка должна была соответствовать этому основному способу предначертанного нами образа действий. Было ли это сделано? Нет.

Войска на восточной границе были расположены следующим образом. В Лори 3 батальона Гвардии, около 1500–1800 человек; на Санаинском направлении 5, 7 и 8 батальоны. Я не знаю были они, как 3-х батальонные полки (вероятно нет) или как отдельные батальоны, а также входили ли в состав этой группы гвардейские батальоны или нет; во всяком случае должен признать, что эта группа была сильнее Лорийской группы. Следующая группа стояла у Красного моста; она была силой в 7 батальонов Гвардии и превосходила Санаинскую группу. Затем у Пойлинского моста стояли 2 гвардейских батальона и против Закатал 1 армейский и 1 гвардейский батальоны. Ближайший резерв этих групп, 1 батальон 1-го полка и Особый гвардейский стояли в Тбилиси. Караульный батальон не мог считаться боевой единицей для вывода в поле. Остальные войска были расположены на своих стоянках и не считались резервом для войск, развернутых на восточной границе; это подтверждается тем, что из этого источника был потребован за время с начала военных действий до 15-го февраля ночи лишь один батальон 9-го полка, расположенный в Батуми, и не были вызваны даже гвардейские батальоны из Гори. Таким образом главная масса развернутых сил находилась на границе на участке от Воронцовки до р. Мтквари у Красного моста. При этом, на этом участке Лорийскому направлению придавалось наименьшее значение, а Санаинскому и Красномостному придавалось большее значение, причем последнему Красномостному наибольшее. На это уже указывает и расположение Тбилисского резерва, который находился ближе всего к войскам Красномостного направления. Затем от Воронцовки до Пойлинского моста включительно командование было объединено в лице ген. И. Гедеванишвили. Это было совсем неправильно. Войска объединяются в командовании, когда для этих войск ставится одна определенная и общая для них цель. В настоящих условиях таковой единой цели не было, так как цели, могущие быть поставленными войскам этих четырех групп, не могли быть одни и те же. Главные две группы Санаинская и Красномостная стояли на двух различных направлениях и одна и та же цель действий не могла им быть поставлена. Устраивать взаимодействия этих сил постановкой им обеим одной общей цели никак нельзя было; у каждой из этих групп намечалась своя операционная линия наступательного и оборонительного характера. Эти направления, каждое в отдельности, приобретали значение вполне самостоятельное в вопросе обороны всей страны и постановка им целей и задач должна была быть в руках высшего

командования. Что касается Лорийского направления, то таковое являлось второстепенным и могло рассматриваться, как обеспечение правого фланга общего фронта, и следовательно таковое должно было находиться в руках также высшего командования, к тому же по своей удаленности от театра главных действий и по разъединенности от него громадным горным пространством, оно собственно оставляло самостоятельное направление. Ген. И. Гедеванишвили в деле обороны страны, как частный начальник, не мог быть воплотителем общей идеи обороны страны; таковым должен был быть сам Главнокомандующий. Вручив ген. И. Гедеванишвили почти все войска, предназначенные для действий на восточном фронте и на различных операционных линиях, Главнокомандующий оставил в своем распоряжении лишь незначительный резерв. Таким образом он отказался от личного руководства главной массой войск и при этом на самом важном направлении.

Рассмотрение предварительной группировки развернутых войск приводит к следующим выводам. Две наибольшей силы группы стоят на Санаинском и Красномостном направлениях со слабым резервом в Тбилиси. Эти главные группы находятся в распоряжении частного начальника ген. И. Гедеванишвили, который и мог ими руководить вполне самостоятельно. Главнокомандующий мог вмешаться, лишь вводя в дело свой незначительный резерв, который по своей малочисленности не мог быть вершителем боя на таком обширном фронте, как Воронцовка–Пойли. Резерв есть средство управления предстоящей операции, если обстановка требует выжидательного образа действий. Малочисленность резерва, могущего служить лишь только для парирования неблагоприятных случайностей, знаменует, что обстановка считается достаточно выясненной, что решение уже принято, что всем частям боевого порядка даны задачи, поставлены цели, что намечен главный удар, что остается только действовать, т. е. что настал последний акт удара и все брошено на весы.

Таково ли было положение? Конечно, нет. Обстановка далеко не была выяснена и, как известно, мы находились в выжидательном положении. При таком положении надо было иметь сильный резерв. Повторяю, что части остававшиеся на территории не считались в резерве для действий на восточном фронте, да и не могли вовремя явиться на поле предстоящего сражения. Каковы же были намерения главного командования? Что хотело предпринять оно с началом военных действий. На этот вопрос ответить нельзя. Вручив почти все войска ген. И. Гедеванишвили, Главнокомандующий этим отказывался самолично управлять действиями этих войск, а оставив себе незначительный резерв, лишил себя возможности оказать решительное влияние на ход этих операций. Я не знаю, какие инструкции

были даны ген. И. Гедеванишвили, а этим последним начальникам Санаинской и Красномостной группы. Может письменные документы осветили бы что хотел и чего добивался Главнокомандующий.

Во всяком случае расположение войск и их первоначальные действия указывают, что определенного плана предстоящих действий также не было. И вот почему. С началом действий Красномостная группа была двинута на помощь Санаинской группе. Направление, которому за день до этого придавалось такое громадное значение, что на этом направлении была сосредоточена наиболее сильная группа, оголялось. Чего же хотело Главное командование, сосредотачивая сильную группу на этом направлении и при первых же выстрелах оголяя это направление. Не сумею ответить. Я не касаюсь детального расположения этих групп. Знаю, что в период с ноября по февраль Главнокомандующий ездил туда и, значит, подробное расположение войск не только на карте, но и на местности не могло ускользнуть от его глаза. Не вдаваясь в то, по чьему приказанию было оголено Красномостное направление, по приказанию Главного командования или по приказанию ген. И. Гедеванишвили, все же таковая перегруппировка не могла не быть известной Главному командованию и, если последнее не было с этим согласно, оно могло и должно было не позволить этого.

С открытием военных действий главное командование начало усилять разбитый Санаинский отряд пакетами из своего незначительного резерва и только израсходовав его, взяв даже 2 роты караульного батальона, только тогда, уже 15-го февраля, оно вызвало из Батуми батальон 9-го полка. При этом, усиляя пакетами этот отряд, ген. И. Гедеванишвили ставилось задачей "перейти в наступление". Это не есть руководство. Случилось то, что должно было случиться, когда главное командование в выжидательном положении начала боевых действий оставляет в своем личном распоряжении столь малочисленный резерв, что вводом его в дело не может оказать влияния на ход боя или операции.

Итак, подводя итоги недочетам, имевшим место за ближайший к началу военных действий период, надо указать: 1) отсутствие плана войны, 2) неправильное развертывание сил, нет почти резерва, 3) отсутствие плана предстоящих военных действий, 4) объединение командования различных операционных направлений, 5) отказ Главного командования от личного руководства на главном театре военных действий, 6) оголение Красномостного направления, 7) отказ от привлечения к полю сражения войск, расположенных на остальной территории (вызван только один батальон), 8) усиление войск Санаинской группы пакетами, 9) неправильная постановка задач ген. Гедеванишвили, а именно "перейти в наступление", каковое по обстановке являлось не целесообразным и не соответствующим.

*
* *

Таковы были недочеты и ошибки, совершенные в ближайший перед войной период и в начале ее. Они привели к полному поражению большей части наших войск; из числа войск, выдвинутых на фронт Воронцовка—Красный мост и принявших бой 16-го февраля, вернулось в Тбилиси более или менее в порядке около 600—700 человек, составлявшие остатки 12—15 единиц. Это решило кампанию. Я уже подсчитывал, что осталось не тронутым этим поражением. Здесь я перечислю их. Это были: 1 бат. 4-го полка, 1 бат. 9-го полка, 1 бат. 10-го полка, 1 бат. 11-го полка и 1 бат. 12-го полка, Военная Школа, главный контингент которых составляли только что призванные молодые; из этого числа 1 бат. 11-го полка не мог успеть подойти к Тбилиси и прибыл лишь в Хашури в момент, когда мы там находились, а бат. 12-го полка, как разбитый на части и стоявший в Ардагане и на Минглисе, должен был быть совсем исключен из числа действующих войск. Итого 4 батальона и Военная Школа. К этому надо добавить 2 Горийских гвардейских батальона, Батумский и Ахалцихский гвардейские батальоны, итого 4 батальона, а всего 8 батальонов и Военная Школа. Поражение же понесли: 1 бат. 1-го полка, 5, 7 и 8 полки армии и вся Гвардия, за исключением вышеперечисленных, Сухумского, 2-х бывших на Пойлинском направлении и одного Кахетинского: итого 4 армейских и 13 гвардейских, а всего 17 батальонов, считая все силы в 12 армейских и 24 гвардейских батальонов, т. е. 3/4 из того числа, которое могло участвовать в боях только на восточной границе, и не менее половины всех вооруженных сил Республики.

Каковы же были общие причины нашего проигрыша войны? На этот вопрос отвечают мои воспоминания в целом. Теперь я обобщу выводы. Буду останавливаться лишь на фактах, последовательное перечисление каковых является показателем действительных намерений правящих.

Вооруженные силы суть оплот государства; они являются защитником своего государства и служат для него железной оградой, за которой народ предается мирному развитию своих сил. Вооруженные силы и их устройство должно привлекать всемерное внимание правящих, дабы обеспечить народу спокойную жизнь. Вместе с тем армия является отражением всех свойств своего народа, ибо она рождается из него, она есть кровь от крови, плоть от плоти его. Как в зеркале армия отражает в себе все положительные и отрицательные стороны своего народа и степень ее могущества и боеспособности соответствует силе и степени развития внутренних сил народа. В момент могущества или слабости народа, в момент наивысшего развития своей культуры или упадка, армия в такие же моменты соответственно или достигает наивысшей силы своего развития

или идет к своему упадку. Этот закон настолько непреложен, что по армии, как по термометру, можно судить о степени могущества и развития сил народа. Веяния, которыми охватывается народ, сейчас же находят свое отражение в армии. Это явление дает себя особенно чувствовать в народах с представительным образом правления. В странах с абсолютным монархическим правлением принимаются меры к изолированию армии от внутренней жизни государства; однако, так как армия и здесь составляется из того же народа, из тех же единиц, то внимательный исследователь и здесь в армии найдет те же явления, и этот закон остается верным и в монархических странах.

Это явление и было следствием того, что в России в 1917-м году, армия вся присоединилась к революции, чего она не сделала в 1905-м году, когда эти новые веяния еще не успели пройти в толщу народа. Были и другие причины такого единодушного присоединения к революции, но это была ее главная причина, это была основа всех остальных причин. Хладнокровный и беспристрастный критик вооруженной силы, армии народа, исследующий ее свойства и, значит, исследующий ее внутреннюю жизнь, всегда может верно определить степень состояния внутренних сил народа, который в вооруженных силах выказывает свои черты и свое развитие наиболее резким, бросающимся в глаза, образом. Тот тон, который берется в отношении вооруженной силы, то направление, которого придерживаются правящие в своих мероприятиях по отношению к ней, те условия, в какие ставится армия, защитница народа, и характеризуют создавшееся положение весьма рельефным образом.

Вот почему, исследуя все, что происходило в наших вооруженных силах, их душу и мероприятия, принимаемые в отношении их правящими, и можно судить о том, что делалось правящими и что происходило в недрах народа. Здесь и можно найти общие причины, которые послужили причиной нашего поражения.

К этому я и приступлю. Прежде всего я остановлюсь на вопросе, хотели ли правящие создать вооруженную силу, считали ли они, что вооруженная сила является необходимостью для жизни государства. На этот вопрос дать ответ определенный и ясный, положительный или отрицательный, нельзя. Правящие, как представители новых веяний, новых учений социализма, по существу своего учения были противниками войн и, следовательно, разрешение спорных международных отношений основывали на началах разрешения их мирным путем. Однако, действительность жизни показала, что мир далеко не достиг такого развития, чтобы спорные вопросы могли разрешиться иначе, как вооруженной рукой. Это обстоятельство, это, так сказать, сама жизнь продиктовала им признавать вооруженную силу. Однако, они это признавали, как злую необходимость. В той

обстановке, в какой произошла революция, они видели, что поражение России привело бы ее к порабощению, к гибели. Вот поэтому, с началом революции российские социалисты, и меньшевики среди них, объявили себя сторонниками продолжения борьбы с Германией. Но это они сделали, скрепя сердце. Подобная же обстановка была в Грузии, где непосредственная опасность грозила со стороны Турции и, конечно, России и своих соседей. И вот в Грузии социалисты-меньшевики, бывшие здесь господами положения, стали на ту же дорогу и сделались сторонниками вооруженной силы, но против своей воли.

Казалось бы и начинать делать это дело. Но нет, они признали, что вооруженная сила должна существовать, но хотели ее организовать на "новых" началах, иметь в ней прежде всего поддержку режима. Имея очень смутное понятие о революционной армии времен великой французской революции и полагая, что эта революционная армия представляла нечто новое, они и здесь, в Грузии, стали категорически отвергать те устои и ту организацию, на которых должны быть построены вооруженные силы, и стали искать новых путей к созданию вооруженных сил "по-новому". Это стремление видно ясно; оно проявлялось всегда и подчеркнуто в моих воспоминаниях. Еще в декабре 1917-го года военная секция нашего Национального Собрания стала на ту точку зрения, что в армии нашей должны быть допущены комитеты и партийность. Это искание новых путей проявилось и в той критике, которую высказали члены исполнительного комитета Национального Собрания по проекту организации армии, представленному Военной комиссией. Симптоматична фраза Н. В. Рамишвили, сказавшего, что в этом проекте все больше старое и очень мало "нового". Однако, во время второго заседания, когда нависла непосредственная турецкая опасность, было решено этот проект принять. За это стоял глава соц-демократической партии. Однако, это решение было не искреннее, проект был похоронен и вновь стали искать "новых начал", на которых должна была построиться новая вооруженная сила. И нашли. Появившаяся из революции "Красная Гвардия" была переименована в "Народную". Это была та новая вооруженная сила, которая удовлетворяла понятиям правящей партии для организации армии. Несмотря на всю абсурдность организации вооруженной силы на началах Гвардии, эту последнюю стали укреплять всеми способами. Конечно, она не выдержала первых же боевых испытаний, но на это закрыли глаза.

ГЛАВА XXVII

ГРУЗИНСКАЯ НАРОДНАЯ ГВАРДИЯ

Что из себя представляла гвардейская организация? Каковы ее качества? Действительно ли этот род войска представлял новую военную организацию, никогда не виданную миром. Мы знаем по истории прошедших времен много различных систем организации вооруженных сил, а также отрицательные и положительные качества этих систем. Войска организовывались по следующим системам: 1) Наем, 2) Вербовка, 3) Рекрутчина, 4) Система кадров и 5) Милиция. Рассмотрим эти системы и посмотрим к какой системе гвардейская организация может быть отнесена? Черты какой системы она в себе воплотила? Тогда ясно видны будут все ее качества и что можно было бы ожидать от нее. Кроме указанных систем, в старину была еще одна система, а именно военная каста (всадники), на которую ложилась тяжесть войны и которая занимала в государстве привилегированное положение. На этой системе останавливаться не буду, так как эта система давно отжила; скажу только, что всякая каста с закрытым в нее доступом остальных классов обречена на вырождение.

1. *Наем.* Эта система появилась почти повсеместно в момент укрепления центральной власти, когда власть утверждала в своем государстве свое положение и пользовалась для этого наймитами. Постепенно их стали употреблять и для войны с внешними врагами. В это время служба основывалась не на обязанности защищать родину и не на долге каждого гражданина, а на денежном вознаграждении, единовременном и ежемесячном. Качество такого рода войск: 1) Боеспособность весьма низкая, сравнительно с войсками национальными, ибо дрались за деньги, а не за идеалы; особенно, если наймиты были чужой национальности. Были, конечно, случаи честно-

го исполнения принятых на себя по контракту обязательств, но это были отдельные случаи. 2) Переход на сторону противника, предлагавшего большую плату и лучшие материальные условия, были нередки, причем бывали случаи такого перехода во время боя. Заключенный контракт не всегда являлся гарантией. 3) Наем являлся большим государственным расходом и тяжело ложился на население. 4) Дисциплина была основана не на чувстве долга, а на боязни начальника, на палке капрала. 5) Нравственный уровень состава естественно был весьма низкий, ибо на продажность шли люди лишь с невысокими идеалами. 6) При встрече с народными, национальными войсками обыкновенно были биты. 7) Отсутствие доверия начальников к своим подчиненным.

2. *Вербовка.* 1) Нравственный состав был еще ниже, чем наймитов, ибо для вербовки прибегали к различным обманам, к напаиванию, к приманкам и пр. 2) Отличительной чертой вербовочных армий были грабежи, насилия, что делало их для своего населения такими же страшными, как войска противника. 3) Разнородность состава вредила крепости, спаянности отдельных единиц, а следовательно боеспособность была весьма низкая. 4) Дезертирство, оставление рядов было обычным явлением и начальники даже после победы часто оставались без войск; после поражения люди обычно разбегались и войско переставало существовать. 5) Необходимость лучшего материального обеспечения вызывала содержание больших обозов. 6) Содержать войска местными средствами нельзя было, ибо развивались дезертирство и грабительство, а большие обозы связывали свободу действий начальников. 7) Большой денежный расход. 8) Отсутствие доверия начальников к своим подчиненным. 9) Дороговизна, массовое дезертирство во время боя и отсутствие доверия побуждало начальников избегать открытого боя и война сводилась не к уничтожению врага, а к овладению теми или другими городами, крепостями и пр. 10) Дисциплина была палочная. 11) Так как при вербовке организация войск поручалась тому или другому лицу, то получалась зависимость правителя от этого лица.

3. *Рекрутчина.* 1) Национальный облик армии делал войска более боеспособными. 2) Уровень состава войск был ниже того, который могла бы дать страна, ибо помещики назначали в войска по своему усмотрению, а следовательно старались сбыть с рук худший элемент. 3) Пожизненность службы давала возможность внедрить чувство долга. Взятый в солдаты не мог уже вернуться на родину и постепенно вырабатывались войска спаянные. Однако, бывал большой процент престарелого возраста. 4) Дисциплина палочная.

4. *Система кадров.* 1) Обязательность военной службы; в основу кладется обязательность для каждого гражданина защиты своей родины, своего государства, своего народа. 2) Обязательность служ-

бы приводит организацию армии к системе вооруженного народа. 3) В основу дисциплины кладется чувство долга, чувство своих обязанностей перед родиной и народом. Палка, как насаждение дисциплины, применяется в странах с низкой культурой. 4) Установленный срок службы в войсках отрывал население от мирного труда лишь на некоторый период. 5) Нравственный облик армии сильно повысился и соответствовал нравственному облику всего народа, а не его части, и притом худшей, как было при вышеперечисленных системах (наем, вербовка, рекрутчина). 6) Перестали бояться открытого боя; благодаря пользованию местными средствами, способность к передвижениям и к маневрированию увеличилась, что привело к сокращению продолжительности войны, этого тягостного для населения явления. 7) Готовность к войне увеличилась, ибо каждый гражданин был уже воспитанный и обученный воин. 8) Однородность войска и пребывание под ружьем делали войска более спаянными и следовательно более боеспособными. 9) Доверие начальника к своим войскам стало полным.

5. *Милиция.* 1) Обязательность военной службы. 2) Вооруженный народ. 3) Дисциплина основана на чувстве долга, на чувстве обязанностей перед родиной, государством, народом; но срок, необходимый для воспитания солдата, значительно меньше, чем при системе кадров, в силу чего дисциплина теряет. 4) Краткий срок службы отрывает население от мирного труда на меньшее время, чем при системе кадров. Однако, связанная с этим меньшая, чем при системе кадров боеспособность приводит в случае встречи с войсками организованными по системе кадров, к поражению (в 70 г. Фр.-Прус. война, 2-я половина). 5) Краткость службы понижает обучение войск и их маневрирование, этот венец боевого обучения. 6) Технические войска, благодаря краткости службы, более слабого качества, чем при системе кадров. 7) Спаянности частей почти нет. 8) Меньшая готовность к самозащите. 9) Денежный расход в общем не ниже расходов, вызываемых системой кадров. По смете 1912-го года процент расхода, производимого Швейцарией на Военное Ведомство, уступал Германии и Австрии лишь незначительно и превосходил остальные государства.

Из рассмотрения вышеизложенных систем не трудно прийти к заключению, что наиболее предпочтительной является система кадров. И действительно эта система принята почти всеми государствами; исключение составляют лишь государства, находящиеся в особых политических и географических условиях.

Рассмотрим теперь нашу гвардейскую организацию. Прежде всего надо сказать, что в этой организации отсутствовала обязательность военной службы, т. е. не всякий должен был служить в Гвардии, а служила лишь часть населения, иначе говоря делался из населения известный отбор (Гвардия). Этот отбор у нас делался на основании принадлежности или сочувствия социалистической партии. Таким

образом наша Гвардия являлась войском одного класса и именно исповедующего идеи социализма. Проникнутая идеей защиты интересов лишь одной части населения она, конечно, и прежде всего служила этим частным интересам, а не интересам всего народа, всех его классов. Поэтому она могла выказать боеспособность, известную силу сопротивления, лишь в тех случаях, когда боевым столкновением она могла добиться цели своих классовых интересов. При столкновении с внешним врагом с теми же идеями, были случаи отказа ее от боя или весьма слабого сопротивления. Иначе говоря, лучшие материальные блага и господство (диктатура пролетариата) являлись приманками и внутренним двигателем этого рода войск, и в этом отношении этот род войск нес в себе черты войск вербовочного характера. Однако, вышеназванные двигатели для создания Гвардии у нас оказались недостаточными. Несмотря на то, что гвардейский солдат получал более значительное денежное вознаграждение за время нахождения на службе, что условия его жизни под знаменами были значительно легче, что условия его довольствия были обставлены лучше, все же в 1920-м году летом выяснилось одно обстоятельство. В Совет Государственной обороны была внесена просьба штаба Гвардии выдать один миллион для увеличения денежного довольствия гвардейцев, в виде наградных, дабы этим удержать их на службе. Иначе говоря, в закрытом виде устанавливался наем. Раз устанавливался наем, надо признать, что этот род войск должен нести в себе и черты наемного войска. Отвергая идею обязательности службы, эта система по своему духу не может быть сравнена с войсками организованными по системе кадров или по системе милиции. Таким образом эта система вооруженных сил несла в себе черты войск, организованных по способу вербовки и найма, с той особенностью, что она в то же время являлась войском лишь одного класса, это была опора власти. Это были преторианцы. Они занимали при наших правящих такое же положение, как преторианцы при римских императорах. Они были так же привилегированы и надо было считаться с этим и уступать их требованиям, как это было в отношении преторианцев. В начале революции это войско было в весьма незначительном числе, всего несколько сот человек. Можно допустить, что это были люди, преданные своей идее, но с течением времени количество их увеличилось до нескольких десятков тысяч. Эти уже не были идейными представителями своего учения, это были люди, которых заставили поступить в гвардейцы другие стимулы, как-то лучшие материальные блага, привилегированность положения у себя в деревне, легкость службы под знаменами, возможность избежать пребывания под знаменами в регулярных войсках. При мобилизации различные льготы на местах, большая для них легкость получить ту или другую административную должность и прочие приманки. Недостаточность их с течением времени сделала то, что в 1920-м году за недостатком пополнения потребовали от Военного

Ведомства несколько тысяч из контингента ежегодного призыва молодых, чем они еще раз нарушили положения, на основании которых они существовали. Но с этим не считались. Итак, надо признать, что Гвардия по своему духу и организации была войско вербовочное, наемное и классовое и, следовательно, должна была нести в себе и черты этих систем организации войск и с течением жизни превратилась в преторианцев.

Теперь обратимся к самой организации. Способствовала ли ее организация уничтожению или уменьшению тех отрицательных качеств, которые сопутствуют вышеназванным системам или, напротив, благоприятствовала их развитию. Комплектование было территориальное. Эту данную надо считать положительной. Но это только в том случае, если она проведена была бы в полном виде и так, как при системе кадров. Но и здесь был проведен принцип классового отбора. В Гвардии в мирное время, так сказать на службе, держались кадры в самых незначительных размерах. Командир батальона, незначительная часть офицеров, еще менее унтер-офицеров, вот все, что имела Гвардия. Остальная часть, т. е. почти все, поступали в часть при мобилизации и одновременно устанавливались командные отношения. Ясно, что авторитета начальников не могло быть. Эта авторитетность не может появиться вдруг; она является иногда плодом долгой службы, продолжительного воспитания в условиях пребывания под знаменами. Чувство долга, чувство обязанностей службы не всегда являются данными, гарантирующими дисциплину и авторитетность начальников даже среди людей с высшей интеллектуальным развитием. Необходимы для создания авторитетности начальников дисциплина и другие мероприятия. Какая же авторитетность могла быть у начальников, назначенных лишь при мобилизации, когда могли быть не редки случаи по условиям жизни в деревнях или пребывания на фабрике и заводе подчинения этих начальников тем лицам, которые с мобилизацией являлись их подчиненными. Кроме того, между ними могли существовать различные экономические отношения, ставящие одних в зависимость от других. Эти данные сказывались на дисциплине казаков, несмотря даже на то, что казаки под знаменами проводили продолжительное время. Отсутствие авторитетности начальников, отсутствие воспитания во время пребывания под знаменами, отсутствие уважения и чинопочитания начальников, в связи с отсутствием наказаний за нарушение обязанностей и правил службы, приводили к падению дисциплины, этому главному устою всякой даже не военной организации. Быстрота мобилизации, т. е. готовность к бою, что является благоприятной данной территориальной системы, была лишь кажущаяся, так как нередки были случаи, когда тот или другой гвардейский батальон не мог дви-

нуться с места своего формирования на 10–12-й день после объявления мобилизации.

Говоря о территориальности системы комплектования нужно упомянуть про артиллерию и конницу, которые комплектовались по системе кадров, и условия внутреннего порядка желали многого. Эти части составляли исключение. Я не останавливаюсь на технических войсках, так как таковые в Гвардии были едва в зачаточном состоянии. Конница содержалась в постоянном составе и это обстоятельство сразу давало себя чувствовать. Эта часть была лучше, в смысле внутренней их жизни и в смысле боевом. Однако способы управления, установленные Гвардией, и здесь не могли не принести свои плоды. Итак, территориальность системы не принесла ожидаемых результатов.

Теперь обратимся к организации и управлению гвардейских единиц. Гвардейская система организации – это система отдельных батальонов. Однотипного штата батальонов не существовало; сила этих батальонов была различная, в зависимости от района комплектования и его населенности. Обыкновенно они составляли 3–4 роты с пулеметной командой. Периодического призыва для обучения не существовало. Батальоном организация кончалась. Батальоны не были сведены в высшие организационные единицы. Все батальоны, артиллерия, конница и технические части подчинялись непосредственно Главному штабу Гвардии. Во время боевых действий батальоны сводились в отряды, начальников и штабы которых приходилось импровизировать уже во время военных действий. С объявлением мобилизации штаб Гвардии принужден был обращаться к Военному Ведомству за назначением тех или других лиц для начальствования сводимых батальонов. Конечно, Военное Ведомство ставилось в трудное положение ибо командировать кого-либо без вреда делу нельзя было. Эти лица отрывались от своего прямого дела. Общий беспорядок, отсутствие дисциплины, присутствие второй власти (штаб Гвардии) побудило многих старших офицеров отклонять такие назначения. Таким образом гвардейские части жили каждая своей жизнью; объединяющего начала не только в разных родах войск, но и в пехоте не существовало. Все гвардейские части – пехота, конница, артиллерия и технические части – объединялись в главном штабе Гвардии. Этому штабу подчинялись непосредственно до 40 и более отдельных единиц, что было не только громоздко, но в военном мире признается абсурдной организацией. Управление страдало двойственностью власти. Наряду с командным составом существовал другой корпус управления. Это был штаб Гвардии. Они состояли при каждом батальоне и отдельной части. Лица состава штаба Гвардии назначались Главным штабом Гвардии и подчинялись, если такое слово можно употребить, непосредствен-

но штабу Гвардии. Функции этих двух властей не были разграничены. Это не была власть строевая и хозяйственная, или власть дисциплинарная и судебная, как в Военном Ведомстве, или хотя бы власть политическая и военная, как у большевиков. Это была другая власть, которая признавала командный состав постольку, поскольку это отвечало ее желаниям. Если Главный штаб Гвардии считал своей обязанностью вмешиваться не только в компетенцию Главнокомандующего, но и в действия Правительства, то можете себе представить, что получалось в жизни таких мелких единиц, как отдельные батальоны. При этом надо отметить, что эти части появлялись собственно с объявлением мобилизации, каковое обстоятельство еще более усложняло взаимоотношения этих двух властей. Вмешательство, совещания, соглашения, всякие компромиссы были бесконечны в жизни Гвардии, даже во время боев.

Итак, Гвардия это войско классовое, с характером вербовочного и наемного. Воспитание, как мы понимаем, отсутствовало; дух же Гвардии от верхов до самых низов разлагающе действовал на душу будущих бойцов. Неисполнение приказаний, обсуждение их, требование их изменить, требование смены в корне подрывало и уничтожало дисциплину, а отсутствие последней приводило к самовольному оставлению позиции, к грабежам, к поджогам и насилиям.

Обучение, конечно, отсутствовало. Никаких маневров, занятий, стрельбы и лагерей не существовало. Доверия между начальниками и подчиненными, этого краеугольного камня для насаждения дисциплины, не было, ибо начальники и подчиненные встречались лишь перед самым боем. Не было доверия также между различными родами войск и между различными единицами, так как знакомства и ознакомления между ними не было. Управление было коллегиальное, подчиненность двойственная. Нарушен был в корне принцип единоначалия, без которого не может существовать армия. Вмешательство же штаба в распоряжения и действия начальника вконец подрывало их авторитетность и дисциплину, эту душу армии и пагубно отражалась на их боевых операциях. Все эти условия организации и управления создавали массу людей без дисциплины, внедряли в нее своеволие и разлагающе действовали на всю массу нашего населения. Чувство любви и обязанности перед родиной, необходимость порядка, признание авторитета властей в корне подрывались в народе этой организацией. Неся все отрицательные качества войска классового, вербовочного и наемного, этот род войск не являлся защитником родины; он был грозным для внутренней жизни государства и голос председателя Главного штаба Гвардии звучал диктаторскими нотами.

Правительство неоднократно склоняло голову перед требованиями штаба Гвардии. Таким образом довольно значительная часть бойцов Грузии, ее защитников, воспитывалась самым разлагающим

образом. Интересы класса, вербовочность и наем в корне подрывали идею защиты родины и гвардейцы не знали, что прежде всего надо защищать — родину или свои личные и классовые интересы. Скажу больше. Те условия, в которые их ставили правящие и штаб Гвардии, напротив, им указывали, что первый и главный их враг — это буржуазия. Это ставило их в ненормальные условия и защитники Грузии, т. е. сама нация не могла выказать всю ту силу сопротивления, которую она проявила бы, если бы их поставили в нормальные, выработанные жизнью условия для обороны своей родины.

Ко всему этому надо добавить еще одно. Развитие Гвардии способствовало одному отрицательному явлению в жизни государства. Гвардия постепенно расширялась, умножалась, увеличивалась и захватывала фактическую власть в государстве. Оно было войском классовым, представляло так называемый пролетариат и, следовательно, фактически привело к диктатуре пролетариата. Я укажу на то, что это доминирование, этот захват власти одной группой населения должен был привести к противодействию остальных групп и слоев народа. Несомненно, с течением времени, другие группы населения, не исповедующие идей Гвардии, сорганизовались бы и, как показывает история, это явление привело бы к братоубийственной войне и междуусобице, что особенно вредно было бы для такого маленького государства, как Грузия и так заманчиво было бы для соседей грузинского народа. Таким образом гвардейская организация была вредна во всех отношениях. Она подрывала силу обороны страны, развращала армию и население, и должна была привести к полному развалу государства. При боевой встрече с большевиками, которых главный враг была буржуазия и лозунги которых были вкуснее лозунгов меньшевиков, рядовые бойцы сбивались с толку, не знали, где их враг, перед ними или сзади них. Поэтому гвардейцы неоднократно отказывались от боя с большевиками, воевавшими так же, как они против буржуев.

В этой организации утверждались идеи социализма. Нельзя было не видеть, что эта организация не может служить защитницей родины, что она не может не превратиться в преторианцев. Но зато, это было средство принудительного насаждения своих идей в население, оно было защитницей новых социалистических веяний, оно было опорой социалистической власти. Какое же заключение можно сделать? Интересы партийные, интересы новых течений, представителями которых были правящие, брали верх над интересами государственного характера.

Однако, небоеспособность Гвардии, выказанная неоднократно в боях, заставила многих среди правящих встать на защиту армии и допустить организовать и ее. Но только допустить. Но ее организацию правящие не хотели доверить не социалистам, и поэтому

правящие лично вмешивались в ее устройство. В организацию армии введены были насколько возможно начала Гвардии. В высшем управлении была допущена такая организация, как Военный Совет, подобие главного штаба Гвардии. Правда, у него не было органов штаба Гвардии, но коллективность в смысле инспекторской власти была допущена. Затем был допущен опять коллективный орган "Военно-хозяйственный комитет". Военно-хозяйственный комитет подчинялся Военному Совету, этот же последний никому не подчинялся. Взаимоотношения между Военным Министром и его помощниками во время войны, Главнокомандующим с одной стороны и Военно-хозяйственным комитетом не были определены. В отношении офицеров был принят шаг, допущенный в Гвардии: чины были отменены. Содержание офицерам постепенно прибавлялось в зависимости от вздорожания жизни и этим пользовались, чтобы постепенно уравнять содержание всех командных степеней. Войска не были объединены в одном лице; была сделана в этом отношении слабая попытка в лице второго помощника, но таковой не пользовался полнотой власти и разделял ее с другим помощником, как помощником Военного Министра по хозяйственной части, должность, которая ввиду существования подчиненного Военному Совету военно-хозяйственного комитета, казалось, была уже лишней. Забота об обороне страны почти отсутствовала. Армейские склады пустовали; но гвардейские напротив изобиловали. Это изобилие было настолько значительное, что Гвардия, начавшая свое существование несколькими батальонами, развилась до 24-х батальонов, т. е. раза в 4—6 более, чем было определено законом. Невнимание к армии, а следовательно к обороне страны, было доведено до того, что Военное Министерство было подчинено Министру Внутренних Дел и Просвещения. И это происходило в такой момент жизни народа, когда этот последний был непрестанно вынуждаем к своей защите вооруженной рукой.

*
* *

Военный суд был изъят из под власти Военного Ведомства и передан в Министерство юстиции. Дисциплинарный устав, тот самый, который служит основой насаждения дисциплины, души армии, не был издан. Пенсионный устав задерживали изданием в законодательном порядке и лишь в силу того, что он не соответствовал духу социалистических реформ. Суд чести, этот контролер и корректор морали и воинских доблестей офицерского состава, был уничтожен в силу той же причины. Офицерский состав, этот носитель высокой идеи защиты государства, был постепенно низведен на ступень рабочего; в офицерских кругах иронически поговаривали об установле-

нии 8-ми часового рабочего дня. Таковы были мероприятия официального характера; мероприятия эти ясно подчеркивают тон, взятый правящими в отношении армии. Меры характера неофициального, меры свидетельствующие об этом тоне, еще более рельефны. Во главе одной из дивизий (а всего их было три) было поставлено лицо штатское, когда-то бывшее военным, и это после большой Европейской войны, выдвинувшей среди грузин-офицеров целую плеяду способных генералов. Такое явление можно объяснить только тем, что это лицо принадлежало к социалистической партии. Я знаю случай, когда один полковник был изгоняем сначала со службы, но затем, записавшись в социалистическую партию, был сделан командиром полка. Вообще же все, что не сочувствовало социалистическому движению, изгонялось из армии. Напрашивается не в пользу нас сравнение с большевиками.

Если сравнить все, что делалось по отношению к армии и по отношению к Гвардии, то придется против всякой воли прийти к заключению, что последняя была баловнем, а первая пасынком. Какие бы споры ни случились между армией и Гвардией, таковой определенно решался в пользу Гвардии. Какое-либо преступление, злоупотребление или проступок, совершенный в армии, ставился сейчас же в вину всей армии, а вывозимые Гвардией с театра военных действий целые обозы с награбленными коврами и всяким имуществом никто не замечал; Гвардия была безупречным учреждением. В моих записках приведено очень много примеров, подтверждающих сказанное. Итак, в деле организации вооруженных сил, красной нитью проведено стремление правящих поддержать и развить все, что способствовало насаждению и укреплению социализма в ущерб государственному строительству. Несомненно и в других отраслях государственного управления проводилась та же идея. Привилегии рабочим сыпались, как из рога изобилия; рабочий в Тбилиси получал фунт хлеба за 5 рублей в то время, как всякий другой обыватель должен был платить 120–150 рублей. Обыватели и армия ели черный хлеб, но Гвардия всегда белый. Выборы в представительные учреждения были основаны на таких началах, что 90 % всего населения оказались социалистами, между тем можно сказать, что более 90 % не понимало, что такое социализм. Правящая, главенствующая партия в самообольщении думала, что их пропаганда попала на благодарную почву в населении и таковое восприняло их идеи. Я говорю "в самообольщении", ибо если она так думала, то самообольщалась. Вернее же будет сказать, что пользуясь своей распространенной и сильной организацией, она пользовалась этой властью, чтобы показать то, что она хотела показать. Во главе всех учреждений ставились социалисты; эти учреждения заполнялись социалистами; эти лица должны были всюду насаждать и проводить свои идеи. Настроение народной массы вовсе не было таковым. Масса грузинского народа вовсе не социалисты и вряд ли имеет склонность к таковому.

*
* *

Однако народ шел за правящими и поддерживал их. Что же была за причина. Грузинский народ тысячелетиями был независим; тысячелетиями он боролся за свою землю, свободу и независимость. Этот народ все свое существование провел в войнах; он был окружен со всех сторон врагами и, не склоняя головы перед многочисленным врагом, он с оружием в руках отстаивал свое существование, свою свободу, веру и достояние. Неравенство сил не страшило этот народ. Борьба за эти идеалы превратилась в культ любви к родине, в патриотизм. В народе на редкость много оказалось этого чувства. Любовь к родине есть залог к преуспеянию народа и нельзя не присоединиться к словам Рузвельта, президента того, а не этого. Он сказал: "Человек, любящий все страны, как свою, такой же вредный член общества, как тот, кто любит всех чужих жен, как свою". Идеи космополитизма, идеи любви всего человечества никогда не могут быть заложены в основание строения своего государства. Новые веяния социализма, проповедывающие эти идеи, идеи рабочего интернационала и пр. оказались настолько не жизненными, что повсеместно вызвали обратное явление, а именно, народы стали объединяться по своим национальностям и Россия распалась на национальные единицы.

Социализм свои положения устройства жизни основывает лишь на материальной стороне человеческой жизни, лишь на материальных взаимоотношениях людей, и остается без внимания духовная жизнь человека. Таким образом моральная сторона человека в забвении. Между тем духовная сторона и есть настоящий двигатель человеческого прогресса. Свои идеи социалисты принуждены распространять за пределы той или иной нации и, следовательно, учение их является интернациональным. Любовь к своей родине, к своей нации потрясена в корне. Материальная сторона человеческой жизни довлеет. Человек погрязает в искании материальных благ в ущерб своему духовному развитию, и мораль постепенно падает. Наши правящие социалисты, начав с проповеди "единого всероссийского социалистического и революционного фронта", после неудачи неукротимо продолжали проповедь "единого Закавказского фронта" и затем только жизнью были принуждены обратиться к забытой Грузии. Я знаю, что перед объявлением независимости Грузии, глава нашей соц-демократической партии и некоторые из видных ее лидеров во Франции голосовали против таковой независимости. Но народ, несмотря на более чем столетнее пребывание под властью России, был в глубине души патриотичен; он любил родину, любил Грузию. Это чувство в нем дремало и с началом революции оно

проснулось. Народ чувствовал и знал могущество России, и с робостью шел на эту новую дорогу самостоятельности; он чувствовал всю опасность, ибо ясно сознавал, что окружен врагами. С робостью он вступил на эту дорогу, но затем природная любовь к родине укрепила в нем желание самостоятельности и сейчас, несмотря на нашествие большевиков, это чувство в нем не только не ослабло, но, напротив, еще более окрепло, как реакция против чужеземного владычества. Чувствуя всем своим существом свое бессилие перед Россией, народ все свои надежды возлагает на Запад; оттуда он ждет избавления от русского владычества. Народ не верит в русских "большевиков", он видит в них насильника его воли, его свободы, его независимости. Вот это чувство, эта любовь к родине и повела народ за правящей партией.

Идеи социализма ему не только неизвестны, но чужды его мировоззрению. Если допустить, что в России не было бы абсолютной монархии и что Грузия не была бы под властью России, то можно высказать уверенность, что идеи социализма не получили бы распространения даже в западной Грузии, где условия жизни более располагали народ к восприятию этих идей. Здесь, ввиду недостатка земли, больше было людей, добывавших себе пропитание не обработкой земли, но главным образом другими путями. В России социалист и революционер были синонимом. Каждому ясно, что эти понятия не тождественны. Всякий социалист и именно в России был революционер, но не каждый революционер был социалистом и это вполне понятно, ибо в России царствовала монархия. Всякий революционер мечтавший о свержении этой власти не был социалистом. Свержение монархии было целью и тех, и других, и объединяло эти группы. Но когда разразилась революция и эта власть была свергнута, социалисты и революционеры разделились; даже социалисты в стремлениях своих установить жизнь на тех или других социальных началах не только разошлись, но образовали различные группы, вражески настроенные друг против друга. Вот поскольку правящая партия шла к самостоятельности Грузии, постольку она влекла за собой все силы грузинского народа. Дворянство, офицерство, интеллигенция, крестьяне, промышленники, торговый элемент, рабочие, все встало на сторону правящей партии захватившей в начале революции власть в Закавказьи, а потом в Грузии, и говорящей о независимости Грузии. В Грузии они вручили народу самостоятельность и показательно, что красный флаг долго развевавшийся над Учредительным Собранием, был постепенно заменен нашими национальными цветами. Дворянство безропотно пожертвовало свои земли, свое достояние и не оказало никакой оппозиции правящим; оно не хотело идти к старому из-за того же чувства любви к родине, ее самостоятельности. Офицерство, служилый народ и интеллигенция, также проникнутые этим чувством, шли за правящими и шли бескорыстно, ибо вознаграждение за службу не

могло удовлетворять их нужд даже первой необходимости. Торговый и промышленный элемент, несмотря на то, что социалистическое направление управления Грузией угрожало их материальному положению, также не нашли среди себя людей, желающих выступить с борьбой против правящей партии. И здесь горела любовь к родине. С режимом соглашались, лишь бы была Грузия. Что касается крестьян, то таковые естественно должны были идти за теми, кто оказался у власти и кто, вручая им освобождение от всех тягостей чужеземного режима, объявил независимость родины и обольщал заманчивыми программами. Даже рабочие, среди которых главным образом уже задолго велась соц-демократическая пропаганда, и эти были обуреваемы патриотическим чувством. Рабочих сравнительно было мало. Я помню, ко мне в Военную Школу приходили гвардейцы-рабочие и долго стояли на плацу, и прямо наслаждались, видя и слыша обучение на родном языке. Они мне выражали неоднократно свои патриотические чувства, говоря, слава Богу, теперь обучение идет на нашем языке.

Грузия шла за правящей партией, ибо эта последняя вела ее даже против своего желания, но силою обстоятельств к независимости. Этот язык был всем понятен и все шли за теми, кто отвечал на их душевные стремления, дремавшие в глубине их патриотических сердец. Вовсе не склонность к социализму повела народ за правящей соц-демократической партией, а идея освобождения Грузии, идея самостоятельности ее и любовь к родине. Только эти чувства повели весь народ за правящей партией.

Вначале было много вспышек против Правительства. Этим вспышкам придавался характер якобы большевистских выступлений. Нет, это не то. Народу не были понятны мероприятия социалистического характера и этими вспышками народ выражал свое неудовольствие. Однако, с течением времени правящие должны были отказаться от проведения в жизнь в чистом виде своих социалистических идей и этим они положили предел этим выступлениям. Соц-демократическая партия была сильна своей организацией и это обстоятельство дало ей возможность захватить власть в Грузии. Вначале она не пользовалась симпатией, но чем больше она проникалась бы идеями националистическими, тем больше у ней оказывалось бы сторонников. Власть видела это и потому организовала своих гвардейцев-преторианцев.

Утверждение власти правящей партии у нас не вызвало таких кровопролитий, какие произошли в России. Российская революция началась без крови. Политическая революция, свержение монархии, произошло так мягко, как ни в одной стране. Однако, в дальнейшем, борьба за власть, борьба партий за утверждение именно их программы, привела к такому пролитию крови и к такому поло-

жению, что эта революция может быть названа для русского народа бедствием. Вожаки революции теперь сознаются, что, если бы они знали, во что превратится революция, какие формы она примет и какие бедствия она принесет России, они никогда бы не начинали революции. Я говорю про вожаков соц-демократической партии, видные представители которой силою обстоятельств оказались во главе русской революции. Быть может, они это выражают только потому, что окончательно власть оказалась в руках их партийных противников. А если бы власть осталась в их руках, может быть они и не раскаивались бы. В Грузии такой борьбы партий не произошло во-первых потому что соц-демократическая партия была доминирующая по своей организации, а во-вторых, и главное, все слои грузинского народа, проникнутые патриотизмом, видели в этой революции явление, способствующее возрождению Грузии, возрождению народа в национальном духе и возрождение независимости родины. Несмотря на то, что социалистические идеи не служат насаждению патриотизма среди народа и несмотря на то, что соц-демократическая партия уже десятки лет вела пропаганду среди грузинского народа, этот последний после революции выказал всю силу дремавшего в нем чувства любви к родине. И слава Богу.

*
* *

Государство может существовать, когда оно может себя защищать от посягательства на него других народов. Оборона же страны зиждется на вооруженной силе и на чувстве любви к родине, к свободе; внешняя политика является фактором, облегчающим задачу вооруженных сил. Любовь к родине должна насаждаться в народе; это дело семьи и школы. Любовь к родине и вытекающее из нее чувство долга перед отечеством являются фундаментом не только обороны страны, но и дальнейшего развития ее духовных сил. Это чувство не насаждалось и не развивалось в народе правящей партией. Напротив, некоторые мероприятия служили обратному, достаточно указать симптоматичный факт. Михайловский проспект был переименован в Плехановский; это новое название ничего не говорило ни уму, ни сердцу грузина. Наряду с этим из названия одной из школ имени царя Ираклия II, указание имени этого последнего героя Грузии, было вычеркнуто.

Я сам слышал речь В. Джугели к гвардейцам, отправляемым на Гагринский фронт. Он говорил с балкона штаба Гвардии, а я жил напротив. Он закончил: "но помните, что ваш первый враг есть буржуазия". Знаменательное напутствие для идущих в бой против чужеземной силы, также имеющей врагом эту буржуазию. Портрет же Маркса носили при всех церемониях и демонстрациях, как свя-

тыню. Этот Маркс не пролил ни одной капли чернил за дело освобождения Грузии и всюду чествовался, а наши герои, проливавшие кровь и отдававшие за свою родину свою жизнь, пребывали в забвении. Народу правящие всегда говорили о всемирном пролетариате, о рабочем интернационале, но вызвать его к патриотизму не заботились. Конечно, такое направление общей политики не могло служить делу утверждения государства как национальной единицы. В наших войнах народ выходил на поле брани для защиты от врага, посягавшего на его свободу, на его достояние; между тем идеи рабочего интернационала, идеи борьбы с капиталом, идеи общности интересов мирового пролетариата сбивали его психологию и он не мог разобрать кто же его настоящий враг, тот, кто напал на него или "буржуй", который жил с ним бок о бок в его стране. И это положение вещей создавали в момент, когда государство лишь начало формироваться и когда это формирование происходило в период наших непрестанных войн. Вот это неправильное направление общей политики правящей партии и является основной причиной нашего поражения. Все остальные причины вытекают из этой. Доминирование партийной программы над программой государственного строительства и привело к нашей гибели. Я уже не буду говорить о том, что эта программа соц-демократической партии оказалась бессильной справиться с задачами государственного управления. Она обанкротилась в деле устройства вооруженной силы и в деле финансово-промышленного ведения государственного хозяйства. Рабочий класс жил за счет имущих классов, положение рабочих и крестьян как будто улучшилось, но оно улучшилось за счет запасов имущего класса; эти же запасы не могли быть неистощимыми и в Грузии разразился финансовый крах. Никакой внешний заем не мог спасти государства, ибо ведение государственного хозяйства, его торговля и промышленность не могли не идти к упадку, раз не отказались от ведения их согласно социалистических начал. Наша правящая партия во многом отказывалась постепенно от своих руководящих начал; жизнь диктовала. Однако они боролись с этим повелителем, но не шли навстречу ему. Вот эта борьба с неодолимым и является показателем того, что, быть может, наши правящие и были прекрасными социалистами и лично полны энергии и благих желаний, но они далеки были от идеала государственного строительства. Никакой оппозиции, никакого даже уравновешивающего корректора не было.

Учредительное Собрание, выборы куда были сконструированы так, чтобы туда попало возможно большее число социалистов и особенно соц-демократов, состояло из более чем 90 % соц-демократов. Решения Учредительного Собрания были заранее предрешены постановлениями в соц-демократической фракции и заседания этого

законодательного учреждения были простой формальностью. Даже в самой соц-демократической партии не было проведено корректирующего начала; напротив, все меры были приняты к тому, чтобы таковое не имело места: одни и те же лица заседали и в Правительстве, и в центральном исполнительном комитете партии, и в исполнительном комитете Совета рабочих депутатов. Здесь единство было обеспечено; именно там, где таковое не должно иметь места. Фактически власть законодательная, судебная и исполнительная были обеспечены в лице одной и той же силы, одних и тех же представителей соц-демократической партии. Там же, где таковое объединение необходимо для плодотворной работы, в Военном Ведомстве, там было сделано обратное. Кто был ответствен за действия и дела Военного Ведомства? Такого лица не было. Отвечали, и одновременно не отвечали, и Военный Министр, и его два помощника, и начальник Генерального штаба, и Хозяйственный комитет, и Военный Совет.

Здесь нельзя не упомянуть и про штаб народной Гвардии. Это было учреждение особое. Власть в государстве, фактическая, была в его руках. Только благодаря этому явлению штаб Гвардии согласно своего постановления о трудовой повинности мог хватать граждан на улицах Тбилиси и отправлять их, как арестованных, в Караязы на работы. Учредительное Собрание, устроитель жизни народа, и Правительство, исполнитель воли Учредительного Собрания, оказались бесстрастными свидетелями такого проявления своеволия штаба народной Гвардии.

Соц-демократическая партия родилась и развивалась в Западной Грузии, там было больше почвы для этих идей; в Восточной Грузии мало было воспринявших эти идеи. Захватив власть и стремясь больше к пропаганде своих идей, чем к государственному строительству, соц-демократическая партия всегда в учреждения, даже выборного характера, проводила своих членов. В погоне за этими местами представители Западной Грузии становились соц-демократами и занимали учреждения, управления и канцелярии. Принадлежность к соц-демократической партии давала право быть выдающимся администратором, отличным инженером, прекрасным канцеляристом и судьей, и даже военным стратегом. Восточная Грузия в этом отношении оказалась заселенной людьми из Кутаиси и это обстоятельство дало повод одному обывателю сострить, что улицы Кутаиси поросли травой. Близорукость, недальновидность лидеров соц-демократической партии в деле государственного строительства, неудержимое увлечение исповедуемыми идеями и сильное поклонение Марксу и привели нашу страну к гибели. Выпавшая на их долю задача оказалась им не по плечу.

ГЛАВА XXVIII

Прибытие и пребывание в Константинополе. – Положение эвакуированных. – Некоторые инциденты в Константинополе. – Составление списков лиц на иждивении Правительства

ПРИБЫТИЕ И ПРЕБЫВАНИЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Теперь я перейду к дальнейшим воспоминаниям. Путь от Батуми до Константинополя мы сделали менее чем в трое суток. 21-го марта утром мы вошли в Босфор. Погода была прекрасная и мы совершили путь очень спокойно. За этот переезд у Председателя Правительства все время происходили совещания. В этих совещаниях принимали участие члены Правительства и их ближние. Главнокомандующий не приглашался. О чем там говорили? Надо думать там обсуждались дальнейшие мероприятия и очевидно эти мероприятия должны были быть в секрете от военных и в частности от меня. Ясно было, что там готовится что-то, против чего я мог протестовать. Так оно и вышло. На "Кирали" ехал также ген. Одишелидзе. Он несколько раз обращался ко мне с тем, чтобы я выяснил положение военных. Я отвечал, что таковое выяснено постановлением Правительства. Он возражал, что это постановление ничего не значит, что они все время собираются и что-то решают, и, весьма возможно, отменят таковое. К сожалению, он оказался прав. В Батуми было издано постановление Правительства, по которому Главнокомандующий, его штаб и 50 офицеров эвакуируются с целью продолжения борьбы и берутся на иждивение Правительства.

В конце нашего путешествия ген. Одишелидзе сказал мне, что на этих заседаниях, он наверное это знает, решено всех военных зачислить в иностранный легион. Я был крайне удивлен не только такому решению, но тому, что оно было принято даже без моего уведомления. Я решил поговорить об этом с Председателем Правительства. Я его застал на палубе и спросил, почему меня не пригла-

шают на заседания, хотя бы на те, где решаются судьбы военных. Председатель Правительства ответил, что вопрос об участи военных очень простой и что их решено всех определить в иностранный легион; затем он добавил, что последняя война выяснила, что наше Военное Ведомство оказалось никуда не годным и что в иностранном легионе военные чему-нибудь научатся. Действительно решали просто. Трудно было не возмутиться таким примитивным и простым решением. Не всегда в простоте гениальность. Я возразил, что годилось ли Военное Ведомство в том смысле, как воевали военные, или оно не годилось, этот вопрос не решается так легко; что я понимаю, что для обучения наших военных можно отдавать в различные школы, но не понимаю, чему они могут выучиться в иностранном легионе сверх того, что знают по своей службе в русской и грузинской армиях; что отдавать целую корпорацию на службу в чужую страну, как пушечное мясо, вряд ли допустимо, не спросив согласия тех, кого это касается; что только Николай I подарил Прусскому королю целую батарею, да и то офицеры были из нее изъяты, и что такое решение демократического правительства вряд ли может считаться демократичным; что военные сделали в этой войне все, что могли, и если он, Председатель Правительства, недоволен Военным Ведомством, то военные тут ни при чем, ибо вооруженную силу, армию, устраивали не военные, а "Вы", как сказал я. Эти обвинения на военных были так чудовищны, что нельзя было спокойно их слушать, и наш разговор, естественно, обоих волновал. Я говорил повышенным тоном. Подошел Е. П. Гегечкори и спросил, в чем дело. Председатель Правительства ответил: "Георгий Иванович вечно с претензиями", – и ушел, вернее убежал, в свое помещение.

Эта фраза характеризовала наши прежние отношения. Мое всегдашнее нежелание устраивать военную систему, как ему хотелось, оказалось "вечными претензиями". Оказывается, у меня "претензии" и только потому, что я протестовал против такого решения относительно военных, решения достойного лишь Николаевских времен и такого ни на чем не обоснованного обвинения Военного Ведомства.

Так мы приехали в Константинополь. С Председателем Правительства я больше не разговаривал до моего приезда в Париж.

Вообще отношение ко мне правящих порождает во мне одну безобразную мысль. Задумавшись над всем, что происходило в Батуми, поведение их становится для меня подозрительным. В Батуми любезны, приглашают на заседания, предупредительны, а на пароходе уже ни одного слова, как будто я не существую. Затем, объявляют 18-е марта днем погрузки, а садятся сами 17-го вечером и мне ни слова не говорят, хотя я рядом в вагоне; на пароходе лишь в последнюю минуту находят мне каюту.

В Константинополь мы приехали 21-го марта и остались на паро-

ходе до следующего утра. Утром 22-го марта на пароход приехал адмирал Пеле. Он пробыл у Председателя Правительства, а затем уехал. Сейчас же выяснилась причина его приезда. Большие люди, окружающие Правительство, стали говорить, что Пеле от имени французского правительства передал приглашение Правительству переехать в Париж; эти же большие люди говорили, что Пеле приглашал и Главнокомандующего. Не знаю, верно ли последнее. Допустим, что Пеле не указал Главнокомандующего, но Правительство, если бы не было обуреваемо враждебными чувствами к последнему, несомненно, должно было отнести это решение и ко мне, и вряд ли французское правительство было бы против приезда в Париж Главнокомандующего. На другой день наш консул прибыл на пароход и объявил нам всем, чтобы мы пожаловали в консульство, где семьям будет помещение, а мужчины должны отправиться в Грузино-католический монастырь. В консульстве моей семье и семье ген. Чхетиани была отведена одна комната с одной кроватью, а я и ген. Чхетиани расположились в Грузино-католическом монастыре, где мы поместились в одной комнате с Арсенидзе, министром юстиции; затем через несколько дней к нам присоединились ген. Бакрадзе и еще один господин. В этой комнате я прожил 2 1/2 недели. С утра, выпив чай, я и ген. Чхетиани отправлялись в консульство, где проводили время до обеда, после которого часам к 9-ти мы должны были быть в монастыре, где в это время запирались двери. В консульстве же поместились Н. В. Рамишвили с женой и семья Е. П. Гегечкори. Я должен указать, что не все мужчины, согласно нам объявленного, поместились в монастыре. Так сам Председатель и Е. П. Гегечкори остановились в гостинице. Также расположились не в монастыре В. Джугели, Б. Чхиквишвили, Хомерики и др. В консульстве все время проходило в заседаниях. Обсуждались меры, которые должно было принять для ожидаемых эвакуированных на "Марии" и "Весте".

В ожидании нашего прибытия в Константинополь местными грузинами был организован комитет, в который вошли ген. Мдивани, И. Кемулария, Дзнеладзе, остальных не помню. Надо было приискать прибывающим помещения. Решено было обратиться за помощью в американский комитет. Одновременно стало известным, что Правительство уезжает в Париж. Некоторые члены Правительства столовались в консульстве, где столовался и я, и ген. Чхетиани с семьей. За столом часто бывали стычки на словах, с одной стороны я, а с другой стороны правящие, эти господа не жалели едкостей. В этих словах с их стороны высказывалось недовольство военными. Нашли козла отпущения. Обстановка и отношения становились все напряженнее. Узнав, что Правительство уезжает, я высказал Н. В. Рамишвили свой взгляд, что не годится всему составу Правительства уехать сразу, не дождавшись эвакуированных. Не знаю, в силу этого ли, но уехали Председатель Правительства с Е. П. Гегечкори

и К. Б. Сабахтарашвили; Н. В. Рамишвили и Канделаки остались в Константинополе. Когда Председатель Правительства и Е. П. Гегечкори уезжали, я в числе других поехал на вокзал проводить их. Я это делал, так как считал, что Главнокомандующий должен проводить отъезжавшее Правительство. Теперь я об этом жалею. На вокзале Председатель Правительства, прощаясь, сказал мне: "Пишите, Георгий Иванович, если что Вам понадобится, пишите". Мы расстались.

ПОЛОЖЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ

Прибыли эвакуированные; сначала прибыла "Веста", а затем "Мария". С "Марией" в дороге что-то случилось; говорили, не то авария, не то недостаток воды заставил ее зайти в один из турецких портов, кажется в Самсун. Я не знаю наверное, но, кажется, по хлопотам наших власть имущих, французским командованием было послано приказание пересадить всех с "Марии" на "Мингрель". Это было сделано и приехавшие потом рассказывали о грубостях, каким они были подвергнуты во время этой пересадки, произведенной к тому же ночью. Как потом выяснилось никакой нужды в этой пересадке не было.

Американский комитет между тем откликнулся и эвакуированные по приезде были перевезены на берег Босфора к северу от сел. Кавак, контрольного пункта, где проверялись все суда, как входящие, так и выходящие из Черного моря. Туда заблаговременно ездил Б. Чхиквишвили осмотреть будущие помещения и, приехав, объявил, что туда нельзя поместить и собак, настолько помещения не соответствовали жилью. Однако поиски других мест не дали результатов и эвакуированных американцы перевезли туда; туда же повезли и продовольствие. Я лично провожал эту партию часть дороги. Их всех отвезли на пароходиках сначала на пункт, где отобрали все оружие, а затем уже повезли к месту назначения.

Между нем наряду с местной комиссией, в состав которой входили ген. Мдивани и др., была образована другая, так называемая беженская комиссия. Я об ней узнал от Б. Чхиквишвили, который мне сказал, что постановлением Правительства образована комиссия, председателем которой назначен он, и что я должен назначить туда военного; я назначил ген. Чхетиани. Эта комиссия должна была заботиться о беженцах. Она соединилась с комиссией ген. Мдивани.

Через день или два после отъезда Председателя Правительства в консульстве было вывешено объявление, где было кратко указано, что все служащие увольняются от службы и что все они зачисля-

ются отныне "беженцами". Нашли определение гражданского состояния. Такое распоряжение было неправильным, ибо "беженцы" те, кто своей волей бросает территорию под натиском противника, но служащие, вывозимые распоряжением правительства, никоим образом не могут рассматриваться, как беженцы. Это было незаконное и своевольное нарушение прав служащих. В комиссии я, конечно, протестовал против этого, но Правительство уже уехало; оно предусмотрительно обеспечило себя от этого протеста. Я все же сказал об этом Н. В. Рамишвили, который обещал по приезде в Париж доложить это Правительству и выражал свое мнение, что возможно это и будет исправлено. Конечно, это не было исправлено и только после моего первого письма из Константинополя Председателю Правительства из Парижа было прислано указание, что "беженцев" считать "эмигрантами". Когда Н. В. Рамишвили уезжал, то мы имели с ним разговор, где он обещал между другими вопросами возбудить вопрос о командировании старших офицеров в различные страны для изучения постановки военного дела. Не знаю возбуждал ли он этот вопрос. Я впоследствии несколько раз возбуждал этот вопрос, но все оказалось тщетным, хотя на пароходе "Кирали" Председатель Правительства мне выразил свое мнение, что наше Военное Ведомство оказалось никуда не годным и казалось, исходя из государственных расчетов, следовало бы дать возможность, по крайней мере, старшим офицерам "поучиться".

Уезжая Правительство оставило две комиссии: одну под председательством Б. Чхиквишвили, так называемую "беженскую", другую под председательством К. П. Канделаки "правительственную"; последняя ведала вывезенным имуществом и имела наблюдение за беженской комиссией. Правительственная комиссия состояла из К. П. Канделаки, министра финансов, Г. Эрадзе вновь пожалованного званием Министра Труда, вновь, ибо он не входил в Батуми в состав Правительства после его сокращения, П. Сургуладзе, М. Церетели и наш консул в Константинополе. В состав этой комиссии входил также Б. Чхиквишвили. При этой комиссии была образована канцелярия в составе Н. З. Элиава и Гегелашвили. Мне было сказано, что хотя я не член этой комиссии, но имею право, как Главнокомандующий, участвовать в обсуждениях этой комиссии и возбуждать вопросы, которые я нахожу нужными подвергнуть общему обсуждению. В. Джугели также пользовался такими правами. Кроме этих комиссий был назначен К. Г. Гварджеладзе, как главноуполномоченный Правительства. На него было возложено сношение и связь с иностранными представителями в Константинополе.

Фактически в заседаниях вышеупомянутых комиссий принимали участие, по давно принятому обычаю, все, кто хотел принимать участие; надо было только быть политическим деятелем, т. е. принадлежать к партии соц-демократической. Через несколько дней после отъезда Правительства правительственная комиссия Канделаки

сообщила мне письменно копию приказа Правительства, подписанного Председателем Правительства. В этом приказе было сказано, что ввиду "демобилизации армии" я увольняюсь от своей должности. Иначе говоря я тоже был превращен в "беженца".

Этот акт Правительства требует того, чтобы на нем несколько остановиться. По своей внешности, по тому, как это было сделано, т. е. подписать приказ и лично в лицо не сказать, и объявить его мне только после своего отъезда, этот акт сам по себе свидетельствует об отсутствии у этих людей знания простых правил приличия; но это можно простить людям из Ланчхут. Однако он заставляет призадуматься и над многим другим. Если не только не объявляют в лицо, но даже принимают меры к тому, чтобы Главнокомандующему это стало известным лишь после отъезда Правительства, это знаменует, что издавшие такой приказ чувствуют всю неправоту этого акта, всю боязнь сказать это в лицо. Ведь этот приказ касается Главнокомандующего, именно того лица, распоряжения которого на театре военных действий всеми исполняются, как распоряжения Правительства, т. е. он был уравнен в правах с Правительством в целом. Затем он и по существу был неправилен, ибо армия не была демобилизована, так как в момент отъезда она вступила в бой с кемалистами. Наконец, объявить человеку, что его вывозят, как Главнокомандующего, и затем по приезде в Константинополь отдают тайно от него приказ об его низложении, вряд ли такой поступок этичен для кого-либо из людей, руководствующихся правилами принятых между людьми отношений, а тем более, когда таковое производится таким лицом как Правительство.

С формальной стороны этот приказ был неправилен, ибо никакой демобилизации не было, и если этот приказ отдавать, то его надо было отдать в Батуми одновременно с приказом о демобилизации, но никак не в Константинополе. Очевидно в Батуми было несколько боязно это сделать. Я возбудил этот вопрос в правительственной комиссии, считая мое присутствие на заседаниях излишним. Мне ответили, что это простая формальность и что положение мое, как Главнокомандующего, остается неизменным. Действительно, так и относились ко мне. Меня даже просили принять под мое наблюдение общий лагерь и установить там порядок не только среди военных, но вообще среди всех беженцев. Меня всюду и официально, и не официально называли Главнокомандующим; уже в апреле, а затем в июле наше официальное учреждение, наше генеральное консульство в Константинополе, мне выдавало удостоверения, где я назывался Главнокомандующим войсками нашей Республики. Скажу больше, заседания Правительственной комиссии приурочили к дням и даже к часу моего приезда из деревни, куда я переселился 9-го апреля.

Итак, какую в действительности цель преследовало Правительство, отдавая этот приказ. Впоследствии я письменно спросил об этой цели Председателя Правительства, но ответа не получил. Конечно, ничем не вызывалась такая необходимость. Не могло это быть и наказанием или отставлением за неспособностью от должности, как это было сделано с ген. Одишелидзе. Если бы этим руководствовались, то это следовало сделать в Тбилиси или после Тбилиси, или до Батуми, или в Батуми, но никак не в Константинополе. Остается допустить одно. Это было проявление личного недружелюбия, враждебности, мстительности за то, что я был прям и, может быть, резок в личных разговорах, что я откровенно указывал допущенные ошибки и творимые несправедливости. Совершить этот акт в Батуми нельзя было; его можно было совершить лишь в обстановке, позволяющей не только увернуться от личного объяснения, но и в обстановке полной обеспеченности. В Батуми я мог свободно их всех арестовать; судили меня по себе. Это их действие могло явиться лишь удовлетворением низменных побуждений и это было настолько очевидно, что даже здесь, в Париже, многие среди них, как Чхенкели, Е. П. Гегечкори и другие продолжают меня считать Главнокомандующим и в лицо подтверждают мне это.

С юридической стороны этот акт был так же незаконен. В Батуми Правительство было сокращено до числа 4-х членов. Всем, кого сократили, это было объявлено. Военный Министр и два его помощника были сокращены. Мне ничего не сказали, а напротив говорили, что Главнокомандующий должен выехать. Следовательно, то совещание, которое сократило Правительство, оставило Главнокомандующего. Таким образом Правительство в новом составе, как вышедшее из старого, уже не имело права сократить Главнокомандующего, как оставленного Батумским совещанием. Напротив, тот факт, что Батумское совещание не сократило Главнокомандующего, указывает на то, что это совещание оставление этой должности считало необходимым. Сокращая Главнокомандующего в Константинополе, Правительство этим показало, что оно поступает вопреки ясно определенного желания старого Правительства, т. е. совершило акт и по существу и по форме незаконный. Но разве эти люди считаются с чем-нибудь? Последующее поведение Правительства по отношению ко мне более рельефно подчеркнуло враждебность его отношения ко мне. Итак, вернусь к воспоминаниям. Лагерь, отведенный для беженцев, состоял из полуразрушенных казарм, где не было ни дверей, ни окон, ни нар. Американцы дали инструмент и некоторое количество инвентаря. Окна затянули бязью. Матрасы набили, чем могли. Устроили кухню. Ввиду недостатка помещений американцы дали палатки, сначала одну, потом другую. Мужчины, женщины и дети принуждены были жить в общем помещении. Были еще полуразрушенные казармы на горе в одной версте от берега, но их занять нельзя было, ибо там воды не было. Все же

одна группа поместилась там. Продовольствие подвозили американцы. Комендантом лагеря мной был назначен ген. Чхеидзе. Жизнь там была очень неприглядная. Так как для некоторых "беженцев" были отведены помещения в грузино-католическом монастыре, то человек около ста помещались там; многие не поехали в лагерь, часть вернулась оттуда, ибо не могла выдержать жизни в лагере. Многие семейные, в виду полной необорудованности лагеря и недостатка там помещений, принуждены были остаться в городе и ютились где попало.

Беженская комиссия прежде всего решила разослать всем анкетные листы. Предполагалось спросить всех, кто к чему способен, а затем приспособить всех к работе. Этот путь был правильный. Если бы Правительство те деньги, что израсходовало на беженцев, употребило бы с целью поставить этих последних на ноги, то, конечно, за один год все, кто не отказался бы от работы был бы у того или другого дела. Надо при этом сказать, что 4–5 месяцев беженцев кормили американцы. Я не знаю, какие причины заставили американцев прекратить довольствие, но знаю, что они были очень недовольны тем, что беженцы не приспособляются к работе. Какие переговоры велись нашей беженской комиссией с американцами оставалось тайной и, несмотря на мои попытки, в эту тайну я не мог проникнуть. Но могу указать один характерный факт. Это было уже в июле или в августе.

Консул мне сказал, что американцы дают 6000 турецких лир для беженцев, но с условием, что эти деньги пойдут на какое-либо предприятие для беженцев. Вел эти переговоры ген. Мдивани. На одном из заседаний, о котором я скажу ниже, по докладу ген. Мдивани выяснилось нечто иное, и я так и не мог добиться ни от консула, ни от ген. Мдивани, чего же собственно хотели американцы. В окончательном виде было объявлено, что это дают американцы для ликвидации своей помощи. Между тем, в числе этих денег, кажется, 600 турецких лир давали американцы для грузинского клуба, открытого группой беженцев. Затем, по одной версии юнкера лишались этой помощи, по другой они получали ее. Наконец, говорилось, что американцы дают не 6000 турецких лир, а всего около 3000, а что остальные не то дает Правительство, не то консул заимообразно где-то достает. Трудно было разобраться в действительности; знаю, что эти 6000 превратили в 3000 после того, как проект консула дать 3000 лир одному арендатору имения Мамулайшвили не прошел.

Итак, была сначала хорошая идея, а именно путем анкеты выяснить и помочь стать на ноги, кто на что способен. Затем это сейчас же наши правящие бросили и обратились к другому способу, а именно, тем или другим способом избавиться от беженцев. И вот начали

действовать. Объявили, что Правительство, согласно постановления в Батуми, оставит на содержании только 50 военных; остальные же будут предоставлены самим себе, при этом возвращающимся на родину будут давать 15 лир. В это время в Константинополе оказался Модебадзе, представитель большевистского правительства, который обеспечивал всем даровой проезд, да еще давал три лиры на дорогу. Это было сделано нашими правящими непосредственными переговорами с Модебадзе, представителем наших врагов; но надо было избавиться от беженцев и такое сношение с нашим врагом не считалось предосудительным. Многие отозвались на эту приманку; среди офицеров таковых оказалось мало. Затем многие стали получать деньги под видом отъезда, но не уезжали и эти 15 лир превратились в законную выдачу для всех. Я думаю, редкий из беженцев не воспользовался этим. Этот вопрос от "анкеты" к "избавлению" от беженцев произвел полную бестолочь. Были такие, которые добились получить под видом ссуды вспомоществования для открытия того или другого дела, как то хлебопекарни, прачечной, швейной и пр.; затем они же получили на дорогу и так называемые американские ликвидационные; многие ничего из этих денег не получили. Так велись дела.

Беженская комиссия возбудила вопрос о назначении беженцам, взятым на иждивение Правительства, карманных денег. Была определена после споров, в которых я был единственным протестующим, норма нижеследующая. Все были разбиты на 4 категории. Первая категория юнкера и солдаты получали 3 лиры в месяц; обер-офицеры 4 лиры; штаб-офицеры 6 лир; генералы 8 лир. На членов семьи прибавлялось по 2 лиры. Не военные приравнивались к военным по своим должностям. Это постановление, это разделение по степеням не вяжется с основным приказом, превращающим всех в равных беженцев. Я требовал несколько больше; по моему проекту генерал получал 12 лир, штаб-офицеры 8 и обер-офицеры 6 лир.

Я должен нарисовать общую обстановку, создавшуюся в Константинополе с прибытием беженцев. Эвакуированные, прибыв в Константинополь, увидели отсутствие заботы о них со стороны Правительства; если бы не было американцев, я не знаю, чем бы все это завершилось. Беженцы собирались у консульства и выражали свое неудовольствие открыто; их успокаивали. Беженцам предлагалось отправляться в лагерь, где ничего не было устроено, и объявлялось, что они не будут получать вспомоществование, если не поедут в лагерь, где по словам того же председателя беженской комиссии и собакам нельзя было жить. Наряду с этим семейным стали давать деньги для проживания в городе. Так как часть семейных жила в лагере, то естественно это вызывало неудовольствие тех, кто жил в лагере в условиях, конечно, тягостных.

НЕКОТОРЫЕ ИНЦИДЕНТЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Одновременно разнесся слух, именно слух, иначе не могу назвать, слух о злоупотреблениях на "Марии" и "Весте". Говорилось о кражах и продажах, производимых на этих судах; обвиняли офицеров и администрацию судов. Говорили все: и члены обеих комиссий, и консул, и многие другие, фамилии которых не знаю. На этой почве у меня произошла стычка с Хомерики. Я был в консульстве; ко мне подошел Хомерики с кем-то, фамилии которого не знаю, и сказал, что на кораблях допущены злоупотребления, что хищения продолжаются и надо немедленно арестовать Микеладзе, который продавал с корабля государственное имущество. Надо сказать, что в Морском Ведомстве было два Микеладзе; один был начальником штаба командующего флотом, а другой, его брат, был на должности агента; этот другой никогда не служил в грузинских войсках и был назначен на свою должность перед эвакуацией командующим флотом Такайшвили. Я ответил, что злоупотребления весьма возможны, но что нужно указать конкретный случай и что по его письменному заявлению я сейчас же расследую и привлеку виновных к ответственности. Мое предложение письменно заявить о злоупотреблениях почему-то его обидело. И это было причиной ссоры. Он стал говорить, что он таковое не обязан мне подавать и что я должен по его словесному заявлению немедленно арестовать Микеладзе. Этот человек был раньше Министром Земледелия; прямо трудно себе представить, чтобы человек с такими примитивными понятиями о праве и юстиции мог занимать такой высокий пост. Я возразил, что как же я могу что-либо предпринять, когда он отказывается письменно подтвердить то, что выражает словесно. Разговор из плоскости существа он сейчас же перевел на личности и стал говорить, вернее, кричать, что я так начал говорить "с ними" только здесь в Константинополе, но что раньше я себе не позволял так говорить "с ними". С кем это "с ними"; Хомерики не был даже представительным лицом. Однако это выражение "с ними" очень характерно. Именно он считал себя в числе "тех", с кем я мог говорить не так, как он хотел. Он, несмотря на то, что никакого отношения не имел к Правительству, считал себя власть имущим и он был прав со своей точки зрения, усвоенной всеми лидерами соц-демократической партии. Именно поэтому я часто употребляю в своих записках выражение "власть имущие", "правящие". Говоря слово "здесь" г. Хомерики, вероятно, хотел сказать, что я считаю себя "здесь" обеспеченным от их власти над собой. Тем хуже для него и для тех, кого он соединял со своим именем, если боязнь их власти руководила мной. Конечно, это не соответствовало действительности. Пусть вспомнят все, с кем я встречался и с кем мне приходилось говорить с первого дня революции до сегодняшнего дня, позволил ли я себе руководствоваться подобной боязнью когда-нибудь. Подобное обвинение, бро-

шенное мне г. Хомерики, было черезчур и я просил его прекратить со мной разговор. После этого разговора мы с ним больше не разговаривали и не раскланивались.

В тот же день или на другой я с В. Джугели поехали на корабли. В это время эвакуированные были уже отправлены в лагерь. На кораблях начальство оказалось на месте, а имущество охранялось группой офицеров. В. Джугели не нашел ничего подозрительного. Офицеры охраняли имущество безвозмездно, если не считать 30 пиастров, которые им выдавались. Эти 30 пиастров, принимая во внимание, что хлеб стоил 15 пиастров кило, едва хватало им, чтобы не умереть с голоду. Были ли действительно злоупотребления или нет, не могу утверждать ни за, ни против. Действительно, разобраться кто производил злоупотребления нельзя было; нужно было произвести следствие, тогда можно было выяснить. Так обвиняли офицеров и администрацию, эти последние обвиняли тех, кто был при имуществе непосредственно, и что слух о злоупотреблениях распускался ведавшими вывозимым имуществом с целью отвести от себя подозрение. Кто делал опись вывозимому имуществу. Вероятно никто. Власть имущие очень много говорили об этом, даже принимали меры к привлечению к ответственности, но никто не был привлечен к таковой. Скажу больше. Пока я находился в Константинополе, наш генеральный консул Гегелашвили несколько раз говорил мне, что злоупотребления происходили на судах и что у него есть список 5 генералов и 40 офицеров, подлежащих ответственности. Я очень настоячиво просил его привлечь их к ответственности. Он этого не сделал. Мало того, он даже не дал мне списка обвиняемых, которого я неоднократно от него добивался. Впоследствии он однажды пригласил меня к себе и обратился ко мне с таким предложением. Он мне сказал, что во время пути от Батуми в Константинополь офицеры собрались на "Весте" и обсуждали вопрос о вывозимом имуществе. Решили составить документы на вывозимое имущество на имя одного офицера. Какими побуждениями руководствовались офицеры он, консул, не знает. Может быть они руководствовались желанием уберечь это имущество от рук наших кредиторов, которые несомненно наложили бы запрещение на вывозимое государственное имущество. Между тем, как говорил консул, это было уже, кажется, поздним летом, этот офицер продал документы на это имущество. И вот теперь консул просил меня оказать ему содействие и повлиять на этого офицера в том смысле, чтобы тот вернул эти документы. Я сначала категорически отказался от всякого участия в этом деле, ни начала, ни истории которого я не знал. Но он настойчиво просил. Я согласился спросить офицера с целью осветить это дело. Однако, мое свидание с этим офицером не состоялось.

Теперь я коснусь автомобильного вопроса. В Константинополе выяснилось, что на пароходе "Олень" были привезены автомобили. Эти автомобили грузились неким господином Маргулисом и госп.

Могилевским. Автомобили были сгружены на пристань, но их никак нельзя было получить. Я до сих пор не знаю, в чем была задержка или где была зарыта собака. Документы были составлены на частное лицо. Затем эти документы попали с передаточной надписью полк. Гогитидзе, командиру автомобильной роты. Между тем стало известно, что несколько автомобилей должны быть посланы в Париж по требованию Правительства. Автомобилисты, как армейские, так и гвардейские, были обеспокоены. Видя себя оставленными без иждивения они надеялись, что автомобили будут даны в их ведение для пользования, благодаря чему они могли бы добывать себе пропитание своим трудом. Армейские офицеры открыто мне заявляли, что эти автомобили, они уверены, частью будут посланы в Париж, частью будут даны гвардейским офицерам. Я, конечно, успокаивал их и утверждал, что такого различия между гвардейцами и армейцами не сделают. Последствия показали, что они имели достаточно основания так говорить.

Вследствие такого положения вещей, полк. Гогитидзе отказывался дать документы в руки правящих помимо меня. Мне он, действительно, вручил их. Однако власть имущим не оказалось в них нужды; они сумели получить эти автомобили помимо этих документов. Как они это устроили, не знаю. Полк. Гогитидзе был неправ в том, что эти документы он мне вручил лишь через 12–15 дней после прибытия в Константинополь; он должен был на другой же день явиться ко мне, сказать сколько и какие автомобили погружены и вручить документы. Между тем он этого не сделал. Чем это было вызвано, не знаю. Для меня это было странным, а одно обстоятельство возбудило во мне к нему недоверие. Мне передали, что в числе сгруженных автомобилей имеется машина Главнокомандующего "Спа", которая возила меня в Батуми до последнего дня и которая исчезла после того, как на ней ген. Чхетиани отвез свою и мою семью на пароход. Эта машина оказалась пропавшей. Кто-то ее получил и следы пропали. Я спросил полковника Гогитидзе была ли погружена на пароход "Олень" машина "Спа". Он ответил полным неведением, между тем он лично ехал на этом пароходе. Я ему сказал, что машина здесь в Константинополе и что ее привезли на "Олене". Вот тут он мне доложил, что он знает, что в Батуми имелась частная машина у кого-то той же фирмы и точь в точь такой же конструкции, и что привезенная была, вероятно, частная.

Однако эта машина оказалась машиной Главнокомандующего. Эту машину искали по всему городу и вот, найдя ее, член штаба Гвардии Чиабришвили и г. Кемулария предложили мне поехать посмотреть ее, могу ли я признать ее за свою. Я поехал. Мы приехали куда-то в район Шишли или Нишанташ. Здесь мы подъехали к одному гаражу; нас не хотели впустить. После угрозы привести полицию, нас впустили, и я признал свою машину. Правда, номера не было и она была наполовину разобрана, но я на этой машине ездил целое

лето 1920-го года, а также и после, и легко ее признал. Даже винтиль, которым была заменена рукоятка двери, была той же самой. Машина была та, на которой я ездил. Вот это обстоятельство вселило недоверие к полк. Гогитидзе. Как же он мог не знать об этой машине, когда ехал на "Олене" и интересовался остальными машинами, и зачем было мне говорить о какой-то частной машине, похожей на "Спа".

Требование правящими от Гогитидзе документов послужило поводом к безобразной сцене, свидетелем которой я оказался случайно. Власть имущие находились в консульстве, в салоне, и как всегда что-то обсуждали или, вернее, спорили. Находился там и я. Говорили об автомобилях и утверждали, что полк. Гогитидзе хотел произвести с машинами какое-то гешефтмахерство. Я заметил, что нельзя обвинять человека, не выяснив дела. Кто-то сказал, что Гогитидзе в консульстве и можно было бы сейчас это выяснить. Его пригласили. Когда он вошел, его стали спрашивать, но В. Джугели не дал возможности осветить это запутанное дело. Он стал кричать на полк. Гогитидзе, стал его ругать мошенником, вором, негодяем и, вообще, выпотрошил весь свой запас ругательных слов. Полк. Гогитидзе молчал. В. Джугели стали успокаивать, но, как всегда это бывает, это еще больше подлило масла и он, ругаясь площадными словами, с кулаками бросился на полк. Гогитидзе. Сцена была в высшей степени безобразная. Я, конечно, бросился и стал между ними; бросились и другие, но В. Джугели с кулаками лез через нас. Едва предотвратили побоище. Полк. Гогитидзе я приказал уйти. Его поведение мне окончательно не понравилось. Правда, быть может, он ничем не должен был отвечать на грубые оскорбления в моем присутствии, но он должен был хотя бы после как-нибудь реагировать. Ничего подобного он не сделал.

Я, конечно, должен был заступиться за офицера, хотя поведение последнего в отношении автомобилей мне сильно не нравилось. Но что можно было сделать с В. Джугели, этим ресторанным драчуном, готовым всегда побить кого-либо или быть побитым.

Спустя некоторое время у него была подобная же стычка с одним офицером, после которой этот последний вызвал В. Джугели на дуэль. В. Джугели отказался и сказал, что он по убеждениям на дуэли не дерется, и что пусть этот офицер при встрече обратится к кулачной расправе, на что он ответит, как сумеет. Нам, офицерам, эта психология непонятна. К какой ответственности и как я мог привлечь В. Джугели? Кто бы его судил? Я уже указывал в своих записках, что моя жалоба, жалоба Главнокомандующего, на обыкновенного железнодорожного служащего не привела ни к каким результатам. Конечно, жаловаться в Париже, в Правительственную комиссию было бы бесполезным. Я сказал В. Джугели, что не прили-

чествует Председателю штаба Гвардии так вести себя и бросаться с кулаками, и что я очень настойчиво прошу его не вести себя так с офицерами в моем присутствии. Он отвечал, что он действительно погорячился, но что его возмутило до крайности поведение Гогитидзе, который, несомненно, хотел украсть автомобили. Так и не удалось направить это дело по правильному пути и выяснить, кто же виноват в этом деле. В. Джугели несомненно был в это время в повышеннонервном состоянии.

В самом начале нашего пребывания ему пришлось выдержать две неприятные сцены.

Опишу обе. Я находился как-то в канцелярии консульства, когда услышал громкие голоса и перебранку, происходившую в вестибюле. Оказалось следующее. Еще в 1920-м году весной, когда гвардейцы отбирали на Военно-Грузинской дороге казенное имущество у деникинцев, в числе этого имущества отобрали экипаж и лошадей у некоего Икаева, несмотря на заявление последнего, что это его частное имущество; ему выдали расписку, по которой ему полагались деньги. Прибыв в Тбилиси, этот последний попытался получить деньги, но ему везде отказывали; в штабе же Гвардии, где он был по тому же делу, он, по его словам, был арестован и ему угрожали смертью, причем В. Джугели приставил револьвер к его виску. Икаев утверждал, что этих своих лошадей он видел запряженными в экипаж Председателя Правительства. Я видел этих лошадей в Тбилиси и, как говорят, они были куплены лично адъютантом Председателя Правительства, причем этот адъютант был с этой должности удален за какое-то мошенничество, именно при покупке этих лошадей или экипажа. Может быть, мне неверно передавали и этот адъютант покупал лишь экипаж, но не лошадей. Лошадей я во всяком случае видел. Сей Икаев в Константинополе заявил жалобу в полицию "энтералье" и вот по личному указанию Икаева полиция собиралась арестовать В. Джугели. Джугели был на улице, когда Икаев указал на него полиции. Вот по этому поводу и происходил шум в вестибюле, куда наш консул пригласил войти представителя полиции. Представитель полиции требовал выдачи Джугели, консул его успокаивал, Икаев настаивал на аресте. Консулу удалось успокоить представителя полиции, которого он пригласил к себе наверх в кабинет. Арест не состоялся. Когда я вышел на улицу, то ко мне подошел Икаев и рассказал все, что я написал выше. Я ему сказал, что дорога, избранная им, неправильна. Если у него есть желание получить деньги, которые ему должны, то он должен искать их в гражданском порядке: если же он был обуреваем чувством мести, то он должен был при встрече посчитаться с В. Джугели так, как он находил лучше. Он очень жаловался на вынесенные в штабе Гвардии обиды. А быть арестованным в Константинополе было очень неприятно. В

тот же день был арестован некто Имнадзе, член штаба Гвардии; он в полиции был избит до полусмерти.

Вторая сцена кончилась более мирным путем. Некто русский, фамилии не знаю, но из тех, у кого отбирали еще в Тбилиси казенное имущество, пришел в консульство и просил нашего консула настоять перед В. Джугели, чтобы этот последний вернул ему бинокль, очень ценный. Бинокль был, действительно, очень ценный; я его и раньше видел у В. Джугели. Я слышал, как этот человек с большой темной бородой и в очках говорил консулу "Он социал-демократ, я тоже соц-демократ; теперь ему бинокль не нужен, пусть вернет". Что и говорить, причина веская для возвращения бинокля. Консул уговорил Джугели вернуть бинокль. Вероятно, эти сцены, а может быть и другие очень нервировали В. Джугели и он не всегда мог сдержать себя. Падение было очень сильное, из почти диктатора в Грузии он превратился в обыкновенного человека, с которым, кто только мог, сводил счеты.

Теперь вернусь к автомобильному вопросу. Автомобили, как я сказал, были взяты из таможни без документов, бывших у Гогитидзе. Правительственная комиссия решила их в Париж не посылать, а дать группе автомобилистов для пользования с целью прокормления себя. При обсуждении этого вопроса я настоял, чтобы автомобили были даны общей группе автомобилистов, как гвардейцам, так и армейцам, с тем, чтобы они совместно их эксплуатировали. Была образована комиссия под председательством Чиабришвили; туда входил один гвардейский автомобилист, а от армейской группы мной туда был назначен полк. Эристави. Эта комиссия должна была организовать это дело. Однако скоро Чиабришвили уехал на родину и это дело заглохло. Мне офицеры-автомобилисты неоднократно говорили, что машины уйдут из их рук и что гвардейцы-автомобилисты по этому вопросу переговариваются с Джугели, и тот обещал им дать машины. Действительно, в мае так и случилось. Гвардейским автомобилистам было выдано два автомобиля, армейцам не дали. На первом же заседании Правительственной комиссии я поставил этот вопрос и спросил, почему постановление комиссии изменено и дали машины только гвардейцам. Конечно, на это ничего нельзя было возразить, но В. Джугели вопрос сейчас же перенес в другую плоскость. Он стал возражать, что я напрасно подчеркиваю и вселяю антагонизм между гвардейцами и армейцами, что здесь больше нет ни гвардейцев, ни армейцев. Я возразил, что я вовсе не разделяю на гвардейцев и на армейцев, но, что выдав автомобили только гвардейцам, это он делает разницу и оказывает привилегии гвардейцам и здесь, и что, если на это пошло, то я могу указать еще один факт такого отличия и указал на то, что на Пасху все гвардейцы от штаба Гвардии, в лице Ауштрова, получили карманные деньги вторично;

и это сделано в лагере, на глазах живущих там армейцев. Завязался спор. Выдача гвардейцам вторых карманных денег оставалась фактом. Я указал это комиссии, которая в лице своего председателя г. Канделаки, ответила, что штаб Гвардии привез свое имущество и деньгами, полученными за него, мог распоряжаться по своему желанию. "А ведь было же постановление, что все вывезенное имущество признается государственным имуществом", – возразил я. На это, как всегда, следует молчание. В. Джугели разволновался и сказал, что здесь "Вы много говорите, потому что там в Тбилиси Вам позволяли говорить" и что по возвращении в Тбилиси "они" будут иначе действовать с "Вами". Я не знаю, к кому это "Вами" относилось, лично ко мне или ко всей армейской корпорации. Я ответил, что, что будет в Тбилиси мы посмотрим, а здесь я вижу, что опять продолжается такое же отличие Гвардии от армии.

Правительственная комиссия постановила выдать автомобили и армейцам. Тянулась эта история долго, несмотря на мои еженедельные напоминания. Автомобили после долгих пререканий дали лишь в августе. Эти автомобили пришлось чинить и армейская группа, когда я уезжал из Константинополя, не существовала. Самое лучшее время, лето, было пропущено. Автомобили давали группе в аренду, кажется по 50 лир в месяц за каждую машину, причем починка, как предварительная, так и последующая должна была происходить за счет группы. Кроме того, автомобилист списывался с иждивения.

Я должен здесь оговорить, что с августа было назначено содержание по избранному списку; этот список составился в Константинополе, но об этом скажу после. Согласно постановления Правительства обер-офицерам было назначено в месяц 200 фр., штаб-офицерам 250 фр. и ген. 300 фр. Комиссией было постановлено, что те, кто имеет какое-либо предприятие, вычеркивается из списка и обратно в список зачисляться не будут. Это постановление было распространено и на автомобилистов. Однако, когда в августе было назначено содержание, то гвардейская группа сдала автомобили обратно и была зачислена на иждивение Правительства. Дело в том, что заработок автомобили давали очень слабый и вырабатывалось на каждого автомобилиста около той суммы или даже меньше, чем было назначенное постановлением Правительства иждивение. Конечно, лучше было не работая получать известную сумму обеспеченную, чем дни и ночи толкаться на бирже. Гвардейские автомобилисты отказались от автомобилей и, вопреки существовавшего постановления о невозможности быть зачисленным на иждивение Правительства, оказались туда зачисленными. Как и чем кончилось существование автомобилей, выданных армейцам, не знаю; кажется, их продали; я был уже в это время в Париже.

Относительно автомобилей мной не все сказано. Дело выдачи автомобилей было поручено Эрадзе. Он составлял контракт с группой, во главе которой я поставил военного инженера полк. Канде-

лаки. Требовалось поручительство; Эрадзе говорил, что за гвардейцев поручился В. Джугели. Я, конечно, поручился за армейскую группу. Потом мне принесли бумагу, где я должен был расписаться. Я ответил, что если В. Джугели подписался, подпишусь и я. Оказалось, что В. Джугели не подписывался. Я тоже не подписался. Здесь тоже хотели устроить привилегию. С Эрадзе переговоры пришлось вести несколько недель, пока выдали машины. Однако, постановление основное о выдаче автомобилей только автомобилистам также не было исполнено.

Один автомобиль был выдан для эксплуатации члену штаба Гвардии Глахояну, а другой кому-то другому. Что касается автомобиля "Спа", то таковой удалось выручить. Консул как-то с меня взял удостоверение, что эта машина Главнокомандующего и что я ездил на ней до последнего момента своего отъезда из Батуми. Чем кончилась история со "Спа", не знаю. Я несколько раз спрашивал консула, чем кончилась эта история, привлечены ли к ответственности люди, замешанные в это дело, и кто замешан; но никакого ответа я не получил и так и не удалось выяснить, кто же собирался присвоить себе эту машину.

*
* *

В этой обстановке, полной дрязг, всяких сплетень и обвинений, заочных и в глаза, мы пребывали в Константинополе. При этом ничего нельзя было выяснить. Сначала горячо принимались за расследование, горели желанием привлечь к ответственности, затем все сразу умолкало. Получалось впечатление, что дойдя до известного места, все отстранялись от дальнейших действий. В чем же была причина? Я могу высказать мои догадки. Я думаю, что правящие стремились уберечь вывезенное имущество от наложения на него запрещения нашими кредиторами. С этой целью вывозимое имущество показывалось как частное, того или другого лица. Эти лица, используя положение, вероятно, требовали себе за молчание. Когда доходило до этого пункта, власть имущие останавливались перед привлечением виновных к ответственности, каковая обнаружила бы их намерения не давать имущество за свои долги.

Спустя некоторое время была образована следственная комиссия, которая должна была расследовать все злоупотребления. Она существовала около месяца и ничего не выяснила. Правда, она собрала некоторый материал, но никого не признала виновными в этих злоупотреблениях. Я должен сказать, что она не обладала достаточной властью; она могла лишь собирать материал и то лишь опросы. Да и времени было слишком мало ей дано, чтобы она могла в полном объеме осветить совершенные злоупотребления.

За это время один офицер подал мне рапорт, в котором просил назначения расследования. Это был кап. Гоциридзе. В его присутствии некто Киквидзе бросил обвинение офицерам штаба, что они увезли сахар из Самтреди. Этот сахар был итальянский сахарный песок. Действительно, мне было известно, что офицеры штаба в момент эвакуации ст. Самтреди погрузили сахар в вагон; сахар был без хозяина, оставался на станции без охраны и несомненно попал бы в руки противника. Когда я был в Батуми, то здесь нашелся собственник сахара, который и обратился ко мне с просьбой вернуть сахар. Сахар вернули по принадлежности. Получив рапорт офицера, я приказал ген. Джапаридзе расследовать это дело. Он расследовал и выяснил, что никакого злоупотребления офицеры штаба не совершили; напротив, собственник был обрадован, получив свой сахар в Батуми. Но, расследуя это дело, ген. Джапаридзе наткнулся на действия одного некоего господина, фамилию которого я сейчас забыл; действия этого последнего не были закономерны, и я делопроизводство передал в вышеупомянутую следственную комиссию. Чем это дело кончилось, не знаю, вероятно, ничем.

СОСТАВЛЕНИЕ СПИСКОВ ЛИЦ НА ИЖДИВЕНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Теперь коснусь вопроса составления списков лиц, которых Правительство брало на свое иждивение. Сначала составили списки тем, кто должен был получать иждивение по норме, которую я указывал выше, т. е. 3–4–6–8 лир. Эти списки решено было составить отдельно по ведомствам. Список военных должен был представить я. Здесь я напомню, что согласно постановления Правительства в Батуми, бралось на иждивение Правительства 10 политических деятелей, 15 гвардейцев, штаб Главнокомандующего и 50 офицеров. Между тем эвакуировалось значительно больше. При составлении списка военных я положил в основание следующее. Я включил в список лишь тех, кто был на службе до последней мобилизации 1921-го года перед войной. Таковых оказалось 12 офицеров штаба и 51 офицер; кроме того оставалось 16 офицеров постоянной службы. Засим был составлен список остальных офицеров; их было до 70 человек; остальные большею частью были призваны уже при мобилизации и во время войны. На юнкеров был составлен отдельный список. Что касается моряков, то комиссия этот список составить взялась сама лично. При обсуждении этого вопроса я просил комиссию данное для военных число 50 увеличить, ввиду того, что Батумская норма далеко не была соблюдена в отношении других ведомств. После некоторых споров список военных утвердили в количестве 67 человек. Юнкера были на особом положении; было известно, что в течение нескольких месяцев они обеспечены американ-

ским довольствием, а за это время примут меры к их устройству куда-либо, или на службу, или в военно-учебные заведения. Батумская норма, конечно, не была соблюдена. 10 политических деятелей постепенно превратились в политические комиссии, которые были образованы отдельно в Константинополе и отдельно в Париже. Члены Учредительного Собрания образовали отдельную группу. Была образована также отдельная группа общественных деятелей. К этому надо добавить еще список административно-служащих. Все эти группы считались десятками лиц. По Батумской норме число военных должно было значительно превышать число не военных, между тем произошло обратное. Как зачислялись в списки можно судить по одному инциденту. Когда составили списки административно-служащих, то многие, особенно особого отряда, не были туда внесены. Эти последние, собравшись группой, пришли к помещению, где заседала правительственная комиссия, подождали окончания заседания, затем окружили на улице шедшего домой Канделаки и устроила ему сцену, в результате которой они все вошли в квартиру заседаний и в тот же день были все зачислены на иждивение Правительства.

Недовольство было общее и я должен сказать, что таковое имело много оснований. Отношение к беженцам было самое возмутительное. Об отзывчивости к этим бесприютным нечего было и говорить; даже в консульстве относились так, что получалось впечатление, что эти беженцы кто-то чужие и что единственная забота консульства скорее избавиться от этой публики. Я вспоминаю один характеризующий отношения случай с Алико Магалашвили. Я сейчас не помню, что хотел получить от консульства Магалашвили. Он прочел мне письмо, адресованное консулу и рассказал, что произошло после. В этом письме он кончал угрозой напечатать открытое письмо в случае неисполнения его законного требования. Его пригласили в консульство и тут объявили ему, что с ним желает говорить Н. В. Рамишвили. Он стал ждать в приемной. Через некоторое время туда вошел Рамишвили и стал гулять по приемной. Магалашвили ждет. Наконец, Рамишвили обращается к нему и между ними начинается разговор, предшествуемый таким диалогом: "Это Вы Магалашвили?" "Да, это я князь Магалашвили". "Это Вы хотели со мной разговаривать?" "Нет, мне сказали, что это Вы хотите со мной разговаривать, я же такого желания никому не выражал". "Садитесь, князь", — продолжал Рамишвили и тогда начался между ними разговор, подробности и сути которого не помню. В общем Алико Магалашвили получил удовлетворение своих желаний.

В начале нашего приезда членам Правительства приходилось около консульства быть окруженными толпой и успокаивать ее. Это недовольство могло вылиться в какой-либо эксцесс.

Мне многие говорили, что надо собрать офицеров и поговорить с ними. За недостатком помещений я собрал штаб-офицеров и генералов в номере ген. Кутателадзе. Я их собрал два или три раза;

на одном из них я просил присутствовать члена правительственной комиссии П. Сургуладзе. На первом же заседании выяснилось настроение офицерства. Они говорили, что они отлично понимают положение, но что отношение Правительства к ним возмутительное; они оказываются собственно выброшенными и, если бы не американцы, им пришлось бы умирать с голоду; что назначенное содержание едва хватает на папиросы курящим. Они, конечно, говорили, что не позволят себе никакого проявления своего неудовольствия против Правительства, но они просят войти в их положение и обеспечить так, чтобы им не пришлось умирать с голоду. В заключение офицеры постановили не получать назначенного содержания и просили его увеличить. Я указывал, что отказ от содержания это большой шаг и что об этом надо серьезно подумать, и, если предъявлять это свое решение, то потом не отступать от него. Я несколько раз говорил это и указывал, что я буду этого добиваться, если они твердо решили не получать содержания. Они настаивали. Это постановление было переслано в лагерь, где офицеры присоединились к нему. Я заявил об этом на заседании комиссии. Однако, все дело повернулось иначе. За апрель месяц дали деньги. Их выдали ген. Закариадзе для раздачи офицерам. Он должен был отказаться принять их, но он, не спрашивая меня, их взял. Офицеры были собраны; я не присутствовал там и не знаю, что там говорилось. Кажется, Закариадзе предложил получить деньги с тем, чтобы отказаться в следующий раз. Таким образом деньги были розданы и решение не получать умерло. Я не могу оправдать ни Закариадзе, действовавшего вопреки постановления и собственно уговорившего получать деньги, ни офицеров, выказавших такое колебание в своих решениях. Я считаю, что здесь решилась последующая участь офицеров, общее положение каковых стало ухудшаться с каждым днем все более.

Я должен отметить один факт. На одно из этих заседаний пришел гвардейский офицер Орджоникидзе. Я собирал лишь армейских офицеров, почему и сказал ему, что на собрание я приглашал лишь таковых. Он ушел. Его приход знаменателен, и я здесь его отметил, чтобы сопоставить его с другими последующими фактами.

Следующий факт это было то, что он выхлопотал через В. Джугели автомобили отдельно гвардейской группе. Я ему заметил об этом и сказал, что он поступает не по товарищески и что гвардейским офицерам-автомобилистам следовало или отказаться от автомобилей или взять их совместно с армейской группой, но никак не отдельно.

Впоследствии, когда на докладе, который я делал в Константинополе членам Учредительного Собрания и политическим деятелям, В. Джугели демонстративно покинул зал доклада, то Орджоникидзе последовал его примеру. Не знаю каким чувством он руководство-

вался. Если эти факты сопоставить, то не трудно угадать, какими чувствами он руководствовался, когда пришел на заседание офицеров, собранных мной в квартире ген. Кутателадзе.

Как я указывал выше, на заседании комиссии, на том, где я возбудил вопрос, почему автомобили выданы только группе гвардейских офицеров, у меня с В. Джугели произошли пререкания. Он доказывал, что я сею антагонизм между гвардейцами и армейцами, и указал, что я на собрании офицеров не позволил присутствовать Орджоникидзе. Эти его слова лишь доказывают мою предусмотрительность не позволить присутствовать на собрании лицу, которое передало бы и, вероятно, в преувеличенной форме все, что говорилось нелестного по отношению власть имущих и это могло разжечь существовавшее против военных неудовольствие. Итак, роль господина Орджоникидзе я угадал.

Спустя несколько месяцев вновь приступили к составлению списков. Комиссией было объявлено, что ввиду недостатка средств необходимо составить список только тех, кто не может вернуться на родину, т. е. кому угрожают репрессии со стороны большевиков. Я должен был опросить всех офицеров о причинах, не позволяющих им вернуться на родину. Затем правительственная комиссия должна была рассмотреть и обсудить отдельно причины, представленные каждым, и затем уже составлялся окончательный список. Конечно, среди военных большая часть были те, кто не мог остаться в Грузии; кто был в военных судах членом или председателем, кто служил в контрразведке, кто вывозил имущество и т. д. Как отнеслась комиссия к этому вопросу, как она смотрела на причины, не позволяющие офицеру вернуться на родину, выяснится из одного факта. Обсуждался мой доклад, комиссия высказала взгляд, что офицерам контрразведки ничто не угрожает и они свободно могут вернуться на родину. При этом говорилось, что наша контрразведка в эту войну ничего не сделала, что она никаких сведений о противнике не дала и пр. Пришлось объяснить разницу в деятельности разведки и контрразведки. После долгих моих доказательств удалось отстоять зачисление этих офицеров в списки.

Конечно, не тот масштаб применялся, когда касалось кого-либо из не военных, кого-либо из правящей партии или даже, когда касалось кого-либо, протежируемого кем-либо из правящих. Я укажу для доказательства следующий пример. Когда вначале были составлены списки, то было постановлено, что эти списки могут уменьшаться, но ни в коем случае не увеличиваться. Однако эти списки были составлены торопливо и были сделаны некоторые пропуски. Очень было трудно зарегистрировать всех. Ввиду этого должны были последовать некоторые изменения в смысле увеличения.

Однажды я узнал, что в офицерский список включили двух; это

было сделано без моей санкции, без моего рассмотрения и, следовательно, могло быть несправедливым по отношению тех, кто не был включен в список. Я заявил комиссии, что она нарушила основное правило, что офицеры прошли без моей санкции и просил, чтобы это не было допущено в дальнейшем. Комиссия так и постановила. Однако через несколько дней были внесены опять два офицера, призванные лишь во время войны, даже в ее второй половине. Это являлось несправедливостью и нарушало в принципе все постановления. Офицеры возмущались и видели, что комиссия руководствуется не принципами более или менее справедливыми, а прихотью или, вернее, протекцией того или другого члена комиссии. На мой протест в комиссии, почему было допущено вновь нарушение постановления, отвечено было молчанием.

Между тем посыпались просьбы об единовременных пособиях. Просители обивали пороги и добивались этих пособий. Умеющие подойти к тому или другому члену комиссии, или повлиять на него через знакомого человека и т. д., получали пособия в то время, когда другие скромные, неумелые, но более заслуживающие, таковых пособий не получали.

Ни один принцип, ни одно постановление не оставалось не измененным; все менялось в зависимости от благоволения того или другого члена комиссии. Когда окончательный список был составлен, то и он бывал изменен членами Правительства в Париже, которые по частным просьбам лиц, не внесенных в список, вносило их. Это создавало прецедент для последующих просьб и вызывало массу нареканий и неудовольствий.

Относительно списка моряков поступили следующим образом. Из всего списка служащих, каковых было до 90 человек, оставили на иждивении Правительства только 3-х человек. Это был командующий флотом, молодой офицер Одишария и еще кто-то. Остальные были вычеркнуты. Мотивировали тем, что они замешаны в злоупотреблениях. Возбудили даже преследование; произвели обыск в лагере среди моряков. Однако, это дело за недоказанностью заглохло. Моряки потом добились того, что их рассчитали за время их службы и дали ликвидационные. Сначала наличными дали 1/3 причитающихся денег, потом додали, кажется, остальные, но это было уже осенью.

Интересна судьба начальника морского штаба Микеладзе. Он был вычеркнут вследствие подозрения в злоупотреблениях. Он просил несколько раз произвести над его действиями расследование. Расследование не произвели, но и на иждивение Правительства не зачислили. Я неоднократно хлопотал и настаивал, но мой голос был гласом вопиющего. У Микеладзе на этой почве произошел инцидент. Во время его разговора с Эрадзе последний упрекнул его в злоупотреблениях в оскорбительной форме. Не имея возможности оправдаться расследованием, в котором ему отказывали, полк. Ми-

келадзе за полученное оскорбление вызвал Эрадзе на дуэль. Конечно, вызов не был принят. Я помню, в течение этих пререканий, я случайно был в правительственной комиссии. Среди других помню Чхиквишвили. Кто-то вошел и сказал, что пришел Микеладзе и хочет разговаривать с Эрадзе. Произошло волнение; по-видимому ожидали, что Микеладзе пришел с целью побить Эрадзе. Кажется, Чхиквишвили вышел разговаривать с Микеладзе; дело уладилось, но я получил впечатление, что Эрадзе благополучно скрылся из учреждения. Спустя несколько месяцев Микеладзе добился того, чтобы разобрали его дело, рассмотрели обвинения, возводимые на него голословно. При консульстве к этому времени был учрежден суд, который и не нашел в действиях Микеладзе никаких злоупотреблений. После этого начались хлопоты о зачислении его на иждивение. Он подавал бесконечные прошения и, конечно, имел все права быть зачисленным. Ему не отказывали, но и не зачисляли; просто на его прошения не отвечали. Одно из его прошений я направил в Париж, в Правительство. Никакого ответа я не получил. Так его и не зачислили.

В результате всех сокращений списков к декабрю 1921-го года выяснилось, что военных, состоявших на иждивении Правительства, всего оказалось 41 человек и столько же оставалось без иждивения, брошенных на произвол судьбы. Если же заглянуть в список невоенных, то там происходило совсем не то. Ни один из невоенных, особенно, если он принадлежал к социалистической партии, не оставался без иждивения. Создавались синекуры. Всем находили места и под этим видом они получали содержание. Если и были не состоявшие на иждивении, то как редкие исключения. Думаю, что таковых не было. Напротив, число невоенных увеличивалось. А именно несколько партийных приехали из Грузии и были зачислены на довольствие. Скажу более, некоторые из власть имущих выписали свои семейства из Грузии и последние также были зачислены на довольствие.

Здесь должен упомянуть про Эрадзе. Вначале, это было вероятно в апреле-мае, он объявил, что уезжает в Грузию. Однако, он не только не уехал, но теперь я узнал, уже здесь, в Париже, что он выписал семью из Грузии. Вообще, строгость постановлений касалась лишь офицерской среды; остальным делались привилегии, как это делалось и раньше. Примеров найдется много, если обревизовать документы письменные; в них раскроется картина бесцеремонности. Уже здесь, в Париже, я случайно наткнулся на одно постановление. По этому постановлению выдавалось пособие Левану Кипиани, Владимиру Гогвадзе и еще кому-то. Я отлично помню цифру 500 фр. Кипиани и, кажется 75 фр. Гогвадзе. Вероятно последний нуждался; он семейный. Но вряд ли Кипиани, получающий как член политической комиссии 1100 фр. в месяц и имеющий помещение в грузин-

ском монастыре, мог нуждаться так, как офицер, обремененный семьей и к тому же не зачисленный на иждивение.

Возбуждаемые мной просьбы о выдаче нескольких лир в виде пособия тому или другому офицеру всегда оставались тщетными. Однако я знаю случаи, когда отказанное в моей просьбе, выдавалось по просьбе власть имущих тем же лицам.

Интересно, как поступили власть имущие в отношении Грузино-католического монастыря. Этот монастырь очень любезно предложил власть имущим поместить беженцев у себя. Монастырь наполнился. Туда поместили всех, кто не поехал в лагерь, за исключением семейных и тех, кто нашли возможность не жить в монастыре. Спустя несколько времени консул и многие другие стали говорить, что монахи недовольны пребыванием в их монастыре беженцев и просят освободить таковой. Может быть, действительно, некоторый элемент и давал повод такому заявлению, но я все же в этом сомневаюсь, ибо знаю гостеприимство монахов. Возможно, они просили установить порядок среди некоторой его части. Относительно офицеров монахи мне говорили, что довольны очень таковыми. Вопрос об очищении монастыря был возбужден еще в апреле и тянулся несколько месяцев. Ставился вопрос о совершенном очищении монастыря. Однако в окончательном виде вышло, что офицеры были выдворены оттуда, но там остались власть имущие и те невоенные, кого эти господа хотели оставить. Из военных после долгих просьб и настаиваний оставили двух: ген. Кутателадзе и ген. Казбек.

Теперь я обрисую характер мер, принимаемых комиссией для улучшения быта беженцев и обеспечения их дальнейшей участи. Как я отметил выше вначале произвели анкету с тем, чтобы затем приступить к организации. Эта мысль была брошена и обратились к другому, а именно не к оказанию помощи беженцам, а к избавлению себя от беженцев; этого добивались всяческими способами. Один из способов был отправление назад на родину. Беженцам угрожали, что они будут лишены всякой поддержки Правительства и одновременно предлагали деньги на проезд обратно на родину. Одновременно представитель большевистской власти в Константинополе Модебадзе предлагал бесплатный проезд на своих зафрахтованных пароходах и еще 3 лиры на дорогу. Наши власть имущие закрывали глаза на бесплатность проезда и все-таки давали деньги на проезд 15 лир. Это являлось уже приманкой, ибо эти деньги по тогдашней валюте стоили более миллиона грузинских бон. Эти деньги беженцы стали получать, но многие продолжали оставаться в Константинополе и, израсходовав эти деньги, вновь обращались за пособия-

ми в комиссию. Многим отказывали, но некоторым удавалось получать.

Это постановление привело к тому, что получение этих 15 лир стали считаться беженцами, как их неотъемлемое право, и уже все под видом отъезда стали требовать их и получать. Выдавая эти деньги, с получавших брали расписки, что они ни с какими просьбами о денежном вспомоществовании к Правительству более обращаться не будут. Многие заявляли вперед, что они, получив эти деньги, не уедут, но что эти деньги им нужны для организации того или другого дела. Стали давать и им эти деньги. Таким образом деньги, предназначенные для проезда на родину, утратили свою цель и явились бесцельным расходом казны. Наряду с этим явлением некоторым давали суммы для начала того или другого дела, как то прачечной, хлебопекарни, автомобильной мастерской и пр. Эти деньги давались избранным или иначе говоря по протекции, по уменью того или другого выхлопотать себе это пособие и пр.; размер денег определялся постановлениями конспиративного характера и все было всегда покрыто тайной. От всех этих лиц также брались расписки в том, что они добровольно себя исключают со всех видов денежной помощи со стороны Правительства, хотя заведомо было ясно, что никакого дела нельзя начинать на 20–30 лир. Но цель избавиться от всякой заботы о беженцах преследовалась неуклонно. В результате деньги тратились, но беженцы оставались и не могли не оставаться.

Итак, избранный способ избавления от беженцев не привел к ожидаемым результатам. Напротив, он подорвал доверие в ненарушимость постановлений власть имущих, в уменье вести дело, а также среди беженцев твердо установилось убеждение, что власть имущие задались целью не помогать им выйти из бедственного положения, а лишь освободиться от всяких забот о них. Благодаря такому положению вещей среди беженцев определенно наметилось течение вырвать из рук власть имущих то или другое количество денег под тем или другим предлогом. Ясно, что этим способом беженская среда не организовывалась, а, напротив, развращалась.

*
* *

Теперь опишу, как была оказана, или вернее, как хотели оказать помощь целой группе беженцев, человек в 50, помещением их на сельскохозяйственные работы. Однажды я был приглашен консулом к нему. Я прибыл. Консул мне объявил, что имеется около 6000 лир для устройства части беженцев, что половину дают американцы, а другую дает Правительство. Он говорил, что от одного господина Мамулайшвили поступило предложение принять 50 беженцев в

сельско-хозяйственную колонию с тем, чтобы было внесено 3000 лир. Здесь же он выразил желание, чтобы было внесено 3000 лир и чтобы во главе этой группе стал я.

Я пожелал ознакомиться с условиями. Мне дали прочесть письменные условия, а затем там же в кабинете консула, в его присутствии, произошла моя встреча с Мамулайшвили. Я укажу некоторые пункты этих условий. Во главе предприятия становилось 8 человек, так называемых пайщиков. Эти пайщики составляли управление предприятия и могли расходовать все доходы с него. Все остальные считались рабочими и имели право впоследствии получать половину чистого дохода. При этом, ввиду условия, что расходы производились этими 8-ю человеками, как им заблагорассудится, ясно было, что эти 8 человек эту чистую прибыль могли довести до минимума, особенно принимая во внимание, что они, как пайщики и предприниматели, были заинтересованы прежде всего в увеличении доходности имения, и, следовательно, по принадлежавшему им праву, расходовали бы этот доход на увеличение доходности, т. е. чистая прибыль была бы определена только ими. При этом рабочим обеспечивались лишь кров и продовольствие; одежда и обувь, столь изнашиваемая на сельских работах, приобретались собственным иждивением рабочих. Таким образом рабочий за свою работу получал лишь пищу и кров; вознаграждение же последовало бы лишь через полгода и в размерах, определенных самими предпринимателями. Условия были драконовские. Даже невольники в Америке в прежнее время получали за свою работу не только пищу и кров, но и одежду и обувь; доходность же была весьма проблематична, ибо в расходах рабочий не имел голоса, хотя группа рабочих и приносила с собой солидную сумму в 3000 лир. Согласиться на эти условия нельзя было и мой разговор с г. Мамуйлашвили не привел ни к каким результатам. Я удивился, как консул мог принять эти условия, хотя бы для обсуждения. В этом разговоре интересны некоторые положения г. Мамулайшвили. Я не спорю, может быть, он руководствовался самыми лучшими желаниями помочь беженцам и решил при определении чистого дохода задаться прежде всего обеспечением участи беженцев, а потом выгодами имения, однако, все же необходимо было эту группу рабочих представить в управлении имением соответственно вносимому капиталу, чего он не хотел допустить. В разговоре он откровенно признался, что ему важны не рабочие, которых у него много и которых он может где угодно достать, а 3000 лир, и что 3000 лир он берет в обеспечение продовольствия на 6 месяцев для этих рабочих. Я ему предложил, что ему будут вносить по-месячно; он не согласился. Надо здесь сказать, что по условиям тогдашнего торгового рынка в Константинополе с 3000 лир можно было получать проценты ежемесячно 200 и более лир, т. е. внося за рабочих ежемесячно за их продовольствие мы могли бы сохранить весь этот капитал почти нетронутым. Мне было

удивительно, что консул защищал идею, предложенную г. Мамулайшвили. Несмотря на неприемлемость такого предложения, консул устроил специальное заседание, куда были приглашены и большие власть имущие. Дебатов не было, ибо защитников этого предложения не оказалось; все высказались за неприемлемость такого предложения. Предложение было отклонено. Несомненно это дело было начато не с целью помочь беженцам, а с целью под видом помощи беженцам дать г. Мамулайшвили 3000 лир.

Консул очень хотел, чтобы это предложение было бы принято. А вот и доказательство. Когда при первом разговоре я высказался против, то все же настояли, чтобы беженцы послали делегатов для ознакомления с этими условиями на месте. Так и сделали. Один из делегатов был полк. Циклаури. Я был в кабинете консула и был свидетелем возмутительной сцены. В кабинет вошел полк. Циклаури. Он был впущен после доклада одним из служащих. Консул, сидя в кресле, слушал полк. Циклаури, докладывавшего об этом деле и я был крайне удивлен, когда он, не стесняясь ни личностью полк. Циклаури, ни моим присутствием, стал кричать на полк. Циклаури и стучать по столу. "Вы должны принять это предложение, иначе мы Вам откажем во всяком нашем содействии". Это было уже принуждение. Я просил его не горячиться. Уже впоследствии, ссылаясь на неудачу этого предложения, консул в разговоре со мной неоднократно указывал, что беженцы не хотели работать. "Мы им предлагали идти на сельско-хозяйственные работы, они же не согласились", – говорил он. Может быть, беженцы действительно не хотели работать, но вряд ли можно было сделать подобное заключение из описанного факта. Утверждаю, что у правящих не было желания приспособить беженцев к какой-либо работе.

Я жил в Каваке, в деревне при входе в Босфор из Черного моря. В версте от меня уже в июне или июле некто Темников поселился с группой русских, человек 20, в одном заброшенном имении. Собственник одолжил ему несколько денег и на моих глазах имение благоустраивалось; понемногу закупался инвентарь, живой и мертвый. Он рубил дрова, делал уголь, плел корзины, развел огород, пчел, делал ульи; видя его работу американцы обеспечили его пищей до октября; от них же он получил одежду и обувь. В октябре, как мне говорил Темников, он был обеспечен продовольствием до июня. И это было сделано из ничего; я знаю, что последние две недели перед началом этого дела, Темников питался лишь чаем с хлебом; были проданы даже обручальные кольца. Мы же, имея деньги, никого не приспособили к этой отрасли труда.

Было еще одно предложение. Около нашего лагеря, верстах в пяти, группа русских образовала сельско-хозяйственную колонию; во главе стоял ген. Слащев-Крымский. Это дело продавалось. В

консульстве было назначено заседание по этому вопросу. Я присутствовал. На заседании было решено отправить туда комиссию для исследования вопроса. При выборе комиссии характерно было то, что в комиссию были избраны люди, которые на заседании высказывались отрицательно; эти последние говорили, что беженцы такая публика, которая ни на какую работу не способна. Комиссия отправилась на место и вернулась с заключением, что цена, назначенная за передачу аренды, слишком высокая и не соответствует стоимости. Так и это дело пропало. Больше не искали. Вообще не искали. Предложение Мамулайшвили последовало от этого последнего, а относительно Слащевского имения инициаторами были сами беженцы. Ни консульство, ни комиссии совершенно не искали. Найти же можно было, ибо находили же другие.

Курьезно то, что в Константинополе восстановили должность Министра Труда, а затем образовали еще под председательством Хомерики Трудовую комиссию; ни Министр Труда, ни Трудовая комиссия не устроила на работу ни одного беженца. Повторяю, желания устроить беженцев каким-либо способом не было.

Теперь коснусь вопроса, как заботились облегчить быт и жизнь беженцев. Я уже говорил, в каких условиях жили в лагере. Отказавшись от оказания помощи в смысле организации артелей и приискания работы, комиссия постановила открыть в лагере различные учреждения для обслуживания беженцев. Были организованы сапожная мастерская, парикмахерская и санитарная помощь. Служебный персонал из состава лагеря получал денежное вознаграждение от комиссии; материалы и инструмент были заведены также на средства комиссии; но, конечно, все в примитивном виде. В самом начале, в апреле, в комиссии был поднят вопрос о разделении лагеря. В лагере собрались беженцы, среди которых большую часть составляли казаки. Передавали, что между казаками и грузинами происходили трения и пререкания, и вот решили для грузин образовать другой лагерь. Так и сделали. Нашли разоренные казармы на другом, Европейском берегу, как раз против старого лагеря и решили оборудовать их для жилья. Отпустили на организацию этого дела 400 лир и приступили к работе. Накупили досок, гвоздей и приступили к делу. Достали одну палатку у американцев и 21-го или 22-го апреля грузин перевезли на новое место. Здесь я не могу не указать на одно обстоятельство. Выданных 400 лир не хватило и сделали перерасход до 200 лир; комиссия утвердила этот расход. Затем на следующем заседании выяснилось, что счет был составлен неверно. А именно, истраченные 60 лир были помещены в графу пиастров. Заметили это лишь через несколько дней. Комиссия пополнила и эту сумму. Достойно удивления, что представлявшие счет не заметили такой недостачи в выданной ими сумме для расходов в момент предъявления счета. Как можно не заметить истратили ли 60 лир или 60 пиастров.

Об этом переходе на другое место я узнал, будучи в Каваке, и сейчас же написал письмо, прося не торопиться с этим переходом, не дающим особых преимуществ перед старым лагерем, но вызывающим большой расход денег. Моего приезда не подождали и решили этот вопрос без меня. Содержание двух лагерей, конечно, увеличило ежемесячный расход на лагерь. Спустя некоторое время, по инициативе дам-беженок образовался дамский комитет помощи беженцам. Этот комитет устроил благотворительный вечер, а затем другой, и к ноябрю месяцу был нанят дом, где поселились несколько семейств из числа беженцев, не состоявших на иждивении Правительства. Дальнейшую работу и участь этой организации не знаю. Председательницей этого общества была Е. В. Мдивани.

Была высказана забота консульской комиссией об организации помощи беженцам в смысле помещения детей в учебные заведения. Прежде всего нельзя было разобраться, кто непосредственно ведет это дело. Дело началось еще летом и тянулось до бесконечности. Я подавал несколько раз сведения о своих детях, но так и не добился успеха. Уже в октябре-ноябре, переехав в Константинополь, хлопоча отдельно, мне удалось поместить своих детей в женский католический монастырь. Знаю, что и полк. Чхеидзе не мог добиться от этой организации помощи для устройства своих сыновей. Думаю, что никто не получил помощи. Заявления свои о детях мы должны были представить ген. Мдивани, который и принял все хлопоты по устройству детей в учебные заведения.

Вспоминаю еще один случай заботы о беженцах. Устраивая лагерь, поднялся вопрос о желательности купить приспособления для рыбной ловли с целью организовать это дело. Однако оказалось, что расход, требуемый для этого дела, слишком значителен. Решили купить только лодку, в которой являлась настоятельная необходимость для подвоза продовольствия, привозимого американцами в старый лагерь и для ежедневной доставки хлеба из Кавака. Купить лодку поручили не коменданту, а кому-то; как говорили в комиссии, специалисту. Лодку купили старую и она через две недели стала протекать, весла поломались, одно из этих весел было больше другого и одно из них было уже починенное, когда покупали лодку. Купили новые весла, стали ежедневно чинить лодку, но ездить в ней было небезопасно. За лодку заплатили, кажется, около 70 лир; потом за весла около 10 лир, да потом всегдашняя починка тоже стоила денег. Между тем в Каваке, где я жил, лодочник предлагал, не торгуясь, лодку, почти совершенно новую, вполне исправную, с парусом и новыми веслами за 80 лир. Так делалось у нас все. Деньги расходовались, а пользы никакой.

Чтобы закончить свои воспоминания о Константинополе, я укажу два примечательных факта. Это судьба имущества Военной Школы

и Союза городов. Как я указал выше, всякое имущество, вывезенное из Батуми, комиссия объявила достоянием государственным и, следовательно, в полном распоряжении Правительства. Я уже указал раз, что комиссия ответила мне, когда я заявил, что чины Гвардии получили деньги сверх положенного иждивения; мне ответили, что эти деньги получены были за продажу имущества, привезенного штабом Гвардии, и что последний имел право ими распоряжаться по своему усмотрению. Военная Школа погрузила почти все свое имущество и привезла много одежды. Летом я просил выдать часть этой одежды, ибо юнкера окончательно обтрепались. Мне обещали и комиссия несколько раз подтверждала это. Дело затянулось до тех пор, пока правительственная комиссия Канделаки не окончила своего существования. Дело о выдаче этой одежды перешло к г. Эрадзе. Я ему в неделю два раза напоминал. Он никогда не отказывал и каждый раз говорил, что принимает все меры к тому, чтобы получить это имущество и передать юнкерам. Исчерпав терпение, я обратился к Гварджеладзе. Последний при мне пригласил г. Эрадзе и спросил его, когда же дадут одежду юнкерам. Получился стереотипный ответ "принимаю меры". Дело так и умерло, а спустя некоторое время юнкера, зашедши случайно в одну из дешевых столовых в Стамбуле, увидели там свои постельные покрышки с надписью некоторых юнкеров. Так эти "меры" привели имущество юнкеров в стамбульские столовые.

Не так было поступлено с имуществом Союза городов, где главой был Н. З. Элиава. Он категорически объявил, что Правительству никакого дела нет до имущества Союза городов и так и не дал оттуда ничего.

Участь беженцев мало занимала власть имущих. Вот еще один случай. Не помню в каком месяце, но однажды на рассвете я был разбужен. Прибыли из лагеря юнкера и передали донесение ген. Чхеидзе. Ген. Чхеидзе доносил, что ночью на лагерь напали разбойники и произвели грабеж. Был ограблен лично он и живущие с ним в одном доме майор Сулханишвили и М. Цулукидзе. Ген. Чхеидзе с вышеупомянутыми лицами и со своими семьями жил в отдельном домике по другую сторону залива, около которого был расположен лагерь; этот домик находился в расстоянии не более полуверсты от лагеря. Дверей и окон в этом доме не было и разбойники-лазы ночью свободно вошли в квартиру. Оружия ни у кого не было. Отобрали деньги, кое-какие вещи, среди которых пропала у ген. Чхеидзе ценная шашка, один из редких экземпляров на всем Кавказе. Получив донесение, я в сопровождении ген. Бакрадзе, жившего тогда у меня, отправился в полицию; там мне сказали, что я должен заявить полиции другого берега. Переехав Босфор, я прежде всего послал нашему консулу телеграмму, в которой сообщил о происшедшем и просил принятия мер, затем сделал в полиции соответствующее заявление. В тот же момент, пользуясь знакомством с полицией, я

послал нарочным письмо консулу; я просил выхлопотать разрешение о выдаче нескольких винтовок в лагерь. Затем я побывал в лагере и на другой день поехал в консульство. Консул выразил полную готовность прийти на помощь и выхлопотать оружие. Однако, несмотря на мои чуть не ежедневные напоминания, дело не двигалось. В лагере же еженощно переживали неприятные часы и многие дамы не спали целые ночи напролет, боясь нападения. Надо сказать, что турецкие солдаты, охранявшие казармы и расположенные на берегу пушки, были несомненно в связи с этими разбойниками. В ночь нападения эти солдаты проявили полное безразличие, а один из них, как потом выяснилось, предупреждал о готовящемся нападении. Консул при моих напоминаниях очень хладнокровно относился ко всему происшедшему; проходили дни за днями, а оружия не выдавали; так продолжалось недели две, когда из лагеря приехали в консульство ген. Чхеидзе с избранным лагерем делегатом, доктором Коберидзе. Последний объявил, что без оружия не уедет в лагерь. Такой способ оказался действительнее моего требования и ежедневных напоминаний. Дали на следующий же день 10 винтовок. Впоследствии, уже осенью, выданные винтовки потребовали назад. На мое заявление консулу, что нельзя ли попросить оставить винтовки, консул ответил, что он просил, но власти не соглашаются и затем добавил, что, может быть, отсутствие винтовок заставит беженцев скорее очистить лагерь и разойтись. Характерно в высшей степени.

ГЛАВА XXIX

ПИСЬМО К Н. Н. ЖОРДАНИЯ И ЕГО ОТВЕТ

В заботах о беженцах я, конечно, заявлял неоднократно в комиссиях и консулу о тех или других нуждах беженцев; к этому оставались глухи. Еще в апреле я решил обратиться к Председателю Правительства с письмом, в котором обрисовал тогдашнюю обстановку и просил об улучшении быта беженцев. Вот копия моего письма.

"Многоуважаемый Ной Николаевич. Я считаю необходимым известить Вас о создавшейся здесь обстановке, главным образом касаясь военных. Вам, вероятно, Ной Виссарионович доложил об общем положении; я просил его доложить Вам, в частности, о военных. Ваш приказ об увольнении всех государственных служащих от своих "должностей" и о признании их "беженцами" был объявлен в письменной форме консулом 2-го сего апреля. Этот приказ произвел среди военных, не знаю как среди остальных, весьма неприятное впечатление. Этим приказом все военные оказались превращенными в граждан всего мира. Они выехали из Грузии, как не могущие оставаться при советском режиме и, следовательно, они не смогут признать себя гражданами советской Грузии, а другой Грузии пока нет. Освобожденные от своих должностей они юридически сейчас ничто. Между тем Правительство Грузии существует. Если они были освобождены от должностей, потому что нет тех частей и учреждений, во главе которых они стояли, то естественно народился у всех вопрос: "Как же в таком случае может существовать Правительство, если у него нет народа и территории? Если у Правительства нет органов, хотя бы для будущего управления, то что же оно собой представляет?" Ведь после Вашего приказа получается какое-то смешение понятий и, как следствие, вытекает, что все взаимоотношения между Правительством и военно-служащими уничтожаются (был случай, когда один в лагере заявил, что здесь богадельня и что их

начальством здесь являются американцы; правда, заявивший был не грузин), все вольны в своих действиях и, если Правительству они впоследствии окажутся нужными, то они вправе отказать Правительству в своем содействии. Все уволенные могут смотреть на Правительство, как на частных людей, и считаться с ними постольку, поскольку на это будет их добрая воля. Вряд ли полезно и желательно ставить в такое положение служащих, особенно военных. Вместе с этим военные после этого приказа совершенно свободны сами заняться своей судьбой; сами будут обращаться ко всем, указывая на создавшееся положение; будут жалобы, дрязги, ругань в печати и пр. Все это ни для кого не желательно. Во всяком случае военная группа, поставленная в описанное выше положение, естественно постепенно расползется. Другого выхода у ней не будет. А раз это так, всякий вправе думать, что он больше не нужен и что он выбрасывается в мировое житейское море, и предоставлен самому себе, и именно после того, когда он до конца остался верен Правительству, держащему кормило правления грузинского народа. Вряд ли это положение, в которое попал сейчас военный, является вознаграждением за его бескорыстную, беззаветную службу. Я говорил об этом с Ноем Виссарионовичем; он согласился со мной, выразил взгляд, что военная группа не должна рассосаться и обещал это изменить, переговорив здесь с членами Правительства. Но он уехал и, вероятно, доложил Вам об этом. Я настаиваю, чтобы Вы этот свой приказ отменили. Можно даже не издавать что-либо новое; естественно и просто каждый уже освободился от фактического исполнения своих обязанностей за неимением частей и учреждений, но будет по-старому считаться по той должности, которую занимал раньше. О себе не хлопочу. Правительство всегда вправе уводить то или другое должностное лицо и заменить его другим, и в рассмотрение этого вопроса я входить не буду. Здесь имеется правительственная комиссия. Она состоит из Председателя г. Канделаки и членов г. г. Эрадзе, Чхиквишвили, консула, Сургуладзе и М. Церетели. Из числа грузин главную массу составляют военные, их больше 200 человек. Считаясь с их настроением, я возбудил вопрос о вводе в правительственную комиссию одного военного по моему назначению или по выбору самих военных. Я говорил об этом с Сургуладзе и он через два-три дня, по-видимому переговорив с членами правительственной комиссии, сказал мне, что этого сделать нельзя, ибо состав комиссии назначен Правительством и ввод туда кого-либо возможен лишь распоряжением Правительства. Между тем, вчера узнал, что вместо уехавшего М. Церетели в состав комиссии введен ген. Мдивани распоряжением самой комиссии. Получилось что-то странное и непонятное. Военные озабочены своей дальнейшей судьбой. Они видят, что их кормят американцы; дают, правда частично, одежду, белье, обувь. Между тем Правительство материальной помощи не оказало, а в смысле моральном, уволив всех со службы и

превратив в беженцев, даже как бы сказало, что они больше не нужны Правительству, т. е. иначе говоря не нужны и Грузии. Военные, не считая американское довольствие за обеспечение, через меня спрашивают у Правительства, чем и на какое время Правительство обеспечивает их. Ной Виссарионович на это мне не ответил и по моей просьбе должен был доложить Вам. На это я прошу ответа у Вас. Правительственная комиссия установила для тех, кого Правительство берет на свое иждивение, карманные деньги: для 1-й категории

– генералов и соответствующих чинов	– 8 лир в месяц
Для 2-й категории – штаб-офицеров	– 6
Для 3-й категории – обер-офицеров	– 4
Для 4-й категории – солдаты	– 3
Кроме того на каждого члена семьи по	– 1-й лире.

Таким решением военнослужащие оказались неудовлетворенными и просили меня испросить следующие карманные деньги:

Для 1-й категории	– 12 лир
Для 2-й категории	– 10
Для 3-й категории	– 6
Для 4-й категории	– 3

и на каждого члена семьи по 3 лиры. Правительственная комиссия исходила из того соображения, что денег нет и что для карманных денег она может отделить лишь 1500 лир и то на первый месяц, а на второй, может быть, и этого не будет. Вторые цифры вызывают расход на всех около 750 лир сверх 1500 лир и я советовал, хотя бы для первого месяца, выдать по тому минимуму, который испрашивали военные. Военные исходили из следующих соображений. Установленные правительственной комиссией карманные деньги не хватают, как говорится, на табачек. Между тем все эвакуировались в том, что было на них надето, вследствие чего ведь нужно же купить хоть одну пару белья (американцы дали лишь по одной), носовой платок, полотенце, а также впоследствии, а некоторым и сейчас, обувь; кроме того каждому приходится обзаводиться предметами первой необходимости домашнего обихода, особенно семейным; этих мелочей, Вы сами знаете, очень много. Помимо этого нельзя же жизнь проводить в безделии; надо заниматься хотя бы самообразованием, хотя бы изучением одного из языков; для этого требуется приобретение руководств, письменных принадлежностей; наконец, стула, стола. Мне ясно, что на удовлетворение всех этих потребностей конечно, не хватит и тех денег, которые испрашивали военные. Военные, принимая во внимание естественно стесненное положение правительственной комиссии в денежном отношении, все же не могли остановиться на других цифрах, кроме испрашиваемых, и категорически заявили, что получать 4–6–8 лир они не будут, ибо это является не иждивением, как обещалось Правительством, а фиктивной помощью. Я советовал правительственной комиссии достать необходимые 750 лир путем займа, но мне ответи-

ли, что на это они Правительством не уполномочены. Отказ военных от карманных денег создает нежелательную обстановку и я очень прошу изыскать средства удовлетворить их желанию, и, надо сознаться, что их желания представляют минимум желаний и совершенно не соответствуют действительной потребности. В защиту их желания я должен сказать следующее. Ведь прежде чем действовать, надо существовать. А офицеры видят, что помимо Вас и Министра Иностранных дел отсюда уехали председатель Учредительного Собрания и Министр Внутренних дел, да еще с семьями. Ведь эти уехавшие лица не могут быть активными деятелями для устройства будущей судьбы нашей родины; во всяком случае, пока можно было их не перевозить, так как вряд ли в них была такая спешная необходимость. А выезд их вызвал лишний расход, вероятно не менее того, который достаточен был бы для увеличения карманных денег. Очень много толков ходит относительно вообще расходов, производимых здесь правительственной комиссией; о подробностях не стоит говорить, Вы, вероятно, понимаете в каких это передается тонах. С этой целью я просил Ноя Виссарионовича поднять вопрос о контрольном органе и, для прекращения всяких слухов, о вводе в этот орган военного по назначению от нас. Ной Виссарионович сказал, что такой орган есть и что в принципе против ввода туда военного он ничего не имеет. Вообще, необходимость контроля ясна каждому. Однако, пока до сих пор ничего не сделано. Необходимо это сделать возможно скорее. Здесь имеется комиссия труда, но до сих пор реально она себя еще не выказала; по крайней мере по отношению военных. Должен Вас сказать, что среди военных определенно говорят: "Там, на родине делались деления на наших и на не наших, и к числу не наших относили офицеров; теперь и на чужбине продолжается то же самое". Я считаю, что наши домашние дела и всякие счеты должны остаться между нами, но я боюсь, что создается такая обстановка, когда вынос сора из избы предотвратить нельзя будет. Очень горячо осуждают отправку 3-х автомобилей в Париж, что вызывает большой расход; это в то время, когда отказывают в минимуме здесь оставшимся. Казалось бы достаточно было отправить один автомобиль. Вы, вероятно, помните правительственное заседание у Вас в вагоне, когда решался вопрос об удовлетворении тех, кто выехал из Грузии, и когда решено было взять всех желающих. Тогда вопрос о денежном довольствии был решен в том смысле, что размер его будет установлен в зависимости от выяснившихся средств. На этом заседании, если помните, Е. П. Гегечкори говорил о жизни всех даже на коммунальных началах. Из факта пересылки автомобилей, вызывающий лишний расход, не видно этого. Итак, суммируя все сказанное, необходимо получить ответы на следующие вопросы. 1) Кого из себя представляют все служащие? Каковы их взаимоотношения к Правительству? 2) Каковы права и полномочия здесь оставшейся комиссии и кто имеет

право изменять ее состав? 3) Чем и на какой срок, хотя бы приблизительно, Правительство обязуется обеспечить тех, кого взяло на свое иждивение? 4) Об увеличении размеров карманных денег до цифр, испрашиваемых военно-служащими. 5) Об установлении органа Государственного контроля и вводе туда одного военного по моему назначению. 6) О вводе в комиссию труда одного военного и вообще принципиального разрешения вопроса о вводе во всякие образующиеся комиссии военных, как представителей военной группы.

Остаюсь всегда уважающий Вас Георгий Квинитадзе.

26-го апреля 1921-го года.

Верно: Майор Гоциридзе.

Перечитывая это письмо сейчас, оно мне кажется весьма наивным. Я верил, что действительно мало денег. Я помню после отъезда членов Правительства власть имущими всюду говорилось, что члены Правительства взяли с собой лишь 700 лир и как будут жить в Париже — Бог его знает. Выражали надежду на заем.

На мое письмо я не получил никакого ответа. Только после моего письма А. И. Чхенкели и вторичного обращения к Председателю Правительства, в котором я указывал, что неполучение ответа лишило меня возможности продолжать переписку с ним, я получил ответ. Мое вторичное обращение к Н. Н. Жордания было вызвано высказанным моим желанием переехать в Париж; в этом же письме я протестовал против уменьшения мне оклада содержания. Дело в том, что с 1-го августа была в Париже составлена смета, по которой определялось всем содержание. По этой смете мне уменьшили содержание до 180 лир в месяц вместо 200, даваемых до того. Однако о своих личных делах и отношениях я скажу позже; теперь же приведу дословно письмо Н. Н. Жордания, явившееся ответом на мое 1-е, второе и третье письмо. Вот оно:

28.8.21 Париж.

Многоуважаемый Георгий Иванович. Я получил оба Ваши письма. Я не ответил лично на первое письмо, т. к. по существу Правительство ответило: вопросы поднятые Вами в этом письме обсуждались в Правительстве и решения сообщены. Против этих решений я возражений не получил. Что касается второго письма, то оно покоится на недоразумении. Никто Вас не приковывал к Константинополю; можете жить в любой Европейской стране, нам бы хотелось, чтобы кто-либо из авторитетных военных жил пока в Константинополе; если не Вы, так Закариадзе. Я вполне согласен с Вами, что было бы очень желательно, чтобы наши военные поехали куда-нибудь из Европейских стран и познакомились с постановкой военного дела. Мы уже об этом написали Вам и предложили переехать в страны с пониженной валютой: в Германию, Австрию, Италию и т. д. или в Польшу, Югославию, где можно обойтись с русским языком. Тем

жалованием, что там получаете, лучше можете жить в этой стране. Но почему до сих пор на наше предложение никто не отзывается? Вот возьмитесь Вы, соберите группу и поезжайте в Польшу, где орудуют французы и нам особенно интересно положение вещей там. Жизнь там в три раза дешевле Константинополя и русским языком обойдетесь; оттуда посетите и Румынию, и Эстонию, и т. д. Что касается до уменьшения жалованья, это не Вам одному, а всем нам; Вам уменьшили на 200 фр., а здесь всем уменьшили на 500 фр. Так что Вам обижаться нет основания, сокращение сделали для нас самих; если в несколько месяцев истратили все, что у нас есть — что бы сделали потом. Офицеров, служивших защите родины, мы никогда не оставим на произвол судьбы и не требуем, чтобы они уезжали обратно; мы совершили большое преступление, что не взяли с собой Маркозашвили. Но в Константинополе оказались и такие военные, которые никакого участия в войне не принимали; им то мы не обязаны. В Сирии нам предлагают очень хорошие условия для наших юнкеров; климат там хороший; подробно Вы расспросите там представителя Сирийской армии. Предлагают составить из грузин специальный отряд для специальных целей, т. е. я уверен, что наши молодые люди там отличатся; но, главное, не связывают длинным сроком; полагается пять лет, но можно также и через год. Если у нас что-нибудь разыграется, всех возьмем обратно. Ну, кажется, все. Жму руку, привет Закариадзе.

Н. Н. Жордания.

Что и говорить, письмо великолепное, но как всегда у них у всех слова расходятся с делом. Председатель Правительства свое письмо начинает тем, что объясняет, почему он мне не ответил, и объясняет тем, что Правительство уже ответило на возбужденные мной вопросы и добавляет, что возражений на эти решения он не получил. Однако, в действительности, ни на один вопрос не было сделано ответа. Мое письмо послано 28-го апреля; ответ датирован 28-го августа. Я должен указать одно обстоятельство. Мое вышеуказанное письмо пролежало у консула две недели, несмотря на мои неоднократные напоминания и только, когда я попросил вернуть его обратно, оно было отправлено. Следующие письма я уже посылал лично. За это время в Константинополе, в правящих сферах, произошли следующие изменения. Правительственная комиссия, еще в апреле, ввела сама в свой состав ген. Мдивани, хотя, при первом моем заявлении о необходимости это сделать, ответила отказом, ссылаясь на то, что личный состав этой комиссии составлен распоряжением Правительства. В июле месяце эта комиссия расформировала себя и образовала новую беженскую комиссию. Старая беженская комиссия, где председательствовал Б. Чхиквишвили, была упразднена. Вместо нее была образована под председательством консула комиссия, на которую возлагались дела беженцев. Она состояла из Председателя,

г. консула и двух членов: ген. Закариадзе и г. Гегелашвили. Я должен отметить, что назначения ген. Мдивани и ген. Закариадзе были сделаны не только без моего согласия, но и не спрашивая моего мнения. Ген. же Чхетиани, назначенный мной в беженскую комиссию Б. Чхиквишвили с самого начала, ушел из комиссии, так как считал невозможным работать при создавшихся условиях, когда больше всего заботились рассеять беженцев, а не устроить их судьбу. Сопоставляя произведенные назначения военных в комиссии с тем обстоятельством, что не давали мне возможности произвести эти назначения, ясно, чем руководствовались власть имущие. Ни ген. Мдивани, ни ген. Закариадзе, по своим характерам, не могли в этих комиссиях явиться людьми, твердо отстаивающими интересы военных.

Затем, к 1-му августа был составлен список офицеров, которых Правительство брало на свое иждивение и которым был определен оклад содержания. В ответном письме Председателя Правительства примечательно то, что нет ни слова о контрольном органе.

ГЛАВА XXX

Судьба юнкеров. – Решение Правительства о моем местожительстве за границей

СУДЬБА ЮНКЕРОВ

Был еще вопрос; это об юнкерах. Вот его история. Юнкеров прибыло в Константинополь 69 человек. Когда выяснилось, что проходят месяцы, а участь беженцев, и в частности юнкеров, не только не выясняется, а, напротив, они предоставляются сами себе, тогда 14 юнкеров вернулись домой на родину. Власть имущими между тем были приняты меры к возвращению на родину. Я уже говорил об этом. Часть беженцев вернулась; из офицеров вернулись единицы. Среди невоенных, вернувшихся на родину, вернулось более или менее много гвардейцев, среди которых находились и некоторые члены штаба Гвардии. Но это было сделано в самом начале нашего пребывания в Константинополе. Когда эта мера не дала ожидаемых результатов, тогда власть имущие решили применить другую меру, а именно, составить список лишь тем, кто не может вернуться на родину. Эта мера привела к тому, что число военных, которых Правительство должно было взять на свое иждивение, было значительно сокращено, а число не военных оказалось значительно увеличено. "Офицеров, служивших защите родины, мы никогда не оставим на произвол судьбы и не требуем, чтобы они уезжали обратно"... пишет в своем письме Председатель Правительства. А между тем в Константинополе принимались меры совершенно обратные этим словам. Но у власть имущих слова обыкновенно расходились с делом. Об оставшихся юнкерах (после отъезда 14 юнкеров) вопрос оставался открытым. При обсуждении вопросов о беженцах, и в частности о военных, я уже не привлекался. Меня постепенно отводили от этого. Но об этом после. В заботах об юнкерах я неоднократно обращался не только к нашему Уполномоченному Правительством К. Г. Гварджеладзе, но и в Париж с письмами к самому Правитель-

ству. Результатом моих ходатайств было то, что 5 юнкеров поместили в одну из военных школ во Франции. Остальных в Константинополе власть имущими было решено отправить на родину. Но перед этим Гварджеладзе со мной ездил к представителям Сербии, Италии и Франции; мы просили поместить их в военно-учебные заведения. Ответ впоследствии оказался отрицательным. Однако удалось 20 юнкеров поместить в Грецию, в военную школу. Таким образом оставалось еще около тридцати. В отношении их, как я указал выше, власть имущими было принято решение отправить их на родину. Когда юнкера узнали об этом, то они отказались уезжать. Я не вмешивался в это дело, ибо весь вопрос об юнкерах вели без меня, если не считать моей единственной, совместно с К. Г. Гварджеладзе, поездки к иностранным представителям.

Натолкнувшись на сопротивление юнкеров, решили обратиться ко мне, т. е. чтобы я приказал юнкерам возвращаться домой. Когда К. Г. Гварджеладзе сказал мне об этом, то я ответил, что раз все дело вели без меня, то теперь я не вмешиваюсь и пусть сами непосредственно отдают юнкерам приказ об отправлении на родину, как они раньше отдавали приказы без меня, вообще, военным, и в частности юнкерам. Тогда было устроено большое заседание политических деятелей под председательством Уполномоченного Правительством. На этом заседании сначала решили было, чтобы я приказал юнкерам ехать на родину. Я отказался и указал, что я не могу отдать такого приказания, так как никогда не отдавал приказаний, которые могли бы быть не исполнены. В данном случае юридически я был не вправе отдавать такие приказания, ибо я уже давно был уволен с должности Главнокомандующего. С нравственной же стороны я даю такие приказы, которые я сам могу исполнить, поэтому в таком случае я сам должен встать во главе их и вернуться на родину; не все средства к оставлению юнкеров исчерпаны. На собрании было решено принять все меры к оставлению юнкеров. Действительно. К. Г. Гварджеладзе удалось устроить их в Польшу. Однако вопрос о визе долго затягивался; визы не давало Румынское правительство. Наконец, месяца через два-три виза была получена и юнкера уехали в Польшу.

РЕШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА О МОЕМ МЕСТОЖИТЕЛЬСТВЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Теперь коснусь воспоминаний, касающихся лично меня. В начале нашего пребывания в Константинополе, после отъезда нашего Правительства в Париж и моего увольнения от своей должности, один из членов правительственной комиссии, М. Церетели, сказал мне, что комиссия, хотя еще не решила, но предложит мне переехать в Италию; мне будет назначено 100 турецких лир, что по дешевизне жиз-

ни в Италии считается достаточным. Я отклонился, указывая, что не имею нравственного права оставлять военную среду, участь которой еще не решена. Затем я пошел к Председателю комиссии К. П. Канделаки и повторил ему тоже самое. Он мне сказал, что проектируется мне содержание 120 лир. Я возразил, что на эти деньги мне с семьей в 6 душ, в Константинополе не прожить. Через несколько дней мне сказали, что комиссия назначила мне содержание в 200 лир и 9-го апреля я переехал из консульства в деревню Кавак. В Константинополе я не мог прожить на получаемое содержание. А надо было обзаводиться бельем, обувью, одеждой и пр. Я выехал из Батуми имея две смены белья.

Таким образом, в консульстве моя семья прожила с 22-го марта по 9-е апреля. Моя семья и жена ген. Чхетиани жили в одной комнате и мы столовались в консульстве. Переезжая из консульства, я спросил консула, сколько я должен уплатить за стол за время пребывания в консульстве. Он ответил, что решено не брать денег за стол и Правительство берет этот расход на себя. Затем через некоторое время он мне сказал, что Правительство берет на себя расход лишь до 1-го апреля, а после этого дня придется уплатить. Еще через некоторое время он объявил мне, что ничего не надо платить, так как Правительство уплатит за всех, за все время пребывания. Уже в мае, в конце, он неожиданно для меня объявил, что мне придется уплатить 32 лиры, а ген. Чхетиани 16 лир. Однако с ген. Чхетиани этих денег не взяли; он уехал в Грузию. Кто уплатил этот его долг мне не известно и интересно знать, как покрыли этот долг, т. е. из каких сумм. Уплачивая свой долг, я просил консула удержать из моего содержания в два приема. Удерживая в июне первую половину, он мне заметил, рассчитываю ли я получить в следующем месяце содержание. Я был крайне удивлен такому вопросу; но он характерен. Если допускалась возможность предоставить меня самому себе, оставить меня без содержания, то нечего и говорить об отношении Правительства ко всем остальным военным, этим бескорыстным защитникам родины. Интересно знать уплатили ли остальные, кто жил в консульстве, т. е. Рамишвили и семья Гегечкори. Не думаю.

Деревня, куда я переехал, была простая турецкая деревня. В этой деревне я нашел 3 комнаты; из них две комнаты наверху, а одна внизу; кроме того в верхнем этаже были внутренние сени, в которых мы устроили столовую. Дом казался двухэтажным, но ввиду того, что он был построен на косогоре, верхний этаж был в уровень с землей. Обстановки в этом доме не было никакой и я с трудом добился, чтобы мне дали одну кровать, 4 полусломанных стула и два стола, таких маленьких, что соединив их вместе едва получили место для обеда. Со мной вместе поместился мой шурин ген. Макашвили, также эвакуированный из Тбилиси. Он не служил с 1919 или 1920 года. Отличный, добросовестный и знающий службу офи-

цер, он был сначала назначен начальником пограничной стражи, но затем уволен по неизвестным причинам, как уволили и много других способных офицеров. Для него мы сколотили из досок кушетку и поставили ее в нашей столовой. От американцев мы все получили хозяйственные принадлежности, как-то одеяла, ножи, вилки, кружки, тарелки и мешки-матрасы, которые мы набили сеном. Таким образом дети с Бабале разместились в одной комнате; я с женой в другой, Макашвили в "столовой", а Чхетиани с женой в нижней комнате. Детям и няне пришлось спать на полу.

Впоследствии американцы дали всем беженцам кое-какую одежду. Это был все старый хлам, однако жена взяла кое-что, а пальто американское она носит и здесь в Париже. Если бы не помощь американцев, я не представляю себе, как бы я мог обзавестись всем необходимым. Эта американская помощь была первая полученная мной в жизни; впоследствии мне пришлось принимать таковую и от частных людей. Так проявилась забота Правительства о своем Главнокомандующем, о том генерале, который неоднократно выручал их и страну из критического положения, в каковое ее руководители ставили ее своим неумелым управлением.

У нас была кухня, но, конечно, не было ни плиты, ни очага. В большом турецком камине мы поставили несколько кирпичей и на этом импровизированном очаге готовили себе пищу; однако огонь получался такой маленький, что нельзя было поставить две кастрюли, так что кипятить воду и варить пищу одновременно нельзя было. Кое-какую кухонную посуду пришлось купить. Воду приходилось приносить с родника. Через несколько дней мне удалось нанять одного турка, который за две лиры в месяц приносил два ведра утром. Но он игнорировал своими обязанностями и часто нам самим приходилось ходить за водой; кроме того два ведра нам, конечно, не могло хватить и почти каждый день мы ходили за водой; в дни же стирки, а она бывала часто, приходилось целый день таскать воду.

Американцы довольствовали беженцев. Сначала это довольствие давалось в достаточной мере, потом понемногу оно стало урезываться. Американцы давали чай, сахар, соль, мыло, консервированное молоко, свечи, белую фасоль, которую никак нельзя было разварить, рис, уксус и в 10 дней один раз говядину. Эта выдача мне сильно помогала, однако надо было многое покупать. Как я был ограничен, показателем может служить то обстоятельство, что лишь в июле мне удалось купить лично себе 2 смены белья. Из Батуми я вывез всего две смены белья, одна была надета на мне, а другая в это время стиралась. Почти в таком же положении была вся моя семья; приходилось все заводить постепенно.

Два-три раза в неделю мне приходилось ездить в Константинополь, а один раз в неделю я ездил или ходил пешком в лагерь. Каж-

дая поездка отнимала целый день, вследствие чего половину дней я проводил вне дома; это вызывало лишний расход. В июле мне пришлось купить летнее пальто и оно мне служит и теперь; в нем же мне пришлось ходить в Париже и зимой. В деревню Кавак переехали некоторые офицеры; сюда переехали Макашвили и Залдастанишвили со своими семьями, Валя Эристави, Мкурнали и Кипиани с женами. Мкурнали и Кипиани открыли прачечную; белье доставали в Константинополе. Макашвили хлопотал о визах для переезда в Германию. Залдастанишвили бился кое-как и жил в ожидании выдачи автомобилей. Дни за днями, недели за неделями тянулись нудно.

К августу месяцу некоторым офицерам установили содержание от Правительства. Юнкерский вопрос был решен, автомобилистам дали автомобили и Правительственная комиссия ликвидировалась. Мое дальнейшее пребывание в Константинополе оказывалось лишним и я возбудил вопрос о своем переезде в Париж.

Я должен отметить, что за это время уехали по железной дороге в Париж В. Джугели и Б. Чхиквишвили. Я не допускал мысли, и сейчас не допускаю, чтобы у них были такие средства, которые позволяли ли бы им такой переезд. На мой вопрос в Правительственной комиссии, на какие средства они уехали, консул Гоголашвили ответил, что они уехали на свои средства. Я не поверил, ибо этому господину верить нельзя. Мой вопрос был вызван тем, что комиссия неоднократно отказывала в пособиях офицерам на лечение из-за отсутствия денег; между тем для поездки вышеупомянутых лиц деньги нашлись. В. Джугели скоро вернулся. Что касается Б. Чхиквишвили, то он остался в Париже. Я слышал потом, что члены Учредительного Собрания возбудили вопрос о сравнении Чхиквишвили по содержанию с членами Учредительного Собрания; он, как председатель беженской комиссии получал содержание не менее ста лир. Члены Учредительного Собрания были, конечно, правы, ибо функции свои он кончил. Однако, в Париже ему приискали место и он был включен в состав политической комиссии.

Коснусь этого вопроса. Политических комиссий было две; одну организовали в Константинополе, а другую в Париже. При наличии членов Учредительного Собрания такие учреждения были совершенно излишними; ведь не существовали же они в Грузии. Ясно созданы были синекуры, платные места для своих. Конечно, не находили нужным образовать военную комиссию. Какая нужда толкала учредить эти политические комиссии, особенно принимая во внимание ограниченность денежных средств. Работа же военных исключалась, несмотря на то, что таковая являлась настоятельно необходимой. Но нужно было найти платные места для своих; надо было изобрести такие комиссии, чтобы пребывание в них своих адептов оправдывалось бы и было бы так сказать законным. Власть имущие

оказались так беззастенчивы, что теперь, летом 1922-го года, после бывшей весной конференции политических деятелей, когда решено было, чтобы представители различных партий участвовали в заседаниях Правительства, все же политические комиссии оставили существовать.

Отъезд Чхиквишвили и Джугели в Париж оказался неожиданным для всех, конечно, для тех, кто не посвящен в тайны конспиративных постановлений; не знал об их отъезде и я, хотя два раза в неделю заседал с ними в комиссиях.

Свой переезд в Париж я мотивировал во-первых тем, что я должен быть при Правительстве, и во-вторых тем, чтобы мое пребывание за границей не оказалось бы безрезультатным в отношении ознакомления с постановкой военного дела за границей; я даже высказывал взгляд, что для лучшего и всестороннего ознакомления было бы мне недурно проехать из Парижа и в другие страны. В ответ на мое письмо я получил вышеприведенное письмо Н. Н. Жордания от 28-го августа, а также письмо К. П. Канделаки. В своем письме я заявил свой протест против уменьшения моего содержания, которое едва и так хватало, и которое заставляло меня жить в деревне, а не в городе. Это уменьшение содержания на 200 фр. не спасало общего положения, но, сопоставляя его с тем, как я был из Главнокомандующего сделан беженцем, оно являлось симптоматичным. В этом уменьшении содержания сказалось желание поставить меня в такое положение, чтобы тем или другим способом избавиться от меня. Доведенный до крайности, я мог уехать в Грузию, что несомненно было на руку членам Правительства, принимавшим меры отмежеваться от меня. Дальнейшее покажет, что мои подозрения оказались правильными. Вот письмо К. П. Канделаки:

26.8.1921. Париж.

Многоуважаемый Георгий Иванович. Вчера в Правительстве было заслушано Ваше заявление относительного того, что Вам хотелось бы выехать из Константинополя[1]. Правительство постановило, что пребывание Ваше в Константинополе не является обязательным и Вы могли бы сами определить место жительства. Необходимо только иметь в виду, что определенный Вам оклад является предельным (1800 фр.) и рассчитывать на увеличение оклада не приходится. Если Ваш выбор остановится, например, на Германии (страна дешевой валюты) соответственно быть может сокращена эта цифра, ибо там 1800 фр. сравнительно с нашими окладами вообще будет преувеличенным (наш дипломатический представитель в Берлине получает 5000 марок, т. е. около 900 фр.), но и на меньшее там можно

[1] А не переехать в Париж.

хорошо устроиться. Я думаю и во Франции можно жить на 1800 фр. семейному лучше, чем в Константинополе, но только в самом Париже будет трудно. Вообще я думаю все зависит от умения жить. Семейные министры получают 2500 фр. в месяц, живут в деревнях и все время плачут; правда, им приходится ежедневно приезжать в город, бывать у разных лиц и т. п. Но, как Вы сами пишете, нет необходимости бывать в городе ежедневно, а в провинции я полагаю можно хорошо (конечно сравнительно) устроиться. Таким образом определенного постановления Правительство не вынесло, а только постановило, что можете переселиться по Вашему выбору. Проездные Вы получите из той суммы, которая находится в распоряжении консула на проезд эмигрантов. Офицерам и другим эмигрантам также разрешено жить и выехать согласно предложению Председателя Правительства (на основании Вашего письма), но только в указанных нами странах (Германия, Австрия) также Польша. Я полагал определенные нами оклады (при наших средствах) должны были наших эмигрантов удовлетворить; между тем, я получаю уже упреки в частных письмах. Между тем никто пока не попытался выехать из "проклятого Константинополя". Ведь 250–200 фр. – 1500–1200 марок германских, еще больше австрийских и еще больше чехословацких и польских. Зачем жить в столицах, а в провинции по имеющимся у нас данным можно концы с концами сводить на такой оклад. Ной Николаевич говорил мне, что тоже напишет Вам письмо. С лучшими пожеланиями К. Канделаки. Напишите, как решите.

К. Канделаки

Получив такое письмо, казалось бы, брать визы и ехать. Однако, так пишется, но произносится иначе. После этого письма я пришел к консулу. Он, по-видимому, имел об этом указания, ибо стал говорить о моей дороге и даже стал высчитывать во что это обойдется до Парижа. Я ему сказал, что я на днях ему скажу, куда я решил ехать. Через несколько дней я зашел к нему и сказал, что я еду в Париж. Эти несколько дней мне нужны были, чтобы выяснить хватит ли мне 1800 фр. для жизни во Франции. Выходило и по вышеприведенному письму, и по справкам, что проживу лучше и легче, чем в Константинополе. Однако за эти несколько дней что-то случилось в конспиративной среде власть имущих. Консул мне холодно ответил, что он не может дать мне денег сверх установленных на каждого эмигранта 50 лир; что этот оклад установлен для переезда в Германию и что, если я хочу ехать в Париж, то должен доплатить из своих средств; что, наконец, это зависит от Гварджеладзе, а не от него. Я ему заметил, что несколько дней тому назад, он даже занялся вычислением, сколько денег придется мне выдать. Он повторил свое. Разговор дальнейший с этим типом оказывался излишним, и я ушел от него. Пошел к Гварджеладзе. Он мне сказал, что получил письмо от

Н. Н. Жордания, где последний мне рекомендовал переехать в Польшу и поэтому ему придется выяснить этот вопрос. Вместо хлопот о визе, пришлось писать письма в Париж. На свои письма я получил ответ от К. П. Канделаки. Вот он:

28.9.1921. Париж.

Многоуважаемый Георгий Иванович. Месяц тому назад, в ответ на Ваше письмо, я сообщил Вам постановление Правительства, по которому Вам представлялось выехать из Константинополя. А. Чхенкели говорил мне сегодня, что Вы еще не выехали и следовало бы выяснить, и поставить Вас в определенное положение. Как я и прошлый раз писал, материальное положение наше очень и очень неважное. Не только эмигрантов наших приходится сосредотачивать в странах с дешевой валютой, но на днях Правительство постановило и студентов, обучавшихся в Англии, Франции и Бельгии отправить в Австрию. С января же месяца некоторым из нас должно быть также придется выехать отсюда, если не будут изысканы иные меры сокращения расходов, на что однако надежды мало. Ввиду этого, на основании совещания А. Чхенкели и Председателя Правительства сообщаю Вам, что Вам следует выехать в Германию. Как бы ни пошли наши дела, в Германии легче будет жить, чем здесь или в Константинополе. Особенно семейному, с детьми. Я уверен, препятствий в визе Вам не будет. Деньги на проезд Вам должны дать в Константинополе, я *об этом давно уже писал консулу*. Оклад в марках не определен пока, но будет постановлено, как только Вы известите о выезде. До тех пор будет высылаться во франках старый оклад. Примите уверение в искреннем уважении.

К. Канделаки.

Итак, в конце августа считается возможным мой переезд в Париж, а в конце сентября, через один месяц, уже обстановка так переменилась, что таковой переезд уже был невозможен. И, конечно, не недостаток материальных средств был причиной отклонения моего переезда в Париж. Члены Правительства и все, кто был здесь в Париже до сих пор, а сегодня 22-е июля 1922 года, живут здесь, а весной была устроена конференция партийных делегатов, вызвавшая расход довольно значительный, так как на нее съехались из других городов, а также из Константинополя. Недавно сюда приезжал из Константинополя Хомерики и уехал через несколько времени обратно. А на конференцию в Гаагу, где собрались лишь эксперты и где никаких политических вопросов не могли и не должны были разбирать, был отправлен С. Мдивани.

Опять пришлось писать письмо в Париж. Я указывал, что условия жизни в Париже в смысле дороговизны не могли перемениться в

один месяц и я настаиваю на своем переезде в Париж. Вместе с этим я пошел к Гварджеладзе. Он мне сказал, что Правительство руководствуется, вероятно, лишь расходом на мой переезд. Я возразил, что разница проезда в Париж или в Берлин вовсе не такая значительная и составит вряд ли больше 1000 фр., но что, вероятно, имеются другие причины, побуждающие Правительство избрать местом моего жительства всюду, но только не Париж; что я уверен, что если б я согласился доплатить свой переезд своими средствами, то и тогда Правительство не согласилось бы на мой переезд в Париж; что это все слишком слабо замаскировано и в каждом постановлении Правительства по отношению ко мне видна лишь злоба, которую они питают ко мне; что, наконец, такое положение вещей побудит меня уехать и попасть большевикам в лапы, но что раньше мне придется сделать гласным отношение Правительства к своему Главнокомандующему. В результате нашего разговора Гварджеладзе сказал, что он напишет письмо в Париж и уверен в том, что вопрос разрешится благополучно для меня. Мы даже поспорили на бутылку Анановского шампанского. Действительно, наши письма, вероятно его больше, подействовали, и я получил сношение от товарища Министра Финансов г. Елигулашвили. Вот оно:

Париж. 4 ноября 1921 года. Господину генералу Георгию Ивановичу Квинитадзе. Константинополь.

Многоуважаемый Георгий Иванович. На заседании 2-го ноября Правительство постановило удовлетворить ходатайство Ваше на переезд во Францию. Извещая об этом, вместе с этим делаю распоряжение нашему консулу в Константинополе выдать Вам деньги на проезд.

Уважающий Вас Тов. Мин. Финансов И. Елигулашвили.

Однажды в ноябре меня встретили на улице сослуживцы и сказали мне что в консульстве получена из Парижа бумага, согласно которой мне разрешено переехать в Париж. Я пошел в консульство. Консул мне сказал, что действительно есть таковая и даже деньги переведены на мой переезд. Кажется все. Кажется могу ехать. Но не тут то было. Через несколько дней я опять на улице узнал, что есть телеграмма о выдаче денег мне и ген. Мдивани на переезд. Между тем я был перед этим в консульстве, где видел Мдивани. Я его спросил едет он в Америку или нет. Он мне ответил, что его вызывают в Париж, кажется, для дальнейшего направления в Америку, но что он не может ехать, ибо судя по телеграмме, он должен ехать один, без семьи, что семью бросить он не может, что, наконец, ему не определено, сколько он будет получать там содержания. Мы расстались, и я ушел, нисколько не подозревая, что его и мой отъез-

ды могут быть связаны. Потом уже, сверив все, я выяснил, что ген. Мдивани именно в этот день моего с ним разговора, получил 3000 фр. на переезд в Париж. Итак, узнав о какой-то телеграмме уже через несколько дней, я пошел в консульство и спросил консула об этой телеграмме. Он мне ее показал. В ней была такая фраза: ген. Мдивани и ген. Квинитадзе со своей семьей и т. д. В этой телеграмме было сказано, что на переезд ген. Мдивани и ген. Квинитадзе со своей семьей высылается 5000 фр. Консул мне сказал, что эти деньги придется поделить пополам между мной и ген. Мдивани. Он объявил, что слово "своей" надо признать ошибочным и что надо считать "своими". Почему? Я должен оговорить, что телеграмма оказалась не телеграммой, а сношением тов. Министра Финансов Елигулашвили. Я стал утверждать, что в телеграмме ясно указано, что деньги присланы для ген. Мдивани одного, а для меня с семьей. Он отрицал и предлагал получить половину. Я не мог ехать на эту половину. Я ответил, что я денег не буду получать, но что надо выяснить в Париже, кому и сколько полагается присланных денег. Он ответил, что он запросит Париж. Характерная черта: когда я его спросил, отчего он мне ничего не сказал про эту телеграмму с самого начала, когда сообщал, что я могу ехать в Париж, от ответил, что он не обязан показывать мне всю получаемую им переписку. "А почему же я узнал об ней со стороны, от других, на улице?" – спросил я. "Неужели ген. Мдивани сказал Вам про нее?" – ответил он. Из этого ясно, что он счел необходимым сказать про эту телеграмму ген. Мдивани, а мне сказать он считал невозможным. Значит, от меня надо было скрыть эту телеграмму. К этому надо добавить, что в день этого моего разговора с ним он выдал 3000 фр. ген. Мдивани. Опять мне пришлось писать К. Канделаки. Между тем наступил конец ноября. Я в своем письме просил выяснить недоразумение и ответ прислать телеграммой. Ответ прибыл. Мне определялось получить 4000 фр., а ген. Мдивани 1000. Я оказался правым. Впоследствии в Париже я выяснил, что там были удивлены моим запросом; ибо о семье ген. Мдивани никогда не говорилось, а вызывался лишь один ген. Мдивани. Но ген. Мдивани уже были выданы 3000 фр. Я спросил, почему поторопились и не подождали ответа. Мне ответили, что ген. Мдивани должен был спешно выехать. Но ген. Мдивани до сего 22-го июля 1922-го года все еще находится в Константинополе. Как устроилось дело с выдачей ген. Мдивани 3000 фр. я не знаю, и оно, должно быть, похоронено в консульских конспиративных дебрях.

Казалось все сделано. Оставалось получить визы и ехать. Но и здесь вышли трения, консул мне сказал, что я должен ехать по laisser-passer. Я совершенно не в курсе этих дел, а консул, конечно, не заботился о том, чтобы облегчить мне проезд. Он мне сказал,

что напишет письмо г. Росе, заведовавшему этим делом, и дело будет быстро сделано Затем дня через два он мне сообщил, что мне самому лично придется поехать в Галату к Росе. Я, нарочно, осведомился у В. Джугели, приходилось ли ему лично ходить за визами и таскаться по всем учреждениям; он мне ответил отрицательно. Мне пришлось ездить в Галату 4 раза, благодаря не оплошности, а интриганству консула. Он послал в Париж телеграмму, прося визы на меня и на мою семью, няню не упомянул; ответ получился быстро. Но в ответе не была помечена наша няня, почему на нее визы не давали. Пришлось телеграфировать отдельно Чхенкели, а пароход уходил 10-го декабря, а это случилось числа 6—7 декабря; следующий же пароход отходил лишь после 20-го декабря. Ответ так и не успели получить. Устроили визу с помощью секретаря консульства Талледжио. Он с моей женой поехал к секретарю Пеле и тот любезно согласился известить Росе, чтобы визу дали. Только благодаря этим хлопотам мне удалось выехать 10-го декабря. Но наряду с такими трениями оплошность консула или вернее его интриганство поставили меня в чрезвычайно конфузное положение перед Росе, дающим пропуски во Францию. Консул в своем письме, в котором просил дать мне визу, назвал меня атташе при нашей легации в Париже. Ясно, что не хотели довести до сведения французов, что имеется в Константинополе Главнокомандующий грузинской армией. Росе должен был послать запросительную телеграмму. Прочтя письмо, он мне сказал, что никакой запросительной телеграммы посылать не надо, ибо я атташе, что, напротив, по телеграмме из Парижа он должен найти меня и сообщить о разрешении ехать. Я был сконфужен, я не был атташе. Сказать, что я атташе, я не мог, ибо это была неправда; сказать, что я не атташе, выходило, что я или вру, или врет консул, выдавая меня таковым в своем официальном письме. Я сказал ему, что посылка запросительной телеграммы не испортит всей процедуры. Он согласился послать, но несколько раз говорил, что все это странно, что консул должен знать порядок. В жизни я не был в таком глупом и неловком положении! Этому французу ясно было, что что-то неладно.

Мне, как я указал выше, давали 4000 фр. На эти деньги я мог поехать лишь на греческом маленьком пароходе. На французском пароходе общества "Паке" я должен был взять 5 билетов, ибо дети перешли семилетний возраст, т. е. я должен был заплатить за каждый билет 2-го класса по 800 с лишним франков до Марселя или надо было зимой ехать в третьем классе, а дальше до Парижа я уже не мог ехать. Пришлось садиться на греческий пароход, где за детей до 10-ти лет брали полбилета. Только таким способом я мог добраться до Парижа и то от Марселя принужден был сесть в 3-й класс.

Узнав, что греческий пароход делает остановку в Афинах, я обрадовался случаю повидать наших юнкеров. С этой целью, предвидя всякие пограничные трения, я просил консула снестись с гре-

ческим консулом, дабы я мог получить от последнего какую-либо бумагу, содействующую моему сходу с парохода. Я это заявил недели за две до своего отъезда. До дня отъезда я ему напоминал об этом раз 5, при каждой встрече. Когда оставалось до отъезда два дня, он мне сказал, чтобы я не беспокоился и в момент посадки он мне обязательно вручит; это же он мне повторил в день отъезда.

Однако я ничего не получил и в Афинах, благодаря этому, я был достаточно стеснен. Даже больше; греческая полиция, придя на пароход и производя контроль, отобрала у меня паспорт, лишая меня этим возможности съехать на берег. После долгих объяснений мне удалось вернуть паспорт обратно.

Собираясь в Париж, я попросил у Гварджеладзе дать мне дипломатический паспорт. Мне, конечно, было отказано; но я знаю, что политические партийные представители получали таковой. По-видимому я причислялся к черной кости. Вообще, наше представительство в Константинополе выказывало мне недопустимо некорректное отношение, если не хуже. Сначала, когда меня разжаловали с должности Главнокомандующего, власть имущие, чувствуя всю нелепость такого действия, соблюдали приличия и наружно я привлекался к работам, но затем меня постепенно отводили. Я должен указать, что в апреле и даже в июле мне консул выдавал удостоверение, где я назывался Главнокомандующим. Однако, когда я попросил его выхлопотать мне разрешение на ношение револьвера, то он тянул это дело, несмотря даже на то, что разбойники произвели нападение на лагерь, около которого я жил. Так он его и не выхлопотал; служащий же в консульстве хвастался передо мною, что он в 4 дня получил таковое разрешение. Между тем без оружия в деревне жить было небезопасно. Так однажды, опоздав на пароход для возвращения к себе в Кавак, я принужден был ночью ехать из Бебека в Кавак на лодке; лодочники сделали попытку ограбить меня во время пути, но я был начеку и при мне был револьвер, с помощью которого я заставил их довезти меня до места назначения. Представить лодочников в полицию я не мог, так как обнаружилось бы, что я был с револьвером, ношение которого было воспрещено. Я говорил об этом консулу, но на него это, конечно, не могло подействовать; если бы меня выбросили в море, вероятно, он был бы доволен, ибо Квинитадзевский вопрос был бы ликвидирован.

Наш уполномоченный Правительства Гварджеладзе получал особые деньги на представительство и устраивал ежедневно файвоклоки и суаре; военные не приглашались, даже Главнокомандующий. Больше скажу, по переезде в Константинополь моя жена сочла необходимым быть с визитом у уполномоченного и у консула. Ответа на визит не последовало.

В Константинополь приехал полковник английской службы Стокс. Он женился там на дочери генерала Постовского. Я был зван

на свадьбу. На любезность я считал необходимым ответить любезностью, но в это время у меня заболели дети и, имея всего две комнаты, в этих обстоятельствах принимать гостей было невозможно. Через несколько дней дети поправились, и я пригласил его, назначив день. Однако полк. Стоксу не пришлось воспользоваться моим приглашением, ибо назначенный день совпал с днем его отъезда и билеты на отъезд были им уже взяты. Накануне отъезда, как потом выяснилось, он был приглашен на суаре к нашему уполномоченному и, рассчитывая встретить меня там лично, хотел поблагодарить и извиниться, что не может быть у меня. Однако он ошибся, я не был приглашен на это суаре; на другой день утром я получил из консульства письмо от Стокса, которое он принужден был написать там же в консульстве во время суаре. Подобные бестактности были многочисленны; я думал, что это игнорирование вообще военных и в частности Главнокомандующего, делается так сказать местными константинопольскими властями; увы, по приезде в Париж мне пришлось убедиться, что тон давали из Парижа. Что же касается до личности консула, то в своем игнорировании этот дошел до таких пределов, что мне пришлось указать ему на это. Называя меня сначала Главнокомандующим и держа себя так, как будто он с этим считается, он постепенно перешел в отношениях со мной даже на тон глумления. Все это делалось постепенно. Одна из таких сцен произошла в присутствии Лели Джапаридзе.

Я обратил внимание, что письма, которые я посылал в Париж и которые лично в руки вручал консулу, долго оставались не посланными; также задерживались письма посылаемые мне из Парижа, и они подолгу оставались неврученными мне. Так, например, письмо Чхенкели пролежало у него на столе в течение недели; к этому имею доказательство. Это письмо я получил с препроводительным письмом консула и дата этого письма и Константинопольский штемпель полученного от Чхенкели письма разнствуют на 7 дней.

Здесь в Париже я же окончательно убедился, что он вскрывает письма на мое имя. Я получил здесь в Париже конверт с надписью на мое имя рукой консула. Мне это письмо передали в нашей легации в Париже. Внутри оказались письма из Тбилиси от моих сестер и родственников. Все эти письма были раскрыты и лежали кипой в конверте, на котором, как я сказал выше, адрес был на мое имя написан рукой консула. Я сразу не обратил внимания на это обстоятельство. Читая письма, я в одном из них нашел, что вместе с этими письмами посылается письмо от одного моего знакомого. Я заинтересовался и послал письмо Павлу Ивановичу Кавтарадзе, который привез письма из Тбилиси в Константинополь; я спрашивал его не осталось ли у него как-нибудь еще одно письмо и указал, что письма я получил в консульском конверте. Ответ получился для меня уди-

вительный. Кавтарадзе мне написал, что все письма на мое имя были запечатаны в конверт Шведского консульства со штемпелем последнего и вручены лично им в руки консула для пересылки мне, так как он моего адреса не знал. Ясно, что конверт Шведского консула был вскрыт консулом Гоголашвили. Я заявил об этом Чхенкели и он сказал, что напишет об этом консулу и запросит объяснения. Дальнейшей судьбой этого дела я больше на занимался, письменные же доказательства находятся у меня в руках. Таков наш консул, таков наш представитель Грузии в Константинополе.

ГЛАВА XXXI

ГРУЗИНСКИЙ КЛУБ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Описывая свою жизнь в Константинополе, я должен сказать несколько слов о грузинском клубе. Грузинский клуб был устроен нашими несколькими беженцами. Организаторами его были: Мадчавариани Дата, бывший член штаба Горийской Гвардии; Мгалоблишвили, служивший в Грузии по Министерству Внутренних Дел; ген. Кониашвили, полк. Вачнадзе, полк. Канделаки, Алико Магалашвили и кап. Вачнадзе. Организовывая клуб, они предлагали и мне записаться в число членов-учредителей, но я отказался, так как не имел средств, чтобы внести деньги. Грузинский клуб было единственное место, где можно было перенестись в Тбилисскую обстановку и отдохнуть; там можно было встретить почти всех наших. Однако наши большие люди туда не ходили.

Я помню 26-е мая. Этот день власть имущие решили ознаменовать. Был назначен молебен в грузино-католическом монастыре, после которого там же был предложен бокал вина. Я присутствовал. Настоятель сказал горячее слово, а затем за бокалом также были сказаны речи, соответствующие обстановке. Затем по подписке в грузинском клубе был устроен обед. За обедом говорилось много, а затем присутствующие задержались и перешли в гостиные. В одной из гостиных завязались дружеские речи, каждый хотел высказать свои мысли, как вдруг завязался горячий спор. Этот спор возник вследствие слов, сказанных г. Арсенидзе. Он сказал, что инициаторами возрождения Грузии являются они, социал-демократы; что они заставили общество говорить по-грузински и любить все грузинское, и далее в том же духе. Присутствовавший Коля Нижерадзе горячо возразил, что ничего подобного, что, напротив, они, социал-демократы, уже 25 лет, как убивают своим интернациональным учением патриотизм, что насадителями любви к родине

были всегда дворяне и т. д. В споре приняли участие все и присутствовавшие разделились на два лагеря, на социал-демократов и на военных. Я сначала не вмешивался, а затем, улучив минуту, сказал, что можно лишь радоваться тому, что две группы спорящих стремятся доказать друг другу, кто больше грузин и кто любит больше Грузию. Затихший при моих словах спор вновь возбудился и тогда я вмешался серьезно. Главным поддерживающим спор со стороны социал-демократов был Арсенидзе. Я, указав на то, что социал-демократическая партия ни в Государственной Думе, ни после революции, никогда не говорила о самостоятельности Грузии и о Грузии заговорила лишь после большевистского переворота; а до того говорила о едином всероссийском революционном фронте; я задал вопрос Арсенидзе и сказал следующее. "Мы, военные, изменили присяге русскому царю и назад в подданство не пойдем. Сейчас мы изгнаны большевиками русскими; вы объявляете себя борцами за самостоятельность; таковыми же являются наше дворянство и офицеры. Все мы пойдем с вами рука об руку для торжества этой идеи; мы найдем с вами общий язык, как находили в течение трех лет, но ответьте, дайте слово, что вы не измените этой идеи и никогда не заговорите о едином российском фронте".

Арсенидзе не ответил прямо на этот вопрос. Он сказал, что, может быть, по обстоятельствам обстановки им придется говорить о едином российском фронте, но что в конечном итоге они будут стремиться к самостоятельности Грузии. Ответ нас, конечно, не мог удовлетворить. Такая политика не могла соответствовать воспитанным в прямодушии офицерам. Но ответ характерен. Этот ответ характерен и указывает, что самостоятельность Грузии не есть цель соц-демократической партии и не будет ошибкой сказать, что для этой партии самостоятельность Грузии есть лишь средство для достижения своей основной идеи, социализма.

Не могу не вспомнить там же происшедшего у меня разговора с г. Русия, одним из членов соц-демократической партии. В разговоре он мне сказал, что он предполагал, что у нас в Военном Ведомстве все благополучно, что мы совершенно готовы к войне. Я возразил, что в действительности это далеко не так. "Вы знали это?" – спросил он меня – "отчего ничего не сказали нам?". Я ему ответил, что неоднократно говорил об этом Правительству. "Вы должны были сказать об этом нам" – перебил он. Я возразил, что члены Правительства выбраны из их среды и несомненно только им и мог я говорить; что я не состоял членом Учредительного Собрания, чтобы с трибуны объявить об этом, а ловить каждого члена Учредительного Собрания и говорить ему об этом, было бы похоже на интриганство, почему я и выбрал прямой путь, т. е. говорил выбранным из членов Учредительного Собрания членам Правительства и особо Председателю Правительства. "Если же Вы, как член Учредительного Собрания", – добавил я – "были так заинтересованы этим, отчего

не обратили внимания на то, что ген. Квинитадзе, неоднократно стоявший во главе вооруженных сил во время войны, после наступления мира неоднократно уходил в отставку; отчего Вы не сделали по этому поводу запроса Правительству в Учредительном Собрании и тогда могла бы выясниться истина". Однако все имеет конец и в этот вечер горячие споры постепенно улеглись, и мы разошлись, не убедив друг друга.

До дня моего отъезда из Константинополя Грузинский клуб продолжал существовать, но он постепенно прогорал и сегодняшнюю его судьбу я не знаю.

Вспомнив полк. Стокса я должен отметить один мой с ним разговор. В самом начале моего пребывания в Константинополе, как только мы туда прибыли из Батуми, мне передали, что полк. Стокс желает поговорить со мной и с ген. Закариадзе. Я ответил готовностью и он назначил нам час, в который мы должны были прийти к нему. Мы пришли. Дело касалось беженцев. Он сказал, что ему известно, что Англия должна Грузии довольно значительную сумму денег; как мне вспоминается, он назвал 260000 фунтов стерлингов. Он говорил, что его, кажется, назначают в Персию организатором вооруженных сил Персии и что он очень хотел бы быть полезным беженцам. В этих целях он, приехав в Англию, возбудит вопрос о предоставлении в его распоряжение из этого долга некоторой суммы, с помощью которой можно будет устроить беженцев в Персии, часть которых можно было бы взять на военную службу. Мне оставалось только благодарить. Я вернулся от него и счел долгом сказать об этом Н. В. Рамишвили. При нашем разговоре присутствовал ген. Закариадзе, и, конечно, он все равно передал бы об этом разговоре Ною Рамишвили. Это было еще в то время, когда я думал, что Правительство озабачивается устройством судьбы беженцев, а не тем, как ему избавиться от них. Н. В. Рамишвили мне сказал, что он на следующий день уезжает экспрессом в Париж и в Париже доложит об этом всему составу Правительства. Узнав от меня, что и Стокс уезжает тем же экспрессом в Париж, он сказал, что в дороге поговорит с ним об этом. Отмечу из этого моего разговора с Н. В. Рамишвили одну характерную черту. На мой вопрос "должна ли нам Англия", он ответил незнанием. Было очень странно, что член Правительства не знал этого.

Это было в начале апреля 1921-го года, а в октябре того же года полк. Стокс вернулся в Константинополь. Я возбудил с ним разговор о помощи беженцам. Он ответил, что английское правительство отказало ему, но не объяснил причины. Вообще, в этот раз он выказал безучастность к судьбам беженцев, чего я не заметил в нем при нашей апрельской встрече. Я могу высказать предположение, что если бы Правительство хотело заботиться о судьбе беженцев, оно могло бы добиться от английского правительства денег для беженцев. Если в настоящую минуту Великие Державы, в частности Анг-

лия, высказывают желание помочь русским при непризнаваемом ими большевистском правительстве, несмотря на то, что за Россией имеется долг, то нет основания думать, чтобы Англия отказалась помочь грузинским беженцам, особенно принимая во внимание, что она должна Грузии, а не Грузия ей. Однако этого не случилось; где-то зарыта собака.

ГЛАВА XXXII

АНКЕТА КОМИССИИ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

В сентябре месяце старшие офицеры, в Константинополе, получили опросные листы от комиссии Учредительного Собрания на грузинском языке с препроводительной бумагой. Вот перевод.

"Посылая лист вопросов, избранная членами Учредительного Собрания находящимися в Константинополе комиссия, покорнейше просит Вас высказать Ваше мнение относительно названных вопросов. Вместе с этим комиссия считает необходимым сообщить, что эти вопросы не суть анкета, которая просит "да" или "нет"; назначение этого листа напомнить Вам те вопросы, которые главным образом интересуют членов Учредительного Собрания и на которые ждем обоснованного ответа. Ответ желателен быть написанным в форме доклада на грузинском или на русском языке, придерживаясь по возможности порядка обозначенного в опросном листе. Если на некоторые вопросы по каким-либо причинам ответ невозможен, желательно, чтобы это было отмечено в докладе. Желание комиссии, чтобы доклад был представлен к 1-му сентября в помещение М. Арсенидзе. Подписано: комиссии члены: М. Арсенидзе, Н. Элиава, И. Чавчанидзе. С подлинным верно. Габуния.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

1) Насколько соответствовала организация нашей регулярной армии современным военным требованиям с политическими, экономическими и топографическими условиями нашей страны.
2) именно: а) организация пехоты, б) кавалерии, в) артиллерии, г) авиации, д) броневиков и автомобилей, е) инженерных частей, ж) разведки, з) контрразведки и других частей.

3) Каков был состав офицеров относительно знания, подготовки и других сторон.

4) Что представляет грузин, как воин, его характеристика: достоинства и недостатки.

5) Юридическая и фактическая зависимость между солдатами и начальниками на службе и вне службы. Дисциплина в армии.

6) Организация высшего управления, главного и местного. Штабы, министерство: их достоинства и недостатки.

7) Насколько удовлетворяло вооружение армии, в бою какого рода оружие оказалось более употребительное в местных условиях.

8) Хозяйственный отдел: амуниция, пища пехоты, кавалерии и др., как было поставлено это дело.

9) Отдел просвещения в армии.

10) Резервы, солдаты и офицеры, организация мобилизации.

11) Школа офицерская и унтер-офицерская.

12) Краткий обзор развития грузинской армии.

13) Вышеперечисленные вопросы относительно Гвардии (1–10).

14) Политическая и общественная роль Гвардии; ее экономические установления.

15) История армии и Гвардии с точки зрения внутренних и внешних целей.

16) Влияние двойственности системы на военные операции и вообще на оборону государства.

17) Подготовка к последней (февральской) войне: мобилизация, дислокация армии, дезертирство до начала войны, зависимость (какая) в этом деле офицеров и высшего военного командования.

18) Вооружение и пища армии в этой войне.

19) Первый период войны; атака противника в Борчало. Причины наших поражений в Борчало и у Красного моста.

20) Бои вокруг Тбилиси; положение войск сторон; причины отступления и значение.

21) Какое внимание было уделено джавскому и абхазскому фронтам; их значение; причины нашего отступления.

22) Отступление от Тбилиси... бои у Гоми, Сурама. Причины нашего поражения.

23) Командование и армия во время отступления.

24) Какова должна быть организация нашей будущей армии для обороны от врага нашей маленькой страны и для внутренней защиты демократического устройства, если взять во внимание условия современной военной техники; система регулярная, милиция или какая-либо другая, например, смешанная.

25) Для организации армии есть ли необходимость приглашать иностранных инструкторов.

26) Как нужно организовать войсковые части (См. вопросы 1–8).

27) Именно: сколько нужно иметь солдат под ружьем.

28) Сколько войска может выставить во время войны наша страна.

29) Какое оружие и сколько нужно иметь в неприкосновенном запасе.
30) Если по нашим сведениям призывные по мобилизации понадобятся немедленно для боя, можно или нет, их первоначальная подготовка для боевого порядка, т. е. их упражнения вне мобилизации для войны, например, инструктора в деревнях, ежегодные мобилизации для упражнения и др.
31) Сколько времени и какой постепенностью можно реализовать Вами указанную систему.

Какова была цель этих опросных листов. Если хотели выяснить причины наших военных неудач, то этим способом нельзя было их установить, ибо ответы на них носили бы индивидуальный и не объемлющий характер. Из рассмотрения вопросов выясняется, что комиссия составлена из лиц, не знающих и не понимающих военного дела, что явствует из постановки несуразных вопросов. Тем не менее сводку индивидуальных ответов эта комиссия профанов берет на себя, т. е. повторяется то же самое, что было в Грузии, недоверие к офицерскому составу и вмешательство в дело не своей компетенции. Затем ищут опять, как в Грузии, новой системы вооруженных сил, но только не регулярную армию. Затем, не было документов, которые суть единственная основа для выяснения происшедшего; вместе с этим опрашивались даже такие лица, которые в войне участвовали, а также такие лица, которые по своему служебному положению могли знать только то, что касалось лишь той небольшой единицы, в составе которой они служили. Наконец, кто произвел бы сводку всех ответов, если бы можно было допустить, что таковые были сделаны с точностью документов. Ясно, что не выяснение причин военных неудач руководило власть имущими. Если же руководились целью установить будущую организацию наших войск, то необходимо было для этого учредить комиссию компетентных людей. Настоящая цель, таким образом, остается скрытой в конспиративных дебрях власть имущих. Получившие запрос военные собрались для обсуждения, как поступить, т. е. отвечать или не отвечать.

Следующие военные получили вышеуказанные опросные листы: ген. Одишелидзе, ген. Мдивани, ген. Закариадзе, ген. Казбек, ген. Кутателадзе, ген. Чхеидзе, ген. Бакрадзе и я. Получили их так же В. Джугели и, кажется, Ауштров. На обсуждении решено было отвечать. На первом обсуждении не участвовали ген. Одишелидзе и ген. Мдивани. Я на это обсуждение пригласил и других военных, а именно ген. Кониашвили, полк. Вачнадзе и Канделаки, а также бывшего члена штаба народной Гвардии Дата Мачавариани. Я считал необходимым, что должна была быть образована комиссия, которая и обсудила бы заданные вопросы, и на те, на которые можно было бы ответить, дала бы один общий письменный ответ власть имущим. Большинство присоединилось к этому, но ген. Кутателадзе и ген.

Закариадзе отстаивали ту точку зрения, что надо отвечать каждому отдельно, но что можно раньше обсудить совместно ответы на заданные вопросы. В результате нашего обсуждения было решено, что я пойду к г. Арсенидзе с целью высказать ему, что не лучше ли было бы образовать комиссию, которая, обсудив затронутые вопросы всесторонне, могла бы дать исчерпывающий и единый ответ. Я был у г. Арсенидзе. Он отклонил это наше предложение. Он указывал, что их комиссия желает получить ответ от каждого в отдельности; что сводку обработает сама комиссия. Такой ответ для меня был более, чем странный. Я заметил, что обработка такого материала и притом специального, вряд ли может быть произведена людьми не компетентными и указал пример. "Допустите" – сказал я – "что к больному пригласили трех врачей; один из них поставил диагноз, что у больного тиф, другой, что чахотка, а третий – малярия; вам же предложат, выслушав диагноз каждого, прописать лекарство". Однако мои доводы оказались тщетными для г. Арсенидзе; он возразил, что он "кое-что" понимает в военном деле, что они прочтут "кое-что" и он считает вполне возможным быть в этом деле компетентным. Все-таки он обещал мне доложить об этом своей комиссии, хотя добавил, что это будет лишнее и он заранее знает, что ответ будет отрицательный на наше заявление. Я ушел от него и сообщил ответ. На том заседании, где я сообщил ответ, участвовал также ген. Одишелидзе; ген. Мдивани, несмотря на мое уведомление не пришел. На этом заседании было решено отвечать лишь совместно. Решение было единогласное на этот раз. Этому очень помог ген. Одишелидзе, который категорически высказался, что он никакого ответа давать не будет. Он в своих словах занял такую непримиримую и резкую позицию по отношению власть имущих, что я сильно был удивлен. Наше это решение мы передали уполномоченному Правительством К. Г. Гварджеладзе, а я обратился к приехавшему в это время Н. В. Рамишвили с просьбой посодействовать нам в этом вопросе. Последний согласился сказать об этом кому следует, однако заметил, что эта работа, по его мнению, лишена реальности, так как Правительством решен вопрос о приглашении инструкторов, которые и устроят будущую нашу вооруженную силу. Я ничего не возражал. К удивительным заключениям Н. В. Рамишвили я давно привык.

Как бы гениальны ни были инструктора, они должны были бы при своем решении опереться на местные средства, на местные условия, на знания и опыт местных военных сил. Мы, грузины, обладаем значительным числом знающих военных людей и в основах военного устройства вряд ли можем разойтись во взглядах с инструкторами. В деле же применения и приспособления этих основ, иностранным инструкторам пришлось бы считаться с местными военными. Однако, нельзя отрицать пользы инструкторов. Принимать их особенно полезно по другим причинам, вследствие чего они являются весьма

желательными. Во-первых, между местными силами и прибывшими инструкторами не было бы того различия взглядов в деле устройства вооруженных сил и их ведения, как между военными и власть имущими; с инструкторами несравненно легче договориться, так как обе стороны говорят на одном и том же военном языке. Во-вторых, власть имущие будут считаться с инструкторами и последние не позволят им играть с основами военного дела так, как они это делали всегда; значит организация вооруженных сил в Грузии будет разрешена надлежащим образом. В-третьих, инструктора положат предел тому отсутствию единства доктрины, которое в силу тех или других причин установилось среди высшего командного состава наших вооруженных сил. Наконец, никакой инструктор никакой страны не согласится с учреждением военной силы на основах нашей народной Гвардии; нет сомнения, вопрос об уничтожении Гвардии облегчится и для власть имущих. Без инструкторов вряд ли можно будет упразднить эту корпорацию, которая, я уверен, непременно вновь народится и будет вновь утверждаться; только присутствие инструкторов может властно положить этому предел. Я не вступал в разговор по этому поводу с Н. В. Рамишвили, хотя мне показалось, что он это сказал с целью побудить меня высказаться по этому вопросу. Говорил ли с кем-либо Н. В. Рамишвили по возбужденному мной вопросу или нет, не знаю; дело же получило следующее течение. К. В. Гварджеладзе нам ответил, что он согласен с нашим взглядом и что он соберет членов Учредительного Собрания совместно с нами для общего обсуждения. Собрание действительно состоялось. Окончилось оно ничем; каждая сторона осталась при своем. Однако, я отмечу некоторые достойные быть отмеченными подробности этого заседания. Инициаторы этой анкеты, особенно Арсенидзе, а также В. Джугели, отстаивали свою точку зрения; последний для примера привел мемуары Людендорфа. Этот пример, конечно, был ни к селу ни к городу и ни с какой стороны не подходил к предмету нашего спора. Высказываемые этим господином мысли были не удивительными; удивило меня то, что вдруг начал говорить ген. Одишелидзе. Он говорил многое, часто без связи. Мы на нашем предыдущем заседании решили работать без присутствия невоенных и власть имущим представить нашу окончательную работу. Здесь он вдруг заявил, что считает необходимым работу вести совместно с власть имущими, так как с одной стороны эти последние осветят вопросы с экономической, финансовой и политической стороны, а с другой стороны, участвуя в этой совместной работе, и власть имущие явятся ответственными за эту работу; касаясь этого второго пункта он говорил, что не намерен нести один ответственность, что был случай, когда в Учредительном Собрании ссылались по военным вопросам на такие его мнения, каковых он никогда не высказывал. В своей речи он опять вдруг заявил, что он с ген. Квинитадзе никогда ни в чем не будет согла-

сен. Для чего он заявил последнее, Аллах ведает; кому это нужно было знать. Выражался он о прошлой работе власть имущих в очень резкой форме; это очень не гармонировало с тем, как обыкновенно он раньше держался в отношении их и совершенно не напоминало того ген. Одишелидзе, который в прежнее время всегда искал возможностей соглашаться с мнением власть имущих.

Как я указал выше, это совещание ни к чему не привело. Однако, после совещания К. Г. Гварджеладзе нам сказал, чтобы мы начали работу и что он напишет об этом в Париж Правительству. Мы решили со следующего дня приступить к делу. Решено было ежедневно собираться к 9-ти часам утра в помещении Грузино-католического монастыря. На этих заседаниях должны были участвовать следующие: ген. Одишелидзе, ген. Мдивани, ген. Кутателадзе, ген. Казбек, ген. Закариадзе, ген. Кониашвили, ген. Чхеидзе, ген. Бакрадзе, ген. Эристави Георгий и я. Было решено также, что по некоторым вопросам будут приглашаться и другие военные, находящиеся в Константинополе. Я должен отметить, что ген. Мдивани ни разу не пришел на эти заседания. Остальные почти все исправно посещали их. На первом же заседании я предложил председательствовать ген. Одишелидзе, который и принял эту обязанность. Была установлена программа всей работы. Вопросы были поделены между всеми и каждый должен был представить свою работу на общее обсуждение и затем по одобрении она передавалась для составления общего отчета ген. Закариадзе, который также должен был вести краткие протоколы заседаний.

С первых же заседаний выяснилось, что действительно ген. Одишелидзе ни в чем не может быть согласен с ген. Квинитадзе. На этой почве произошло несколько инцидентов. Ген. Одишелидзе должен был написать отдел "Военно-политический обзор". Против его положений можно было спорить, можно было и не спорить. Он доказывал, что Грузия, благодаря своему географическому положению явится яблоком раздора между Россией и Англией. Перебирая наших возможных врагов соседей, он в окончательном результате высказывался, что Грузия самостоятельно, без помощи западноевропейских держав, не в силах бороться против России или Турции, а тем более против обеих вместе. В основу обороны страны, защиты ее от внешнего врага он клал два положения: 1) армия и 2) внешняя политика. Затем, оценивая наши границы, он указывал количество войск, необходимых на той или другой границе, на том или другом направлении, в результате каковых рассуждений он исчислял число наших войск в 120000 человек. После того, как он прочитал свой отдел, приступили к обсуждению. Не возражая в целом против доклада, я высказался лишь по вопросам следующим.

Я указал, что для обороны государства от внешнего врага, помимо внешней политики и армии, необходимо установить в народе развитие чувства любви к родине, патриотизма, имеющего колоссальное значение для нравственного облика армии и что это в существующей обстановке желательно особенно подчеркнуть.

В нашем докладе мы решили строго придерживаться лишь тех принципов, которые имеют непосредственное отношение к созданию армии, почему я и не касался остальных сторон жизни государства. Кстати сказать, его доклад почти совершенно не касался военно-стратегического очерка наших возможных театров войны. Затем, я заметил, что исчисление количества войск должно составить главу в отделе сил и средств страны, и именно той, которую взял на себя ген. Закариадзе; что исчисление количества вооруженной силы нельзя производить в зависимости только от топографии, а нужно принимать во внимание прежде всего количество сил возможного противника; что же касается вычисления максимума сил, которые страна может выдвинуть в поле, то это прежде всего зависит от количества населения страны, а не от топографии. Эти мои замечания вызвали с его стороны горячие возражения. Ген. Одишелидзе отстаивал свой метод исчисления сил, необходимых Грузии для защиты границ. Ген. Закариадзе присоединился к нему. Исчерпав все доводы, я спросил их, как офицеров Генерального штаба, указать мне хоть один военно-стратегический обзор, где бы количество войск страны определялось только топографией. Ген. Закариадзе назвал план ген. Мольтке войны 1870–1871 гг. Пример, конечно, был неудачен, ибо Мольтке решал свою задачу, имея определенного противника, Францию, сила которой только и принималась во внимание, а не топография. Я не могу понять, как можно определять число потребных для действия на той или другой местности войск, не зная с какими силами и средствами явится противник, да и в этом последнем случае цифра окажется весьма гадательной и зависит от многих данных, как-то: от руководства, от нравственного элемента, от качества войска, его технических средств и пр. Так этот академический спор и не был решен. Однако мне удалось это исчисление войск изъять из отдела ген. Одишелидзе и передать в отдел ген. Закариадзе, где последний, определяя в своей главе силы и средства страны, к вопросу о числе войск, несомненно, подошел бы вне зависимости от военно-топографического очерка. Во время наших заседаний подобные споры разгорались неоднократно; в этих спорах обыкновенно ген. Одишелидзе, ген. Закариадзе и иногда ген. Куталадзе держались одного взгляда, я и остальные другого.

Ген. Одишелидзе на этих заседаниях, а также в частных беседах неоднократно высказывался, что он окончательно решил никогда не служить с власть имущими, никогда не работать с ними, ни в будущем, ни в настоящем; что он отныне не хочет иметь с ними ничего общего. Однажды на заседании выяснилось, что Хомерики

просит ген. Закариадзе и ген. Одишелидзе пожаловать к нему в консульство. Тогда в заседании я заявил, что мы все давно решили отдельно не работать с власть имущими, что поэтому все вопросы, которые кому-либо из нас будут поставлены отдельно, должны быть перенесены на общее заседание и что только после обсуждения может быть дан ответ власть имущим. По этому поводу разгорелся горячий спор. Ген. Одишелидзе отстаивал свободу действий. Это было против его предыдущих заявлений. Я указал, что, если установленный принцип отвергается, то мне становится невозможным работать в комиссии, так как ее единство нарушается; лишь комиссия в целом компетентна отвечать на задаваемые вопросы, а не отдельные ее члены. "Что ж, если ты отказываешься участвовать в комиссии, обойдемся без тебя", – заметил Одишелидзе. Я встал и ушел. Во время этих споров ген. Одишелидзе заявил, что надо выяснить кто я такой, т. е. Главнокомандующий я или нет, и что он спросит об этом Гварджеладзе. Я ответил, что спрашивать излишне, ибо есть давно приказ, которым я увольняюсь от должности Главнокомандующего. Здесь я отмечу одну характерность в речи ген. Одишелидзе. Он говорил, что он меня рассматривает, как и всех и что единственная разница та, что я получаю "чрезмерно большое содержание". Я получал на семью в 6 душ 1800, а он один получал 300 фр.; в чем "чрезмерность" не понимаю. Деньги никогда не давали покоя ген. Одишелидзе.

На другой день утром ко мне пришел ген. Бакрадзе и сказал, что комиссия просит меня пожаловать на заседание. Я пошел. Когда я сел на свое место, ген. Одишелидзе обратился ко мне с вопросом: "Что ты хочешь нам сказать". Я ответил, что меня сюда пригласили, а я не сам пришел и что, вероятно, мне хотят что-нибудь сказать. Ген. Одишелидзе тогда сказал, что их вызывали, сейчас не помню, по какому-то пустяшному поводу, который не требует обсуждения, что таким образом я должен быть удовлетворен и поэтому я должен буду продолжать работу; что вчера я напрасно погорячился и ушел. Я ответил, что я вчера ушел не по горячности, а потому что он мне сказал, что комиссия обойдется без меня. Он сказал, что не помнит этого, но что если он это сказал, то он извиняется. На этом же заседании по желанию ген. Одишелидзе члены комиссии стали высказываться, как они смотрят на меня в смысле моей должности. Все высказались, что хотя я лишен прав Главнокомандующего, но все же все видят во мне Главнокомандующего, лишь в виду отсутствия войск лишенного своих функций. Затем заседания продолжались.

Через несколько дней я был в консульстве и там узнал, что ген. Одишелидзе, в день моего ухода из комиссии, отправился к г.Гварджеладзе и заявил последнему, что Квинитадзе ушел из комиссии, так как его требование, чтобы они не ходили к власть имущим, без него не было исполнено. Каково?

Заседания продолжались с обычными обменами мыслей, часто

переходившими в спор. Присутствующие обычно делились на два лагеря. Я должен отметить причину происходящих разногласий. Я не хочу останавливаться на той мысли, что причиной разногласия являлась не разница во взглядах на тот или другой вопрос, а личные антипатии или симпатии, не то, что поводом к этому последнему могло бы явиться сделанное ген. Одишелидзе заявление, что он ни в чем с ген. Квинитадзе не будет согласен. Причину я нахожу другую. Когда мнения делились, то ген. Одишелидзе и ген. Закариадзе являлись обыкновенно противниками высказываемых мной мнений, между тем, как ген. Бакрадзе, ген. Чхеидзе, ген. Эристави, ген. Кониашвили становились на сторону моих взглядов. Ген. Кутателадзе и ген. Казбек присоединялись к той или другой стороне. Почему получалась такая разница во взглядах. Я объясняю это тем, что я получил академическое образование после того, как пробыл офицером 13—14 лет и после участия в Русско-Японской войне. Благодаря этому обстоятельству в моих взглядах преобладает элемент практической службы и строевые офицеры находили в моих взглядах больше отзвука своим мыслям. Генералы Одишелидзе и Закариадзе поступили в Академию, меньше меня пробыв в строю, вследствие чего от высказываемых ими взглядов веяло часто кабинетностью. Правда, ген. Одишелидзе командовал и полком и ротой, но он очень рано поступил в Академию, а затем перед войной довольно продолжительное время был оторван от войск; одно время он был губернатором. Ген. Закариадзе же не командовал никакой строевой частью, а перед поступлением в Академию был полковым адъютантом. Род занятий определяет склад понятий; поэтому не удивительно было наше частое разноречие. Да и вся их служба в пределах Грузии и моя были всегда в противоречии. Вот собственно основная причина наших расхождений во мнениях. К этому надо прибавить их личные ко мне отношения и их личный характер, ставящий часто свои желания выше существа дела. Эти противоречия, несмотря на всю мою осторожность, приводили к столкновениям.

Однажды ген. Одишелидзе в горячности спора сказал мне, что он никогда не позволял себе обо мне отзываться дурно, но что я это сделал по отношению к нему. Я предложил ему сейчас же осветить и выяснить кто и что говорил. Я не позволю себе говорить за глаза то, чего не могу сказать в лицо; поэтому я был уверен, что он окажется неправ. Выше приведенное его заявление г. Гварджеладзе о причине моего отказа участвовать в комиссии рельефно доказывает кто и про кого говорил и к каким способам при этом прибегал. Мое предложение он отклонил, что лишь доказывает его неправоту. Эти наши почти ежедневные столкновения привели к тому, что ген. Одишелидзе отказался от председательствования и предложил выбрать председателя, причем указал на ген. Кутателадзе. Члены комиссии ответили, что раз он отказывается, то они мирятся с этим, но что председательствование должно перейти к ген. Квинитадзе,

которого они все еще рассматривают, как Главнокомандующего; тем более, что таковой уступил свое председательствование ген. Одишелидзе и, что поэтому я автоматически должен вступить в свою должность председателя, добровольно мной уступленную.

Я начал председательствовать. Казалось бы, так и можно было продолжать. Но вдруг, в начале одного заседания ген. Закариадзе заявил, что накануне, уходя из заседания, ген. Одишелидзе вручил ему свой письменный доклад и просил передать комиссии, что он больше в ней участвовать не будет, но что если комиссии угодно, она может воспользоваться его трудом. Я предложил комиссии сейчас же выбрать несколько членов, которые должны были отправиться к ген. Одишелидзе с просьбой продолжать участвовать в работах комиссии, причем предложил и себя в состав этой делегации. В тот же день я, ген. Кутателадзе, ген. Закариадзе и ген. Чхеидзе отправились к нему на квартиру. Здесь мы просили его не бросать начатого дела. Он согласился продолжать работать с нами. Говоря с нами по этому поводу, он высказал между прочим свое нежелание участвовать в какой-либо партийной организации, особенно противоправительственной. Очевидно, неоднократно высказываемая моя настойчивость в насаждении единства среди командного состава, отсутствие чего при нашем пребывании в Грузии предало дело устройства вооруженных сил в руки не компетентных лиц, это мое желание, никогда мной не скрываемое, он принял за противоправительственную организацию. Одишелидзе стал посещать наши собрания, хотя часто стал не приходить на таковые. Работа двигалась и довольно успешно. Об ее окончании я скажу несколько позже, а теперь опишу один случай, касающийся опять того же ген. Одишелидзе.

Пока шли заседания, в это же время велась моя переписка с Правительством о вопросе моего переезда в Париж. Эта история тянулась с августа и все, меня окружающие, знали про нее. На заседании кем-то была передана новость, что в Париж экстренно вызывается ген. Мдивани. Выходило так, что переезду меня, Главнокомандующего, ставятся препятствия, между тем, как ген. Мдивани спешно вызывается. Ген. Одишелидзе вдруг проявил инициативу и заявил, что нам всем следует обсудить этот вопрос. Он говорил, что этот вызов ген. Мдивани в Париж знаменует нечто; значит там обсуждается что-то, в чем должен принять участие военный; что ген. Мдивани очень мягкий человек и мало настойчивый, поэтому было бы желательно, чтобы в Париж поехал ген. Квинитадзе, как человек умеющий с большой настойчивостью отстаивать военные интересы. В заключение он предлагал, что нужно по-товарищески поговорить с ген. Мдивани и попросить его отказаться от этой поездки, ибо другого способа убедить Правительство не представляется. Я, конечно, воздержался от проявления всяких моих мыслей по

этому поводу. Комиссия просила ген. Одишелидзе взять на себя эту миссию. Он согласился. В этом заседании он проявил много горячности и возмущался распоряжением Правительства. На следующем заседании он нам объявил, что был у ген. Мдивани, что тот болен и лежит в постели и, следовательно, не может ехать в Париж, почему можно считать инцидент исчерпанным. Это его хладнокровное заявление меня очень удивило: так оно не соответствовало ни его инициативе в этом вопросе, ни выраженной им горячности на предыдущем заседании. Я не обмолвился ни одним словом.

Наши работы между тем близились к концу, когда, наконец, решился вопрос о моем отъезде в Париж. Работы все были сделаны вчерне; оставалась редакция, которую мы поручили ген. Закариадзе. Я должен отметить, что ген. Кутателадзе переехал в Германию еще раньше, почему в окончании наших работ не участвовал. Протоколы заседаний вел ген. Закариадзе. У нас было решено, что каждый член комиссии может по тому или другому вопросу приложить свое особое мнение. Я уже указывал, что обмен мнений часто приобретал страстный характер. Укажу некоторые случаи, из которых видно будет, что решения вопросов нередко основывались лишь на желании отстоять именно свое мнение. Так известно, что по нашей организации призывной возраст был принят в 20 лет; я на опыте видел, что этот возраст дает нам большой процент недоразвитых молодых людей, вследствие чего в войсках, и в частности в Военной Школе, оказался весьма большой процент отсрочиваемых и отпускных по болезни. Я предлагал установить призывной возраст в 21 год. Те, которые участвовали в работах по установлению принятой организации наших войск, отстаивали старую точку зрения, по существу не приводя никаких доказательств за преимущество призыва двадцатилетних. Я тогда предложил не устанавливать этот возраст сейчас, а отложить вопрос до Тбилиси, когда в комиссию могут быть приглашены врачи и где могут иметься документальные данные. Но страстность решила иначе и случайным большинством 4 против 3 вопрос был решен за призыв 20-ти летних.

Другой случай вспоминаю. Дебатировался вопрос о количестве конной артиллерии. По нашему проекту проектировалось 3 конных полка 4-х эскадронного состава и в каждый полк входила конно-пулеметная команда. Ген. Одишелидзе высказался, что для этой конной бригады следует создать три конные батареи по 4 орудия каждая. Он мотивировал главным образом тем, что коннице нужно придать устойчивость. Я возражал. Я указывал, что в нашей проектируемой организации пехота далеко не содержит такого соотношения с артиллерией; у нас на 3-х батальонный полевой полк выходило по 4 орудия и, конечно, для конного полка указанное соотношение было чрезмерным и могло больше стеснять конницу, чем помогать в ее действиях. Однако ген. Одишелидзе горячо отстаивал свою точку зрения и несмотря на то, что ген. Эристави Г., как кавале-

рист, высказывался против, вопрос был решен опять 4-мя голосами против 3-х, не все пришли на это заседание. Курьезнее всего было то, что мне пришлось выяснить в частном разговоре с некоторыми членами комиссии. Ген. Закариадзе, как оказалось, голосовал за 3 батареи имея в виду, что эти 4 лишние орудия будут использованы для нашей пограничной стражи, в состав которой по нашей организации артиллерия не входила, а ген. Казбек голосовал по тому соображению, чтобы вообще было больше артиллерии в наших войсках. По этим двум вопросам я просил ген. Закариадзе отметить, что я подам отдельное мнение. К сожалению, я должен был выехать до редактирования нашей работы, а ген. Закариадзе в представленной работе не отметил, что имеются отдельные возражения против тех или других пунктов.

Работа в окончательной форме была прислана ген. Закариадзе в Париж в феврале 1922-го года. Не могу не отметить того, что ген. Одишелидзе отказался подписать эту нашу совместную работу. Здесь в Париже один экземпляр я передал ген. А. Эристави, назначенному военным атташе при нашей легации; другой экземпляр был вручен К. Г. Гварджеладзе в Константинополе.

ГЛАВА XXXIII

Доклад о войне 1921 года. – Доклад ген. Одишелидзе

ДОКЛАД О ВОЙНЕ 1921-ГО ГОДА

В конце наших работ, это было в понедельник той недели, в субботу которой я садился на пароход для отъезда в Париж, ко мне обратился Р. Кипиани, член Учредительного Собрания со следующей просьбой. Он сказал, что членов Учредительного Собрания очень интересует вопрос о нашей последней войне с большевиками, что они очень хотели бы, чтобы я сделал доклад о ней; что он хочет, чтобы и ген. Одишелидзе сделал таковой. Между тем я уже знал, что таковые делает В. Джугели в этом кругу. Нас, военных, на эти доклады не приглашали. Я ответил готовностью, но отметил, что я сделаю доклад при условии, чтобы никаких дебатов не было бы допущено. На докладе должна была присутствовать военная комиссия. Доклад свой я сделал в среду и в четверг.

В основу своего доклада я положил то положение, что причины нашего поражения глубоки; я держался и держусь того взгляда, что вооруженные силы, как в зеркале отражают всю жизнь государства и поэтому о благополучии и благоденствии народа можно судить по вооруженной силе. Во время моего доклада в среду я заметил, что некоторые присутствующие что-то записывали, делали отметки, а после доклада В. Джугели мне даже заметил, что "после доклада мы поговорим". Я был против этих дебатов, ибо отлично знаю, что дебаты превратились бы лишь в полемику и могли лишь посеять раздоры в нашей среде и без того мало дружной. Поэтому в четверг, перед тем, как продолжать доклад, я объяснил, что прошу после моего доклада не допускать прений, но что я готов давать ответы на все задаваемые вопросы. Это мое заявление вызвало среди некоторых возражения. Прения длились полтора часа; я не мог убедить, что эти прения лишь могут раздражить стороны и что они

явятся бесцельными, ибо никаких заключений по ним сделать нельзя; я даже указал на тут же происшедший пример. При своем докладе я должен был пользоваться картами, наклеенными на стену и по которым делал доклад В. Джугели. На одной из них положение 24-го февраля наших войск и противника было показано неверно. Взаимоположение противников было показано, как фронтальное; между тем в действительности мы были окружены и кольцо окружения почти было сомкнуто. На мое указание о неправильности этой карты и что противник был уже сзади нас и владел нашими сообщениями с тылом, последовала реплика В. Джугели: "там их было мало", как будто он их считал. Несомненно, в прениях он стал бы отстаивать, совершенно бездоказательно, свою точку зрения и подобные прения оказались бы бесцельны и безрезультатны. Когда я делал свое заявление, то председатель М. Арсенидзе возразил, что этот вопрос будет дебатироваться после моего доклада. Я возразил, что я согласился сделать этот доклад лишь при отсутствии прений и что поэтому я не буду продолжать доклада, если мое желание не будет исполнено. Как я сказал выше, прения по этому поводу продолжались около 1 1/2 часа. Сначала многие выражались за допуск прений, но когда Н. В. Элиава заметил, что допускать или не допускать прения есть право докладчика, то остались лишь два непримиримых человека: В. Джугели и Хомерики. В. Джугели, поддерживая свои возражения, указал, что ген. Квинитадзе выказал свои обычные свойства непримиримости своей позиции.

До меня дошло, что он на своем докладе дал характеристику генералам и про меня отозвался, как о человеке, с которым невозможно ладить и, вообще, с которым трудно договориться. Этот взгляд обо мне власть имущими всюду распространяется и поддерживается. Такой взгляд, нет не взгляд, а такое мое свойство для меня является весьма удивительным. Еще в корпусе, а затем в военном училище, в полку, в Академии и в дальнейшей службе я всегда считался хорошим уживчивым товарищем, исправным и желательным подчиненным; находившиеся в моем подчинении офицеры и солдаты всегда относились ко мне с симпатией и у меня даже имеются адреса от солдат. Несмотря на то, что я генерального штаба и на то, что этот корпус в русской армии возбуждал обыкновенно неприязнь, за мое пребывание в должности начальника штаба одной и той же дивизии, и в течение более двух лет, я ничего кроме симпатии от офицеров дивизии не видел, а после революции симпатии ко мне служивших со мной солдат неоднократно помогали мне поддерживать порядок. Я помню, еще до войны, когда я был капитаном, на одном из празднеств в одной из частей, меня назвали обаятельным; не спорю, может быть это было чрезмерно преувеличенным, но никто не тянул говоривших за язык и это выражение далеко не отвечает ныне несомненно нарочно, с целью, распространяемому мнению обо мне. Но власть имущие заняли такую непримиримую

позицию, да еще в таких вопросах, в которых они понимают столько же, сколько я в китайском языке; было бы лучше им на себя обоpотиться. Я должен категорически высказать, что за исключением единиц, как ген. Одишелидзе, ген. Закариадзе, ген. А. Гедеванишвили и И. Гедеванишвили, с моими взглядами согласны все остальные офицеры, во время моего пребывания в отставке неоднократно высказывавшие мне свои симпатии и свою солидарность со мной. Видя, что мои доводы оказываются неубедительными, я надел пальто с целью покинуть собрание.

Я не знаю, чего В. Джугели так добивался прений; ведь я допускал вопросы и этими задаваемыми вопросами можно всегда осветить тот или другой остающийся невыясненным вопрос; прения же могут вестись лишь лицами компетентными в докладываемом вопросе; таковых же не было на этом заседании за исключением членов нашей военной комиссии. Видя, что я собираюсь уходить, решили согласиться с моим заявлением. Однако, непримиримые В. Джугели и Хомерики демонстративно покинули зал заседания. В. Джугели уходя, в дверях, кинул фразу: "Ген. Квинитадзе боится критики". Это была мальчишеская выходка, на что я ответил репликой: "А Вы разве что-нибудь понимаете в этом деле, чтобы можно было бояться Вашей критики". За этими двумя последовал офицер Гвардии Орджоникидзе. Присутствие последнего на этом докладе было для меня странным, ибо на этом заседании могли присутствовать лишь офицеры-члены военной комиссии; остальные офицеры не были допущены. Но для Гвардии закон не писан.

В своем докладе я вовсе не касался виновников нашего поражения и указывать было не место на этом докладе. Обвинения часто могут быть односторонни и даже беспочвенны. Мне потом говорили, что мой доклад оказался очень объективным. После доклада мне были заданы несколько вопросов; некоторые вопросы были такого содержания, что должны были вызвать указания виновников, но я не указал их, хотя и знал их. Также не отвечал на вопросы, которые относились к периоду до моего вступления в должность Главнокомандующего. Ауштров отличился своими детскими вопросами. Его вопрос был таков: "Известно ли было командованию, что большевики наступали также со стороны Кахетии, по Кахетинскому шоссе, и что было сделано командованием, чтобы парировать этот обход". Надо сказать, что Гвардия вела бои как раз на этом направлении. Я в свою очередь спросил, а ему это было известно. Он ответил, что да. "А сообщили ли Вы главному командованию"? – спросил я. Он ответил отрицательно и добавил, что он так, вообще говорил об этом окружающим. Я ему ответил, что командованию было известно о наступлении противника вдоль Кахетинского шоссе и что там против этого противника была направлена Гвардия, которой следовало разбить врага, находящегося перед ней, и что Кахетинское шоссе проходит через середину нашего левобережного участка,

вследствие чего наступление из Кахетии вдоль Кахетинского шоссе не являлось обходящим наше общее расположение. Я не буду останавливаться на подробностях моего доклада. После доклада некоторые мне говорили, что напрасно я не допустил прений. Однако, я оказался прав и последствия это доказали.

ДОКЛАД ГЕН. ОДИШЕЛИДЗЕ

После моего отъезда был сделан ген. Одишелидзе также доклад, после которого были допущены прения. Прения приняли страстный и полемический характер, и разразились целым потоком взаимных обвинений. Мне писали из Константинополя, что все сожалели, что прения были допущены и говорили, что ген. Квинитадзе оказался прав, не допуская прений. Я коснусь этого доклада. Я получил о нем довольно полное описание.

В своем докладе я совершенно не касался вопроса о том, что произошло до моего вступления в должность Главнокомандующего; я не останавливался на предыдущих действиях и не разбирал, и не подчеркивал ошибок предыдущего командования, хотя, несомненно, должен был этого коснуться, дабы очертить обстановку, при которой я вступил в командование. Не так поступил ген. Одишелидзе. В своем докладе он неоднократно упоминал мою фамилию и мой образ действий; несмотря на то, что я вступил в должность после него и он должен был докладывать обо всем, что произошло только за его время; он свободно мог не склонять моей фамилии.

Теперь приведу несколько выписок из его письменного доклада.
1-я выписка: "Военный Совет был коллективным начальником хозяйственного комитета и Гогуа, как его председателя; Гогуа, получив от кого-то тайные, почти совершенно диктаторские права и какие-то полномочия, ни разу, за все время существования Военного Совета, не исполнил ни одного его постановления. В самом хозяйственном комитете распоряжался он один".
2-я выписка: "Я должен сознаться в своей великой вине перед родиной, я не должен был верить, что когда-либо Гвардия добровольно уйдет, что я и мои товарищи когда-либо будем иметь голос, что когда-либо мы, знатоки дела, самостоятельно и без помехи незнающих и непонимающих людей, приступим к делу действительного устройства армии. Я согрешил еще в другом, в более важном; в середине января 1920-го года я по усиленным просьбам Рамишвили и Лордкипанидзе согласился принять должность 2-го товарища Военного Министра по строевой части. Меня убедили, что никто мне мешать не будет".
3-я выписка: "3/4 всей военной подготовки государства, самой сложной и самой деликатной, требующей громадного военно-адми-

нистративного опыта, и юридически и фактически находилась непосредственно и исключительно в руках таких знатоков военного дела, как Лордкипанидзе, выдающийся земский деятель, Чичинадзе, отличный врач и Гогуа, хороший корабельный механик. Лордкипанидзе скоро убрали за то, что он обладал действительным и отличным государственным умом: это качество считалось для Военного Министра такою же роскошью, как знание военного дела. Остались Чичинадзе и Гогуа, люди, которым приписывались приблизительно такие же качества, как ген. Квинитадзе, т. е. ясный ум и твердая воля. Казалось бы логика вещей требовала назначения вторым товарищем министра Квинитадзе, но этого не случилось..."

4-я выписка: "В апреле ген. Квинитадзе был назначен Главнокомандующим и власть, не только над всеми войсками, но и над снабжением тылом перешла к нему; ему же подчинялась и Гвардия. Ему была предоставлена полная мочь Главнокомандующего по русскому закону. (Это неверно и в своем месте мной указаны были мои полномочия). К этим громадным правам присоединилась моральная поддержка: он успешно отбил нападение красной русской дивизии и Военный Министр официально приветствовал его, как второго Георгия Саакадзе. (Характерно, что именно это обстоятельство ген. Одишелидзе счел нужным отметить). Глава Правительства выказывал ему особое демонстративное доверие. Что же? Он воспользовался таким своим выгодным положением и громадными правами? Он подготовил театр войны и тыл армии на случай новой попытки красных, которая была совершенно очевидна? Нисколько и ни в какой степени".

Я раньше уже указывал, что через два-три дня после моего назначения на должность Главнокомандующего в 1920-м году, одновременно с мобилизацией, противник перешел границу; тогда же я приступил к укреплению Тбилиси, которое, несмотря на заключение перемирия, состоявшееся 18-го мая, продолжало устраиваться. И кому не известно, что к войне надо начать готовиться до войны, а не во время войны, когда можно лишь продолжать составленные еще в мирное время предначертания для обороны государства. Все это хорошо должно быть известно и особенно офицеру генерального штаба.

"Он Вам здесь делал доклад и Вы вероятно потребовали от него объяснения. Он, конечно, изложил все то, что в нем самом и вне его мешало его деятельности, как Главнокомандующего, ясно и верно понимающего свою роль. Но когда я приехал из Парижа, я не нашел никаких следов и никаких попыток его деятельности по этой части. Зато я видел бои, которые он давал Совету Обороны и министрам по всякому поводу и по всякому случаю, грозя через каждые два слова немедленной отставкой". (По мнению Одишелидзе все это имеет громадное значение для его доклада о войне 1921-го года, происшедшей более полугода после моей отставки). "Здесь, в

своем докладе Вам он сделал намек, что я ему оставил расстроенную армию и совершенно неподготовленный тыл. Насчет расстроенной армии мы поговорим дальше и увидим кто и что расстроило армию и когда она начала разлагаться, а сейчас я Вам напомню, что Главнокомандующим он был 5 месяцев и довольно спокойных 5 месяцев, с огромными правами, а я всего 15 дней, т. е. ровно в десять раз меньше". (Какое это имеет отношение к причинам расстройства армии; но ген. Одишелидзе в своих речах всегда разбрасывается и никогда не бывает последовательным).
5-я выписка: "Я с разрешения Военного Министра сделал доклад официальный в Правительстве, в октябре 1920-го года. Мне возражали все, решительно все, и на мое вычисление, что для борьбы с Россией необходимо самое меньшее 75 тысяч, армия действительная и 75 тысяч подготовительного резерва. Н. В. Рамишвили, свободно и самоуверенно жонглируя фактами и цифрами, доказал всему министерству, что 25 тысяч достаточно за глаза. После этого мною овладела тоска и уныние". (Вот здесь и надо было, как 2-му помощнику Военного Министра и стоявшему во главе войск, или уйти в отставку или добиться настоящей подготовки к войне; а тоска и уныние плохое лекарство в государственных, а особенно в военных делах). "Я много говорил об этом, но, правда, без шуму, без крику, без забегания задними ходами в Центральный комитет или к Председателю Правительства; без позы и угроз отставкой и это, как объяснил мне здесь присутствующий Хомерики есть главное мое преступление... может быть".
6-я выписка: "Я за все время существования нашей республики только 4 1/2 месяца фактически нес ответственную работу, но только по строевой части. Я нахожу, что при той роли, которая мне была дана, я своевременно и достаточно деятельно говорил, что нужно делать. Но тот, кто имел от Учредительного Собрания полномочия диктатора, пользовался и пользуется Вашим неограниченным доверием, имел и власть, и право распоряжаться, кто был даровит и деятелен, кто все брал на себя, все и всем руководил, Н. Н. Жордания отвечал и мне, и всем, кто к нему совался с этими вопросами, приблизительно так: нефть, обойдемся, не надо; обмундирование, снаряжение, подождем, обойдемся; горголь, не нужно, дорого: авиационный бензин, нет денег, дорого и т. д. Мы потратили 1 миллион лир на покупку 10 лучших в мире аэропланов, а на бензин и горголь мы пожалели десяток тысяч лир. Аэропланы бездействовали во время войны".
7-я выписка: "Такую же роковую роль сыграла и мудрая бережливость наша на обмундирование и снаряжение... Мы мобилизовали 12 батарей вместо 36, вследствие того, что Ной Жордания не разрешил купить одежду и снаряжение... Этого мало, мы могли выставить 48 орудий, а выставили 24; батареи вывезли 2 ящика вместо 8-ми. Царь Ираклий под Ахалцихе имел 2 орудия на 1000 человек, а мы

теперь имели только 1. И это Ваше преступление было удвоено, и даже учетверено, Вашим вождем и нашим хозяйственным диктатором; Жордания не дал лошадей, так как Гогуа не имел фуража..."
8-я выписка: "Экономия, преследовавшаяся вопреки всякой очевидности Вашим вождем и Вашими товарищами на бензин, на горголь, на одежду, снаряжение и лошадей дала нам возможность выставить пехоту только 1/3 того, что мы могли выставить, артиллерию вчетверо слабее и обратила в совершенное ничто нашу прекрасную воздушную эскадру с нашими выдающимися летчиками.

Рядом с этой безумной и преступной экономией, граничащей с изменой, Военный Министр сидел в своем кабинете и часами читал и выслушивал кляузные доносы внутренних шпионов, которых было в каждой части не менее трех... Шпионы получали жалованье младшего офицера... Всего было 108 шпионов..., в месяц они обходились в 540 тысяч рублей и в год 6,480 тысяч руб. или 260 тысяч франков; цифра более чем достаточная для покупки горголя и бензина для авиации... Мы имели в руках документ, указывающий, что Россия решила нас раздавить и все-таки наши диктаторы играли в бережливость. Зато Ной Николаевич во время самой войны сыпал десятками миллионов таким господам, как Кереселидзе, и они ему выставляли грозные отряды в 20–30 пеших оборванцев вместо обещанных конных полков. Если, господа, все это есть государственная мудрость Вашего вождя и его организаторские способности, то я счастлив быть неспособным организатором, слово, которое бросил мне и нам военным вообще один из Ваших мудрых товарищей здесь в Константинополе. За все время нашего самостоятельного существования я был ответственным лицом 3 раза: 1/ два с половиной месяца до поездки в Париж, 2/ четыре месяца после поездки в Париж; оба раза исключительно строевым начальником (?) 3/ две недели я был Главнокомандующим; итого шесть с половиной месяцев до войны и две недели во время войны. Ваши вожди были у власти без перерыва все время нашего существования; власть и полномочия у них были диктаторские, а не такие, как у меня; брали они на себя решительно все, в том числе устройство войск и 3/4 подготовки войны; они исключили нашу вооруженную силу в самый момент ее зарождения двойственной организацией..." (А сам всегда таковую отстаивал). "Вот, господа меньшевики, роль моя в подготовке к войне нашей армии и роль Ваших вождей и ответственных товарищей".

Из этих выписок видно, чем руководствовался ген. Одишелидзе в своем докладе, что было его основной мыслью. Он, желая оправдать себя, обвинял других. Обвиняя других, он этим обвинял себя. Если он не согласен и даже был против тех или других мероприятий, то, находясь на таком ответственном посту, как помощник Военного

Министра, он должен был иметь гражданское мужество уйти от дел; в противном случае, продолжая оставаться в мероприятиях, по его взгляду вредных, он тем самым молчаливо соглашался с таковыми и, значит, или не находил их вредными, или в предлагаемых своих мероприятиях не был уверен. Напрасно он себя называет патриотом-мучеником; патриотичнее было бы не участвовать в том деле, которое он считал вредным для своей родины. О тоне доклада лучше всего судить можно по словам одного из слушателей этого доклада. Вот как он пишет: "В докладе было сказано много относительно того, как, вообще, шла работа в Военном Министерстве; много уделено было тому, что ему не давали работать, что ему мешали, не обращали внимания на его доклады о грозящей опасности; указано было на то, что мнение кого-либо из чинов Гвардии всегда ставилось выше его мнения и т. д. Он указал, что все военное дело вели штатские люди, так как везде они преобладали, что это все было подстроено нарочно, что он ни в какой степени не являлся и не был организатором армии, а в лучшем случае был только советником. Много обвинений было направлено на Жордания; что он часто скупился там, где надо было дать деньги и, наоборот, иногда расходовал совершенно зря. Очень много высказал по адресу Гогуа; что он был неспособный, незнающий и не желающий кому-либо подчиняться, и что он имел диктаторские полномочия. Доложил, что Гогуа от себя имел по одному шпиону в каждой части для наблюдения за чинами хозяйства. Говорил, что несмотря на имеющийся секретный документ о готовящемся нападении, все же не обращали внимания на его просьбы и доклады об усилении армии... Даже он говорил о расположении войск перед войной, свалил все на Сосо Гедеванишвили; я, говорит, при объезде указал ему, что так разбрасывать войска нельзя и приказал переставить их, но мое приказание не было исполнено. На реплику, почему Вы не добились своего, ответил – "Я, как Главнокомандующий, давал руководящие начала, а далее было дело командующего фронтом; я не привык командовать войсками иначе; я сидел в центральном месте, давал указания командующему фронтом, а почему он так сделал – спросите его. Я не привык командовать так, как командовал ген. Квинитадзе, который скакал и носился по всему фронту; это он избрал такой способ командования". Реплика: может быть Ваш способ и хорош при большом фронте и большой армии, но при нашей маленькой армии следовало бывать поближе. Ответил – "Я другого способа не знал и если придется еще командовать, то буду опять так же". Далее сказал, что после начала войны фронт расстроился и войска отходили к Тбилиси. "Вам здесь ген. Квинитадзе говорил, что я расстроил полармии – это неверно, всего пострадало полтора батальона, а остальные войска были в порядке". Вместе с этим говорил, что Гедеванишвили растерялся и ничего не предпринимал и так вышло из его слов, что он сам плохо был осведомлен, что там

делалось. "Затем меня выгнали". Раньше доклада он как-то говорил: "Я еще посмотрел бы, чем кончилось, если бы меня не сменили, и хорошо ли сделали, что меня сменили..." Доклад весь был, правду сказать, составлен в очень резких выражениях и досталось всему Правительству и Жордания, но как-то это все вышло неделовито; чувствовалось, что он сознает свою вину и вот, для своего спасения выбросил весь запас своих обвинений против всех и даже против Вас.

Я говорил с ним относительно касающегося Вас, до доклада; он объяснил, что он не обвиняет Вас в том, что выходит как будто по его словам неподготовка тыла и фронта, но указывал, что даже при всей полноте Вашей власти, Вы ничего не могли сделать с ними. Я сказал ему, что Вы ни одним словом не касались его относительно расстройства войск. Он ответил – "Это он в Батуми сказал".

Следовали вопросы: 1) был ли, генерал, у Вас составлен план обороны государства? Ответ: план никогда не составляется заранее. (Это говорит генерал Генерального штаба). План составляется сообразно обстоятельствам. Но тут очевидно смекнул, что говорит ерунду и добавил "в голове у меня, конечно, был план, и когда я уезжал в Батуми, то я даже указал начальнику генерального штаба, как действовать".

Был еще вопрос: "Были ли у Вас намечены линии позиций впереди Тбилиси и за Тбилиси, и было ли что-нибудь приготовлено на этих позициях?" Ответ. "Я представил подробный проект укрепления Тбилиси, но отказали в отпуске денег". Затем начали ему возражать. Хомерики: он говорил деликатно и осторожно, намекая, что ген. Одишелидзе никогда определенно ничего не заявлял и не настаивал на своем, и поэтому получалось впечатление, что требование его не суть важно – "Очень жаль, что Вы только теперь решились говорить с нами так твердо и определенно". Джугели: этот уже говорил без стеснения. Сначала сказал, что приходилось иногда отказывать в покупках, так как не хватало денег, но часто просто нельзя было разобрать важное от неважного требования; все докладывалось как-то только для формы и без всякой настойчивости. Стоило только Жордания или Рамишвили возразить, как ген. Одишелидзе замолкал, и дело тем и кончалось. "Вы говорите, что только несколько месяцев были у дела, это неправда. Вы все три года были на высоком месте, то в одном, то в другом, и сваливать на других не приходится. Вы говорите, что не дали денег на укрепление Тбилиси; да не дали, потому что Вы просили 400 миллионов; но разве же нельзя было взять меньше и сделать хоть что-нибудь. Смог же ген. Квинитадзе устроить окопы в 1920-м году впереди Тбилиси, в которых мы держались неделю; и израсходовали, кажется, несколько миллионов. Во многих вопросах, по которым Вы обвиняете Жордания, виноваты Вы, потому что никогда не докладывали определенно и настойчиво, а всегда спешили согласиться со всеми.

Вот, господа, бывали такие картины. Докладывает ген. Одишелидзе, я начинаю оспаривать, ген. соглашается со мной; далее выступает Дгебуадзе, который очень часто выступал против меня, тогда ген. соглашается с Дгебуадзе. Вот и разберите, господа, чего хотел ген. Одишелидзе. Так и проходило всегда по всем вопросам. К сожалению, я должен признаться, Вы были нашим кандидатом и лично моим, но оказались совершенно бесхарактерным человеком и безвольным. Мы часто среди товарищей говорили о Вас и мне часто указывали товарищи: "вот ген. Квинитадзе иначе с нами говорит, спорит, доказывает, стоит на своем и все мы понимаем, чего он хочет, а ген. Одишелидзе мы не понимаем". Раздается реплика: "почему же ген. Квинитадзе гнали". Джугели отвечает: "К сожалению, с ним не могли работать благодаря его характеру". Продолжает, обращаясь к ген. Одишелидзе: "Вы говорите, что ген. Квинитадзе сказал, что Вы ему оставили расстроенную армию. Я не знаю, что он сказал, но я не могу не подтвердить, что к его вступлению на 3/4 война была проиграна. Господа, я видел ген. Одишелидзе после того, как в него бросили бомбу, и он был так спокоен, будто в него бросили бумажный шарик; и поэтому то, что скажу, я не отношу к личной храбрости или трусости, а отношу к нему, как Главкому. Случилось, господа, ужасная вещь. С первыми выстрелами на фронте ген. Одишелидзе так растерялся, что потерял всякую способность управлять военными действиями и войска не получали после этого никаких указаний, и каждая часть делала, что хотела. Так продолжалось до 16-го, когда решили его сменить и поставить во главе войск подходящего человека; таким был только ген. Квинитадзе, и я поехал к нему уговаривать. Квинитадзе мне сказал сразу – теперь все потеряно, но я не отказываюсь сделать то, что смогу – и поехал сейчас же со мной.

Ауштров приводил всякую мелочь, обвиняя все армию, но никак не возражая докладчику: забраковал войсковую отчетность, систему переписки и приказов и т. п., и позволил себе двусмысленно говорить, что деньги на все отпускали, но войск все же не было. В конном полку вместо полка был один эскадрон; на разведку тратили огромные деньги, а сведений не было. Сказал, обращаясь к Одишелидзе: "Илья Зурабович, мы, уходя из комиссии или Военного Совета, никогда не могли понять, что Вы хотели, Вы никогда не держались чего-нибудь определенного, а всегда со всеми соглашались".

Карцивадзе: тоже набросился на военных и выискивал разные недочеты. Очень едко говорил про работу нашей разведки и контрразведки, и про работу в самом генеральном штабе. (Закариадзе не возражал, несмотря на приглашение председательствующего).

Арсенидзе: "Я должен признать тот факт, что Гвардия безусловно мешала формированию и укреплению армии". (Раздается какая-то реплика Джугели). Продолжает: "Да, да, Вы мешали и вмешивались,

Вы даже вмешивались в политику и даже в мое министерство... мы, социалисты, сторонились офицеров и это ошибка. Да, они не социалисты, но ведь мы были по 40 лет до этого социалистами, а они столько же служили при царях и не удивительно, что не могли сразу стать социалистами. Вы должны были (обращаясь к Гвардии) попробовать сойтись ближе, помочь им разобраться в наших взглядах. Вы обвиняете ген. Одишелидзе, что он не говорил с Вами так свободно и резко, как Вы привыкли говорить — это потому, что он не принадлежал к нашей среде и поэтому был сдержан. Раздается реплика Хомерики: "А ген. Квинитадзе был социалист? Умел же он говорить, как хотел, с нами". Арсенидзе отвечает: "Ген. Квинитадзе был другой человек, он упрямый". Вообще, Вам должно было много икаться; и одна, и другая сторона пользовалась Вашим именем и несмотря на желание ген. Одишелидзе подорвать мнение о Вас в их глазах, он достиг обратного. Мне говорили из частных разговоров, что они все обратили внимание, что Одишелидзе даже Вас старался подорвать. В последнем слове Одишелидзе сказал, между прочим, опять про Вас: "Вот Вы меня сменили, назначили Квинитадзе, а он Вам бросил Тбилиси и морально убил армию. Да, он с твердым характером". Реплика Джугели: "Какая тонкая ирония". Какое жонглирование.

Я должен здесь отметить, что в первую ночную атаку с 18-го на 19-е февраля, когда нам удалось не только отразить атаку противника, но взять в плен более тысячи человек, в эту ночь, не дожидаясь результата атаки, ген. Одишелидзе уехал в Мцхета. На следующий день он обратился ко мне по телефону с просьбой прислать за ним автомобиль, так как он "случайно" попал в Мцхета.

Из его слов выходит, что Тбилиси был оставлен произвольно; между тем войска в Тбилиси были окружены и кольцо окружения в ночь с 24-го на 25-е февраля было почти замкнуто. Из его слов выходит, что дух армии был убит оставлением Тбилиси, когда армия уходила, уводя пленных и унося трофеи, не оставляя противнику ни одного пленного, ни одного трофея; и он совершенно не придает значения боям с 12-го по 15-е февраля, когда почти все войска рассеялись и из всего войска я встретил лишь человек 600—700.

Одишелидзе в своем последнем слове сказал следующее. Ничего нового он не сказал. Он говорил: "Опять я утверждаю, что у Вас организатором я не был ни одного часа; организаторами и строителями армии были Вы. Все мои предложения и требования отклонялись; возражение кого-либо из Вас проваливало все мои предложения. Да, я был так глуп, что не ушел; я все думал, что что-нибудь, да сумею сделать. Вы говорите, что военные не поняли духа революции. А Вы поняли. Вы не разделялись на 30 партий и каждая посвоему понимала революцию. Вы говорите, что вот Мильеран штатский, а был лучшим военным министром. Но я думаю, что между

Мильераном и Чичинадзе есть маленькая разница... Вы совершенно не знаете, как строил армию Троцкий, нам бы и пол-Троцкого хватило. Вот Вы говорите, что я перед всеми дрожал, даже перед Вами, господин Ауштров; говорите, что я не был тверд и настойчив, оказался плохим организатором, а с первыми выстрелами на фронте потерял способность управлять войсками — так позвольте Вас спросить, если все это так, так каким местом Вы думали, когда такого генерала пригласили Главнокомандующим?".

На этом доклад закончился. Я считаю, что из всего доклада ген. Одишелидзе его последняя фраза наиболее верное и сильное обвинение, предъявленное им правящим.

ГЛАВА XXXIV

ОТъЕЗД ВО ФРАНЦИЮ

10-го декабря 1921-го года я погрузился на греческий пароход. Еще перед отъездом я обратился к К. Г. Гварджеладзе с просьбой дать мне дипломатический паспорт, дабы избежать таможенной толчеи. Мне было отказано и сказано было, что Правительство приказало больше не давать таких паспортов, и есть распоряжение отобрать их у тех, у кого таковые были. Однако знаю, что ген. Кутателадзе уехал в Германию с дипломатическим паспортом; он его имел раньше и его у него не отобрали. Затем знаю, что партийные представители, не имеющие никакого отношения к нашему дипломатическому корпусу, также разъезжали по Европе с дипломатическими паспортами. Строгость была применена только по отношению ко мне. Взамен паспорта я получил бумагу, в которой уполномоченный правительства просил власти оказывать мне содействие; эту бумагу я, конечно, никому не предъявлял, ибо она никакого реального значения иметь не могла и, напротив, могла сконфузить нашего представителя в глазах иностранных чиновников.

На пристани процедура посадки на пароход тянулась несколько часов. Наконец, уселись в лодку и поехали на пароход. У борта также пришлось ждать окончания контроля, осматривавшего пароход; качало немного и моя маленькая дочь, грудной ребенок, заболела от качки и ее вырвало. Наконец, влезли на пароход. Еще на пристани томительное ожидание процедуры сильно скрасили приехавшие меня провожать; это были офицеры и юнкера. Некоторые из них сели в лодку и провожали до корабля. На пароход их не пустили. С наступлением темноты пароход отправился в путь.

Я прибыл в Марсель 19-го декабря. Почти весь путь нас качало, особенно в последнюю ночь перед Марселем.

К счастью пароход заходил в Смирну и в Афины, и за время этих остановок моя семья могла передохнуть; в остальное время

она полностью лежала пластом. Покупая билеты, я просил дать мне отдельную каюту. Мне агентство обещало, но, конечно, на пароходе удалось этого достичь лишь после длинных споров; наконец, дали, но скверную; она была очень маленькая, была расположена в конце кормовых и стеснена бортом; там едва помещались 4 кровати и она была так мала, что при нахождении в каюте кого-либо одного дверь уже нельзя было открыть.

В Пирее мы стояли три дня. Как только остановились, на пароход взошел контроль и стал осматривать паспорта. Едва взглянув на мой паспорт чиновник взял его и унес. Как выяснилось, он принял меня за русского. Пришлось долго с ним объясняться при посредстве пароходного служащего, едва владевшего французским языком. Наконец, паспорт мне вернули. Пассажиры стали съезжать на берег. Их пропускали, но в таможне отбирали паспорта. На следующий день я с женой сошел на берег и пошел через таможню. Нас никто не остановил и мы вышли в город. Пользуясь любезностью одного грека, согласившегося быть нашим проводником, мы доехали до Афин и поехали на трамвае в Военную Школу повидать наших юнкеров. Наш любезный гид слез раньше, но он что-то сказал нашему кондуктору. Проехав несколько далее, вагон был остановлен, кондуктор нам объявил, что нам надо слезать; затем, когда мы слезли, он пошел вместе с нами в одну из улиц, прошел шагов 100 с нами и указал здание Школы, расположенное на плацу, вне города; вагон стоял и ждал.

Мы отправились в Школу. Здесь дежурный офицер встретил меня очень любезно. Юнкера были очень довольны моему приезду. За полгода пребывания они сильно стосковались. Их сначала товарищи юнкера-греки встретили очень хорошо, но потом к ним остыли. Дело в том, что эта Школа с очень архаическими традициями. У них применяется хорошо известный всем нам так называемый "цук", причем младшие классы вынуждены бывают сносить не только брань и насмешки, но и побои. Наши, конечно, воспротивились этому. Их не трогали, но от них отошли. Их положение усугублялось особенно трудностью изучения языка. Мой приезд оживил их. Мое первое посещение было вечером; я не застал начальника Школы. На следующий день я с утра снова приехал в Школу. Начальник Школы был предупрежден. Он был со мной очень любезен и мы с ним обошли все здание; посетили классы. Здание очень хорошее; место для учения обширное; расположение же вне города способствует полевому обучению. Однако я должен сказать, что порядки там архаические. Достаточно указать, что на 200 с небольшим воспитанников имеется 40 карцеров; они расположены отдельно и под них занят довольно обширный флигель; начальник же Школы, уже месяц назначенный на эту должность, кажется, впервые обошел

здания; по крайней мере наши юнкера мне сказали, что они в первый раз его увидели. Юнкера, естественно, сравнивали порядки нашей Школы с таковыми греческого военного училища, и это сравнение далеко было не в пользу последнего. Отеческого отношения и надзора со стороны начальников они совершенно не видели; внутренняя их жизнь регулировалась старшим классом, а "цук" их постоянно угнетал. Они с трудом переносили сцены "цука", в которых упражнялись старшие над младшими. Обучение также их не удовлетворяло. Науки преобладали математические. Тактикой в младшем классе не занимались; на среднем курсе этой науке было предоставлено два часа в неделю, а на старшем пять; между тем как у нас в младшем классе этому главному предмету было уделено 5 часов, а в старшем 8. По военной истории проходили древние войны; новейшие войны не преподавались. Строевые занятия также не нравились нашим юнкерам, ибо главное внимание было обращено на шагистику. Товарищество среди воспитанников, так сильно нами поддерживаемое, здесь отсутствовало. Все это угнетало юнкеров и прибавляло много горечи в их положение беженцев, и при отсутствии связи с родиной. А продолжительность обучения (3 года) в связи с трудностью обучения греческому языку окончательно подрывало их моральные силы. Два дня я пробыл с ними; мы ходили по городу и осматривали достопримечательности города, включая стадион.

Город имеет очень привлекательный вид; здания архитектуры греческого стиля очень красивы и производят весьма приятное впечатление простотой и изяществом своих линий, а светлые тона возбуждают в душе светлые и приятные мысли. В Афинах на улице я встретил одного грузина – Эристави. В 1918-м году, когда я был помощником Военного Министра, я предполагал взять его к себе в адъютанты, ибо он отлично владел иностранными языками; но прежде, чем я успел это сделать, я был уволен со своей должности. Мы взаимно обрадовались встрече. Он жил в Афинах, как беженец, там же находился его брат. На другой день мы по условию встретились в здании Военной Школы, а затем вместе ушли оттуда. Оба брата пригласили меня с женой обедать в один русский ресторан, который содержит русский генерал, беженец. Эристави рассказывали мне свою историю. Тот, который проектировался быть моим адъютантом, был впоследствии арестован по распоряжению Министра Внутренних дел, но за что – до сих пор не знает. Он удрал из тюрьмы, а затем из Грузии. Здесь, в Афинах, они начали с того, что его брат показывал желающим звезды через свою артиллерийскую трубу-бинокль; эту операцию они производили прямо на улице. Сейчас они несколько справились и состоят в компании синематографа; живут, с голоду не умирают. Они оба все время спрашивали, когда же можно будет вернуться на родину. Я просил их поддерживать связь с нашими юнкерами, что они делали, как я узнал

после, с полной охотой, и юнкера в своих письмах всегда вспоминали их с самым добрым чувством.

В Марсель я приехал на рассвете 19-го декабря; эту ночь я всю не спал, ибо сильно качало и я должен был ее провести на палубе. В Марселе нас продержали до 9–10 часов на внешнем рейде, а затем ввели на внутренний рейд и пристали к берегу. Началась проверка паспортов, а затем возня на таможне.

Мы приехали в Марсель утром, а поезд на Париж отходил часов в 11 ночи. Надо было ожидать целый день. С утра я обеспечился билетами на поезд. Пришлось купить билеты 3-го класса, так как денег не хватило. Мне прислали 4000 фр., между тем билет 2-го класса на пароходе общества "Паке" от Константинополя до Марселя стоил 800 с лишним франков, при этом за детей старше 7 лет брали как за взрослых; таким образом за 4000 фр. я не мог бы доехать до Марселя, а не то что до Парижа. Консул в Константинополе предлагал мне устроить так, чтобы мои дети оказались моложе 7-ми лет, т. е. переделать паспорт; я, конечно, не мог согласиться на такую комбинацию. В третьем же классе на пароходе ехать зимой с детьми не представлялось возможным.

Описанные мною события в Константинополе могут показаться читателю лишь личного характера и мало имеющими исторического значения. Возможно.

Я описал их подробно и вот почему. Во-первых, в 1922-м году я решил описать все, чему был свидетелем.

Во-вторых, я считаю, что эти события могут и должны быть описаны, ибо события в истории происходят не сами собой, а производятся людьми, правящими судьбой народа. Для историков, несомненно, желательно и интересно знать характеристику как лиц, правящих народом, так и тенденции, и применяемые способы взаимоотношений и управления.

Я утверждаю, что судьба Грузии в руках людей, проникнутых искренней любовью к своей родине и обладающих, конечно, не таким интеллектом, как наши правящие, была бы совершенно иная. События, происшедшие в Константинополе, характеризуют наших правителей и близко к ним стоящих генералов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 13 JUIN 1985
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 9122

Генерал Георгий Квинитадзе, происходивший из грузинского рода Чиковани, родился в 1874 г. в Дагестане. После Тифлисского Кадетского Корпуса он окончил Константиновское Пехотное Училище в Петербурге, был в 1894 г. произведен в офицеры, участвовал в Японской войне, получил боевое крещение и первые отличия. В 1910 г., уже капитаном, он окончил Академию Генерального Штаба. Во время Первой мировой войны он, в качестве начальника штаба Четвертой Кавказской Стрелковой Дивизии, участвовал в штурме Эрзерума, за что получил Георгия 4-ой степени. Революция застала его в чине генерал-майора. С образованием грузинского государства, он целиком посвятил себя созданию грузинского Военного училища. О его борьбе за национальную Грузию — вразрез с интернациональными стремлениями социал-демократической власти — и повествуют в основном его воспоминания. Генерал Квинитадзе скончался 7 августа 1970, 96 лет от роду, в парижском предместье Шату.

"Имя генерала Квинитадзе вошло в историю русской императорской армии как пример доблестного военачальника, а в историю Грузии — как истинного патриота, сохранившего дух и исторические традиции своей родины". (Кн. Теймураз Багратион-Мухранский).

ISBN 2-85065-070-6